

СТАТЬИ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ

1885 — 1889.

Характеръ человѣческаго знанія ¹⁾.

Есть руки у человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы?—Есть.

— Такъ ли?—Такъ.

По-вашему такъ. И по-моему такъ.

И продолжаемъ.

Сколько рукъ у того человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы?—Двѣ.

— Здравствуйте, господа.—Это вошелъ ученый, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ ученыхъ.—О чемъ разговариваете?

— Да вотъ о томъ, что у человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы, двѣ руки.

— По-вашему это такъ?

— По-нашему это такъ.

— Вы ошибаетесь, господа. Это не такъ.

— Не такъ? То какъ же?

— Вотъ какъ: человѣку, которому кажется, что обѣ руки у него цѣлы, кажется, что у него двѣ руки; и еслибъ ему было извѣстно, что у него есть руки, то у него было бы двѣ руки; но есть у него руки или нѣтъ, это неизвѣстно ему и не можетъ быть извѣстно не ему, ни кому изъ людей. Мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а самихъ предметовъ не знаемъ и не можемъ знать. Не зная предметовъ, мы не можемъ сличать съ ними наши представленія о нихъ; потому не можемъ знать, походятъ ли наши представленія о предметахъ на предметы. Быть можетъ походить; но быть можетъ, и не

¹⁾ Тѣ натурфилософскія умствованія, надъ которыми иронизируетъ и которыя опровергаетъ почтенный авторъ предлагаемой статьи, весьма распространены между современными натуралистами: ихъ раздѣляютъ и проповѣдуютъ даже авторитеты по естествознанію каковы, напр., знаменитые берлинскіе профессора Вирховъ и Дюбуа-Раймонъ (см. E. Dubois Reymond: *Ueber die Grenzen des Naturerkenntens—Die sieben Welt-räthsel.*—Virchow: *Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat*). Оба они громко вопіютъ о томъ, что человѣческой умъ слишкомъ зазнался, забылъ о своей ограниченности и дерзко берется за рѣшеніе такихъ великихъ вопросовъ, которые ему не подъ силу, которые вообще неразрѣшмы и вѣки останутся неразрѣшимыми. Дюбуа-Реймонъ въ своей брошюрѣ насчитываетъ такихъ вопросовъ священное число—7. Чтобы посбить спѣсь у человѣческаго ума, названные натуралисты силятся доказать, что человѣческой умъ ограниченъ, что его познанія крайне поверхностны, что онъ долженъ почтительно преклоняться передъ великими вопросами и смиренно отказаться отъ ихъ разрѣшенія. Если же какой-нибудь дерзкій умъ и берется за ихъ разрѣшеніе, то запутывается въ несообразностяхъ и безвыходныхъ противорѣчійхъ. Конечно, голоса такихъ ученыхъ, какъ вышеозначенные, не остались одинокими. Проповѣдуемая ими натурфилософскія идеи встрѣчены сочувственно многими и многими натуралистами. Вотъ противъ этихъ воззрѣній, между прочимъ весьма благопріятствующихъ спиритизму, и ратуетъ почтенный авторъ статьи. *Примѣчаніе Редакціи Русскихъ Вѣдомостей*, въ которыхъ была напечатана эта статья (1885, №№ 63 и 64).

походить. Если походить, то они — представления о действительно существующих предметах. Если не походить, то они — представления не о предметах, действительно существующих, а о предметах несуществующих. Которая из этих двух альтернатив соответствует факту, мы не знаем, и не можем знать. — Мы имеем представление о рукѣ. Следовательно, существует нечто, возбуждающее в нас представление о рукѣ. Но мы не знаем и не можем знать, сходно ли наше представление о рукѣ съ этимъ «нѣчто», возбуждающимъ его. Быть можетъ, сходно; въ такомъ случаѣ то, что мы представляемъ себѣ, какъ руку, действительно рука, и у насъ действительно есть руки. Но быть можетъ наше представление о рукѣ и не сходно съ действительно существующимъ нѣчто, къ которому мы относимъ его, въ такомъ случаѣ то, что мы представляемъ себѣ какъ руку, не существуетъ, и у насъ нѣтъ рукъ; вмѣсто рукъ у насъ есть какія-то группы чего-то, какія-то, не похожія на руки, группы чего-то невѣдомаго намъ, но рукъ у насъ нѣтъ; и достовѣрно объ этихъ группахъ чего-то лишь то, что ихъ двѣ. То, что ихъ двѣ, достовѣрно потому, что для каждаго изъ двухъ нашихъ представлений, каждое изъ которыхъ — особое представление объ особой рукѣ, должно быть особое основаніе: следовательно существованіе двухъ группъ чего-то не подлежитъ сомнѣнію. — Итакъ, есть у насъ руки, или нѣтъ, — вопросъ неразрѣшимый; мы знаемъ только, что если у насъ есть руки, то у насъ действительно двѣ руки, а если у насъ нѣтъ рукъ, то число группъ чего-то, существующихъ у насъ вмѣсто рукъ, тоже не какое нибудь иное число, а число два. Таково ученіе объ относительности человѣческаго знанія. Оно — основная истина науки. Вы теперь видите, господа, что научная истина такъ же далека отъ невѣжественнаго предубѣжденія, котораго держались вы, предполагая, будто бы намъ можетъ быть извѣстно, что у насъ есть руки, какъ и отъ фантазерства тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть рукъ. Эти ученые также называютъ свое схоластическое пустословіе ученіемъ объ относительности человѣческаго знанія. Но они философы, то есть, фантазеры, а не натуралисты. Ихъ ученіе — вздоръ, противорѣчащій естествознанію. Можемъ ли мы знать, что наши представленія о предметахъ не сходны съ предметами. когда мы знаемъ только наши представления о предметахъ, а самихъ предметовъ не знаемъ, то-есть не можемъ и слышать нашихъ представленийъ съ предметами? А то, что мы знаемъ лишь наши представленія о предметахъ, самихъ же предметовъ не знаемъ и не можемъ знать, это — основная истина науки, то-есть естествознанія.

Мой знакомый, какъ видите, натуралистъ.

Одинъ ли онъ натуралистъ такого образа мыслей, какъ онъ? — Вѣроятно. По крайней мѣрѣ было бы очень странно, если бы нашелся, кромѣ него, хоть еще одинъ натуралистъ, который признавалъ бы неразрѣшимый вопросъ о томъ, действительно ли есть руки у человѣка.

Я не знаю, почему другіе — если есть другіе — такіе натуралисты думаютъ объ этомъ вопросѣ одинаково съ моимъ знакомцемъ, но мой знакомецъ думаетъ такъ лишь потому, что самъ не понимаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что такое онъ думаетъ. Онъ любитъ пофилософствовать; но серьезно заниматься философіей ему нѣтъ времени, и онъ философствуетъ, какъ дилеттантъ. Онъ не подозреваетъ, что если философствовать съ его точки зрѣнія, то логика велитъ принять выводы тѣхъ философовъ, о которыхъ отзывается онъ такъ сурово. Изъ его основной мысли, что

мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а предметовъ не знаемъ, слѣдуетъ, что наши представленія о предметахъ не могутъ быть сходны съ предметами; она ведетъ къ этому потому, что сама она—лишь выводъ изъ отрицанія реальности человѣческаго организма. Пока не принято за истину отрицаніе существованія человѣческаго организма, логика не допускаетъ и самой постановки вопроса о томъ, знаемъ ли мы предметы; только когда признано за истину, что мы—не люди, что мы ошибаемся, воображая себя людьми, является вопросъ о томъ, можемъ ли знать предметы,—и логическій отвѣтъ будетъ: не можемъ.

Моему знакомому невѣдомо, что эти мысли находятся въ логической связи между собою. Только потому и невѣдомо ему, что онъ—простякъ, одураченный «фантазерами», о которыхъ отзывается онъ такъ свысока.

Довольно посмѣялись мы надъ моимъ—и вашимъ?—ученымъ знакомымъ, не знающимъ и не могущимъ знать, дѣйствительно ли есть руки у людей. Оставимъ его и поговоримъ о томъ, какъ произошло недоразумѣніе, по которому довольно многіе натуралисты воображаютъ, будто согласна съ естествознаніемъ отрицающая существованіе предметовъ естествознанія мысль, что человѣкъ не имѣетъ знанія о предметахъ, знаетъ только свои представленія о предметахъ.

Люди знаютъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, сколько хотѣлось бы и полезно было бы имъ знать; въ ихъ скудномъ знаніи очень много неточности; къ нему примѣшано много недостовернаго и, по всей вѣроятности, къ нему еще остается примѣшано очень много ошибочныхъ мнѣній. Отчего это? Оттого, что воспримчивость нашихъ чувствъ имѣетъ свои предѣлы, да и сила нашего ума не безгранична, то-есть—оттого, что мы люди, существа ограниченныя.

Эту зависимость человѣческихъ знаній отъ человѣческой природы принято у натуралистовъ называть относительностью человѣческаго знанія.

Но на языкѣ той философіи, которую мы будемъ называть иллюзионизмомъ, выраженію «относительность человѣческаго знанія» имѣетъ совершенно иной смыслъ. Оно употребляется какъ благовидный, не шокирующій профановъ терминъ для замаскированія мысли, что все наши знанія о внѣшнихъ предметахъ—не въ самомъ дѣлѣ знанія, а иллюзіи.

Перепутывая эти два значенія термина, иллюзионизмъ вовлекаетъ неосторожнаго профана въ привычку спутывать ихъ. И издавна убѣжденный въ истинѣ одного изъ нихъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что воображаетъ, будто бы давно ему думалось—не такъ ясно, какъ стало думаться теперь, но ужъ издавна довольно ясно—думалось, что наши представленія о внѣшнихъ предметахъ—иллюзія.

Натуралисту, читающему иллюзионистскій трактатъ съ довѣрчивостью къ добросовѣстности изложенія, тѣмъ легче поддаться этому обольщенію, что онъ по своимъ специальнымъ занятіямъ знаетъ: въ нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ вообще довольно велика примѣсь соображеній; софистическая аргументація ведетъ довѣрчиваго все къ большому и большому преувеличенію роли субъективнаго элемента въ чувственныхъ воспріятіяхъ, все къ большому и большому забвенію того, что не все чувственныя воспріятія подходятъ подъ классъ имѣющихъ въ себѣ примѣсь соображеній; забывать ему о нихъ тѣмъ легче, что въ своихъ специальныхъ занятіяхъ онъ и не имѣлъ повода присматриваться, примѣшанъ ли къ нимъ субъективный элементъ.

А быть довърчивымъ къ добросовѣстности изложенія натуралисту тѣмъ легче, что въ его специальной наукѣ всѣ авторы излагаютъ свои мысли безхитростно. Человѣку, привыкшему имѣть дѣло лишь съ людьми добросовѣстными, очень можно, и не будучи простякомъ, стать жертвою обмана, когда ему придется имѣть дѣло съ хитрецомъ.

Чтожь удивительнаго, если натуралистъ вовлечется въ теорію, принадлежащую иллюзіонизму? — Подвергнуться вліянію этой системы философіи тѣмъ извннательнѣе для подвергающихся ему, натуралистовъ ли, или не-натуралистовъ, что большинство ученыхъ, занимающихся по профессіи философіею, послѣдователи иллюзіонизма. Масса образованныхъ людей вообще расположена считать наиболѣе соотвѣтствующими научной истинѣ тѣ рѣшенія вопросовъ, какія приняты за истинныя большинствомъ специалистовъ по наукѣ, въ составъ которой входитъ изслѣдованіе этихъ вопросовъ. И натуралистамъ, какъ всѣмъ другимъ образованнымъ людямъ, мудро не поддаваться вліянію господствующихъ между специалистами по философіи философскихъ системъ.

Винить ли большинство специалистовъ по философіи за то, что оно держится иллюзіонизма? — Разумѣется, винить было бы несправедливо. Какой характеръ имѣетъ философія, господствующая въ данное время, это опредѣляется общимъ характеромъ умственной и нравственной жизни передовыхъ націй.

Итакъ, нельзя винить ни большинство философовъ нашего времени за то, что они иллюзіонисты, ни тѣхъ натуралистовъ, которые подчиняются вліянію иллюзіонизма, за то, что они подчиняются ему.

Но хоть и не виноваты философы-иллюзіонисты въ томъ, что они иллюзіонисты, все-таки надобно сказать, что ихъ философія—философія, противорѣчащая здравому смыслу; и о натуралистахъ, поддавшихся ея вліянію, надобно сказать, что мысли, заимствованныя ими изъ нея, умѣстны только въ ней, а въ естественнаніи совершенно неумѣстны.

Знаемъ-ли мы о себѣ, что мы люди?—Если знаемъ, то наше знаніе о существованіи чловѣческаго организма — прямое знаніе, такое знаніе, которое мы имѣемъ и безъ всякой примѣсы какихъ бы то ни было соображеній; оно— знаніе существа о самомъ себѣ. А если мы имѣемъ знаніе о нашемъ организмѣ, то имѣемъ знаніе и объ одеждѣ, которую носимъ, и о пищѣ, которую ѣдимъ, и о водѣ, которую пьемъ, и о пшеницѣ, изъ которой готовимъ себѣ хлѣбъ, и о посудѣ, въ которой готовимъ себѣ его, и о нашихъ домахъ, и о нивахъ, на которыхъ воздѣлываемъ пшеницу, и о лѣсахъ, кирпичныхъ заводахъ, каменоломняхъ, изъ которыхъ беремъ матеріалы для постройки своихъ жилищъ, и т. д. и т. д. Коротче сказать; если мы люди, то мы имѣемъ знаніе неисчислимаго множества предметовъ, — прямое, непосредственное знаніе ихъ, ихъ самихъ; оно дается намъ нашею реальною жизнью. Не все наше знаніе таково. У насъ есть свѣдѣнія, добытыя нами посредствомъ нашихъ соображеній; есть свѣдѣнія, полученные нами изъ рассказовъ другихъ людей или изъ книгъ. Когда эти свѣдѣнія достовѣрны, они также знаніе; но это знаніе не непосредственное, не прямое, а косвенное, не фактическое, а мысленное. О немъ можно говорить, что оно знаніе не самихъ предметовъ, а лишь представленій о предметахъ. Различіе прямого, фактического знанія отъ косвеннаго, мысленнаго, параллельно различію между реальною нашею жизнью и нашею мысленною жизнью.

Говорить, что мы имѣемъ лишь знаніе нашихъ представленій о предметахъ, а прямого знанія самихъ предметовъ у насъ нѣтъ, значитъ отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существованіе нашего организма. Такъ я дѣлаетъ иллюзионизмъ. Онъ доказываетъ, что у насъ нѣтъ организма, — нѣтъ и не можетъ быть.

Онъ доказываетъ это очень простымъ способомъ: примѣненіемъ къ дѣлу приѣмовъ средневѣковой схоластики. Реальная жизнь отбрасывается; вмѣсто изслѣдованія фактовъ, анализируются произвольно составленныя опредѣленія абстрактныхъ понятій; эти опредѣленія составлены фальшиво; въ результатѣ анализа оказывается, разумѣется, что они фальшивы; и опровергнуто все, что нужно было опровергнуть. Произвольное истолкованіе смысла выводовъ естественныхъ наукъ доставляетъ груды цитатъ, подтверждающихъ выводы анализа фальшивыхъ опредѣленій.

Это—схоластика. Новая форма средневѣковой схоластики. Тоже фантастическая сказка. Но сказка тоже связная и переполненная ученостью.

Разсказывается она такъ:

Существо, о которомъ намъ неизвѣстно ничего, кромѣ того, что оно имѣетъ представленія, составляющія содержаніе нашей мысленной жизни, мы назовемъ нашимъ «я».

Вы видите: реальная жизнь человѣка отброшена. Понятіе о человѣкѣ замѣнено понятіемъ о существѣ, относительно котораго намъ неизвѣстно, имѣетъ ли оно реальную жизнь.

Вы скажете: но если содержаніе мысленной жизни этого существа тождественно съ содержаніемъ мысленной жизни человѣка, то объ этомъ существѣ не можетъ не быть намъ извѣстно, что оно имѣетъ и реальную жизнь, потому что это существо—человѣкъ.

И да, и нѣтъ; оно человѣкъ, и оно не человѣкъ. Оно человѣкъ потому, что его мысленная жизнь тождественна съ человѣческой мысленною жизнью; но оно не человѣкъ, потому что о немъ неизвѣстно, имѣетъ ли оно реальную жизнь. Разумѣется, это двусмысленное опредѣленіе употребляется лишь для того, чтобы не съ перваго же слова ясно было, къ чему будетъ ведена аргументація. Сказать вдругъ, безъ подготовки: «мы не имѣемъ организма»—было бы не расчетливо; слишкомъ многіе отшатнулись бы. Потому на первый разъ надобно ограничиться двусмысленнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ лишь сквозь туманъ проглядываетъ возможность подвергнуть сомнѣнію, дѣйствительно ли существуетъ человѣческой организмъ. И впередъ все будетъ такъ: хитрости, подстановки разныхъ понятій подъ одинъ терминъ, всяческія уловки схоластической силлогистики. Но намъ довольно теперь пока и одного образца этихъ діалектическихъ фокусовъ. Чтобы изложить ученіе иллюзионизма коротко, разскажемъ его просто.

Анализируя наши представленія о предметахъ, кажущихся намъ существующими внѣ нашей мысли, мы открываемъ, что въ составѣ cadaго изъ этихъ представленій находятся представленія о пространствѣ, о времени, о матеріи. Анализируя представленіе о пространствѣ, мы находимъ, что понятіе о пространствѣ противорѣчитъ самому себѣ. То же самое показываетъ намъ анализъ представленій о времени и о матеріи: каждое изъ нихъ противорѣчитъ самому себѣ. Ничего противорѣчающаго самому себѣ не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Потому не можетъ существовать ничего подобнаго нашимъ представленіямъ о внѣшнихъ предметахъ. То, что представляется намъ какъ внѣшній міръ, — галлюцинація нашей

мысли; ничего подобного этому призраку не существуетъ въ нашей мысли и не можетъ существовать. Намъ кажется, что мы имѣемъ организмъ: мы ошибаемся, какъ теперь видимъ. Наше представленіе о существованіи нашего организма — галлюцинація, ничего подобного которой нѣтъ на самомъ дѣлѣ и не можетъ быть.

Это, какъ видите, фантастическая сказка, не больше. Сказка о несообразной съ дѣйствительностью умственной жизни небывалаго существа. Мы хотѣли рассказать ее какъ можно короче, думая, что длинныя фантастическія сказки не скучны лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ повѣствовались приключенія красавиць и прекрасныхъ юношей, преслѣдуемыхъ злыми волшебницами, покровительствуемыхъ добрыми волшебницами, и тому подобныя занимательныя вещи. А это — сказка о существѣ, въ которомъ нѣтъ ничего живаго, и вся сплетена изъ абстрактныхъ понятій. Такія сказки скучны, и тѣмъ короче пересказывать ихъ, тѣмъ лучше. Поэтому нашли мы достаточнымъ перечислить лишь важнѣйшія изъ понятій, анализируемыхъ въ ней. Но точно такъ же, какъ понятія о пространствѣ, времени и матеріи, анализируются въ ней другія абстрактныя понятія, — всякія, какія хотите, лишь бы очень широкаго объема; напримѣръ: движеніе, сила, причина. Приводимъ тѣ, которыя анализируются почти во всѣхъ плюзионистскихъ трактатахъ; ничто не мѣшаетъ точно такъ же анализировать и другія, какія захотите, отъ понятія «перемѣна» до понятія «количество». Анализъ по тому же способу дастъ тотъ же результатъ: «это понятіе» — какое бы то ни было, лишь бы широкое понятіе — «противорѣчить самому себѣ».

Мы попробуемъ, для курьеза, посмотрѣть, какой судьбѣ подвергаетъ этотъ приемъ пзслѣдованія истины таблицу умноженія.

Вы помните, ариѣметика говоритъ: «дробь, помноженная сама на себя, даетъ въ произведеніи дробь».

Извлекаемъ квадратный корень изъ числа 2. Получаемъ ирраціональное число. Оно — дробь.

Ариѣметика говоритъ: квадратный корень числа, перемноженный самъ на себя, даетъ въ произведеніи число, корень котораго онъ.

Итакъ, квадратный корень числа 2, перемноженный самъ на себя, даетъ въ произведеніи число 2, то есть: дробь, помноженная сама на себя, даетъ въ произведеніи цѣлое число.

Что изъ этого слѣдуетъ? — Понятіе объ умноженіи — понятіе, противорѣчащее самому себѣ, то есть оно плюзія, ничего сообразнаго съ которой нѣтъ и быть не можетъ. Никакого отношенія между числами, сколько нибудь сходнаго съ понятіемъ объ умноженіи, нѣтъ и быть не можетъ.

Замѣьте, о чемъ идетъ рѣчь. Уже не о томъ только, что ни въ какомъ перчаточномъ магазинѣ нѣтъ и не можетъ быть двухъ паръ перчатокъ. Съ этимъ вы ужь примирились, убѣдившись, что нѣтъ на свѣтѣ и не можетъ быть ни перчаточныхъ магазиновъ, ни перчатокъ. Но вы сохранили мнѣніе, что когда вы имѣете представленіе о двухъ парахъ перчатокъ, то вы имѣете представленіе о четырехъ перчаткахъ. Вы видите теперь, что вы ошибались. Ваша мысль, будто бы дважды два — четыре, мысль нелѣпая.

Хорошъ анализъ? — Вы скажете: превосходенъ; и было бы жаль, еслибъ надобно было прибавить къ этому, что онъ противорѣчитъ математикѣ, потому что въ такомъ случаѣ мы должны были бы признать его вздоромъ.

Помилуйте, напрасное опасеніе. Неужели жь мы назовемъ его противорѣчащимъ математикѣ?— Въ основаніе его мы взяли математическія истины, и въ выводѣ получили математическую истину. Мы разъяснили истинное значеніе умноженія: умноженіе— иллюзія. Это математическая истина.

Таковы всѣ анализы, даваемые схоластикомъ, называющагося иллюзионизмомъ. И таково согласіе результатовъ его анализовъ съ математикомъ. У него свои особенныя математическія истины, потому онъ во всемъ согласенъ съ математикомъ. Противорѣчить ей!— возможно ли?— никогда! Она подтверждаетъ все въ немъ. Онъ опирается на нее.

Онъ получаетъ свои математическія истины тѣмъ же способомъ, какимъ удалось намъ доказать, что таблица умноженія— вздоръ, которому не могутъ соответствовать никакія отношенія между числами. Какимъ способомъ устроили мы этотъ выводъ, вполне согласный съ математикомъ? — Очень просто: мы исказили понятіе о квадратномъ корнѣ, объявивъ, что та дробь— квадратный корень числа 2. Арифметика говоритъ, что мы не можемъ извлечь квадратнаго корня изъ числа 2; не можемъ получить числа, которое, будучи перемножено само на себя, давало бы въ произведеніи число 2; мы можемъ лишь формировать рядъ чиселъ, каждое изъ которыхъ, начиная со втораго, будучи перемножено само на себя, даетъ въ произведеніи число, болѣе близкое къ числу 2, чѣмъ давало, будучи перемножено само на себя, предшествовавшее число того ряда чиселъ. И если которое нибудь изъ этого ряда чиселъ арифметика называетъ въ какомъ нибудь данномъ случаѣ «квадратнымъ корнемъ числа 2», то она объясняетъ, что употребляетъ это выраженіе лишь для краткости, вмѣсто длиннаго точнаго выраженія: «это число будучи перемножено само на себя, даетъ въ произведеніи дробь, настолько близкую къ числу 2, что для даннаго случая эта степень приближенія достаточна съ практической точки зрѣнія». Мы отбросили это объясненіе истиннаго смысла выраженія «квадратный корень числа 2», дали смыслъ противоположный истинному его смыслу,—и этимъ способомъ приобрѣли «математическую истину», которая и дала намъ выводъ, что между числами не можетъ быть никакого отношенія, сколько нибудь подобнаго понятію объ умноженіи, — выводъ, тоже составляющій математическую истину.

Отрицать математику! въ наше время! Нѣтъ, въ наше время это невозможно. Это могла дѣлать средневѣковая схоластика. Но ни анализъ понятія объ умноженіи, сдѣланный нами по правиламъ анализовъ, какія даетъ иллюзионизмъ, ни какой изъ этихъ анализовъ не отрицаетъ математику. Напротивъ иллюзионизмъ опирается на математическія истины, и его выводы согласны съ математикомъ, подобно нашему анализу понятія объ умноженіи и выводу изъ этого анализа.

Математика — о! — это основная наука всѣхъ наукъ; иллюзионизмъ не можетъ не опираться на нее. Онъ любитъ опираться на нее. Его анализы, подтверждаемые истинами и всѣхъ другихъ наукъ, опираются основнымъ образомъ на математику. Онъ пользуется множествомъ математическихъ истинъ. И особенно любитъ двѣ изъ нихъ. Полезны ему и всѣ другія его математическія истины. Но особенно полезны эти двѣ, особенно любимыя имъ. На нихъ основаны важнѣйшіе его анализы,—анализы понятій о пространствѣ, о времени, о матеріи.

Первая изъ нихъ: «понятіе о безконечномъ дѣленіи,—понятіе, котораго мы не можемъ мыслить».

Это математическая истина. Какимъ же образомъ въ математикѣ безпрестанно попадаются соображенія, основанныя на понятіи о бесконечной дѣлимости чиселъ? И, напримѣръ, что же такое прогрессіи съ неизмѣннымъ числителемъ и постоянно возрастающимъ знаменателемъ? Математика не только говоритъ о нихъ, какъ о прогрессіяхъ, которыя можно и надобно понимать, но и умѣетъ суммировать многіе разряды ихъ.

Вторая изъ наиболѣ любимыхъ иллюзионизмомъ математическихъ истинъ: «пониманіе бесконечнаго ряда превышаетъ силы нашего мышленія».

Но что же такое, напримѣръ, тѣ «сходящіяся» геометрическія прогрессіи, суммированію которыхъ очень легко выучиться, какъ ни бесконечны ряды? Если мы можемъ даже суммировать ихъ, то вѣроятно можемъ же понимать?—Но и изъ тѣхъ бесконечныхъ рядовъ, сумма которыхъ превышаетъ всякую опредѣленную величину, очень многіе совершенно понятны, не то что при большихъ, но и при очень скромныхъ свѣдѣніяхъ въ математикѣ. Напримѣръ, бесконечный рядъ

$$1, 2, 3, 4...$$

понятенъ всякому, выучившемуся нумераціи. Еще проще понять бесконечный рядъ

$$1 + 1 + 1 + 1 + 1...$$

Чтобы понять его, достаточно узнать значеніе цифры 1 и знака +, такъ что легко понимать его и человѣку, не успѣвшему ознакомиться ни съ какими цифрами, кромѣ единицы. А сумма того ли другаго ли изъ этихъ рядовъ превышаетъ всякую данную величину.

И добро бы тѣ ряды, пониманіе которыхъ иллюзионизмъ провозглашаетъ превышающимъ силы человѣческаго мышленія, были изъ числа рядовъ, пониманію которыхъ невозможно безъ пониманія какихъ-нибудь формулъ, непонятныхъ людямъ, не изучавшимъ высшую математику. Нѣтъ, дѣло идетъ о рядахъ, понимаемыхъ всеми грамотными людьми. Та математическая истина, что человѣчeskій умъ не въ силахъ понимать бесконечную дѣлимость, провозглашается по поводу вопроса, — понятна ли человѣку простѣйшая изъ сходящихся геометрическихъ прогрессій, понимать и суммировать которыя научаетъ всехъ желающихъ арифметика; дѣло тутъ идетъ о прогрессіи

$$1, \frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}.....$$

Этого ряда чиселъ не въ силахъ мыслить человѣчeskій умъ. А вторая, математическая истина, говорящая, что пониманіе бесконечныхъ рядовъ превышаетъ силы человѣческаго мышленія, говоритъ это по поводу простѣйшаго изъ рядовъ чиселъ, формируемыхъ чрезъ сложеніе, о рядѣ чиселъ, съ неистижимостью котораго мы ужъ ознакомились:

$$1 + 1 + 1 + 1 + 1...$$

Да, объ этихъ двухъ рядахъ чиселъ, — объ этихъ, именно объ этихъ, математическая истина говоритъ, что пониманіе ихъ превосходитъ силы человѣческаго мышленія.

Какую-жь надобность имѣетъ математическая истина говорить это? — А извольте читать:

«Понятіе о пространствѣ требуетъ мыслить о пространствѣ какъ о дѣлимомъ до безконечности и какъ о безграничномъ. Мыслить безконечную дѣлимость нашъ умъ не можетъ; это превышаетъ силы человѣческаго мышленія. А мыслить безграничность, значить мыслить безконечный рядъ, образуемый сложениемъ конечныхъ величинъ; это также превышаетъ силы человѣческаго мышленія. Итакъ, понятіе о пространствѣ требуетъ, чтобы нами было мыслимо то, чего мы не можемъ мыслить; всякая наша попытка мыслить понятіе о пространствѣ—попытка мыслить невысказанное. Изъ этого ясно, что понятіе о мышленіи—понятіе, противорѣчащее самому себѣ, то-есть иллюзія нашего мышленія, и что нѣтъ и не можетъ быть ничего сообразнаго съ этою иллюзіею».

Анализъ, какъ видите, очень хорошій,—ни чѣмъ не хуже нашего анализа понятія объ умноженіи. Математическая истина очень любитъ такіе анализы. Сильно нравится ей и этотъ. А если бы мы могли мыслить рядъ дробей, о которомъ мы говорили, и мыслить рядъ слагаемыхъ единицъ, то мы нашли бы этотъ прекрасный анализъ понятія о пространствѣ—фальшивымъ пустословіемъ, противорѣчащимъ ариѳметикѣ. Потому-то математическая истина и говоритъ, что нашъ умъ не можетъ не формировать какой бы то ни было-бы геометрической прогрессіи, ни мыслить сложения. Вы видите, она говоритъ это по надобности. А вы думали,—по капризу. Не хорошо вы думали, не хорошо.

Анализъ понятія о времени иллюзионизмъ производитъ буквальнымъ повтореніемъ своего анализа понятія о пространствѣ, лишь съ подстановкою соответствующихъ терминовъ; поставьте слово «время» на мѣсто слова «пространство» и слово «вѣчность» вмѣсто слова «безграничность» — и будетъ готово: понятіе о времени — иллюзія; ничего сообразнаго съ этою иллюзіею нѣтъ и не можетъ быть.

Понятія о движеніи, о матеріи сами собой исчезаютъ изъ нашего мышленія, когда изъ него исчезли понятія о пространствѣ и времени, такъ что для ихъ изгнанія изъ нашихъ мыслей пожалуй и не нужно было-бъ особыхъ анализовъ. Но иллюзионизмъ щедръ: онъ даетъ намъ и особый анализъ понятія о движеніи, и особый анализъ понятія о матеріи, и анализы понятій о силѣ, о причинѣ, — все это на основаніи математической истины, на основаніи тѣхъ же самыхъ заявленій ея, которыя разрушили наши понятія о пространствѣ и времени, или какихъ-нибудь другихъ такихъ же заявленій, — всякихъ, какихъ угодно ему: математическая истина такъ любитъ его анализы, что съ удовольствіемъ говоритъ все надобное для составленія ихъ.

Математическая истина поступаетъ похвально, дѣлая такъ. Но откуда берется у нея сила на это? Отрицать ариѳметику — такое дѣло, на которое математическая истина, разумѣется, не можетъ имѣть достаточныхъ собственныхъ талантовъ. Очевидно, что она почерпаетъ ресурсы на это изъ какой-нибудь другой истины, глубже ея проникающей въ тайны схоластической премудрости. И легко догадаться, изъ какой именно истины заимствуетъ она силу говорить все, что нужно иллюзионизму. Математика лишь примѣненіе законовъ мышленія къ понятіямъ о количествѣ, геометрическомъ тѣлѣ и т. д. Она лишь одинъ изъ видовъ прикладной логики. И такъ, ея сужденія находятся подъ властью логической истины. А логическую истину иллюзионизмъ безпрепятственно изобрѣтаетъ самъ, какую хочетъ. Схоластика, это по преимуществу—діалектика. Иллюзионизмъ чувствуетъ

себя полнымъ хозяиномъ логики: «законы нашего мышленія» — эти слова умѣть онъ припутать ко всякой мысли, какую хочет онъ выдать за логическую истину. И этимъ онъ импонируетъ; въ этомъ его сила, — въ умѣнн дробить и соединять абстрактныя понятія, плести и плести силлогистическія путаницы, въ которыхъ теряется человѣкъ, непривычный къ распутыванію діалектическихъ хитросплетеній.

«Человѣческое мышленіе — мышленіе существа ограниченнаго; потому оно не можетъ вмѣщать въ себѣ понятіе о безконечномъ. Такъ говорятъ логика. Изъ этого ясно, что понятіе о безконечномъ — понятіе, превышающее силы нашего мышленія».

Математическая истина не можетъ противорѣчить логической.

И въ эту ловушку, устроенную иллюзионизмомъ изъ перепутыванія незнакомаго математикѣ понятія объ онтологическомъ безконечномъ съ математическимъ понятіемъ о безконечномъ, попадаются люди, хорошо знающіе математику, даже первоклассные спеціалисты по ней, и, попавшись въ ловушку, стараются воображать, будто бы въ самомъ дѣлѣ есть какая-то истина въ увѣреніи иллюзионизма, что математическая истина одинаково съ логическою, — говорящею вовсе не о томъ, — требуетъ признанія неспособности человѣческаго мышленія охватывать математическое понятіе о безконечномъ.

Иллюзионизмъ любитъ математику. Но онъ любитъ и естествознаніе.

Его анализы основныхъ понятій естествознанія, превращающіе въ миражъ всѣ предметы естествознанія, основываются на истинахъ логики и математики; но его выводы изъ его анализовъ подтверждаются истинами естествознанія. Онъ очень уважаетъ истины естествознанія — точно такъ же, какъ истины логики и математики. Потому-то всѣ естественныя науки и подтверждаютъ его выводы. Физика, химія, зоологія, фізіологія, въ признательность за его уваженіе къ ихъ истинамъ, свидѣтельствуютъ ему о себѣ, что онѣ не знаютъ изучаемыхъ имъ предметовъ, знаютъ лишь наши представленія о дѣйствительности, не могущія быть похожими на дѣйствительность, — что онѣ изучаютъ не дѣйствительность, а совершенно несообразныя съ нею галлюцинаціи нашего мышленія.

Но что же такое эта система превращенія нашихъ знаній о природѣ въ миражъ посредствомъ миражей схоластической силлогистики? Неужели же приверженцы иллюзионизма считаютъ его системою серьезныхъ мыслей? — Есть между ними и такіе чудаки. Но огромное большинство сами говорятъ, что ихъ система не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Не этими словами говорятъ, само-собою разумѣется, но очень ясными словами, приблизительно, такими:

Философская истина — истина собственно философская, а не какая нибудь другая. Съ житейской точки зрѣнія, она не истина и съ научной точки зрѣнія — тоже не истина.

То-есть: имъ нравится фантазировать. Но они помнятъ, что они фантазируютъ.

И разстанемся съ ними.

Наши знанія — человѣческія знанія. Познавательныя силы человѣка ограничены, какъ и всѣ его силы. Въ этомъ смыслѣ слова, характеръ нашего знанія

обуславливается характером наших познавательных сил. Будь органы наших чувств болѣе воспримчивы и нашъ разумъ болѣе силенъ, мы знали бы больше, нежели знаемъ теперь, и, разумѣтся, нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ нашихъ знаній видоизмѣнились бы, если бы наши знанія были обширнѣе нынѣшнихъ. Расширеніе знаній вообще сопровождается видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ прежняго запаса ихъ. Исторія наукъ говоритъ, что очень многія изъ прежнихъ знаній видоизмѣнились, благодаря тому, что теперь мы знаемъ больше, чѣмъ знали прежде.

Такъ. Но не остановимся-жъ на заимствованіи изъ исторіи наукъ неопредѣленнаго выраженія: «расширеніе знаній сопровождается видоизмѣненіемъ ихъ». Позаботимся ознакомиться съ нею побольше; посмотримъ, какія-жъ черты знаній видоизмѣняются отъ расширенія знаній. Мы увидимъ, что существенный характеръ фактическихъ знаній остается неизмѣннымъ, каково бы ни было расширеніе ихъ. Возьмемъ, для примѣра, исторію расширенія знаній о водѣ.

Термометръ далъ намъ знанія о томъ, при какомъ именно повышеніи температуры вода закипаетъ, при какомъ именно пониженіи замерзаетъ. Прежде мы не знали этого. Въ чемъ состоятъ видоизмѣненія нашихъ прежнихъ знаній, произведенныя этими новыми знаніями?—Прежде мы знали только, что когда вода закипаетъ—она очень согрѣлась, а когда замерзаетъ, то очень остыла. Неопредѣленныя понятія, выражаемые словами «вода закипаетъ, очень согрѣвшись, а замерзаетъ, очень охладившись», перестали-ли быть вѣрны? — Они остались правдою. Новыя знанія видоизмѣнили ее лишь тѣмъ, что дали ей опредѣленность, которой не имѣла она. Химія дала намъ знаніе совершенно новое: вода—соединеніе кислорода съ водородомъ. Объ этомъ не было у насъ вовсе никакого знанія, хотя-бъ и самаго неопредѣленнаго. Но перестала-ль вода быть водою оттого, что мы узнали ее происхожденіе, о которомъ прежде не знали совершенно ничего? Вода и теперь все та же самая вода, какою была до этого открытія. И всѣ тѣ знанія о водѣ, какія были у насъ до него, остались вѣрны и послѣ него. Видоизмѣненіе ихъ ограничилось тѣмъ, что къ нимъ присоединилось опредѣленіе состава воды.

Есть дикари, не знающіе льда и снѣга. И быть можетъ еще остаются дикари, не умѣющіе кипятить воду и, быть можетъ, не догадывающіеся, что туманъ—водяной паръ. Если такъ, то существуютъ люди, знающіе лишь одно изъ трехъ состояній воды,—капельножидкое,—не имѣющіе знанія, что она бываетъ и твердымъ тѣломъ, и тѣломъ газообразнымъ. Но то, что знаютъ они о водѣ въ единственномъ извѣстномъ имъ состояніи, ея—ошибочное ли знаніе?—Вода, пока она не ледъ или снѣгъ и не паръ, а вода въ тѣсномъ смыслѣ слова, — та самая вода, которую знаютъ они. И ихъ знанія о водѣ—знанія вѣрныя... очень скудныя, но вѣрныя.

И отъ какого расширенія нашихъ знаній, о водѣ ли, или о чемъ бы то ни было иномъ, измѣнились бы тѣ свойства воды, которыя мы знаемъ? Продолжала-ли бы вода при обыкновенной температурѣ оставаться жидкостью, какъ теперь, каково бы ни было расширеніе нашихъ знаній? Или расширеніе нашихъ знаній перемѣнитъ этотъ фактъ? Удѣльный вѣсъ воды при данной температурѣ измѣняется ли отъ нашего знанія о немъ ли, о чемъ ли иномъ? Пока мы не умѣли опредѣлять, онъ былъ тотъ же самый; теперь мы умѣемъ опредѣлять его съ довольно большою точностью, но не вполне точно; что можетъ дать намъ относительно его какое бы то ни было расширеніе нашихъ знаній? Оно можетъ дать намъ

лишь болѣе точное опредѣленіе того же самаго, что и теперь мы знаемъ съ довольно большою точностью.

Мы—существа, способными ошибаться, и каждому изъ насъ очень часто случается въ житейскихъ дѣлахъ ошибаться. Потому каждый разсудительный человѣкъ знаетъ, что въ житейскихъ дѣлахъ надобно всматриваться и вдумываться, когда желаешь не надѣлать слишкомъ много, слишкомъ грубыхъ ошибокъ. То же самое и въ научныхъ дѣлахъ. Потому въ каждой специальной наукѣ выработаны правила осторожности, какія нужны въ частности для нея. Кромѣ того есть особая наука, логика, говорящая о правилахъ осторожности, соблюдать которыя надобно во всѣхъ научныхъ дѣлахъ. Но какъ бы хороши ни были правила и какъ бы усердно ни старались мы соблюдать ихъ, все-таки мы остаемся существами, всѣ способности которыхъ ограничены, ограничена и способность избѣгать ошибокъ. Потому при всей возможной заботливости добросовѣстныхъ изслѣдователей истины различать достовѣрное отъ недостовѣрнаго, всегда оставалась и теперь безспорно остается въ человѣческихъ знаніяхъ ускользнувшая отъ вниманія изслѣдователей примѣсь недостовѣрнаго и ошибочнаго.

Она остается. И чтобъ уменьшать ее, ученые должны подвергать провѣркѣ всѣ тѣ знанія, относительно которыхъ есть хоть малѣйшая возможность разумнаго сомнѣнія, вполнѣ ли достовѣрны они.

Того требуетъ разумъ. Присмотримся повнимательнѣе, какъ можно внимательнѣе къ этому его требованію.

Предположимъ, что взрослый человѣкъ, любознательный, но не имѣвшій случая выучиться ариѳметикѣ, находитъ наконецъ возможность начать учиться ей и понемножку добирается до таблицы умноженія. Что надобно сказать о немъ, если онъ рѣшитъ, что не долженъ принимать ее за истину безъ провѣрки?—Его рѣшеніе разумно. Вы, если подойдете къ нему, когда онъ считаетъ, дѣйствительно ли выходить по счету на камешкахъ или горошинахъ тѣ цифры, которыя напечатаны въ клѣточкахъ таблицы умноженія, вы назовете его за это человѣкомъ умнымъ.— Но онъ провѣрилъ таблицу. Всѣ цифры въ ней вѣрны. Что теперь посоветуете вы ему?—Снова приняться за провѣрку таблицы, провѣренной имъ?—Онъ осмѣялъ бы васъ, и былъ бы правъ.—Разумъ требуетъ отъ учащагося ариѳметикѣ, чтобъ онъ провѣрилъ таблицу умноженія. Но когда онъ разъ провѣрилъ ее, разумъ говорить ему: «Для тебя она остается неподлежащею ни малѣйшему сомнѣнію на всю твою жизнь».

И всѣ ли клѣточки таблицы умноженія велитъ разумъ провѣрять тому, кто учится ариѳметикѣ?—Если бы вы спросили у взрослого неглупаго человѣка, котораго застали за тою провѣркою таблицы умноженія, съ первой ли клѣточки началъ онъ провѣрку, онъ отвѣчалъ бы вамъ: «въ первой клѣточкѣ напечатано, что однажды одинъ—одинъ; тутъ нечего провѣрять; и во всемъ томъ рядѣ клѣточекъ, гдѣ поставлены цифры, соответствующія умноженію на единицу, тоже нечего провѣрять. Въ слѣдующихъ рядахъ иное дѣло: въ нихъ провѣрка необходима. Но ту клѣточку, въ которой напечатано, что дважды два—четыре, я оставилъ безъ провѣрки: мнѣ ужъ прошла надобность провѣрять ее; эту цифру я ужъ давно выучился знать, безъ книги; провѣрка этой цифры сдѣлана мною давно, давно, и повторять провѣрку ея теперь — было бы глупо мнѣ». — Если бы вы сказали: «Напрасно ты положился на свою память» — правы были-ль бы вы?

Осмотрительность необходима. Но и осмотрительности есть разумный предѣлъ. Такъ говорить разумъ о житейскихъ дѣлахъ. Разумность сомнѣнія имѣеть свои предѣлы и въ наукѣ, какъ въ жизни.

Вы пишете письмо, довольно длинное. Вы кончили его. Вы прочитываете его, всматриваясь, не сдѣлали-ль какія нибудь описки; поправляете, какія замѣтите. Не перечитать ли еще разъ? — Если оно длинно, то не бесполезно. — Но, быть можетъ, и послѣ втораго просмотра остались, и послѣ третьяго останутся какія нибудь незамѣченные вами описки? — Очень можетъ быть. И хотя бы перечитали двадцать, тридцать разъ, все-таки могутъ остаться ускользнувшими какія нибудь описки: письмо длинно. Но и не перечитывать же вамъ его хоть бы десять, не то что тридцать разъ. Что жъ вы дѣлаете? — Письмо длинно. И, пожалуй, каждое слово въ немъ важно. Пусть каждое. Но существенное значеніе имѣютъ лишь нѣсколько словъ. Всѣ остальные, какъ бы ни были важны, ничтожны передъ важностью этихъ немногихъ. — И, просмотрѣвъ письмо разъ, много два, вы всматриваетесь въ эти немногія слова, только въ эти немногія. Ихъ немного. Въ нихъ не очень трудно всмотрѣться очень хорошо. И вы, если вы человѣкъ съ обыкновенною, — лишь бы съ обыкновенною, и того довольно, — силою человѣческой внимательности, — спокойно можете сказать себѣ: «довольно», и вложить письмо въ конвертъ; вы знаете, хорошо знаете, что въ существенныхъ словахъ нѣтъ описки; а если и осталось не замѣчено вами нѣсколько описокъ въ остальномъ, длинномъ, то сущность письма не въ этомъ остальномъ, хоть оно и велико по количеству строкъ, и если что нибудь въ этомъ остальномъ длинномъ и ошибочно, нѣтъ большой бѣды въ томъ. Такъ ли велитъ разумъ поступать въ житейскихъ дѣлахъ? И такъ ли велитъ онъ думать о разныхъ степеняхъ сомнительности разныхъ частей ихъ состава? И не говоритъ ли онъ, что даже въ житейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ, по многочисленности ихъ состава, не можемъ мы ручаться за совершенную достовѣрность всѣхъ частей, бываютъ части совершенно достовѣрныя?

А что, если все письмо состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ? А что, если только изъ одного, коротенькаго? Напримѣръ, если вы написали письмо, которое все состоитъ лишь въ слѣдующихъ словахъ: «здоровъ ли ты»? — Трудно будетъ вамъ написанное вами разсмотрѣть такъ хорошо, что вашъ разумъ рѣшитъ: описки тутъ нѣтъ, отсутствіе описокъ вполне достовѣрно? трудно сдѣлать такую хорошую провѣрку такого короткаго письма? — А если вы, самъ получивъ письмо, состоящее изъ одного вопроса, здоровы ли вы, отвѣчаете на него письмомъ, состоящимъ изъ одного слова «да», — то очень мудро будетъ вамъ вполне изучить написанное вами до такой степени, что не останется для васъ возможности сколько нибудь разумнаго сомнѣнія въ отсутствіи описокъ?

Это о житейскихъ дѣлахъ. Въ нихъ разумъ велитъ намъ быть осмотрительными, но и ставить нашей осмотрительности границы, переходя которыя она изъ разумной осмотрительности превращается въ глупость.

А въ дѣлахъ науки разумъ развѣ теряетъ права, принадлежащая ему въ дѣлахъ жизни?

Не будемъ говорить о томъ, допускаетъ ли разумъ возможность сомнѣнія въ математическихъ знаніяхъ, какія мы приобретаемъ. Это — абстрактныя знанія. Будемъ говорить лишь о конкретныхъ знаніяхъ, о которыхъ исключительно и

думаютъ разсудительные ученые, когда говорятъ о томъ, достовѣрны ли наши знанія.

Пока ученый, расположенный восхищаться силою человѣческаго разума подвергать своему суду все, или, наоборотъ, расположенный печалиться о слабости нашихъ познавательныхъ способностей, забываетъ о скромной истинѣ въ увлеченіи эффектными внушеніями горячаго чувства, ему легко писать безоговорочныя тирады о томъ, что всѣ наши знанія могутъ быть подвергаемы сомнѣнію. Но это будетъ игра разгоряченной фантазіи, а не что-нибудь разсудительное. Лишь начнемъ хладнокровно пересматривать содержаніе какой-нибудь области научнаго знанія, — какой бы то ни было, — мы безпрестанно будемъ находить въ ней такія знанія, о которыхъ разумъ образованнаго человѣка рѣшаетъ: «въ совершенной достовѣрности этого свѣдѣнія тебѣ нельзя сомнѣваться, не отрекаясь отъ имени разумнаго существа».

Возьмемъ для примѣра одну изъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ примѣсь недостовѣрнаго наиболѣе велика, — исторію.

«Аѳиняне побѣдили персовъ при Мараонѣ» — достовѣрно ли это или сомнительно? — «Греки побѣдили персовъ при Саламинѣ»; «греки побѣдили персовъ при Платеѣ» — и т. д., и т. д., — возможно ли образованному человѣку имѣть хотя малѣйшее сомнѣніе въ достовѣрности этихъ его знаній, сформулированныхъ этими простыми, краткими словами? — Подробности нашихъ свѣдѣній, напр., о мараонской битвѣ, могутъ и должны быть предметомъ провѣрки, и многія изъ нихъ, кажущіяся очень достовѣрными, могутъ оказаться или сомнительными, или невѣрными. Но сущность знанія о мараонской битвѣ уже давно провѣрена каждымъ образованнымъ человѣкомъ, провѣрена его чтеніемъ не то что лишь рассказовъ собственно объ этой битвѣ, а всѣмъ его чтеніемъ, всѣми его разговорами, всѣми его знаніями о жизни цивилизованнаго міра, — не прошлой только, но, главное, нынѣшней жизни цивилизованнаго міра, — той жизни, въ которой фактически участвуетъ онъ самъ. Если бы не было мараонской битвы и если бы не побѣдили въ ней аѳиняне, весь ходъ исторіи Греціи былъ бы иной, весь ходъ всей слѣдующей исторіи цивилизованнаго міра былъ бы иной и наша нынѣшняя жизнь была бы иная; результатъ мараонской битвы — одинъ изъ очевидныхъ для образованнаго человѣка факторовъ нашей цивилизаціи.

А къ такимъ крупнымъ фактамъ примыкаютъ факты, достовѣрность которыхъ непоколебимо опирается на ихъ достовѣрность.

И что же такое оказывается относительно нашихъ историческихъ знаній? Въ составѣ ихъ безспорно находится много, очень много свѣдѣній недостовѣрныхъ, очень много ошибочныхъ сужденій; но есть въ ихъ составѣ такія знанія, достовѣрность которыхъ для каждаго образованнаго человѣка такъ непоколебима, что онъ не можетъ подвергать ихъ сомнѣнію не отрекаясь отъ разума.

Разумѣется, то, что разумъ говоритъ объ историческихъ знаніяхъ, говоритъ онъ и о всякихъ другихъ конкретныхъ знаніяхъ.

Провѣрены или нѣтъ для каждаго образованнаго человѣка его жизнью въ образованномъ обществѣ тѣ его знанія, что въ Англіи есть городъ Лондонъ, во Франціи есть городъ Парижъ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки есть городъ Нью-Йоркъ, и т. д. и т. д., о сотняхъ и сотняхъ городовъ? Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ бывалъ онъ самъ и теперь живетъ или бываетъ въ какомъ-нибудь изъ

нихъ. Во множествѣ другихъ, онъ никогда не бывалъ; но допускаетъ ли его разумъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ достовѣрности его знанія, что дѣйствительно существуютъ и эти сотни городовъ, существованіе которыхъ извѣстно ему лишь по рисункамъ, книгамъ, разговорамъ?

И кончимъ вопросами: четыре ли ноги у лошади? Существуютъ ли львы и тигры? Орлы—птицы это, или нѣтъ? Умѣетъ ли пѣть соловей?—Маленькій ребенокъ можетъ не имѣть достовѣрныхъ отвѣтовъ на эти вопросы; но въ образованномъ обществѣ—лишь очень маленькій ребенокъ; десятилѣтній ребенокъ, живущій въ образованномъ обществѣ, не только давнымъ давно приобрѣлъ эти знанія, но и давнымъ давно переросъ возможность подвергнуть, не отрекаясь отъ разума, хоть малѣйшему сомнѣнію достовѣрность ихъ.

Разумъ подвергаетъ провѣркѣ все. Но у cadaго образованнаго человѣка есть множество знаній, которыя ужъ провѣрены его разумомъ и оказались по провѣркѣ не могущими подлежать для него ни малѣйшему сомнѣнію, пока онъ останется человѣкомъ здраваго разсудка.

Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь.

(Предисловіе къ нѣкоторымъ трактатамъ по ботаникѣ, зоологіи и наукамъ о человѣческой жизни. ¹⁾).

Вредно или полезно вредное? — вопросъ, какъ видите, головоломный. Потому ошибиться въ выборѣ между двумя рѣшеніями его очень легко.

Этимъ и объясняется то, что почтенные авторы трактатовъ, предисловіе къ которымъ пишу я, держатся теории благотворности такъ называемой борьбы за жизнь.

Своимъ основаніемъ они имѣютъ мысль блистательную въ логическомъ отношеніи: «вредное полезно».

Въ какомъ отношеніи къ фактамъ неизбѣжно должна находиться теорія, основанная на нелѣпости? Выводы изъ нелѣпости нелѣпы; ихъ отношеніе къ фактамъ — непримиримое противорѣчіе.

Теорія благотворности борьбы за жизнь противорѣчитъ всѣмъ фактамъ каждаго отдѣла науки, къ которому прилагается, и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ всѣмъ фактамъ тѣхъ отдѣловъ ботаники и зоологіи, для которыхъ была придумана и изъ которыхъ расплзлась по наукамъ о человѣческой жизни.

Она противорѣчитъ смыслу всѣхъ разумныхъ житейскихъ трудовъ человѣка и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ смыслу всѣхъ фактовъ сельскаго хозяйства, начиная съ первыхъ заботъ дикарей объ охраненіи прирученныхъ ими животныхъ отъ страданій голода и другихъ бѣдствій и съ первыхъ усилій ихъ разрыхлять заостренными палками почву для посѣва.

Изъ какихъ же матеріаловъ сплетена эта теорія, противорѣчащая всѣмъ житейскимъ и научнымъ знаніямъ, и какимъ процессомъ мышленія приплетена къ наукѣ? Свѣдѣнія объ этомъ добродушно сообщилъ публикѣ составитель ея; съ

¹⁾ *Русская Мысль* нѣсколько разъ помѣщала статьи въ разъясненіе и защиту эволюціонной теории отъ одностороннихъ на нее нападеній. Въ нашемъ обществѣ, однако, продолжаютъ иногда смѣшивать эту плодотворную научную теорію съ попытками сѣзуть ея смыслъ и значеніе, съ стремленіемъ доказывать, что эволюція (трансформизмъ) обусловливается исключительно борьбою за существованіе, которая будто бы всегда благотворна, всегда ведетъ къ прогрессу. Въ виду такого смѣшенія понятій, редакция *Русской Мысли* сочла своимъ долгомъ дать мѣсто статьѣ писателя *Старого трансформиста*, какъ онъ на этотъ разъ подписался. *Примѣчаніе Редакции Русской Мысли*, въ которой была помѣщена эта статья (1888, Сент.).

идиллическою наивностью, рѣдкою въ наши времена и тѣмъ болѣе умилительною, повторяютъ ихъ многіе изъ почтенныхъ авторовъ, къ трактатамъ которыхъ пишу я предисловіе. Въ невинности души своей они не подозрѣваютъ, какую грустную исторію жалкихъ недоразумѣній пересказываютъ.

Къ повторяемымъ ими указаніямъ его на клочки мыслей, послужившихъ матеріалами для сплетенія этой теоріи, я присоединю изложеніе оставшагося неизвѣстнымъ или непонятнымъ и для нихъ, какъ для него, смысла той доктрины, изъ состава которой вырванъ лоскутъ, послужившій основой теоріи благотворности борьбы за жизнь.

Это ученіе имѣетъ публицистическій характеръ. Для правильнаго пониманія произведеній публицистики надобно знать историческія обстоятельства, при которыхъ возникли они, и политическіе мотивы, которыми они порождены.

Сто лѣтъ тому назадъ Англіей правила аристократія. Она дѣлилась на двѣ партіи: консервативную—торійскую и либеральную—вигетскую. Соотвѣтственно переменамъ историческихъ обстоятельствъ, большинство въ палатѣ общинъ пріобрѣтала и брала власть въ свои руки то одна, то другая. По окончаніи войны съ возставшими американскими колоніями и съ Франціей, партія виговъ заявляла, что необходимо произвести большія реформы. Торійская партія не видѣла возможности говорить, что онѣ не нужны; самъ вождь ея, Питтъ, предлагалъ проекты важныхъ преобразованій; тактика ея ограничивалась тѣмъ, чтобы затягивать дѣло. Власть была въ ея рукахъ. Поэтому дѣло затягивалось. Въ этомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Началась французская революція. Рѣзкія рѣчи и кровавыя сцены, которыми съ самаго начала сопровождалась она, привели большинство виговъ къ мысли, что опасно колебать существующій порядокъ на родинѣ; оно перешло на сторону тори. Въ палатѣ общинъ осталось мало приверженцевъ реформъ; по своей малочисленности они были безсильны. Проекты реформъ были отброшены. Но въ массѣ англійской публики множество людей сохранили либеральный образъ мыслей. Утрата надежды на реформы раздражала ихъ; негодованіе придавало все болѣе и болѣе радикальный оттѣнокъ ихъ мнѣніямъ. Коалиція тори и большинства виговъ стала опасаться, что они подымутъ народъ на вооруженную борьбу. Чтобы предотвратить это, парламентъ въ 1793 году остановилъ дѣйствія акта Habeas Corpus, то есть уполномочилъ правительство производить произвольные аресты. Въ такихъ дѣлахъ уполномоченіе означаетъ повелѣніе. Министерство было бы смѣнено палатой общинъ, если бы не стало дѣйствовать безпощадно. Преслѣдованія развивали въ либеральной части англійскаго общества склонность къ радикализму.

Таково-то было настроеніе очень значительной части англійской публики въ 1793 году.

Въ этомъ году человекъ очень сильнаго ума, великаго литературнаго таланта и вполне радикальнаго образа мыслей, Уильямъ Годунъ, издалъ *Измѣдованіе о политической справедливости* (Inquiry concerning Political Justice), трактатъ о томъ, какія государственныя учрежденія соотвѣтствуютъ справедливости. Излагая ихъ, Годунъ доказывалъ, что они благотворны и что несообразныя съ справедливостію англійскія учрежденія производятъ нищету массы народа, пороки и преступленія. Это было ученое изслѣдованіе; но, благодаря таланту автора, оно было написано увлекательно.

Впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно.

Публицисты господствующей партіи не могли найти никакихъ дѣльныхъ возраженій противъ доводовъ Годуина. Она, по ходу историческихъ обстоятельствъ, продолжала господствовать въ палатѣ общинъ и править государствомъ. Но ея дѣло казалось безвозвратно проиграннымъ передъ судомъ разума и совѣсти.

Подъ этимъ гнетомъ умственного и нравственного пораженія она оставалась пять лѣтъ.

И вотъ, наконецъ, въ 1797 году явился на защиту ея владычества боецъ, сѣмѣвшій найти аргументацію, которая отнимала всякое значеніе у всѣхъ доводовъ Годуина. Этотъ побѣдоносный защитникъ политической системы, отвергавшей всякія реформы, даже самыя легкія и очевидно полезныя для государства, былъ Мальтусъ; свою сокрушающую всѣ доводы Годуина аргументацію онъ изложилъ въ *Трактатъ о принципѣ размноженія населенія* (An Essay on the Principle of Population).

Повято, съ какимъ восторгомъ господствующая партія привѣтствовала книгу, доставлявшую полное оправданіе ея системѣ отказа во всякихъ реформахъ.

То, что теорія Мальтуса составлена съ цѣлью опровергнуть доводы Годуина, оправдать систему отказа во всякихъ реформахъ, было забыто экономистами слѣдующаго поколѣнія и рѣдко припоминается нынѣшними. Въ обыкновенныхъ изложеніяхъ ея передается только аргументація, служившая Мальтусу подготовкой вывода, а выводъ, въ которомъ вся сущность дѣла, оставляется безъ упоминанія. Этотъ выводъ—тотъ, какой былъ надобенъ для отнятія силы у доводовъ Годуина. Защищать англійскія учрежденія оказалось невозможно; Мальтусъ разсудилъ, что защиту отказа въ реформахъ должно отдѣлать отъ вопроса о томъ, хороши или дурны существующія англійскія учрежденія, что единственная возможность оправдать политику господствующей партіи дается безусловнымъ отричаніемъ полезности улучшеній государственнаго устройства, независимо отъ того, хорошо или дурно оно. Онъ и прискивалъ аргументацію, дающую надобный выводъ. Она извѣстна всѣмъ. Потому было бы излишнимъ подробно повторять ее здѣсь. Достаточно напомнить главныя черты ея, чтобы видно было, какъ получается изъ нея безусловное оправданіе безусловнаго отказа въ реформахъ. Сама по себѣ она вѣрна; отступленіе Мальтуса отъ истины состоитъ лишь въ томъ, что онъ взялъ за основаніе своей силлогистики одну сторону дѣла, отрицая другія стороны его, и не повелъ аргументацію дальше того звена ея, къ которому удобно было прицѣпить надобный ему выводъ. Изложивъ этотъ выводъ, мы возвратимся къ тому звену аргументаціи, на которомъ прерываетъ ее Мальтусъ, доведемъ ее до конца и увидимъ, какой расчетъ заставилъ Мальтуса прервать ее на срединѣ.

Органическія существа имѣютъ силу размножаться. Дѣйствіемъ этой силы каждый видъ органическихъ существъ достигаетъ такой многочисленности, что количество пищи, какое могутъ добывать себѣ эти существа, становятся недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ. Потому нѣкоторыя изъ нихъ погибаютъ или прямо отъ голода, или отъ болѣзней, производимыхъ скудостью питанія, или отъ другихъ послѣдствій недостатка пищи. Уцѣлѣвающія существа продолжаютъ размножаться; потому продолжается и процессъ гибели нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ недостаточности количества пищи для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ. Дѣйствію этого закона природы подлежатъ всѣ тѣ живыя существа, которыя называются неразумными. Подлежатъ и люди, когда держатъ себя въ дѣлѣ

размноженія, какъ неразумныя существа. Такъ держитъ себя масса народа въ Англіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Въ каждой изъ этихъ странъ населеніе давно размножилось до такой степени, что количество пищи, добываемое въ ней сельско-хозяйственнымъ трудомъ и получасное ею изъ другихъ странъ въ обмѣнъ за другіе продукты труда, стало недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ живущихъ въ ней людей; потому ея населеніе страдаетъ отъ недостатка пищи и часть его непрерывно погибаетъ отъ послѣдствій недостатка пропитанія, къ числу которыхъ принадлежатъ пороки и преступленія; а уцѣлѣвающее населеніе продолжаетъ размножаться, потому постоянно вновь возникаетъ излишекъ населенія и продолжается процессъ уничтоженія этого излишка страданіями нищеты и послѣдствіями ихъ. И такъ, причина нищеты и ея послѣдствій, пороковъ и преступленій, въ Англіи и подобныхъ ей странахъ — неразумительность массы народа въ дѣлѣ размноженія. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Англіи и подобныхъ ей странахъ нищета и послѣдствія нищеты не могутъ быть прекращены ничѣмъ, кромѣ замѣны неразумительности массы народа въ дѣлѣ размноженія разумительностью. Никакія перемѣны въ политическихъ учрежденіяхъ такой страны не могутъ имѣть вліянія на судьбу народа ея въ экономическомъ отношеніи. Какъ бы дурны ни были учрежденія такой страны, нищета и послѣдствія нищеты въ ней происходятъ не отъ нихъ, а отъ неразумительности ея народа въ дѣлѣ размноженія, и замѣна дурныхъ учрежденій хорошими не можетъ улучшить судьбу ея народа, пока онъ остается неразумителемъ въ дѣлѣ размноженія. Потому въ такой странѣ политическія реформы бесполезны. Требованія ихъ должны быть отвергаемы, какъ пустыя иллюзіи. Напраснаго труда, бесполезной ломки не должны предпринимать разумительные правители.

Ясно, въ чемъ дѣло: Мальтусъ думалъ о тогдашнихъ англійскихъ учрежденіяхъ одинаково съ Годуиномъ: они дурны. Разница лишь въ томъ, что, по мнѣнію Годуина, дурныя учрежденія должны быть замѣнены хорошими, а по мнѣнію Мальтуса — должны быть сохранены.

Потому-то аргументація Мальтуса и обрывается на томъ звенѣ, къ которому удобно прицѣпить желанный выводъ: «реформы бесполезны».

Это звено аргументаціи — мысль, что въ странахъ, подобныхъ Англіи, нищета и ея послѣдствія происходятъ отъ неразумительности массы народа въ дѣлѣ размноженія. Дѣйствительно, неразумительность въ этомъ дѣлѣ очень вредна. Но въ немъ ли одномъ неразумительны люди, неразумительные въ немъ? Нѣтъ; всѣ люди, неразумительные въ этомъ, неразумительны и во многихъ другихъ важныхъ житейскихъ дѣлахъ. А вредна всякая неразумительность; всякая ведетъ къ разстройству здоровья или состоянія и въ важныхъ случаяхъ къ гибели отъ нищеты или ея послѣдствій: болѣзней, пороковъ, преступленій. Потому, при изслѣдованіи причинъ нищеты и ея послѣдствій, слѣдовало бы говорить не исключительно о неразумительности въ дѣлѣ размноженія, а вообще о неразумительности, обо всѣхъ ся видахъ; но это было неудобно для Мальтуса, потому что нѣкоторые виды неразумительности, какъ, на примѣръ, лѣность, тщеславіе, властолюбіе, находятся въ очевидной зависимости отъ учрежденій, развиваются при дурныхъ, ослабѣваютъ при хорошихъ.

Но пусть будетъ такъ, какъ нужно Мальтусу. Предположимъ, что нищета и ея послѣдствія производятся исключительно неразумительностью въ дѣлѣ размноженія. То, какъ держитъ себя человѣкъ въ данномъ дѣлѣ, много зависитъ отъ того,

какъ привыкъ онъ держать себя вообще въ житейскихъ дѣлахъ. Человѣкъ, привыкшій вообще дѣйствовать разсудительно, держитъ себя и въ дѣлѣ размноженія разсудительнѣе, нежели человѣкъ, привыкшій вообще дѣйствовать неразсудительно. Спрашивается: раздражаетъ ли людей испытываемая ими несправедливость? Спрашивается: въ какомъ настроеніи духа человѣкъ дѣйствуетъ разсудительнѣе—въ раздраженномъ или спокойномъ? Спрашивается: къ чему причааетъ людей несправедливость—къ разсудительности или неразсудительности? И такъ: несправедливыя учрежденія, поддерживая или развивая въ людяхъ привычку вообще поступать неразсудительно, ведутъ ихъ къ неразсудительности и въ дѣлѣ размноженія; потому, даже принимая этотъ видъ неразсудительности за единственную причину нищеты и ея послѣдствій, должно признать, что для устраненія нищеты и ея послѣдствій необходима замѣна несправедливыхъ учрежденій справедливыми.

Такимъ образомъ, аргументація Мальтуса, будучи доведена до конца, даетъ въ выводѣ то самое, что говорилъ Годуинъ.

Мальтусъ хотѣлъ оправдать политическую систему, которой держалась, съ одобренія большинства виговъ, торійская партія, правившая Англіею. Для этого онъ выставилъ одинъ изъ видовъ неразсудительности производящимъ всю ту сумму зла, которая производится суммой дѣйствія всѣхъ видовъ неразсудительности, и оборвалъ свою аргументацію на половинѣ пути къ правильному выводу, чтобы подмѣнить его фальшивымъ. Но въ основаніе этой слишкомъ узкой и не доведенной до конца аргументація онъ взялъ вѣрную мысль: когда люди не сдерживаютъ силою разума силу размноженія, они размножаются до такой степени, что количество пищи, какое могутъ добывать они, становится недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ.

Историческія обстоятельства, заставлявшія большинство виговъ поддерживать тори, длились много лѣтъ. Но, наконецъ, они миновали. Тогда большинство виговъ возвратилось къ прежнимъ своимъ принципамъ, которымъ оставалось вѣрно меньшинство. Одинъ изъ вождей торійской партіи, Кэннингъ, понялъ, что она не можетъ сохранить въ своихъ рукахъ власть иначе, какъ взявшись сама за исполненіе реформъ, которыхъ требовала грозная своимъ числомъ оппозиція виговъ, и въ 1827 году оттолкнулъ отъ власти другихъ вождей торійской партіи, не принявшихъ его программу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Прогнанные имъ отъ власти вожди торійской партіи, Уэллингтонъ и Робертъ Пиль, снова получили ее; но ужъ и сами видѣли, что необходимо производить реформы, чтобы удержать ее за собой. Съ той поры, съ 1828 года, торійская партія постоянно хвалится своею преданностью дѣлу улучшеній; безъ этой похвалы ей невозможно добиться власти, и, добившись власти, она часто видитъ себя въ необходимости производить реформы. Та политическая система, въ защиту которой составилъ свою теорію Мальтусъ, безвозвратно рушилась вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ тому теперь.

Еще ранѣе, чѣмъ потеряла свой житейскій, политическій смыслъ, утратила теорія Мальтуса свое научное значеніе. Мыслитель великой силы ума, Рикардо, издалъ въ 1812 году свои *Основанія политической экономіи*,—трудъ, пересоздавшій эту науку. Своею теоріей ренты и своею формулою распределенія продукта онъ раскрылъ тотъ законъ экономической жизни, на который смутно, слабо и съ примѣсю фальши указывала теорія Мальтуса. Съ того времени экономистамъ слѣдовало бы сдать теорію Мальтуса въ историческій архивъ. Но она раньше

того надблала такого шума, что у большинства экономистов и до сих пор звенит въ ушахъ отъ него. Потому она по сихъ поръ излагается въ трактатахъ о политической экономіи и, благодаря этому, остается извѣстна всѣмъ.

Теперь мы можемъ перейти къ разсказу о томъ, по какому случаю теорія Мальтуса, составленная исключительно для рѣшенія одного изъ спеціальныхъ вопросовъ политической экономіи, была перевесена въ ботанику и зоологію, и какой судьбѣ подверглась она при этомъ перенесеніи.

До половины нашего столѣтія силы изслѣдователей, занимавшихся разработкой ботаники и зоологіи, были поглощены трудами по описанію формъ растений и животныхъ, внутренняго устройства ихъ, дѣятельности ихъ органовъ, развитія ихъ изъ зародыша до полного роста. Это были задачи громадныхъ размѣровъ. Работа надъ ними не оставляла огромному большинству ботаниковъ и зоологовъ досуга много заниматься вопросомъ о происхожденіи нынѣшнихъ видовъ растений и животныхъ. Изслѣдуя настоящія формы организмовъ, они видѣли, что эти формы существовали съ самаго начала нашихъ историческихъ свѣдѣній; по недосугу заниматься спеціальными изслѣдованіями вопроса объ этомъ постоянствѣ формъ, они вообще приняли рѣшеніе, представляющееся очевиднымъ для поверхностнаго взгляда: нынѣшніе виды растений и животныхъ неизмѣнны. Въ геологическихъ наслоеніяхъ, образовавшихся въ отдаленныя времена, были находимы остатки растений и животныхъ, несходныхъ съ нынѣшними; естественнымъ выводомъ изъ мнѣнія о неизмѣнности нынѣшнихъ видовъ была мысль, что прежніе, несходные съ ними виды погибли, не оставивъ потомства въ нынѣшнихъ флорѣ и фаунѣ. Это казалось тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, что подтверждалось геологическою теоріей, по которой поднятія материковъ изъ моря и погруженія ихъ въ море считались совершавшимися съ быстротой, производившею катастрофы колоссальнаго размѣра; при такихъ переворотахъ неизбѣжно должны были погибать застигаемые ими флоры и фауны.

Это ученіе, дававшее неизмѣнности видовъ геологическую основу, создалъ величайшій изъ натуралистовъ первой трети нашего столѣтія, Кювье, основатель сравнительной анатоміи, преобразователь зоологической классификаціи, творецъ палеонтологіи. Онъ изложилъ его съ гениальною силой мысли въ *Трактатъ о переворотахъ поверхности земнаго шара и о перемѣнахъ, произведенныхъ ими въ царствѣ животныхъ*, составляющемъ вступленіе къ его *Изслѣдованіямъ объ ископаемыхъ костяхъ* (*Recherches sur les ossements fossiles*),—труду, которымъ создана была палеонтологія, изданному въ 1812 году.

Ученіе Кювье, доказывающее неизмѣнность видовъ теоріей катастрофъ, уничтожавшихъ флоры и фауны, неодинаковыя съ нынѣшними, очень быстро приобрѣло владычество въ естествознаніи, отчасти благодаря гениальности своего изложенія и громадному авторитету, какой заслужилъ себѣ Кювье техническими трудами по зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи, отчасти потому, что общій характеръ этой системы понятій соотвѣтствовалъ духу времени, стремившемуся возстановить преданія и отвергавшему все несогласное съ ними. Кювье былъ въ естествознаніи представителемъ того направленія мысли, которому желалъ дать господство въ умственной жизни Наполеонъ и которое получило владычество надъ нею при Реставраціи.

Подъ вліяніемъ ученія Кювье были не только отвергнуты почти всѣми натура-

листами, но и забыты большинствомъ ихъ всякія мысли о происхожденіи нынѣшнихъ видовъ растений и животныхъ отъ прежнихъ. Эти мысли существовали издавна. Пока физиологія оставалась очень мало разработана, онѣ были неопредѣленны или фантастичны. Съ развитіемъ физиологическихъ знаній онѣ освобождались отъ этихъ недостатковъ и, наконецъ, получили научную обработку въ гениальномъ трудѣ Ламарка *зоологическая философія* (*Philosophie zoologique*), изданномъ въ 1809 году, за три года до трактата Кювье *Исслѣдованія объ ископаемыхъ костяхъ*. Представитель идей, отвергаемыхъ духомъ времени, Ламаркъ былъ въ 1809 году 65-ти лѣтній старикъ и черезъ два или три года ослѣпъ. Кювье могъ перенебречь имъ, когда готовилъ къ изданію своей *Трактатъ о переворотѣхъ поверхности земнаго шара*, и пренебрегъ, прошелъ совершеннымъ молчаніемъ теорію Ламарка, какъ вздоръ, не заслуживающій хотя бы самаго краткаго возраженія. Съ точки зрѣнія выгоды для своего ученія, создатель теоріи катастрофъ, уничтожавшихъ прежнія флоры и фауны, поступилъ разсчетливо; но съ точки зрѣнія научнаго интереса—несправедливо. Допустимъ, что теорія Ламарка была вполнѣ ошибочна. Но онъ выводилъ ее изъ безспорныхъ истинъ, которыя ужъ были тогда непоколебимо установлены естествознаніемъ: изъ понятія объ органической жизни, какъ о химическомъ процессѣ; изъ закона зависимости организма отъ обстановки его жизни; изъ закона, что объемъ и составъ органа видоизмѣняются подъ вліяніемъ того, дѣйствуетъ органъ или бездѣйствуетъ. Пусть Ламаркъ не умѣлъ правильно понять эти законы органической жизни; пусть выводъ, сдѣланный имъ изъ нихъ, совершенно ложенъ. Надобно было показать, въ чемъ же состоятъ его ошибки,—того требовалъ интересъ науки. Но Кювье разсудилъ, что удобнѣе будетъ пройти теорію Ламарка молчаніемъ, подавить ее презрѣніемъ, чтобъ она скорѣе была забыта. Разсчетъ былъ вѣренъ и достигъ полнаго успѣха. Несообразная съ духомъ времени, непонравившаяся огромному большинству натуралистовъ, теорія ослѣпшаго старика была подавлена презрѣніемъ Кювье и скоро была забыта. Новое поколѣніе натуралистовъ, воспитавшееся подъ владычествомъ идей Кювье, если знало о ней, знало только то, что она—пустое фантазерство, съ которымъ не стоитъ знакомиться; большинство ихъ, какъ должно думать по дальнѣйшему ходу дѣла, даже вовсе не знало и о ея существованіи.

Въ геологіи владычество понятія Кювье длилось лѣтъ двадцать или двадцать пять. Несообразность теоріи катастрофъ съ геологическими фактами была раскрыта Лейеллемъ въ трактатѣ *Основанія геологіи* (*Principles of Geology*), первый томъ котораго вышелъ въ 1830, а послѣдній въ 1833 году. Пересоздавая геологію, Лейелль доказалъ, что съ того времени, какъ начали отлагаться древнѣйшія изъ наслоеній, содержащихъ въ себѣ отпечатки или остатки растений или животныхъ, поверхность суши не подвергалась никакимъ катастрофамъ, которыя превосходили бы размѣрами своего дѣйствія наводненія, землетрясенія, изверженія огнедышащихъ горъ; что прежнія катастрофы точно также не могли уничтожить органическую жизнь на материкахъ или большихъ островахъ, какъ не уничтожаютъ ее нынѣшнія, не уступающія имъ силой и размѣромъ; что никакой быстрой гибели прежнихъ флоръ и фаунъ не было, что очень многіе изъ прежнихъ видовъ продолжали существовать, когда нѣкоторые другіе замѣнились новыми, что емѣны флоръ и фаунъ были, подобно великимъ геологическимъ измѣненіямъ, процессы медленные, тихіе.

Если говорить съ научною строгостью, то должно сказать, что этими выво-

дами была уже опровергнута теорія неизмѣнности видовъ, что специалисты по ботаникѣ и зоологіи, принимавшіе геологическую исторію земли, раскрытую Лейбелемъ, теряли научное право сомнѣваться въ происхожденіи новыхъ видовъ отъ прежнихъ. Но и въ научныхъ, какъ въ житейскихъ дѣлахъ послѣдовательность образа мыслей пріобрѣтается большинствомъ людей не скоро. Какъ большинство общества, усвоивъ себѣ правильныя понятія по какому-нибудь житейскому вопросу, довольно долго сохраняетъ прежнія, несообразныя съ ними мысли по другимъ житейскимъ дѣламъ, вопросамъ, такъ и большинство специалистовъ, принявъ правильное рѣшеніе какого-нибудь научнаго вопроса, сохраняетъ на болѣе или менѣе долгое время несообразныя съ нимъ привычныя мнѣнія по другимъ научнымъ вопросамъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ большинство специалистовъ, занимавшихся науками объ органическихъ существахъ, уже усвоило себѣ понятія Лейбелля о медленномъ и въ общихъ своихъ чертахъ совершенно спокойномъ ходѣ геологическихъ измѣненій со времени существованія древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ организмовъ; но лѣтъ двадцать послѣ того или продолжало держаться идей Кювье о неизмѣнности видовъ, или не высказывало своего несогласія съ ними по опасенію порицанія за противорѣчіе имъ, какъ за неприличное ученымъ людямъ фантазерство.

А, между тѣмъ, въ ботаническомъ и зоологическомъ знаніи накоплялись факты, свидѣтельствовавшіе о генеалогическомъ родствѣ между видами. Въ такихъ фактахъ не было недостатка и гораздо раньше, еще во времена Линнея, лѣтъ за сто до половины нашего вѣка. Но въ послѣдніе годы прошлаго и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка большинство специалистовъ отвернулось отъ нихъ или давало имъ фальшивое объясненіе, подчиняясь духу времени, стремившемуся возстановить преданія. Во второй четверти нашего столѣтія это направленіе желаній большинства образованнаго общества стало ослабѣвать и мало-по-малу смѣнилось противоположнымъ, вліяніе котораго на специалистовъ по ботаникѣ и зоологіи подготавливало соответствующую перемѣну въ ихъ понятіяхъ объ отношеніяхъ между видами.

И, наконецъ, въ 1859 году, черезъ 26 лѣтъ послѣ изданія послѣдняго тома *Основаній геологіи* Лейбелля, разрушившихъ теорію катастрофы, которымъ приписывалось уничтоженіе прежнихъ флоръ и фаунъ, была напечатана книга Дарвина *О происхожденіи видовъ*, разрушившая соединенную съ ученіемъ о катастрофахъ теорію неизмѣнности видовъ, которой слѣдовало бы рушиться лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, если бы въ мысляхъ специалистовъ держалось только то, что имѣть какую-нибудь опору, кромѣ привычки.

То, что книга, которая произвела этотъ, собственно говоря, запоздавшій переворотъ, была напечатана въ 1859 году, а не поздиѣе, было результатомъ особеннаго обстоятельства, принудившаго ея автора посрѣшнить обнародованіемъ своей теоріи, которое безъ того замедлилось бы еще на нѣкоторое время, — по мнѣнію автора, «на два или на три года». Это цѣлая исторія, заслуживающая большого вниманія своею психологическою характерностью и важностью матеріаловъ, какіе даетъ для разъясненія особенностей книги, получившей громадное вліяніе на ходъ науки. Расскажемъ ее на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ о ней самимъ Дарвиномъ, пополняя ихъ необходимыми біографическими данными.

Въ 1831 году Дарвинъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ, только что начинавшій свою ученую дѣятельность, неизвѣстный никому, кромѣ своихъ личныхъ знакомыхъ, былъ назначенъ натуралистомъ ученой экспедиціи, отправля-

емой английскимъ правительствомъ въ кругосвѣтное плаваніе на корабль *Beagle*. Экспедиція отплыла изъ Англіи 27 декабря 1831 г. Дарвину было тогда нѣсколько меньше 23 лѣтъ (онъ родился 12 февраля 1809 г.). Экспедиція дѣлала остановки на восточномъ, потомъ на западномъ берегу южной Америки, поплыла сдѣлать остановку въ пустынномъ, еще почти не изслѣдованномъ натуралистами Галапагосскомъ Архипелагѣ, лежащемъ въ 900 километрахъ отъ ближайшей части западнаго берега Америки. Изучая животныхъ архипелага, Дарвинъ увидѣлъ, что они сходны, но не одинаковы съ животными ближайшей части Америки. Онъ былъ, по его выраженію, «очень удивленъ» этимъ. Раздумье о неожиданномъ фактѣ возбудило въ немъ мысль, что галапагосскія животныя—видоизмѣнившіеся потомки прежнихъ, другіе потомки которыхъ—нынѣшнія сходны съ галапагосскими животными ближайшей части Америки. Потомъ онъ видѣлъ такое же отношеніе другихъ островныхъ фаунъ и флоръ къ фаунамъ и флорамъ ближайшихъ частей материковъ. *Beagle* возвратился въ Англію въ началѣ октября 1836 года. Экспедиція длилась болѣе четырехъ съ половиной лѣтъ. Участіе въ ней молодого натуралиста, отправившагося въ нее безвѣстнымъ, прославило его. Сборникъ наблюденій, привезенный имъ, сразу поставилъ его въ ряду первыхъ натуралистовъ того времени. Онъ сдѣлалъ множество наблюденій чрезвычайно добросовѣстныхъ; въ числѣ ихъ были сотни важныхъ. Въ реестрѣ авторовъ, цитируемыхъ Лейблемъ въ новыхъ изданіяхъ *Основаній геологіи*, выходившихъ между 1845 и 1858 годами, нѣтъ ни одного натуралиста, на котораго было бы столько ссылокъ, сколько на Дарвина. Лѣтъ шесть по возвращеніи изъ экспедиціи онъ занимался обработкой собранныхъ въ ней матеріаловъ, обогащая фактическую часть естествознанія новыми свѣдѣніями. Онъ издалъ въ эти годы *Дневникъ изслѣдованій по естественной исторіи и геологіи*, сдѣланныхъ имъ во время экспедиціи, и нѣсколько монографій, важнѣйшая изъ которыхъ *Зоологія плаванія корабля англійскаго королевскаго флота Beagle*; послѣдній томъ ея напечатанъ въ 1843 году. Послѣ того онъ издалъ нѣсколько другихъ монографій; важнѣйшая изъ нихъ *Монографія усоногихъ*, первый томъ которой вышелъ въ 1851, а второй въ 1853 году; прибавленіемъ къ ней служитъ напечатанное вскорѣ послѣ втораго тома ея изслѣдованіе *Объ ископаемыхъ усоногихъ*. Но задолго до изданія изслѣдованій объ этомъ отдѣлѣ животныхъ, главнымъ предметомъ ученой работы Дарвина сталъ трактатъ, содержаніе котораго было не монографическое, а широкое, охватывавшее всѣ отдѣлы ботаники, зоологіи, палеонтологіи и многіе отдѣлы другихъ частей естествознанія. Мысль о генеалогическомъ родствѣ между видами, возбужденная въ Дарвинѣ изученіемъ животныхъ Галапагосскаго архипелага и подтвержденная изученіемъ другихъ островныхъ фаунъ и флоръ во время экспедиціи, представляла такую громадную важность, что Дарвинъ не могъ отказаться отъ работы надъ разъясненіемъ ея даже и въ первые годы по возвращеніи изъ экспедиціи, когда необходимо было трудиться надъ обработкой фактическихъ свѣдѣній, собранныхъ во время путешествія. Онъ говоритъ, что съ 1837 года занимался «терпѣливымъ собираніемъ и обдумываніемъ всякихъ фактовъ, о которыхъ можно было полагать, что они имѣютъ какое-нибудь отношеніе» къ вопросу о родствѣ нынѣшнихъ видовъ съ прежними. Послѣ «пятилѣтнихъ занятій этимъ», то-есть въ 1842 году, когда онъ кончилъ безотлагательныя работы по описанію фактическихъ результатовъ наблюденій, сдѣ-

ланных во время экспедиции, и приготовилъ къ печати послѣдній томъ *Zoology of the Beagle*, онъ «сталъ больше прежняго» заниматься изслѣдованіемъ о происхожденіи видовъ; когда вопросъ этотъ показался ему разъяснившимся, онъ написалъ краткій очеркъ своихъ понятій о немъ, а въ 1844 г. «придалъ дальнѣйшее развитіе прежнему очерку и прибавилъ, къ нему выводы, оказавшіеся вѣроятными». «Съ того времени я непрерывно занимался изслѣдованіемъ этого предмета»,—говоритъ онъ и продолжаетъ: «Теперь—въ ноябрѣ 1859 г., когда онъ писалъ предисловіе къ первому изданію книги *О происхожденіи видовъ*,—мой трактатъ почти конченъ; но такъ какъ понадобится еще два или три года, чтобы пополнить его, а мое здоровье не прочно, то меня убѣдили издать это извлеченіе изъ него»—книгу *О происхожденіи видовъ*; онъ постоянно называетъ ее только извлеченіемъ изъ трактата, который надѣется издать года черезъ два или три. «Я увидѣлъ тѣмъ болѣе надобности въ этомъ»,—въ составленіи и обнаруженіи извлеченія,—«что г. Уоллесъ, изучая естественную исторію Малайскаго архипелага, пришелъ къ выводамъ о происхожденіи видовъ, почти совершенно одинаковымъ съ моими. Въ 1858 году онъ прислалъ мнѣ статью объ этомъ предметѣ, съ просьбой передать ее сэру Чарльзу Лейеллю, который передалъ ее Линнеевскому обществу. Сэръ Чарльзъ Лейелль и докторъ Гукеръ», —Джозефъ Гукеръ, сынъ Уильяма, и, подобно отцу, знаменитый ботаникъ,—«знавшіе мой трудъ (докторъ Гукеръ даже читалъ очеркъ, написанный мною въ 1844 году), нашли надобнымъ, въ интересахъ моего имени, чтобы одновременно съ статьею г. Уоллеса было обнаружено извлеченіе изъ моего труда.

Уоллесъ былъ много моложе Дарвина, но размѣръ его ученой силы былъ уже вполне выказанъ: онъ имѣлъ въ 1858 году 36 лѣтъ. Онъ приобрѣлъ почтенную извѣстность прекрасными изслѣдованіями, но при всей своей добросовѣстности, они свидѣтельствовали, что ему никогда не стать первокласснымъ ученымъ. Очень вѣроятно, что соображенія объ отношеніи силъ и ученыхъ заслугъ Дарвина и Уоллеса много содѣйствовали настойчивости, съ какой Лейелль и Гукеръ требовали, чтобы Дарвинъ не отнялъ у себя дальнѣйшимъ промедленіемъ славу преобразователя наукъ объ органическихъ существахъ; вѣроятно, имъ казалось несправедливостью допустить, чтобы она досталась второстепенному натуралисту, когда на нее имѣетъ право великій натуралистъ. А во всякомъ случаѣ несправедливостью было бы это по первенству Дарвина въ составленіи той теоріи, къ которой пришелъ Уоллесъ, изучая животныхъ Малайскаго архипелага. Онъ отправился туда въ 1854 году; за десять лѣтъ передъ тѣмъ Гукеръ уже читалъ изложеніе той же теоріи, написанное Дарвиномъ.

И такъ, по убѣжденіямъ Лейелля и Гукера, Дарвинъ составилъ извлеченіе изъ своего труда, и въ собраніи Линнеевскаго общества, 1 іюля 1858 года, была вмѣстѣ съ статьею Уоллеса *О тенденціяхъ разнообразностей неопредѣленно далеко отклоняться отъ первоначальнаго типа* (On the tendencies of Varieties to depart indefinitely from the original type) прочтена статья Дарвина *О тенденціи видовъ образовывать разнообразности и объ упроченіи видовъ и разнообразностей посредствомъ естественнаго отбора* (On the tendency of species to form varieties and on the perpetuation of species and varieties by means of Natural Selection); и обѣ статьи были вмѣстѣ напечатаны въ *Журналъ Линнеевскаго Общества*. Статья Дар-

вина далеко превосходила статью Уоллеса силой развитія основныхъ мыслей и ученостью. За Уоллесомъ осталась та маленькая доля славы, которая по справедливости должна была принадлежать ему; превознося Дарвина, преобразователя наукъ объ органическихъ существахъ, упоминали съ уваженіемъ объ Уоллесе какъ чело­ловѣ, самостоятельно пришедшемъ къ теоріи, одинаковой съ дарвиновой, и примѣ­нявшемъ ее къ разъясенію довольно многихъ фактовъ, о которыхъ мало говори­лось или вовсе не упоминалось въ статьѣ Дарвина. Свою статью, отданную для прочтенія въ Линнеевскомъ обществѣ и напечатанную въ его *Журналъ*, Дарвинъ сталъ пере­рабатывать и расширить для изданія отдѣльною книгой; объемъ ея очень увеличился при этой переработкѣ, длившейся болѣе года. Такимъ образомъ составила знаменитая книга *О происхожденіи видовъ посредствомъ естественнаго отбора* (On the Origin of species by means of Natural Selection), вышедшая въ ноябрѣ 1859 года.

Во введеніи къ ней, рассказывая, по какому случаю сдѣлалъ извлеченіе изъ своего трактата для прочтенія въ Линнеевскомъ обществѣ, Дарвинъ говоритъ, какъ мы видѣли, что трактатъ, извлеченіе изъ котораго сталъ дѣлать онъ, былъ тогда уже почти конченъ, оставалось только пополнить его, и что на это нужно было года два или три. Счетъ времени относится, очевидно, никакъ не позже, чѣмъ къ концу юня 1858 года, потому что рѣчь идетъ о мотивѣ, по которому авторъ рѣ­шился сдѣлать извлеченіе изъ своего труда, а 1 июля оно уже было прочтено въ Линнеевскомъ обществѣ. Но допустимъ, что это лишь кажется такъ по вкравшейся у Дарвина неточности конструкціи и что, выражая надежду кончить работу черезъ два-три года, онъ относилъ начало этого срока не къ тому времени, на которое указываетъ конструкція словъ, а къ тому, въ которое писалъ, — не къ веснѣ 1858 г., когда имъ было принято рѣшеніе составить извлеченіе, а къ ноябрю 1859 г., когда кончалось печатаніе извлеченія въ новой, расширенной формѣ. Въ такомъ случаѣ, конецъ трехлѣтняго срока не весна 1861, какъ выходитъ по фор­мальному смыслу словъ, а конецъ 1862 года, какъ, вѣроятно хотѣлъ сказать Дар­винъ. Примемъ также въ соображеніе, что очень часто авторы разсчитываютъ кон­чить работу въ срокъ, оказывающійся недостаточнымъ для этого. Три года работы, чтобы приготовить къ напечатанію трактатъ, который уже «почти конченъ», ко­торый надобно только «пополнить», — кажется, срокъ достаточный. Но допустимъ, что не представляло бы никакой странности, если бы, вмѣсто «двухъ или трехъ» лѣтъ, понадобилось пять или шесть, и что промедленіе не заключало въ себѣ ни­какихъ особенныхъ поводовъ къ соображеніямъ о ходѣ работы Дарвина, еслибы она была кончена, напримѣръ, лѣтъ въ шесть и трактатъ явился бы въ свѣтъ въ 1865 году.

Но что мы видимъ? Въ 1868 году, — не черезъ шесть, а черезъ девять, — лѣтъ Дарвинъ печатаетъ книгу *Объ измѣненіи формъ животныхъ и расте­ній подѣ хозяйствомъ чело­вѣка*; это разросшаяся въ цѣлую книгу первая изъ четырнадцати главъ «извлеченія», какъ продолжаетъ Дарвинъ назы­вать книгу *О происхожденіи видовъ* и въ новыхъ ея издачіяхъ. Вмѣсто трехъ лѣтъ работы, на окончаніе всего труда, бывшаго уже «почти конченнымъ», ушло девять лѣтъ работы на отдѣлку одной изъ четырнадцати главъ, которая за то и разрослась въ особую книгу, превышающую своимъ объемомъ все «извлеченіе», то-есть все изложеніе теоріи въ цѣломъ ея составѣ. Проходитъ еще три года, и

Дарвинъ въ 1871 году печатаетъ книгу *О генеалогіи человѣка и о половомъ отборѣ*. Что это такое? Опять одна глава трактата, разросшаяся въ книгу, превышающую своимъ объемомъ все изложеніе цѣлой теоріи? Нѣтъ, теперь Дарвину было ужъ менѣе легко, чѣмъ прежде, сдерживать разростаніе труда въ такихъ границахъ, чтобы можно было вести обработку цѣлыми главами; трактатъ о половомъ отборѣ — одинъ изъ десяти отдѣловъ 4-й главы первоначальнаго трактата, разросшійся въ полтора тома; а прибавленный къ нему трактатъ о генеалогіи человѣка — прибавка, вовсе не входившая въ планъ первоначальнаго трактата. Этимъ способомъ и продолжалась работа до самой смерти Дарвина: онъ обрабатывалъ маленькіе кусочки первоначальнаго трактата, разроставшіеся въ особія большія статьи или цѣлыя книги, печаталъ прибавочныя изслѣдованія, не входившія въ планъ трактата, надъ обработкой котораго трудился: и когда умеръ (въ апрѣлѣ 1882 г.), черезъ двадцать два года послѣ изданія «извлеченія» изъ своего трактата, всѣ обработанные куски, взятые вмѣстѣ, составляли развѣ одну десятую долю трактата, который былъ «уже почти конченъ» весной 1858 года и который долженъ былъ, по расчету автора, сдѣланному въ ноябрѣ 1859 г., быть доведенъ весь до готовности къ напечатанію *черезъ два или три года*, явиться весь цѣликомъ въ свѣтъ въ 1862 году.

Но что-жь это такое: трактатъ, работъ надъ которымъ не было бы конца, хотя бы авторъ прожилъ еще двадцать, или хоть и пятьдесятъ лѣтъ, — трудъ, начатый въ 1837 году, молодымъ, только еще 28-ми лѣтнимъ человѣкомъ, казавшійся «почти конченнымъ», черезъ 22 года послѣ того, автору, имѣвшему тогда 50 лѣтъ и получившій обработку лишь нѣсколькихъ кусковъ, едва ли составляющихъ одну десятую долю его послѣ работы длившейся еще двадцать два года, до самой смерти труженика, умершаго 73-лѣтнимъ старикомъ, — что это за трудъ, разроставшійся и разроставшійся безъ предѣла росту, и какъ могъ онъ разростаться до такой несообразности съ размѣромъ продолжительности самой долгой вѣроятной человѣческой жизни?

Фактъ до такой степени страненъ, до такой степени противорѣчитъ правиламъ разсудительной человѣческой дѣятельности, что разъ поставленъ вопросъ о немъ, невозможно устранить отвѣта: способъ работы, котораго держался Дарвинъ въ трудѣ надъ трактатомъ о генеалогическомъ родствѣ между видами, былъ непригоденъ для успѣшности труда такого рода.

Есть ученые, которые останавливаются на каждомъ вопросѣ, представляющемъ имъ при занятіяхъ и затрогивающемъ ихъ любопытство, не могутъ оторваться отъ него, пока не изслѣдуютъ его. Когда основной предметъ занятія маленькій, узкій, то и число возбуждаемыхъ имъ вопросовъ не очень велико, и трудъ изслѣдованія всѣхъ ихъ удобоисполнимъ. Ученые, любящіе этотъ способъ работы, пишутъ обыкновенно ряды монографій. И когда они пишутъ монографіи, работа у нихъ идетъ хорошо, основательно, и, вмѣстѣ, успѣшно. Дарвинъ любилъ такой способъ работы, и прежде чѣмъ обратилъ всѣ свои силы на трудъ надъ трактатомъ о родствѣ видовъ, написалъ много монографій. Благодаря его добросовѣстности, даровитости, трудолюбію и учености, онѣ были превосходны. При своей страсти всматриваться во все, попадающееся на глаза, онъ сдѣлалъ во время экспедиціи корабля *Beagle* множество точныхъ, прекрасныхъ наблюденій. Дневникъ ихъ доставилъ ему славу великаго ученаго. Онъ вполне заслужилъ ее: книга, издан-

ная имъ, обогатила науку. Но что такое была эта книга? Сборникъ мелкихъ монографій, рядъ наблюденій надъ отдѣльными фактами, соединенныхъ между собою только единствомъ лица, дѣлавшаго ихъ, и хронологическимъ порядкомъ, въ какомъ они были записываемы. Потому Дарвинъ занимался обработкой коллекцій, привезенныхъ имъ. Изъ этихъ его работъ особенно знаменита *Зоологія плаванія корабля Beagle*. Она составляетъ пять томовъ. Но это не что-нибудь цѣльное, связанное, полное, — это тоже рядъ маленькихъ монографій. Хронологическій порядокъ «дневника» замѣненъ тутъ распределеніемъ, по порядку зоологической классификаціи. Но это не цѣльный классификаціонный трактатъ, а сборникъ отрывковъ, каждый изъ которыхъ — особая монографія, и которые отдѣлены одни отъ другихъ множествомъ классификаціонныхъ пробѣловъ: тутъ описываются не всѣ семейства животныхъ, а только тѣ виды тѣхъ родовъ тѣхъ семействъ, какіе попадались автору во время его путешествія. Отчасти до этого труда, отчасти послѣ него, Дарвинъ написалъ много другихъ монографій, напечатанныхъ особыми книгами или статьями. Знаменитѣйшая изъ нихъ *Монографія объ имьющихъ стеблевидный стерженецъ и сидящихъ усоногихъ*, составляющая два тома. Прибавленіемъ къ ней служитъ изслѣдованіе *Объ ископаемыхъ усоногихъ*, напечатанное особою статьею.

Все это было превосходно. Каждая монографія исчерпывала, какъ это называется, предметъ, сообщала о немъ всѣ свѣдѣнія, какія могли быть приобретены добросовѣстѣйшимъ изслѣдованіемъ, разъясняла, насколько могли быть при данномъ состояніи науки разъяснены, всѣ вопросы, порождаемые изученіемъ предмета. Но это были предметы маленькіе; вопросы, возбуждаемые ихъ изученіемъ, были не многочисленны по каждому изъ нихъ, и вообще не широки, въ большинствѣ случаевъ очень узки. Потому-то и можно было съ успѣхомъ вести работы о нихъ исчерпывающимъ способомъ.

И вотъ этотъ способъ работы, удобопримѣнимый только въ монографическихкихъ трудахъ, Дарвинъ примѣнилъ къ трактату о генеалогическихкихъ отношеніяхъ между нынѣшними и прежними флорами и фаунами, то-есть къ предмету, охватывающему всю ботанику, всю зоологию, всю палеонтологию и многія другія отрасли естествознанія. Изслѣдовать по всѣмъ этимъ наукамъ всякіе вопросы, какіе подвернутся подъ перо, — изслѣдовать каждый изъ нихъ монографическимъ, исчерпывающимъ способомъ работы — сообразно ли это съ числомъ лѣтъ, какія можетъ прожить на свѣтѣ самый долговѣчный человѣкъ, разумно ли это, и того ли требуютъ правила научной работы, тождественныя съ законами разсудка?

Припомнимъ цифры годовъ, которыми самъ Дарвинъ отмѣтилъ фазисы своей работы надъ трактатомъ о генеалогическихкихъ отношеніяхъ между видами. Работа начата въ 1837 году. Въ 1842 году теорія готова, сдѣланъ эскизъ ея; въ 1844 г. теорія окончательно пополнена, сдѣланы выводы изъ основныхъ ея положеній. И такъ, теоретическая часть работы закончена; остается только подставить подъ теоретическія положенія тотъ фактическій матеріалъ, изъ котораго извлечены они. Этотъ матеріалъ уже былъ собранъ, изученъ раньше; онъ готовъ. То-есть что-жъ собственно остается сдѣлать? Остается только переписать на-бѣло готовую на черновыхъ листахъ работу. Идетъ работа переписыванія готовой черновой рукописи на-бѣло, — идетъ четырнадцать лѣтъ; весной 1858 года

настигаетъ автора неожиданная надобность сообщить свою теорію ученому міру — и оказывается, что трактатъ «почти конченъ», понадобится только еще «два или три» года работы, чтобы «пополнить» его. Но ни трехъ, ни двухъ лѣтъ, ни года, ни полгода отсрочки не даетъ статья Уоллеса; она требуетъ безотлагательнаго обнародованія теоріи, изложенной въ трактатѣ. А онъ въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ быть обнародованъ. Почему же не можетъ? Онъ «почти конченъ»; остается только «пополнить» его, то-есть, по общепринятому смыслу этого выраженія, прибавить разъясненія мелочей, можетъ быть, и любопытныхъ, но не имѣющихъ особенной важности; ученый міръ охотно подождетъ ихъ и два, и три года. И такъ, надобно отправить трактатъ въ типографію, и при чтеніи корректуръ дѣлать, гдѣ слѣдуетъ оговорки: «предоставляю себѣ право отложить болѣе подробное разъясненіе этого вопроса до того времени, когда получу досугъ заняться этимъ; онъ любопытенъ, но не имѣетъ важнаго значенія для трактата, издаваемого мною теперь». Ученый міръ привыкъ къ такимъ оговоркамъ; ни одинъ трактатъ о предметѣ широкаго содержанія не обходится безъ нихъ. Ахъ, совѣтъ не то! Трактатъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящемъ своемъ видѣ потому, что еще не существуетъ; автору только угодно воображать, будто онъ существуетъ; трактата нѣтъ; на рабочемъ столѣ автора громоздится груда черновыхъ бумагъ. «Трактатъ почти конченъ»,—это, какъ видимъ по дальнѣйшему ходу дѣла, значитъ: авторъ, сдѣлавъ множество монографическихъ изслѣдованій, полагаетъ, что предметъ почти исчерпанъ ими; онъ полагаетъ это потому, что въ настоящее время ему припоминается не очень много вопросовъ, кажущихся любопытными; онъ думаетъ, что на изслѣдованіе ихъ понадобится не очень много времени; при этомъ онъ полагаетъ, что ему не представится никакихъ другихъ любопытныхъ вопросовъ; до сихъ поръ было не такъ: въ продолженіе четырнадцати лѣтъ у него непрерывно возникали изъ однихъ любопытныхъ вопросовъ другіе, не менѣе любопытные; но ему въ настоящее время кажется, что вперед не будетъ этого. За фантазіей, будто предметъ почти исчерпанъ, слѣдуетъ фантазія, что работа будетъ кончена въ два, много въ три года. Эти слова «два или три года» значатъ: «Груда монографій, высыпаясь на моемъ рабочемъ столѣ, состоитъ изъ десятковъ группъ изслѣдованій; эти группы имѣютъ теперь связь между собою только въ моихъ мысляхъ; связи между ними на бумагѣ нѣтъ; я до сихъ поръ не имѣлъ досуга изложить на бумагѣ соотношенія между ними. Теперь займусь этимъ. Очень многія изъ монографій остались незаконченны, потому что меня отвлекало отъ нихъ желаніе изслѣдовать другіе любопытные вопросы; я закончу ихъ; кромѣ того, напишу изслѣдованія о тѣхъ любопытныхъ вопросахъ, которые еще не изслѣдованы и которые уже послѣдніе, за которыми уже не явятся въ моихъ мысляхъ никакіе другіе. Я надѣюсь, что кончу все это въ два или три года».

И такъ, черезъ два или три года трактатъ будетъ конченъ. Но теперь онъ—груда черновыхъ бумагъ, безсвязныхъ, незаконченныхъ отрывковъ, непригодныхъ для чтенія никому, кромѣ автора. А статья Уоллеса принуждаетъ автора безотлагательно обнародовать теорію, изложенную въ трактатѣ. Прежній очеркъ, сдѣланный въ 1844 году, не годится теперь: четырнадцатилѣтняя работа превратила его въ мелкіе доскутки, раздѣленные массами монографій, загроможденные ими. Пришлось сдѣлать новый очеркъ или, какъ авторъ называетъ эту свою статью,

сдѣлать «извлеченіе» изъ трактата. Сдѣлавъ его и напечатавъ въ *Журналъ Линнеевскаго Общества*, Дарвинъ сталъ перерабатывать и расширять для изданія отдѣльною книгой; объемъ его расширился такъ, что переработка сдѣлалась книгой въ нѣсколько сотъ страницъ. Эта расширенная переработка «извлеченія»—та знаменитая книга, которая произвела переворотъ въ наукахъ объ органическихъ существахъ. Авторъ и въ пятомъ изданіи ея, вышедшемъ въ 1869 году, все еще называетъ ее «извлеченіемъ» изъ трактата, надъ обработкой котораго продолжаетъ трудиться и который за десять лѣтъ передъ тѣмъ надѣялся кончить въ два или три года; онъ и теперь все еще надѣется довести до конца работу надъ своимъ трактатомъ, продолжая ее прежнимъ способомъ, все еще не видя, что при его способѣ работы это трудъ нескончаемый. За годъ передъ тѣмъ, послѣ девятилѣтней работы, онъ приготовилъ къ печати, издалъ первую главу своего трактата: *Видоизмненіе животныхъ и растений подъ хозяйствомъ человѣка*; девять лѣтъ работы—и одна глава готова; остается обработать такимъ же способомъ только тринадцать главъ; и работнику только еще 60 лѣтъ; согласитесь, какъ же ему не надѣяться, что онъ, продолжая работу тѣмъ же способомъ, доведетъ ее до конца?

Правила научной работы говорятъ: если ты взялъ предметомъ труда что-нибудь очень широкое, многосложное, сосредоточивай всѣ свои силы на разъясненіи основныхъ вопросовъ, не отвлекайся отъ нихъ ничѣмъ, иначе не достанетъ у тебя ни времени, ни силъ заняться ими, какъ должно. Число вопросовъ, возбуждаемыхъ работой надъ предметомъ широкаго содержанія, безпредѣльно велико; они возникаютъ безчисленными рядами, и каждому изъ ихъ безчисленныхъ рядовъ нѣтъ конца. Хвататься за каждый изъ этихъ вопросовъ, который покажется тебѣ любопытнѣе, значить превращать научный трудъ въ забаву твоего любопытства, въ пустую, праздную игру. Разбирай, необходимо ли тебѣ для рѣшенія основной задачи твоего труда изслѣдовать вопросъ, показавшійся тебѣ любопытнымъ, подвергай изслѣдованію только тѣ вопросы, которые необходимо изслѣдовать для этой главной твоей задачи, и изслѣдуй ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для нея; всѣ другіе вопросы устраняй, какъ неумѣстные въ твоёмъ трактатѣ; иначе ты растратишь на нихъ свои силы, свое время, запутаешься въ непрерывно и бесконечно расширяющемся лабиринтѣ ихъ, а основные вопросы останутся у тебя неизслѣдованными; ты примешь за несомнѣнныя истины какія-нибудь случайно подвернувшіяся тебѣ сужденія, которыя вообразишь разрѣшающими ихъ, и станешь подводить все подъ воображившіяся тебѣ аксіомами фальшиво истолкованныя твоимъ недоразумѣніемъ чужія мысли, истинный смыслъ которыхъ остался непонятенъ тебѣ по твоей неподготовленности понять ихъ или не замѣченъ тобою въ торопливости, съ какою ты схватился за нихъ и вырвалъ ихъ изъ связи системы, опредѣляющей смыслъ ихъ.

Были ли извѣстны Дарвину эти условія успѣшности научнаго труда надъ предметами широкаго содержанія? Быть можетъ. Но въ «извлеченіи» изъ трактата, надъ которымъ работалъ онъ съ 1844 до 1858 года, въ знаменитой книгѣ *О происхожденіи видовъ* нѣтъ ни малѣйшаго слѣда знакомства съ этими требованіями науки; по этой книгѣ видно, что его работа была непрерывнымъ нарушеніемъ ихъ.

Напримѣръ, ему представляется вопросъ: какимъ образомъ попали на острова

животныя и растенія? Разсудительный отвѣтъ былъ бы: «Изслѣдованіе этого вопроса не относится къ предмету моего труда; замѣчу только, что дѣло ясно само собой: геологія доказала, что всѣ острова, населенные сухопутными растеніями и животными, были частями материковъ. Если есть, кромѣ этого общаго объясненія, другія, частныя, тѣмъ лучше. Но мнѣ недосугъ теперь искать ихъ; когда буду имѣть досугъ, можетъ быть, поинтересуюсь пріискать ихъ. Но если я когда-нибудь займусь этимъ, то въ другомъ трудѣ; въ настоящемъ подобныя изслѣдованія были бы неумѣстны». Дарвинъ совершенно чужды мысли, что по правиламъ научнаго труда долженъ отвѣчать такъ. Ему воображается, что онъ обязанъ исчерпать вопросъ, не разбирая, относится ли вопросъ къ дѣлу. Онъ придумываетъ возраженія противъ общеизвѣстнаго объясненія; они ничтожны; но онъ воображаетъ, что они важны; находитъ общепринятое рѣшеніе не относящагося къ дѣлу вопроса сомнительнымъ, считаетъ себя обязаннымъ пріискать другія объясненія. Не заносятся ли сѣмена растеній съ материковъ на далекіе острова морскими течениями? Зерна скоро тонуть въ морской водѣ, не могутъ заплывать далеко. Но сухое дерево тонетъ не такъ скоро. Дарвинъ опускаетъ въ морскую воду высушенныя вѣтки растеній съ созрѣвшими стручками и другими вмѣстилищами зеренъ. Но бываетъ ли подобное этому въ природѣ? Придумавъ возраженіе, очевидно пустое, Дарвинъ пріискиваетъ и опроверженіе: вѣтеръ сломить вѣтку съ созрѣвшими стручками или ягодами; она полежитъ и высохнетъ, а онъ еще не отвалились отъ нея; буря сброситъ ее въ море, она поплыветъ... Что это такое? *Натуральная исторія въ занимательныхъ разсказахъ для дѣтей?* Нѣтъ, это книга *О происхожденіи видовъ*, пересоздающая науку, книга на пятую или десятую долю глубокомысленная, въ остальныхъ доляхъ ребяческая, но неизмѣнно добросовѣстная и переполненная ученостью. Продолжаемъ чтеніе. Дарвинъ держитъ вѣтки съ созрѣвшими ягодами или стручками въ морской водѣ; черезъ нѣсколько времени вынимаетъ нѣкоторыя, сажаетъ зорна, ждетъ, дадутъ ли они ростки, еще черезъ нѣсколько времени вынимаетъ другія вѣтки и т. д., и т. д., считаетъ: вотъ такія-то зерна дали ростки черезъ столько-то дней, а такія-то черезъ столько-то; собираетъ свѣдѣнія о подобныхъ наблюденіяхъ; считаетъ, сколько дней нужно, чтобы вѣтки были донесены морскимъ теченіемъ къ острову за столько-то миль. Этого объясненія мало; надобно искать другихъ. Дарвинъ добываетъ морскихъ птицъ, моетъ ихъ лапки, разсматриваетъ грязь, смытую съ лапокъ; находитъ въ ней сѣмена; считаетъ: вотъ сколько видовъ растеній могли вырасти на островахъ изъ сѣмянъ, занесенныхъ птицами вмѣстѣ съ грязью лапокъ. Придумываетъ возраженіе: морскія птицы изъ Америки нерелетаютъ иногда, гонимыя бурей, черезъ Океанъ въ Англію; почему не выросли въ Англіи американскія растенія изъ сѣмянъ, занесенныхъ ими съ грязью на лапкахъ? Это потому... Но читайте сами опроверженіе этого возраженія и дальнѣйшія изслѣдованія о неотносящемся къ дѣлу вопросѣ, какъ могли попадать на острова растенія и животныя. Впрочемъ, разумѣется, по мнѣнію Дарвина, вопросъ относится къ дѣлу; онъ даже показываетъ связь изслѣдованій о немъ съ основною задачей своего труда. Можно найти связь чего угодно съ чѣмъ угодно, была бы охота связывать. Нѣтъ ничего труднаго доказать, что изслѣдованіе о походѣ Александра Македонскаго въ Бактрію должно входить въ описаніе Лондона: Ньютонъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Лондонѣ; а однимъ

изъ предшественниковъ Ньютона былъ Эратосѣенъ, а Эратосѣенъ жилъ въ Египтѣ при Птолемахъ, а Птолемаемъ Египетъ достался потому, что былъ завоеванъ Александромъ; а еслибъ Александръ былъ разбитъ въ Бактріи, то египтяне при помощи грековъ выгнали бы македонянъ изъ своей земли; потому ясно, что изслѣдованіе причинъ успѣха похода Александра въ Бактрію должно составлять необходимую часть описанія Лондона. А сколько времени отняли у Дарвина изслѣдованія о вѣткахъ плывущихъ по морю, и о грязи на лапкахъ птицъ?

Другой примѣръ. Подъ перо Дарвина подвертывается слово «инстинктъ». У него возникаетъ вопросъ: какъ развились инстинкты? Отвѣтъ, требуемый правилами научной работы, очевиденъ: «Это вопросъ праздный для человѣка, всѣ силы котораго должны быть сосредоточены на предметѣ его труда, на разъясненіи происхожденія видовъ; инстинкты не служатъ классификаціонными признаками; всякіе вопросы о нихъ должны быть устраняемы изъ труда, имѣющаго цѣлью разъяснить видоизмѣненія формъ». Но вопросъ о развитіи инстинктовъ любопытенъ, и Дарвинъ пускается въ изслѣдованіе его; чѣмъ дальше, тѣмъ больше любопытнаго; и въ этотъ вопросъ, которымъ вовсе не имѣлъ права заниматься, когда занимался трудомъ надъ своимъ трактатомъ, Дарвинъ углубляется такъ, что изслѣдованіе о развитіи инстинктовъ разрастается до объема, далеко превосходящаго объемъ его изслѣдованія о развитіи органовъ, и образуетъ цѣлую главу въ трактатѣ; въ которомъ совершенно неумѣстно; это седьмая глава трактата; а изслѣдованіе о развитіи органовъ, одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ основнаго предмета труда, составляетъ лишь третью долю пятой главы.

Такимъ-то образомъ, увлекаясь вопросами, посторонними основному предмету труда, или вдаваясь въ мелочи, Дарвинъ тратилъ годы за годами въ изслѣдованіяхъ, бесполезныхъ для разъясненія коренной задачи, и, подавляемый массой этой ненужной работы, не имѣлъ досуга вникнуть съ должнымъ вниманіемъ въ существенные вопросы своего труда. Наконецъ, онъ принужденъ былъ внѣшнею необходимостью—статьей Уоллеса—пріостановить на время свои нескончаемыя блужданія по сторонамъ, сдѣлать «извлеченіе» изъ постоянно разрастающейся груды черновыхъ бумагъ, которую считалъ трактатомъ о генеалогическомъ родствѣ нынѣшнихъ видовъ съ прежними. Переработавъ это «извлеченіе», издавъ его отдѣльною книгой, онъ снова углубился въ изслѣдованіе мелочей, большую частью не относившихся къ дѣлу, и, перенося свою работу, по ходу случайныхъ увлеченій, съ одной части трактата на другую, мало-по-малу доводилъ нѣкоторые второстепенные или совершенно посторонніе основному предмету вопросы до такой широкой разработки, что считалъ ихъ исчерпанными и печаталъ особыми книгами или статьями эти части своего трактата или прибавки къ нему. Перечислимъ важнѣйшія изъ тѣхъ, которыя были напечатаны въ первыя шестнадцать лѣтъ по изданіи книги *О происхожденіи видовъ*. Какъ монографіи, онѣ превосходны, подобно прежнимъ его монографіямъ, и каждая изъ нихъ много подвигала впередъ изученіе вопроса, который разрабатывался въ ней. Но на общій ходъ понятій о генеалогическихъ отношеніяхъ между видами онѣ не имѣли ни малѣйшаго вліянія; переворотъ въ наукѣ былъ произведенъ исключительно «извлеченіемъ», напечатаннымъ въ *Журналъ Линнеевскаго Общества*, и расширенною его редакціей, книгой *О происхожденіи видовъ*. Послѣдующіе труды, изданные Дарвиномъ, ни мало не содѣйствовали замѣнѣ прежнихъ

ошибочныхъ мнѣній объ исторіи органическихъ существъ новыми: кто изъ натуралистовъ, державшихся ученія о неизмѣнности видовъ, перешелъ отъ нея къ ученію о генеалогическомъ родствѣ ихъ, тотъ перешелъ подъ вліяніемъ книги *О происхожденіи видовъ*; и начинающіе натуралисты учились по ней, а не по слѣдующимъ книгамъ Дарвина. Потому мы коснемся этихъ его монографій лишь для разъясненія способа работы его надъ трактатомъ о родствѣ между видами.

Послѣ книги *О происхожденіи видовъ* онъ издалъ монографію *О разныхъ приспособленіяхъ цвѣтка орхидей для ихъ оплодотворенія*. Это часть 5-го отдѣла 6-й главы трактата. Цвѣтки орхидей устроены такъ, что пыль тычинокъ не можетъ быть перевосима на рыльца пестиковъ вѣтромъ; ее переносятъ на лапкахъ, головкахъ, спивкахъ насѣкомыя, залѣзающія въ мужскіе цвѣтки орхидей сосать сладкій сокъ, марающіяся въ пыли тычинокъ, потомъ залѣзающія въ женскіе цвѣтки тоже сосать сокъ и марающія пылью тычинокъ, рыльца пестиковъ. Что же изъ того для разъясненія вопроса о происхожденіи видовъ? Идетъ изслѣдованіе. Оказывается, что яркость окраски и большой размѣръ цвѣтка помогаетъ насѣкомымъ отыскивать его. Много ли помогаетъ? Въ этомъ ли дѣло? Не гораздо ли замѣтнѣе для насѣкомыхъ запахъ сладкаго сока? Развѣ не прилетаютъ насѣкомыя сосать его изъ цвѣтковъ, не имѣющихъ яркой окраски и очень маленькихъ? Это крупный фактъ; Дарвинъ забываетъ о немъ, увлекшись изслѣдованіемъ мелкаго частнаго случая. Но пусть собственно величина и яркость окраски цвѣтка привлекаютъ насѣкомыхъ къ орхидеямъ. Что изъ того? Вотъ что: тѣ растенія семейства орхидей, у которыхъ цвѣтки были побольше и ярче, нежели у другихъ того же вида или того же рода или семейства, болѣе привлекали къ себѣ насѣкомыхъ; потому размноженіе ихъ шло сплнѣнѣе; они вытѣсняли растенія своего вида, или рода, или семейства съ меньшими и менѣ яркими цвѣтками; такимъ образомъ, цвѣтки орхидей становились все великолѣпнѣе. Это и оказывается, по мнѣнію Дарвина, однимъ изъ наиболѣе ясныхъ и сильныхъ свидѣтельствъ въ пользу основной мысли его, что развитіе организациі было производимо дѣйствіемъ естественнаго отбора. Прекрасно; если, углубившись въ изслѣдованіе орхидей, забыть обо всѣхъ другихъ растеніяхъ, то, дѣйствительно, выходитъ такъ. А если вспомнить, что существуютъ растенія, у которыхъ оплодотвореніе происходитъ способами болѣе простыми, вѣрными, чѣмъ перенесеніе пыли тычинокъ съ мужскихъ цвѣтковъ на пестики женскихъ насѣкомыми, то будетъ ясно, что развитіе цвѣтка орхидей не могло быть результатомъ естественнаго отбора: если бы ходъ дѣла зависѣлъ отъ него, то не могли бы существовать растенія съ такимъ устройствомъ цвѣтка, какъ орхидей; они были бы вытѣснены растеніями, оплодотвореніе которыхъ совершается способами болѣе простыми и вѣрными и у которыхъ поэтому сила размноженія несравненно могущественнѣе. И такъ, если забывать крупные факты, то можно объяснять развитіе цвѣтковъ орхидей дѣйствіемъ естественнаго отбора; а если вспомнить крупные факты, то ясно, что самое существованіе орхидей опровергаетъ мысль о преобладаніи естественнаго отбора въ процессѣ развитія организациі, что ея повышеніе производится дѣйствіемъ какихъ-то другихъ силъ, преодолевающихъ его дѣйствіе. Если бы преобладалъ онъ, то не могли бы существовать не только въ частности орхидей, но и вообще никакія растенія имѣющія организацию выше тѣхъ, которыя размножаются по способу иховъ и грибовъ.

Мы не имѣемъ подъ руками отмѣтки, въ какомъ году издана монографія о вьющихся растеніяхъ: кажется, послѣ изслѣдованія объ оплодотвореніи орхидей и раньше изслѣдованія о видоизмѣненіи животныхъ и растеній подъ хозяйствомъ человѣка; если наше воспоминаніе объ этомъ ошибочно, то оно вводитъ насъ въ отступленіе отъ хронологическаго порядка, который желали бы мы соблюсти. Переходимъ къ дѣлу.

Движенія и привычки (habits) вьющихся растеній — часть 4-го отдѣла 6-й главы трактата. Свойство растенія быть вьющимся не служитъ классификаціоннымъ признакомъ; потому изслѣдованіе о свойствѣ нѣкоторыхъ растеній быть вьющимися было напрасною тратой времени для человѣка, трудившагося надъ разъясненіемъ генеалогическихъ отношеній между видами.

Монографія объ оплодотвореніи орхидей была напечатана въ 1862 году; въ 1868 году явилось изслѣдованіе, превосходящее своимъ объемомъ книгу *О происхожденіи видовъ*.

Видоизмѣненіе животныхъ и растеній подъ хозяйствомъ человѣка (under domestication) — это первая глава трактата. Дарвинъ полагалъ, что эта книга дастъ его теоріи основаніе болѣе прочное, чѣмъ какое могло быть дано краткимъ изложеніемъ первой главы трактата въ книгѣ *О происхожденіи видовъ*. Ему казалось, что важность дѣла въ подробностяхъ, которыя сообщаетъ онъ теперь, что онъ убѣждать въ измѣнчивости видовъ значительную часть натуралистовъ, оставшихся при прежнихъ понятіяхъ послѣ изданія книги *О происхожденіи видовъ*. Ровно никакого дѣйствія въ этомъ смыслѣ не произвела книга о видоизмѣненіи домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній. И ожиданіе, что она убѣдитъ кого-нибудь изъ неубѣдившихся «извлеченіемъ», какъ называлъ Дарвинъ книгу *О происхожденіи видовъ*, было только наивною челоуѣка, придававшего чрезмѣрную важность мелочамъ. Все сколько-нибудь важное для людей, умѣющихъ различать важное отъ мелочей, было уже сообщено въ «извлеченіи» изъ этой части трактата. Въ полномъ ея изложеніи были прибавлены тысячи подробностей, драгоценныхъ для разъясненія мелкихъ вопросовъ; но эти прибавки имѣютъ только техническую важность: никакого вліянія на образъ мыслей по вопросу объ измѣнчивости или неизмѣнности видовъ онѣ не могли имѣть. Кого карта Англіи не убѣждаетъ въ томъ, что Темза течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ Нѣмецкое море, того не убѣдитъ въ этомъ топографическая карта береговъ Темзы; эта карта имѣетъ очень большое значеніе, но только техническое; общія понятія о теченіи Темзы ни мало не завѣсятъ отъ тѣхъ подробностей, которыя прибавляетъ она къ очерку Темзы, даваемому общео картою Англіи. Дарвинъ, по своему пристрастію къ монографическому исчерпыванію вопросовъ, постоянно забывалъ, что мелочи — это не болѣе, какъ мелочи, что крупные вопросы рѣшаются на основаніи немногихъ, существенно важныхъ фактовъ, или широкихъ идей, и никакія тысячи мелочей не могутъ имѣть никакого замѣтнаго вѣса при взвѣшиваніи аргументовъ по крупнымъ вопросамъ. Ошибочная надежда Дарвина, что подробная разработка первой главы его трактата убѣдитъ кого-нибудь изъ тѣхъ, кого не убѣдила первая глава «извлеченія» — лишь наивность простодушнаго челоуѣка. Но онъ сдѣлалъ громадную научную ошибку, взявъ за основаніе своихъ соображеній о характерѣ дѣйствія естественнаго отбора тѣ результаты, какіе производитъ хозяйственный отборъ, дѣлаемый челоуѣкомъ.

Хозяинъ стада, убивая худшихъ животныхъ, не подвергаетъ сберегаемыхъ имъ лучшихъ тому процессу, которымъ убиваетъ худшихъ. Если, напримѣръ, онъ бьетъ обухомъ по лбу тѣхъ коровъ, которыхъ убиваетъ, онъ не наноситъ такихъ же ударовъ обуха по лбу тѣмъ коровамъ, которыхъ сохраняетъ. Естественный отборъ подвергаетъ каждое животное стада газелей тому процессу, результатомъ котораго оказывается смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. Самая обыкновенная форма естественнаго отбора—вымирание излишнихъ существъ отъ недостатка пищи; одни ли умирающія существа подвергаются въ этомъ случаѣ голоду? Нѣтъ, всё. Такъ ли поступаетъ хозяинъ съ своимъ стадомъ? Улучшалось ли бы его стадо, еслибъ онъ сдерживалъ размноженіе, подвергая всѣхъ животныхъ голоду. Переживающія животныя слабѣли бы, портились бы, стадо ухудшалось бы.

Въ 1871 году Дарвинъ издалъ соединенными въ одной книгѣ два изслѣдованія: о половомъ отборѣ и о генеалогіи чело­вѣка.

Изслѣдованіе о половомъ отборѣ—это 2-й отдѣлъ 4-й главы трактата. Ставя главною причиною замѣны прежнихъ видовъ новыми естественный отборъ, Дарвинъ припимать, какъ одну изъ второстепенныхъ видоизмѣняющихъ организмы силъ, половой отборъ. О дѣйствиі этой силы ему не слѣдовало бы говорить много, потому что самъ онъ считалъ ея вліяніе второстепеннымъ. А, между тѣмъ, изслѣдованіе о ней разрослось у него до такой степени, что превзошло объемомъ книгу *О происхожденіи видовъ*, въ которой оно составляло лишь одинъ, и, притомъ, самый меньшій по объему, отдѣлъ изъ десяти отдѣловъ одной главы, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ одномъ, тоже маленькомъ, изъ одиннадцати отдѣловъ другой главы (глава 5, отдѣлъ 9: *вторичныя половыя отличія измѣнчивы*). Съ какою цѣлью изслѣдовалъ Дарвинъ дѣйствіе полового отбора? Хотѣлъ ли онъ сдѣлать полное систематическое обзорніе производимыхъ этимъ отборомъ такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ различій по всѣмъ классамъ, семействамъ, родамъ и видамъ животныхъ? Это былъ бы громадный каталогъ, вродѣ такъ называемыхъ *Genera et species animalium*. Нѣтъ, ничего подобнаго онъ не хотѣлъ сдѣлать, потому что зналъ: такая работа возможна только какъ сводъ частныхъ каталоговъ отдѣльныхъ классовъ животныхъ; а каталоговъ этихъ еще не было тогда ни одного (кажется, и теперь еще нѣтъ). Предпринимая свое изслѣдованіе, Дарвинъ имѣлъ цѣль совершенно разумную, удободостижимую безъ такой работы, длиннота которой превышала бы сравнительную маловажность предмета въ его системѣ понятій о причинахъ измѣненія формъ. Онъ хотѣлъ только показать, что существуетъ половой отборъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе этой силы производить довольно значительные результаты. Для этого было бы достаточно привести нѣсколько примѣровъ наиболѣе крупныхъ и ясныхъ. Онъ приписываетъ дѣйствию полового отбора, напримѣръ, развитіе роговъ у самцовъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ, развитіе клыковъ у нѣкоторыхъ другихъ, развитіе яркой окраски и украшающихъ формъ перьевъ у самцовъ нѣкоторыхъ птицъ. И достаточно было бы для подтвержденія этихъ мыслей напомнить о рогахъ оленей, клыкахъ слоновъ, перьяхъ хвоста павлина. Работа могла бы быть кончена въ нѣсколько дней, если не въ нѣсколько часовъ. Но—предметъ любопытенъ, и Дарвинъ завлекся далеко-далеко за предѣлы того, чѣмъ долженъ былъ бы ограничиться по нормѣ, даваемой собственными его понятіями о сравнительной маловажности предмета въ системѣ разясненій родства ны-

нѣшнихъ видовъ съ прежними. Онъ анализируетъ половыя (собственно такъ называемыя вторичныя, не относящіяся къ органамъ размноженія, половыя) разницы множества животныхъ разныхъ классовъ, начиная съ довольно низкихъ. Его привлекаютъ особенно тѣ случаи, въ которыхъ наиболѣе трудно разобрать способъ дѣйствія полового отбора; это коллекція курьезовъ, подобная тѣмъ, какія собираютъ любители рѣдкостей. Труда и времени потрачено въ сто разъ больше, чѣмъ было нужно; а полного, цѣльнаго обзора, все-таки, не вышло. Впослѣдствіи кто-нибудь, начавъ составлять его, вѣроятно, найдетъ въ изслѣдованіи Дарвина много матеріаловъ, полезныхъ для своего труда; но, съ точки зрѣнія надобностей теоріи самого Дарвина, масса работы надъ изслѣдованіемъ половыхъ различій потрачена совершенно напрасно. И къ какимъ половымъ особенностямъ относятся тѣ лоскуты обзора, на которые Дарвинъ употребилъ наибольшее количество своего напраснаго труда? Къ разницамъ окраски, т.-е. къ тѣмъ, которыя заслуживаютъ наименьшаго вниманія въ трактатѣ, имѣющемъ цѣлью разяснить происхождение видовъ, различій между органическими существами по формамъ устройства. Напомнимъ одинъ примѣръ. Павлинъ отличается отъ павы разными украшеніями, изъ которыхъ самое эффектное—длинный хвостъ, развертывающійся вертикальнымъ вѣромъ съ великолѣпнымъ ободомъ, образуемымъ яркою разноцвѣтною окраской концовъ перьевъ. Ясно, что приобрѣтеніе такого хвоста павлиномъ имѣло главными своими причинами какое-то усиленіе дѣятельности железъ, питающихъ перья хвоста, и какое-то физиологическое измѣненіе питанія опушки концовъ перьевъ; отъ этихъ причинъ перья удлиннились и получили густоту опушки, яркость ея окраски. Очень большую важность имѣло также то измѣненіе мускуловъ, управляющихъ движеніемъ хвоста, которое дало павлину возможность развертывать хвостъ вертикальнымъ вѣромъ: развернутый, онъ производитъ гораздо больше эффекта, чѣмъ неразвернутый. На вопросы объ этихъ измѣненіяхъ желѣзъ, мускуловъ и питанія концевой опушки перьевъ и слѣдовало обратить наибольшее вниманіе. Но они не интересуютъ Дарвина; онъ бьется исключительно надъ вопросомъ, какъ изъ двухъ боковыхъ пятенъ конца опушки образовалось одно центральное. Хорошо, пусть этотъ, сравнительно ничтожный, вопросъ интереснѣе всѣхъ важныхъ. Но прежде чѣмъ вдаваться въ изслѣдованіе о томъ, какъ произвелъ половой отборъ сліяніе двухъ боковыхъ пятенъ въ одно, слѣдовало рассмотреть предварительный вопросъ: возможно ли считать это сліяніе результатомъ полового отбора? Развѣ тѣ два пятна производили менѣе эффектное впечатлѣніе на паву, чѣмъ нынѣшнее одно? Развѣ отъ ихъ сліянія въ него ободъ хвоста павлина сталъ великолѣпнѣе? Окраска ихъ была, по мнѣнію самого Дарвина, точно такая же яркая и распределеніе яркихъ цвѣтовъ въ ней было точно такое же, какъ въ нынѣшнемъ пятнѣ: а сумма ихъ площадей была больше площади нынѣшняго пятна: при сліяніи ихъ въ него сфѣзались очень большіе сегменты тѣхъ сторонъ, которыми они были обращены къ средней линіи длины пера; потому ободъ вѣра при раздѣльности боковыхъ пятенъ былъ великолѣпнѣе, чѣмъ сталъ по сліяніи ихъ; такъ выходитъ, если брать за достовѣрные факты тѣ понятія объ окраскѣ и величинѣ боковыхъ пятенъ, на которыхъ основывается свое изслѣдованіе Дарвинъ; слѣдовательно, съ его собственной точки зрѣнія должно было бы рѣшить, что сліяніе двухъ боковыхъ пятенъ въ одно не могло быть произведено половымъ отборомъ, что его произвела какая-то другая сила, перемѣ-

шавшая окраску по направленію къ корнямъ концевой опушки пера, какая-то переменна въ питаніи опушки, дѣйствовавшая независимо отъ полового отбора и наперекоръ ему. Въ обѣ эти ошибки безпрестанно вводитъ Дарвина его увлеченіе изслѣдованіемъ мелочей: изъ-за мелочей онъ забываетъ факты болѣе крупныя и, углубляясь въ придумываніе, какимъ способомъ данная сила произвела данный результатъ, онъ постоянно забываетъ разсмотрѣть предварительный вопросъ о томъ, возможно ли приписывать дѣйствию этой силы произведеніе этого результата, не противоположенъ ли характеръ этого результата характеру ея, не слѣдуетъ ли поэтому рѣшить, что онъ произведенъ дѣйствіемъ какой-нибудь другой силы, отбросить приписываніе объясненія, которое по необходимости будетъ фальшивымъ, и заняться изслѣдованіемъ, какая другая сила произвела данный результатъ?

Изслѣдованіе о генеалогіи человѣка, изданное вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о половомъ отборѣ, — прибавка къ тому трактату, извлеченіе изъ котораго составляетъ книга *О происхожденіи видовъ*. Въ ней нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о томъ, должно ли, по мнѣнію автора, примѣнять къ человѣку его понятія о родствѣ нынѣшнихъ органическихъ существъ съ прежними, или не должно. Простякъ хотѣлъ поступить хитро. И схитрилъ, какъ умѣютъ хитрить простяки. Всѣ тѣ, обмануть кого хотѣлъ онъ своимъ молчаніемъ, подняли гвалтъ при появленіи книги *О происхожденіи видовъ*, всѣ въ одинъ голосъ закричали, что онъ производитъ человѣка отъ обезьяны. Онъ принялся горячо увѣрять, что не могъ имѣть такой мысли, что она, по его мнѣнію, нелѣпа. Никто изъ кричавшихъ не повѣрилъ опечаленному добряку. Всѣ оставили за нимъ мысль, отъ которой отрекался онъ, какъ отъ нелѣпости, никогда не приходившей въ голову ему. Въ тысячу разъ было бы ему легче, еслибъ онъ прямо и вполне высказалъ въ книгѣ *О происхожденіи видовъ* свои понятія о генеалогіи человѣка. Но говорить объ этомъ не входило въ планъ трактата, извлеченіемъ изъ котораго была она. Увидѣвъ, что хитрость ввела его въ бѣду, и ободрившись примѣромъ другихъ натуралистовъ, высказавшихъ свои понятія объ отношеніяхъ человѣка къ прежнимъ существамъ подобной организаціи, онъ написалъ изслѣдованіе о предметѣ, котораго не хотѣлъ касаться, когда составлялъ планъ своего трактата. Человѣкъ менѣе наивный съ самаго начала зналъ бы, что неизбѣжно рѣшиться на одно изъ двухъ: или, составляя планъ трактата о генеалогическомъ родствѣ нѣкоторыхъ органическихъ существъ съ прежними, ввести въ него изслѣдованіе генеалогіи человѣка, или отбросить самую мысль о такомъ трактатѣ.

Въ 1872 г. Дарвинъ напечаталъ изслѣдованіе о выраженіи чувствъ у человѣка и животныхъ, а въ 1875 г. — изслѣдованіе о насѣкомоядныхъ растеніяхъ. Оба они относятся ко второму отдѣлу пятой главы трактата, говорящему объ употребленіи и неупотребленіи органовъ. Но не только въ первомъ изданіи «извлеченія», даже и въ пятомъ, вышедшемъ въ 1869 г., нѣтъ еще ни одного слова, соответствующаго имъ, т.-е. не только въ 1859 г., но и въ 1869 г. Дарвинъ еще не предвидѣлъ, что найдетъ надобнымъ «пополнить» свой трактатъ этими изслѣдованіями. И дѣйствительно, мудрено было предусмотрѣть, что случится такъ. Насѣкомоядность нѣкоторыхъ растеній не принадлежитъ къ числу классификаціонныхъ признаковъ ихъ. О перемѣнахъ въ выраженіи лица или въ состояніи мускуловъ другихъ частей тѣла при порывахъ чувства нечего и говорить, причисляются

ли онъ къ видовымъ отличіямъ. Потому изслѣдованія объ этихъ предметахъ— работы совершенно неумѣстны въ трудѣ, имѣющемъ цѣлью разъяснить отношенія между видами. И, въ особенности, слѣдовало ли тратить время на эти ненужныя изслѣдованія человѣку, трудящемуся надъ своимъ трактатомъ уже десятки лѣтъ, не успѣвшему подвинуться въ обработкѣ его дальше первой главы и уже имѣющему больше шестидесяти лѣтъ отъ роду? Кажется, онъ имѣлъ бы надобность помнить, что ему должно дорожить временемъ, не терять мѣсяцевъ за мѣсяцами, годовъ за годами на блужданія по сторонамъ отъ основнаго предмета труда. Но подвернулись неумѣстные вопросы, показались любопытными и отвлекли труженника отъ предмета его работы; впрочемъ, нѣтъ, не отвлекли: онъ доказываетъ, что изслѣдованіями о нихъ разъясняется родство между видами. Что-жь, разумѣется, можно приплетать что угодно къ чему угодно, было бы желаніе.

На 1875 году мы остановимся, потому что не имѣемъ подъ руками хронологическаго списка частей трактата, изданныхъ Дарвиномъ въ послѣдующіе годы. Это жаль. Но и обзоръ тѣхъ частей, которыя были изданы имъ въ первыя шестнадцать лѣтъ по напечатаніи книги *О происхожденіи видовъ*, достаточно показывать, какъ успѣшно и систематично шла у неутомимаго труженника обработка основныхъ его понятій о родствѣ между видами.

Онъ обработалъ первую главу трактата, служащую предисловіемъ къ изложенію его теоріи. На этомъ и остановилась систематическая обработка трактата. Послѣ того, т. е. съ 1868 г. до конца жизни, онъ ужъ только блуждалъ по лабиринту черновыхъ бумагъ, масса которыхъ все разрасталась и становилась все хаотичнѣе; отъ времени до времени онъ останавливался надъ какою-нибудь группой этихъ бумагъ и обрабатывалъ какой-нибудь кусокъ трактата, относившійся къ вопросу или мелочному, или постороннему основной задачѣ, издавалъ этотъ кусокъ, не имѣющій связи ни съ тѣми, которые были изданы раньше, ни съ тѣми, къ обработкѣ котораго переходилъ онъ.

Теорія должна была излагаться во второй, третьей и четвертой главахъ трактата. Глава вторая предназначена была для изслѣдованія перемѣнъ формъ растеній и животныхъ въ естественномъ ихъ состояніи, независимо отъ человѣка; она должна была служить подготовкой къ изложенію существеннѣйшихъ частей теоріи, къ разрѣшенію вопроса о томъ, какая сила произвела развитіе органическихъ формъ; рѣшеніе этого вопроса должно было составлять содержаніе главы третьей (имѣвшей своимъ заглавіемъ: *Борьба за жизнь*) и главы четвертой (заглавіе которой было: *Естественный отборъ*, результатъ борьбы за жизнь). Изъ двадцати двухъ отдѣловъ этихъ трехъ главъ Дарвинъ успѣлъ до конца жизни обработать только одинъ отдѣлъ, именно второй отдѣлъ четвертой главы, излагающей ученіе о половомъ отборѣ,—одинъ отдѣлъ изъ двадцати двухъ, и, притомъ, отдѣлъ, посвященный изложенію дѣйствій не борьбы за жизнь, а другой силы—силы соперничества между самцами за обладаніе самкой или между самками за обладаніе самцомъ. Изъ ученія о борьбѣ за жизнь, дѣйствія которой составляютъ, по теоріи Дарвина, основной элементъ исторіи развитія органическихъ формъ, и о производимомъ ею естественномъ отборѣ, объ этой существеннѣйшей чертѣ его теоріи, бѣдный труженникъ не успѣлъ обработать ни одного кусочка до самой своей смерти. Онъ умеръ,—припомнимъ цифры,—онъ умеръ въ 1882 г., а теорія была готова у него въ 1844 г. Работа, неутомимо веденная тридцать восемь лѣтъ,

ушла на изслѣдованія или мелочныя, или постороннія предмету труда, такъ что въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ ни одно изъ коренныхъ положеній теоріи не могло быть подвергнуто авторомъ внимательному разбору, по недостатку времени, и пришедшія на мысль ему при началѣ труда рѣшенія основныхъ вопросовъ остались непровѣренными.

Тридцать восемь лѣтъ напрасной траты силъ на блужданія по сторонамъ отъ основнаго предмета труда—исторія науки едва ли представляетъ другой примѣръ такого нарушенія правилъ научной работы.

А, между тѣмъ, принято превозносить похвалами способъ работы Дарвина надъ его трактатомъ. Источникъ ихъ—то, что эта нескончаемая, безразсудная работа имѣетъ качество очень эффектное. Много содѣйствуютъ горячности ихъ и нравственныя достоинства автора, отражающіяся въ его работѣ: неутомимое трудолюбіе, безусловная добросовѣтность, нескрѣпящая скромность, доброжелательнѣйшая готовность признавать чужія заслуги, отдавать полную справедливость трудамъ соперниковъ, кротость незлобивой души, непоколебимая никакими нападеніями враговъ; эти прекрасныя черты человѣка возбуждаютъ во всякомъ честномъ человѣкѣ уваженіе къ его труду. Но существенная причина похвалъ его способу работы, все-таки, не нравственныя достоинства ея, а то, что результатъ ея очень эффектенъ: набирая и набирая подробности за подробностями, и анализируя всяческія мелочи, Дарвинъ подавляетъ массой учености мысль человѣка, не умѣющаго или забывающаго разсматривать, къ какому разряду знаній принадлежатъ матеріалы, изъ которыхъ однихъ сложены всѣ груды учености, производящія эффектъ своими размѣрами, по какимъ нормамъ производятся анализы и какими особенностями отличается умъ, громоздящій эти груды, производящій эти анализы.

Съ качествами очень добраго, безусловно честнаго, чрезвычайно благороднаго человѣка въ Дарвинѣ соединялись нѣкоторые изъ качествъ великаго ученаго: сильный умъ, громадный запасъ знаній и, при всей его громадности, не ослабѣвающее до конца жизни влеченіе увеличивать его, учиться и учиться. Но мы видѣли, что этотъ умъ, хотя и сильный, имѣлъ склонности, несомнѣтельныя съ успѣшностью работы надъ разъясненіемъ широкихъ, многосложныхъ вопросовъ: онъ съ неудержимою страстью вдавался въ изслѣдованія или мелочныя, или постороннія основному предмету труда, нескончаемо тратилъ время на собираніе длинныхъ перечней, не прибавляющихъ ничего къ разъясненію, даваемому немногими примѣрами, на разработку вопросовъ, не относящихся къ дѣлу; теряясь въ массахъ мелочей и въ далекихъ блужданіяхъ отъ предмета, онъ упускалъ изъ вида крупныя факты, не имѣлъ досуга изслѣдовать существенные вопросы. Была въ умѣ Дарвина и другая особенность, несомнѣтельная съ успѣшностью труда надъ разъясненіемъ законовъ жизни, многосложныхъ и запутанныхъ: ребяческая наивность. Нормы, по которымъ Дарвинъ производилъ анализы фактовъ жизни, были клочки оптимистической философіи въ популярной передѣлкѣ, подводящей всякіе факты безъ всякаго исключенія подъ простонародную поговорку: «все на свѣтѣ къ лучшему». Человѣкъ, руководящійся въ своихъ сужденіяхъ подобными мыслями, не имѣетъ научной подготовки къ пониманію законовъ жизни, какова бы ни была обширность его спеціальныхъ свѣдѣній. Но и въ запасѣ спеціальныхъ знаній были у Дарвина пробѣлы, о пополненіи которыхъ онъ не заботился, не до-

гадиваясь, по своей наивности, что, кромѣ свѣдѣній, надобныхъ для монографическихкихъ изслѣдованій, существуетъ другой разрядъ специальныхъ знаній, въ которыхъ нѣтъ необходимости монографисту, но безъ которыхъ невозможно основательное изслѣдованіе вопросовъ очень широкихъ. Мы увидимъ эти пробѣлы, обративъ вниманіе на нѣкоторыя черты его разсказа о томъ, какъ возникла у него мысль объ измѣнчивости видовъ и о томъ, какъ искалъ онъ разъясненія исторіи измѣненій формъ организмовъ.

Натуралистъ, правда, еще очень молодой, потому, конечно, еще не успѣвшій пріобрѣсти такого количества специальныхъ знаній, какое имѣютъ первоклассные ученые въ 35 или 40 лѣтъ, но, все-таки, натуралистъ, и, притомъ, уже способный обогатить науку превосходными наблюденіями и очень основательными выводами изъ нихъ,—слѣдовательно, уже имѣющій очень много специальныхъ знаній, плыветъ изъ Англіи къ восточному берегу южной Америки, посѣщаетъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, дѣлая наблюденія и, между прочимъ, изучая животныхъ, дѣлаетъ потомъ такія же наблюденія по западному берегу южной Америки, приплываетъ, наконецъ, къ Галапагосскому архипелагу и «удивляется», даже не просто, а «очень удивляется», увидѣвъ, что животныя этого архипелага похожи на животныхъ ближайшаго берега южной Америки, но не одинаковы съ ними. Какъ же возможно было, чтобъ онъ удивился этому? Предположимъ наибольшую правдоподобную скудость запаса специальныхъ знаній у него; все-таки, странно, что въ его знаніяхъ могъ быть пробѣлъ, оставившій мѣсто удивленію при видѣ того, что онъ увидѣлъ. Правда, зоологическая географія была тогда разработана гораздо меньше, чѣмъ теперь; но, все-таки, общепзвѣстнымъ фактомъ было уже и тогда то, что фауны острововъ, лежащихъ далеко отъ континентовъ, обыкновенно состоятъ изъ видовъ сходныхъ, но не одинаковыхъ съ видами ближайшихъ частей континентовъ. И мало того, что онъ «очень удивился» тогда; черезъ двадцать пять лѣтъ онъ, уже давно ставшій первокласснымъ натуралистомъ, разсказывая во «Введеніи» къ книгѣ *О происхожденіи видовъ* этотъ фактъ, не находитъ въ немъ ничего страннаго. То же самое невѣдѣніе о его странности остается и еще черезъ десять лѣтъ, въ пятомъ изданіи книги. Какъ понять это невѣдѣніе? Очевидно, что мысли Дарвина о томъ, какія знанія нужны натуралисту, оставались односторонни и въ 1859, и въ 1869 году, какъ были односторонни его заботы о пріобрѣтеніи знаній до отплытія изъ Англіи въ концѣ 1831 года: онъ дорожилъ только свѣдѣніями, надобными монографисту; плохое знакомство съ отдѣлами свѣдѣній, относящимися къ широкимъ фактамъ, продолжало казаться ему не страннымъ, потому что оставалось у него плохимъ, и онъ даже не замѣчалъ, что оно остается плохимъ, считая этотъ отдѣлъ знаній маловажнымъ.

Неожиданный фактъ, удивившій молодого натуралиста на Галапагосскихъ островахъ, привелъ его къ мысли, что животныя этого архипелага—видоизмѣненные потомки предковъ, другіе потомки которыхъ, вѣроятно, тоже видоизмѣнились, живутъ въ ближайшей части южной Америки. Мысль правильная. Но опять странный пробѣлъ въ знаніяхъ: молодому натуралисту не припомнилось, что были великіе натуралисты, говорившіе о генеалогическомъ родствѣ между видами. Какъ могъ онъ ухвѣть изъ Англіи, не зная этого? Хорошо; не зналъ. Допустимъ, что онъ, предполагавшій быть монографистомъ, былъ правъ, считая пенужнымъ знакомиться съ трудами натуралистовъ, устарѣвшими въ своихъ мелочныхъ подроб-

ностяхъ, потому непригодными для монографиста, пособиями для котораго должны служить новѣйшія книги. Но вотъ онъ возвратился въ Англію, и, хоть принужденный работать, главнымъ образомъ, надъ приготовленіемъ къ печати фактическихъ результатовъ своего путешествія, трудится и надъ разъясненіемъ своей мысли о генеалогическомъ родствѣ между видами. Это уже не монографическая задача. Одно изъ основныхъ правилъ научной работы говоритъ, что человѣку, желающему сформировать себѣ правильныя понятія по очень широкому вопросу, по которому современные специалисты имѣютъ ошибочныя мнѣнія, необходимо навести справки о мнѣніяхъ прежнихъ великихъ специалистовъ; но это правило научной работы надъ разъясненіемъ широкихъ вопросовъ неизвѣстно молодому—теперь, впрочемъ, уже не очень молодому, двадцати восьмилѣтнему—натуралисту, задумавшему пересоздать науку объ органическихъ существахъ. Онъ не знаетъ, что ему слѣдуетъ навести справки о мнѣніяхъ прежнихъ великихъ натуралистовъ, мысли которыхъ о родствѣ между видами называли незаслуживающими вниманія учителя его, ученики Кювье. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что теорія неизмѣнности видовъ, изложенная Кювье, ошибочна; и онъ не догадывается, что для него, противника Кювье; не должны быть авторитетными отзывы учениковъ Кювье о мысляхъ натуралистовъ, противникъ которыхъ былъ Кювье. Онъ продолжаетъ вѣрить своимъ учителямъ, что мысли этихъ натуралистовъ о родствѣ между видами не заслуживаютъ вниманія, и, годъ за годъ, работаетъ надъ приписываніемъ объясненія измѣненій формъ организмовъ, не догадываясь, что не мѣшало бы ему справиться о мнѣніяхъ прежнихъ трансформистовъ. Онъ не находитъ объясненія, бродитъ въ потемкахъ. И вдругъ—о, радость?—объясненіе нашлось. Оно нашлось—о, чудо изъ чудесъ!—въ трактатѣ о политической экономіи,—въ трактатѣ, написанномъ съ цѣлью оправдать торійское министерство, при поддержкѣ большинства виговъ отвергающее проекты политическихъ реформъ, предлагаемые меньшинствомъ виговъ. Какъ возможно было сдѣлать въ книгѣ подобнаго содержанія находку, надобную для пересозданія науки объ отношеніяхъ между розой, сосной и мхомъ, между слономъ, орломъ и сельдью? Случай удивительный по своей несообразности съ правилами здраваго смысла, но, помимо этого своего свойства, очень простой, совершенно естественный. Если человѣкъ, желающій стать живописцемъ, не знаетъ, что учиться живописи надобно у живописцевъ, то въ своихъ поискахъ учителя онъ, зашедши къ столяру, научится живописи у этого мастера: столяръ не живописецъ, это правда; но умѣетъ чертить карандашомъ фигуры стульевъ и столовъ; онъ научить этому; что-жь, и то хорошо. Развѣ-жь это не живопись?

И такъ, пересоздавать естествознаніе надобно на основаніи политическаго памфлета. Прекрасно. Но если ужъ пришлось заимствовать у Мальтуса теорію, объясняющую измѣненія формъ растений и животныхъ, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, вникнуть въ смыслъ ученія Мальтуса. Дарвинъ не позаботился и объ этомъ. Онъ не догадался разобрать, какой смыслъ имѣетъ у Мальтуса мысль, озарившая его, утомленнаго блужданіемъ въ темнотѣ. Если бы онъ правильно понялъ восхитившую его мысль учителя,—теорія, построенная на ней, была бы ошибочна только тѣмъ, что приписывала бы преобладающее вліяніе на ходъ измѣненій органическихъ формъ дѣйствию силы, имѣющей лишь второстепенное значеніе въ этомъ отношеніи, оставляла бы безъ вниманія другія силы, вліяніе которыхъ на измѣненіе формъ организмовъ гораздо могущественнѣе; она давала бы слишкомъ узкое

объясненіе фактамъ, но не искажала бы охватываемую ею маленькую долю истины прибавкой лжи, примѣшанной къ ней по недоразумѣнію. Вышло иначе. Въ восторгъ отъ внезапнаго озаренія ума, Дарвинъ вырвалъ изъ аргументаціи Мальтуса очаровавшую его мысль, не потрудившись разсмотрѣть мыслей, съ которыми она соединена у его учителя и которыми опредѣляется ея смыслъ. Онъ предположилъ въ ней смыслъ, соответствующій его привычнымъ понятіямъ о вещахъ, не догадываясь, что этотъ смыслъ несообразенъ съ понятіями его учителя, и построилъ на фальшиво понятіи обрывкъ публицистической защиты торійскаго министерства, поддерживаемаго большинствомъ виговъ, теорію развитія органической природы. Таковъ источникъ теоріи благотворности борьбы за жизнь; онъ — грубое недоразумѣніе.

Мальтусъ говоритъ, что каждый видъ ограниченныхъ существъ имѣетъ силу размножаться; что по дѣйствию этой силы количество существъ каждаго вида становится и остается превышающимъ количество пищи, находимой этими существами; что потому нѣкоторыя изъ нихъ подвергаются голоду и погибаютъ или прямо отъ него, или отъ болѣзней и другихъ бѣдствій, производимыхъ имъ.

Все это правда. Но для чего Мальтусъ выставляетъ ее на видъ? Онъ хочетъ показать, отчего происходятъ бѣдствія, которымъ подвергаются люди, когда чрезмерно размножаются, и показываетъ, что въ этомъ случаѣ причина ихъ бѣдствій — чрезмерное размноженіе: они размножаются, какъ неразумныя существа, и подвергаются бѣдствіямъ, какимъ подвергаются чрезъ свое размноженіе неразумныя животныя. О чемъ же говорить Мальтусъ? О бѣдствіяхъ и причинѣ бѣдствій. Что такое по его понятіямъ бѣдствія? Они, по его понятіямъ, бѣдствія, и только; зло, и только. Видитъ ли онъ что-нибудь хорошее въ причинѣ бѣдствій, о которой говорить, въ чрезмерности размноженія? Ничего хорошаго въ ней онъ не видитъ: она — причина бѣдствій, и только; причина зла, и только.

Такъ это по Мальтусу. И на самомъ дѣлѣ такъ. Онъ не правъ лишь тѣмъ, что производитъ всѣ бѣдствія отъ одной причины — отъ чрезмерности размноженія; есть и другія причины ихъ, совершенно различныя отъ нея; онъ есть не только у людей, но и у разумныхъ животныхъ и у растений. Напримѣръ, когда молодыя сухопутныя млекопитающія, играя, забудутъ смотрѣть себѣ подъ ноги, забѣгутъ въ болото и утонутъ, или когда бури ломаютъ дерево: — это бѣдствія, происходящія отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ недостаткомъ пищи, ни съ чрезмерностью размноженія. Но въ томъ, что чрезмерное размноженіе производитъ только бѣдствія и что бѣдствія — это бѣдствія, и только бѣдствія, Мальтусъ правъ, по свидѣтельству физиологій животныхъ и растений и прикладныхъ ея наукъ, патологій и терапіи ихъ.

Итакъ, по Мальтусу, бѣдствія, производимыя чрезмерностью размноженія — бѣдствія, и только, зло, и только, и причина, производящая ихъ, чрезмерность размноженія — причина бѣдствій, и только, причина зла, и только. Но Дарвинъ не былъ подготовленъ къ пониманію такого взгляда на вещи; у него даже не было предположенія, что такой взглядъ на вещи возможенъ, потому что привычныя ему понятія о вещахъ были совершенно пныя и были привычны ему до такой степени, что казались единственными возможными. Эти понятія о вещахъ, казавшіяся ему единственными возможными, были тѣ, по которымъ бѣдствія считаются не бѣдствіями, а благами, или, въ случаяхъ крайняго неудобства признавать ихъ благами,

считаются источниками благъ. Такой способъ понимать вещи называется оптимистическимъ. Держась этого образа мыслей и не предполагая возможности иного, Дарвинъ былъ убѣжденъ, что Мальтусъ думаетъ о бѣдствіяхъ подобно ему, считаетъ ихъ или благами, или источниками благъ. Тѣ бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ,—голодъ, болѣзни и производимыя голодомъ драки изъ за пищи, убійства, совершаемыя для утоленія голода, смерть отъ голода,—сами по себѣ, очевидно, не блага для подвергающихся имъ; а такъ какъ они, очевидно, не блага, то изъ этого, по понятіямъ Дарвина, слѣдовало, что ихъ должно считать источниками благъ. Такимъ образомъ, у него вышло, что бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, должны производить хорошіе результаты, а коренная причина этихъ бѣдствій, чрезмѣрность размноженія, должна считаться коренною причиною всего хорошаго въ исторіи органическихъ существъ, источникомъ совершенствованія организаци, тою силой, которая произвела изъ одноклѣточныхъ организмовъ такія растенія, какъ роза, липа и дубъ, такихъ животныхъ, какъ ласточка, лебедь и орелъ, левъ, слонъ и горилла. На основаніи такой удачной догадки относительно смысла заимствованной у Мальтуса мысли построилась въ фантазіи Дарвина теорія благотворности борьбы за жизнь. Существенныя черты ея таковы.

Исторія органическихъ существъ объясняется мыслью Мальтуса, что они, чрезмѣрно размножаясь, подвергаются недостатку пищи и часть ихъ погибаетъ или отъ голода, или отъ его послѣдствій, изъ которыхъ особенно важны въ этомъ отношеніи два: борьба за пищу между существами, живущими одинаковою пищею, и борьба между двумя разрядами существъ, пожираемыми и пожирающими;

совокупность фактовъ, производимыхъ голодомъ и его послѣдствіями, мы будемъ называть борьбою за жизнь, а результатъ борьбы за жизнь, то-есть гибель существъ, неспособныхъ выдержать эту борьбу, и сохраненіе жизни только существами, способными выносить ее, будемъ называть естественнымъ отборомъ;

сравнивая прежнія флоры и фауны между собою и съ нынѣшними флорой и фауной, мы видимъ, что нѣкогда существовали только растенія и животныя низкой организаци, что растенія и животныя высокой организаци возникли позднѣе и что совершенствованіе организаци шло постепенно, а соображая данныя сравнительной анатоміи и эмбриологіи, находимъ, что всѣ растенія и животныя, имѣющія организацию болѣе высокую, чѣмъ одноклѣточные организмы, произошли отъ одноклѣточныхъ организмовъ;

а такъ какъ коренная причина измѣненій органическихъ формъ—борьба за жизнь и естественный отборъ, то:

причина совершенствованія организаци, источникъ прогресса органической жизни—борьба за жизнь, то-есть голодъ и другія производимыя имъ бѣдствія, а способъ, которымъ производитъ она совершенствованіе организаци—естественный отборъ, т.-е. страданіе и гибель.

И эту теорію, достойную Торквемады, сочинилъ добрякъ, поквнувшій изученіе медицины по неспособности выносить видъ операцій въ хирургической клиникѣ, гдѣ приняты всѣ мѣры для смягченія страданій оперируемаго. Мальчики, растушіе въ обществѣ людей закрутившихъ отъ бѣдности, т.-е., главнымъ образомъ, отъ недостатка пищи,—грубые, невѣжественные злые мальчики, когда мучать мышенка, не думаютъ, что дѣйствуетъ на пользу мышамъ; а Дарвинъ учитъ думать это. Извольте видѣть: мыши бѣгаютъ отъ этихъ мальчиковъ; благодаря тому,

въ мышахъ развивается быстрота и ловкость движеній, развиваются мускулы, развивается энергія дыханія, совершенствуется вся организація. Да, злые мальчики, кошки, коршуны, совы—благодѣтели и благодѣтельницы мышей. Полно, такъ ли? Такое бѣганіе полезно ли для развитія мускуловъ и энергіи дыханія? Не надрываются ли силы отъ такого бѣганія? Не ослабѣваютъ ли мускулы отъ чрезмѣрныхъ усилій? Не портятся ли легкія? Не получается ли одышка? По физиологіи, да: результатъ такого бѣганія—порча организма. И бѣганіемъ ли ограничивается дѣло? Не сидятъ ли мыши, спрятавшись въ норахъ? Полезно ли для мышей, млекопитающихъ животныхъ, т.-е. существъ съ полною потребностью движенія и очень сильною потребностью дыханія, неподвижное сидѣніе въ душныхъ норахъ? По физиологіи, не полезно, а вредно. Но стоитъ ли соображать, что говоритъ физиологія? Есть книга Мальтуса; достаточно выхватить нѣсколько строкъ изъ нея и—готова теорія, объясняющая исторію органическихъ существъ.

Что постыдятся сказать въ извиненіе своихъ злыхъ шалостей невѣжественные мальчики, то придумалъ и возвѣстилъ міру человекъ умный, человекъ очень добрый и — натуралистъ, которому, кажется, слѣдовало бы помнить основныя истины физиологіи; вотъ до какого помраченія памяти и разсудка можетъ доводить ученое фантазерство, развивающее ошлбочную догадку о значеніи непонятыхъ чужихъ словъ!

Много дурного говорилъ Мальтусъ; ему нельзя было обойтись безъ того; онъ хотѣлъ защищать политику коалиціи тори и большинства вигговъ, вызванную историческими обстоятельствами, это правда, но, тѣмъ не менѣе, вредную для ихъ и его родины политику, о которой самъ онъ зналъ, что она несправедлива и вредна; дурную книгу написалъ онъ, не добросовѣстную, и заслуживаетъ за то порицанія. Но въ томъ, что взвелъ на него благодарный ученикъ, онъ не виноватъ; такихъ мерзостей онъ, не внушалъ; напрасно Дарвинъ вообразилъ себя его ученикомъ,—онъ искажитель Мальтуса; напрасно онъ называетъ свою теорію примѣненіемъ его теоріи къ вопросу о происхожденіи видовъ—это не примѣненіе теоріи Мальтуса, а извращеніе смысла его словъ, — извращеніе грубое, потому что истинный смыслъ его словъ ясенъ. Онъ считаетъ чрезмѣрность размноженія причиною бѣдствій и только; а бѣдствія онъ считаетъ бѣдствіями, и только. Въ этомъ онъ вѣренъ истинѣ, вѣренъ естествознанію. Дарвинъ называетъ совокупность результатовъ чрезмѣрнаго размноженія борьбою за жизнь: хорошо; что же такое борьба за жизнь съ точки зрѣнія, на которую ставить своихъ читателей Мальтусъ? Совокупность бѣдствій, и только бѣдствій. Результатъ борьбы за жизнь Дарвинъ называетъ естественнымъ отборомъ: хорошо; что же такое, сообразно понятіямъ Мальтуса, естественный отборъ? Никакъ не благо, а непременно нѣчто дурное, потому что чрезмѣрность размноженія не производитъ, по его понятіямъ, ничего хорошаго, производитъ только дурное.

Такъ это по Мальтусу. Совершенно такъ, какъ по физиологіи. Мальтусъ намъ не миль и не авторитетенъ. Но пренебрегать физиологіей не слѣдуетъ.

Припомнимъ же, что такое, по физиологіи растений и животныхъ, бѣдствіе въ жизни индивидуальнаго существа и какое вліяніе на дѣтей имѣютъ, по физиологіи, бѣдствія родителей.

Физиологія говоритъ: бѣдствіе въ жизни индивидуальнаго органическаго существа—нарушеніе хорошаго хода функцій организма, и у организмовъ, имѣющихъ

способность ощущения, нарушение, соединенное съ ощущеніемъ боли, когда касается частей организма, въ которыхъ находится способность ощущенія; если нарушение тяжело или продолжительно, оно имѣетъ результатомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть, во всѣхъ другихъ порчу здоровья, порчу организма; то же самое, если оно хотя и не тяжело и не продолжительно, но повторяется часто.

Какое вліяніе на организацію потомковъ имѣетъ, по физиологіи, порча здоровья, порча организаціи родителей? Организмы, имѣющіе испорченное здоровье, рожаютъ организмы, имѣющіе прирожденную испорченность здоровья; существа, имѣющія испорченную организацію, рожаютъ существа, имѣющія прирожденную испорченность организаціи. И если ходъ жизни идетъ въ этомъ направленіи черезъ рядъ поколѣній, то съ каждымъ новымъ поколѣніемъ размѣръ результата увеличивается потому что онъ сумма порчъ прежнихъ поколѣній, у каждаго изъ которыхъ прирожденная испорченность увеличивалась порчею, производимую бѣдствіями собственной жизни.

Какъ называется на языкѣ физиологіи порча организма, возрастающая по ряду поколѣній? Она называется вырожденіемъ. И какъ называется вырожденіе, состоящее не только въ ухудшеніи здоровья организма, но и въ измѣненіи самой организаціи? Оно называется пониженіемъ организаціи, деградаціею.

Вотъ что такое, по физиологіи, результатъ борьбы за жизнь—пониженіе организаціи; вотъ что такое, по физиологіи, естественный отборъ — сила понижающая организацію, сила деградирующая.

Но зачѣмъ помнить физиологическіе законы, когда есть Мальтусъ? Хорошо: Мальтусъ важнѣе физиологіи, то пусть будетъ важнѣе. Но и мысль Мальтуса, рекомендуемая намъ въ замѣнъ физиологіи, ведетъ къ тому же понятію о естественномъ отборѣ. Ходъ вывода простъ и ясенъ.

Чрезмѣрность размноженія производитъ только бѣдствія; естественный отборъ—результатъ чрезмѣрнаго размноженія; спрашивается, что такое естественный отборъ, благо или зло? Кажется, не очень мудрено сообразить: онъ — зло. Что такое зло въ примѣненіи къ понятію объ организаціи? Пониженіе организаціи, деградація.

Насколько видоизмѣняются организмы дѣйствіемъ естественнаго отбора, они деградируются. Еслибъ онъ имѣлъ преобладающее вліяніе на исторію органическихъ существъ, не могло бы быть никакого повышенія организаціи. Если предками всѣхъ организмовъ были одноклѣточные организмы, то при преобладаніи естественнаго отбора не могли бы никогда возникнуть никакіе организмы хотя сколько-нибудь выше одноклѣточныхъ. А если одноклѣточные организмы не первобытныя формы органической жизни, если первымъ фазисомъ существованія жизни, ставшей впоследствии органическою, было существованіе микроскопическихъ кусочковъ органическаго, но еще не организованнаго вещества, называемаго теперь протоплазмой, то изъ этихъ неорганизованныхъ кусочковъ протоплазмы не могли, въ случаѣ преобладанія естественнаго отбора, возникнуть никакіе организмы, ни даже самыя низшіе разряды одноклѣточныхъ существъ; и мало сказать, что изъ нихъ не могли возникнуть никакіе организмы, — нѣтъ, не могли бы продолжать своего существованія даже и эти кусочки протоплазмы: каждый изъ нихъ въ самый моментъ возникновенія былъ бы уничтожаемъ дѣйствіемъ естественнаго отбора, разлагался бы на неорганическія комбинаціи химиче-

скихъ элементовъ, болѣе устойчивыя въ борьбѣ, чѣмъ протоплазма. А если первобытными существами были не безформенные кусочки протоплазмы, а одноклѣточные организмы, то и о нихъ слѣдуетъ сказать, что они подѣ преобладаніемъ естественнаго отбора не только не могли бы повышаться въ организаціи, но не могли бы и продолжать свое существованіе: онъ отнималъ бы у нихъ организацію, превращалъ бы ихъ въ кусочки безформеннаго органическаго вещества, а его превращалъ бы въ неорганическія соединенія.

Но было не такъ. Изъ первобытныхъ существъ, имѣвшихъ очень низкую организацію или даже не имѣвшихъ никакой организаціи, бывшихъ безформенными кусочками протоплазмы, развились растенія и животныя очень высокой организаціи. Это значитъ: исторія тѣхъ кусочковъ протоплазмы или одноклѣточныхъ организмовъ, которые были первыми предками высоко-организованныхъ существъ, и исторія слѣдующаго ряда предковъ этихъ существъ шла въ направленіи противоположномъ дѣйствию естественнаго отбора, подѣ влияніемъ какой-то силы или комбинаціи силъ, противоположной ему и перевѣсивавшей его.

Одна ли была эта сила, или комбинація нѣсколькихъ силъ? Прежніе трансформисты нашли, что повышеніе организаціи производилось дѣйствиемъ не одной силы, а нѣсколькихъ силъ; и нѣкоторыя изъ этихъ силъ были опредѣлены ими. Нынѣшніе трансформисты пополняютъ открытія прежнихъ. Должно думать, что рядъ этихъ открытій далеко не законченъ, что перечисленіе повышающихъ организацію силъ еще остается неполнымъ. Но по законамъ фізіологіи ясно опредѣляется общій характеръ всѣхъ ихъ: всѣ силы, повышающія организацію, — тѣ силы, которыя имѣютъ благоприятное вліяніе на жизнь индивидуальнаго органическаго существа, — содѣйствуютъ хорошему ходу функцій его организма и, если это существо имѣетъ способность ощущенія, возбуждаютъ въ немъ своимъ дѣйствиемъ ощущенія фізическаго и нравственнаго благосостоянія, довольства жизнью и радости.

Добрый читатель или добрая читательница, я утомилъ васъ длиннотою моей статьи. Простите.

Материалы для биографии Н. А. Добролюбова¹⁾,

I.

Переписка Н. А. Добролюбова съ отцомъ и матерью.

Вступительныя свѣдѣнія.—Обзоръ содержанія переписки; извлеченія изъ нея.

Сохраненіемъ писемъ Николая Александровича Добролюбова къ отцу, матери и другимъ роднымъ русская литература обязана сестрамъ его: Антонинѣ Александровнѣ Костровой, Аннѣ Александровнѣ Рождественской и Катеринѣ Александровнѣ Стекловой, мужу Антонины Александровны (нынѣ покойному), Михайлу Алексѣевичу Кострову, и двоюродному брату Николая Александровича (нынѣ также покойному) Михайлу Ивановичу Благообразову. Тѣ письма, которыя получалъ отъ Николая Александровича дядя его (нынѣ также покойный), Василий Ивановичъ Добролюбовъ, до переѣзда своего въ Петербургъ, утратились; но сохранились тѣ, которыя получалъ онъ въ Петербургѣ отъ племянника изъ-за границы.

Николай Александровичъ былъ старшій сынъ священника нижегородской Никольской церкви Александра Ивановича и супруги его Зинаиды Васильевны Добролюбовыхъ.

Иларіонъ Галактіоновичъ Короленко (братъ писателя Владиміра Галактіоновича), живущій нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и принявшій на себя трудъ участія въ пополненіи матеріаловъ для биографіи Николая Александровича, собранныхъ въ первое время по его смерти однимъ изъ его знакомыхъ и береженныхъ заботливо любовью А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, списалъ копію съ послужнаго списка Александра Ивановича. Важнѣйшія изъ свѣдѣній, представляемыхъ этимъ спискомъ, слѣдующія:

Александръ Ивановичъ былъ сынъ діакона одного изъ сельскихъ приходовъ нижегородской епархіи, кончилъ курсъ въ нижегородской семинаріи по первому разряду и былъ опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища въ 1832 году, рукоположенъ въ іерейскій санъ 20 сентября 1834 года и опредѣленъ священникомъ въ нижегородскую Никольскую

¹⁾ Русская Мысль, 1889, №№ 1 и 2. Примѣчанія, сдѣланныя въ этой статьѣ въ выноскахъ, принадлежатъ Н. Г. Чернышевскому.

церковь; начиная съ 1835 гда исполнялъ разныя порученія епархіальнаго начальства; за успѣшное исполненіе ихъ получалъ выраженія благодарности; 3 марта 1841 былъ опредѣленъ законоучителемъ въ нижегородское училище дѣтей канцелярскихъ служителей; 22 іюня 1843 г. былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, съ увольненіемъ отъ должности учителя; «за весьма усердное стараніе и дѣятельное смотрѣніе за постройкѣю при ея приходской церкви» двухъ трехэтажныхъ каменныхъ флигелей объявлена была ему 25 сентября 1844 года отъ епархіальнаго начальства «полная признательность и благодарность»; въ 1850 г. былъ онъ награжденъ кавалеріею.

Средства на постройку флигелей при церкви были собраны его просьбами у прихожанъ.

Въ воспоминаніяхъ, составленіемъ которыхъ занимается теперь Антонина Александровна, она говоритъ:

«Александръ Ивановичъ былъ на хорошемъ счету у преосвященнаго (*Іеремія*); уважая его, какъ дѣльнаго, умнаго человѣка, Іеремія предложилъ ему перейти на мѣсто протоіерея въ городъ Семеновъ; но Александръ Ивановичъ не могъ согласиться на предложеніе, такъ какъ его удерживали запутанныя дѣла по дому, постройка котораго вынудила его произвести нѣсколько займовъ. Прихожане, любившіе Александра Ивановича, упрости Іеремію оставить имъ его. Но разъ воля преосвященнаго встрѣтила себѣ отпоръ, то по своему характеру онъ не могъ не испытывать неудовольствія противъ Александра Ивановича, котораго и послѣ отказа старался склонить на согласіе. Поэтому Александръ Ивановичъ былъ всегда на-сторожѣ и опасался, что Іеремія вынудитъ, все-таки, его согласіе своею властью».

Изъ переписки, которую по смерти Александра Ивановича велъ съ Николаемъ Александровичемъ Борись Ефимовичъ Прутченко, занимавшій тогда должность предсѣдателя нижегородской казенной палаты, видно, что, Іеремія, желая отмстить Александру Ивановичу за несогласіе съ его волей, хотѣлъ уменьшить его доходъ отъ священнической должности. Никольская церковь имѣла одного священника, потому что приходъ ея былъ недостаточно великъ для того, чтобы могли имѣть отъ него средства къ жизни два священника; но Іеремія, чтобы сдѣлать вредъ Александру Ивановичу, рѣшилъ назначить къ ней втораго священника; такимъ образомъ, доходъ, который получалъ Александръ Ивановичъ, раздѣлили бы пополамъ между нимъ и его товарищемъ. Но прихожане своимъ протестомъ заставили Іеремію отказаться отъ этого намѣренія.

Доходъ Александра Ивановича отъ священнической должности составлялъ, вѣроятно, около 500 руб. Такъ должно думать потому, что Василій Ивановичъ опредѣляетъ, приблизительно, въ 200 рублей долю его, нѣсколько меньшую половины.

Свой домъ Александръ Ивановичъ строилъ въ долгъ. Когда онъ умеръ, доходъ съ дома все еще поглощался срочными уплатами по долгамъ. Это видно по подробнымъ отчетамъ, находящимся въ письмахъ Василя Ивановича къ Николаю Александровичу.

Сумма долговъ, лежавшихъ на домѣ во время смерти Александра Ивановича, составляла 2,854 р. 43 к.

Домъ былъ каменный, двухэтажный, на фундаментѣ, съ подвалами, часть которыхъ имѣла отдѣлку жилыхъ комнатъ. При домѣ находился деревянный флигель.

Въ годы, предшествовавшіе смерти Александра Ивановича, въ домѣ жилъ князь В. А. Трубецкой, занимавшій тогда должность управляющаго нижегородскою удѣльною конторой. Въ флигель жили сами Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна.

Домъ и флигель были застрахованы въ 9,000 р.

О дѣйствительной стоимости дома Антонина Александровна въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Домъ отца, какъ слышала я отъ него, по постройкѣ обошелся ему болѣе 42—43 тысячъ на ассигнаціи, т. е. тысячъ 12 слишкомъ серебромъ. Домъ проданъ, лѣтъ 15—16 тому назадъ, за 14 тыс. р. сер. не отремонтированнымъ».

Переходя отъ отвѣтовъ на вопросы о матеріальномъ положеніи дѣтей Александра Ивановича по его смерти къ отвѣтамъ на вопросы о качествахъ здоровья и о характерѣ его и Зинаиды Васильевны, Антонина Александровна говоритъ:

«Александръ Ивановичъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста, довольно полный; но въ послѣднее время заботы по дому, столкновенія съ Іереміей, опасенія преслѣдованія оказали на него свое вліяніе; а потеря жены, о которой онъ очень горевалъ и безъ слезъ не могъ говорить, значительно подорвала его здоровье. Онъ крѣпился, попрежнему исполнялъ всѣ свои обязанности, и не падалъ духомъ, хотя замѣтно худѣлъ и ослабѣвалъ физически.

«Такъ какъ по смерти отца я осталась дѣвочкою по четырнадцатому году, то мнѣ довольно трудно съ увѣренностью судить о характерѣ Александра Ивановича; но по отношеніямъ его съ Іеремією, которому не удалось настоять на переводѣ отца, по тому, какъ онъ переносилъ потерю жены, почти не проявляя своего горя внѣшнимъ образомъ ни въ раздраженіи, ни въ упадкѣ дѣятельности и духовныхъ силъ, можно думать, что онъ обладалъ сильнымъ характеромъ и способностью владѣть собою во время тяжелыхъ событій жизни.

«Онъ былъ предприимчивъ и очень дѣятеленъ, что доказывается его постройками собственнаго дома при небольшихъ средствахъ, церковныхъ домовъ и украшеніями и улучшеніями, произведенными въ церкви. Весь день онъ былъ постоянно занятъ службой въ церкви, требами, церковными, консисторскими и собственными дѣлами, которыя заставляли его засиживаться за 12 часовъ ночи.

«Въ приходѣ его любили, такъ какъ онъ былъ ласковъ со всѣми, добръ, ровень въ обращеніи, сдержанъ даже въ минуты досады, исполнительенъ и являлся всюду съ готовностью по первому призыву.

«Мать Николая Александровича, Зинаида Васильевна, дочь протоіерея Никольской церкви, Василія Федоровича Покровскаго, на мѣсто котораго поступилъ Александръ Ивановичъ, была также крѣпкаго сложенія, довольно высокая и видная женщина.

«Всѣ ея болѣзни: ревматизмъ, зубная боль и другія были приобрѣтены уже въ послѣдствіи.

«Она была также очень дѣятельна и неутомима. Имѣя большую семью, она содержала въ большой чистотѣ и порядкѣ какъ весь домъ, такъ и дѣтей, которыхъ также приучала къ труду, чистотѣ и порядку. Всѣхъ дѣтей она кормила сама, сама вела все хозяйство и работала на всю семью. Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ дѣтей она занималась также сама.

«Насколько образцовою матерью и хозяйкой была она, можно судить по тому, что, оставшись послѣ нея тринадцати лѣтъ, я знала всѣ домашнія женскія работы и вполне умѣла вести хозяйство.

«Безпрестанная неутомимая дѣятельность и заботы подорвала, наконецъ, ея здоровье, и на 38-мъ году жизни она умерла отъ простуды послѣ родовъ, 8 марта 1854 г.

«По смерти жены Александръ Ивановичъ предполагалъ пригласить на житье къ себѣ свою мать, Марью Ѳедоровну (жившую по смерти мужа съ своими дочерьми на родинѣ, вереть за 200 отъ Нижняго), и написалъ объ этомъ какъ ей, такъ и Николаю Александровичу. Но извѣстіе отъ сына о смерти жены такъ повліяло на Марью Ѳедоровну, что съ нею произошелъ ударъ, и она не въ состояніи была переѣхать къ сыну. Хозяйкой. осталась я.

«Александръ Ивановичъ умеръ отъ холеры; болѣзнь его продолжалась 10—12 часовъ. Еще наканунѣ смерти, 5 августа, служилъ онъ всенощную; а на другой день, въ 10 часовъ утра, онъ уже скончался, въ концѣ 42 года своей жизни».

Обремененный дѣлами, Александръ Ивановичъ не имѣлъ времени самъ быть учителемъ сына. Потому, когда мать научила мальчика, чему могла, отецъ пригласилъ давать уроки ему воспитанника семинаріи Михаила Алексѣевича Кострова. Ученикъ сильно полюбилъ учителя и навсегда сохранилъ любовь къ нему. Михаилъ Алексѣевичъ сдѣлался ближайшимъ другомъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны. Когда Антонина Александровна достигла возраста вступленія въ бракъ, Михаилъ Алексѣевичъ женился на ней.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, Антонина Александровна, отвѣчая на вопросы о ея покойномъ мужѣ, говоритъ:

«Семинаристомъ онъ жилъ на квартирѣ въ домѣ Фавсты Васильевны (*старшей сестры Зинаиды Васильевны*), и Александръ Ивановичъ, зная его, какъ хорошаго воспитанника семинаріи, не имѣющаго средствъ, и сочувствуя его бѣдности, доставилъ ему урокъ у себя, которымъ Михаилъ Алексѣевичъ и содержалъ себя во время своего ученія въ семинаріи».

По окончаніи семинарскаго курса, въ 1848 г., Михаилъ Алексѣевичъ былъ, какъ отличный ученикъ, посланъ въ московскую духовную академію. Кончивъ курсъ въ академіи, онъ возвратился въ Нижній и получилъ должность инспектора нижегородскаго духовнаго училища.

По смерти Александра Ивановича мѣсто его было, какъ это тогда называлось, зачислено за Антониной Александровной, т.-е. было оставлено вакантнымъ до ея замужества, съ тѣмъ, что будетъ тогда отдано человѣку, за котораго она выйдетъ, если онъ будетъ достойнымъ іерейскаго сана. Женившись на Антонинѣ Александровнѣ, Михаилъ Алексѣевичъ получилъ это мѣсто.

Онъ оставался священникомъ при Никольской церкви до самой своей смерти. Онъ скончался 19 іюня 1886 г.

Михаилъ Алексѣевичъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Николаѣ Александровичѣ, говоритъ:

«Когда ему стало восемь лѣтъ съ половиной, то приглашенъ былъ въ учителя — къ нему я. — Наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ. Тогда — онъ былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ — былъ переведенъ — въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ и шелъ все первымъ».

Въ семинарію онъ былъ переведенъ въ 1848 г., въ 1852 г. перешелъ въ богословскій классъ. Курсы въ классахъ семинарій (и духовныхъ академій) были въ тѣ времена двухлѣтніе. Николай Александровичъ долженъ былъ кончить семи-

нарскій курсъ въ 1854 г. и тогда былъ бы, какъ отличный ученикъ, отправленъ на казенный счетъ въ московскую или казанскую духовную академію, курсы которыхъ начинались, какъ и въ нижегородской семинаріи, по четнымъ годамъ. Но ему хотѣлось ѣхать не въ духовную академію, а въ университетъ. Онъ еще до перехода въ богословскій классъ сталъ готовиться къ университетскому экзамену, усиленно занимаясь дома тѣми предметами, которые въ семинаріяхъ были преподаваемы въ объемъ меньшемъ требуемаго для принятія въ университетъ. Увидѣвъ, что можетъ выдержать университетскій экзаменъ, онъ сталъ говорить отцу о своемъ желаніи ѣхать въ университетъ. Оно оказалось неудобноисполнимо. Михаилъ Алексѣевичъ говорить объ этомъ такъ:

«Семинарское образованіе не могло удовлетворять его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непремѣнно желалъ ѣхать въ какой-нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда; но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиной, что рѣшено было отправить его въ петербургскую духовную академію».

Невозможность удѣлять изъ священническаго дохода столько денегъ на содержаніе сына въ университетѣ, сколько было бы, по мнѣнію отца, необходимо ему тамъ, происходила отъ того, что Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна имѣли тогда, кромѣ старшаго сына, шестеро дѣтей.

Въ петербургской академіи курсы начинались по нечетнымъ годамъ. Къ пріемному экзамену допускались и пробывшіе только одинъ годъ въ богословскомъ классѣ воспитанники тѣхъ семинарій, курсы которыхъ шли по четнымъ годамъ. Остаться въ семинаріи было невыносимо-скучно для Николая Александровича. Потому-то онъ и просилъ отца отпустить его въ петербургскую академію. Это было выигрышемъ года времени сравнительно съ поступленіемъ въ казанскую или московскую академію.

Но для того, чтобы воспитанникъ семинаріи, не кончившій курса, а пробывшій только годъ въ богословскомъ классѣ и не отправляемый семинарскимъ начальствомъ по такъ называемому «вызову изъ академіи», а отправляющійся только по своему собственному желанію, могъ быть допущенъ къ пріемному экзамену въ академіи, нужно было разрѣшеніе св. синода. А для того, чтобы оно было дано, надобно было ходатайство епархіальнаго преосвященнаго о немъ. Въ томъ, чтобы архіерей согласился ходатайствовать передъ св. синодомъ, и состояла вся сущность дѣла; разрѣшеніе св. синода было только формальностью: на подобныя ходатайства епархіальныхъ архіереевъ не бывало отказовъ.

Ходатайство преосвященнаго было отправлено въ св. синодъ 13 марта 1853 года, а Николай Александровичъ 15 марта писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Свершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено!

«Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но, между тѣмъ, я видѣлъ ясно, что для моего отца, дѣйствительно, очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объявилъ, что хочу этого, и что про-

живу тамъ хоть на 50 дѣлковъхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разумокъ едва сдерживалъ порывы страсти.—

«Жутко было мнѣ тогда. Но, наконецъ, папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ ничего слушать не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь.—

«Но при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученіе было очень незавидное».

Чтобы сократить на годъ потерю времени въ семинаріи, онъ вздумалъ отправиться въ петербургскую академію.

«На это дѣло папенька согласился легче. Не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено.—

«По окончаніи дѣла мнѣ слѣдовало бы радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ, это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, а если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть Сѣверную Пальмиру, но по расчетамъ на превосходство столичнаго образованія: все это на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоятъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этою мыслью, а теперь ужъ начинаю подумывать, что

«То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...»

«Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не дочувшись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ; и, притомъ, я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?... Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучать сомнѣнія душу тревожную...»

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый Промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благости и неусыпной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонятъ вазадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а, между тѣмъ, я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться».

Онъ «едва-едва принимался готовиться» къ академическому экзамену потому, что надъ мыслями о надобности готовиться лежало у него въ глубинѣ души твердое сознаніе совершенной неважности въ этомъ; при всей своей склонности къ самопоричанію онъ зналъ, что готовъ къ экзамену; онъ раздумывалъ о томъ, что можетъ быть, его «прогонятъ» съ академическаго экзамена, а, между тѣмъ, зналъ, что выдержитъ его блистательно.

Пріемный экзаменъ въ петербургской академіи начинался около половины августа. Николай Александровичъ выѣхалъ изъ Нижняго въ началѣ августа (1853 г.). Онъ ѣхалъ въ дилижансѣ (желѣзной дороги изъ Нижняго въ Москву

тогда еще не было). Изъ Москвы онъ написалъ отцу и матери письмо. Онъ веселымъ тономъ описываетъ свою поѣздку и впечатлѣнія, какія произвела на него Москва. Желѣзная дорога изъ Москвы въ Петербургъ была уже открыта. Николай Александровичъ ѣхалъ въ вагонѣ 3-го класса. Первое письмо его изъ Петербурга къ отцу и матери помѣчено 10-мъ числомъ августа. Описавъ поѣздку по желѣзной дорогѣ, онъ переходитъ къ разсказу о забавномъ приключеніи, которое произошло съ нимъ немедленно по пріѣздѣ. Нанимая извозчика везти его съ чемоданомъ въ духовную академію, онъ почелъ достаточнымъ назвать ее духовной академіей; везъ, везъ его извозчикъ и привезъ къ зданію, которое оказалось академіей художествъ. На слова его, что это не та академія, не духовная, извозчикъ отвѣчалъ, что никакой другой академіи извозчики не знаютъ. Николай Александровичъ объяснилъ ему, что духовная академія находится въ Невскомъ монастырѣ. И пришлось ѣхать обратно всю длинную проѣханную дорогу.

До окончанія экзамена, по выдержаніи котораго Николай Александровичъ былъ бы принятъ на казенное содержаніе, ему должно было жить на квартирѣ. Она была заранѣе пріискана для него находившимися въ академіи нижегородцами. Случайнымъ выборомъ ея былъ открытъ Николаю Александровичу путь, вмѣсто духовной академіи, въ Педагогическій институтъ.

Вотъ его разсказъ отцу и матери ¹⁾.

«Земляки еще заранѣе отыскали мнѣ комнатку недалеко отъ академіи, за три рубля сер. въ мѣсяцъ безъ стола— —. Я предложилъ хозяину доставлять мнѣ столъ; говорить: «не могу»— —. Я долженъ былъ согласиться платить рубль двадцать коп. ассигнаціями за каждый день за столъ... Конечно, это не совсѣмъ выгодно; но мое положеніе теперь таково, что имъ всякій спекуляторъ можетъ пользоваться. Теперь разскажу вамъ дѣло.

«Здѣсь случилось со мной весьма важное и, быть можетъ, счастливое обстоятельство. На моей квартирѣ нашелъ я поселившася въ одной комнатѣ со мною студента Педагогическаго института, одного изъ тѣхъ, которые въ предпрошломъ году поступили въ институтъ, не выдержавъ экзамена въ духовной академіи. Наверху жило въ томъ же домѣ два брата—одинъ—кончившій курсъ въ здѣшней академіи,—другой студентъ вятской семинаріи, сыновья тамошняго ректора. Младшій братъ пріѣхалъ было держать экзаменъ въ духовную академію, но братъ не совѣтовалъ ему, и онъ подаетъ прошеніе въ Педагогическій институтъ. Вчера къ студенту института пришель товарищъ, живущій на дачѣ, которую навимають для студентовъ каждое лѣто и на которую мой совквартирецъ не попалъ только потому, что пріѣхалъ изъ отпуска раньше срока. Этотъ товарищъ разсказывалъ: «Въ институтѣ, братъ, слезы: на 56 вакансій явилось только 23 человекъ, и изъ числа ихъ только 20 могли быть допущены къ экзамену, потому что изъ трехъ остальныхъ одному 38 лѣтъ, другому 14, третій какой-то отчаянный (*полоумный*)²⁾. Черезъ нѣсколько дней былъ еще экзаменъ, явилось пять человекъ, и всѣ приняты почти безъ экзамена».—Я сказалъ, что если не примутъ въ академію, то и я бы попытался; и студенты начали такія увѣренія (*о легкости экзамена въ институтѣ*), что мнѣ даже не вѣрилось. Наконецъ, одинъ началъ совѣтовать, чтобъ я сходилъ на дняхъ въ институтъ, поэкзамене-

¹⁾ Въ извлеченіяхъ изъ писемъ Николая Александровича пропуски, дѣлаемые нами отмѣчаются, какъ и въ другихъ извлеченіяхъ, двумя чертами— —. Многоточія не отмѣтки пропусковъ; они принадлежатъ манерѣ Николая Александровича писать.

²⁾ Курсивомъ въ скобкахъ отличены отъ текста наши пояснительныя вставки. Когда курсивъ, то-есть соответствующее курсиву подчеркиванье словъ, встрѣчается въ и сѣмахъ Николая Александровича, мы дѣлаемъ оговорку объ этомъ въ примѣчаніи.

новался тамъ (а то можно сдѣлать безъ всякихъ письменныхъ документовъ моихъ)¹⁾ и потомъ быть спокойнымъ. Я сказалъ, что не вижу причины, для чего бы рѣшиться на такую мистификацію, и онъ объявилъ мнѣ вотъ что: «Теперь они (*лица, составляющія институтское начальство, директоръ и конференція*) въ отчаяніи и принимаютъ всякаго, а, между тѣмъ, хлопочутъ по всѣмъ гимназіямъ и семинаріямъ (*посылая приглашенія ѣхать въ институтъ*); напримѣръ, одинъ профессоръ выписалъ шесть челоѣкъ изъ одной смоленской семинаріи, гдѣ онъ самъ учился... Министръ объявилъ, что если къ 1 сентября не будетъ полного комплекта, то онъ закроетъ заведеніе; а, между тѣмъ, у васъ (*въ академіи*) къ тому времени только копчатся экзамены. Если васъ постигнетъ неудача, куда вы тогда дѣнетесь? А теперь, выдержавши экзаменъ (*въ институтѣ*), вы можете быть спокойны насчетъ академіи. Если же васъ примутъ (*въ академію*), то придется только къ директору (*института*) и скажете: ваше превосходительство, я получилъ отъ родителей письмо, въ которомъ мнѣ ни подѣ какимъ видомъ не совѣтуютъ поступать въ Педагогическій институтъ,—и онъ, не видя въ рукахъ вашихъ документовъ, не можетъ никакъ вступить за это»... Такой ходъ дѣла поставилъ меня въ страшное раздумье. Мнѣ бы такъ хотѣлось поступить въ институтъ, что, выдержавъ тамъ экзаменъ, я бы сталъ умышленно молчать на экзаменѣ академическомъ²⁾, но, во всякомъ случаѣ, я не рѣшусь избрать окончательно мѣсто воспитанія безъ воли вашей, мои милые, дорогие, безцѣнные папаша и мамаша, которыхъ теперь больше чѣмъ когда-нибудь люблю. Умоляю васъ, рѣшите мое недоумѣніе, выведите меня поскорѣе—если можно, нынѣ³⁾—изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь теперь... Пока еще можно воротиться мнѣ, а, между тѣмъ, кромѣ другихъ выгодъ, у меня останутся (*защитными*) 35 рѣлковыхъ, которые, право, жалко отдать за неуклюжую шляпу и не совѣтъ тонкій скюртку академической⁴⁾. Весь нынѣшній день я въ такомъ волненіи, что, какъ видите, даже бумагу взялъ вверхъ ногами, начиная писать вамъ».

Когда улеглось волненіе, въ которомъ Николай Александровичъ отдалъ на рѣшеніе отца и матери вопросъ, держать ли ему экзаменъ въ Педагогическій институтъ, онъ увидѣлъ, что въ тревогѣ мыслей не разсчиталъ, можетъ ли отвѣтъ быть полученъ имъ своевременно. По тогдашнему ходу почты, отвѣтъ на письмо, отправленное изъ Петербурга въ Нижній 10 августа, не могъ быть полученъ въ Петербургѣ ранѣе 19 августа, а вѣроятно же было, что оборотъ почты займетъ двумя днями больше этого кратчайшаго, возможнаго срока, и отвѣтъ придетъ только 21 августа. А начало послѣдняго круга пріемныхъ экзаменовъ въ институтъ было назначено 17 августа. Дождаться отвѣта значило пропустить возможность поступленія въ институтъ. Оказывалось необходимымъ держать экзаменъ въ институтѣ, не дожидаясь отвѣта отца и матери, или отказаться отъ поступленія въ институтъ.

Педагогическій институтъ считался учрежденіемъ, одинаковымъ съ универси-

¹⁾ Документы Николая Александровича находились у академическаго начальства, которому были представлены при подачѣ просьбы о допущеніи къ экзамену въ академію.

²⁾ Молчать на экзаменѣ, чтобъ оказаться не выдержавшимъ его; но, все-таки, держать экзаменъ,—вѣроятно, для того, чтобъ отецъ имѣлъ оправданіе передъ архіереємъ, могъ сказать ему: мой сынъ поступилъ въ институтъ лишь потому, что не выдержалъ экзамена въ академіи.

³⁾ То-есть отвѣчайте мнѣ въ тотъ же день, какъ получите это письмо, если будетъ можно отвѣчать въ тотъ день, если это будетъ почтовый день. Почта изъ Нижняго въ Москву ходила тогда только три, даже только два раза въ недѣлю.

⁴⁾ Тѣ воспитанники семинарій, которые пріѣзжали въ академію не на казенный, а на свой счетъ, должны были, при поступленіи въ нее, вносить деньги за выдаваемую имъ одежду академической фрмы. Принимаемые въ Педагогическій институтъ всѣ получали обмундировку бесплатно.

татами. Преподаванію въ немъ считалось университетскимъ. Многие—и, притомъ, принадлежавшіе къ наилучшимъ—профессоры Петербургскаго университета были, съ тѣмъ вмѣстѣ, профессорами Педагогическаго института. Студенты Петербургскаго университета считали студентовъ института равными себѣ.

Поступить въ Педагогическій институтъ значило, по мнѣнію Николая Александровича, то же самое, что поступить въ университетъ. А ему такъ сильно хотѣлось поступить въ университетъ. И отецъ не согласился на это его желаніе только потому, что не имѣлъ денегъ на содержаніе его въ университетѣ. Теперь ему представлялся случай поступить на казенное содержаніе въ учрежденіе, равное университету. Онъ не могъ пропустить этого случая.

Онъ сходилъ въ институтъ за разрѣшеніемъ держать экзамень, а 17 числа пошелъ держать экзамень въ институтъ.

Начало экзамена въ духовную академію было назначено въ тотъ же самый день, 17 августа. Держа экзамень въ институтѣ, нельзя было держать экзамень въ академіи.

Николай Александровичъ выдержалъ всѣ экзамены въ институтѣ. Они кончились 20 августа, и 21 августа, утромъ, онъ былъ объявленъ принятымъ въ студенты института.

И только вечеромъ въ этотъ день, когда дѣло было ужъ кончено, пришло, какъ и слѣдовало тому быть по обыкновенному ходу оборота почты, письмо отца и матери, бывшее отвѣтомъ на вопросъ, начинать ли дѣло.

Это письмо не сохранилось. Но по послѣдующей перепискѣ видно, въ чемъ состоялъ отвѣтъ отца и матери. Онъ былъ такой, какимъ неизбежно слѣдовало ему быть по тѣмъ мыслямъ, которыя внушала отцу и матери Николай Александровичъ, объясняя имъ мотивы, склонившіе его къ желанію держать экзамень не въ духовную академію, а въ Педагогическій институтъ.

Отецъ и мать не могли сомнѣваться въ томъ, что его трусость напрасная. Пусть отецъ могъ считать себя не компетентнымъ судьей приготовленности сына къ академическому экзамену. Но развѣ стали бы ручаться семинарское начальство и архіерей, если бы не имѣли полной увѣренности, что воспитанникъ ихъ семинаріи, за котораго они ручаются, выдержитъ экзамень прекрасно?

Онъ поддался трусости, совершенно неосновательной, это было ясно отцу и матери. Онъ осрамить себя, ихъ, семинарское начальство, архіерея, если они не выведутъ его изъ ошибки, которой онъ поддался. Онъ самъ подсказалъ имъ отвѣтъ, который они должны дать ему. Содержаніе ихъ отвѣта видно съ полною ясностью по ссылкѣ на него въ одномъ изъ тѣхъ писемъ Николая Александровича, которыя будутъ цитированы дальше:

«Вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобъ я былъ такъ легковѣренъ и проч. и проч.»

Иного отвѣта и не могло быть отъ разсудительныхъ людей, при той мотивировкѣ, какую далъ Николай Александровичъ своей просьбѣ о дозволеніи ему держать экзамень въ Педагогическій институтъ. Но какъ сложилась въ его мысляхъ такая мотивировка?

Могъ ли онъ не сознавать, что хорошо подготовленъ къ академическому экзамену, выдержитъ его прекрасно? Онъ былъ скромнѣе въ мнѣніяхъ о себѣ. Но,

все-таки, не могъ не знать, что его свѣдѣнія очень много превышаютъ размѣръ требованій академическаго экзамена. Или онъ имѣлъ трусливый характеръ? Напротивъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые неспособны испытывать робости. Съ чего-жь ему вздумалось предполагать, что онъ не выдержитъ академическаго экзамена? Это было пріятное ему самообольщеніе. Прежде, оно служило ему, какъ мы видѣли, отрадой отъ мысли, что ему приходится ѣхать въ духовную академію, а не въ университетъ. Что-жь, быть можетъ, онъ не выдержитъ экзамена въ академіи—вотъ и будетъ прекрасно! Правда, это будетъ стыдъ; но что за важность! онъ избавится отъ поступленія въ академію. Теперь ему представлялась еще гораздо большая надобность успокоивать себя мыслью, что онъ не выдержалъ бы академическаго экзамена. Ему хотѣлось оправдать передъ собой то свое «преступленіе», что, выпросивъ у отца и матери позволеніе ѣхать въ духовную академію, онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, захотѣлъ держать экзаменъ не въ академію, а въ другое учебное заведеніе.

Въ данпомъ случаѣ мученіе души мнимаго преступника можетъ казаться смѣшнымъ. Но въ послѣдствіи времени бывали у Николая Александровича такія же напрасныя и гораздо болѣе тяжелыя мученія совѣсти по поводу фактовъ болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ о томъ, въ академію ли поступить, или въ Педагогическій институтъ. По достоинству преподаванія, по полезности преподаваемого не было разницы между академію и филологическимъ факультетомъ института, на который поступилъ Николай Александровичъ. Большая разница была въ жалованьѣ, получаемомъ на должностяхъ, даваемыхъ воспитанникамъ института и академіи, непосредственно по окончаніи курса: хорошо кончившіе курсъ въ академіи были назначаемы учителями семинарій; жалованье учителю семинаріи было 900 р. асс.; хорошо кончившіе курсъ въ Педагогическомъ институтѣ были назначаемы старшими учителями гимназій; жалованье старшему учителю гимназіи 400 р. сер., то-есть 1,400 р. асс., въ полтора раза больше семинарскаго. Но не объ этой разницѣ, дѣйствительно важной, думалъ тогда Николай Александровичъ, а лишь о томъ, что институтское преподаваніе лучше академическаго. Это было незнаніе. Вскорѣ по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ увидѣлъ, что онъ—та же самая семинарія.

Отецъ и мать были совершенно правы, отвѣчая упреками на просьбу сына о дозволеніи ему уклониться отъ академическаго экзамена, какъ слишкомъ труднаго для него. Но не были-ль упреки высказаны сурово? Мать не могла говорить сыну суровымъ тономъ,—такой у ней былъ характеръ, такая нѣжность была въ ея любви къ сыну. И еслибъ отецъ написалъ рѣзко, то несомнѣнно уступилъ бы ея просьбѣ изорвать суровое письмо, замѣнить рѣзкія выраженія мягкими. Но нельзя думать, чтобъ отецъ, при всемъ своемъ огорченіи, захотѣлъ написать сыну сурово; такое предположеніе опровергается характеромъ всѣхъ писемъ Александра Ивановича къ Николаю Александровичу, какія сохранились. Свои совѣты сыну онъ излагаетъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, безъ малѣйшаго доктринерства; свои несогласія съ намѣреніями сына онъ высказываетъ не иначе, какъ обставоляя ихъ оговорками; а, впрочемъ, поступаи, какъ самъ разсудишь; намъ издали мудрено судить; тебѣ самому виднѣе, какъ будетъ лучше.

Чтеніе переписки Александра Ивановича съ сыномъ отнимаетъ всякую возможность сомнѣваться, что упреки его Николаю Александровичу за робость

передъ академическимъ экзаменомъ были высказаны со всею деликатностью, какая была совмѣстна съ обязанностью родителей предостеречь сына отъ поступка, представлявшагося имъ, по его же собственному письму, легкомысленною, постыдною робостью.

Онъ не принялъ въ расчетъ, какую дурную мотивировку дало его намѣренію поступить въ Педагогическій институтъ смущеніе, наведенное на его душу мыслью, что онъ очень огорчитъ отца и мать этимъ своимъ желаніемъ. Потому, получивъ ихъ отвѣтъ, онъ придалъ ихъ упрекамъ вовсе не то значеніе, какое имѣли слова ихъ.

Отецъ и мать были огорчены тѣмъ, что сынъ струсилъ академическаго экзамена; онъ попялъ ихъ огорченіе въ томъ смыслѣ, что они осуждаютъ его за предпочтеніе, отдаваемое имъ институтскому курсу надъ академическимъ, что по этому извѣстію о его поступленіи въ институтъ повергнетъ ихъ въ глубокую печаль; ему даже казалось, что имъ трудно будетъ простить такое ужасное нарушеніе ихъ воли, требовавшей отъ него поступленія въ академію.

Вотъ письмо, которымъ онъ отвѣчалъ на ихъ рѣшеніе вопроса о выборѣ между институтомъ и академіей:

1853, августа 23. С.-Пбурѣ.

«Простите меня, мои милые, родные мои, папаша и мамаша, которыхъ такъ много люблю и почитаю я въ глубинѣ души моеѣ!.. Простите моему легкомыслию и неопытности! Я не устоялъ въ своемъ послѣднемъ намѣреніи (*ждать ихъ рѣшенія*), и письмо ваше пришло слишкомъ поздно—къ вечеру того дня, въ который поутру объявлявъ я студентомъ главнаго Педагогическаго института. Не оправдалъ я надеждъ и ожиданій вашихъ и—горе непослушному сыну!.. Тоска, какой никогда не бывало, надрываетъ меня эти два дня, и только Богу извѣстно, сколькихъ слезъ, сколькихъ мукъ бесплоднаго раскаянія стоило мнѣ послѣднее письмо ваше! Какъ въ горячкѣ метался я оба дня, дожидаясь почты, и еслибъ можно, самъ полетѣлъ бы къ вамъ, чтобъ у ногъ вашихъ вымолить прощеніе. Не стану теперь оправдываться, не стану ничего рассказывать вамъ, потому что я слишкомъ возмущенъ¹⁾; но съ полнымъ сознаніемъ своей вины прибѣгаю къ вамъ съ мольбой о прощеніи и благословеніи... Оно только можетъ возвратитъ мнѣ потерянное спокойствіе, котораго нигдѣ я не нахожу теперь. Какъ ни хорошъ Педагогическій институтъ и какъ ни хорошо принять я въ немъ, но я лучше бы желалъ быть послѣднимъ въ академіи,—именно потому только, что вы это одобряете... Не считайте же меня ослушникомъ, непокорнымъ сыномъ... Клянусь, еслибъ я зналъ, что вы такъ сильно вооружитесь противъ института, не поступилъ бы я туда ни за какія блага въ мірѣ. Всѣми преимуществами, всею будущностью своею пожертвовалъ бы я, чтобы только исполнить волю вашу, волю любящихъ родителей, которыхъ счастье для меня дороже моего, котораго я еще не понимаю. Но я ошибся, я обманулся, и жестоко наказываюсь за опрометчивость! Горе мнѣ, несчастному своевольнику, безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастья съ одною своею неопытностью и глупостью...

«Неужели же оставите вы меня, столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу²⁾ пустите вы меня за мою вину передъ вами? Простите—умоляю васъ. Простите и требуйте чего хотите, чтобъ испытать мое послушаніе. Скажите слово—и я уволюсь тотъ же часъ изъ института, ворочусь въ семинарію, и потомъ пойду, куда вы хотите, хоть въ казанскую академію. Лучше вытерпѣть всѣ пытки горькаго униженія и пошлыхъ насмѣшекъ, лучше испытать всѣ муки раздраженнаго самолюбія, разбитыхъ надеждъ и несбывшихся мечтаній, чѣмъ

¹⁾ Возмущенъ печалью или раскаяніемъ.

²⁾ На произволь мой, на волю судьбы.

нести на себѣ тяжесть гнѣва родительскаго. Я вполне испыталъ это въ послѣдніе дни послѣ получения вашего письма, Избавьте же меня отъ этого состоянія, простите, простите меня. Я знаю, вы меня любите... Не смѣю подписаться тѣмъ, чѣмъ недавно я сдѣлался ¹⁾, чтобы не раздражить васъ... Но все еще надѣюсь, что вы позволите мнѣ назваться сыномъ вашимъ.

Н. Добролюбовъ.

«Съ слѣдующею почтой, поуспокоившись, я буду обстоятельно писать къ вамъ. Но горько смущаетъ меня, тяжело налегаетъ на сердцѣ страшная мысль, какъ будетъ принято это письмо мое. Еще разъ—ради Господа Бога, ради всего святаго и дорогаго для васъ—простите моей неопытности, не лишите меня вашей любви и благословенія, безъ которыхъ нѣтъ въ мірѣ счастья, не оставьте вашими совѣтами, безъ которыхъ я пропаду здѣсь. Ради Бога, ради Христа—умоляю любовь вашу. Иначе—я не знаю, что будетъ со мною...»

Онъ хотѣлъ написать отцу и матери вовсе «болѣе обстоятельно», когда «успокоится», и надѣялся, что успокоится къ времени слѣдующей почты; но вмѣсто одной почты прошло пять, вмѣсто двухъ или трехъ дней двѣ недѣли, а онъ все еще оставался неспособнымъ привести въ порядокъ свои мысли совершенно разстроеннымъ порицаніемъ, полученнымъ отъ отца и матери, все еще не могъ обратиться съ духомъ, чтобы написать обѣщанное «обстоятельное» объясненіе своего ужаснаго преступленія.

Но оказалось, что отцу и матери не нужно было никакихъ обстоятельныхъ разъясненій, чтобы найти преступленіе сына извинительнымъ, потому что никакого преступленія въ его предпочтеніи институту передъ академіей они и не воображали находить. Онъ поступилъ въ Педагогическій институтъ—имъ было совершенно достаточно узнать это, чтобы огорченіе ихъ прошло.

Въ чемъ состояло оно? Въ томъ, что онъ струсилъ академическаго экзамена. Къ этому экзамену онъ былъ превосходно подготовленъ, казалось всеѣмъ: отцу, семинарскому начальству, архіерею (близко знавшему его лично)—я вотъ, онъ думаетъ, что не выдержитъ экзамена въ академію. Какъ же можно было отцу и матери надѣяться, что онъ выдержитъ экзаменъ въ институтъ? Они знали: тамъ требуется подготовка по программѣ гимназическаго курса, большая часть котораго не входитъ въ составъ семинарскаго. По общему и совершенно справедливому мнѣнію воспитанниковъ и преподавателей семинаріи, экзаменъ въ Педагогическій институтъ былъ для семинариста гораздо труднѣе академическаго. Увѣренія сына, что институтскій экзаменъ обращенъ въ пустую формальность, не могли не возбуждать въ людяхъ, болѣе знающихъ жизнь чѣмъ онъ, грустныхъ мыслей о его неопытности. Институтскій экзаменъ, какъ бы ни была велика снисходительность экзаменуемыхъ и наблюдающихъ за экзаменуемыми, все таки, долженъ былъ оставаться для семинариста труднѣе академическаго. Что-жъ будетъ, если ихъ сынъ, не надѣющийся выдержать экзамена въ академіи, пойдетъ держать экзаменъ въ институтъ?—должны были думать отецъ и мать.

Опасенія оказались напрасны: сынъ не осрамился, какъ заставлялъ ожидать, а выдержалъ экзаменъ въ институтъ.

¹⁾ Семинаристы, поступающіе въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе, имѣли обычай въ первое время по поступленіи подписываться «студентъ» такого-то учрежденія.

Отецъ и мать написали ему, что вовсе не сердятся, напротивъ—радуются.

Письмо ихъ не сохранилось. Но содержаніе его само собою понятно изъ того, что прежде они вовсе не порицали желанія сына поступить на университетъ, а только не имѣли денегъ на содержаніе его въ университетъ; ѣхать въ академію, а не въ университетъ, пришлось ему исключительно потому, что воспитанники академіи жили на казенномъ содержаніи. Теперь онъ поступилъ на казенное содержаніе въ высшее учебное учрежденіе, считающееся одинаковымъ съ университетами, дающее кончающимъ въ немъ курсъ должности лучше даваемыхъ духовными академіями,—какую-жъ причину имѣли отецъ и мать быть недовольными? Напротивъ, имъ было пріятно, что сынъ поступилъ въ учебное заведеніе, которое правится ему болѣе, чѣмъ академія, и лучше академіи обезпечиваетъ кончающихъ курсъ. Они были рады.

Увидѣвъ это, онъ удивился, былъ въ восторгѣ и написалъ имъ письмо не на одномъ, какъ обыкновенно, а на нѣсколькихъ листахъ. Вотъ начало этого письма:

1853, Сентября 6. Петерб.

«Такъ вы на меня не сердитесь, такъ вы благословили меня! И даже ни одного упрека за своевольство. Какъ я теперь веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать... Теперь я буду писать вамъ, милые мои папаша и мамаша, много много, все буду писать вамъ. Вотъ, если хотите, съ начала исторія. Когда сказали мнѣ, что можно поступить въ Педагогическій институтъ, я не могъ не впасть въ сильное раздумье. Я соображалъ и припоминалъ, я молился, и послѣ долгаго, мучительнаго размысленія—только съ самимъ собой и ни съ кѣмъ больше—рѣшился я на этотъ важный шагъ, опредѣляющій судьбу моей будущности. Я припомнилъ, что и вы говорили мнѣ о поступленіи въ институтъ при неудачѣ въ академіи, или даже послѣ ученья въ академіи, я соображалъ и совѣты и отзывы нѣкоторыхъ знакомыхъ, вошелъ въ свои собственныя наклонности, и послѣ всего этого приступилъ къ дѣлу. Отправивши письмо къ вамъ, я не рассчитывалъ, что отвѣтъ придетъ очень поздно, и потому писалъ, что безъ вашего согласія не рѣшусь ни на что. Но потомъ увидѣлъ я, что если до этого ни на что не рѣшатся, то ничего и не сдѣлаешь. Поэтому вечеромъ 12 числа отправился я къ инспектору института, Александру Никитичу Тихомандритскому, спросилъ его, можно ли держать экзамень безъ документовъ моихъ, которые представляю послѣ, объяснилъ обстоятельно все дѣло и получилъ позволеніе явиться на экзамень 17 числа. Въ этотъ же самый день былъ назначенъ первый экзамень въ академіи. (Поэтому я вечеромъ 16-го писалъ Журавскому ¹⁾ записку, что зубная боль препятствуетъ мнѣ быть на экзаменѣ. Онъ тотчасъ пришелъ освѣдомиться, потому что квартира моя была почти возлѣ академіи. Я легъ и очень болѣзненно отвѣчалъ ему, что къ несчастью и проч.). На другой день пошелъ я въ институтъ вмѣстѣ съ сыномъ вятскаго ректора. Пришедши туда, я, прежде всего, долженъ былъ написать сочиненіе *О моемъ призваніи къ педагогическому званію*; и какъ написать что-нибудь дѣльное нельзя было на такую пошлую тему, то я и написалъ тутъ всякаго вздору—и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что прежде мнѣ самому хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ (*будущихъ*) наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо. На экзамень (*изустный, послѣ письменнаго*) я вышелъ, прежде всего къ Лоренцу. Онъ прогналъ меня по всеобщей исторіи и заключилъ: ви отшень хорошо

¹⁾ Воспитаннику нижегородской семинаріи, отправленному въ петербургскую академію на казенный счетъ, и потому немедленно послѣ пріѣзда помѣщенному жить въ академіи. Онъ и Николай Александровичъ ѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ.

знаете исторію. Это меня ободрило, и съ веселымъ духомъ держалъ я экзаменъ по другимъ предметамъ; а послѣ экзамена подошелъ я къ инспектору и спросилъ его: «Александръ Никитичъ, позвольте узнать, могу ли я надѣяться поступить въ институтъ? Иначе я могу еще теперь обратиться въ академію». Онъ, вмѣсто отвѣта, развернулъ списокъ и, показавъ мнѣ мои баллы, довольно высокіе, сказалъ: «Помилуйте, а это что же?» Затѣмъ, 20 числа, былъ другой экзаменъ».

По окончаніи его, инспекторъ поздравилъ Добролюбова съ поступленіемъ въ институтъ. На другой день, 21 числа, экзаменовавшіеся были позваны въ конференцію института.

«Позвали насъ въ конференцію, и директоръ читалъ: «принимаются такіе-то безусловно». Такихъ нашлось человѣкъ 12, меня не было. «Безъ благословенія родителей нѣтъ счастья», подумалъ я; но директоръ началъ снова: «затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые хотя оказались хорошими, даже очень хорошими по всѣмъ предметамъ, но слабы или въ нѣмецкомъ, или во французскомъ языкѣ и потому» (тутъ—можете представить—онъ остановился и закашлялъ; я задрожалъ) «могутъ быть приняты только съ условіемъ, что они къ первымъ зимнимъ праздникамъ окажутъ свои успѣхи въ этихъ языкахъ». Въ этотъ разрядъ попала бѣльшая часть семинаристовъ, и я—первый. Такимъ образомъ, я былъ уже принятъ, когда, пришедши домой, получилъ ваше письмо, которое въ одинъ мигъ повергло меня въ такое отчаяніе. Вы, кажется, недовольны слишкомъ сильнымъ (*взволнованнымъ, страстнымъ*) тономъ моего письма (*отъ 23 августа, которое приведено выше*), въ которомъ я ничего путемъ не объяснилъ вамъ; но я тогда рѣшительно не могъ писать иначе: такъ быстро и такъ тяжело былъ этотъ переходъ отъ полного счастья къ безнадежной горести. Хорошо еще, еслибъ я могъ кому-нибудь сказать мое горе; но вы знаете мой характеръ. Получилъ я письмо при товарищахъ; слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я прочелъ его, но я только свистнулъ и очень равнодушно положилъ его въ карманъ. За то послѣ я плакалъ цѣлый вечеръ. Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ написалъ я вамъ мое письмо, которымъ, быть можетъ, даже напугалъ васъ. Простите, но вспомните—вѣдь, вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобы я былъ такъ легко-вѣренъ и проч. и проч. Было отъ чего придти въ отчаяніе. Я даже не ожидалъ отъ васъ и теперь такого всепрощенія. Но за то я теперь совершенно счастливъ».

Послѣ этого Николай Александровичъ рассказываетъ, что по его просьбѣ, оберъ-прокуроръ синода сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ академическое правленіе выдало ему его документы для представленія въ институтъ.

«28 числа я получилъ изъ академическаго правленія свои документы, представилъ директору и въ тотъ же день поселился въ институтѣ, идѣ и пребываю до сихъ поръ въ добромъ здоровьѣ и совершенномъ счастіи.

«Теперь я отвѣтилъ на бѣльшую часть вашихъ вопросовъ. Остается еще сказать о томъ, лучше ли я нахожу для себя институтъ, чѣмъ академію? Вы можете такъ спрашивать, не издавши института, и чтобы вполне предполагать превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ.—Другимъ нравится и духовная академія; но что касается до меня, то вы, конечно, припомните, что я поѣхалъ въ духовную академію только отъ крайности. Давнишняя моя мысль и желаніе было поступить въ университетъ; но когда сказали мнѣ ¹⁾, что это невозможно, я старался найти хоть какое-нибудь средство освободиться отъ вліянія ²⁾ и это средство я нашелъ въ петербургской академіи. Но и при этомъ у меня

¹⁾ Когда сказалъ ему отецъ.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ письма уничтожено нѣсколько словъ, вѣроятно, Александромъ Ивановичемъ, безъ сомнѣнія, изъ предосторожности (онъ показывалъ и читалъ письма сына знакомымъ; могъ спросить ихъ у него и архіерей). Вычеркнуты слова

всегда оставалась мысль не только поступить на статскую службу, но даже учиться въ свѣтскомъ заведеніи. Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ, и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человекъ ¹⁾. Я ужь умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что и давно поялъ, что я совсѣмъ несклоненъ и неспособенъ не только къ жизни духовной, но и къ наукѣ духовной ²⁾. И помните, слышали-ль вы отъ меня хоть разъ хоть одно слово о преимуществѣ духовной академіи передъ университетомъ? Кажется, никогда. Я покорился судьбѣ, хвалилъ академію петербургскую на счетъ другихъ академій духовныхъ, но никогда не возвышалъ ее надъ свѣтскими заведеніями... И что же могъ я чувствовать, когда, прѣхавши сюда, вдругъ увидѣлъ возможность осуществить давнишнія мечты, когда я опять нашель то, что считалъ уже невозвратно потеряннымъ? Я не могъ не броситься на эту мысль—поступить въ институтъ, не могъ упустить благоприятный случай, тѣмъ болѣе, что экзаменъ институтскій былъ легче академическаго ³⁾ и что перейти изъ академіи въ институтъ, какъ вы писали, можно не черезъ годъ, а только черезъ два ⁴⁾. Для чего же бесполезно тратить ихъ? Притомъ, въ институтскомъ начальствѣ, товарищахъ и проч. я нашель совсѣмъ другое, чѣмъ въ академическихъ».

Онъ сравниваетъ то, что видѣлъ въ академіи съ тѣмъ, что увидѣлъ въ институтѣ: показываетъ, что все въ институтѣ лучше академическаго, и продолжаетъ:

«Какъ же еще не лучше въ институтѣ противъ академіи? Именно вы сказали правду—Промыселъ привелъ меня сюда, и я вижу въ этомъ вознагражденіе за то терпѣнье, за ту кротость, съ которой я покорился судьбѣ, и перенесъ отказъ вашъ или, лучше, рѣшеніе необходимости касательно поступленія въ университетъ. А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, припомните: вы, папаша, нѣсколько разъ спрашивали, видя меня за исторіей, за словесностью, за математикой: «Да что ты все этимъ занимаешься? Развѣ это тамъ важно, развѣ это тамъ требуютъ?» Подъ «тамъ» вы разумѣли академію; а я почему-то готовился съ этихъ именно предметовъ, совсѣмъ не имѣя ее въ виду, и вотъ это мнѣ пригодилось. Да и то сказать: меня въ академіи постоянно убивала-бы мысль, что я поступилъ туда не самъ собой, а по разнымъ протекціямъ—преосвященнаго, Волкова, графа Толстаго, который просилъ за меня Макарія, какъ мнѣ здѣсь сказали. Между тѣмъ, здѣсь я поступилъ именно самъ собою, а не по чужой милости или, лучше, по одной милости Божіей, которую постараюсь заслуживать всегда, сколько можно слабому человекъ. По нѣкоторымъ вашимъ отзывамъ обо мнѣ и о моемъ характерѣ, я думаю, что вы достаточно знаете меня и потому поймете, что послѣднее обстоятельство для меня тоже не послѣдней важности.

были, очевидно, собственные имена; одно изъ нихъ, несомнѣнно «Паисій», ректоръ нижегородской семинаріи; къ этому имени было прибавлено, по всей вѣроятности, другое: «Ерема», какъ называли архіерея Іеремію.

¹⁾ Какой-то знакомый, быть можетъ, тотъ Леонидъ Ивановичъ, который, какъ упоминается въ письмѣ Николая Александровича отъ 6 августа, убѣждалъ его поступить въ монахи, когда будетъ въ академіи. Поступленіе въ монастырь было для студентовъ духовныхъ академій путемъ къ архіерейству.

²⁾ Не по недостатку религіозности (онъ былъ тогда человекъ вѣрующій), а потому, что формы преподаванія въ духовныхъ заведеніяхъ казались ему очень неудовлетворительны, формы быта духовенства тяжелы, и, что всего важнѣе, ему хотѣлось посвящать себя литературѣ.

³⁾ Это еще отголосокъ того настроенія мыслей, которое давало Николаю Александровичу извиненіе передъ самимъ собой въ намѣреніи держать экзаменъ въ институтъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ самъ приводитъ примѣръ трудности институтскаго экзамена для семинаристовъ: сынъ вятскаго ректора не выдержалъ этого экзамена.

⁴⁾ Совѣтъ поступить въ академію и перейти черезъ годъ въ институтъ былъ данъ отцомъ, вѣроятно, въ письмѣ, порицавшемъ намѣреніе сына не поступать въ академію. Перейти въ институтъ черезъ годъ нельзя было потому, что курсы классовъ («отдѣленій») института были тогда двухлѣтніе, соотвѣтственно тому и пріемъ въ институтъ происходилъ лишь разъ въ два года (по нечетнымъ годамъ).

«Вы еще спрашиваете меня, все ли у меня цѣло, есть ли деньги? Да куда же я дѣну 35-то цѣлковых? Вѣдь, я не вносилъ ихъ въ академію. Вещи всѣ также въ совершенной сохранности. Прощайте. Сынъ вашъ С. Г. П. И. (*студентъ Главнаго Педагогическаго института*) Н. Добролюбовъ».

Первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери Н. А. Добролюбова было писано къ нему 27 сентября, отправлено 28, получено Николаемъ Александровичемъ 5 октября, то-есть на восьмой день по отправленіи (почта въ тѣ времена очень часто запаздывала). Письмо матери служить, между прочимъ, отвѣтомъ на (не сохранившееся) письмо сына, заключавшее въ себѣ поздравленіе ея съ днемъ рожденія. Листъ начинается письмомъ отца, состоящимъ лишь изъ немногихъ строкъ. Отецъ говоритъ, что посылаются при этомъ письмѣ «еще десять рублей» и прибавляетъ: «Я увѣренъ, что ты не употребишь оныя деньги безразсудно. А въ необходимомъ и даже полезномъ не отказывай себѣ ни въ чемъ. Чаю покупай себѣ лучшаго».

Послѣ отца пишетъ мать:

«Я вчера писала тебѣ, милый Николенька, и была очень утѣшена полученнымъ отъ тебя письмомъ. Никакъ не ожидая, чтобы ты, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, могъ вспомнить день моего рожденія, я была спокойна, какъ давно не бывала; но каково-жъ мое удивленіе: къ вечеру нашъ добрый Михайлъ Алексѣвичъ принесъ твое письмо, такъ неожиданно полученное, которое еще больше меня обрадовало потому, что я не ожидала».

Она благодаритъ сына за то, что онъ вспомнилъ о днѣ ея рожденія, и продолжаетъ:

«Мы къ тебѣ не скоро отвѣчали»,—вѣроятно, на письмо отъ 6 сентября,— «потому, что писалъ къ тебѣ Михайлъ Алексѣвичъ, такъ чтобы не затруднять тебя излишнею пересылкой. Мы разсчитали, что у тебя за покупкой книгъ останется немного денегъ, потому посылаемъ ихъ тебѣ».

Мать проситъ его беречь здоровье, не отказывать себѣ ни въ чемъ надобномъ, и продолжаетъ:

«Отецъ написалъ такъ коротко» потому, что спѣшилъ къ обѣднѣ; онъ просидѣлъ ее отвѣчать на заключавшіяся въ письмѣ сына, отъ 6 сентября, вопросы о томъ, какія изъ вещей, ставшихъ ненужными ему по поступленіи въ институтъ, слѣдуетъ ему продать. Она выражаетъ согласіе на то, чтобы онъ продалъ всѣ перечисленныя имъ вещи, кромѣ чемодана:

«Чемоданъ, если можно, то оставь при себѣ: онъ тебѣ понадобится, когда поѣдешь къ намъ въ гости; а я надѣюсь, что это будетъ, дождусь тебя къ себѣ, чтобы на тебя полюбоваться въ твоемъ мундирѣ».

Она возвращается къ тому, что очень обрадована полученнымъ вчера письмомъ сына:

«Будь здоровъ, спокоенъ и счастливъ. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо твое. Оно меня очень радуетъ. Но только папаша велѣлъ мнѣ написать, чтобы ты не тратилъ время дорогое, котораго такъ мало даютъ тебѣ¹⁾, на ненужныя письма».

¹⁾ Николай Александровичъ сообщил отцу и матери распредѣленіе дня въ институтѣ; отецъ нашелъ, какъ видно по письмамъ Николая Александровича, что, при такомъ распредѣленіи дня, остается слишкомъ мало времени для серьезныхъ, самостоятельныхъ занятій, къ какимъ привыкъ дома сынъ.

Но къ намъ, прошу тебя писать хоть понемногу. Прощай, мой милый, мой дорогой Николенька, какъ ты самъ себя назвалъ въ письмѣ. Миѣ это названіе очень пріятно. Любящая тебя много, очень много, мать твоя З. Добролюбова».

Въ тѣ времена въ среднемъ кругу провинціального общества было принято называть взрослыхъ дѣтей въ письмахъ къ нимъ по имени и отчеству. Александръ Ивановичъ обыкновенно и называется такъ сына. Зинаида Васильевна раза два поддавалась этому обычаю. Сынъ просилъ ее называть его, попрежнему Николенькой.

Къ письму Зинаиды Васильевны сдѣлала приписку младшая сестра ея, Варвара Васильевна:

«Благодарю тебя, милый Николенька, за память. Радуюсь, что ты не пошелъ въ кутю. Варвара К.».

Варвара Васильевна Колосовская была и сама, какъ Зинаида Васильевна, жена священника. Но это, какъ видимъ, не стѣсняло ее имѣть безпристрастное мнѣніе о «кутѣ». Въ однихъ изъ своихъ писемъ къ Николаю Александровичу она объясняетъ и причину, по которой рада, что онъ не пошелъ въ кутю: семинаристы и студенты духовныхъ академій имѣютъ неуклюжія манеры и плохо знаютъ приличія; племянникъ ея теперь отстанетъ отъ этихъ принадлежностей кутейническаго воспитанія.

Она была бойчѣе Зинаиды Васильевны въ шуткахъ. Но если она дѣлала такую приписку къ письму сестры, то не ясно ли, что Зинаида Васильевна раздѣляла ея мнѣніе о преимуществахъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній надъ духовными? Да и у самой Зинаиды Васильевны высказывается предпочтеніе института духовной академіи въ словахъ, что ей пріятно будетъ видѣть сына въ институтскомъ мундирѣ (онъ былъ одинаковый съ университетскимъ).

Прочитавъ первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери къ Николаю Александровичу, нельзя не увидѣть, что деликатность его характера была единственнымъ источникомъ мучительнаго сомнѣнія въ томъ, одобрятъ ли отецъ и мать его предпочтеніе институтскаго курса академическому. Онъ не могъ не знать, что мать предпочитаетъ свѣтскія учебныя заведенія духовнымъ; и онъ превосходно зналъ, что понятія обо всемъ на свѣтѣ одинаковы у отца и матери. Послѣ того разговора съ отцомъ, въ которомъ рѣчь была доведена до вопроса, можетъ ли отецъ содержать его въ университетѣ, онъ не могъ не понимать, что прежнія разсужденія отца о преимуществахъ академическаго воспитанія надъ университетскимъ были только результатомъ желанія отца отклонить его отъ намѣренія, неудобноисполнимаго по недостатку денегъ, сберечь его отъ огорченія раскрытіемъ положенія денежныхъ дѣлъ семейства.

Съ того дня, какъ получено было Николаемъ Александровичемъ письмо отца и матери, говорившее, что они и не думали сердиться на него за предпочтеніе институтскаго курса академическому, напротивъ, рады его поступленію въ институтъ, жизнь его шла спокойно до половины марта.

Въ первыя недѣли по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ восхищался имъ. Но очень скоро увидѣлъ, что и институтскія лекціи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ (именно: лекціи Срезневскаго по славянскимъ нарѣчіямъ и Н. М. Благовѣщенскаго по римской литературѣ) хороши сами по себѣ, даютъ ему, въ

общей сложности своей, слишкомъ мало знанія сравнительно съ тѣмъ, сколько желаетъ и можетъ онъ приобрести. Не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ по началѣ курса, онъ уже сталъ употреблять на занятія, постороннія требованія институтскаго курса, всѣ тѣ часы, какіе оставлялъ въ распоряженіи студентовъ институтскій порядокъ дня, регулированный обязательнымъ расписаніемъ отъ минуты, определенной для пробужденія, до минуты, въ которую гасятся лампы съ запрещеніемъ имѣть послѣ того свѣтъ для работы.

Отецъ, прочитавъ это расписаніе, сообщенное ему и матери сыномъ при самомъ началѣ курса, замѣтилъ, что оно даетъ слишкомъ мало времени для занятій болѣе серьезныхъ, чѣмъ школьная работа, требуемая уставомъ заведенія. Отецъ вывелъ изъ этого, что сынъ, имѣвшій въ семинарскіе годы гораздо болѣе времени для занятій по своему выбору, не можетъ быть доволенъ институтскимъ порядкомъ дня, стѣняющимъ свободу занятій, мѣшающимъ серьезности ихъ. Сынъ сначала хотѣлъ успокоить отца въ этомъ отношеніи, но въ письмѣ отъ 27 октября признался, что замѣчаніе его справедливо.

«Надобно сказать правду, папаша: вы совершенно правы. Времени для занятій здѣсь мало...—Занятные часы такъ часто перерываются, что нѣтъ возможности втиснуться въ работу... Только начнешь заниматься, задумаешься, сосредоточишь мысль на одномъ предметѣ,—какъ вдругъ звонокъ—ужинать. Развлечешься, и опять трудно приняться за прежнее дѣло. И только вновь соберешься съ мыслями—приходитъ гувернеръ и желаетъ спокойной ночи».

Съ сентября до января отецъ и мать три раза присылали сыну деньги, хотя онъ постоянно писалъ, что не нужно присылать ихъ, что у него еще остается много. Послѣ третьей присылки онъ пишетъ (27 января 1854 г.):

«Наканунѣ дня моего рожденія, 23 января, получилъ я письмо ваше, мои добрые папаша и мамаша, и не могъ надивиться, для чего приложены при немъ эти 10 р. с. Наконецъ, рѣшилъ я, что вы просто хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ ко дню моего рожденія, не болѣе. По поводу этихъ денегъ я сосчиталъ, сколько всѣхъ денегъ передали вы мнѣ отъ августа мѣсяца, и нашелъ огромную сумму—почти сто рублей. Разумѣется, сколько ни присылайте денегъ, ихъ всѣ можно истратить на предметы очень полезные и даже пожалуй, нужные. Но если нѣтъ денегъ, такъ и обойдешься безъ нихъ,—а черезъ годъ, посмотришь, онъ ужъ и не нужны—. Я могу совершенно успокоить васъ и, благодаря за присылку, могу сказать, что я дѣйствительно, какъ вы предполагали, не нуждался въ деньгахъ. Доселѣ я никому не былъ долженъ, даже булочнику;—доселѣ я никогда не сидѣлъ безъ копейки въ карманѣ, доселѣ я чистѣе всѣхъ велъ свое маленькое хозяйство, т.-е. не пробивался на шаромыжку, а всегда имѣлъ свой чай, со своею булкой¹⁾, свою бумажку, сургучъ, ниточку, пуговку и проч. и проч.».

Кромѣ недовольства институтомъ, у Николая Александровича не было до половины марта никакого тяжелаго чувства и не было огорченій, кромѣ мелкихъ

1) Въ институтѣ не было тогда чая; кто изъ студентовъ хотѣлъ пить чай, тотъ долженъ былъ имѣть свой. Пища въ институтѣ была недостаточная; кто изъ студентовъ, имѣвшихъ мало денегъ, но все же имѣвшихъ какія-нибудь деньги, не хотѣлъ голодать, принужденъ былъ покушать хоть булку къ чаю. Вовсе не имѣющіе денегъ тоже пили чай съ булкой,—съ ними дѣлились товарищи. Главнымъ организаторомъ пособій товарищамъ очень скоро сталъ Николай Александровичъ, и когда у другихъ не случалось свободныхъ денегъ, онъ давалъ изъ своихъ всѣ надобные рубли, говоря получающему, что это деньги всего товарищескаго общества.

столкновений съ назойливою, лицемѣрною, льстивою и вмѣстѣ грубою институтскою формалистикой. Письма его за все это время имѣютъ обыденное содержаніе, подобное тому, какое обыкновенно имѣютъ письма любящихъ сыновей-юношей къ родителямъ. Онъ рассказываетъ, какъ идетъ его жизнь, чѣмъ онъ занимается, успокоиваетъ опасенія отца и матери за его здоровье въ дурномъ петербургскомъ климатѣ, сообщаетъ петербургскія новости, какія доходили до института; больше всего мѣста въ новостяхъ занимаютъ пзвѣстія о нашей войнѣ съ Турціей и ея союзниками; къ слухамъ о ходѣ военныхъ дѣйствій присоединены нѣкоторыя изъ патріотическихкихъ стихотвореній, восхищавшихъ тогда массу петербургской публики.

Отецъ Николая Александровича былъ человѣкъ не болѣе, какъ семинарскаго образованія, да и то не такого, какое пріобрѣтали любознательные семинаристы временъ сына, а бывшаго въ это время ужь старомоднымъ съ новой семинарской точки зрѣнія. И въ слогѣ Александра Ивановича есть слѣды старой семинарской витіеватости; но сравнительно съ тѣмъ, какъ писало огромное большинство священниковъ его поколѣнія, онъ писалъ очень простымъ слогомъ, производящимъ самое выгодное для него впечатлѣніе на человѣка, читавшаго много писемъ священниковъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ онъ.

А по своему содержанію всѣ его письма отъ перваго слова до послѣдняго показываютъ въ немъ человѣка очень умнаго и дѣльнаго, добраго, деликатнаго. Онъ былъ чуждъ всякаго педантства; въ его совѣтахъ сыну нѣтъ ни тѣни резонерства, они просты, дѣльны. Многословія онъ не любилъ, да и некогда было ему писать длинно; слогъ его сжатый, онъ писалъ кратко и дѣльно. Онъ не навязывалъ своихъ мнѣній сыну, всегда предоставлялъ ему поступать по собственному соображенію или влеченію. Въ одномъ только совѣтѣ онъ настойчивъ: «не отнимай у себя времени на то, чтобы писать длинныя письма,—говорить онъ сыну,— не утомляй себя этимъ, у тебя и безъ того много дѣла; не трать времени на письма къ людямъ, къ которымъ не имѣешь обязанности или надобности писать; и къ намъ пиши лишь столько, сколько дозволяютъ твои занятія; для насъ достаточны будутъ и короткія письма».

Мы видимъ въ письмахъ Александра Ивановича такого отца, который постоянно думаетъ о томъ, чтобы не быть въ тягость сыну своими желаніями, не стѣснять его свободу своими мнѣніями.

Зинаида Васильевна писала простымъ разговорнымъ языкомъ. Когда она рассказывала какую-нибудь новость подробно, рассказъ ея хорошъ. Письма ея проникнуты нѣжною любовью къ сыну.

Каждое письмо отъ него было радостью и для нея, и для Александра Ивановича. Оно читалось сначала ими безмолвно; потомъ Александръ Ивановичъ читалъ вслухъ дѣтямъ и всѣмъ, кто былъ въ комнатѣ, если были тутъ еще кто-нибудь. Когда приходили гости, Александръ Ивановичъ вынималъ письмо сына и читалъ имъ. Антонина Александровна говоритъ, что такимъ образомъ ей приходилось слышать каждое письмо брата раза четыре, разъ пять.

Если сыну случалось пропустить ту почту, съ которой ждали письма отъ сына отецъ и мать, матерью овладѣвало безпокойство; а если проходило еще нѣсколько дней безъ письма отъ сына, начиналъ тревожиться и отецъ. Вотъ какъ рассказываетъ сыну (въ письмѣ отъ 1 янв. 1854) Зинаида Васильевна объ одномъ изъ такихъ случаевъ:

«У насъ, слава Богу, все хорошо; только одно насъ беспокоить, что такъ-давно ты къ намъ не пишешь, и что здоровъ ли ты. Неужели тебя такъ приковали золотыя дѣпи (*милья, драгоценныя для тебя цѣпи науки*), что нѣтъ времени написать нѣсколько строкъ намъ? Не только я одна беспокоюсь, но и папаша частенько говоритъ: что отъ тебя нѣтъ писемъ? Все ждали къ празднику; но и тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Разъ онъ шелъ мимо семинаріи и, увидѣвши у служителя въ рукахъ письмо съ твоимъ почеркомъ (*на адресъ*), такъ обрадовался, что, забывши, что оно къ намъ, принесъ домой, но, закусивши, поѣхалъ самъ къ Лаврскому (*товарищу Николая Александровича по семинаріи, къ которому было это письмо*) затѣмъ, чтобы прочитатъ его тамъ; а В. В. (*Валеріанъ Викторовичъ Лаврскій*) былъ такъ добръ ко мнѣ, что на другой день приносилъ его ко мнѣ прочитатъ».

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, 16 дек., отвѣчая на тревожные вопросы сына по поводу упоминаній въ письмѣ отца и ея о ихъ легкихъ нездоровьяхъ, Зинаида Васильевна писала:

«Мы очень жалѣли, что тебя беспокоили нашею болѣзнью. Это правда, у папаша болѣла нога——но, слава Богу, прошло благополучно. А моя болѣзнь, ты знаешь, давнишняя. Я не была покойна до тѣхъ поръ, какъ получила отъ тебя письмо;——тутъ я совершенно успокоилась и болѣзнь моя прошла. Теперь я здорова».

Около 24 февраля поѣхалъ въ Петербургъ сынъ Бориса Ефимовича Прутченко, Михаилъ Борисовичъ; Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна послали съ нимъ своему сыну письмо и полумперіалъ. Но онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Москвѣ; потому это письмо ихъ не могло быть замѣною письма, идущаго по почтѣ, и они написали 27 февраля сыну письмо, которое отправили по почтѣ. Это было послѣднее письмо, написанное сыну Зинаидой Васильевной. Приводимъ его вполнѣ. Оно служить отвѣтомъ на письмо сына отъ 18 февраля:

«Милый, неоцѣненный другъ мой, Николай Александровичъ! Я очень рада, что ты здоровъ и веселъ и доволенъ своимъ поступленіемъ въ институтъ. Отъ души радуюсь, что этимъ исполнилось всегдашнее твое желаніе. Жалѣю и о твоихъ многотрудныхъ занятіяхъ¹⁾. Но да поможетъ тебѣ Господь. Прому тебя, береги больше всего свое драгоценное здоровье, оно ничѣмъ не можетъ замѣниться: ни честью (*почестями*), ни богатствомъ. Мы съ удовольствіемъ читали и радовались твоей умѣренности (*въ желаніи школьныхъ отличій и въ школьныхъ занятіяхъ*). Да и къ чему такъ много изнурять себя излишнимъ занятіемъ; не всѣмъ же можно быть первыми²⁾; а мы очень въ тебѣ увѣрены, что ты и не при усиленныхъ занятіяхъ будешь не изъ послѣднихъ. А всего лучше, когда ты къ намъ пріѣдешь совершенно здоровымъ, какъ общаешь. Но только не черезъ пять мѣсяцевъ; это очень долго³⁾. Мы всѣ тебя съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и рассчитываемъ время твоего отпуска. Я бы желала знать,

¹⁾ «Жалѣю и о твоихъ»—это «и» здѣсь потому, что слова Зинаиды Васильевны служатъ отвѣтомъ на слова сына въ письмѣ отъ 18 февраля: «У васъ, мои милые, родные, опять начнутся тяжкіе труды (*у отца съ наступленіемъ великаго поста, начавшагося въ томъ году 22 февраля*) и «безпокойства» (*у матери за здоровье отца, изнуряемаго великопостнымъ служеніемъ*).

²⁾ По его письмамъ нельзя было догадаться, что въ это время хорошіе профессеры (какъ, напримѣръ, Срезневскій) ужъ видѣли: студента такого даровитаго и съ такими обширными знаніями еще не бывало въ институтѣ.

³⁾ Дѣйствительно, въ половинѣ февраля, когда писалъ о «пяти» мѣсяцахъ Николай Александровичъ, оставалось только четыре, а теперь ужъ только три съ половиной мѣсяца до начала институтскихъ каникулъ.

как ты кончил свое сочиненіе ¹⁾, и порадовало ли оно тебя, и какъ ты проводилъ масляницу, не видалъ ли чего интереснаго для насъ и новаго. А ты же и обѣщаль написать побольше. Но вотъ у насъ прошла и первая недѣля поста, а мы отъ тебя не получили обѣщаннаго письма, и опять начинаю беспокоиться о твоёмъ здоровьѣ ²⁾. Можетъ быть, тебѣ совершенно и никогда писать намъ при твоихъ трудныхъ занятіяхъ; но что же дѣлать, дружокъ мой, прошу тебя, хотя понемногу, а пиши, хотя два письма въ мѣсяць, для нашего спокойствія. А я въ тебѣ увѣрена, что ты меня попрежнему любишь. Папаша въ церкви, у насъ много причастниковъ, въ томъ числѣ и Михайлъ Ивановичъ нашъ. Родные наши все здоровы. Желаю и прошу Бога, чтобъ и ты былъ совершенно здоровъ, веселъ и успѣвалъ во всемъ хорошо. Остаюсь любящая тебя много, много З. Д.»

Николай Александровичъ получилъ это письмо 2 марта. Послѣ того двѣ недѣли не было письма отъ отца и матери. Это не представляло ничего особеннаго: они обыкновенно писали ему не чаще, чѣмъ разъ въ двѣ недѣли. Такъ шло время до 14 марта, вѣроятно, не возбуждая въ Николаѣ Александровичѣ никакихъ опасеній.—Михайлъ Борисовичъ Прутченко, оставшійся въ Москвѣ, какъ видно, слишкомъ двѣ недѣли, пріѣхаль въ Петербургъ и 16 марта отдалъ Николаю Александровичу полумперіаль и письмо отъ 22 февраля, посланные съ нимъ (письмо это не сохранилось). На другой день пришло къ Николаю Александровичу письмо, отправленное отцомъ по почтѣ 13 марта (черезъ пять дней по кончинѣ Зинаиды Васильевны); онъ началъ читать — и прочелъ слова отца, подготовлявшія его къ полученію извѣстія о смерти матери. Это письмо Александра Ивановича не сохранилось. Какими выраженіями подготовлялъ онъ сына къ извѣстію о смерти матери, мы можемъ угадывать по мыслямъ, возбужденнымъ ими въ сынѣ; очевидно, что были выраженія, говорившія, что болѣзнь матери очень опасна, и, быть можетъ, было прибавлено къ этому, что мало остается надежды на ея выздоровленіе. Читеніемъ этихъ, по всей вѣроятности, немногихъ, простыхъ словъ началось въ Николаѣ Александровичѣ то душевное состояніе, которое едва могъ выдержать организмъ юноши, въ то время еще здороваго, сильнаго. Вотъ письмо, написанное Николаемъ Александровичемъ отцу въ тотъ же день:

1854, 17 марта. Петербургъ.

«Вчера получилъ я письмо ваше, папаша и мамаша мои, посланное съ Михайломъ Борисовичемъ, а нынѣ получилъ еще письмо отъ васъ, папаша, отъ 13 марта. Первые строки обрадовали меня, извѣстивши о новой сестрицѣ... Но далѣе ужасная вѣсть поразила меня, какъ нельзя болѣе, и только слабая надежда меня поддержи-ваетъ... Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе. Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель... Боже мой! въ прахъ и смиреніи повергаюсь передъ Твоею святою волей! Едва держакъ ³⁾ мысли постигли было мою голову, какъ вотъ страшная

¹⁾ Это былъ разборъ степени вѣрности перевода *Энеиды* г. Шершеневича; Николай Александровичъ сличалъ стихъ со стихомъ всю первую книгу перевода съ подлинникомъ.

²⁾ Замѣтимъ: письмо сына, на которое она отвѣчаетъ, было писано 18 февр.; это значитъ: прошло еще только четыре дня или, много, пять дней по его полученіи, и она уже снова беспокоится, здоровъ ли сынъ.

³⁾ Мысли о томъ, что онъ будетъ радостью и гордостью матери.

кара грозить уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума... Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!... Помози моему невѣрью, поддержи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ добрую нашу хранилищницу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Богу, съ моею глубокою горестью... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что Ты слышишь вопль моего сердца,—и не только моего,—Ты слышишь молитвы, совершаемыя передъ алтаремъ Твоимъ ¹⁾, слышишь молитвы, произносимыя невинными устами чистыхъ младенцевъ и Ты помилуешь всѣхъ насъ.—Ты услышишь эти молитвы! Вѣрую, вѣрую, вѣрую,— твердо и крѣпко съ любовью и молитвой!...

«Но—Боже мой!—отчего я не съ вами, папаша?... Отчего не могу видѣть и утѣшить теперь васъ, отчего много дней долженъ я ждать вашего новаго извѣстія, которое рѣшитъ все? Еслибъ я былъ съ вами, еслибъ чудомъ какимъ-нибудь могъ я перенестись къ вамъ,—о, я вылечилъ бы мою мамашу, я влилъ бы бодрость и свѣжесть въ печальную душу вашу, я далъ бы крѣпость и силу ослабѣвшимъ членамъ больной моею²⁾ милой, неоцѣненной матери, я пробудилъ бы въ ней новыя силы, оставилъ бы дыханіе жизни на устахъ ея. Ея любовь откликнулась бы на горячій призывъ сыновняго сердца.

«Но что есть, того не перемѣнишь... Нужно предаться Провидѣнію и ждать... Но еслибъ могъ я скорѣе, скорѣе получить письмо отъ васъ,—радостную вѣсть о выздоровленіи мамаша. Что бы ни было, пишите ко мнѣ, пишите скорѣе, пишите каждый день, если можно, хоть по двѣ строчки,—если еще не все кончено. Пишите вы, Михайлъ Алексѣевичъ ³⁾, пишите чаще, больше, подробнѣе, не скрывая ничего отъ меня... Я все приму и перенесу съ твердостью, хотя вѣсть можетъ быть ужасна, такъ ужасна, что ничего ужаснѣе, кажется, не можетъ быть для меня... Мамашенька, мамашенька!... Слышите ли вы еще?... Благословите меня, успокойте меня, утвердите меня, утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе спасите меня и на этомъ пути!...

«Я увѣренъ, папаша, что вы ничего не пожалѣете, употребите всѣ средства для того, чтобы сохранить драгоценную, слабую жизнь... Я самъ съ своей стороны, молясь Богу, вмѣстѣ прошу заочно и докторовъ нашихъ, особенно добраго Егора Егорыча ³⁾, который уже давно знаетъ натуру мамаша, который и меня спасъ однажды отъ смерти... Пусть употребить онъ все стараніе и искусство... Благодарный сынъ оплатитъ за мать свою.

«Сестры и братья мои! не плачьте, не шумите, пожалуйста... Умоляю васъ... Можетъ быть, вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте мамашу, не давайте повода ни къ какому потрясенію... Нянюшка! побереги ихъ, посмотрите за ними!... Ради Господа Бога! Добрые родные наши,—всѣ, всѣ вы любили меня и всѣхъ насъ!... Употребите всѣ старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки!... Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ...

«Я совершенно здоровъ, и былъ бы доволенъ и спокоенъ, если бы не тревожила мысль о тяжелой болѣзни мамашеньки... Боже! помилуй насъ!...

«Но, папаша, если ужъ нѣтъ надежды, если все кончено,—да поддержи васъ Господи!... Да вынесетъ могучая душа ваше тяжкое горе, покоряясь премудрому Промыслу, въ которомъ вы всегда почерпали силу и мужество!... Но уже я сказалъ, что твердо вѣрую въ опредѣленіе Промысла, который молю о спасеніи мамаша!... И если это письмо будетъ вами получено еще тогда, когда не будетъ спасеніе кончено,—оно послужитъ вамъ залогомъ радостной перемѣны; оно должно успокоить васъ и оправдать надежду мою... Это испытаніе, посланное отъ Бога... Кто знаетъ можетъ быть, это устроено для утвержденія меня въ вѣрѣ... Вѣдь, и одна душа много значить у Бога!...

¹⁾ Молитвы его отца, іерея, совершающаго литургію.

²⁾ Михайлъ Алексѣевичъ Костровъ, ближайшій другъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны, бывалъ у нихъ едва ли не каждый день.

³⁾ Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ считался хорошимъ врачомъ, какъ должно думать по нѣсколькимъ упоминаніямъ о немъ въ письмахъ Николая Александровича. Онъ былъ, между прочимъ, врачомъ, лечившимъ преосвященнаго.

Мужайтесь же, мужайтесь, мой добрый папаша!... Будемъ другъ другу облегчать тяжкое бремя горести...

— — 1).

«Нынѣ мы говѣемъ, и, черезъ два дня готовясь приступить къ страшнымъ тайнамъ Христовымъ, я заочно прошу у васъ прощенія во всемъ, въ чемъ когда-нибудь огорчилъ васъ... Прошу прощенія и благословенія у васъ, мамаша, твердо вѣря, что вы и заочно, и еще не получивъ этого письма, благословляете меня со всею прежнею горячею любовью... Выздоровливайте, моя милая мамашенька, дождитесь радостнаго свиданія со мной черезъ какіе-нибудь три мѣсяца... Насъ нынѣ отпустить, кажется, ранѣе обыкновеннаго... И я твердо вѣрю, что Господь милосердый не лишитъ меня счастья увидѣться скоро, скоро съ милою, доброю моею маменькой...»

Прошла недѣля, и все еще не было никакого извѣщенія отъ отца о матери. Николай Александровичъ написалъ второе письмо отцу, оставлявшему его въ томительной неизвѣстности. Онъ все еще хотѣлъ надѣяться, что мать жива, и въ письмѣ своемъ обращался также и къ ней.

25 марта. Петерб.

«Не дождавшись вашего письма, пишу къ вамъ, мои милые папашенька и мамашенька. Я много грустилъ о болѣзни вашей, мамашенька, но крѣпкая надежда не покидала меня и въ самой грусти. Въ субботу, 20 числа, пріобщился я св. Таинъ, и много, много молился я о вашемъ здоровьи, мамашенька, о вашемъ спокойствіи, папаша. Послѣ этого стало мнѣ веселье и надежда моя укрѣпилась еще болѣе... Сладостно прозвучали въ ушахъ моихъ слова воскреснаго Евангелія: все возможно вѣроующему,—и съ полною готовностью зывалъ я ко Господу: вѣрую, Господи, помози моему невѣрью. Съ полною увѣренностью теперь пишу я къ вамъ, что мое письмо найдетъ васъ, мамаша, внѣ опасности. Господь милосердый услышалъ, вѣрно, сердечные вопли дѣтей, чистыя молитвы ваши, папаша, и внялъ слезнымъ прошеніямъ и обѣтамъ любящаго сына. Теперь со дня на день буду ждать отъ васъ письма, которое подтвердить мои убѣжденія и надежды. А въ отвѣтъ на это письмо я надѣюсь найти словечка три, написанныя вашею рукою, мамашенька, моя милая, дорогая мамашенька. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько я люблю васъ... Но, вѣдь, вы и сами меня такъ любите, если еще не больше. Умоляю васъ—берегите себя. Пусть доктора употребятъ всѣ усилія, пусть будутъ удалены отъ васъ всѣ горести и непріятности, всѣ заботы семейныя, пусть вѣжная любовь окружить постель вашу, и ваше здоровье быстро станетъ поправляться. Тяжело, я думаю, было вамъ, мой добрый папаша, вынести тяжкую болѣзнь, дрожалъ при видѣ опасности... Но вѣкъ безъ несчастья нельзя прожить, только бы это несчастье не было невозвратно, невознаградимо... Болѣзнь пройдетъ и воспоминаніе о ней будетъ пріятно во время совершеннаго здоровья... Вѣдь, вамъ, мамаша, и не въ первый разъ такая болѣзнь. Кажется, послѣ родовъ Васеньки вы тоже были сильно, сильно больны нѣсколько дней. И тотъ же Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ и г. Линдеманнъ вылечили васъ. И теперь они могутъ сдѣлать это.

«Я совершенно здоровъ и ничего теперь не желаю, кромѣ радостной вѣсти отъ васъ о вашемъ выздоровленіи, мамаша».

Но въ тотъ же день, какъ Николай Александровичъ написалъ это письмо, онъ, отдавъ его на почту, получилъ письмо отца, увѣдомлявшее его, что мать умерла 2).

1) Кончая письмо, Николай Александровичъ припомнилъ, что долженъ извѣстить отца объ исполненіи порученія, даннаго имъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ; порученіе состояло въ томъ, чтобы навести справки о положеніи дѣла, которымъ интересовался отецъ. Сообщивъ ему собранныя о дѣлѣ свѣдѣнія, Николай Александровичъ, вѣроятно, послѣ нѣкотораго перерыва,—прибавилъ приписку.

2) Это письмо отца также не сохранилось. Оно было отъ 20 марта, какъ упоминается въ сохранившемся письмѣ Александра Ивановича отъ 27 марта.

И вотъ письмо къ отцу, второе, написанное имъ въ этотъ день:

25 марта 1854 г. С.-Петербург.

«Добрый мой, милый мой, драгоценный для меня папашенька! Что мнѣ отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо! Велика моя горестъ, но прежде всего не могу я не поблагодарить васъ за вашу предусмотрительность. Ваша любовь, ваше благоразуміе рассчитали вѣрно. Въ теченіе недѣли я привыкъ къ тягостной мысли, и нынѣшняя вѣсть поразила меня уже не такъ сильно, какъ я ожидалъ. Тяжко, тяжело, невыразимо тяжело мнѣ; но я не изнемогъ подъ бременемъ страданій, я сохранилъ силу разсудка и мысли. Всего болѣе беспокоюсь я о васъ, мой милый, несравненный папаша. Вамъ, вѣрно, было горько присутствовать при послѣднихъ страданіяхъ нашей милой мамашеньки. Вѣрно, и теперь еще тяжело, горько, грустно вамъ. . Вы пишете, успокоивая меня, что вы предаетесь въ волю благаго и премудраго Промысла... Дай Богъ вамъ силу и твердость къ перенесенію этого бѣдствія! И что же еще можемъ мы дѣлать, какъ не покоряться волѣ Господней, распоряжающейся несповѣдимо, но всегда премудро? Наши сѣтованія не могутъ намъ помочь, не могутъ утѣшить. Твердая воля способна къ перенесенію всякихъ бѣдствій, и твердость воли, сила духа, показываемая въ несчастіяхъ, благоразуміе, распорядительность въ тяжелыхъ обстоятельствахъ возвышаютъ человѣка, показываютъ истинное его достоинство. Вы, папашенька, ни въ чемъ не можете упрекнуть себя: вы употребили все, что отъ васъ зависѣло для спасенія жизни мамашы. Богъ не судилъ такъ... что же дѣлать: такова Его святая воля!.. Въ отношеніи ко мнѣ тоже вы сдѣлали весьма много при этомъ. Вы спасли меня отъ тягостнаго отчаянія, вы поддержали мои силы, дали мнѣ время оправиться, привыкнуть къ тягостной мысли, и я не сомнѣваюсь, что всѣ ваши распоряженія по дому и хозяйству будутъ также прекрасны и вполне замѣнять для моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ попеченія матери ¹⁾. Наша добрая бабенка ²⁾ будетъ, вѣрно, такъ добра что позаботится о нихъ, приложить все свое попеченіе объ ихъ воспитаніи и образованіи.. Бѣдныя, бѣдныя мои сестры, милые братья мои! Какъ бы нужна для васъ теперь любовь материнская! Но Господь оставилъ вамъ милаго несравненнаго папашу: любите его, радуйте, утѣшайте, молитесь, чтобы Господь Богъ подкрѣпилъ его!... Такъ много, такъ много горя!..

«Папашенька! надѣйтесь, надѣйтесь, что еще счастье снова посетитъ смиренную долю нашу, и въ кругу дѣтей, которыя будутъ тѣмъ больше любить и утѣшать васъ, вы найдете отраду и забвеніе о незабвенномъ... На этихъ дняхъ читалъ я Жуковскаго; онъ много утѣшилъ меня. Вотъ что нашель я у него:

„Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье—
Блажь Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье“.

«И мы—будетъ время—пробудимся отъ этого несчастія и, осѣненные благодѣтельнымъ гениемъ нашей доброй хранительницы-матушки, узнаемъ радость... Я буду находить утѣшеніе, подкрѣпленіе въ васъ и, съ своей стороны, буду стараться дѣлать все, отъ меня зависящее, для спокойствія и радости вашей. Отнынѣ вся моя жизнь, всѣ труды, всѣ старанія мои будутъ посвящены вамъ, вамъ однимъ нераздѣльно... Мамашѣ уже теперь ничего не нужно; нужны ей только святыя молитвы церкви, и я надѣюсь, что наши молитвы, и особенно ваши, передъ престоломъ Божиимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго, и Онъ успокоитъ земную страдальцу въ ангельскихъ селеніяхъ. Я не сомнѣваюсь—ей тамъ лучше, свободнѣе, веселѣе. Доб-

¹⁾ Эти увѣренія, что не можетъ сомнѣваться въ благоразуміи распоряженій отца, служить, безъ сомнѣнія, отвѣтомъ на сомнѣнія отца, сдѣланныя имъ при распорядителѣ устройствъ возможно хорошей жизни для дочерей и маленькихъ сыновей.

²⁾ Припомнимъ слова Антонины Александровны, что мать Александра Ивановича жила съ дочерьми далеко отъ Нижняго, и что онъ по кончиѣ Зинаиды Васильевны просилъ ее переселиться къ нему для заботы о его дѣтяхъ и домашнемъ порядкѣ.

рая душа ея найдеть тамъ въ безконечной красотѣ несозданной, въ неизреченномъ блаженствѣ святыхъ осуществленіе того, о чемъ тосковала она въ этой бѣдной жизни... Ее воззвалъ Господь, чтобы наградить за горести, претерѣнныя ею въ мірѣ... И теперь, вѣрно, съ небесъ смотритъ она на насъ, и будетъ радоваться, если мы будемъ достойны того... Объ пей ничего жалѣть: я томлюсь только безпокойствомъ о васъ, мой добрый папаша, жалѣю о себѣ, о своемъ бѣдномъ сердцѣ, на которое всегда такъ сладостно отзывалось сердце матери, и о моихъ братьяхъ и сестрахъ. Но въ васъ есть столько любви, что вы можете разлить ее на все окружающее васъ и сдѣлать потерю безбѣдной матери, по крайней мѣрѣ, менѣе ощутительною для насъ...

«Мнѣ хотѣлось бы знать о новомъ устройствѣ въ домѣ, какое заведено вами; хотѣлось бы узнать опредѣленнѣе о состояніи моихъ сестеръ. Прикажите, папаша, чтобъ опѣ писали ко мнѣ... А что бѣдная невинная причина нашей горести, Ли-занька? ¹⁾ Что Володя и Ваня? ²⁾ На нихъ нужно обратить теперь вниманіе... Папаша, папашенька! я вполнѣ, вполнѣ надѣюсь на васъ... Да поможетъ вамъ Господь милосердый!»

Черезъ четыре дня по отправленіи этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 24 марта (также не сохранившееся). Онъ началъ писать отвѣтъ на него въ тотъ же день, но этотъ день (29 марта) былъ понедѣльникъ. Почта изъ Москвы въ Нижній по вторникамъ не ходила, отправлялась по средамъ; письма, посланныя изъ Петербурга въ понедѣльникъ, пришедши въ Москву во вторникъ, лежали тамъ до среды; потому равьше вторника не для чего было отправлять письмо, и Николай Александровичъ закончилъ его и отдалъ его на почту уже во вторникъ, 30 числа.

1854 г. 29—30 марта. Спб.

«Нынѣ я хотѣлъ непременно писать вамъ, мой милый, добрый, несравненный папаша. Я знаю, что вы и при своемъ тяжкомъ горѣ заботитесь обо мнѣ. Нынѣ, 29, получилъ я еще утѣшительное письмо вапе со вложеніемъ листка *Нижн. Губ. Вѣд.*; нѣсколько разъ прочиталъ статью Павл. Иван. ³⁾—и не могъ удержаться отъ слезъ... Я счастливъ тѣмъ, что жизнь и смерть нашего чистаго ангела, нашей неоцѣненной мамашеньки, возбуждаетъ во всѣхъ, знавшихъ ее, такое участіе. Послѣ вашего письма отъ 20 марта, *полученнаго 25 марта, я уже получилъ нѣсколько извѣстій о нашей горькой потерѣ... —⁴⁾. Всѣ принимаютъ участіе, всѣ стараются утѣшить меня. Я теперь довольно спокоенъ, хотя еще не могу надолго оторваться отъ печальной мысли. Пишу ли, читаю ли, мнѣ все представляется кроткій образъ мамаша, встаютъ въ памяти воспоминанія дѣтства, и при мысли, что все это исчезло безвозвратно, тяжело, тяжело поеть сердце. Но я стараюсь одолѣть себя, и представляю вашу любовь, папаша, о которой и мамаша такъ часто писала мнѣ; я воображаю маленькихъ сестеръ и братьевъ, которые теперь такъ нуждаются въ подкрѣпленіи, утѣшеніи. Думаю, что самъ я долженъ васъ утѣшить и поддержать въ вашей скорби, и моя печаль разсѣвается и остается только неизбѣжная тихая грусть... Я усердно молюсь за мамашу и надѣюсь, что Господь сподобитъ ей быть въ селеніяхъ

¹⁾ Та дочка послѣ рожденія которой мать умерла отъ простуды.

²⁾ Братъ Николая Александровича.

³⁾ Этого «Пав. Иван.», помѣстившій въ *Нижегородск. Губернскихъ Вѣдомостяхъ* некрологъ Зинаиды Васильевны, быть можетъ, протоіерей Павелъ Ивановичъ Лебедевъ, назначенный по смерти Александра Ивановича однимъ изъ опекуновъ его дѣтей. Судя по тому, какъ держалъ онъ себя въ качествѣ опекуна, должно думать, что онъ былъ человѣкъ хороший и расудительный.

⁴⁾ Тутъ перечисляются петербургскіе знакомые Николая Александровича, которые имѣли знакомыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и получили отъ нихъ извѣстіе о смерти Зинаиды Васильевны.

праведныхъ, въ неизреченной славѣ и блаженствѣ райскомъ. Молитвы церкви восполнить недостатки ея, если какіе отъищутся передъ Единимъ Ненюгрѣшимымъ.

«Ваше увѣдомленіе о болѣзни моей мамаша поразило меня не менѣе, даже, можетъ быть, болѣе, нежели самая вѣсть о смерти ея. Такъ это было неожиданно, такъ много противорѣчило моимъ надеждамъ. Въ борьбѣ между страхомъ и надеждой провелъ я недѣлю, и когда все рѣшилось, я сдѣлался какъ-то тупъ къ печали... Безъ слезъ, безъ мысли, безъ воспоминаній, а просто съ какою-то тяжестью въ сердцѣ часто оставался я по нѣсколько минутъ. Къ счастью, нашлись здѣсь два добрые человека, которые утѣшили меня».

Это были институтскіе товарищи Николая Александровича. Особенно ободряли его совѣты одного изъ нихъ, говорившаго о его обязанности поддерживать отца. Пересказавъ ихъ, Николай Александровичъ продолжаетъ:

«Такіе совѣты и убѣжденія дѣйствительно вливали въ меня мужество и отвлекали мысль мою отъ тяжелой потери къ вашему положенію, папашенька, заставляли думать о живыхъ болѣе, чѣмъ о мертвыхъ. Теперь, благодаря Бога, я довольно спокоенъ, подкрѣпленный вашими письмами, вашимъ примѣромъ, вашими молитвами».

За этимъ слѣдуютъ горячія обращенія къ бабушкѣ, о которой Николай Александровичъ предполагаетъ, что она нрѣхала жить у сына, и къ Фавстѣ Васильевнѣ; онъ умоляетъ ихъ помогать его отцу въ заботахъ о его сестрахъ и братьяхъ. Въ концѣ письма онъ проситъ отца быть спокойнымъ за него:

«Обо мнѣ прошу васъ не беспокоиться. Я пристроенъ уже и мнѣ остается только увѣнчать своими трудами и успѣхами ваши безчисленныя заботы и попеченія обо мнѣ... Вы пишете, что ждете меня на ваканцію: я съ радостью посиѣшу утѣшить васъ и постараюсь заставить васъ забыть въ объятіяхъ сыновнихъ ваше горе, нашу общую невозвратимую потерю».

Вскорѣ послѣ отправленія этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 27 марта; оно первое изъ сохранившихся писемъ Александра Ивановича къ сыну по кончинѣ Зинаиды Васильевны. Приводимъ начало его:

Суббота, 27 марта, 1854 г.

«Вотъ и 20-й день нашему незабвенному другу! Сейчасъ съ кладбища... Священное безмолвіе... Блаженіи умирающіи о Господѣ... Ей тамъ, право, лучше... Каково-то намъ? Особенно мнѣ... Я лишился съ ней всѣхъ благъ».

Но онъ говоритъ, что начинаетъ успокаиваться.

«Не унывай и не ропщи и ты, милый мой Николай. Прошу тебя, увѣщеваю,— нѣтъ! повелѣваю быть равнодушнѣе.— —Ободришь. Успокой меня своимъ терпѣніемъ.— —Будемъ молить Бога, чтобъ Онъ даровалъ намъ здоровье и продлилъ лѣта твои и мои— —для поддержанія и устроенія дѣтей».

«Я писалъ тебѣ отъ 20 и 24 сего марта. Во всѣхъ письмахъ прошу тебя не предаваться мрачной скорби и сѣтованію. Позволь же мнѣ надѣяться на твою твердость».

Но и черезъ мѣсяць по полученіи письма, которымъ отецъ осторожно подготавливалъ сына къ извѣстію о смерти матери, сынъ все еще оставался въ такомъ тяжеломъ настроеніи души, что впадалъ среди дня въ галлюцинаціи. Вотъ что писалъ онъ отцу 20 апрѣля:

«Испуганное странною потерей сердце бьется и трепещет при малѣйшей неизвестности и безпокойствѣ. Во всемъ видить оно грозный призракъ новаго бѣдствія. Вся святую недѣлю я ждалъ письма отъ васъ, мой милый, неоцѣненный, горячо-горячо любимый папашенька. Съ наступленіемъ нынѣшней недѣли безпокойство мое страшно усилилось. Не могу придумать, отчего вы не пишете ко мнѣ. Я посылалъ къ вамъ письма 2, 6 и 11 апрѣля. Не знаю, получили ли вы ихъ. Я писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ своихъ успѣхахъ, о радостныхъ новостяхъ русскихъ; но, признаюсь, все это не веселитъ меня. Что всѣ земныя радости, что все счастье наше, если не съ кѣмъ раздѣлить его, не кого порадовать своею радостью? Теперь, послѣ горькой утраты нашей милой, нашей родимой, больше нѣтъ для меня радости, какъ ваше счастье, ваше спокойствіе и радость, добрый, любимый папаша мой!... Не мнѣ утѣшать васъ бесплодными разсужденіями, не мнѣ говорить вамъ о терпѣннѣи и покорности Промыслу... Я слишкомъ слабъ для этого, я слишкомъ сильно чувствую наше общее горе... Но, папаша, если возможна радость на землѣ, послѣ столь тяжкаго горя, я общаю вамъ радость въ дѣтяхъ вашихъ, которыя теперь принадлежать вамъ нераздѣльно и единственно, всю душой, всю любовью и мыслію. Любите насъ, и счастье снова посѣтитъ нашу смиренную, опустѣвшую обитель... Горько буду плакать я черезъ полтора или два мѣсяца, пріѣхавши домой, но надѣюсь найти отраду въ вашей отеческой любви... Но до тѣхъ поръ мнѣ хочется знать подробности послѣднихъ дней мамаша... Впрочемъ, зачѣмъ это?... Ваше сердце разорвется отъ страшнаго воспоминанія. Нѣтъ, не пишите мнѣ этого, а скажите только, какъ вы устроились нынѣ, какъ встрѣтили праздникъ; все ли такъ хорошо, какъ бывало прежде?... Господи, дай мнѣ забвеніе прошлыхъ печалей и радостей! Дай позабыть незабвенное! Дай хоть на часъ успокоиться! Вдали отъ роднаго, пріятнаго слова, безъ вашихъ отрадныхъ писемъ, я невольно поддаюся мучительному объятію тоски. Страшная потеря растетъ передо мною и принимаетъ все болѣе и болѣе гигантскіе размѣры. За что я ни возьмусь—ничто не занимаетъ и не развлекаетъ меня. Достаточно одной черты, одного незначительнаго слова, одного легкаго намека, чтобы перенести меня въ прежнее, невозвратно-минувшее, счастливое прошедшее, представить тоскливому воображенію кроткій образъ бѣдной матери... О, папаша! простите, простите меня, что я такъ безжалостно раздираю вашу душу... Я самъ не понимаю, что со мной дѣлается... 16 апрѣля я былъ у обѣдни въ здѣшней Благовѣщенской церкви. Жарко молился я о душѣ милой мамаша нашей, и пѣніе «Пасхи Господней» какъ-то отраднo было для меня. Только это не всегда такъ на меня дѣйствуетъ... Двѣнадцать разъ въ день, утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ слышу я: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», но часто эта святая пѣснь кажется мнѣ горькою, жесткою насмѣшкой надъ моимъ положеніемъ... И при этомъ я страшусь за васъ, папашечка!.. Здоровы ли вы, спокойны ли, утѣшаютъ ли васъ дѣти ваши? Каковы оказываются наши родные? Хорошо ли обходится съ дѣтьми и съ хозяйствомъ наша нянюшка? Вѣрно, многое васъ разстраиваетъ... Что дѣлать, мой милый, великодушный папаша... Нужно ждать и надѣяться, что все это устроится современемъ. Вдругъ всего же нельзя сдѣлать... Нянючка не замѣнитъ мамашу съ перваго раза даже и въ хозяйствѣ¹⁾... Но, вѣрно, она попривыкнетъ и будетъ распоряжаться лучше. Вокругъ меня все такія веселыя лица. Нѣкоторые ѣздили на Святую домой, наприм., въ Тверь, Москву... Всѣ радуются веснѣ, хорошей погодѣ, скорому окончанію лекцій, успѣхамъ русскаго оружія»...

Николай Александровичъ передаетъ отцу слухи съ театра войны и продолжаетъ:

«Въ общихъ, огромныхъ событіяхъ отчества какъ-то невольно поддаешься патриотическому чувству и откликаешься на общую радость. Но свое горе, все-таки, близко къ сердцу и тяжелымъ камнемъ давить его. Вы это знаете, мой добрый папаша, и я напрасно тревожу васъ; но, право, самъ не знаю, что такъ мучитъ меня, именно

¹⁾ По смерти матери, хозяйкой въ домѣ пришлось быть, какъ мы видѣли, Антонинѣ Александровнѣ, которой было только еще тринадцать лѣтъ.

вотому, что нѣтъ писемъ ни отъ васъ, ни отъ другихъ родныхъ и знакомыхъ. Порой находить на меня какое-то забытье: я на-яву дремлю, и мнѣ все представляется въ какихъ-то туманныхъ, неясственныхъ образахъ; тогда я спрашиваю себя, не есть все это тяжкій сонъ, не мечта ли разгоряченнаго воображенія?... Но всѣ мысли такъ ясны, воспоминанія имѣютъ такую обстоятельность, подробность и свѣтлость, какой не бываетъ въ сновидѣнιάхъ. Горькая дѣйствительность предстаётъ во всей ужасной своей истинѣ.

«А, между тѣмъ, съ 1 мая начнутся экзамены... Нужна вся энергія вся сосредоточенность мыслей и памяти. Едва ли я могу сдать экзамены совершенно удачно. Помолитесь обо мнѣ, папашенька. Вы такъ добры и чисты, что Господь услышитъ молитву вашу. Вчера, впрочемъ, отвѣчалъ я двумъ профессорамъ на репетиціяхъ; ничего, обошлось какъ слѣдуетъ. Нынѣ профессоръ (*Лебедевъ*) разбираетъ въ классѣ мое сочиненіе, о которомъ спрашивала меня еще моя милая, обожаемая мамаша; разборъ свой онъ закончилъ тѣмъ, что мой трудъ отлично-хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ, образцовый трудъ... О, какъ бы порадовалась мамашенька, если бы могла узнать это при своей жизни!... Порадуйтесь же вы за нее, мой нѣжно-любимый папаша»!..

Прошелъ еще мѣсяцъ, и душевное состояніе Николая Александровича осталось все такое же; галлюцинаціи продолжались. Онъ писалъ 24 мая отцу:

«Вчера, мой милый папашенька, получилъ я записочку Ниночки и при ней письмо Михаила Алексѣевича. Изъ него узналъ я, что вы здоровы и очень заняты въ настоящее время, и пожелалъ вамъ счастливо и легко кончить труды свои. Узналъ я также, что у насъ былъ 18 ч. Оранскій образъ Пресвятой Владычицы, передъ которой, вѣрно, помолились вы о душѣ нашей милой, незабвенной мамаша,—не забыли, вѣрно, помолиться и о тоскующемъ на чужбинѣ сынѣ вашемъ. Не понимаю самъ, что со мною дѣлается: чѣмъ лучше идетъ все, лично до меня касающееся по институту, тѣмъ сильнѣе грущу я о потерѣ мамаша. Вотъ уже кончились три экзамена, о которыхъ я писалъ вамъ, изъ тѣхъ самыхъ предметовъ и въ тѣ самые сроки. Изъ всѣхъ предметовъ получилъ я по 5».

Онъ передаетъ отцу подробности экзаменовъ; слова его очень скромны; но, все-таки, ясно, что институтское начальство выставляло его въ славу институту, на показъ посѣтившему экзамены министру народнаго просвѣщенія. Скромными выраженіями рассказать, что до сихъ всѣ экзамены идутъ у него «какъ слѣдуетъ», онъ возвращается къ той давно опровергнутой отцомъ и матерью, но, все-таки, какъ видимъ, не покидавшей его мысли, что глубоко опечалилъ ихъ своимъ поступленіемъ въ институтъ, и выводитъ изъ нея такое заключеніе, которое находится въ явной несообразности съ хорошо извѣстною ему причиной смерти матери (припомнимъ, что мать умерла отъ простуды); онъ съ самаго полученія извѣстія о смерти ея сдѣлалъ выводъ, который не могъ бы придти въ голову никому, кромѣ такого человѣка, какъ онъ, и увеличивалъ свое душевное страданіе размышленіями объ ужасномъ послѣдствіи его самовольства:

«Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ, нѣсколько произвольномъ, поступкѣ. Говорю «нѣсколько» потому, что знаю,—вы никогда не имѣли предубѣжденія противъ свѣтскихъ заведеній, и единственно матеріальныя средства были причиною того, что я не отправился въ казанскій университетъ... Одно только страшно терзаетъ меня по временамъ, это мысль, что мое своевольное поступленіе въ институтъ и сопровождавшія его обстоятельства имѣли, можетъ быть, слишкомъ губительное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье моей мамаша, особенно въ тогдашнемъ ея положеніи, и приблизили ее ко гробу. Какъ я ни гоню отъ себя эту мысль, но она довольно часто приходитъ мнѣ въ голову и шепчетъ мнѣ,

что я невольный убийца своей матери... Тяжко, неизъяснимо тяжело становится на душѣ, когда постигаетъ меня эта безотрадная, отчаянная мысль, и тѣмъ больше тяготить она меня, что поправить дѣло уже невозможно... Я не оправдаюсь передъ матерью, не представлю ей своихъ успѣховъ, не скажу, что я имѣлъ право такъ поступить, какъ поступилъ, потому что надѣялся вознаградить ее за всѣ лишения и горести, которыя она потерпѣла отъ меня, послѣ разлуки со мной... Не успѣлъ я ее порадовать, не услышитъ она отчаяннаго, безнадежнаго сыновняго вопля, не увидитъ горькихъ слезъ, не отвѣтитъ на радостный призывъ и не встрѣтитъ ея кроткаго взора, полнаго безпредѣльной любви, свѣтлый, полный гордаго сознанія своихъ силъ и исполненнаго долга—взглядъ ея сына. И чтобы смерти подождать эти три мѣсяца!... Какого полнаго, невозмутимаго счастья дождались бы и я, и моя мамаша, и всѣ, насъ окружающіе... Теперь въ вашей любви, въ вашемъ сердцѣ, папаша, буду искать я моего счастья. Всѣ эти успѣхи, эти чужія похвалы, сказанныя съ видомъ покровительства, на которое не имѣютъ права, или съ искусно скрытою завистью; эти знанія, питающія умъ, а не сердце,—все это, право, чистый вздоръ, и не можетъ доставить счастья... Хорошо еще, что я имѣю такого отца, какъ вы, мой милый, несравненный папаша... О, я очень, очень люблю васъ и любилъ и буду любить всегда; только мнѣ какъ-то совѣстно говорить вамъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что это естественно, что иначе и не можетъ быть».

Черезъ три недѣли послѣ этого онъ поѣхалъ къ отцу и черезъ полтора мѣсяца по приѣздѣ похоронилъ отца.

О томъ, какое вліяніе на всю его жизнь имѣла смерть матери и отца, Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Кто-то (анонимный авторъ одного изъ некрологовъ Добролюбова) сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабого сложенія. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія.— Конечно, усиленные занятія въ семинаріи, а отчасти и (раньше того) въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ могли имѣть не очень благоприятное вліяніе на его здоровье; но остался въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и.—относительно говоря,—здоровствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца.— Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17 лѣтъ находился неотлучно, для которой онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ, потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ, и которую и самъ онъ любилъ, какъ другу и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь,—т. е., безъ матери,—говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи (въ августѣ 1861 г. за три мѣсяца передъ смертью),—развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ то я еще лѣтъ пять, шесть поживу...»

А за три мѣсяца до послѣдняго свиданія съ родными, онъ, 16 мая 1861 г., писалъ изъ Неаполя Антонинѣ Александровнѣ:

«Говоря по правдѣ, со времени маменькиной смерти до сихъ поръ я и не видывалъ радостныхъ дней».

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. I ¹⁾.

«Всеобщая Исторія» Вебера — наилучшій изъ тѣхъ трактатовъ, которые имѣють своимъ назначеніемъ дать подробный разсказъ о фактахъ исторіи чело-
чества. Это признано во всемъ ученомъ мірѣ.

Потому въ предисловіи къ переводу этой книги на русскій языкъ нѣтъ на-
добности распространяться о ея достоинствахъ.

Онъ имѣетъ и слабыя стороны. Поговоримъ о нихъ.

Веберъ—ученый очень добросовѣстный; но онъ только очень добросовѣстный
и очень ученый человѣкъ. Онъ не гениальный человѣкъ. Въ своихъ общихъ по-
нятїяхъ, онъ не самостоятельный мыслитель. Тѣ мнѣнія, которыя кажутся спра-
ведливыми огромному большинству нѣмецкихъ историковъ, кажутся справедливыми
и ему. Въ этихъ мнѣніяхъ есть два элемента противонаучные. Одинъ изъ нихъ—
наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ умахъ нѣмецкихъ историковъ отъ періода владычества си-
стемъ трансцендентальной философіи надъ нѣмецкою наукою. «Введеніе» у Вебера
составлено въ этомъ вкусѣ. Другой противонаучный элементъ въ его книгѣ—
обыкновенная не у однихъ нѣмцевъ, у людей всѣхъ націй слабость: пристрастіе къ
своей націи.

Такъ; и очень жаль, что такъ. Безъ философскихъ разсужденій въ трансцен-
дентальномъ тонѣ и безъ разсужденій о превосходствѣ нѣмецкой націи надъ итальян-
скою, французскою и англійскою, книга Вебера была-бы несравнено лучше. Но и
при этихъ своихъ дурныхъ примѣсахъ, она въ сущности все-таки книга честная:
авторъ, если и говоритъ много противонаучнаго, то лишь потому, что ошибается;
онъ всегда добросовѣстенъ.

¹⁾ «Всеобщая Исторія» Георга Вебера. Изданіе Соддатенкова, Москва, 1885—1893.
15 томовъ, изъ которыхъ первые 11 и половина 12-го тома переведены Н. Г. Черны-
шевскимъ (подъ псевдонимомъ «Андреевъ»).

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. VI.

Правописаніе мусульманскихъ, и въ частности арабскихъ, собственныхъ именъ еще не установилось у западныхъ ориенталистовъ. Приведемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе частыхъ случаевъ этого колебанія орфографіи.

Въ арабскомъ письмѣ употребляются только три знака для выраженія гласныхъ; основной характеръ этихъ знаковъ:

а, и, у.

Потому можно полагать, что когда было введено у арабовъ правописаніе, остающееся до сихъ поръ употребительнымъ, то въ курейшитскомъ нарѣчій, получившемъ владычество въ литературѣ, существовали только три эти гласные звука: а, и, у. Въ нынѣшнемъ произношеніи арабовъ, говорящихъ литературнымъ языкомъ, существуютъ и гласные звуки

э, о;

но въ письмѣ нѣтъ особыхъ знаковъ для нихъ. Звуку э соотвѣтствуетъ обыкновенно знакъ звука а, иногда знакъ звука и; звуку о соотвѣтствуетъ знакъ звука у.

Нѣкоторые ориенталисты пишутъ на западныхъ языкахъ арабскія (и другія мусульманскія) имена соотвѣтственно обозначенію ихъ гласныхъ звуковъ на арабскомъ (и персидскомъ, турецкомъ) письмѣ; другіе соотвѣтственно нынѣшнему выговору.

Такимъ образомъ, наприимѣръ, слово, которое пишется по арабски

маликъ

получаетъ у разныхъ ориенталистовъ четыре разныя формы:

маликъ,

меликъ,

малекъ,

мелекъ,

Членъ аль (le, the, der) ориенталисты въ книгахъ на западныхъ языкахъ пишутъ двумя разными способами:

аль,

эль.

Нѣкоторые изъ согласныхъ звуковъ въ арабскомъ языкѣ способны принимать удвоеніе. Когда передъ словомъ, начинающимся съ такого звука, находится членъ, то въ нынѣшнемъ произношеніи звукъ л въ членѣ исчезаетъ, замѣняясь удвоеніемъ начальнаго звука слова, съ которымъ связанъ членъ. Эта замѣна дѣлается только въ произношеніи; на письмѣ членъ сохраняетъ свой видъ безъ перемѣны. Такъ, напримѣръ, пишется

аль-Рашидъ;

но звукъ р способенъ удвоиться; потому произносится

ар-Рашидъ.

Соотвѣтственно этому, нѣкоторые оріенталисты употребляютъ въ своихъ книгахъ на западныхъ языкахъ форму

(Гарунъ) аль-Рашидъ,

другіе форму

(Гарунъ) ар-Рашидъ.

Въ старомъ арабскомъ языкѣ существительныя и прилагательныя измѣнялись по падежамъ; одно изъ окончаній именительнаго падежа было у.

Въ нынѣшнемъ арабскомъ языкѣ окончанія падежей исчезли. Но коранъ читается по старому произношенію, съ окончаніями падежей. Это старое произношеніе и вообще считается наиболѣе правильнымъ; но въ разговорномъ языкѣ оно употребляется лишь въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ словъ. Когда слова читаются съ окончаніями падежей, и когда за словомъ, имѣющимъ окончаніе падежа на гласный звукъ, слѣдуетъ членъ, присоединенный къ слову, имѣющему очень тѣсную грамматическую связь съ предъидущимъ словомъ, то звукъ а въ членѣ поглощается предшествующимъ ему звукомъ окончанія падежа. Такимъ образомъ, когда имя

Гарунъ читается

Гаруну,

то имя, которое въ нынѣшнемъ разговорномъ языкѣ произносится во всѣхъ падежахъ,

Гарун-аль-Рашидъ

произносится въ именительномъ падежѣ по старому выговору

Гаруну-р-Рашиду.

Соотвѣтственно этому, имя халифа Гаруна, получившаго названіе «справедливый», Рашидъ, пишется у разныхъ оріенталистовъ въ книгахъ на западныхъ языкахъ четырьмя способами:

Гарунъ-аль-Рашидъ,

Гарунъ-ар-Рашидъ,

Гаруну-р-Рашидъ,

Гаруну-р-Рашиду.

Одна изъ формъ образованія существительныхъ въ арабскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе —атъ или —еть; когда слово этой формы стоитъ въ рѣчи такъ, что не

имѣть особенно тѣсной связи съ слѣдующимъ словомъ, то въ нынѣшнемъ разговорѣ звукъ т исчезаетъ, замѣняясь гортаннымъ звукомъ, довольно близкимъ къ русскому звуку г въ словахъ господь, богатый. Одно изъ словъ этой арабской формы

давлать (государство);

оно входитъ въ составъ почетныхъ названій очень многихъ высшихъ сановниковъ халифата, напримѣръ: областныхъ правителей или везирей, бывшихъ въ дѣйствительности государями, но считавшихъ удобнымъ для себя признавать на словахъ власть халифа, который и награждалъ ихъ за уваженіе къ нему почетными названіями: «защитникъ государства», «опора государства» и т. д.

Слово давлать, по разнымъ способамъ его произношенія, пишется на западныхъ языкахъ восемью разными способами:

давлать, давлеть, девлать, девлеть,
давлà (daulah), давлé (dauleh) и проч.

Пользуясь книгами ориенталистовъ, писавшихъ мусульманскія имена разными способами, Веберъ пишетъ ихъ въ разныхъ отдѣлахъ своего труда неодинаково соотвѣтственно неодинаковости правописанія въ книгахъ, служившихъ для него источниками.

Въ переводѣ эта шаткость правописанія уменьшена по возможности; но для того, чтобы сдѣлать въ этомъ отношеніи все надобное, было бы необходимо дѣлать справки, которыя были неудобноисполнимы.

То же самое должно сказать и о многихъ другихъ частностяхъ перевода. Напримѣръ, слѣдовало бы возстановлять во всѣхъ случаяхъ точные титулы. Это могло быть сдѣлано лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Поясимъ примѣрами.

Сановникъ, занимавшій майнцскую каеэдру, былъ архіепископъ, а не простой епископъ. Разница правъ архіепископа отъ епископа въ католической церкви средних вѣковъ была очень велика. Идѣ рѣчь идетъ о сановникѣ, занимающемъ майнцскую каеэдру, тамъ въ переводѣ онъ, вѣроятно, всегда называется архіепископомъ; если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ названъ въ переводѣ просто епископомъ, это недосмотръ; и конечно, слѣдуетъ досадовать на недосмотръ; но можно и извинить его.

Гораздо хуже то, что относительно нѣкоторыхъ итальянскихъ и французскихъ каеэдръ не были при переводѣ сдѣланы справки, дѣйствительно ли простыми епископами оставались онѣ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ рассказѣ, или ужъ имѣли тогда титулъ архіепископскихъ.

То же самое относительно титуловъ; графъ, маркграфъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, точность возстановлена; въ другихъ, осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстно, точенъ ли титулъ.

Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена историки часто путали титулы; остатки этихъ неточностей встрѣчаются и въ трудахъ новыхъ историковъ, которыми пользовался Веберъ; изъ ихъ книгъ нѣкоторыя неточности перешли и въ его работу. Само собой понятно, что иначе быть не могло; нельзя порицать Вебера за то, что онъ полагался на знаменитыхъ авторовъ монографій, труды которыхъ справедливо считаются очень основательными.

Притомъ, это мелочи; нѣтъ большой бѣды въ томъ, что иной герцогъ названъ иной разъ маркграфомъ или иной маркграфъ иной разъ герцогомъ. Совершенно иное дѣло—восхищеніе дурнымъ, восхваленіе безразсудствъ и злодѣйствъ.

Если говорить собственно лишь о шестомъ томѣ, къ переводу котораго присоединено это предисловіе, то должно сказать, что наиболѣе отвратительно въ немъ восхищеніе походами нѣмцевъ въ Италію. Ни за это, ни за другія подобныя дурныя чувства не должно порицать лично самого Вебера. Онъ лишь поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Несправедливо было бы порицать и большинство нѣмецкихъ-ли историковъ или вообще нѣмецкихъ ученыхъ писателей за эти дурныя увлеченія: самохвалство не особенность нѣмцевъ, а вообще дурное качество огромнаго большинства людей всѣхъ націй: «мы» всегда правы, «мы» всегда хороши, кто бы ни были «мы»,—нѣмцы или французы, испанцы или венгры, китайцы или монголы; и насколько можно извлечь изъ какого-нибудь африканскаго или полинезійскаго людоѣда историческія сужденія широкаго объема, онъ будетъ говорить тоже; его племя—во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ другими племенами всегда было правымъ, и всѣ подвиги его племени были благотворны и славны.

Не будемъ порицать нѣмцевъ за то, что большинство ихъ историковъ продолжаетъ восхищаться побѣдами своихъ предковъ въ X, XI, XII вѣкахъ въ Италіи. Но должно желать, чтобы распространялось въ нѣмецкой націи то справедливое мнѣніе о средневѣковыхъ походахъ въ Италію, которое высказывается довольно многими изъ нѣмецкихъ ученыхъ: эти походы, гибельные для итальянцевъ, были гибельны и для самихъ нѣмцевъ; нѣмецкое государство, окрѣпшее благодаря благоумію Генриха I, было расшатано походами Оттона I и слѣдующихъ императоровъ въ Италію; Гоэнштауфены своими войнами въ Италіи разрушили нѣмецкое государство и погубили свою династію. Когда большинство образованныхъ людей въ Германіи станутъ думать такъ, тогда—и только тогда—найдется справедливымъ это мнѣніе и большинство нѣмецкихъ историковъ.

Въ переводѣ выброшены почти всѣ лирическія тирады, которыхъ довольно много въ разсказѣ Вебера объ итальянскихъ походахъ нѣмцевъ.

Изъ разсказа Вебера о дѣлахъ, происходившихъ въ самой Германіи, выброшены тѣ мелочи, которыя не интересны для людей другихъ націй.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Вебера, т. VII.

Съ мыслью о переводѣ «Всеобщей Исторіи» Вебера на русскій языкъ соединилось намѣреніе дѣлать пополненія къ этому трактату. Возможно полагать, что оно стало до нѣкоторой степени удобоисполнимымъ. Если окажется, что дѣйствительно такъ, то работа, начинаемая теперь, будетъ продолжаема.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

I.

О Р а с а х ъ .

Тѣ различія, по которымъ человѣческій родъ дѣлится на расы, существуютъ съ очень давнихъ временъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, большинство специалистовъ по антропологии даже утверждало, что возникновеніе различій между расами совпадаетъ съ самымъ возникновеніемъ людей, что каждая раса—особый видъ, имѣющій свое особое происхожденіе. Въ ученыхъ трактатахъ это мнѣніе облекалось въ ученую форму, выставлялось выводомъ изъ научныхъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ, оно происходило изъ мотива, не имѣющаго ничего общаго съ научной истиной. Плантадоры рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣвероамериканскаго Союза стали опасаться, что законодательная власть Союза отмѣнитъ невольничество на всемъ пространствѣ Союза, какъ оно ужъ было отмѣнено законодательными властями сѣверныхъ штатовъ въ этихъ штатахъ. Подобныя эпохи опасеній были переживаемы рабовладѣльцами англійскихъ колоній и нѣкоторыхъ другихъ колоній и государствъ. Но все то были дѣла очень мелкія по сравненію съ отмѣной невольничества въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза. Кому, кромѣ филантроповъ или малочисленныхъ людей очень прогрессивнаго образа мыслей, былъ интересенъ вопросъ о невольничествѣ въ государствахъ или колоніяхъ, не имѣвшихъ важности ни для кого изъ людей постороннихъ этимъ малочисленнымъ странамъ или мелкимъ островамъ? Споры приверженцевъ и противниковъ рабства въ государствахъ, образовавшихся изъ прежнихъ испанскихъ владѣній въ Америкѣ, обращали на себя мало вниманія за границами этихъ слабыхъ государствъ. И какими учеными силами располагали защитники рабства въ

нихъ? Понятно, что они имѣли очень мало вліянія на мысли большинства антропологовъ.—Были рабовладѣльчѣскія колоніи у Франціи, но онѣ не имѣли сильнаго вліянія на политическую жизнь даже и самой Франціи.—Притомъ, рабовладѣльцы ихъ были увѣрены, что пока будетъ существовать во Франціи законное правительство, ихъ интересы не будутъ подвергаться никакой опасности; имъ могло не нравиться, что есть во Франціи люди, говорящіе противъ рабства; они могли опровергать порицателей его; но знали, что эти хулители безсильны, и сами едва ли много интересовались своей полемикой съ ними; вели ее больше для удовлетворенія правилу, требующему не оставлять порицаній безъ отвѣта, чѣмъ по серьезной надобности возражать. Рабовладѣльцы англійскихъ колоній тожо не имѣли такого важнаго значенія, чтобы хотя сама Англія внимательно вслушивалась въ ихъ голоса. Совершенно иной характеръ получилъ вопросъ о невольничествѣ, когда аболіціонисты въ Сѣвероамериканскомъ Союзѣ пріобрѣли такое вліяніе на общественное мнѣніе въ свободныхъ штатахъ, что плантаторы южныхъ штатовъ стали опасаться отъ рабства законодательной властью Союза. Плантаторы южныхъ штатовъ составляли могущественнѣйшую изъ политическихъ партій въ государствѣ, которое ужъ было однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ цѣломъ свѣтѣ и о которомъ предполагалось не одними его гражданами, но и большинствомъ серьезныхъ людей въ Европѣ, что скоро оно станетъ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ. Рабовладѣльцы давно правили этимъ государствомъ почти непрерывно; правили имъ совершенно непрерывно съ той поры, когда противники невольничества стали пріобрѣтать вліяніе, опасное для нихъ. Когда они серьезно встревожились за судьбу своихъ плантацій и увидѣли надобность защищаться отъ нападѣній аболіціонистовъ, то нашлись у нихъ на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадныя силы, какъ нашлись послѣ на военную. Какъ при началѣ вооруженнаго столкновенія большинство специалистовъ по военному дѣлу стало на сторону рабовладѣльцевъ, такъ и въ ученой борьбѣ плантаторы располагали трудомъ людей, болѣе авторитетныхъ, чѣмъ антропологи аболіціонистовъ. Достаточно припомнить, что въ защиту рабства возвысился голосъ Агассизъ.

Рабовладѣльцы были люди бѣлой расы, невольники—негры; потому защита рабства въ ученыхъ трактатахъ приняла форму теоріи о коренномъ различіи между разными расами людей. Бѣлая раса вполне обладаетъ тѣми качествами ума и характера, какія нужны для разумнаго управленія государственными дѣлами и обширными частными предпріятіями въ родѣ большихъ фабрикъ или сельскаго хозяйства въ большомъ размѣрѣ; негры по природѣ своей лишены не только способности къ политической жизни, но и способности разумно, трудолюбиво вести хозяйственныя дѣла, потому не могутъ быть гражданами благоустроеннаго государства, а должны работать подъ распоряженіемъ бѣлыхъ господъ; ихъ невольническое положеніе не только выгодно для ихъ хозяевъ, но представляетъ и для нихъ самихъ единственное избавленіе отъ пищи; они такъ легкомысленны и лѣнны, что безъ посторонняго принужденія не могутъ добывать себѣ сытную пищу и хотя бы небольшія удобства жизни; это мы видимъ въ Африкѣ; тамъ они бѣдствуютъ; у бѣлыхъ господъ въ Америкѣ они пользуются изобиліемъ. Невольничество—благодѣтельное для нихъ учрежденіе.

Южные штаты Сѣверо-Американскаго Союза были не первыя могущественныя общества, устроенныя на основаніи рабовладѣнія. Теорія, излагаемая уче-

ными защитниками рабства въ южныхъ штатахъ, была не нова въ своей сущности: уже греки оправдывали свою власть надъ рабами тѣмъ, что масса рабовъ — люди другой природы. Это, говорить, напримѣръ, Аристотель: онъ дѣлитъ людей на разряды, изъ которыхъ одинъ самой природой предназначенъ владычествовать надъ другимъ, предназначеннымъ природой для рабства.

Интересы рабовладѣнія были не единственнымъ источникомъ господствовавшего у грековъ (и у римлянъ) мнѣнія, что есть народы, которые предназначены природой къ рабству, какъ они предназначены къ свободѣ. Самолюбіе бываетъ и безкорыстное; защитники рабства въ древнемъ мірѣ держались своего ученія не только по расчету выгодъ, но и по тщеславію. Подъ вліяніемъ уваженія къ общественному устройству и мыслямъ грековъ и римлянъ образованное общество новой Европы оставалось не чуждо склонности хвалить рабство и послѣ того, какъ оно исчезло въ ней. Специалисты по наукамъ о человѣкѣ раздѣляли эту склонность общества, къ которому принадлежали. Но и само оно и его специалисты по наукамъ о человѣкѣ перестали чувствовать живой интересъ къ разсужденіямъ этого рода, когда стало очевидно, что рабство въ Европѣ исчезло безвозвратно. Ученые защитники его повторили привычныя старыя мысли, но не имѣли влеченія много заниматься ими; вопросъ оставался приблизительно на той степени разработки, какую дали ему Аристотель и другіе греческіе защитники рабства. Вялыя повторенія старины, которыми ограничивались похвалы рабству въ XVIII вѣкѣ, мало соотвѣтствовали тогдашнему состоянію знаній о физической природѣ человѣка, гораздо болѣе высокому, чѣмъ во времена Аристотеля.

Но когда встревожились за свое рабовладѣніе плантаторы южныхъ штатовъ, ученныя разсужденія въ защиту рабства быстро получили такую разработку, которая была нужна для опроверженія мыслей партіи, сдѣлавшейся опасною для рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ. Это было въ первой половинѣ нашего вѣка. Ученіе объ отношеніяхъ между группами живыхъ существъ было основано тогда на мысли, что существа, имѣющія общее происхожденіе, имѣютъ потомство способное рождать дѣтей, въ свою очередь способныхъ имѣть дѣтей такихъ же плодородныхъ. Теорія сообразности рабства негровъ съ природой была сдѣлана выводомъ изъ этого ученія. Она приняла такой видъ:

Отъ сожительства бѣлыхъ мужчинъ съ негритянками или негровъ съ бѣлыми женщинами дѣти рождаются не въ такомъ большомъ числѣ, какъ отъ сожительства бѣлыхъ мужчинъ съ бѣлыми женщинами или негровъ съ негритянками. Дѣти, родившіяся отъ сожительства людей бѣлой расы съ людьми черной, гораздо менѣе способны имѣть въ свою очередь дѣтей, чѣмъ люди бѣлой расы или черной расы. Такимъ образомъ средняя раса (мулатская) очень быстро вымираетъ, если число ея не поддерживается новыми рожденіями отъ сожительства бѣлыхъ людей съ черными. Мулаты и мулатки не способны поддерживать существованіе своей расы сожительствомъ между собою. Что слѣдуетъ изъ того? — Выводъ таковъ:

Сравнивая этотъ фактъ съ результатами, производимыми сожительствомъ самцовъ одного вида млекопитающихъ съ самками другого, мы находимъ, что разница между бѣлыми и черными людьми менѣе велика, нежели разница между лошадыю и осломъ, но болѣе велика, чѣмъ разница между волкомъ и собакой. Дѣти жеребца и ослицы или осла и кобылы совершенно бесплодны; дѣти волка и суки или кобеля и волчихи совершенно плодородны. Мулаты и мулатки не совер-

шенно бесплодны, какъ мулы и лошаки, но несравненно менѣе плодородны, нежели ублюдки отъ сожительства волковъ съ собаками.

Ясно, что какъ о волкахъ мы имѣемъ понятія иныя, чѣмъ о собакахъ, и отношенія наши къ этимъ двумъ разнымъ видамъ млекопитающихъ не одинаковы; и что какъ нельзя требовать или ожидать отъ осла тѣхъ качествъ, которыми заслуживаетъ наше сочувствіе и уваженіе лошадь, такъ и о неграхъ мы не должны судить по тѣмъ понятіямъ, какія имѣемъ о бѣлыхъ, и общественное положеніе негровъ должно быть совершенно иное, чѣмъ положенію бѣлыхъ.

Вообразилъ себѣ, что намъ необходимо, чтобы волкъ жилъ на нашемъ дворѣ; можемъ ли мы оставлять его на свободѣ, какъ оставляемъ собаку? Нѣтъ, этимъ мы только сдѣлали бы вредъ себѣ и погубили бы волка. Быть можетъ, онъ растерзалъ бы насъ; еще скорѣе, онъ бросился бы рѣзать домашній скотъ на нашемъ и сосѣднихъ дворахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ бы убитъ. Будемъ же держать его на цѣпи. Это будетъ счастье для него. Онъ будетъ сытъ у насъ, а у себя въ лѣсу онъ постоянно мучился голодомъ.

Плантаторы были такъ могущественны, что ссориться съ ними осторожные люди сѣверныхъ штатовъ считали дѣломъ очень опаснымъ. Они заявляли, что если законодательная власть Союза нарушитъ ихъ рабовладѣльческія права, ихъ штаты отдѣлятся отъ Союза и составятъ особую конфедерацію. Большинство населенія свободныхъ штатовъ пугалось этой угрозы, дѣлало уступки плантаторамъ, предоставляло имъ управленіе Союзомъ. Въ книгахъ уступчивость отражалась тѣмъ, что ученые сѣверныхъ штатовъ переходили на сторону защитниковъ плантаторской теоріи расъ. Такъ напримѣръ, самъ Агассизъ, сильнѣйшій боецъ за нее, былъ профессоромъ въ сѣверныхъ штатахъ, но совершенно подчинялся вліянію плантаторовъ. Само собою разумѣется, что когда люди принимаютъ чужія мнѣнія по боязни ссоры, большинство этихъ сговорчивыхъ прозелитовъ воображаетъ себя дѣйствующимъ не по какимъ нибудь предосудительнымъ мотивамъ, не по робости или житейскому разсчету, а по искреннему убѣжденію. Въ этомъ состоитъ извиненіе такимъ людямъ, какъ Агассизъ. Вѣроятно, ему воображалось, что онъ говоритъ по совѣти, а не по раболѣпству.

Какъ ученые въ сѣверныхъ штатахъ подчинялись авторитету южныхъ защитниковъ рабства, такъ большинство европейскихъ ученыхъ подчинилось по вопросу о расахъ авторитету сѣверо-американскихъ ученыхъ. И дѣйствительно, какъ было не принять теорію о коренной разницѣ расъ? Мулаты и мулатки бесплоднѣй ублюдковъ волка и собаки; это говорили сѣверо-американскіе ученые; они изучили факты на мѣстѣ. Слѣдовало вѣрить имъ.

Но слѣдовало бы также подумать о томъ, безпристрастны ли они, дѣйствительно ли они изучили факты, о которыхъ говорятъ съ такою увѣренностью, добросовѣстно ли они передаютъ хотя бы тѣ факты, которые ясны, и безъ особеннаго изученія сами бросаются въ глаза. Европейскіе ученые не считали нужнымъ этого; они были бѣлые, плантаторское ученіе о расахъ льстило бѣлой расѣ; какая же охота была имъ сомнѣваться въ его основательности?

Сѣверные штаты робѣли плантаторовъ. Европа слышала, что плантаторы грозятъ расторгненіемъ Союза; она знала, что результатомъ отпаденія была бы междоусобная война; междоусобіе погѣшало бы работѣ на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, Европа терпѣла бы недостатокъ въ хлопкѣ. И что было бы, если бы

война кончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ? Рабство было бы отмѣнено; освобожденные негры не стали бы работать, потому что они лѣнливыя животныя, не желающія прибрѣтать удобствъ жизни трудомъ, предпочитающія животную нищету работѣ. Бѣлые люди не могутъ работать на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, къ этому способны только негры—такъ говорили плантаторы, и Европа вѣрила имъ. Въ случаѣ побѣды сѣверныхъ штатовъ Европа останется безъ хлопка, подвергнется очень тяжелому экономическому бѣдствію; потому Европѣ надобно желать, чтобы сѣверные штаты продолжали подчиняться южнымъ и чтобы продолжало существовать въ южныхъ штатахъ невольничество. Такъ думало тогда большинство вліятельныхъ людей въ Европѣ.

Но бѣдствіе, котораго такъ опасались уступчивые люди въ сѣверныхъ штатахъ, которое пугало и Европу, произошло. Плантаторы отложились отъ Союза, началась междоусобная война, она длилась почти четыре года; подвозъ хлопка изъ южныхъ штатовъ въ Европу остановился; тѣ части Европы, въ которыхъ была развита хлопчатобумажная промышленность, подверглись тяжкимъ, продолжительнымъ страданіямъ. Война кончилась отмѣною невольничества въ южныхъ штатахъ. Безразсудная часть плантаторской партіи мечтала о его возстановленіи. Большинство плантаторовъ скоро убѣдилось, что возстановить его нельзя. Вопросъ о невольничествѣ пересталъ имѣть политическое значеніе, сдѣлался предметомъ исключительно научнаго изслѣдованія. Что-же тогда оказалось? Факты свидѣтельствуютъ противное тому, что говорили о безплодіи мулатской расы ученые защитники невольничества, относительно плодородія мулаты и мулатки нисколько не отличаются отъ бѣлыхъ и черныхъ.

Предлогомъ говорить объ ихъ безплодіи служило то обстоятельство, что очень многія мулатки дѣйствительно или оставались безплодными, хотя имѣли сожителство съ мужчинами, или если рождали дѣтей, то дѣти ихъ умирали въ громадной пропорціи, не достигая взрослыхъ лѣтъ. Но оказалось, что эти мулатки вели такой образъ жизни, который производитъ тѣ же самые результаты у женщинъ всякой расы, бѣлой ли, желтой ли или черной; а тѣ мулатки, которыя вели образъ жизни, удовлетворяющій общимъ для всѣхъ расъ условіямъ плодородія женщинъ и здороваго роста ихъ дѣтей, имѣли столько же дѣтей, какъ аріанки, монголянки или негртянки, ведущія такой же образъ жизни, и дѣти у нихъ выростали такими же здоровыми, какъ у женщинъ этихъ расъ.

Люди, не знающіе, какое вліяніе имѣетъ живое общественное мнѣніе на мысли ученыхъ, дивились тому, что можно было съ такой беззаботностью о правдѣ утверждать, будто бы мулатки мало способны имѣть многочисленныхъ здоровыхъ дѣтей. Былъ курьезъ еще болѣе странный. На той степени плодородія ублюдковъ, при которой ихъ потомство могло бы существовать неопредѣленное число поколѣній, не уменьшаясь или даже увеличиваясь въ числѣ, очень часто былъ наблюдаемъ фактъ, что типъ этого потомства не устойчивъ: дѣти не сохраняютъ типа своихъ родителей-ублюдковъ, а возвращаются къ типу той или другой изъ расъ, отъ которыхъ произошли родители-ублюдки. Такъ напримѣръ, было замѣчаемо, что если отъ сожителства животныхъ бѣлой породы съ животными черной породы произошли пестрыя дѣти, то у этихъ пестрыхъ дѣтей лишь немногія дѣти будутъ пестрыя, а большинство будутъ или бѣлыя, или черныя. Едва ли наблюденія о цвѣтѣ потомства млекопитающихъ разнаго цвѣта анализированы съ

достаточной точностью. Но предположимъ, что они совершенно достовѣрны. Ученые защитники невольничества переносили на мулатовъ и мулатокъ то наблюдение, которое считалось достовѣрнымъ относительно пестрыхъ дѣтей, рождающихся отъ сожительства овецъ или собакъ разнаго цвѣта. Они говорили: мулатскій типъ не имѣеть устойчивости; дѣти мулата и мулатки не походятъ на своихъ родителей, уклоняются отъ нихъ или къ бѣлому или къ негритянскому типу; дѣти тѣхъ, которые приблизились напримѣръ къ негритянскому типу, будутъ еще ближе къ нему, чѣмъ ихъ родители, и такимъ образомъ черезъ небольшое число поколѣній потомки мулата и мулатки становятся совершенными неграми.

Чтобъ опредѣлительно судить о плодородіи или безплодіи людей какого-нибудь типа, нужно имѣть статистическія свѣдѣнія. Понятно, что масса общества можетъ быть обманываема въ этомъ дѣлѣ самоувѣренностью тона специалистовъ; понятно и то, что специалисты не имѣющіе подъ руками статистическихъ цифръ, могутъ быть вводимы въ ошибку довѣріемъ къ товарищамъ, говорящимъ самоувѣренно. Но вопросъ о сходствѣ дѣтей съ родителями рѣшается безъ всякихъ ученыхъ пособій прямымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ. Каждому, живущему въ рабовладѣльской странѣ, было превосходно извѣстно, что дѣти мулата и мулатки имѣють точно такое же сходство съ родителями, какъ дѣти бѣлыхъ людей или негровъ; что поэтому мулатскій типъ очень устойчивъ. Но обществу рабовладѣльческихъ земель угодно было пренебрегать этимъ своимъ знаніемъ и повторять пріятныя для него слова ученыхъ защитниковъ рабства, что дѣти мулата и мулатки не сохраняютъ типа родителей.

Какъ объяснить возможность такого противорѣчія наглядной истинѣ? Подлогъ былъ произведенъ способомъ очень безцеремоннымъ, но вполне пригодившимся для полученія пріятной лжи. Мулаты и мулатки въ Соединенныхъ Штатахъ не составляли отдѣльнаго общества, не жили выѣтъ сплошными группами. Мулатъ или мулатка обыкновенно жили въ домѣ или хижинѣ бѣлаго или чернаго семейства. Мулатамъ чаще случалось быть любовниками или мужьями негритянокъ, чѣмъ мулатокъ; мулаткамъ чаще случалось быть любовницами бѣлыхъ или женами негровъ, чѣмъ любовницами или женами мулатовъ. Дѣти мулатки отъ негра въ большинствѣ случаевъ разумѣется имѣли типъ средній между отцомъ и матерью, то есть болѣе походили на негровъ или негритянокъ, чѣмъ ихъ мать. Дочери этихъ дочерей, становясь женами негровъ, имѣли дѣтей еще болѣе близкихъ къ негритянскому типу. То же самое, только въ обратномъ направленіи, происходило при сожителствѣ мулатки съ бѣлымъ, ихъ дочерей съ бѣлыми. Ступени генеалогіи, приближающей потомство мулатки къ бѣлому типу, были опредѣлены съ полной точностью, и по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ признаки были такъ ясны, что каждый въ рабовладѣльской странѣ по одному взгляду съ достовѣрностью узнавалъ генеалогическую степень человѣка, имѣющаго типъ средній между мулатскимъ и бѣлымъ. Дочь мулатки и бѣлаго была терцеронка; дочь терцеронки и бѣлаго была квартеронка; признаки терцеронки были такъ рѣзки, что никто не могъ принимать ее ни за мулатку ни за квартеронку; каждый видѣлъ, что она терцеронка. Дочь квартеронки и бѣлаго уже трудно было отличить отъ бѣлой человѣку, не жившему въ рабовладѣльской землѣ; когда ея потомки еще два или три поколѣнія имѣли дѣтей отъ бѣлыхъ, то ея потомки становились трудно различимы отъ бѣлыхъ и для опытнаго наблюдателя. Въ десятомъ или двѣнадцатомъ

поколѣвіи они ужь становились неразличимы отъ бѣлыхъ и для опытнаго взгляда. Словомъ, дѣло шло по тѣмъ же законамъ, какъ при сожительствѣ всякихъ людей, какого-нибудь типа съ людьми какого-нибудь другого типа, какъ напримѣръ при сожительствѣ потомства испанца и французенки съ людьми французской національности или потомства каталонца и андалузянки съ людьми каталонскаго племени. А когда люди мулатскаго типа сожительствовали между собой, то ихъ типъ оставался проченъ въ ихъ потомствѣ. Это было извѣстно всеѣмъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ; но приверженцамъ рабовладѣнія угодно было повторять полезную для защиты невольничества ложь, будто бы мулатскій типъ неустойчивъ.

Теперь все разуужденія о бесплодіи мулатокъ, или о неустойчивости мулатскаго типа, отброшены серьезными антропологами, какъ пустыя выдумки ученыхъ, бывшихъ приедужниками рабовладѣльцевъ.

Классификація расъ остается до сихъ поръ очень шаткой въ своихъ подробностяхъ. Специалисты, справедливо признаваемые наиболѣе компетентными судьями по вопросамъ этого рода, не сходятся между собою въ томъ, сколько коренныхъ расъ должно считать. И послѣдователи извѣстнаго способа классификаціи не сходятся между собою въ мнѣніяхъ, къ той или другой изъ принимаемыхъ ими расъ причислить то или другое племя. Признаки, по которымъ слѣдуетъ дѣлить людей на расы, тоже остаются предметомъ споровъ.

Наиболѣе популярный признакъ расы—цвѣтъ кожи. Но есть авторитетные специалисты, находящіе, что онъ имѣетъ очень мало научнаго значенія. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что гораздо важнѣе разница по формѣ волосъ на головѣ; они дѣлятъ людей на три основныя расы: у одной изъ нихъ волоса имѣютъ въ поперечномъ разрѣзѣ круглую форму; эти волоса ни сколько не вьются; у другой расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ не очень сплюснутый; эти волоса слегка вьются; у третьей расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ очень сплюснутый, такъ что волосъ походить на ленту съ закругленными коймами; такіе волоса курчавы, какъ овечья шерсть. Вообще эта классификація довольно близко совпадаетъ съ дѣленіемъ людей на желтую, бѣлую и черную расы. Она замѣчательна тѣмъ, что порядокъ расъ въ ней не тотъ, какъ въ классификаціи по цвѣту кожи, въ которой на одномъ концѣ порядка стоитъ бѣлая раса, на другомъ черная, — желтая занимаетъ средину между ними; въ классификаціи по формѣ волосъ головы масса народовъ, составляющихъ бѣлую расу, занимаетъ средину между народами желтой и черной расъ.—Безъ сомнѣнія, несравненно большую важность имѣютъ различія формы головы. Ихъ можно подводить подъ двѣ разныя точки зрѣнія: съ одной—кореннымъ принципомъ дѣленія принимается собственно форма черепа, съ другой,—форма профиля. Но и по формѣ профиля и по формѣ черепа выводы относительно дѣленія людей на расы получаются приблизительно одинаковыя; исключенія есть, но вообще овальный черепъ соединенъ съ такъ называемымъ кавказскимъ (или греческимъ, европейскимъ) профилемъ; угловатый черепъ—съ плоскимъ (китайскимъ, монгольскимъ) профилемъ; длинный и приплюснутый черепъ—съ негритянскимъ профилемъ. Форма черепа и профиля, какъ всеѣмъ признано, несравненно важнѣе цвѣта кожи и формы волосъ головы, но нѣкоторые специалисты не считаютъ удобнымъ ставить ее важнѣйшимъ основаніемъ классификаціи расъ, потому что она менѣе устойчива, чѣмъ цвѣтъ кожи и форма волосъ. Такъ напримѣръ замѣчено, что дѣти американскихъ негровъ, купленныхъ въ Африкѣ

вообще имѣють очертаніе профиля менѣе далекое отъ арійскаго, чѣмъ ихъ отцы; съ каждымъ поколѣніемъ это измѣненіе развивается. Правда, что и теперь негры Соединенныхъ Штатовъ остаются все еще очень не похожи на аріицевъ чертами лица; но вообще они потомки африканскихъ негровъ лишь въ четвертомъ, много пятомъ поколѣніи. Въ Африкѣ встрѣчается большая разница профиля между племенами одинаковаго цвѣта кожи и одинаковой формы волосъ головы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣють профиль очень похожій на арійскій. Возможно, что причина этой разницы—неодинаковость исторіи племенъ. Тѣ, которыя имѣли очень долго жизнь менѣе бѣдственную, чѣмъ другія, и сдѣлались людьми нѣсколько болѣе развитыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, приобрѣли формы головы, болѣе подобныя формамъ народовъ, давно вышедшихъ изъ дикаго состоянія; потомъ ихъ матеріальное и нравственное положеніе ухудшилось, но медленныя перемѣны въ чертахъ лица, производимыя пониженіемъ быта еще не успѣли развиться вполне, а понизившись до прежняго дикаго состоянія, эти племена еще сохранили черты прежняго болѣе высокаго развитія. Впрочемъ, кажется, что это объясненіе основано только на аналогіи; едва ли найдены какіе нибудь факты, прямо подтверждающіе его. Аналогія—аргументъ, не заслуживающій серьезнаго довѣрія.

По нынѣшнимъ понятіямъ вопросъ о происхожденіи расъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Не только такія группы живыхъ существъ, какъ волкъ, собака, и близкіе къ нимъ виды, или какъ лошадь и осель и очень сходные съ ними виды, но и всѣ млекопитающія несомнѣнно имѣють общее происхожденіе. Такимъ образомъ безплодіе сожительства млекопитающихъ разныхъ группъ вовсе не относится къ дѣлу, когда рѣчь идетъ о томъ, имѣють ли они общее происхожденіе. Они всѣ имѣють его. Безплодіе свидѣтельствуетъ вовсе не о разницѣ происхожденія, а только о томъ, что разница въ устройствѣ организма соживающихъ существъ болѣе велика, чѣмъ было бы совместно съ возможностью для нихъ имѣть дѣтей. Происхожденіе этой разницы чисто историческое. Если существа двухъ группъ имѣють отъ своего сожительства дѣтей, но ихъ дѣти безплодны, это значитъ, что ихъ организмы болѣе различны, нежели было бы совместно съ рожденіемъ плодороднаго потомства.

Разныя расы людей производятъ на обыкновеннаго наблюдателя-неспеціалиста очень неодинаковое впечатлѣніе по цвѣту кожи, характеру волосъ головы, формамъ черепа и профилю; но онъ видитъ, что все это существа одинаковыя въ той же степени, какъ одинаковы, напримѣръ, разныя породы обыкновенной домашней (европейской, то есть собственно египетской) кошки или европейскаго медвѣдя. Это простое мнѣніе массы людей вполне подтверждено теперь наукой.—Ни въ какой породѣ млекопитающихъ нельзя найти два существа, которыя были бы безусловно одинаковы; у тѣхъ млекопитающихъ, которыя рождаютъ нѣсколько дѣтей въ одно время, дѣти, родившіяся одновременно, все-таки нѣсколько отличаются одно отъ другаго. Потому, когда рѣчь идетъ о тождествѣ организаціи двухъ млекопитающихъ одной породы, научный смыслъ словъ «ихъ организація тождественна» состоитъ не въ томъ, что между ними нѣтъ никакихъ различій, а только въ томъ, что различія очень незначительны сравнительно съ элементами тождества.

Въ этомъ смыслѣ имѣемъ ли мы право сказать, что всѣ расы людей тождественны не только по своей организаціи, но и по своимъ умственнымъ и нрав-

ственнымъ качествамъ? Въ XVIII вѣкѣ было сильно распространено между персидскими людьми мнѣніе, что должно сказать такъ. Они говорили о единствѣ чело-вѣческой природы въ выраженіяхъ очень широкихъ и сильныхъ. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ мыслителей, воспитавшихся въ концѣ того періода, сохранили это убѣжденіе на всю жизнь. Напримѣръ Песталотци и Гегель продолжали въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка говорить о тождествѣ людей безоговорочнымъ тономъ Руссо: каждый человѣкъ, родящійся здоровымъ, родится съ тѣми же склонностями, какъ всякій другой, природная разница умственныхъ и нравственныхъ силъ людей, родящихся не больными, а здоровыми, очень не велика. Но лѣтъ черезъ десять или двадцать оставалось уже очень мало ученыхъ, которые не смѣялись бы надъ этимъ мнѣніемъ, какъ чрезмѣрно наивнымъ. Пренебреженіе къ нему было однимъ изъ частныхъ результатовъ ненависти къ теоріямъ XVIII вѣка. Но время ненависти прошло, и новыя поколѣнія стали находить, что мыслители XVIII вѣка были менѣе наивны, чѣмъ казалось поколѣніямъ, ненавидѣвшимъ его. Однимъ изъ результатовъ этой перемѣны было возникновеніе того направленія, которое теперь стало господствующимъ въ естествознаніи. По примѣненію къ частному вопросу о чело-вѣческихъ расахъ его можно характеризовать такъ: различія между расами проникаютъ всю организацію; не только форма черепа и профиля или ступни ноги у каждой расы своя особенная, но и каждая кость, каждый мускулъ, каждая железа имѣетъ у каждой расы свои особенности; не только переднія полушарія головного мозга имѣютъ у каждой расы нѣкоторыя особенности, имѣетъ ихъ и каждый нервъ желудка или ноги; но въ эти различія довольно незначительны сравнительно съ элементами тождества въ организаціи всѣхъ расъ.

Естествознаніе приняло господствующее теперь направленіе очень недавно; натуралисты еще не очень пожилыхъ лѣтъ учились по книгамъ противоположнаго направленія. Дѣло только начинается и, какъ далеко пойдетъ оно въ своемъ развитіи, нельзя сказать опредѣлительно. Но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ быстро ослабѣваетъ въ наукѣ значеніе различій между расами. Специалисты не какіе нибудь люди особой породы; огромное большинство ихъ, подобно огромному большинству всякихъ другихъ людей, подчиняются общественному мнѣнію, которое вырабатывается подъ преобладающимъ вліяніемъ событій. Потому дальнѣйшій ходъ этого, какъ и всякаго другого ученаго дѣла, очень много зависитъ отъ хода событій. Говорятъ иногда, что мысли натуралистовъ имѣютъ основу совершенно твердую, такъ что не могутъ поддаваться требованіямъ общественнаго мнѣнія. Конечно не только астрономія, но и фізіологія должны быть названы системами понятій очень прочныхъ сравнительно съ теоріями политическихъ и общественныхъ наукъ. Но припомнимъ факты изъ исторіи не то что фізіологіи, а самой астрономіи. Пусть очень простительно было Тихо де Браге изобрѣтать свою систему для того, чтобъ уклоняться отъ научной надобности признать систему Коперника, держаться которой было бы для него, если не такъ опасно, какъ для Галилея, то вѣсело неудобно. Но какія серьезныя неприятели могли угрожать французскимъ астрономамъ конца XVII и начала XVIII вѣка, если бъ они приняли теорію Ньютона? Неудобствъ отъ этого не было имъ никакихъ; но они были французы; они жили во французскомъ обществѣ; оно предпочитало астрономическую систему своего соотечественника Декарта системѣ англичанина Нью-

тона; и въсколко десятилѣтій большинство французскихъ астрономовъ отвергало теорію Ньютона, защищало теорію Декарта.

Между специалистами по антропологіи много споровъ о томъ, какія разницы должны быть принимаемы за основаніе классификаціи людей по расамъ, сколько коренныхъ расъ должно считать, къ какой расѣ или къ какой помѣси расъ должно относить то или другое племя. Но факты, которые совершенно достовѣрны, охватываютъ огромное большинство человѣческаго рода. Для людей, ищущихъ въ антропологіи рѣшенія важныхъ историческихъ вопросовъ, эти безспорные факты достаточны.

На сколько именно расъ дѣлятся люди—вопросъ, не имѣющій очень большого значенія для исторіи человѣчества. Важны только три расы: бѣлая, желтая и черная или раса съ вьющимися волосами головы, прямыми волосами и волосами, подобными шерсти, или раса съ овальнымъ черепомъ, рельефнымъ профилемъ, не выдающеюся впередъ нижней челюстью, раса съ угловатымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижней челюстью, не выдающеюся впередъ, и раса съ приплюснутымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижней челюстью, сильно выдающеюся впередъ. Эти три расы составляютъ вѣроятно болѣе девяти десятыхъ частей общаго населенія земнаго шара. Если принимать какія нибудь другія расы за коренныя, то всѣ выѣтъ онѣ и незначительны числомъ и сравнительно не важны историческимъ значеніемъ. Ни ни объ одномъ изъ народовъ или племенъ, занимающихъ важное мѣсто въ нынѣшнемъ составѣ рода человѣческаго, нѣтъ сомнѣній, къ какой расѣ должно отнести его; точно также нѣтъ этого сомнѣнія почти ни объ одномъ изъ народовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи человѣчества, если до насъ дошли сколько нибудь точныя извѣстія о его наружности. Этого достаточно для изслѣдователя или рассказчика всеобщей исторіи. Если о какомъ нибудь народѣ, имѣвшемъ довольно важное значеніе въ исторіи человѣчества, намъ неизвѣстно съ полною достовѣрностью, къ какой расѣ принадлежалъ онъ, то неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній о немъ заключается не собственно въ недостаткѣ извѣстій о его наружности, а вообще въ недостаточности извѣстій о немъ.

Всѣ расы произошли отъ однихъ предковъ. Всѣ особенности, которыми отличаются онѣ одна отъ другой, имѣютъ историческое происхожденіе. Но какую степень устойчивости имѣютъ ихъ особенности?—не всѣ одинаковую. Цвѣтъ кожи негровъ очень устойчивъ. Едва ли можно полагать, что черезъ двадцать поколѣній негры, живущіе въ странѣ русаго народа, имѣющаго очень бѣлую кожу, могутъ стать имѣющими кожу значительно менѣе черную, чѣмъ имѣло первое поколѣніе. Желтая кожа и бѣлая кожа гораздо быстрѣе принимаютъ оттѣнки, сближающіе ихъ по цвѣту. Собственно говоря, цвѣтъ кожи монгола, ставшаго свѣтлымъ, сохраняетъ свою особенность колорита, не одинаковъ съ цвѣтомъ кожи очень смуглаго человѣка чистой арійской расы; многіе люди монгольской расы имѣютъ очень свѣтлую кожу, но всматриваясь, все-таки можно видѣть, что это не бѣлый цвѣтъ, а только освѣтлѣвшій желтый; и наоборотъ, у арійцевъ, очень смуглыхъ, все-таки видно, что цвѣтъ ихъ кожи—не желтый, а потемнѣвшій бѣлый. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ специалисты. И едва ли будетъ легковѣриемъ считать это правдой. Относительно формы черепа достовѣрно извѣстно, что съ развитіемъ умственной жизни людей какого-нибудь племени лобъ ихъ становится выше; съ этимъ соединено уменьшеніе длины нижней челюсти, такъ что измѣняется профиль,

происходитъ увеличеніе такъ называемаго лицеваго угла. Съ какой степенью быстроты можетъ происходить эта перемѣна и какой величины можетъ достигать она, еще не изслѣдовано опредѣлительнымъ образомъ. Но по личнымъ отрывочнымъ наблюденіямъ извѣстно много случаевъ, что лобъ правнуковъ имѣлъ гораздо болѣе высоты, чѣмъ какой имѣла прадѣды. У многихъ племенъ и народовъ замѣчено, что высшее сословіе имѣетъ болѣе развитый лобъ, нежели масса населенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это объясняется разностью происхожденія. Но встрѣчается много случаевъ, въ которыхъ достовѣрно извѣстна одинаковость происхожденія высшаго и низшаго сословія; тутъ очевидно, что разниа профиля произведена различіемъ матеріальной и умственной жизни.

Бѣлые люди всегда считали свою расу лучше желтой расы и были расположены презирать черную. Люди этихъ расъ думаютъ о себѣ, кажется, очень неодинаково: есть много извѣстій, что монголы считали черты лица своей расы болѣе красивыми, чѣмъ профиль бѣлой расы; но много извѣстій и о томъ, что они признавали людей бѣлой расы болѣе красивыми, чѣмъ своихъ соплеменниковъ. Между неграми нѣкоторые также предпочитаютъ свою расу бѣлой, другіе бѣлую своей. То, что многіе изъ желтыхъ и черныхъ людей находятъ бѣлую расу болѣе красивою, чѣмъ свою, можетъ служить подтвержденіемъ высокаго мнѣнія бѣлыхъ людей о красотѣ своей расы. Но если огромное большинство желтыхъ и черныхъ людей имѣетъ лица некрасивыя на взглядъ бѣлыхъ, то слѣдовало бы разобрать, на сколько въ этомъ впечатлѣніи участвуютъ обстоятельства постороннія сущности вопроса, какъ напримѣръ то, что матеріальное положеніе желтыхъ и черныхъ людей хуже положенія бѣлыхъ и умственная жизнь ихъ менѣе развита. Могутъ-ли желтые и черные люди при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ пріобрѣтенію красотѣ, дѣлаться очень красивыми на взглядъ бѣлыхъ людей?—Мы имѣемъ множество свидѣтельствъ бѣлыхъ путешественниковъ о томъ, что есть племена негритянской расы, имѣющія очень красивыя черты лица; эти племена встрѣчаются вдали отъ моря, гдѣ жизнь менѣе тяжела для негровъ, нежели въ приморскихъ частяхъ Африки. Всѣ бѣлые люди, бывавшіе въ Японіи, говорятъ, что многія японки очень красивы лицомъ. Цвѣтъ кожи, красотѣ лица—не такія особенности, которыя имѣли бы прямую связь съ умомъ и характеромъ. Относительно цвѣта кожи понятно само собой, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ дѣятельности головного мозга. Нельзя найти никакихъ фізіологическихъ причинъ, почему бѣлый, или желтый, или черный цвѣтъ кожи могъ бы считаться благопріятнымъ или неблагопріятнымъ для высокаго развитія умственной жизни или результатомъ какого-нибудь ея состоянія. Но у насъ есть сильное влеченіе предполагать хорошія умственныя и нравственныя качества въ людяхъ, красивыхъ лицомъ; и можно думать, что эта связь до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ: красивыя черты лица результатъ хорошей организаціи всего тѣла; хорошая организація тѣла не можетъ не быть признана основой для хорошей дѣятельности головного мозга. Но хотя эти условія и должны считаться коренными, развитіе нравственной и умственной жизни человѣка подвергается такимъ сильнымъ постороннимъ вліяніямъ, что результатъ чрезвычайно часто оказывается несоотвѣтствующимъ характеру личной организаціи. Людямъ красивымъ слѣдовало-бы быть умными и добрыми; никто не собиралъ данныхъ о томъ, какова пропорція умныхъ и добрыхъ людей между ними,—болѣе ли велика она между ними, нежели

между некрасивыми людьми (того же общественнаго положенія); по каждому изъ насъ извѣстно по личному житейскому опыту, что между красивыми людьми встрѣчается очень много недалекихъ по уму и не заслуживающихъ симпатій по характеру. Люди очень некрасивые лицомъ должны были бы быть гораздо ниже красивыхъ по уму и качествамъ характера. Но каждому изъ насъ извѣстно, что многіе очень некрасивые люди очень добры и умны. Дѣло въ томъ, что наружность челоука можетъ пострадать отъ вліяній, которыя не будутъ проникать въ глубину организма; профиль испортится, а головной мозгъ не пострадаетъ; наоборотъ, могутъ быть вліянія, которыя испортятъ головной мозгъ, не испортивъ профиля. Вообще достовѣрныя свѣдѣнія объ умѣ и характерѣ челоука мы до сихъ поръ не можемъ приобрѣтать никакими разсужденіями по какимъ нибудь общимъ основаніямъ. Они приобрѣтаются только изученіемъ поступковъ этого челоука.

Это говорено было собственно по вопросу о связи красоты лица съ умственными и нравственными качествами. Иное дѣло придавленность передней части черепа; она конечно прямо показываетъ, что у челоука мало развиты переднія части головного мозга. Потому, тѣ негритянскія племена, у которыхъ передняя часть черепа очень придавлена, конечно имѣютъ переднія части головного мозга мало развитыми. Но вопросъ вовсе не въ томъ, низко ли нынѣшнее состояніе ихъ умственной жизни, а въ томъ, способны-ль они къ высокой цивилизаціи, можетъ-ли развиться передняя часть головного мозга ихъ, подняться ихъ лобъ. Факты показываютъ, что можетъ.

Пока существовало невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ, полемика должна была идти о томъ, способны или неспособны негры быть гражданами благоустроеннаго государства. Теперь споръ объ этомъ сдѣлался излишнимъ. Они получили права гражданъ и пользуются ими точно такъ же, какъ тѣ части блага населенія Соединенныхъ Штатовъ, которыя по несчастнымъ обстоятельствамъ своей исторіи находятся еще на низкой степени развитія. Нѣтъ никакой разницы между тѣмъ, какъ вотируетъ большинство ирландцевъ, переселившихся въ Америку уже немолодыми людьми, и большинство негровъ; тѣ и другіе одинаково поддаются пропскамъ интригантовъ. Какъ будутъ вотировать негры Соединенныхъ Штатовъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—мы не знаемъ, но безпристрастные люди говорятъ, что уже теперь, черезъ двадцать лѣтъ по приобрѣтеніи права голоса, они пользуются имъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ вначалѣ.

Впрочемъ вопросъ о неграхъ утратилъ прежнее значеніе по ихъ освобожденіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ, гдѣ освобождены, они по закону пользуются всеми или почти всеми правами свободныхъ гражданъ, и если подвергаются какимъ-нибудь стѣненіямъ въ общественной жизни отъ обычаевъ, усвоенныхъ бѣлыми въ рабовладѣльческія времена, то эти стѣненія замѣтно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ бѣлые теряютъ рабовладѣльческія привычки. Отмѣна девольничества на Кубѣ и въ Бразиліи—дѣло близкаго времени; въ томъ не сомнѣваются сами рабовладѣльцы.— Очень вѣроятно, что черезъ нѣсколько времени возникнутъ въ Африкѣ отношенія, при которыхъ вопросъ о людяхъ негритянской расы получитъ очень большую важность: бѣлые съ юга и въ особенности съ запада надвигаются на ту часть Африки, которая населена неграми. Этими будущими отношеніями можно и теперь сильно интересоваться, но мы еще не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы предугадывать, какова будетъ участь негровъ въ

Африкѣ при распространѣніи владычества или очень сильнаго вліянія бѣлыхъ на ихъ земли.

Въ настоящее время изъ вопросовъ о расахъ наиболѣе важны относящіяся къ желтой расѣ. Она гораздо многочисленнѣе черной, притомъ никто не сомнѣвается въ способности желтыхъ людей имѣть большія благоустроенныя государства съ нынѣшнюю принадлежностью большихъ державъ, многочисленнымъ хорошо дисциплинированнымъ войскомъ. Часто встрѣчаются разсужденія о томъ, не предстоитъ ли европейскимъ государствамъ очень большая опасность отъ Китая, населеніе котораго такъ многочисленно. По пропорціи числа войскъ во Франціи, Германіи, Россіи, Китай можетъ сформировать 15 или 20 милліоновъ войска, и если пріобрѣтетъ достаточныя денежныя средства, то можетъ послать на Европу 7 или даже 10 милліоновъ воиновъ. При нынѣшнихъ отношеніяхъ между европейскими государствами нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ они соединились для общей обороны; напротивъ, они стали бы держаться такъ, какъ государства древней Греціи при нашествіяхъ македонячъ. Есть въ Европѣ довольно много людей, предполагающихъ вѣроятность подавленія Европы китайцами. Эти страхи фантастичны: когда китайцы усвоятъ себѣ европейскія искусства на столько, чтобы войска ихъ, стали не то, что очень хороши, а хотя бы только не хуже нынѣшнихъ турецкихъ, Китай уже не будетъ однимъ государствомъ. Теперь разныя племена китайскаго народа остаются соединены въ одно государство только потому, что еще не умѣютъ защитить свою самостоятельность отъ иноземнаго ига.

Но не фантастическій, а реальный интересъ имѣетъ вопросъ о желтой расѣ съ иной стороны: способна ль или неспособна пріобрѣсти очень высокое умственное и нравственное развитіе раса, къ которой принадлежитъ половина человѣческаго рода? До недавняго времени у европейскихъ ученыхъ владычествовали о желтой расѣ понятія презрительныя. Негры были не люди, а животныя; о расѣ, имѣвшей великихъ мыслителей, сдѣлавшей великія техническія открытія, нельзя было говорить такимъ тономъ, какъ о неграхъ; китайцевъ нельзя было не признавать людьми. Но они были люди визшей породы. Умственная и нравственная организація ихъ имѣла черты существенно отличныя отъ качествъ, составляющихъ истинное человѣческое достоинство бѣлой расы. Въ тѣ времена предполагалось, что фантазія—собственно человѣческое качество; животныя тогда не имѣли фантазіи. Теперь имѣютъ; мы знаемъ, что она—одна изъ неизбѣжныхъ функцій мышленія, и что каждое существо, имѣющее какія-нибудь представленія, необходимо имѣетъ въ числѣ ихъ и нѣкоторыя представленія, соответствующія не дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, а комбинаціямъ ихъ, то есть представленія, принадлежащія области воображенія. Но въ тѣ времена не хотѣли знать этого; ученые на одной страницѣ трактата писали о собакахъ и кошкахъ, видящихъ сны, а на слѣдующей преспокойно толковали, что животныя не имѣютъ воображенія, впрочемъ, въ тѣ времена животныя не имѣли способности мыслить. О китайцахъ нельзя было сказать, что они лишены способности мыслить, но воображеніе у нихъ было чрезвычайно слабо. Они были способны только заботиться о матеріальныхъ выгодахъ, въ этомъ и состояло все ихъ мышленіе. Когда думаешь исключительно о своихъ житейскихъ дѣлахъ, то, разумѣется, для фантазіи тутъ очень мало простора. Вотъ именно въ такомъ состояніи находились китайцы: по свойству своей расы,—думать только о житейскихъ дѣлахъ, они не имѣли надобности въ воображеніи, и природа не сдѣ-

лала имъ никакого огорченія, лишивъ ихъ этой высшей человѣческой способности. Правда, результаты такой скупости природы относительно надѣленія китайцевъ человѣческими качествами были очень важны въ матеріальномъ отношеніи; лишевные фантазіи китайцы, разумѣется, не могли создавать никакихъ идеаловъ, тѣмъ менѣе могли стремиться къ ихъ осуществленію; лишевные идеаловъ, они не могли представить себѣ ничего лучше той обстановки, въ какой жили, ничего лучше обычаевъ, какихъ держались; изъ этого происходилъ роковой законъ ихъ жизни: неподвижность. Китайская исторія вполне подтверждала это: если европеецъ писалъ хоть десять строкъ, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ китайской исторіи, то въ этихъ десяти строкахъ непремѣнно находилось мѣсто для замѣчанія, что китайцы живутъ теперь точно такъ же, какъ жили за 2000 лѣтъ до нашей эры, что съ той поры ни произошло никакой перемѣны въ китайскихъ обычаяхъ, никакого измѣненія въ китайскихъ понятіяхъ о вещахъ. Вообще очень странные люди были китайцы.

Это, впрочемъ, и было натурально, потому что желтая раса имѣла свое особое происхожденіе, различное отъ бѣлой. Люди, имѣющіе совершенно различное происхожденіе, разумѣется, должны были быть существенно различны между собой.

Но теперь—увы!—намъ, бѣлымъ, никакъ нельзя оставаться при мысли, что бѣлая и желтая расы—двѣ группы существъ разнаго происхожденія. Китайцы произошли отъ тѣхъ же самыхъ предковъ, какъ и мы.—Они не особенная порода людей, а люди одной съ нами породы; потому они должны подлежать тѣмъ же законамъ жизни и мышленія, какъ и мы, должны, между прочимъ, имѣть и фантазію. Говоря серьезно, трудно представить себѣ при нынѣшнемъ состояніи антропологии возможность тѣхъ странныхъ мнѣній о китайцахъ, которыя еще недавно казались большинству ученыхъ разсудительными. При внимательномъ наблюденіи невозможно не видѣть, что желтые люди думаютъ и чувствуютъ совершенно то же, что бѣлые люди на подобной имъ степени развитія. Тѣ особенности, какія мы замѣчаемъ въ китайцахъ—не особенности китайцевъ, а общія качества людей даннаго историческаго состоянія и общественнаго положенія. Говорятъ, напримѣръ, что китайцы очень трудолюбивы и довольствуются очень малымъ. Это общія свойства людей, предки которыхъ съ давняго времени вели осѣдлую жизнь, жили своимъ трудомъ, а не грабжомъ, жили въ угнетеніи, жили бѣдно. Тѣ части каждаго изъ европейскихъ народовъ, которыя подходятъ подъ эти условія, точно такъ же трудолюбивы, какъ китайцы, точно такъ же довольствуются скуднымъ вознагражденіемъ. Точно то же оказывается и относительно другихъ, такъ называемыхъ, особенностей, китаецъ; это—не особенности китаецъ, а общія качества всѣхъ людей, всѣхъ расъ, въ томъ числѣ и бѣлыхъ людей соотвѣтствующаго положенія.

Остается сказать въ частности объ одной изъ мнимыхъ китайскихъ особенностей, о такъ называемой неподвижности китайскаго быта и китайскихъ понятій. Китайская исторія имѣетъ тѣ же самыя черты, какъ исторія всякаго народа при такихъ же обстоятельствахъ. Теперь извѣстно, что жизнь каждаго цивилизованнаго народа подвергалась при нѣкоторыхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ упадку; самымъ обыкновеннымъ изъ этихъ понижающихъ цивилизацію фактовъ было опустошеніе страны нашествіемъ иноземцевъ. Въ крайней своей степени это бѣдствіе получало устойчивый характеръ подъ формою иноземнаго владычества. Въ исторіи западной Европы такими бѣдствіями, были напримѣръ, нашествіе гунновъ, потомъ

набѣги венгровъ, наконецъ, нашествія турокъ. Развернемъ какой случится трактатъ объ исторіи западной Европы; въ каждомъ мы найдемъ одно и то же совершенно справедливое замѣчаніе, что эти бѣдствія надолго роняли благосостояніе и культуру народовъ, подвергавшихся имъ. Для ясности сравнимъ китайскую исторію съ англійской. Англія не подвергалась ниоземному завоеванію со второй половины XI вѣка. Населеніе Англій имѣло время отдохнуть, оправиться и, поднявшись до прежняго уровня благосостоянія и культуры, сдѣлать новые успѣхи. Разверните исторію Китая и сосчитайте, сколько разъ въ это время подвергался онъ завоеванію варварами. Китайская исторія не неподвижность, а рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ нашествій и завоеваній варваровъ. Послѣ cadaго упадка китайцы оправлялись, успѣвали иногда подняться до прежняго уровня, иногда и выше его, но снова падали подъ ударами варваровъ. Почему варварамъ удавалось одолѣвать народъ цивилизованный и болѣе многочисленный, чѣмъ они, вопросъ требующій особаго разъясненія, но онъ относится не къ одной китайской исторіи: бывали покоряемы сравнительно малочисленными варварскими племенами и другіе цивилизованные народы; бывало это и въ западной Азіи, и въ Европѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди желтой расы имѣютъ какія нибудь природныя различія отъ людей бѣлой расы въ своей умственной и нравственной организаціи, потому что всякому наружному различію должно соответствовать какое нибудь различіе и въ устройствѣ головного мозга; но связь этихъ различій, или маловажныхъ, или измѣнчивыхъ остается еще не изслѣдованной и потому ставить ее принципомъ объясненія какихъ нибудь опредѣленныхъ фактовъ умственной или нравственной жизни значить придавать важность мелочамъ и говорить на удачу пустяки безъ всякаго научнаго основанія. Чтобы видѣть, какъ шатки объясненія подобнаго рода, сдѣлаемъ обзоръ родства тѣхъ млекопитающихъ, которыя особенно хорошо знакомы всѣмъ намъ.

Лошадь довольно послушная служительница человѣка; осель близкій родственникъ ея, тоже служить намъ; но есть нѣсколько видовъ млекопитающихъ еще болѣе близкихъ лошади, чѣмъ осель, и однако же оказывающихся непокорными человѣку. — Изъ близкихъ родныхъ быка нѣкоторые болѣе или менѣе подчинились человѣку, какъ напримѣръ буйволъ и якъ, но американскій бизопъ до сихъ поръ остается неукротеннымъ. — Мы сдѣлали домашнимъ животнымъ кошку, собака давно стала вѣрнѣйшимъ другомъ человѣка; гепардъ, напоминающій своимъ видомъ отчасти кошку, отчасти собаку, тоже служить человѣку. Но волкъ, гораздо болѣе близкій родной собакѣ, чѣмъ гепардъ, остается неукротенъ. Словомъ, какое бы изъ млекопитающихъ, сдѣлавшихся нашими слугами, ни взяли мы, у него есть очень близкіе родственники, не захотѣвшіе служить намъ или оказавшіеся по своему характеру непригодными для нашей службы. А рядъ тѣхъ немногихъ млекопитающихъ, которыя служатъ намъ, состоитъ изъ представителей семействъ очень далекихъ одно отъ другого по своей организаціи; собака и кошка принадлежать къ двумъ разнымъ семействамъ отдѣла хищныхъ животныхъ; лошадь и осель къ отдѣлу однокопытныхъ, быкъ, овца, и коза къ разнымъ семействамъ отдѣла жвачныхъ, слонъ и свинья къ разнымъ семействамъ отдѣла толстокожихъ.

До какой степени еще остается неуловима для насъ связь между умственными силами млекопитающаго существа и наружностью его, мы увидимъ, припо-

мнивъ, какія млекопитающія (кромѣ обезьянъ) считаются самыми умными. Это слонъ, лошадь и собака. Есть множество животныхъ, занимающихъ въ зоологической классификаціи очень близкія къ нимъ мѣста и однако же не заслужившихъ репутацию особенно умныхъ. Одно изъ двухъ: или мы несправедливы къ этимъ животнымъ, которыхъ не считаемъ особенно умными, или классификація по наружнымъ признакамъ не даетъ достаточныхъ средствъ судить объ умственныхъ способностяхъ. Во многихъ случаяхъ вѣроятно мы несправедливы; такъ напримѣръ, оселъ по всей вѣроятности заслуживалъ бы считаться животнымъ очень умнымъ. Но во многихъ случаяхъ небольшія наружныя различія вѣроятно въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуютъ очень большимъ различіямъ въ умственныхъ способностяхъ и, наоборотъ, очень большія различія наружности не производятъ большой разницы въ умственныхъ сплахъ.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о связи между наружными признаками и умственными силами, научная осторожность не допускаетъ ставить различіе между бѣлой и желтой расами принципомъ объясненія какихъ бы то ни было фактовъ ихъ исторіи. До сихъ поръ еще остается сильна старая привычка объяснять историческія различія расовыми; но это методъ объясненій устарѣлый и дающій два очень дурные результата: во первыхъ, объясненіе, основанное на немъ, обыкновенно бываетъ само по себѣ ошибочно; во вторыхъ, успокоиваясь на этомъ фальшивомъ, мы забываемъ искать истиннаго объясненія.

Во многихъ случаяхъ истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта отъ насъ фантастическимъ объясненіемъ факта посредствомъ расовыхъ отличій. Такъ, напримѣръ, мнимая неподвижность быта и понятій китайцевъ была бы безъ всякаго труда понята нами въ истинномъ ея видѣ, какъ рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ варваровъ, если бы наше вниманіе не было отвлечено отъ этихъ бѣдствій произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше звѣтнаго уровня цивилизаціи.

Остановимся пока на этомъ.

2.

О классификаціи людей по языку ¹⁾).

Соображенія объ условіяхъ, необходимыхъ для возникновенія расовыхъ отличій, приводятъ къ заключенію, что каждая раса когда-нибудь составляла одну цѣльную группу людей, живущихъ вмѣстѣ. Но у всѣхъ расъ, имѣющихъ важное историческое значеніе, этотъ періодъ общей жизни относится къ временамъ доисторическимъ. Въ историческія времена дѣйствующими группами являются уже не расы въ цѣльномъ своемъ составѣ, а части расъ, или, точнѣе сказать, части частей расъ. Напримѣръ, въ Индію пошла не вся бѣлая раса, а только часть одного изъ большихъ отдѣловъ ея, арийскаго семейства, жившаго тогда уже особо отъ другого большого отдѣла ея, семитическаго семейства; изъ Пенджаба въ бассейнъ Ганга пошла не вся эта часть, а только часть ея. Потому для историческихъ

¹⁾ Веберъ, т. VIII.

ислѣдованій и разказовъ нужна классификація людей болѣе подробная, чѣмъ та, которая дается распредѣленіемъ ихъ по расамъ.

Классификація людей по расамъ основывается на нѣкоторыхъ изъ ихъ различій по наружности. Если къ характеристикѣ расы мы будемъ прибавлять опредѣленія видоизмѣненій этихъ основныхъ признаковъ или другія различія по наружности, то получимъ характеристики отдѣловъ расы; продолжая идти этимъ путемъ подразличеній, мы будемъ получать подраздѣленія болѣе и болѣе подробныя. Эти физическіе типы будутъ по нисходящему порядку подразличенія болѣе или менѣе соответствовать группамъ людей, называемымъ семействами народовъ, народами, племенами народа, отдѣлами племени народа; но лишь болѣе или менѣе, а не вполне; и степень соответствія будетъ въ очень многихъ случаяхъ—вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ—неудовлетворительна для историческихъ надобностей. Напримѣръ, одинъ изъ частныхъ физическихъ типовъ бѣлой расы будетъ до нѣкоторой степени соответствовать той группѣ людей, которая называется арійскимъ семействомъ; но грузины, черкесы—народы того же типа, а между тѣмъ они не принадлежатъ къ арійскому семейству; и наоборотъ: въ составѣ народовъ арійскаго семейства находится очень много людей разныхъ неарійскихъ физическихъ типовъ. Одно изъ частныхъ видоизмѣненій арійскаго типа до нѣкоторой степени соответствуетъ той группѣ людей, которая называется древнимъ греческимъ народомъ; но мы положительно знаемъ, что между древними греками было очень много людей не этого типа; и наоборотъ: въ составѣ нѣкоторыхъ народовъ, называвшихся у грековъ варварами, иноплемениками, безъ сомнѣнія находилось много людей того физическаго типа, который мы называемъ древнимъ греческимъ. Персы вводили въ плѣнъ множество грековъ и гречанокъ; потомки тѣхъ греческихъ плѣнныхъ, которые жили не сплошными массами, а маленькими группами между персовъ или подвластныхъ персамъ народовъ, безъ сомнѣнія усвоивали себѣ національность массы, среди которой жили; у многихъ изъ этихъ людей, утратившихъ греческую національность, безъ сомнѣнія сохранялся греческій физическій типъ. Карагегиняне, южноитальянскіе туземцы, этруски, галлы, иллирійцы, еракійцы, скифы тоже вводили въ плѣнъ много грековъ и гречанокъ. Кромѣ этихъ невольныхъ переселеній въ страны варваровъ, бывали и добровольныя.—О нынѣшнихъ европейскихъ народахъ и американскихъ народахъ европейскаго происхожденія давно признано всеми специалистами, что они—смѣсь людей разныхъ физическихъ типовъ. Изучая составъ тѣхъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ націй, которыя наиболѣе многочисленны и съ очень давняго времени имѣютъ особенно важное историческое значеніе—испанской, итальянской, французской, англійской и нѣмецкой націй—мы видимъ, что каждая изъ нихъ—соединеніе людей нѣсколькихъ очень различныхъ физическихъ типовъ, что каждый изъ этихъ типовъ принадлежитъ лишь меньшинству людей, составляющихъ націю, и что въ составѣ другихъ націй находится очень много людей того же типа. Перепутанность эта такъ велика въ пяти главныхъ націяхъ западной Европы, что если говорить съ научной точностью, то о каждой изъ нихъ должно сказать: нельзя составить такую характеристику наружныхъ особенностей, подъ которую подходило бы большинство людей этой націи и которая съ тѣмъ вмѣстѣ оставалась бы относящейся собственно къ этой націи, какъ ея отличіе отъ другихъ націй, а не была бы характеристикой группы людей гораздо болѣе обширной, чѣмъ эта нація. Правда, есть

характеристики физическаго типа каждой изъ великихъ западно-европейскихъ націй, ужъ давно находящіяся въ общемъ употребленіи; но каждая изъ нихъ составлена произволомъ фантазіи; главный ингредиентъ ихъ—смѣсь самохвальства націи съ злорѣчіемъ другихъ націй, бывшихъ враждебными или завидовавшими ей; къ этому курьезному сочетанію клеветы съ самохвальствомъ присоединены ученые недосмотры и недоразумѣнія. Для примѣра возьмемъ общеупотребительныя характеристики національнаго нѣмецкаго типа и національнаго англійскаго; въ нихъ обѣихъ самой важной, самой существенной особенностью наружности выставляется свѣтлый цвѣтъ волосъ: нѣмецъ, это человѣкъ съ русыми волосами; нѣмцы съ темными волосами—люди не національнаго нѣмецкаго типа; они составляютъ лишь меньшинство нѣмецкой націи; англичанинъ—человѣкъ съ волосами еще болѣе свѣтлыми, чѣмъ нѣмецъ; они у него такъ свѣтлы, что цвѣтъ ихъ на головѣ—средній между русымъ и рыжимъ, а бакенбарды, усы и борода у него вовсе рыжіе; люди не съ такими волосами—люди не національнаго англійскаго типа, и составляютъ лишь меньшинство англійской націи.—А на самомъ дѣлѣ, у большинства нѣмцевъ—темные волоса, и у большинства англичанъ—тоже темные, не только на головѣ, но и въ бакенбардахъ, усахъ, бородѣ. Какъ же попали свѣтлые волоса въ характеристику національныхъ типовъ нѣмецкаго и англійскаго?—Итальянцы и французы любили ругать нѣмцевъ, смѣяться надъ ними; взяли предметомъ насмѣшки свѣтлые волоса многихъ нѣмцевъ, и сдѣлалъ этотъ цвѣтъ волосъ меньшинства принадлежностью огромнаго большинства нѣмцевъ: русые люди—пухлые, золотушные, неуклюжіе, и умъ у нихъ неповоротливый; они дураки. Но нѣмцы не оставались въ долгу: французы и итальянцы люди легкомысленные, непостоянные, вѣроломные; это потому, что темпераментъ у нихъ холерическій; а у людей съ холерическимъ темпераментомъ, вообще, черные волоса; мы, нѣмцы, не таковы; мы люди разсудительные, даемъ обѣщаніе обдумавъ, съ твердымъ рѣшеніемъ соблюдать его; потому мы люди добросовѣстные; а когда мы такъ солидны умомъ и такъ благородны душой, то и темпераментъ у насъ не такой, какъ у легкомысленныхъ, вѣроломныхъ французовъ и итальянцевъ, онъ у насъ спокойный и вмѣстѣ энергическій, и волоса у насъ не такіе: у нихъ—черные, а у насъ свѣтлые.—Совершенно тѣмъ же способомъ попали въ англійскій національный типъ свѣтлые волоса изъ перебранокъ между французами и англичанами. Въ обоихъ случаяхъ, къ одинаковому выводу изъ чужой брани и своего самохвальства присоединились ученые подтвержденія, имѣющія такую же степень научной основательности: Цезарь и Тацитъ говорятъ, что германцы—русые люди; какъ же нынѣшнимъ нѣмцамъ не быть русыми людьми?—Англосаксы были люди съ очень свѣтлыми волосами; какъ же не быть людьми съ очень свѣтлыми волосами нынѣшнимъ англичанамъ?—Что сказать на это?—Если разберемъ факты, то увидимъ, что отзывы Цезаря, Тацита о германцахъ и слова хроникъ объ англосаксахъ не даютъ прочнаго основанія для разсужденій о физическихъ качествахъ нынѣшнихъ нѣмцевъ и англичанъ; но безъ всякихъ ученыхъ споровъ совершенно достаточно будетъ ограничиться отвѣтомъ: каковы бы ни были волоса у германцевъ, вообще, и у англосаксовъ въ частности, русые ли, зеленые ли, розовые ли, всетаки у большинства нынѣшнихъ нѣмцевъ и англичанъ они темные. Общеупотребительныя характеристики физическаго типа испанской, итальянской, французской, англійской и нѣмецкой націй не пригодны ни къ чему, кромѣ брани и

самохвальства, и примѣненіе этого житейскаго вздора къ исторіи даетъ въ результатѣ историческій вздоръ. Но можно замѣнить фальшивыя характеристики правдыми?—Можно, только это будутъ ужь не характеристики національныхъ типовъ. Выикнемъ въ дѣло. Начнемъ съ англійской націи. Ее составляютъ люди нѣсколькихъ очень различныхъ типовъ; къ каждому принадлежитъ лишь меньшинство; чтобы составить характеристику, охватывающую физическія особенности большинства англичанъ, понадобится соединить характеристики разныхъ типовъ; чтобы подвести ихъ подъ одно опредѣленіе, понадобится употреблять выраженія широкія, неопредѣленные; напримѣръ, о волосахъ прійдется выразиться такъ: «цвѣтъ волосъ видоизмѣняется отъ темнаго каштановаго, близкаго къ черному, до очень свѣтлаго, близкаго къ бѣлокурому»; люди съ черными, бѣлокурыми, рыжими волосами всѣ вмѣстѣ составляютъ лишь меньшинство англійской націи, потому и можно оставить волоса этихъ цвѣтовъ внѣ границъ опредѣленія англійскаго типа; но попробуемъ поставить границу съ которой нибудь стороны менѣе далеко отъ другого предѣла, исключимъ ли темнокаштановые волоса или свѣтлорусые, — въ нашихъ границахъ останется лишь меньшинство англичанъ. Потому нельзя сдѣлать опредѣленія, менѣе широкаго, чѣмъ «волоса всякихъ оттѣнковъ отъ темнаго каштановаго до свѣтлорусаго». То же самое будетъ и со всѣми другими признаками: каждый будетъ опредѣленъ очень широкимъ выраженіемъ. Только при такомъ качествѣ выраженій характеристика англійскаго типа дѣйствительно будетъ охватывать большинство людей англійской національности. Но подъ такую характеристику не хуже, чѣмъ большинство англичанъ, подойдетъ большинство голландцевъ, датчанъ, норвежцевъ, шведовъ, нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ, литовцевъ, сѣверной половины славянъ. Что-жъ такое это будетъ — характеристика-ль національнаго англійскаго типа?—Нѣтъ, характеристика аріискаго населенія сѣверной Европы.—Точно также нельзя составить характеристику испанскаго типа, подъ которую, вмѣстѣ съ большинствомъ испанцевъ, не подошло бы большинство португальцевъ, сосѣднихъ съ Испаніей французовъ, нѣкоторыхъ южныхъ нѣмецкихъ племенъ, итальянцевъ, альбанцевъ, нынѣшнихъ грековъ, южныхъ славянъ, и что это будетъ?—Не характеристика національнаго испанскаго типа, а характеристика аріискаго населенія южной Европы. Большинство итальянцевъ тоже не можетъ быть охвачено характеристикой менѣе широкой чѣмъ эта, охватывающая все разноплеменное аріиское населеніе южной Европы. Изъ пяти націй остаются двѣ, французская и нѣмецкая. Въ каждой изъ нихъ соединены люди сѣверно-европейскаго и южно-европейскаго типовъ; потому всякая попытка дать характеристику національнаго французскаго или нѣмецкаго типа даетъ въ результатѣ характеристику всего аріискаго населенія Европы, за исключеніемъ развѣ, Андалузій, Сициліи на югѣ, Скандинавіи и кусочка Нидерландовъ на сѣверѣ.

Это примѣняется ко всѣмъ большимъ народамъ бѣлой расы, не только новымъ, но и древнимъ. Вавилоняне, ассирияне, персы, греки, римляне тоже состояли изъ людей разныхъ физическихъ типовъ. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не можетъ быть характеризованъ по физическимъ признакамъ такими чертами, которыя не были бы гораздо шире его народности. Классификація по физическимъ признакамъ даетъ вмѣсто народовъ болѣе широкія группы людей, лишенная національнаго единства, состоящая изъ людей разныхъ народностей и притомъ народностей такихъ

чуждых одна другой по исторической своей жизни, какъ англичане и литовцы, испанцы и альбанцы. А въ исторіи національныя группы имѣютъ громадную важность; потому ей необходима классификація людей по другому основанію распредѣленія, дающему группы, болѣе соотвѣтствующія національнымъ группамъ.

Такое основаніе для классификаціи людей представляетъ языкъ.

Далеко не всегда люди, составляющіе историческую группу, соединены между собой общностью языка. Мы имѣемъ въ исторіи много примѣровъ тому, что одна нація силой налагала свою власть на людей другихъ народностей и насильственно удерживала ихъ въ составѣ своего государства. Таковы были, напримѣръ, персидское государство и, во времена своей обширности, римское государство. Но бывають и случаи добровольнаго соединенія людей разныхъ національностей въ одну историческую группу. Обыкновенно преводятъ въ примѣръ этого Швейцарію. Есть много и другихъ случаевъ сходнаго рода. Напримѣръ, населеніе той части Уэльза, гдѣ еще владычествуетъ одно изъ нарѣчій кельтскаго языка, желаетъ оставаться принадлежащимъ къ составу англійскаго государства; точно также бретонцы, продолжающіе говорить на своемъ нарѣчій кельтскаго языка, желаютъ оставаться принадлежащими къ составу французскаго государства; французскіе баски—тоже. И наоборотъ: есть примѣры, что часть націй не хочетъ составлять одно государство съ другими людьми своей національности. Издавна приводятъ Швейцарію въ примѣръ и этого случая: швейцарскіе итальянцы не желаютъ присоединиться къ итальянскому государству, швейцарскіе французы не желаютъ присоединиться къ французскому государству, нѣмецкіе къ нѣмецкому. Но ужь довольно съ давняго времени выдвинулся на первый планъ исторіи другой такой фактъ, гораздо большаго размѣра: англичане и сѣвероамериканцы не желаютъ составлять одно государство.

Такъ, часто исторія народовъ опредѣляется силами, болѣе могущественными, чѣмъ чувства національнаго единства и чувство національнаго различія. Но даже и въ такихъ случаяхъ эти чувства сохраняютъ большое вліяніе на жизнь людей. Само собою разумѣется, что при насильственномъ подчиненіи одного народа другому, они, вообще говоря, враждебны между собой. Но и при добровольномъ соединеніи въ одно государство, люди разныхъ національностей вообще группируются въ разные общественные и политическіе отдѣлы по народностямъ. Не говоря о Швейцаріи, гдѣ каждая изъ трехъ національностей занимаетъ особую часть страны, мы видимъ это въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ, гдѣ иноплеменики живутъ перемѣшанно съ людьми сѣвероамериканской національности и между собою. Ирландцы въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ составляютъ одно плѣно, хотя живутъ разбросанно; нѣмцы тоже. И тѣ и другіе съ любовью держатся людей своего народа въ американскихъ городахъ, пока не утратятъ своей національности, и продолжаютъ любить свою европейскую отчизну, пока сохраняютъ память, что они ирландцы или нѣмцы. Сѣвероамериканцы и англичане до сихъ поръ охотники говорить одни о другихъ дурно, временами желаютъ вреда одни другимъ; а раньше, непріязненные чувства между ними были гораздо сильнѣе; долго спустя послѣ признанія независимости Соединенныхъ Штатовъ Англіей, когда ужь слѣдовало бы забыть вражду, они стали воевать между собою безъ всякаго солиднаго повода, просто по охотѣ ссориться, которая довела ихъ до войны; а передъ этимъ, и послѣ этого не разъ грозили одни другимъ войною. Вы подумаете: <два народа, чуждые одинъ-

другому»; и сами они охотники говорить это. Но всмотритесь ближе: надъ чувствомъ непріяни, остающимся въ англичанахъ отъ злобы на отпаденіе сѣвероамериканцевъ отъ Англии, въ сѣвероамериканцахъ отъ злобы на предшествовавшія притѣсненія и на жестокое веденіе войны для подавленія ихъ независимости, владычествуетъ взаимная любовь; оба народа чувствуютъ себя составляющими въ сущности одинъ народъ; пусть что хотятъ говорить англичане о сѣвероамериканцахъ, сѣвероамериканцы объ англичанахъ во времена ссоръ,—тѣ и другіе остаются братьями другъ другу; ихъ раздоры не то, что ссоры между чужими, это семейныя ссоры братьевъ, живущихъ разными домами; временами, они сердятся другъ на друга, но и во время ссоры остаются милѣе другъ другу, чѣмъ два разные народа, находящіеся въ союзѣ между собою.

Чѣмъ въ сущности опредѣляется принадлежность человѣка къ той группѣ, къ которой добровольно принадлежитъ онъ?—Его чувствомъ: «Эти люди—мои люди», и чувствомъ каждаго изъ нихъ о немъ: «онъ—нашъ человѣкъ». Самое прочное основаніе этого чувства—одинаковость языка: «мои люди—люди говорящіе моимъ языкомъ»;—«человѣкъ, говорящій нашимъ языкомъ—нашъ человѣкъ».

Въ этомъ причина важности, какую имѣетъ для исторіи классификація людей по языку; группы, даваемая ею, не всегда близко совпадаютъ съ историческими группами, но въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ ними очень близко; и когда не совпадаютъ близко, всетаки соотвѣтствуютъ очень сильной связи между людьми, хотя бѣ и вовсе различныхъ, хотя бы временами и враждебныхъ между собою историческихъ группъ. Люди одной національности—люди считающіе другъ друга родными и потому дѣйствительно родные; родство опредѣляется чувствомъ родства. Родные между собою люди—это тѣ люди, которые сознаютъ себя родными.

Въ существенныхъ своихъ чертахъ классификація языковъ остается до сихъ поръ та, которая была установлена Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, братомъ Александра, менѣе знаменитымъ, чѣмъ этотъ натуралистъ и полигисторъ, но тоже однимъ изъ людей очень обширной учености. Главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій Вильгельмъ Гумбольдтъ выбралъ языки. Онъ изучилъ огромное количество ихъ и сдѣлалъ открытія, бывшія въ его время изумительными. Напримѣръ, онъ нашель, что языкъ древнихъ иберійцевъ, отъ котораго не дошло до насъ почти ничего кромѣ собственныхъ именъ, некажженныхъ передающими ихъ греческими и римскими писателями, и который поэтому оставался совершенно загадочнымъ для филологовъ, былъ тотъ самый, которымъ теперь говорятъ баски; и при помощи баскаго языка объяснилъ множество древнихъ испанскихъ собственныхъ именъ. Теперь этотъ способъ изслѣдованія старыхъ языковъ, отъ которыхъ дошло до насъ мало остатковъ, сдѣлался общеупотребительнымъ; но въ то время (нѣсколькими годами раньше появленія первой попытки Шамполиона изучить древній египетскій языкъ помощью коптскаго) методъ, приложенный Вильгельмомъ Гумбольдтомъ къ иберійскому языку, былъ очень новъ, и была нужна большая проныцательность ума, чтобы пользоваться имъ правильно. Вообще слѣдуетъ считать Вильгельма Гумбольдта человѣкомъ не только громаднхъ знаній, но и очень

сильнаго ума. Должно однако же не забывать, что онъ хотя много занимался философiей и науками наиболѣе близкими къ ней, не имѣлъ силъ выработать самостоятельный образъ мыслей по тѣмъ очень широкимъ вопросамъ, изслѣдованiемъ которыхъ специально занимаются мыслители, называемые философами; онъ подчинялся влiянiю господствовавшаго тогда въ Германiи метафизическаго направлениа философiи. Наболѣе сильные изъ нѣмецкихъ философвъ того времени основали каждый свою особую систему, но сходились въ томъ, что стремились объяснить всѣ факты дѣйствiемъ мысли. Въ примѣненiи къ языку это давало тотъ выводъ, что языкъ вполнѣ выражаетъ собою все содержанiе мыслей человѣка, всѣ отбѣнки его понятiй о вещахъ, объ отношенiяхъ между предметами и о перемѣнахъ въ нихъ. Мышленiе считалось тогда основной силою, производящей человѣческой организмъ, такъ что понятiе о человѣкѣ было почти отождествляемо съ понятiями о его мышленiи. Все это было перенесено Вильгельмомъ Гумбольдтомъ изъ господствовавшихъ тогда нѣмецкихъ философскихъ системъ въ его ученiе о языкѣ. Результатъ выходилъ приблизительно такой: языкъ человѣка и его умственная жизнь—одно и то же. Что находится въ умственной жизни человѣка, все выражается его языкомъ; чего нѣтъ въ его языкѣ, того нѣтъ въ его умственной жизни. Человѣкъ въ сущности мыслящая сила; организмъ человѣка лишь проявленiе его мышленiя; потому вся звуковая дѣятельность органовъ человѣческой рѣчи тождественна съ его мышленiемъ; и если мы будемъ говорить объ отдѣльномъ человѣкѣ, то должны сказать, что его индивидуальность и его языкъ совершенно совпадаютъ. То же самое и о народѣ. Человѣкъ рождается ужъ индивидуальнымъ существомъ; вся слѣдующая жизнь его—проявленiе той индивидуальности, съ какой онъ родился, потому человѣкъ уже рождается способнымъ мыслить только посредствомъ того языка, который тождественъ съ его индивидуальностью; индивидуальность человѣка продуктъ индивидуальностей его родителей, ихъ индивидуальности продукты индивидуальностей ихъ родителей и т. д. Такимъ образомъ языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, вполнѣ обусловленъ его происхожденiемъ; онъ можетъ мыслить только на языкѣ своихъ родителей, никакой другой языкъ не можетъ сдѣлаться выраженiемъ его умственной дѣятельности, и если онъ по какому нибудь случаю выросъ между людьми другого языка и не умѣетъ говорить на языкѣ своихъ родителей, говорить только на языкѣ чужихъ ему людей, среди которыхъ выросъ, то языкъ, которымъ говоритъ онъ, будетъ по своей сущности всетаки тождественъ съ языкомъ его родителей, эта сущность будетъ только проявляться другими звуками; но разумѣется проявленiе, не соответствующее сущности проявляющагося въ немъ, будетъ проявленiемъ очень неудовлетворительнымъ. Человѣкъ не можетъ хорошо говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ языка своихъ родителей. То же самое должно сказать и о народѣ. Когда какое нибудь племя мало по малу забываетъ свой языкъ, принимая языкъ другого племени, сущность чужого языка, которымъ со временемъ замѣнится прежнiй языкъ, будетъ та же самая, какую имѣлъ прежнiй языкъ, а тотъ языкъ, которымъ говоритъ оно, навсегда останется чужимъ ему языкомъ, на которомъ оно не можетъ удовлетворительно выразить свои понятiя и которымъ оно вѣчно будетъ владѣть очень плохо.

Поясимъ дѣло примѣромъ. Дорiйскiй городъ Галикарнасъ привлекалъ множество людей изъ сосѣднихъ iонiйскихъ городовъ; iонiйскiе переселенцы составили наконецъ большинство населениа Галикарнасса; въ этомъ городѣ стало

преобладать іонійское нарѣчіе, и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ жители Галикарнасса стали говорить имъ; потомки дорійцевъ забыли дорійское нарѣчіе, стали по языку іонійцами. Одинъ изъ гражданъ Галикарнасса, богатый человѣкъ знатнаго рода, Геродотъ, много путешествовалъ, собиралъ историческія и всякія другія свѣдѣнія и написалъ сочиненіе, за которое называютъ его отцомъ исторіи. По языку это сочиненіе признавалось греками и въ новой Европѣ всегда признавалось всѣми филологами за образцовое по чистотѣ іонійскаго (новоіонійскаго, въ противоположность гомеровскому) нарѣчія. Возможно-ли это? Очевидно нѣтъ. Геродотъ былъ человѣкъ очень знатнаго рода. Знатные роды въ Галикарнассѣ были дорійскіе. Итакъ, Геродотъ былъ доріецъ; сущность языка Геродота дорійская; на іонійскомъ нарѣчій писалъ онъ плохо. Всѣ греки и всѣ филологи ошибались, находя, что онъ писалъ по-іонійски хорошо. Или можно доказать, что обѣ бабушки и оба дѣда Геродота были іонійскаго племени? Вотъ было бы счастье! Тогда можно было бы возвратить Геродоту умѣніе писать на іонійскомъ нарѣчій. Такова наивность теоріи Вильгельма Гумбольдта. Смѣяться ли надъ нимъ? Это было бы несправедливо; онъ только раздѣлялъ увлеченіе тогдашняго образованнаго нѣмецкаго общества фантастическими мудрствованіями Канта, Фихте, Шеллинга. Лично онъ не подлежитъ порицанію. Но теперь, когда и у самихъ нѣмцевъ прошло увлеченіе метафизическимъ фантазерствомъ, въ которое впалъ Кантъ отъ избытка заботъ опровергнуть метафизику, можно было бы лингвистамъ ужъ не повторять разсужденія Вильгельма Гумбольдта о тождествѣ умственной жизни человѣка и звуковъ его рѣчи; а это дѣлается до сихъ поръ большинствомъ спеціалистовъ по языковѣданію, когда они, подымаясь надъ своей спеціальной работой, пускаются въ философствованія о характерѣ человѣческаго языка вообще, и объ умственныхъ и нравственныхъ особенностяхъ людей, склоняющихся существительны по падежамъ, отъ людей, замѣняющихъ падежи предлогами. Классификація языковъ, установленная Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, значительно измѣнена изслѣдованіями спеціалистовъ, продолжавшихъ его дѣло. Но главныя черты его системы языковъ остаются до сихъ поръ общепринятыми и по всей вѣроятности должны быть признаны основательными. Вильгельмъ Гумбольдтъ дѣлитъ языки на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ два или три обыкновенно отбрасываются теперь, какъ не имѣющіе существенной разницы отъ того или другаго изъ трехъ наиболѣе важныхъ. Эти три сохраняютъ свое значеніе. Названія ихъ таковы:

Изолирующіе языки.

Агглютинирующіе языки.

Флектирующіе языки.

Изложимъ общепринятія понятія о характерѣ каждаго изъ этихъ разрядовъ и объ отношеніяхъ между ними.

Во всѣхъ европейскихъ языкахъ глаголы измѣняются по формамъ спряженія, существительныя если не по падежамъ, то хоть для образованія множественнаго числа; есть и другія измѣненія словъ. Эти такъ называемыя грамматическія формы служатъ для обозначенія отношеній между словами. Но не всѣ языки имѣютъ такое устройство. Въ нѣкоторыхъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ словъ по грамматическимъ формамъ. Въ нихъ связь между словами остается безъ обо-

значенія звуками, когда ясна безъ него; а когда было бы затруднительно угадать ее безъ обозначенія звуками, она обозначается особыми словами соответствующими нашимъ мѣстоименіямъ, вспомогательнымъ глаголамъ, нарѣчіямъ времени и мѣста, предлогамъ, союзамъ. Такіе языки называются изолирующими «обособляющими» (имѣющими лишь обособленные слова, не связываемыя между собою измѣненіями формъ). Къ этому разряду принадлежатъ нѣкоторые языки юго-восточной Азии. Важнѣйшій изъ нихъ—китайскій.

Измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ производятся въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ двумя способами: основная группа звуковъ слова, проходя по грамматическимъ формамъ, или остается неизмѣнною, только принимая разныя приставки, или видоизмѣняется и сама.

По первому способу спрягается въ нашихъ языкахъ огромное большинство глаголовъ, склоняется по падежамъ или переходитъ въ форму множественнаго числа огромное большинство существительныхъ. Таково, напримѣръ, спряженіе глаголовъ:

латинск.	desiderare	—	desider—are
французск.	désirer	—	désir—er
англійск.	wish	—	wish
нѣмецк.	wünschen	—	wünsch—en
русск.	желать	—	жела—ть

Основные группы звуковъ

desider— désir— wish— wünsch— жела—

проходить черезъ все спряженіе, не подвергавсь перемѣнѣ; перемѣняются лишь приставки.

Языки, въ которыхъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ производятся только этимъ способомъ, въ которыхъ корень слова не подвергается никакимъ перемѣнамъ, кромѣ немногихъ и незначительныхъ, требуемыхъ удобствомъ выговора, называются агглютинирующими, «приклеивающими» приставки къ основной части слова. Къ этому разряду принадлежитъ огромное большинство языковъ: всѣ туземные американскіе; всѣ извѣстные намъ туземные африканскіе; малайскіе (въ Полинезій и въ Азій), дравидскіе (въ Остѣ-Индіи); монголо-тюркскіе; финскіе; грузинскій, черкесскій, баскскій.

Въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ, есть, кромѣ этого агглютинирующаго, другой способъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ. Беремъ глаголы:

латин.	velle	х о т ѣ т ь.
франц.	vouloir	
англ.	will	
нѣмецк.	wollen	

Будемъ спрягать:

Латинск. неопредѣл. velle изъяснит. наст. единств. 1 л. volo 2 vis 3 vult.— Этого достаточно; мы ужь имѣемъ въ 4 формамъ 4 разные вида основной группы звуковъ.

vel—le, vol—o, vi—s, vul—t.

Французск. неопредѣл. vouloir. Изъявит. наст. единств. 1 л. veux. Будущее единств. 1 л. voudrai. Этого довольно; мы имѣемъ уже 3 видоизмѣненія основной группы звуковъ:

voul—oir, veu—x, vou—drai.

Англійскій неопред. will. Наст. единств. 1 лицо will; прошед. единств. 1 л. would (произносится wood); мы имѣемъ 2 видоизмѣненія основной группы звуковъ:

will, woul—d (произносится woo—d).

Нѣмецк. неопредѣл. wollen. Изъяв. наст. единств. 1 л. will; мы имѣемъ 2 видоизмѣненія основной группы:

woll—en, will ¹).

Языки въ которыхъ употребляется этотъ способъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ, называются флектирующими, видоизмѣняющими основную часть слова, проводимаго черезъ формы грамматическихъ измѣненій. Къ флектирующему разряду причисляются два семейства языковъ: наше (арійское) и семитическое.

Итакъ наши языки принадлежатъ къ флектирующему разряду. Изъ этого по принципу «мы лучше всѣхъ» само собою слѣдуетъ, что люди, говорящіе флектирующими языками, умнѣе всѣхъ другихъ, а изъ этого не менѣе ясно слѣдуетъ, что флектирующіе языки лучше всѣхъ другихъ. Агглютинирующіе языки ближе къ флектирующимъ по своему устройству, чѣмъ изолирующіе; изъ этого ясно, что имъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе надъ изолирующими. Такимъ образомъ получается безъ малѣйшаго затрудненія слѣдующая разсортировка языковъ и умственныхъ способностей народовъ по порядку восхожденія отъ плохого къ лучшему.

Изолирующіе языки даны природой тому отдѣлу человѣческаго рода, который скупо снабдила она умомъ. У этого отдѣла людей умъ очень, очень плохъ. Они вовсе не способны понимать связь между предметами или между предметомъ и его качествами, или связь въ ходѣ фактовъ. Какъ же возможно было бъ имъ понимать что-нибудь такое? Мышленіе и языкъ, это одно и то же. Все содержаніе мысли высказывается звуками словъ, которыми человѣкъ выражаетъ ее; чего нѣтъ въ его словахъ, того нѣтъ въ его мысли. Рѣчь людей говорящихъ изолирующими языками,—безсвязный рядъ словъ. И понятія, высказываемыя ею, безсвязно проходятъ одно за другимъ въ умѣ высказывающаго ихъ, какъ безсвязно слѣдуетъ слово за словомъ въ его рѣчи. Его слова собственно потому и безсвязны, что нѣтъ связи между понятіями въ его умѣ. Глупы, до удивительности глупы народы, говорящіе изолирующими языками.

Агглютинирующіе языки несравненно выше изолирующихъ: слова въ нихъ связаны приставками. Но приставки не срослись въ неразрывное цѣлое съ основ-

¹) Русскій глаголъ этого корня «ведѣть» имѣетъ агглютинирующее спряженіе; есть другой агглютинирующій глаголъ того же корня, вѣрнѣе сохранившій основное значеніе своего корня «из—вол—ить»; есть существительное «вол—я»; сравнивая эти слова, мы получаемъ двѣ русскія формы корня: «вель—» и «воль—».

ными частями словъ; слово агглютинирующаго языка дѣлится отчетливо обрисовывающимися чертами на тѣ части, изъ которыхъ склеено. Народы, говорящіе этими языками, получили отъ природы гораздо больше ума, чѣмъ народы, говорящіе изолирующими языками. Но приставки лишь слабо соединены съ основными частями словъ; изъ этого слѣдуетъ, что и связь между понятіями слаба въ мысляхъ народовъ, говорящихъ агглютинирующими языками. Эти народы не вовсе глупы, но слабы умомъ.

Только во флектирующихъ языкахъ связь между словами неразрывна, потому что грамматическая форма, связывающая слово съ другими словами, срослась въ неразрывное единство съ основной частью его; по технической терминологіи, перенесенной въ лингвистику изъ системъ нѣмецкой трансцендентальной философіи конца прошлаго вѣка и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго, это называется гармоническимъ сляніемъ формы съ содержаніемъ; содержаніе—то понятіе, которое обозначается основной частью слова; форма—грамматическое видоизмѣненіе этой основной части. Только народы, говорящіе флектирующими языками, способны мыслить хорошо; только они надѣлены сильнымъ умомъ.

Рѣчь на изолирующемъ языкѣ—безсвязная груда камней, рѣчь на агглютинирующемъ языкѣ—стѣна, сложенная изъ кирпичей, соединенныхъ известью, всѣ связи—особые отъ кирпичей слои; и кирпичъ легко отдѣляется отъ кирпича. Рѣчь на флектирующемъ языкѣ—нѣчто совсѣмъ иное; она органическое цѣлое, это ужъ не мертвая масса кусковъ мертваго матеріала, а зеленѣющее, цвѣтущее, дающее плоды дерево.

Это безпрепятственное шествіе торжествующаго мышленія флектирующихъ ученыхъ отъ произвольныхъ предположеній путемъ силлогизмовъ къ желаемому выводу напоминаетъ средневѣковую схоластику, съ которой и дѣйствительно имѣетъ очень близкое родство нѣмецкая трансцендентальная философія, давшая основные аргументы для изложенной нами теоріи отношеній между тремя разрядами языковъ: языками глухыхъ народовъ, не совсѣмъ глухыхъ, но и не умныхъ народовъ, и народовъ очень умныхъ: за истины, не подлежащія сомнѣнію, приняты фантастическія мысли о тождествѣ языка съ мышленіемъ, и вышли нелѣпые выводы: говорящій человѣкъ не можетъ оставлять безъ обозначенія звуками тѣ части своей мысли, которыя легко разгадывать по высказываемымъ частямъ; слушающій человѣкъ не можетъ угадать по высказанному ничего невысказаннаго: «мысль—языкъ; чего нѣтъ въ звукахъ языка, того нѣтъ въ мысли говорящаго, и не можетъ явиться въ мысли слушающаго»,—эта основа всей аргументаціи вымыселъ, несообразный съ фактами.

Мыслятъ ли глухонѣмые отъ рожденія, которыхъ не учили разгадывать слова по движеніямъ губъ? И тѣ глухонѣмые отъ рожденія, которые научены разгадывать слова по движеніямъ губъ, даже произносить слова,—слышать ли они звуки словъ, разгадываемыхъ ими по движеніямъ губъ и произносимыхъ ими?

Впрочемъ, теперь едва ли кто-нибудь изъ людей, пишущихъ о языкѣ, не знаетъ, что человѣкъ мыслить представленіями, что когда онъ мыслить посредствомъ словъ, онъ дѣлаетъ это по удобству замѣнять многосложное простымъ, но что подъ каждымъ словомъ, которое онъ мыслить, является въ его мышленіи представленіе, и слово лишь свидѣтельствуетъ ему, что являющееся ему представленіе ужъ было подробно разсматриваемо имъ много разъ, и что теперь нѣтъ надобности

тратить время на новое разсматриваніе этого представленія, можно смѣло и быстро пользоваться имъ, какъ ужъ хорошо знакомымъ; вѣроятно, каждому пишущему о языкѣ извѣстно теперь и то, что словами охватывается не все содержаніе представленій, а лишь доля его, и во многихъ случаяхъ эта доля—хотя и существенная—доля очень маленькая; что есть много представленій, содержаніе которыхъ не можетъ быть все исчерпано какимъ бы то ни было количествомъ словъ; таковы, напримѣръ, наши представленія о людяхъ, хорошо знакомыхъ намъ; или, другой примѣръ: можетъ ли быть вполне передано словами во всей своей подробности изображеніе фигуры, образуемой на картѣ линіею береговъ Пиренейскаго полуострова, нарисованнаго величиной только съ ладонь, не говоря объ изображеніи въ размѣрѣ болѣе значительномъ?—Хотя бы написать объ этой линіи десять толстыхъ томовъ, не достанетъ въ нихъ мѣста для отчетливой передачи всѣхъ подробностей ея.

Должно полагать, что эти понятія объ отношеніяхъ языка къ мышленію извѣстны всѣмъ пишущимъ о языкѣ и считаются каждымъ изъ нихъ за безспорныя, и что теорія, основанная на фантазіяхъ, несообразныхъ съ ними, повторяется лишь по недоразумѣнію.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій объ отношеніяхъ между изолирующими, агглютинирующими и флектирующими языками, которыя установлены спеціальными трудами великихъ лингвистовъ, а не заимствованы изъ несообразныхъ съ фактами фантазій трансцендентальной философіи Канта и ближайшихъ продолжателей его метафизическаго построенія воображаемой вселенной, ни мало непохожей ни на что существующее или могущее существовать въ дѣйствительности.

Изолирующіе языки состоятъ изъ словъ, не имѣющихъ никакой грамматической формы; слова этихъ языковъ можно уподобить такимъ группамъ звуковъ, напримѣръ, латинскаго языка, которые получаютъ черезъ отбрасываніе всѣхъ окончаній.

Въ латинскомъ языкѣ есть глаголъ, имѣющій, въ числѣ другихъ формъ своего спряженія, слѣдующія: *lego* (читаю), *legis* (читаешь), *legere* (читать). Сравнимъ эти формы

leg—o
leg—is
leg—ere

отбросимъ звуки, которыми онѣ отличаются одна отъ другой, оставимъ только общую всѣмъ имъ группу звуковъ:

leg—

это слово не будетъ имѣть никакой формы, будетъ слово безформенное.

Но пусть оно будетъ написано послѣ словъ *tu* (ты) и *nunc* (теперь), а за нимъ пусть слѣдуетъ слово *librum* (книгу)

tu nunc leg—*librum*
(ты теперь чита—книгу)

мудрено ли догадаться, какимъ окончаніемъ должно въ этомъ случаѣ пополнить безформенное слово *leg*—?

Изолирующие языки ставят слова безъ обозначенія связи только въ кон-струкціяхъ, подобныхъ этой.

Въ латинскомъ языкѣ мысль «ты видишь его» выражается словами *vides eum*. Глаголь *video* въ данномъ случаѣ требуетъ дополненія въ винительномъ падежѣ; слово *eum* поставлено въ винительномъ падежѣ, форма винительнаго падежа крѣпко связываетъ слово *eum* съ словомъ *video*.

Мысль: «приходишь къ нему» выражается на латинскомъ языкѣ словами *venis ad eum*. Глаголь *venio* въ данномъ случаѣ требуетъ, чтобы дополненіе было поставлено съ предлогомъ *ad*; слово *eum* поставлено съ предлогомъ *ad*. Спрашивается: связь между *venio* и *te* посредствомъ предлога *ad* въ выраженіи *venis ad eum* менѣе ли крѣпка, нежели непосредственная связь между *vides* и *eum* въ выраженіи *vides eum*?—Португальцы, испанцы, французы, итальянцы, нѣмцы, голландцы, англичане, датчане, шведы, племена нарѣчій литовскаго языка, славянскія племена, греки, альбанцы,—все нынѣшніе европейскіе арійцы давно рѣшили: связь посредствомъ предлоговъ и другихъ вспомогательныхъ словъ не менѣе крѣпка, чѣмъ непосредственная связь, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда грамматическія отношенія между словами не очень просты, она заслуживаетъ предпочтенія передъ непосредственной связью, будучи опредѣленнѣе и яснѣе. То же самое давно рѣшено армянами, персіянами, другими арійцами персидскаго семейства, и индійскими арійцами. Нѣтъ теперь ни одного арійскаго народа, грамматика котораго не свидѣтельствовала бы, что онъ считаетъ связь посредствомъ предлоговъ и другихъ вспомогательныхъ словъ не менѣе крѣпкой и болѣе опредѣлительной, чѣмъ непосредственное связываніе словъ формами, потому отдаетъ ей предпочтеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отношенія между словами не очень просты. Это значитъ: все нынѣшніе арійцы строятъ многосложныя выраженія по тому способу, по какому строятся они въ изолирующихъ языкахъ.

Въ агглютинирующихъ языкахъ основная группа звуковъ слова не измѣняется, проходя черезъ грамматическія формы, образуемая приставками. Мы ужъ видѣли, что въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ огромное большинство глаголовъ спрягается по этому способу, огромное большинство существительныхъ склоняется тоже этимъ способомъ.

Сравнимъ для примѣра первые четыре падежа турецкаго склоненія и одного изъ видовъ латинскаго втораго склоненія.

	Турецкое склоненіе.	Латинское 2 склоненіе.
Единств. Именит. падежъ	кюн (день)	<i>vir</i> (мужчина).
Родительн.	кюн—инъ	<i>vir—i</i>
Дательн.	кюн—я	<i>vir—o</i>
Винительн.	кюн—и	<i>vir—um</i>

Именительный падежъ въ обоихъ словахъ остается не имѣющимъ приставки;

изъ трехъ косвенныхъ падежей два въ томъ и другомъ языкѣ формируются приставкой гласнаго звука;

и одинъ изъ трехъ въ томъ и другомъ языкѣ образуется приставкой, состоящей изъ гласнаго звука и согласнаго звука; оба эти согласные звуки принадлежатъ одному фонетическому разряду; въ латинскомъ звукъ *m*, въ турецкомъ но-

совой звукъ, видоизмѣненіе звука *n*, родственнаго звуку *m*. Припомнимъ, что въ формахъ греческаго склоненія латинскому звуку *m* соотвѣтствуетъ звукъ *n* (напр. греческій винительный единственнаго числа *2* склоненія *on*—латинскому *m*).

Каковы же дѣйствительныя отношенія арійскихъ языковъ къ изолирующимъ и агглютинирующимъ?

Въ арійскихъ языкахъ есть безформенныя слова; ихъ довольно много даже въ латинскомъ; таковы въ немъ многія нарѣчія времени и мѣста, предлоги, союзы, междометія. Въ новыхъ европейскихъ арійскихъ языкахъ, такихъ словъ гораздо больше. Приведемъ два примѣра:

латинск. *de*, франц. *de*, англ. *of* (=другому тоже безформенному латинск. предлогу *ab*), нѣмецк. *von*, русск. *отъ*.

латинск. *et*, франц. *et*, англ. *and*, нѣмецк. *und*, русск. *и*.

Эти слова безформенныя, какъ слова изолирующихъ языковъ.

Во всѣхъ арійскихъ языкахъ есть случаи конструкціи, въ которыхъ связь между словами остается безъ всякаго обозначенія звуками. Такова, само собою разумѣется, конструкція безформенныхъ словъ. Въ латинской фразѣ *venis ad eum* («приходишь къ нему») слово *ad* связываетъ слова *venis* и *eum*; но само оно не имѣетъ обозначенія своей связи съ этими словами; беремъ два ряда латинскихъ словъ

venis ad eum (приходишь къ нему)
ab ad in (отъ къ въ)

Къ первой фразѣ слово *ad* очень крѣпко связано съ каждымъ изъ словъ, между которыми стоятъ; вторая фраза—совершенно безсвязный рядъ словъ; слово *ad* совершенно одинаково въ обоихъ рядахъ. Къ безсвязному ряду словъ *ab, ad, in* прибавимъ слова *sunt voces linguae latinae* (суть слова языка латинскаго = «это слова латинскаго языка»), будемъ имѣть фразу:

ab, ad, in sunt voces linguae latinae
(*ab, ad, in*—слова латинскаго языка).

Что такое *ab, ad, in* въ этомъ выраженіи?—Подлежащія. Что такое подлежащее въ языкахъ, имѣющихъ падежи?—именительный падежъ существительнаго. Итакъ, въ выраженіи *ab, ad, in sunt* и проч., предлоги *ab, ad, in* имѣютъ грамматическое значеніе существительныхъ, поставленныхъ въ именительномъ падежѣ. Мы видимъ, что вопросъ о томъ, какое грамматическое значеніе имѣетъ то или другое слово, опредѣляется конструкціею предложенія, а не формой слова даже въ латинскомъ языкѣ, въ которомъ владычество грамматическихъ формъ гораздо шире и тверже, чѣмъ въ новыхъ европейскихъ языкахъ арійскаго семейства. А когда такъ даже въ латинскомъ языкѣ, то не должно ли назвать смѣшными порицанія изолирующимъ языкамъ за то, что въ нихъ грамматическое значеніе словъ опредѣляется конструкціею выраженій?

А что окажется, если мы попробуемъ сосчитать, какова пропорція словъ безъ окончаній формъ въ нѣмецкой или французской живой рѣчи?—На письмѣ французская рѣчь богата словами, имѣющими опредѣленные грамматическія

формы; но этими формами ихъ снабжаетъ условная орѳографія, далекая отъ звуковъ живой рѣчи; французская орѳографія спрягаетъ, напримѣръ, глаголь *aimer* такъ, что неопредѣленное наклоненіе *aimer* рѣзко отличается отъ причастія *aimé*, а живая рѣчь не различаетъ этихъ формъ. Но чтобы не входить въ длинныя разсужденія, которыя были бы нужны для разъясненія правильности счета безформенныхъ словъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ живой французской рѣчи, оставимъ вопросъ о преобладающемъ характерѣ устройства этихъ языковъ, и сдѣлаемъ пробу счета безформенныхъ словъ въ англійскомъ языкѣ. Беремъ для примѣра два первые стиха національной англійской пѣсни и первую строфу сѣверо-американской національной пѣсни.

Англійская національная пѣсня начинается такъ:

Rule, Britania, the waves,
Britons never shall be slaves¹⁾.

Слова, принявшія какое нибудь грамматическое окончаніе, подчеркнуты; число ихъ—3; другія 6 словъ не имѣютъ никакой приставки, обозначающей грамматическую форму; они безформенны.

Начало американской пѣсни:

A Yankee boy is trim and tall
And never overfat, sir;
At dance and frolic, hop and ball
As nimble as a rat, sir.
Yankee doodle, guard your coast,
Yankee doodle dandy.
Fear not then, nor threat, nor boast,
Yankee doodle dandy²⁾.

Изъ 42 словъ только одно (*is*, «есть») имѣетъ опредѣленную грамматическую форму; всѣ остальные безформенны.—Такіе случаи не очень часты; но разверните любую англійскую книгу, вы увидите длинные ряды безформенныхъ словъ, перерываемые маленькими группами словъ, имѣющихъ какую нибудь приставку для опредѣленія формы, или только одинокими такими словами.

Англійскій языкъ остается флектирующимъ; но онъ далъ очень широкое владычество опредѣленію отношеній между словами конструкціей рѣчи и вспомогательными словами; потому для него достаточно очень небольшое число разныхъ грамматическихъ окончаній, и большинство словъ въ рѣчи не имѣетъ надобности

¹⁾ «Владычествуй, Британія, на моряхъ; не будутъ никогда рабами британцы».— Эта пѣсня возникла въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда угрожало Англии пораженіе иноземцами, возбуждавшими мятежи, чтобы подъ предлогомъ помощи инсургентамъ наложить ярмо на всю націю, одинаково и на инсургентовъ и на ихъ противниковъ.

²⁾ «Янки—стройный, высокій парень, не жирный; на весельѣ, въ танцахъ на праздникѣ, онъ проворенъ, какъ мышенокъ.

«Янки щеголь-ротозѣй, стереги свой берегъ, и тогда не бойся, и не грози, и не хвались, Янки щеголь-ротозѣй».

Эта пѣсня появилась, когда сѣвероамериканскимъ колоніямъ, еще составлявшимъ часть англійскаго государства, угрожало съ моря нападеніе иноземцевъ, воевавшихъ съ англичанами.

принимать какуюнибудь приставку для связи съ другими: связь и безъ того достаточно ясна.

Мы видѣли, что въ изолирующихъ языкахъ есть два способа конструкціи: по одному, безформенныя слова ставятся рядомъ безъ обозначенія связи между ними; по другому, связь обозначается вспомогательными словами; агглютинирующие языки употребляютъ оба эти способа конструкціи, но имѣютъ кромѣ нихъ третій способъ, состоящій въ томъ, что связь между словами обозначается приставками къ словамъ, грамматическими формами, безъ посредства вспомогательныхъ словъ; всѣ эти три способа употребляютъ и флектирующие языки: одинаково съ агглютинирующими, они или ставятъ безформенныя слова рядомъ, не обозначая ничѣмъ связь между ними, или обозначаютъ ее вспомогательными словами, или обозначаютъ ее грамматическими формами. Кромѣ этихъ трехъ способовъ конструкціи, флектирующие языки не имѣютъ никакого другого. Такимъ образомъ, по своему синтаксису они не представляютъ никакой существенной разницы отъ агглютинирующихъ языковъ.

Но въ этимологiи у нихъ есть особенность очень важная. Агглютинаціонный способъ производства формъ, оставляющій основную группу звуковъ слова неизмѣнной, преобладаетъ и въ арійскихъ языкахъ. Но есть въ нихъ другой способъ производства формъ—подвергающій видоизмѣненіямъ основную группу звуковъ. Примѣромъ очень широкаго примѣненія этого способа можетъ служить нѣмецкій корень, имѣющій въ неопредѣленномъ наклоненіи произведеннаго отъ него глагола форму *werf-en*; въ этой формѣ основная часть слова *werf*; приставка, образующая форму—*en*. Проходя по разнымъ формамъ, основная часть мѣняетъ свой гласный звукъ въ такомъ размѣрѣ разнообразія, что принимаетъ поочередно всѣ основныя гласныя нѣмецкаго языка.

(*ich*) *warf* прошедш. изъявнт. (я бросилъ).

(*ich*) *werf* настоящ. изъявнт. (я бросаю).

wirf 2 единст. изъявнт. (брось).

ge-worf-en прошедш. причаст. (брошенъ).

(*der*) *wurf* существительное (бросокъ).

Этотъ способъ производства формъ есть во всѣхъ арійскихъ языкахъ. На основаніи употребленія его въ нихъ и дано имъ названіе флектирующихъ, «видоизмѣняющихъ» корень.

Къ флектирующему разряду принадлежатъ только два семейства языковъ: арійское и семитическое. Разница между ними очень велика и по размѣру и по характеру примѣненія флектирующаго способа.

Въ арійскихъ языкахъ корень имѣетъ коренную гласную; она въ нѣкоторыхъ формахъ производства замѣняется другой; но сравнивая формы корня въ разныхъ языкахъ, мы вообще можемъ опредѣлить, какую гласную должно считать основной.

Притомъ, въ арійскихъ языкахъ преобладаетъ агглютинирующій способъ производства формъ; флектирующій является исключеніемъ даже въ тѣхъ изъ арійскихъ языковъ, которые даютъ ему наиболѣе широкое примѣненіе, какъ на примѣръ, нѣмецкій.

По флектирующему способу спрягаются въ нѣмецкомъ языкѣ лишь съ небольшимъ 20 простыхъ глаголовъ; (и разумѣется, сдѣланные изъ нихъ сложные

съ предлогами); всѣ остальные нѣмецкіе глаголы спрягаются по агглютинирующему способу.

Совсѣмъ не то въ семитическомъ семействѣ языковъ. Въ немъ всѣ корни склоняемыхъ или спрягаемыхъ словъ, всѣ корни существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ—видоизмѣняются по флектирующему способу; очень широкое употребленіе въ немъ имѣеть и агглютинирующій способъ, но служить лишь второстепеннымъ пополненіемъ къ флектирующему. Корень принимаетъ одну изъ формъ флектированія; къ этой формѣ дѣлаются приставки; каждый корень проходитъ черезъ многія формы флектированія; каждая изъ этихъ формъ имѣеть опредѣленное грамматическое значеніе. Корень безъ флектированія не только не употребляется, но и не можетъ быть произнесенъ, потому что самъ по себѣ не имѣеть никакой гласной, состоитъ только изъ согласныхъ. Вообще, онъ состоитъ изъ трехъ согласныхъ; если онъ имѣеть только двѣ согласныя, это значить, по мнѣнію специалистовъ, что одна изъ трехъ буквъ корня слилась съ другой; сравненіемъ формъ и корней находятъ исчезнувшую согласную, восстанавливаютъ первобытный трехбуквенный корень. Такъ дѣлають они даже съ немногими однобуквенными корнями (не многихъ безформенныхъ словъ); они находятъ обѣ исчезнувшія буквы (и подводятъ безформенное слово подъ одну изъ формъ трехбуквенныхъ корней, находя, что его безформенность лишь кажущаяся, что на самомъ дѣлѣ оно—слитный видъ одной изъ формъ трехбуквеннаго корня).

Это строеніе языка такъ несходно съ нашимъ арійскимъ, что семитическая этимологія производитъ на арійцевъ впечатлѣніе очень странное. Этимологія агглютинирующихъ языковъ кажется намъ съ самаго начала нашего знакомства натуральной, ясной, мы не видимъ въ ней ничего непривычнаго; семитическая этимологія представляется намъ ненатуральной, пока мы не привыкнемъ къ ней. Чтобы дать понятіе о ней, разберемъ производство именъ Ахмедъ, Махмудъ, Мухамедъ. Корень ихъ хмд.

Между этими согласными вставляются гласныя, вторая или третья изъ трехъ согласныхъ удваивается, передъ первой или послѣ послѣдней изъ нихъ ставятся гласныя или группы согласныхъ и гласныхъ,—и получается множество разныхъ формъ корня. Въ числѣ ихъ находятся:

Х	а	М	Д	(хамд; существит. «хвала»).		
Х	а	М	а	Д	а	(хамада; 3 лица мужск. рода единст. прошедш. «онъ хвалилъ»).
а	Х	М	а	Д	(ахмадъ—Ахмедъ; превосходная степень прилагательнаго («прехвальный»)).	
ма	Х	М	у	Д	(махмудъ; причастіе «хвалимый»).	
му	Х	а	ММ	а	Д	(мухаммад—мухаммедъ; другое причастіе; («восхваленный»)).

Звуки, а, ма, му, предшествующіе звуку Х, не предлоги, какъ мы могли бы подумать по нашей арійской этимологіи; это лишь части формъ словъ, какъ тѣ гласные звуки, которые вставлены между согласными корня.

Существительныя, прилагательныя, причастія, полученные этимъ способомъ, склоняются по падежамъ единственнаго числа агглютинирующимъ способомъ; множе-

ственное число производится отъ нѣкоторыхъ формъ единственнаго тоже агглютинирующимъ способомъ; но отъ другихъ—флектирующимъ, и въ такихъ случаяхъ множественное вовсе не похоже формой на единственное.

Основные формы глагола въ изъявительномъ наклоненіи спрягаются по лицамъ, родамъ и числамъ агглютинирующимъ способомъ.

Напримѣръ:

Существ. именит. единств. Хамду (хвала).

родительн. Хамда (хвалы).

Глаголь прошедш. од. 3 лица муж. рода хамада (онъ хвалилъ)

женск. рода хамада (она хвалила ¹).

Наши арійскіе языки принадлежатъ къ одному разряду съ семитическими, потому что подобно имъ употребляютъ флектирующій способъ образованія формъ, чуждый агглютинирующимъ языкамъ. Но онъ получилъ въ семитическихъ языкахъ такое развитіе, что разница между ними и нашими языками несравненно рѣзче и шире, нежели между нашими и агглютинирующими. Такъ одинъ братъ можетъ менѣе походить на другого брата, чѣмъ на дальняго родственника.

Прежде полагали, что языки не переходятъ изъ одного разряда въ другой, что напримѣръ, агглютинирующій языкъ съ самаго своего возникновенія былъ агглютинирующимъ и никогда не можетъ стать флектирующимъ.

Теперь доказано, что всѣ агглютинирующіе языки были нѣкогда изолирующими, агглютинація—лишь результатъ постепеннаго подведенія всногогательнаго слова подъ одно удареніе съ главнымъ словомъ и сокращенія вспомогаельнаго слова подъ вліяніемъ того, что при подведеніи его подъ одно удареніе съ главнымъ словомъ, оно начинаетъ произноситься болѣе слабымъ голосомъ и нѣкоторые изъ его звуковъ исчезаютъ.

Исторія семитическихъ языковъ еще не разъяснена настолько, чтобы видно было, какимъ путемъ развились въ нихъ тотъ характеръ производства формъ, который господствуетъ теперь; въ древнѣйшихъ памятникахъ *этихъ* языковъ они ужь имѣютъ такой же характеръ, какъ нынѣ. Всѣ они очень близки между собою; разница между ними едва ли болѣе велика, чѣмъ между нѣмецкимъ и голландскимъ, или датскимъ и шведскимъ.

Наши, арійскіе языки, раздѣлены теперь на нѣсколько группъ, каждая изъ которыхъ ужь далека отъ другихъ. Но нѣкогда всѣ эти группы были только нарѣчійми одного языка. Мы не имѣемъ памятниковъ первобытнаго арійскаго языка. Но по сравненію корней и формъ произошедшихъ отъ него языковъ мы видимъ, что нѣкогда онъ былъ изолирующимъ, мало по малу сталъ агглютинирующимъ, и что возникновеніе флектирующаго способа производства формъ въ немъ—явленіе періода, сравнительно ужь очень поздняго.

Въ новыхъ арійскихъ языкахъ этотъ способъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе: глаголы флектирующаго спряженія или замѣняются глаголами агглютинирующаго спряженія, или сами переходятъ въ это спряженіе; агглютинація, всегда

¹ Разница формы 3 лица женск. рода отъ 3 лица муж. рода будетъ яснѣе, если мы скажемъ, что въ концѣ женской формы стоитъ буква, означающая легкое придыханіе, что звукъ а сливаясь съ этимъ придыханіемъ становится глубокъ и протяженъ. Латинскимъ алфавитомъ это можно написать такъ: chamada, chamadāh.

сохранявшая въ арійскихъ языкахъ преобладаніе надъ флектированіемъ, начинаетъ вытѣснять его. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается пропорція словъ, являющихся въ конструкціи рѣчи безформенными; въ этомъ направленіи ужь очень далеко пошли два изъ главныхъ нынѣшнихъ языковъ арійскаго семейства, французскій, въ живой рѣчи, отбросившей множество изъ тѣхъ формъ, которыя еще удерживаются на бумагѣ правописаніемъ; и англійскій, не только въ живой рѣчи, но и на письмѣ.

Когда было устанавлено распредѣленіе языковъ на изолирующіе, агглютинирующіе и флектирующіе, лингвисты восхищались флектированіемъ корней въ арійскихъ языкахъ. Многіе и до сихъ поръ говорятъ объ этой особенноти ихъ съ восторгомъ. Хорошъ или вѣтъ флектирующій способъ образованія грамматическихъ формъ самъ по себѣ, объ этомъ можно думать какъ кому нравится. Это будетъ вопросъ, подобный тому, блондины или брюнеты красивѣй; когда объ ихъ красотѣ разсуждаютъ дѣвицы, разговоръ бываетъ очень занимателенъ для ведущихъ его дѣвицъ и можетъ, какъ гимнастика юныхъ умовъ, заслуживать одобреніе людей солидныхъ лѣтъ, если сами дѣвицы помнятъ, что вопросъ, разрѣшаемый ими, нѣсколько глуповатъ. Но никто изъ постороннихъ людей не могъ бы одобрить этихъ дѣвицъ, еслибъ онѣ вздумали восхищаться, напримѣръ, какъ брюнетомъ, человѣкомъ, у котораго между русскихъ волосъ расцѣтъ клокъ темно-каштановыхъ. Дѣвицы едва ли когда впадаютъ въ такія ошибки сужденій. Но почтенные люди, которые превозносятъ арійскіе языки за флектированіе корней, восхищаются тѣмъ, что арійская этимологія представляетъ нѣчто подобное волосамъ того человѣка, у котораго на фонѣ одного цвѣта выросъ клокъ другого цвѣта.

Въ семитическихъ языкахъ всѣ корни флектируются, и всѣ флектируются по одному и тому же порядку флектированія. Всякое арабское слово, имѣющее форму хамдъ, то есть, по арабской схематикѣ форму

1 а 2 3

— существительное имя; всякое слово, имѣющее форму махмудъ, то есть по арабской схематикѣ форму

ма 1 2 у 3

— причастіе страдательнаго залога; такимъ образомъ никакой путаницы не происходитъ. То ли въ арійскихъ языкахъ? Беремъ для примѣра нѣмецкій. Въ немъ находится, какъ мы говорили, около 200 флектирующихся глаголовъ. Имѣютъ ли они какую нибудь опредѣленную гласную для образованія неопредѣленнаго наклоненія? Просматривайте ихъ списокъ, вы увидите, что ихъ корни въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія представляютъ всѣ пять чистыхъ, всѣ три смягченныхъ гласныхъ звуковъ нѣмецкаго языка и всѣ двугласныя, какія есть въ немъ; напримѣръ:

A	back—en
Ae	gähren
E	geb—en
I	bind—en
O	komm—en

Oo	könn—en
U	ruf—en
Ue	müss—en
Au	hau—en

и т. д. достаточно и этого.

Понятно, что путанница формъ была бы велика, еслибы и каждый классъ этихъ глаголовъ флектировался по одному опредѣленному порядку; но нѣтъ и этого ограниченія путанницы: въ каждомъ классѣ соединены глаголы, флектирующіеся по разнымъ порядкамъ. Въ нѣмецкомъ спряженіи три основныя формы: неопредѣленное наклоненіе, 1 лицо единств. числа прошедшаго времени изъяснительнаго наклоненія, и прошедшее причастіе. Беремъ для примѣра тотъ классъ флектирующихъ глаголовъ, которые имѣютъ въ неопредѣленномъ наклоненіи букву е. Ихъ насчитывается около пятидесяти. Посмотримъ, какія формы имѣютъ въ нихъ прошедшее и причастіе.‡

Неопредѣленное наклон.	Прошедшее время.	Прошедшее причастіе
berg—en	barg	ge—borg—en
fecht—en	focht	ge—focht—en
fress—en	frass	ge—fresse—en

Итакъ, вотъ три разные пути флектированія глаголовъ, имѣющихъ въ неопредѣленномъ гласную е. Кромѣ глаголовъ, расходящихся по этимъ тремъ путямъ, есть въ томъ же разрядѣ нѣсколько глаголовъ, у которыхъ флектирующія формы перепутаны съ агглютинирующими, какъ на примѣрѣ:

brenn—en brann—te ge—brannt

и къ довершенію восторга ученыхъ, восхищающихся флектированіемъ корней въ арійскихъ языкахъ, тотъ же разрядъ представляетъ такія диковинки:

denk—en dach—te ge—dacht
geh—en ging ge—gang—en
steh—en stand ge—stand—en.

Припомнимъ, что кромѣ флектирующихъ глаголовъ находится въ нѣмецкомъ языкѣ множество глаголовъ, имѣющихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи видъ совершенно сходный съ флектирующими, но спрягающихся исключительно агглютинирующимся способомъ; прибавимъ, что есть множество всяческихъ другихъ словъ — существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій, даже предлоговъ и союзовъ, имѣющихъ совершенно такой же видъ, какъ та или другая форма флектирующихъ глаголовъ, и мы получимъ приблизительное представленіе о путаницѣ, какую производятъ въ нѣмецкомъ языкѣ флектирующіе глаголы и производныя отъ нихъ всяческими несообразными одна съ другой постановками гласныхъ флектированныя существительныя. Но всякое представленіе объ этой безтолочи, не разъясненное попытками разобрать ее, будетъ слишкомъ слабо срав-

нительно съ тѣмъ, что мы увидимъ, когда возьмемъ нѣмецкую книгу и начнемъ разбирать по клѣткамъ формъ читаемыя нами въ ней слова. Мы получимъ результаты, способные повергнуть впечатлительнаго человѣка въ отчаяніе. Напримеръ, каждая изъ простыхъ формъ спряженія раздробится по нѣсколькимъ десяткамъ клѣтокъ, и въ однѣхъ клѣткахъ съ прошедшими или настоящими временами, или повелительными, или неопредѣленными наклоненіями лягутъ именительные и всякіе другіе падежи существительныхъ, сказуемыя формы прилагательныхъ и пр. и пр. Это нѣчто гораздо худшее, нежели совершенная безформенность словъ изолирующихъ языковъ; это нельзя назвать иначе, какъ этимологическимъ хаосомъ. Почти то же самое въ англійскомъ языкѣ, въ которомъ почти столько же флектирующихъ глаголовъ, какъ въ нѣмецкомъ. Перешедши къ французскому языку, увидимъ то же самое, но если можно такъ выразиться, въ удвоенной степени хаотичности: кромѣ той путаницы, которую производятъ собственно французскія формы флектированія, второй комплектъ безтолочи влагается въ этотъ хаосъ уцѣлѣвшими клочками флектированія не по французскому способу, а по латинскому.

Не слѣдуетъ придавать чрезмѣрной важности элементу безтолковщины, внесенному флектированіемъ въ устройство нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ. Не въ томъ главное дѣло, каковы формы языка, а въ томъ, каково умственное состояніе народа, говорящаго языкомъ. Есть ирландское преданіе, что жилъ на свѣтѣ такой сильный герой, который убивалъ медвѣдя соломиною ¹⁾. На самомъ дѣлѣ такихъ исполиновъ не бываетъ; но дѣйствительно человѣкъ сильный можетъ производить большую массу тяжелой работы орудіями, которыми не сдвинуть съ мѣста ничего тяжелого слабые люди, и хорошій мастеръ можетъ выдѣлывать изящныя вещи орудіями очень грубыми. Если бы языки передовыхъ народовъ были послѣдовательнѣе въ дѣлѣ образованія грамматическихъ формъ, эти языки были бы болѣе удобными орудіями правильной рѣчи. Такъ; но и при нынѣшнемъ состояніи своихъ языковъ, очень неудовлетворительномъ съ этимологической точки зрѣнія передовые народы говорятъ и пишутъ очень хорошо.

Кто не хочетъ изобрѣтать или повторять вздора о характерѣ языковъ, долженъ ограничивать свои сужденія объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ высказываніемъ справедливой мысли, что гибокъ, богатъ и при всѣхъ своихъ несовершенствахъ прекрасенъ языкъ каждаго народа, умственная жизнь котораго достигла высокаго развитія.

Классификація языковъ на первой своей ступени подразличенія, распредѣляющей ихъ на три разряда по грамматическому строенію, имѣетъ только техническое спеціальное значеніе. Для исторіи народовъ эта группировка не представляетъ никакой дѣйствительной важности, и мы говорили о ней такъ много только потому, что наше арійское самохвалство сдѣлало ее подкладкой для пустыхъ панегириковъ необыкновенному уму нашего арійскаго семейства и для клеветы въ униженіи народовъ, говорящихъ нефлектирующими языками.

Разряды языковъ мало совпадаютъ съ дѣленіемъ людей по расамъ: изолирующими языками говоритъ только часть желтой расы; къ народамъ, говоря-

¹⁾ Вмѣсто стрѣлы онъ клалъ на тетиву соломину. Лукъ былъ такъ крѣпокъ, что соломина летѣла съ силой убивавшей медвѣдя.

щимъ агглютинирующими языками, принадлежитъ часть желтой расы, краснокожая и малайская расы (если считать ихъ не видоизмѣненіями желтой, а коренными расами), черная раса (насколько извѣстны ея языки) и нѣкоторые отдѣлы бѣлой расы. Впрочемъ эти отдѣлы бѣлой расы не многолюдны, и огромное большинство ея говоритъ флектирующими языками. Слѣдующую степень подраздѣленія людей по языку образуетъ классификація ихъ по семействамъ языковъ, соединяющая въ одну группу тѣ языки, въ которыхъ корни словъ одинаковы. Эти группы ужь имѣютъ довольно низкое соотвѣтствіе съ исторической жизнью.

Изъ двухъ семействъ народовъ, говорящихъ флектирующими языками, одно, семитическое, вѣроятно должно признать еще составляющимъ такую группу людей, всѣ члены которой могутъ узнавать по языку, что они болѣе родственны между собою, чѣмъ съ другими людьми бѣлой расы.

Для народовъ арійскаго семейства это время давно прошло. Не только бенгалець и французъ, но даже нѣмецъ и французъ или славянинъ не могутъ замѣтить никакого родства между своими языками, если не знаютъ о немъ изъ ученыхъ изслѣдованій; это было такъ ужь и въ древнѣйшую изъ эпохъ, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя памятники арійскихъ языковъ европейской отрасли: римляне не замѣчали родства кельтскаго и германскаго языковъ съ латинскимъ. Греки не видѣли родства илларійскаго языка съ греческимъ. Исключеніемъ кажется было отношеніе между италійскими нарѣчіями и греческимъ языкомъ: у грековъ и италійцевъ возникло много разказовъ о переселеніи грековъ въ тѣ части Италіи, въ которыхъ народъ говоритъ италійскими нарѣчіями, и эти нарѣчія считались видоизмѣненіями эолійскаго діалекта, сильно испортившагося въ Италіи отъ вліянія прежнихъ туземныхъ языковъ, которые въ послѣдствіи вытѣснили оныя. Но разсужденія греческихъ и латинскихъ писателей о родствѣ италійскихъ нарѣчій съ греческимъ языкомъ имѣютъ очень сбивчивый характеръ.

Ограничиваясь отношеніями между арійскими языками, мы видимъ на слѣдующей ступени подраздѣленія уже группы народовъ, въ каждой изъ которыхъ люди замѣчаютъ по языку свое родство и могутъ легко научиться понимать другъ друга. Таковы въ Европѣ романская, нѣмецкая и славянская группы языковъ. Неаполитанецъ и сѣверный французъ не понимаютъ другъ друга, но замѣчаютъ, что ихъ языки болѣе родственны между собою, чѣмъ съ нѣмецкимъ или какимъ нибудь изъ славянскихъ. Если мы предположимъ, что, поселившись въ Германіи неаполитанецъ привыкнетъ хорошо понимать нѣмцевъ и самъ хотя неправильно, но легко говорить по-нѣмецки въ продолженіе года, то мы должны предположить, что ему достаточно будетъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, чтобы въ такой же степени усвоить собѣ французскій языкъ, если оныя поселится въ сѣверной Франціи. Съ провансальскимъ нарѣчіемъ французскаго языка оныя свыкънется еще скорѣе. Съ довольно давняго времени у нѣкоторой части образованнаго общества каждаго изъ романскихъ, нѣмецкихъ (кромя англійскаго) и славянскихъ народовъ существуютъ смутныя мысли, что оныя и другіе народы его частной группы европейскихъ языковъ должны дѣйствовать какъ одно народное цѣлое. Будучи возведены въ теорію, эти мысли получаютъ названіе панроманизма, пангерманизма, панславизма. Если наша работа пойдетъ какъ должно, то въ одномъ изъ отдѣловъ ея мы разсмотримъ, какое отношеніе къ потребностямъ и дѣйствительнымъ стремленіямъ народовъ имѣютъ эти теоріи.

На слѣдующей ступени подразличенія мы видимъ уже тѣ группы людей, которыя называются народами. Обыкновенная группировка народовъ романскаго и германскаго отдѣловъ арійскаго населенія Европы такова:

РОМАНСКАЯ ГРУППА.

Португалцы, испанцы. Сѣверо-западная галисійская часть испанцевъ гораздо ближе по языку къ португалцамъ, нежели къ другимъ частямъ испанскаго народа; но историческая связь внушаетъ этому отдѣлу населенія испанскаго государства мысль, что онъ часть испанскаго народа, а португалцы — народъ чужой ему. Литература у галисійцевъ общая съ другими испанцами.

Французы. Сѣверо-восточная (каталонская) часть испанскаго народа ближе по языку къ сосѣднимъ французамъ, чѣмъ къ другимъ испанцамъ. Но историческая связь и тутъ производитъ такое же дѣйствіе, какъ въ сѣверо-западномъ углу испанскаго государства. Литература у каталонцевъ тоже общая съ другими испанцами.

Итальянцы. Сицильянцы съ трудомъ понимаютъ жителей средней Италіи и едва ли могутъ хорошо понимать піэмонтецевъ раньше, чѣмъ проживуть съ ними недѣли двѣ. Но литературное единство дѣлаетъ сицильянцевъ и піэмонтецевъ одинаково горячими приверженцами государственнаго единства всей Италіи. Общихъ историческихъ воспоминаній они имѣютъ очень мало; со времени паденія Римской имперіи до недавняго объединенія Италіи, исторія Сициліи шла совершенно особо отъ исторіи Піэмонты, Ломбардіи, Венеціи, даже Тосканы. Съ ходомъ дѣлъ въ Римѣ исторія Сициліи имѣла связь, но лишь временами. Собственно говоря, въ тѣсной исторической связи Сицилія постоянно была только съ южной Италіей.

Ладивы, живущіе въ Граубюнденѣ, говорятъ языкомъ, близкимъ къ итальянскому, но не считаютъ себя итальянцами.

Румыны (точнѣе: романы). Въ румынскомъ языкѣ очень велика примѣсь славянскихъ словъ; но онъ не меньше испанскаго или французскаго имѣетъ право быть причисляемъ къ романскимъ языкамъ, какъ и причисляютъ его сами румыны.

ГЕРМАНСКАЯ ГРУППА.

Нѣмцы. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ сосѣднихъ съ нѣмцами народовъ стали очень горячо говорить о томъ, что населеніе нѣкоторыхъ областей сѣверной Германіи не понимаетъ языка нѣкоторыхъ областей южной Германіи. Разница между этими частями нѣмецкаго народа по языку никакъ не больше, чѣмъ между норманцами и провансалами, или тосканцами и сицилійцами. Мекленбургцы и шварцвальдскіе швабы считаютъ себя однимъ народомъ, хотя принадлежать къ составу одного государства, имѣютъ одну литературу; этого достаточно для того, чтобы признавать ихъ дѣйствительно людьми одного народа.

У тѣхъ же сосѣднихъ съ нѣмцами народовъ идутъ горячія разсужденія и о томъ, что люди, составляющіе большинство нѣмецкаго населенія сѣверо-восточной Германіи, не нѣмцы по происхожденію, а только онѣмеченные славяне. Кто такіе

эти люди по своему происхождению, славяне или абиссинцы, или сямцы, все равно: теперь они такие же чистые нѣмцы, какъ швабы.

Голландцы. По своему языку голландцы гораздо ближе къ соеѣднымъ нѣмцамъ, нежели эти нѣмцы къ швабамъ. Голландскій языкъ съ филологической точки зрѣнія лишь одно изъ нарѣчій ниже-нѣмецкаго языка. Но у голландцевъ своя особая литература, родство которой съ нѣмецкой никакъ не больше, чѣмъ съ французской; голландцы считаютъ себя особымъ народомъ, хотя остаются государствомъ особымъ отъ Германіи. Потому въ историческомъ и во всякомъ другомъ реальномъ смыслѣ они народъ отдѣльный отъ нѣмцевъ.

Англичане. Съ филологической точки зрѣнія англійскій языкъ тоже только одно изъ нарѣчій ниже-нѣмецкаго языка, принявшее въ свой словарь громадную массу словъ норманскаго нарѣчія французскаго языка, но сохранившее ниже-нѣмецкій характеръ въ своемъ грамматическомъ строѣ. Должно однако же прибавить, что фонетика англо-саксонскаго нарѣчія очень сильно измѣнилась при переходѣ его въ нынѣшній англійскій языкъ, и потому этотъ языкъ точно также не понятенъ нѣмцамъ, какъ французскій или итальянскій. Его близкое родство съ нѣмецкимъ имѣетъ значеніе только для людей занимающихся лингвистикой; въ дѣйствительной жизни оно утратило всякое значеніе.

Въ Ирландіи считается очень мало людей, говорящихъ по-ирландски; это лишь старики и старухи нѣкоторыхъ особенно глухихъ мѣстностей. Черезъ двадцать лѣтъ не останется въ Ирландіи людей, знающихъ ирландскій языкъ, кромѣ специалистовъ, которые изучаютъ его по книгамъ. Газеты ирландской національной партіи пишутся чистымъ англійскимъ языкомъ. Рѣчи въ національныхъ митингахъ говорятся на англійскомъ языкѣ. Ирландское нарѣчіе его отлпчается отъ языка лондонцевъ только особенностями выговора, такими же маловажными, какъ особенности нарѣчія нортмберлэндскаго или йоркскаго графствъ.

Датчане, норвежцы, шведы. Языки этихъ народовъ гораздо ближе между собою, чѣмъ къ другимъ германскимъ языкамъ и потому составляютъ особый отдѣлъ германской группы, называемый скандинавскимъ. Есть во всѣхъ трехъ скандинавскихъ народахъ люди, желающіе, чтобы они соединились въ одно государство; но кажется, этотъ панскандинавизмъ ненавѣстенъ массѣ каждаго изъ трехъ народовъ, соединенія которыхъ желаютъ панскандинавы.

Норвегія очень долго была соединена съ Даніей подъ властью одного короля; датчане были въ тѣ времена болѣе цивилизованы, чѣмъ норвежцы; подъ двойнымъ вліяніемъ правительства и литературы норвежскій языкъ замѣнился въ городахъ и большихъ селеніяхъ датскимъ, такъ что уцѣлѣлъ только въ глухихъ, малолюдныхъ мѣстностяхъ. Теперь есть въ Норвегіи люди, желающіе возстановить преобладаніе норвежскаго языка въ его родной странѣ, но масса норвежцевъ кажется нерасположенной покинуть датскій языкъ, ставшій роднымъ для нея, и учиться забытому прежнему языку.

Въ Исландіи люди продолжаютъ говорить почти безъ всякой перемѣны тѣмъ языкомъ, какимъ говорили ихъ предки норвежцы, переселившіеся въ Исландію. Всѣ три скандинавскіе языка были тогда очень близки одинъ къ другому, такъ что нынѣшнее исландское нарѣчіе кажется и датчанину и шведу старой формой его языка.

Въ лингвистическомъ смыслѣ народъ составляютъ всѣ люди, говорящіе однимъ языкомъ.

Географическій смыслъ слова «народъ» не вполне совпадаетъ съ лингвистическимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ разница очень велика.

Подъ словомъ «народъ» при классификаціи людей по географическимъ группамъ понимается масса людей, говорящихъ однимъ языкомъ и живущихъ вмѣстѣ, такъ что пространство, населенное ими, или вовсе не имѣетъ постоянныхъ жителей, говорящихъ не на ихъ языкѣ или по крайней мѣрѣ эти люди по ихъ языку образуютъ лишь незначительную пропорцію общаго населенія страны. Такъ напримѣръ испанскимъ народомъ въ точномъ географическомъ смыслѣ слова называютъ говорящее на испанскомъ языкѣ населеніе Испаніи, та часть Испаніи, въ которой большинство населенія говоритъ на баскскомъ языкѣ, не принадлежитъ къ странѣ испанскаго народа, хотя составляетъ часть Испаніи въ государственномъ смыслѣ слова. Кромѣ тѣхъ людей испанской народности, которые живутъ въ Испаніи, есть довольно большое число испанцевъ, живущихъ въ странахъ другихъ народовъ, напримѣръ въ Англии. Пока они продолжаютъ говорить испанскимъ языкомъ, они остаются въ лингвистическомъ смыслѣ слова испанцами. Но когда мы употребляемъ слово «народъ» не въ лингвистическомъ, а въ географическомъ смыслѣ, мы должны сказать, что эти испанцы перестали принадлежать къ составу испанскаго народа, со времени своего переселенія изъ Испаніи въ страну чужого народа. Такіе переселенцы вообще сохраняютъ симпатію къ своей родной странѣ, обыкновенно желаютъ участвовать въ ея жизни, до нѣкоторой степени и участвуютъ, напримѣръ читаютъ испанскія книги и если могутъ то испанскія газеты, предпочитаютъ имѣть дѣла съ испанскими торговыми центрами, на сколько это не представляетъ особенныхъ затрудненій и денежныхъ невыгодъ, стараются помогать дѣламъ, какія имѣетъ ихъ родной народъ съ народомъ, между которымъ живутъ они, даже отправляются волонтерами въ испанскія войска, когда Испаніи угрожаетъ большая военная опасность. Но все это лишь нѣкоторые остатки прежней полной связи съ исторической жизнью родной страны. Связь уже стала очень не полна съ самаго времени переселенія въ страну чужого народа, постоянно слабѣетъ и, вообще говоря, черезъ нѣсколько поколѣній исчезнетъ совершенно; это относится къ переселенцамъ, живущимъ въ чужой странѣ маленькими группами, какъ испанцы въ Англии. Если масса переселенцевъ въ одну мѣстность чужой земли велика и они образуютъ въ ней единственное или совершенно преобладающее населеніе, то могутъ неопредѣленно долгое время сохранять тотъ языкъ, съ какимъ перешли изъ родной страны въ чужую; новая мѣстность, занятая переселенцами, становится ихъ новой отчизной. Эти переселенія большихъ массъ дѣлятся на два разряда: одинъ изъ нихъ тотъ, когда переселенцы заняли страну почти безлюдную или хотя имѣющую населеніе довольно многочисленное, но по своей сравнительной неразвитости мало способное сопротивляться переселенцамъ, подчиняющееся не только политическому, но и умственному владычеству ихъ. Таковы были переселенія испанцевъ въ Америку. Другой разрядъ составляютъ тѣ случаи, когда большая масса переселенцевъ образовала сплошное населеніе области въ странѣ, соеднѣнія части которой имѣютъ многочисленное населеніе болѣе сильное, чѣмъ переселенцы. Въ исторіи испанскаго народа такихъ случаевъ не было; но нѣсколько примѣровъ этому представляетъ исторія переселеній нѣмецкаго народа. Изъ нихъ особенно интересенъ съ научной точки зрѣнія случай переселенія довольно большой массы нѣмцевъ въ Трансильванію, часть которой они заняли, такъ что

стали совершенно преобладающимъ по числу населеніемъ этой области. Они переселились въ Трансильванію въ половинѣ XII вѣка. Съ той поры прошло болѣе семи столѣтій. Потомки переселенцевъ составляютъ менѣе 250.000 человекъ: Область, занимаемая ими, находится очень далеко отъ ближайшей границы страны нѣмецкаго народа. Они имѣли очень мало сношеній съ нѣмецкимъ народомъ. Съ самаго переселенія своего въ Трансильванію они находились подъ властью иноплемениковъ, венгровъ, и довольно долгое время подъ владычествомъ турокъ, которымъ повиновалось венгерское правительство Трансильваніи. И однакоже, они остаются чистыми нѣмцами по языку и по обычаямъ. Сравнивая ихъ съ нѣмцами тѣхъ областей сѣверо-западной Германіи, изъ которыхъ переселились они, мы находимъ, что ихъ нарѣчіе теперь представляетъ довольно большое различіе отъ нарѣчія, на которомъ говорятъ ихъ соплеменники, оставшіеся на родинѣ. Главная разница состоитъ въ томъ, что у нихъ прежнее нарѣчіе измѣнилось гораздо меньше, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ на родинѣ, и обычая, съ какими ушли они, удержались у нихъ крѣпче. Тѣ же черты представляютъ двѣ массы французскаго населенія въ сѣверной Америкѣ: первая сплошная масса, центръ которой Нью-Орлеанъ, и сѣверная, остающаяся преобладающимъ по числу населеніемъ въ значительной части Нижней Канады. Эти переселенія произошли сравнительно недавно, всего только лѣтъ 200 тому назадъ; но и луизианскіе и ниже-канадскіе французы уже довольно много отличаются своимъ языкомъ и еще больше своими обычаями, понятіями, политическими стремленіями отъ своихъ соотечественниковъ, живущихъ въ самой Франціи. Значительность разницы тѣмъ болѣе замѣчательна, что прошло всего лишь 125 лѣтъ послѣ перехода Луизианы и Нижней Канады подъ власть иноплемениковъ: до окончанія семилѣтней войны, Луизиана и Нижняя Канада принадлежали къ французскому государству; правители и войска были тамъ пріѣзжіе изъ Франціи. Въ періодъ времени, охватывающій только четыре поколѣнія, развилась разница, достигшая теперь значительной рѣзкости. Характеръ разницы и главная причина ея тѣ же самыя, какія проявляются при сравненіи трапезльванскихъ нѣмцевъ съ ихъ соплеменниками въ сѣверо-западной Германіи: французскій народъ во Франціи много измѣнился со второй половины прошлаго вѣка, американскіе французы сохранили старія выраженія, понятія, обычая, стремленія, замѣнившіяся во Франціи другими. Напримѣръ, языкъ ниже-канадскихъ французовъ—чистый французскій, но старинный языкъ. Сочувствіе Франціи у ниже-канадскихъ французовъ остается очень сильно, а до преобразованія государственныхъ отношеній Нижней Канады къ Верхней Канадѣ, имѣющей англійское населеніе, и къ центральному англійскому правительству—сипатія этихъ французовъ къ Франціи была еще сильнѣе; они имѣли горячность патріотическаго фанатизма, какого достигало національное чувство во Франціи лишь въ эпохи великихъ военныхъ бѣдствій. У луизианскихъ французовъ остается, кажется, и до сихъ поръ фанатическая любовь къ Франціи. Она была возбуждена до страстной силы ненавистью къ правительству Соединенныхъ Штатовъ за отмѣну невольничества, горячими защитниками котораго были луизианскіе французы; ненависть къ своему правительству переходила у нихъ въ желаніе присоединиться къ французскому государству, правительство котораго помогало рабовладѣльцамъ южныхъ штатовъ въ ихъ войнѣ съ союзнымъ правительствомъ. Теперь

это чувство вѣроятно нѣсколько улеглось въ луизианскихъ французахъ, но, кажется, все еще сохраняетъ страстную силу. Однакоже, при всемъ своемъ французскомъ патриотизмѣ, илжне-кападскіе и луизианскіе французы несравненно болѣе заняты своими мѣстными дѣлами, чѣмъ дѣлами Франціи. При всемъ ихъ сочувствіи ей, историческая жизнь ихъ идетъ совершенно отдѣльно отъ ея жизни.

Другой разрядъ случаевъ переселенія массъ въ далекія земли исторія испанскаго народа представляетъ въ громадномъ размѣрѣ. Испанцы покорили Мексику, Центральную Америку, большую половину южной Америки и переселились въ эти земли большими массами. Нѣкоторые изъ занятыхъ ими американскихъ странъ имѣли довольно многочисленное населеніе, но оно не умѣло сражаться, было покорено отрядами, состоявшими лишь изъ нѣсколько сотъ человѣкъ, могло послѣ того ненавидѣть завоевателей, подымать мятежи противъ нихъ, но свергнуть съ себя ихъ владычество не имѣло силы. Во время мятежей туземцевъ могли погибать многіе изъ испанцевъ, жившихъ въ возмущившейся области; маленькіе отряды испанскаго войска могли быть истребляемы туземцами, но серьезной опасности испанскому владычеству эти мятежи не представляли и были безъ труда подавляемы. Уже съ очень давняго времени американскіе испанцы полагали, что могутъ поддержать свое владычество надъ туземцами безъ всякой помощи испанскаго правительства, что подвластность ему вовсе не нужна для нихъ, и желали совершенно отдѣлиться отъ Испаніи. Они дѣлали попытки этого рода, но были усмиряемы войсками, присылаемыми изъ Испаніи. Только когда силы Испаніи были поглощены борьбой съ французами, установились мѣстные правительства въ американскихъ земляхъ, занятыхъ испанскими переселенцами, и успѣли сформировать такія военныя силы, что отбили отъ войскъ испанскаго правительства, которое, по удаленіи французовъ изъ Испаніи, хотѣло возстановить въ Америкѣ свою власть, сдѣлавшуюся только номинальной въ годы нашествія французовъ на Испанію.—По прекращеніи войнъ съ испанскимъ правительствомъ за независимость, американскіе испанцы имѣли много ссоръ съ нимъ; нѣкоторыя изъ этихъ ссоръ доходили до войны. Теперь испанское правительство и народъ уже совершенно отбросили мысль о возможности покорить испанскія государства Америки и не имѣютъ никакой надежды на то, чтобы хотя одно изъ этихъ государствъ добровольно признало въ какой бы то ни было формѣ и хотя бы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ власть испанскаго правительства надъ нимъ. Испанцы американскаго континента, по всей вѣроятности, уже совершенно спокойны въ этомъ отношеніи. Но, кажется, они все еще остаются враждебны испанскому правительству и кажется, что всѣ партіи, поочередно управлявшія Испаніей, сохраняютъ неприязнь къ испанскимъ государствамъ американскаго континента. Однако же и во времена ожесточенной войны для подавленія американскихъ инсургентовъ, когда испанскія войска не брали побѣжденных въ плѣтъ, разстрѣливали всѣхъ попадавшихся имъ въ руки, истребляли населенія цѣлыхъ городовъ, а инсургенты разстрѣливали всѣхъ плѣнныхъ испанцевъ, сажали на корабли и прогоняли за море всѣхъ уроженцевъ Испаніи, жившихъ между ними, это была лишь временная ссора между родными. Американскіе испанцы говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ европейскіе испанцы. Литература европейскихъ и американскихъ испанцевъ остается общая національная. Такъ; но со времени установленія независимости

испанскихъ государствъ въ Америкѣ, ихъ историческая жизнь идетъ отдѣльно отъ жизни Испаніи.

Когда довольно многолюдная часть людей извѣстнаго языка переселится въ другую страну и составитъ особое государство или по крайней мѣрѣ общество, живущее своей особой жизнью, отдѣльной отъ народа, изъ которой вышла, то черезъ нѣсколько времени это новое государство или общество непремѣнно пріобрѣтетъ какія нибудь различія отъ народа, изъ котораго вышло, или народъ тотъ измѣнится, между тѣмъ какъ вышедшее изъ него особое общество сохранить старину. Это такъ, но при оцѣнкѣ различій обыкновенно дѣлаются громадные преувеличенія. Извѣстно, что, по мнѣнію жителей любой сельской мѣстности, только въ ней люди говорятъ чистымъ языкомъ, а въ сосѣднихъ мѣстностяхъ языкъ дуренъ, такъ что смѣшно и гадко слушать его звуки; между тѣмъ такъ посторонній человѣкъ находитъ разницу этихъ двухъ сосѣднихъ нарѣчій или незначительной или даже фантастичной, на самомъ дѣлѣ вовсе несуществующей. Случайнымъ образомъ люди сосѣдняго селенія стали въ прошломъ году употреблять какое-нибудь одно слово не совсѣмъ привычное сосѣдамъ, судящимъ объ ихъ языкѣ; этого достаточно, чтобы смѣяться надъ ними, найдти ихъ нарѣчіе дурнымъ; черезъ годъ вышло у нихъ изъ моды слово, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ и порицаніямъ, но мнѣніе о нихъ уже сложилось и будетъ держаться, хотя исчезла и ничтожная фактическая опора для него: вздоръ, какъ извѣстно, вещь очень легкая, въ родѣ маленькихъ воздушныхъ шаровъ, которые теперь покупаются на забаву дѣтямъ, а недавно были очень моднымъ развлеченіемъ и у взрослыхъ; воздушные шары, какъ этотъ вздоръ, прекрасно носятся по воздуху безъ всякой опоры.

Когда группа людей, хотя и довольно многочисленная, но составлявшая лишь незначительную часть народа своей страны, переселяется въ другую страну и перестаетъ участвовать въ развитіи понятій и учреждений большихъ государствъ, то, оказываясь отсталой отъ передовыхъ народовъ, она черезъ нѣсколько времени окажется непохожей на массу народа, изъ которой вышла. Это случилось, какъ мы видѣли съ трансильванскими нѣмцами, съ французами въ Луизианѣ и Южной Канадѣ. Трансильванскіе нѣмцы жили между народовъ, которые по уровню своей цивилизаціи были гораздо ниже нѣмцевъ западной Германіи: чему могли учиться они отъ румыновъ, составлявшихъ массу населенія Трансильваніи, отъ секлеровъ (трансильванскихъ венгровъ), занимавшихъ привилегированное положеніе въ этой странѣ, отъ сербовъ, ближайшихъ сосѣдовъ Трансильваніи съ юга, или отъ турокъ, державшихъ подъ свою власть Трансильванію? Понятно, что у нѣмцевъ Трансильваніи болѣе или менѣе ослабѣвала и та образованность, съ какой они пришли туда. А нѣмцы западной Германіи развивались, сообразно успѣхамъ развитія измѣнялся и языкъ ихъ; трансильванскіе нѣмцы продолжали говорить прежнимъ языкомъ, и нарѣчіе, которымъ говорятъ ихъ соплеменники въ западной Германіи, оказывается не такимъ, какое уцѣлѣло у нихъ. Французы въ Луизианѣ стали рабовладѣльцами или домашними людьми рабовладѣльцевъ; у нихъ явилась вражда къ просвѣщенію, распространеніе котораго было опасно для рабовладѣльческихъ правъ: понятно, что они отстали отъ развитія французскаго народа, и языкъ ихъ не принялъ нововведеній, какія получилъ во Франціи. Населеніе Нижней Канады усвоило себѣ полукочевые обычаи охотниковъ или жило разбросанно по огромному пространству земли подъ феодальной властью крупныхъ землевла-

дѣльцевъ, называвшихся сеньорами; оно отстало отъ развитія жизни французскаго народа, и языкъ его сохранилъ старинный характеръ. Но случаи подобнаго рода не могутъ считаться общимъ правиломъ. Финикійяне, переселяясь на сѣверный берегъ Африки, въ Сицилію, въ Испанію, вели тамъ такой же образъ жизни, какъ народъ, остававшійся въ самой Финикіи; улучшения или ухудшенія понятій и обычаевъ шли приблизительно одинаковымъ ходомъ въ Тиръ, Картагенъ, Утикъ и европейскихъ колоніяхъ финикіянъ. Мы не видимъ, чтобы картагеняне черезъ 600 лѣтъ послѣ своего переселенія въ Африку различались чѣмъ-нибудь отъ народа оставшагося въ Финикіи. Правда, наши свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ финикіянъ и картагенянъ скудны, но не до такой степени, чтобы правдоподобно было объяснять ихъ неполнотою отсутствіемъ упоминаній о различіи картагенской народности отъ финикійской. Впрочемъ, мы говоримъ о финикійскихъ колоніяхъ лишь для того, чтобы пропускъ не возбудилъ предположенія, будто бы примѣръ ихъ свѣдѣтельствовавъ бы противъ возможности сохраненія національной одинаковости между людьми одного языка, разселившимися по разнымъ странамъ. Переходимъ къ греческимъ колоніямъ. О нихъ намъ положительно извѣстно, что онѣ сохраняли во всей чистотѣ греческую національность, пока оставались независимыми отъ туземцевъ. Были три или четыре колоніи, въ которыхъ населеніе стало говорить не такимъ языкомъ, какъ его соплеменники, оставшіеся въ Греціи; главный примѣръ этого представляетъ городъ Сола, находившійся на южномъ берегу Малой Азіи, въ далекомъ разстояніи отъ всѣхъ другихъ греческихъ колоній. Этотъ и очень немногіе другіе случаи, въ которыхъ колонисты утрачивали чистоту греческаго языка, объясняются особенными причинами, подъ вліяніемъ которыхъ потерпѣлъ бы порчу греческій языкъ и въ Пелопоннесѣ, и въ Атикѣ (какъ и дѣйствительно потерпѣлъ въ Пелопоннесѣ, когда туда пропikli славяне въ такомъ числѣ, что составили большинство населенія). Когда этихъ обстоятельствъ не было, языкъ колонистовъ оставался чистымъ; онъ оставался такимъ въ сотняхъ греческихъ колоній, а исключеніе составляютъ три или четыре. Когда колонія находилась въ литературной связи съ той областью, изъ которой вышли ея жители, нарѣчіе ихъ или сохранилось такимъ же, какимъ продолжала говорить ихъ родная область, или, если оно измѣнялось въ ихъ родной области, то измѣнялось точно такъ же и у нихъ; въ обоихъ случаяхъ нарѣчіе было одинаковое у нихъ и въ ихъ родной области. Знаменитый примѣръ того Антиохія. Нѣсколько раньше 300 года до нашей эры часть жителей Атики была переселена въ Сирію. Новый городъ этихъ плѣбниковъ былъ названъ Антиохіей. Въ половинѣ V вѣка нашей эры антиохійцы еще славилась чистотой своего аттического языка; а между тѣмъ они прожили уже болѣе семи столѣтій очень далеко отъ Атики. Мы не имѣемъ никакихъ упоминаній о томъ, чтобы въ половинѣ IX вѣка нашей эры сицилійскіе и южно-италійскіе греки говорили языкомъ сколько нибудь различнымъ отъ языка Греціи (и Византіи); а между тѣмъ они жили отдѣльно отъ нея уже полторы тысячи лѣтъ. Языкъ греческаго народа въ эти полторы тысячи лѣтъ очень много измѣнился, но сицилійскіе и южно-италійскіе греки оставались въ литературномъ единствѣ съ Греціей, и языкъ ихъ измѣнялся точно такъ же, какъ у народа, жившаго въ ней.

Въ настоящее время очень большую важность представляетъ вопросъ объ отношеніяхъ народности сѣверо-американцевъ къ англійской народности. Остаются-

ли сѣверо-американцы людьми той же національности, какъ англичане, или у нихъ уже развилась особая національность? И если теперь они еще не очень различны отъ англичанъ по языку, то черезъ нѣкоторое довольно отдаленное время, напримѣръ лѣтъ черезъ двѣсти или триста, не будутъ ли они настолько же различны отъ англичанъ, какъ напримѣръ итальянцы отъ испанцевъ или датчане отъ шведовъ? О томъ, что будетъ черезъ двѣсти лѣтъ, можно судить лишь по соображенію хода, какой имѣли факты до сихъ поръ, и дѣлать предположенія о будущемъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ оговоркой: «если ходъ обстоятельствъ будетъ такой-же, какъ былъ до сихъ поръ».

Вотъ уже сто лѣтъ, какъ англійское населеніе Сѣверной Америки сдѣлалось независимымъ отъ англійскаго правительства. Въ это время непрерывно происходилъ очень большой приливъ переселенцевъ въ Соединенные Штаты; англичане составляли только меньшинство новыхъ переселенцевъ. Большинство ихъ состояло изъ ирландцевъ и нѣмцевъ. Нѣмцы—люди совершенно не англійской національности, но нельзя назвать англичанами и людей ирландской народности, хотя она гораздо менѣе различна отъ англійской, чѣмъ обыкновенно говорится. Полагаютъ, что постоянный приливъ этихъ двухъ главныхъ и довольно большой массы всяческихъ другихъ иноплеменныхъ переселенцевъ очень сильно измѣняетъ прежнюю національность населенія Соединенныхъ Штатовъ, такъ что уже по вліянію этой одной причины она сдѣлалась очень различна отъ англійской и будетъ дѣлаться все болѣе различной отъ нея. Подобное этому вліянію иноплеменныхъ языковъ, обычаевъ и понятій производить, по мнѣнію очень многихъ спеціалистовъ, сама страна особенностями своего климата, пзмѣняющими тѣлосложеніе европейцевъ, переселившихся въ Соединенныя Штаты; съ переменной тѣлосложенія конечно измѣняется и характеръ людей. О вліяніи климата Соединенныхъ Штатовъ эти спеціалисты рассказываютъ удивительныя вещи. Климатъ этой части сѣверной Америки, по ихъ увѣренію, чрезмѣрно сухъ; отъ сухости воздуха сохнеть тѣло; прославляемая ими въ этихъ разсужденіяхъ европейская гармоническая округленность формъ исчезаетъ; люди становятся сухощавыми; черты ихъ лица теряютъ европейскую граціозность, становятся угловатыми, въ особенности замѣтна переменна очертанія шеи: высыхая, она становится тонкой, длинной; можетъ быть менѣе отвратительно для зрѣнія, но ужасно для филантропа измѣненіе характера груди, все отъ той же чрезмѣрной сухости воздуха. Грудь становится узкой, не даетъ простора развитію легкихъ; къ чему это ведетъ, понятно всякому, хоть разъ заглянувшему въ учебникъ физиологіи; уменьшающійся объемъ легкихъ уменьшаетъ силу жизни; жители Соединенныхъ Штатовъ обречены климатомъ своей страны на вымирание отъ истощенія; если число населенія въ Соединенныхъ Штатахъ не уменьшается, а растетъ, это происходитъ отъ прилива крѣпкихъ людей изъ Европы; онъ съ избыткомъ замѣщаетъ убыль населенія отъ вымирания тѣхъ семействъ, которыя уже нѣсколько поколѣній подвергались гибельному дѣйствію сѣверо-американскаго климата. Нельзя къ прискорбію пройти молчаніемъ и другія черты физической переменны еще болѣе омерзительныя, чѣмъ длиннота сухой шеи и угловатыя черты лица. Выщипавшіяся европейскіе волосы грубѣютъ, толстѣютъ, становятся прямыми; это ужъ не прелестныя волосы бѣлой расы, а нѣчто среднее между ними и волосами конскихъ хвостовъ, совершенно какъ у краснокожихъ. Цвѣтъ лица тоже утрачиваетъ прелестную

европейскую свѣжесть, становится тусклымъ, получаетъ оттѣнокъ грязноватости; онъ еще не сдѣлался такимъ грязнокраснымъ, какъ у краснокожихъ туземцевъ, потому что было еще мало времени для произведенія перемѣны во всемъ ея размѣрѣ; но очевидно, что перемѣна идетъ къ превращенію овропейцевъ въ краснокожихъ. — Эта перспектива дѣйствительно такъ печальна, что отрадой можетъ служить лишь одно: прежде чѣмъ потомки овропейцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ превратятся въ краснокожихъ, они вымрутъ. Смерть ихъ избавитъ насъ отъ униженія видѣть краснокожую расу, хвалящуюся происхожденіемъ отъ нашей, претендующую на равенство съ нами. Вѣроятно, намъ уже теперь пора подумать о томъ, какъ спасти современныхъ и будущія поколѣнія нашихъ европейскихъ братьевъ отъ судьбы, на которую обречены переселившіеся въ Сѣверную Америку овропейцы. Плаваніе изъ Европы въ Сѣверную Америку должно воспретить. А когда оставшееся безъ прилива свѣжихъ европейскихъ людей сѣверо-американское населеніе вымретъ, надобно будетъ построить кругомъ опустѣвшей страны стѣну безъ воротъ. Снаружи будутъ по сухопутнымъ границамъ ходить караулы, а по морскимъ крэйсировать сторожевые корабли и гнать назадъ безумцевъ, которые захотѣли бы перелѣзть черезъ стѣну въ страну физической и нравственной погибели.

Любопытно то, что у самихъ сѣверо-американцевъ появились специалисты, повторяющіе нѣкоторые изъ мрачныхъ разсужденій овропейскихъ специалистовъ о гибельномъ вліяніи сѣверо-американскаго климата: онъ дѣйствительно сушитъ тѣло, и хотя не превращаетъ овропейскихъ переселенцевъ въ краснокожихъ, но имѣетъ другой тоже ужасный результатъ высыханія тканей: въ нервахъ остается слишкомъ мало влаги; они получаютъ лихорадочную дѣятельность; вотъ собственно эта нервическая горячка и убьетъ бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ; она уже начала убивать его, смерти предшествуетъ, какъ и должно быть при непрерывной нервической горячкѣ, разстройство умственныхъ способностей: бѣлые въ Соединенныхъ Штатахъ сходятъ съ ума цѣлыми массами. Пропорція этихъ несчастныхъ быстро растетъ.

Мы назвали любопытнымъ фактомъ то, что между сѣверо-американскими специалистами явились сореовнатели тѣмъ изъ европейскихъ, которые съ печалью обрекаютъ сѣверо-американцевъ на погубель. Но этотъ случай замѣчательнъ, лишь какъ одно изъ очень крупныхъ и смѣшныхъ проявленій склонности людей повторять о себѣ самихъ въ передѣланномъ видѣ пустыя выдумки враговъ. Зависть овропейцевъ къ быстрому развитію могущества и благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ породила въ числѣ всякихъ другихъ злорѣчивыхъ изобрѣтеній и клевету на климатъ страны ненавистнаго государства. Между сѣверо-американскими учеными нашлись люди, занявшіеся передѣлкой вздора на другой ладъ, — это совершенно въ порядкѣ вещей. Климатъ сѣверо-американскихъ штатовъ имѣетъ вредное дѣйствіе; этотъ вздоръ принять за правду; но вредному дѣйствію придано не унижающее, а возвышающее направленіе: подъ вліяніемъ климата энергія умственной дѣятельности сѣверо-американскаго населенія достигаетъ размѣра, превышающаго силы человѣческаго организма; это печально, но очень почетно для сѣверо-американцевъ: погубать отъ избытка умственныхъ силъ — какая славная погубель! Это судьба Пико-де-Мирандолы и Паскаль. Рафаэль и Моцартъ тоже умерли отъ изнуренія организма избыткомъ умственной силы.

Съ чего взяли европейскіе ученые, завистники Соединенныхъ Штатовъ, говорить, будто бы климатъ этой страны вреденъ для людей европейскаго происхожденія? Широкиѣмъ основаніемъ для этого послужило ошибочное истолкованіе фактовъ ботанической и зоологической географіи, сдѣланное раньше того другими специалистами безъ всякаго злого умысла, просто по недоразумѣнію. Суша земного шара дѣлится на нѣсколько областей, въ каждой изъ которыхъ растетъ особая флора, живетъ особая фауна. Сколько этихъ областей, о томъ идетъ споръ; но нѣкоторыя изъ нихъ принимаются единогласно всеѣми специалистами; одна изъ такихъ безспорно особенныхъ ботаническихъ и зоологическихъ областей—Сѣверная Америка. Въ горячности перваго восторга отъ открытія, что суша земного шара дѣлится на нѣсколько такъ называемыхъ ботаническихъ и зоологическихъ царствъ, специалисты сдѣлали преувеличенный выводъ, будто бы никакой видъ растеній или животныхъ не можетъ быть перевезенъ изъ своей родной области въ другую безъ того результата, что въ новой странѣ онъ переродится и получить характеръ, принадлежащій туземнымъ растеніямъ или животнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ перерожденіе дѣйствительно бываетъ, но для этого нужны не такія разницы климата, какъ между Европой и Сѣверной Америкой, а такія, какъ между сѣверной Европой и экваторіальной Америкой. Недавно произошла въ Соединенныхъ Штатахъ забавная исторія, начавшаяся пріятно для существъ, бывшихъ ея героями, но получившая продолженіе, трагическое для нихъ. Въ Сѣверной Америкѣ не было воробьевъ; сѣверо-американцы желали развести у себя этихъ птичекъ, полезныхъ истребленіемъ гусеницъ и развившихся насѣкомыхъ, дѣлающихъ вредъ растительности; впередъ огорчались сѣверо-американцы тѣмъ, что попытки развести у себя воробьевъ будутъ напрасны. Въ своей безнадежности они даже не дѣлали этихъ попытокъ. Но какими-то судьбами на какомъ-то кораблѣ, подъ палубой котораго вѣроятно былъ по небрежности разсыпанъ мѣшокъ зернового хлѣба, приплыло въ Соединенные Штаты нѣсколько воробьевъ; они стали порхать по паркамъ города, куда приплыли,—кажется въ Нью-Йоркѣ; и вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ слѣдовало бы по неумолимому закону природы, принялись плодиться. Деревья парковъ очистились отъ вредныхъ насѣкомыхъ; жители города радовались. Воробьи разлетѣлись по соседнимъ фермамъ, дальше и дальше, стали появляться въ другихъ городахъ; повсюду радовали жителей, очищая деревья отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Но скоро расплодились до такой степени, что, какъ и въ Европѣ, сдѣлались убыточными сельскимъ хозяевамъ, поѣдая огромное количество зеренъ на нивахъ; сельскіе хозяева стали стрѣлять ихъ, разводить кошекъ на погибель имъ; но наперекоръ ружьямъ, кошкамъ и неумолимому закону природы воробьи размножаются и размножаются. Изъ этого видно, что неумолимыя законы природы безсильны, когда сочинены учеными по недоразумѣнію. Чѣмъ, кромѣ смѣха, отвѣчать на такія нелѣпнцы, какъ выдумки о вырожденіи всеѣхъ европейскихкихъ растеній и животныхъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ точно такъ же, какъ въ Европѣ, растутъ все перевезенныя туда европейскіе хлѣба, овощи, цвѣты, не хуже, чѣмъ въ Европѣ живутъ все европейскія домашнія птицы и млекопитающія?— При развитіи полемики противъ аболиціонистовъ законъ природы, о которомъ идетъ рѣчь, былъ примѣненъ защитниками рабства негровъ и къ вопросу о человѣческихъ расахъ. Само собою разумѣется, что вышло: въ южныхъ штатахъ климатъ оказался не допускающимъ работы бѣлыхъ на плантаціяхъ. Въ Венесуэлѣ, Гра-

надѣ, Перу, гдѣ климатъ гораздо болѣе зноенъ, бѣлые, не имѣя рабовъ, воздѣлывали нивы и плантаціи безъ всякаго вреда своему здоровью, напротивъ съ пользою для него и для своего кармана; но въ южныхъ не могли обходиться безъ невольниковъ, пока рабство не было отмѣнено. Начавшись съ невозможности бѣлымъ работать въ южныхъ штатахъ, дѣло распространилось на бѣлыхъ во всей Сѣверной Америкѣ. По закону природы, всякое живое существо вырождается при переселеніи изъ своей географической области въ другую; ясно, что европейцамъ нельзя не вырождаться въ Сѣверной Америкѣ. Впередъ зная, что такое должны увидѣть по неумолимому закону природы, ученые стали смотрѣть на людей европейскаго происхожденія въ Соединенныхъ Штатахъ и увидѣли то, что слѣдовало увидѣть: вырожденіе, порчу; увидѣли между прочимъ прямыя, толстыя волосы и тусклый цвѣтъ лица у людей съ шелковистыми, вьющимися волосами и свѣжимъ, нѣжнымъ, румянымъ цвѣтомъ лица.

Не стоитъ опровергать дикую выдумку, будто у людей бѣлой расы въ Сѣверной Америкѣ портятся волосы и цвѣтъ лица. Но вопросъ о шеѣ и груди надобно разсмотрѣть ближе. Вообще говоря, шея сѣверо-американскихъ простолюдиновъ длиннѣе, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ, земледѣльцевъ и чернорабочихъ въ Европѣ; но это отъ того, что дѣти и внуки переселяющихся въ Америку европейскихъ простолюдиновъ вообще становятся выше своихъ отцовъ ростомъ. Кромѣ Швеціи, Норвегіи, Сѣверной Шотландіи, Тироли, нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ и нѣкоторыхъ уголковъ, простолюдины Западной Европы люди приземистаго тѣлосложенія. Попадается между ними много людей высокаго роста; но большинство ихъ приземисты, на 5 или 10 сантиметровъ ниже ростомъ, чѣмъ люди высшихъ сословій ихъ племени и мѣстности. Въ Соединенныхъ Штатахъ простолюдины пріобрѣтаютъ такой ростъ, такое тѣлосложеніе, какіе въ Западной Европѣ имѣетъ большинство дворянства. Приземистость замѣняется стройностью. Отъ чего происходитъ эта разница, вопросъ, кажется, еще не разъясненный специальными изслѣдованіями. Его легко рѣшить на основаніи общихъ физиологическихъ законовъ; только нельзя безъ точныхъ изслѣдованій имѣть увѣренность, что рѣшеніе правильно: быть можетъ, тутъ кромѣ общихъ силъ органической жизни дѣйствуютъ какія нибудь особыя комбинаціи ихъ, еще неизвѣстныя. Но если предположить, что результатъ производится не какими нибудь частными сочетаніями силъ, а прямо или самими, то ходъ измѣненія представляется очень простымъ. Огромное большинство простолюдиновъ Западной Европы слишкомъ обременено работой и начинаетъ усиленно трудиться съ возраста слишкомъ ранняго. Дѣло извѣстное веѣмъ поселянамъ, не только физиологамъ, что лошадь, которую слишкомъ рано начнутъ запрягать въ плугъ или телѣгу, остается меньше ростомъ, чѣмъ лошадь той же породы, которая будетъ пользоваться двумя годами свободы дольше ея: если ростъ еще не законченъ, лошадь, подвергнутая работѣ, растетъ меньше, чѣмъ пользующаяся свободой. Но когда лошадь, слишкомъ рано начавшая работать, пользуется довольно сытнымъ кормомъ, кости ея растутъ въ толщину почти такъ же, какъ у лошади свободной отъ работы, и мускулы, не удлиняясь, растутъ въ ширину; потому она пріобрѣтаетъ тѣлосложеніе болѣе тяжелое, она становится приземистой. То же самое относится и къ рогатому скоту. Лошадь, ростъ которой задержанъ преждевременной работой, имѣетъ ноги и шею не болѣе толстыя, чѣмъ лошадь той породы, закончившая свое развитіе на свободѣ отъ работы и потому

достигнувшая полного роста; но у рабочей лошади ноги короче, потому кажутся болѣе толстыми; шея у лошади, достигшей полного роста, длиннѣе, чѣмъ у рабочей (пропорціонально тому, что и весь позвоночный столбъ ея длиннѣе); потому кажется менѣе толстой, чѣмъ у рабочей лошади. Толщина ногъ и шеи лошади, достигшей полного роста, не меньше или больше, чѣмъ у рабочей лошади той же породы, но пропорціонально длинѣ меньше, чѣмъ у этой приземистой малорослой лошади. То же самое извѣстно всѣмъ о всякихъ другихъ домашнихъ млекопитающихъ, употребляемыхъ на работу. Дѣти европейскихъ простолюдиновъ, переселившихся въ Америку, пользуются свободой отъ тяжелой работы дольше, чѣмъ дѣти простолюдиновъ, оставшихся въ Европѣ. Если нѣтъ другихъ частныхъ причинъ, производящихъ увеличеніе роста дѣтей европейскихъ простолюдиновъ въ Америкѣ, оно производится этой общей причиной увеличенія роста живыхъ существъ. Грудь американцевъ не менѣе просторна, чѣмъ грудь европейскаго простолюдина, плеча его не менѣе широки; но онъ выше ростомъ, потому кажется имѣющимъ менѣе широкія плеча и грудь.

Онъ болѣе стройнаго тѣлосложенія; сущность дѣла въ этомъ. Слѣдуетъ ли назвать вырожденіемъ или порчей пріобрѣтеніе стройнаго тѣлосложенія? При всѣхъ порицаніяхъ вышнимъ сословіямъ Англій, при всѣхъ разсужденіяхъ объ угнетенномъ положеніи англійскихъ простолюдиновъ, специалисты въ послѣднее время признали, что состояніе простолюдиновъ въ Англій менѣе дурно, чѣмъ въ другихъ земляхъ Западной Европы; трудъ ихъ хотя и слишкомъ продолжительный, всетаки менѣе продолжителенъ, чѣмъ на континентѣ; пища ихъ хотя и недостаточная, всетаки менѣе скудна и дурна; потому ихъ тѣлосложеніе менѣе приземисто, чѣмъ людей ихъ сословія на континентѣ. Какъ по своему экономическому состоянію, такъ и по тѣлосложенію англійскіе простолюдины занимаютъ средину между европейскими континентальными и сѣверо-американскими; они стройнѣе, крѣпче здоровѣемъ, сильнѣе континентальныхъ, сѣверо-американскіе стройнѣе, крѣпче здоровѣемъ, сильнѣе ихъ.

А сухость климата, отъ котораго становятся худощавы европейскіе переселенцы въ Америкѣ? Въ Западной Европѣ простолюдины, которымъ удалось разбогатѣть, ведутъ вообще говоря неподвижную жизнь, обжираются и спятъ, ничего не дѣлая; потому становятся жирными. Въ Соединенныхъ Штатахъ обычай не таковъ: разбогатѣвшій простолюдинъ остается дѣятеленъ, хлопотливъ, потому не жирѣетъ. Сухость или влажность воздуха тутъ не причѣмъ. Туарегъ въ Сахарѣ становится жирнымъ, получивъ возможность обжираться и сидѣть безвыходно въ своемъ шатрѣ. Не многимъ туарегамъ достается такое блаженство. Но есть другое племя въ другой странѣ, регулярно проходящее изъ года въ годъ процессъ ожиренія и исхуданія. Это киргизы степей на югѣ западной Сибири. Зимой они голодаютъ и къ веснѣ становятся худы какъ скелеты. Но когда кобылы ожеребились и начинается дѣланіе кумыса, они сидятъ и пьютъ его, сколько достанетъ силы пить. Скоро они становятся жирны до безобразія. Страна, въ которой живутъ они, имѣетъ климатъ болѣе сухой, чѣмъ населенныя части земли Соединенныхъ Штатовъ. Масса англійскихъ простолюдиновъ еще сохраняетъ привычки старинной неповоротливой жизни. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже сельскіе простолюдины имѣютъ обычай, какіе принадлежатъ въ Западной Европѣ только торговому сословію большихъ городовъ; это люди бойкіе, умственная жизнь ихъ дѣятельна;

оттого и пропеходит впечатлѣніе, что нервы ихъ работаютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у европейскихъ простолюдиновъ. Дѣло тутъ не въ климатѣ, а въ особенностяхъ экономическаго быта, въ распространенности надежды подняться до высокаго положенія въ обществѣ. Масса европейскихъ простолюдиновъ лишена этой надежды; у американцевъ каждый энергическій простолюдинъ имѣетъ ее.

Какое вліяніе на понятія и обычаи англійскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ имѣли иноплеменные переселенцы? Если разобрать дѣло внимательно, то вѣроятно получится отвѣтъ: не имѣли никакого. Они только сами усваиваютъ себѣ понятія и привычки англійскаго населенія Сѣверной Америки. Въ третьемъ поколѣніи огромное большинство живущихъ тамъ ирландцевъ, нѣмцевъ и другихъ европейцевъ оказывается совершенно утратившимъ свою прежнюю національность, не имѣющимъ никакого различія въ понятіяхъ и обычаяхъ отъ людей англійскаго происхожденія. Едва ли иноплеменное вліяніе можетъ отразиться на обычаяхъ не отразившихъ на языкѣ; а языкъ сѣверо-американцевъ чистый англійскій. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть, какъ и въ Англій, областныя нарѣчія, но они имѣютъ такой же характеръ, какъ и въ Англій; это особыя измѣненія англійскаго языка, а не результаты примѣси какого-нибудь другого языка къ англійскому. Тѣмъ языкомъ, какимъ пишутся книги и говорятъ люди, получившіе литературное образованіе въ Англій, говоритъ въ Сѣверной Америкѣ гораздо большая пропорція людей англійскаго языка, чѣмъ въ самой Англій. Мѣстныя нарѣчія въ Соединенныхъ Штатахъ отгѣснены этимъ языкомъ гораздо больше, чѣмъ въ самой Англій; и ходъ окончательной замѣны ихъ литературнымъ языкомъ идетъ въ Америкѣ быстрѣе, чѣмъ въ Англій. Это потому, что школьное образованіе болѣе распространено въ Соединенныхъ Штатахъ и тамъ гораздо больше, чѣмъ въ Англій, пропорція людей; имѣющихъ привычку читать газеты и книги. Литературный языкъ въ Америкѣ тотъ же самый, какъ въ Англій. Когда англичане говорятъ, что сѣверо-американскій языкъ отличается отъ англійскаго, они придаютъ важность особенностямъ модной манеры говорить. Интонація рѣчи въ образованномъ обществѣ каждой страны—такое же дѣло моды, какъ покрій одежды; двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ въ англійскомъ свѣтскомъ обществѣ были модными не тѣ выраженія, какъ теперь, и модная манера интонаціи была не та; черезъ двадцать или тридцать лѣтъ нынѣшнія модныя выраженія, нынѣшняя интонація будутъ замѣнены другими въ англійскомъ обществѣ, будутъ мѣняться они и въ американскомъ обществѣ. Теперь есть разница въ нихъ между Сѣверной Америкой и Англійей, была прежде, будетъ и черезъ десятки лѣтъ. Но эти различія модныхъ выраженій и интонацій лишь колебанія около одного и того же общаго уровня, одинаковаго въ Англій и Сѣверной Америкѣ. Возьмемъ для примѣра различіе интонацій. Есть средній уровень быстроты рѣчи, то-есть количества слоговъ произносимыхъ въ продолженіе минуты. Пусть въ данное время принять онъ. Изысному обществу начинаетъ казаться, что эта манера говорить слишкомъ вялая, оно ускоряетъ выговоръ; черезъ нѣсколько времени находитъ, что быстрый выговоръ трескотня дурнаго тона и замѣняетъ его медленнымъ, пѣвучимъ, потомъ возвращается или къ умѣренной скорости или къ очень быстрой и продолжаетъ колебанія въ томъ же порядкѣ. Само собой разумѣется, что два самостоятельные центра моды рѣдко будутъ въ одно и то же время изобрѣтать одну моду; почти постоянно будутъ имѣть разныя моды; но различіе обыкновенно состоитъ въ томъ, что мода одного

центра ужь покинута другимъ, который черезъ нѣсколько времени возвратится къ ней, когда она уже будетъ покинута первымъ центромъ. Кромѣ различія въ модной интонаціи, англичане не могутъ подмѣтить въ языкѣ американскаго образованнаго общества никакихъ различій отъ англійскаго. Когда они хотятъ выказать болѣе зоркую пронципательность, они приводятъ какой нибудь десятокъ выраженій; но пересматривая эти слова или обороты, другіе англичане, болѣе знающіе исторію своего языка, находятъ, что половина ихъ недавно были употребительны въ англійскомъ обществѣ, а другая половина—новыя выраженія, которыя, пока смѣялись надъ ними англичане, ужь оказались входящими въ употребленіе у самихъ англичанъ.

До сихъ поръ нѣтъ никакого признака, что англійскій языкъ въ Америкѣ становится различенъ отъ языка Англии; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ распространяется литературное образованіе въ той и въ другой странѣ, исчезаютъ тѣ діалектическія разницы, какія прокрались прежде изъ мѣстныхъ нарѣчій въ языкъ образованнаго общества или той или другой страны, и тожество его въ обѣихъ странахъ очищается отъ этихъ разницъ, бывшихъ впрочемъ и сто лѣтъ тому назадъ ужь маловажными. Языкъ Франклина—образцовый и для англичанъ; какъ языкъ Фильдинга для американцевъ.

Сравнительно съ вопросомъ о томъ, сохранится ли единство языка, литературы и образованности у вѣхъ частей народа, переселившагося или начинающаго переселяться изъ Англии въ другія страны, маловажны всѣ другіе вопросы подобнаго рода. Почти вся Сѣверная Америка уже занята людьми, говорящими по-англійски; испанскій языкъ удержалъ за собой только Мексику, утративъ области болѣе обширныя чѣмъ она; Австралія много превосходитъ величиной всю Западную Европу; пусть большая половина этого континента не способна принять многочисленное населеніе; всетаки остаются очень обширныя пространства, о которыхъ уже и теперь несомнѣнно, что они будутъ густо населены. Кромѣ того, есть нѣсколько другихъ довольно большихъ частей суши, берега которыхъ уже заняты англичанами и о которыхъ должно думать, что они будутъ заселены ими. Пространства, занятые въ Америкѣ людьми испанскаго и португальскаго языковъ, тоже огромны; но увеличеніе населенія ихъ идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ малонаселенныхъ земляхъ, занимаемыхъ англичанами. По самому умѣренному расчету, число людей англійскаго языка будетъ черезъ 50 лѣтъ превышать 200 милліоновъ. Оно уже и нынѣ равняется всему числу людей, говорящихъ романскими языками, и далеко превышаетъ число нѣмцевъ. Вопросъ теперь въ томъ, долго ли останутся потомки людей англійскаго языка въ разныхъ странахъ людьми одного и того же языка? По всей вѣроятности останутся очень долгое время, такое долгое, что нельзя предвидѣть конца ему раньше наступленія какихъ нибудь переменъ въ общей исторіи человѣческаго рода и притомъ такихъ переменъ, для которыхъ теперь еще не замѣтно никакихъ подготовительныхъ обстоятельствъ. Словомъ, судя по нынѣшнему ходу дѣлъ, наиболѣе вѣроятной представляется та перспектива, что люди англійскаго языка получатъ преобладающее вліяніе на исторію всего человѣчества.

3.

О различіяхъ между народами по національному характеру ¹⁾).

Быть и событія жизни людей опредѣляются отчасти внѣшними фактами независимыми отъ ихъ качествъ, отчасти собственными ихъ качествами. Тѣ группы людей, о которыхъ рассказываетъ исторія—народы, части народовъ, соединенія народовъ или частей народовъ.

Изъ этихъ безспорно справедливыхъ мыслей само собою слѣдуетъ, что наши званія о качествахъ народовъ могутъ служить однимъ изъ источниковъ разъясненія формъ быта и событій жизни историческихъ группъ людей.

Качества какой бы то ни было группы людей—совокупность качествъ отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ она состоитъ. Потому званія о качествахъ этой группы только совокупность знаній объ индивидуальныхъ качествахъ людей, составляющихъ ее. Такимъ образомъ, наши званія о качествахъ народа не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ нашихъ знаній о качествахъ отдѣльныхъ людей составляющихъ этотъ народъ.

Мы часто можемъ приобрета́ть довольно хорошее знакомство съ качествами отдѣльныхъ лицъ, не зная ни быта ихъ и никакихъ важныхъ фактовъ ихъ жизни. У каждаго бывающаго въ многочисленныхъ обществахъ есть знакомые, о которыхъ онъ ничего не знаетъ, кромѣ впечатлѣній, производимыхъ на него и его родныхъ или друзей встрѣчами въ обществѣ съ ними; эти встрѣчи могутъ быть совершенно ничтожны по своему содержанію, ограничиваться обмѣломъ привѣтствій и разговорами о предметахъ постороннихъ разговаривающимъ, и однако же давать намъ достаточные матеріалы для довольно вѣрныхъ сужденій объ нѣкоторыхъ изъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ нашего знакомаго. Напримѣръ, если мы разговаривали съ нимъ о газетныхъ извѣстіяхъ или городскихъ анекдотахъ, то очень можетъ быть, что мы хорошо узнали его мнѣнія о всяческихъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ; а по его мнѣніямъ мы можемъ разгадывать его нравственные качества.

Когда мы такимъ образомъ ознакомились съ нравственными качествами человѣка, о которомъ не знаемъ ничего кромѣ наружности, одесжды и этихъ его качествъ, мы можемъ дѣлать выводы о томъ, какой образъ жизни ведетъ онъ; и если услышимъ о какомъ нибудь важномъ его поступкѣ или событіи его жизни, можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетворительно объяснять этотъ фактъ нравственными качествами его. Предположимъ напримѣръ, что по его разговорамъ мы убѣдились, что онъ разсудителенъ и одаренъ твердой волей. Мы можемъ выводять изъ этого догадку, что онъ устроилъ свой бытъ по возможности хорошо, что напримѣръ онъ каждый день имѣетъ пищу, качество которой соответствуетъ его денежнымъ средствамъ, а не тратитъ на одинъ обѣдъ столько денегъ, что послѣ того нѣсколько дней голодаетъ. Предположимъ мы услышали, что онъ подвергнулся какой нибудь опасности, но вышелъ изъ нея цѣлъ; мы имѣемъ право сдѣлать догадку, что онъ держалъ себя въ этой опасности разсуди-

¹⁾ Веберъ, т. IX.

тельно и мужественно. Будутъ ли такія догадки достовѣрными знаніями? Разумѣется, нѣтъ; но пока не получимъ свѣдѣній, которыми опровергалась бы онѣ, мы имѣемъ разумное право считать ихъ правдоподобными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже очень вѣроятными.

Итакъ относительно отдѣльныхъ лицъ часто мы можемъ имѣть гораздо больше знаній о ихъ качествахъ, чѣмъ о ихъ бытѣ и важныхъ фактахъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ наши знанія о ихъ качествахъ могутъ оказывать намъ пользу для разясненія немногихъ и неудовлетворительныхъ свѣдѣній о ихъ образѣ жизни и о крупныхъ событіяхъ ея.

Таковы ли отношенія между нашими свѣдѣніями о качествахъ народовъ и свѣдѣніями о формахъ ихъ быта, о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи? Обыкновенно отношеніе между этими двумя рядами свѣдѣній о народахъ совершенно обратное: формы ихъ быта и крупные факты ихъ исторіи извѣстны намъ гораздо больше и точнѣе, чѣмъ ихъ качества, и наши понятія о ихъ качествахъ обыкновенно лишь выводы изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ бытѣ и судьбѣ. Возьмемъ для примѣра наше знаніе объ одномъ изъ качествъ древняго греческаго народа, о томъ, трусливый или храбрый народъ были греки.

Мы все говоримъ: греки были народъ храбрый. Спросимъ себя: почему знаемъ это? Намъ припоминаются Мараонъ, Саламинъ, Платея, множество другихъ сраженій, въ которыхъ греки побѣждали враговъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ они. Правда мы знаемъ, что они превосходили этихъ враговъ дисциплиной и были лучше вооружены; но никакое вооруженіе не дастъ побѣды малочисленному войску надъ многочисленнымъ врагомъ, если оно не состоитъ изъ людей храбрыхъ; а дисциплина можетъ быть сохранена во время сраженія только храбрыми людьми. То же самое относительно всехъ другихъ оговорокъ о преимуществахъ греческихъ войскъ помимо храбрости. Сдѣлавъ наибольшія допускаемыя разсудкомъ уступки по этимъ оговоркамъ, мы все-таки останемся въ необходимости признавать побѣды грековъ свидѣтельствующими о храбрости ихъ.

Что же такое наше знаніе объ этомъ качествѣ грековъ? Оно выводъ изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ битвахъ. Подобно этому и вообще, не событія греческой исторіи разясняются нашими знаніями о качествахъ грековъ, а на оборотъ качества грековъ извѣстны намъ по фактамъ ихъ жизни. Храбрость ихъ мы знаемъ по фактамъ ихъ военной дѣятельности; другія ихъ качества по результатамъ ихъ другихъ дѣятельностей, напримѣръ, умственные качества грековъ извѣстны намъ по произведеніямъ ихъ искусствъ, по ихъ литературѣ.

Такимъ образомъ, все наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ—не прямыя знанія, а выводы изъ нашихъ знаній о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи, о формахъ ихъ быта, о произведеніяхъ физической, умственной и нравственной дѣятельности ихъ.

Могутъ ли эти производныя знанія быть употребляемы для разясненія свѣдѣній о фактахъ того разряда, который другими своими фактами даетъ основу для нихъ? Безъ сомнѣнія, могутъ. Предположимъ напримѣръ что у греческихъ историковъ находится извѣстіе такого рода: когда греческое войско приблизилось къ рѣкѣ, персидское, стоявшее на другомъ берегу ея, ушло, не защищая перехода. Предположимъ что этимъ и ограничиваются все наши свѣ-

дѣнія о дѣлѣ, что мы не имѣемъ ни какихъ извѣстій о числѣ греческаго и персидскаго войскъ и не знаемъ, почему персидское войско ушло, не пытаясь оставить непріятеля. На основаніи нашего знанія, что греки были храбры и персы признавали ихъ превосходство въ этомъ качествѣ если не надъ малочисленнымъ отборнымъ корпусомъ воиновъ собственно персидской національности, то надъ массой своихъ разноплеменныхъ милицій, мы можемъ съ нѣкоторой степенью вѣроятности объяснить отступленіе персидскаго войска боязнью его начальниковъ, а что милиціонеры, составлявшіе, по всей вѣроятности массу его, не выдержатъ боя съ греками. Но мы не должны забывать, что это будетъ лишь догадка. Персидскіе военачальники могли имѣть совершенно иные мотивы отступленія. Быть можетъ, ихъ войско, стоявшее на рѣкѣ, было малочисленнѣе греческаго; въ такомъ случаѣ мотивомъ отступленія было не мнѣніе о превосходствѣ грековъ по храбрости, а число ихъ; или быть можетъ отступленіе было военной хитростью, персы хотѣли заманить грековъ въ такую мѣстность, гдѣ удобно будетъ истребить всѣхъ ихъ; а быть можетъ персидскіе военачальники ушли потому, что получили приказаніе спѣшить на защиту какой нибудь другой области отъ другого врага:—мало ли какіе мотивы могли быть у нихъ, помимо ихъ мнѣнія о храбрости грековъ. А впрочемъ, наша догадка правдоподобна, и нельзя осудить насъ за то, что мы остановились на ней, при недостаткѣ данныхъ для достовѣрнаго объясненія факта.

Но случаи, подобные предположенному нами, встрѣчаются рѣдко и вообще говоря маловажны. Обыкновенно, мы или имѣемъ такіе рассказы о фактахъ, что ходъ событій достаточно объясняется нашими достовѣрными знаніями объ общихъ качествахъ человѣческой природы, и нашими свѣдѣніями о состояніи народа въ данное время и подробностяхъ дѣла, или наши свѣдѣнія объ особенныхъ качествахъ народа такъ скудны и шатки, что ставить ихъ объясненіемъ фактовъ значить превращать исторію въ сказку, сочиняемую нами по нашему произволу.

Наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ народовъ прошлыхъ временъ—знанія не прямыя, а производныя изъ знаній о фактахъ ихъ жизни; потому яено, что они гораздо скуднѣе, гораздо менѣ точны и достовѣрны, чѣмъ знанія о фактахъ, служащія основаніемъ для вывода ихъ. Относительно прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ, это не можетъ быть измѣнено. Намъ нельзя знать умственные и нравственные качества ихъ иначе, какъ по фактамъ ихъ исторической дѣятельности.

Но не можемъ ли мы пріобрѣсти объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ современныхъ намъ народовъ прямыя свѣдѣнія такія обширныя и точныя, чтобъ они служили прочнымъ основаніемъ для разясненія историческихъ фактовъ?

Чтобъ увидѣть, удобнѣе ли такой трудъ, попробуемъ составить списокъ тѣхъ людей, которые хорошо знакомы намъ; и дѣлать отмѣтки о ихъ качествахъ. Пусть въ нашъ списокъ будетъ внесено 100 человѣкъ. Скоро мы кончимъ работу, если захотимъ вести ее съ точностью, удовлетворительной для ученыхъ соображеній?

Многія качества человѣка могутъ быть узнаваемы очень легко; таковы напримѣръ его наружность и размѣръ его физической силы. При обыкновенныхъ условіяхъ нашихъ встрѣчъ съ людьми достаточно взглянуть на человѣка, чтобы

получить довольно точное представление о его наружности; а чтобы приобрести довольно точное понятие о размѣрѣ его силы, достаточно увидѣть его берущимъ въ руки тяжелую вещь. Но и чисто физическія качества не всё можно узнавать легко. Напримѣръ есть болѣзни, вліяніе которыхъ остается незамѣтно до очень высокой степени ихъ развитія. Человѣкъ можетъ быть близокъ къ смерти по дѣйствію такой болѣзни, а казаться здоровымъ. Припомнимъ для примѣра нѣкоторые виды тифа и оспу. Человѣкъ уже заразился, а продолжаетъ быть по виду совершенно здоровымъ. Принадлежитъ ли физическое здоровье къ качествамъ человѣка или нѣтъ? Должно ли оно входить въ понятие о характерѣ человѣка? — На первый вопросъ, вѣроятно, всё скажутъ да; на второй множество ученыхъ, любящихъ объяснять исторію народовъ качествами ихъ, отвѣчаютъ нѣтъ. Обыкновенно однакоже они говорятъ о темпераментѣ народовъ: «этотъ народъ имѣетъ веселый характеръ, а этотъ угрюмъ по характеру». Темпераментъ сильно видоизмѣняется отъ переменъ въ состояніи здоровья. Больной человѣкъ вообще имѣетъ менѣе веселое настроеніе духа, чѣмъ здоровый. Легкое хроническое разстройство здоровья отъ неудовлетворительныхъ условій житейской обстановки не называется болѣзью, но имѣетъ значительное вліяніе на настроеніе духа.

Оставимъ разборъ вопросовъ о физическихъ качествахъ. Должно ли причислять къ умственнымъ качествамъ человѣка его знанія, къ нравственнымъ качествамъ, — должно ли причислять его привычки? Если отвѣчать нѣтъ, то у насъ не останется никакой возможности сдѣлать характеристику человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а если вводить въ понятие о характеристикѣ человѣка его знанія и привычки, то очень рѣдко найдется человѣкъ, о которомъ можно было бы сказать, что напримѣръ въ 40 лѣтъ онъ сохранилъ тотъ характеръ, какой имѣлъ въ 20.

Какъ бы ни былъ кратокъ нашъ списокъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, въ числѣ ихъ найдутся принадлежащія къ разряду качествъ трудно узнаваемыхъ. Напримѣръ, вѣроятно, мы не забыли внести въ него разсудительность, твердость воли, честность. Если внесено хоть одно изъ этихъ качествъ, намъ во многихъ случаяхъ будетъ мудрено рѣшать, какую отмѣтку объ этомъ качествѣ ставить противъ имени нашего знакомаго. Можно прожить годы съ человѣкомъ и не узнать достовернымъ образомъ, разсудителенъ онъ или нѣтъ, сильна или слаба его воля и тверда ли его честность; и самъ онъ можетъ дожить до 30, до 50 лѣтъ, не зная на какія поступки высокаго благородства или низкой пошлости, отваги или трусости способенъ онъ. Кому изъ насъ не случалось часто слышать отъ своихъ близкихъ знакомыхъ: «удивляюсь, какъ могъ я это сдѣлать» и вмѣстѣ съ ними двинуться ихъ поступкамъ, совершенно противорѣчащимъ нашему понятію о характерѣ ихъ. Человѣкъ дожилъ до 50 лѣтъ, не дѣлая ничего безразсуднаго, попалъ въ затрудненіе, какого не случалось ему испытывать, и потерялъ голову, дѣйствуетъ безразсудно: мало ли случаевъ подобнаго рода? — Но не будемъ стѣсняться недостаточностью нашихъ знаній о тѣхъ умственныхъ или нравственныхъ качествахъ нашихъ знакомыхъ, которыя трудно узнавать; будемъ приписывать характеризваемымъ нами людямъ разсудительность, безразсудство, твердую волю или слабую волю безъ заботы о провѣркѣ, основательно ли наше мнѣніе. Съ этой заботой мы впутались бы въ такой долгій и

тяжелый трудъ, что, по всей вѣроятности, не довели бы его до конца. Безъ нея мы легко и быстро составимъ характеристики своихъ знакомыхъ по нашему списку качествъ. Разумѣется, научная цѣнность такого списка будетъ очень мала. Вѣрные знанія будутъ перепутаны въ немъ съ такимъ множествомъ ошибокъ, что лучше всего будетъ бросить его въ печь. Но сдѣлаемъ это чрезъ минуту по его окончаніи, а эту минуту употребимъ на то, чтобы посмотрѣть, какую степень разнообразія имѣютъ характеры, начерченные нами. Мы увидимъ, что разнообразіе ихъ очень велико.

Впрочемъ, это, по всей вѣроятности, извѣстно каждому изъ насъ и безъ напрасной работы записывать, какое мнѣніе мы имѣемъ о характерѣ нашихъ знакомыхъ. Если такъ, то намъ нѣтъ и надобности дѣлать ту пробу, о которой мы говорили. Изложимъ тѣ выводы, какіе дала бы она, если бы была сдѣлана.

Въ кругу знакомыхъ каждаго изъ насъ нѣтъ двухъ людей, характеры которыхъ не имѣли бы очень важныхъ различій между собой. Комбинаціи качествъ очень разнообразны; напримѣръ, съ разсудительностію иногда соединяется большой умъ, иногда такой размѣръ умственной силы, который лишь немногимъ отличается отъ тупоумія. Множество людей, называемыхъ въ умственномъ отношеніи совершенно бездарными, очень разсудительны. Всѣхъ мы имѣемъ уже четыре разряда людей: даровитые и благоразумные; даровитые и неразсудительные; бездарные и благоразумные; бездарные и безразсудные. Прибавимъ оцѣнку по какому нибудь третьему качеству, напримѣръ по честности, каждый разрядъ распадется на два разряда. Какое число разрядовъ мы получимъ, если произведемъ оцѣнку по девяти качествамъ? Если не всѣ 1024 разряда, даваемые формулой комбинацій, то навѣрное сотня изъ этого числа типовъ попадаютъ въ дѣйствительности.

Та проба, которую предлагали мы сдѣлать, дастъ результаты, лишеныя научной серьезности, потому что довести ее до конца можно только подъ условіемъ записывать наши мысли о качествахъ нашихъ знакомыхъ безъ заботы о провѣркѣ неосновательности нашихъ мнѣній. Но сдѣлана ли хотя бы такая же поверхностная попытка опредѣлить характеры людей, составляющихъ не кругъ нашихъ личныхъ знакомыхъ, а цѣлый народъ? Кто когда пытался считать, какую пропорцію общаго числа людей какого нибудь народа составляютъ напримѣръ люди разсудительные и какую люди неразсудительные, какую люди твердой воли, какую люди слабой воли, и такъ далѣе, и какую пропорцію въ общемъ числѣ составляютъ люди того или другого изъ умственныхъ и нравственныхъ типовъ, образуемыхъ разными комбинаціями качествъ?—Ничего подобнаго не дѣлалось относительно какого бы то ни было народа. И должно прибавить, что количество труда, нужное для хорошаго прямого изслѣдованія пышныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ какого нибудь изъ цивилизованныхъ народовъ далеко превышаетъ своей громадностью размѣръ силъ ученаго сословія этого народа.

Потому мы принуждены довольствоваться нашими субъективными, случайными и очень ограниченными наблюденіями характеровъ людей и выводами о нравственныхъ качествахъ изъ нашихъ знаній формъ быта и крупныхъ событій жизни народовъ. Сумма знаній, доставляемыхъ этими источниками, скудна и страдаетъ примѣсно шаткихъ догадокъ; но хорошо было бы, если бы мы заботились пользоваться хотя этими неудовлетворительными матеріалами съ внимательностью и осторожностью. Мы не дѣлаемъ и этого. Ходячія понятія о характерахъ народовъ со-

ставлены небрежно или подъ преобладающимъ вліяніемъ нашихъ симпатій или антипатій. Въ примѣръ небрежности приведемъ общепринятое опредѣленіе національнаго характера древнихъ грековъ. Каждому изъ насъ врѣзалась въ память слѣдующая характеристика качествъ древняго греческаго народа:

«Национальными качествами грековъ были любовь къ искусству, тонкое эстетическое чувство, предпочтеніе изяшнаго роскошному, воздержность въ наслажденіяхъ, умѣренность въ питъѣ вина и тѣмъ болѣе въ ѣдѣ. Пирѣ грековъ были веселы, но чужды пьянства и обжорства».

Ограничимся этими чертами національнаго характера, приписываемаго грекамъ.

Возьмемъ тотъ періодъ жизни греческаго народа, который составилъ славу грековъ. Онъ начинается около эпохи марафонскаго сраженія и кончается около времени херонейской битвы. Въ этотъ періодъ важнѣйшими греческими государствами были спартанское, аѣнское, ѣванское, спракузское. Очень большую важность имѣли также коринѣское и агригентское. Не должно забывать и того, что самой обширной областью коренной греческой страны была Ѳессалія.

По тѣмъ же самымъ историкамъ, которые опредѣляютъ характеръ всего греческаго народа перечисленными у насъ чертами, спартанцы были народъ, жертвовавшій потребностямъ военной гимнастики и дисциплины всеми другими заботами или влеченіями. Съ той поры, какъ начинаются точныя извѣстія о спартанцахъ, мы видимъ, что эти воины, принужденные жить у себя дома скудно и сурово, какъ въ лагерѣ, предаются оргіямъ, лишь вырвутся на свободу. Павзаній, побѣдитель при Платеѣ, первый спартанецъ, о жизни котораго мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, ужъ былъ таковъ. Оставшись на волѣ въ Византіи, онъ сталъ жить какъ персидскій сатрапъ и до того увлекся жаждой роскошнаго разврата, что хотѣлъ отдать Грецію подъ господство персидскаго царя, для полученія сатрапскаго владычества надъ нею въ должности персидскаго намѣстника. Менѣе знамениты, но достаточно извѣстны намъ гармосты Лизандра. Они держали себя тоже, какъ персидскіе сатрапы. Какихъ художниковъ, поэтовъ или ученыхъ произвела Спарта?—никакихъ; если бывали въ Спартѣ хорошіе музыканты, то они были пріѣзжіе.

Ѳиванцы были обжоры и пьяницы по увѣренію всехъ историковъ и были лишены живости ума. Пьяные обжоры, они погрязали въ тупой умственной и нравственной апатіи. Ѳессалійцы были грубые пьяницы и развратники, презиравшіе всякую умственную дѣятельность.

Спракузанцы и агригентцы не знали воздержанности ни въ чемъ; мудрая греческая умѣренность въ наслажденіяхъ была невѣдома имъ; потому они подверглись участи сибаритовъ, такъ говорятъ историки; коринѣяны они называютъ развратниками, подобными азіатцамъ.

Къ кому-жъ изъ грековъ примѣняется характеристика всего греческаго народа? Только къ аѣнтянамъ. Да и то лишь къ аѣнтянамъ двухъ поколѣній, которые жили между марафонской битвой и началомъ пелопоннесской войны. Въ эту войну аѣнтяне были ужъ испорченный народъ, говорятъ намъ историки, а до марафонской битвы они еще не проявляли тѣхъ качествъ, какими прославились во времена Перикла. Мы видимъ, что вмѣсто характеристики греческаго народа намъ дается характеристика аѣнтянъ во времена Перикла.

Характеристика греческаго народа, повторяемая большинством историковъ, составлена небрежно. Но она хороша, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не впаушена дурными тенденціями.

Даже и этого достоинства лишены ходячія характеристики тѣхъ народовъ, которые еще существуютъ. Мы приведемъ лишь одну изъ нихъ.

Итальянцы, какъ извѣстно всѣмъ цивилизованнымъ народамъ кромѣ самихъ итальянцевъ, трусливы, коварны; и если не употребляется о нихъ выраженіе «подлый народъ», то лишь по свойственной нашему деликатному времени нелюбви къ слишкомъ грубымъ эпитетамъ, а смыслъ ходячей за Альпами характеристики итальянскаго народа тотъ самый, который на безцеремонномъ языкѣ выражается словомъ «подлость».

Мы выбрали для примѣра ходячую характеристику итальянскаго народа потому, что при разборѣ ея порицаніе за недобросовѣстность падаетъ не на одинъ какой нибудь народъ, а ложится общей виной на три націи: испанскую, французскую и нѣмецкую; да и англичане не участвовали въ составленіи этой характеристики только потому, что не случилось имъ предпринимать много экспедицій для покоренія Италіи. Ихъ ученымъ досталась характеристика, ужъ изготовленная; они приняли ее.

Какимъ образомъ составилаь эта характеристика итальянскаго народа? Главнымъ источникомъ ея была досада завоевателей на желаніе итальянцевъ освободиться отъ ихъ владычества. Въ Италію ходили нѣмцы, плавали испанцы, ходили туда французы; всѣ они побѣждали, покоряли Италію или часть ея; при первой возможности покоренные разрывали обѣщанія, данныя покорителямъ, и пытались свергнуть съ себя ихъ яго. Какой покоренный народъ не поступалъ точно такъ же? Въ политическихъ дѣлахъ тяжелыя обѣщанія сохраняются, лишь пока не представляется надежды избавиться отъ ихъ исполненія. Это мы видимъ въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ или частей народовъ; примѣровъ противнаго нѣтъ. Одно изъ двухъ: или историки каждаго другаго европейскаго народа должны называть свой народъ коварнымъ, или они не имѣютъ права ругать итальянскій народъ за то, за что прославляютъ свой народъ, за любовь къ независимости.

Но итальянцы не только коварны, они и трусы. Намъ говорятъ: чѣмъ же, какъ не превосходствомъ храбрости завоевателей, то-есть недостаткомъ мужества у итальянцевъ сравнительно съ ними объяснить завоеванія иноземцевъ въ Италіи?— Вудемъ припоминать обстоятельства, при которыхъ итальянцы были побѣждаемы, и увидимъ, что ходъ событій опредѣлялся такими отношеніями силъ, при которыхъ итальянцы были бы побѣждаемы, еслибы и превосходили своихъ иноземныхъ враговъ мужествомъ. Въ X вѣкѣ всѣ земли, составлявшія имперію Карла Великаго, раздробились на мелкія государства; шелъ процессъ раздробленія и въ Германіи, но медленно, чѣмъ во французской и въ итальянской земляхъ. Нѣмецкій король еще сохранялъ довольно большую власть надъ областными государями, когда французскій король сталъ уже безсиленъ за границами своего непосредственнаго областнаго владѣнія; то-же самое, что во Франціи, было и въ Италіи. Въ этомъ отношеніи нельзя сказать объ итальянцахъ ничего дурнаго, чего не слѣдовало бы съ такой же силой примѣнить къ французамъ, а потомъ и къ нѣмцамъ. Напротивъ были обстоятельства, дѣлавшія утрату національной силы болѣе извинитель-

ной для итальянцев: южная часть ихъ земли оставалась подъ византийской властью; ихъ берега были ближе французскихъ для нападеній африканскихъ мусульманъ.—Италія была, подобно Франціи, раздроблена; но она была богаче Франціи. Нѣмецкіе короли справедливо находили, что выгодиѣ грабить и поработать Италію, чѣмъ Францію, потому ходили въ Италію. Могутъ ли быть обвиняемы въ недостаткѣ храбрости мелкія государства за то, что король большаго государства побѣждаетъ ихъ? Говорятъ: но итальянцы сами облегчали иноземцамъ завоеваніе своей земли междусобіями. Что въ этомъ особеннаго? У какого народа раздробленнаго на разныя государства, не было междусобій?—Когда восточная часть Испаніи объединилась въ сильное государство, а французская королевская династія объединила подъ непосредственной властью короля, большую часть Франціи и сдѣлала Провансъ владѣніемъ родственниковъ короля, то стали нападать на Италію арагонцы и французы. Такимъ образомъ, итальянцы должны были отбиваться отъ трехъ сильныхъ народовъ. Свидѣтельствуешь ли противъ храбрости ихъ то, что они были побѣждаемы? Такое положеніе дѣлъ оставалось до недавняго времени. Если мы всмотримся въ подробности борьбы мелкихъ итальянскихъ государствъ противъ сильныхъ иноземныхъ войскъ, мы увидимъ множеество примѣровъ тому, что итальянцы сражались храбрѣ своихъ завоевателей.

Историки, называющіе итальянцевъ трусами, вообще держатся той теоріи, что качества народа составляютъ неизмѣнный потомственный характеръ его, наследуемый потомками отъ предковъ; о томъ, на сколько сообразна съ фактами эта теорія, мы будемъ говорить послѣ. Теперь замѣтимъ, что ученые, держашіеся ея, были бы повидимому обязаны считать итальянцевъ очень храбрыми народомъ. Дѣйствительно, кто предки итальянцевъ? римляне; или, если прибавлять и второстепенные элементы, то кромѣ римлянъ также греки, лангобарды, норманны, арабы. Всѣ эти народы считаются очень храбрыми. Какимъ же образомъ потомки храбрцовъ могутъ получать названіе трусовъ отъ людей, постоянно твердящихъ о неизмѣнной наследственности характера? Это дѣлается по очень легкому способу: теорія наследственности проповѣдуется на тѣхъ страницахъ, на которыхъ автору надобно твердить ее, а на промежуточныхъ страницахъ, для которыхъ она неудобна, мѣсто ея занимаетъ какая-нибудь другая теорія, болѣе удобная для автора въ эти часы его соображеній, чаще всего теорія вырожденія. Если историкъ, проповѣдующій теорію неизмѣнности національныхъ качествъ, пишетъ подробный разсказъ о средневѣковыхъ нашествіяхъ на Италію, итальянцы на страницахъ его разсказа вырождаются и возрождаются много разъ. Подходитъ большое иноземное войско, на примѣръ къ Риму. Въ Римѣ передъ тѣмъ временемъ было междусобіе; побѣжденная партія мѣшаетъ ненавистнымъ противникамъ въ дѣлѣ обороны или предательски отворяетъ ворота города иноземцамъ. Въ этомъ нѣтъ ровно ничего особеннаго римскаго или итальянскаго; такъ дѣлалось во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ городахъ во времена междусобій. Но такъ ли поступили древніе римляне, когда подошелъ къ Риму Ганнибалъ? Нѣтъ, не такъ. Они не выпустили Ганнибала въ Римъ. А теперь, въ такой-то годъ XI или XII столѣтія римляне сдались нѣмецкому королю. Очевидно, за разсказомъ объ этомъ очень удобно можетъ быть помѣщена тирада въ патетическомъ тонѣ съ восклицательными знаками: «Да, римляне теперь не были достойными потомками тѣхъ римлянъ, которые назначили торгъ на аренду земель, занятыхъ подъ стѣнами Рима войскомъ Ганнибала и да-

вали за участки этихъ земель такую же высокую арендную плату, какъ въ мирное время, непоколебимо убѣжденные, что скоро отбѣнятъ грознаго врага! Теперь въ Римѣ уже не было истинныхъ римлянъ! Жалкіе люди, называвшіе себя этимъ славнымъ именемъ, были...» идутъ всякіе ругательные эпитеты, какіе только дозволяетъ автору употребить его благовоспитанность. — Нѣмецкій король вошелъ въ Римъ, папа коронуется его. На коронаціонномъ праздникѣ нѣмецкое войско разбуянилось; жители Рима, выведенные изъ терпѣнія, забыли, что шансы удачи для нихъ малы, схватились за оружіе; начался бой противъ нѣмцевъ. Исходъ его, разумѣется, зависѣлъ отъ того, успѣли-ль къ этому часу дня переодѣться почти все нѣмцы, или большинство ихъ, хотя и пьяное, еще сохранило силу крѣпко держаться на ногахъ и разсудокъ смыкаться въ боевой порядокъ. Если сохранило, то войско, хорошо дисциплинированное и превосходно вооруженное, одерживало побѣду надъ нестройными толпами людей, между которыми было мало опытныхъ солдатъ. А если нѣмцы были пьяны до неспособности сражаться, то народъ выгонялъ ихъ изъ Рима. Въ такомъ случаѣ историкъ размышляетъ, вставить ли не вставить въ разсказъ тираду о томъ, что римляне показали себя достойными потомками славныхъ предковъ. Если онъ находитъ, что тирада о ихъ трусости не отдѣлена отъ страницы, которую пишетъ онъ, количествомъ страницъ достаточнымъ для возрожденія римлянъ, они останутся на этотъ разъ невозродившимися. Но черезъ пять или семь лѣтъ нѣмецкій король — теперь уже римскій императоръ — снова идетъ къ Риму. На этотъ разъ у римлянъ не было междуусобія, или побѣдившая партія успѣла установить крѣпкую власть, побѣжденные въ чувствѣ своего безсилія помирялись съ побѣдителями; измѣны нѣтъ, правительство сдѣлало большіе запасы провіанта; городъ выдерживаетъ продолжительную осаду; нѣмцы разбиты удачною вылазкой, или большинство ихъ погибло отъ битвъ и болѣзней; они отступаютъ, римляне преслѣдуютъ ихъ. Тутъ историкъ чувствуетъ сильное желаніе возродить римлянъ и не находитъ никакихъ препятствій къ этому, потому что послѣдняя тирада о ихъ трусости помѣщена не ближе, какъ страницъ за десять передъ той, которую пишетъ онъ теперь; римляне возрождаются подъ его перомъ. Если вы одарены человѣколюбивымъ образомъ мыслей, не спѣшите радоваться: черезъ достаточное число страницъ они снова вырождаются; но знайте впередъ, что вамъ не будетъ тогда надобно предаваться большому огорченію: они черезъ нѣсколько страницъ возродятся въ двадцатый или въ двадцать первый разъ.

Много геройскихъ подвиговъ совершали итальянцы въ долгіе вѣка своей раздробленности. Но съ самаго завоеванія лангобардскаго королевства Карломъ Великимъ до очень недавняго времени они не могли отбиться отъ многочисленныхъ, могущественныхъ враговъ: каждый сосѣдъ, когда могъ собрать большое войско, шелъ или плылъ грабить богатую и раздробленную Италію; если итальянцы успѣвали отразить его, онъ, оправившись отъ неудачи, возобновлялъ нападенія, а если онъ долго оставался ослабѣвшимъ, то вмѣсто него шелъ грабить Италію другой сосѣдъ; потому при множествѣ удачныхъ сраженій итальянцы никогда не имѣли времени отдохнуть, и побѣды ихъ оставались напрасны: отбившись отъ нѣмцевъ, они подвергались нападеніямъ испанцевъ или французовъ; даже венгры много разъ ходили грабить Италію. Отразивъ одно нападеніе, изнуренные итальянцы дѣлались жертвами, если не второго, то третьяго нападенія и снова оказывались трусами, помнянію побѣдителей, повторяемому до сихъ поръ большинствомъ

историковъ другихъ націй. Историки вообще расположены превозносить покорителей и ругаться надъ покоренными. Это не ихъ профессиональная слабость, а только результатъ зависимости ихъ сужденій отъ общественнаго мнѣнія націй, къ которымъ принадлежатъ они.

Теперь можно полагать, что Италия сохранить свою независимость. Тѣ народы, которые стремились грабить и поработать ее, начинаютъ, кажется, привыкать къ мысли, что итальянскій народъ не поддастся иноземному владычеству безъ упорнаго сопротивленія, что желаніе поработить его должно быть отброшено, какъ неудобовосполнимое. Когда они привыкнутъ думать такъ, ихъ историки будутъ справедливѣе судить о прошломъ итальянскаго народа, будутъ признавать, что хотя раздробленность и отнимала у него силу успѣшно бороться противъ иноземныхъ нашествій, но разрозненные и потому слабыя части его выказывали въ первой борьбѣ не меньше мужества, чѣмъ ихъ поработители.

Тогда исчезнетъ одна изъ тѣхъ пошлыхъ выдумокъ, на которыхъ держится теорія вырожденія вародовъ во времена упадка ихъ военнаго могущества.

Итальянцы—потомки того народа, который покорилъ и цивилизовалъ Пиренейскій полуостровъ, Галлію, Англію и часть Германіи, покорилъ всѣ земли кругомъ Средиземнаго моря и много земель, далекихъ отъ него. Римское государство стало ослабѣвать; восточная половина, въ которой преобладала греческая цивилизація, сдѣлалась особымъ государствомъ; западная половина, оставшаяся подъ властью римлянъ, продолжала ослабѣвать и вскорѣ была ограблена и поработана варварами. Изъ этого выводятъ, что римляне выродились. Дѣло объясняется фактами, не оставляющими мѣста для этого приговора. Съ какого времени началось мнимое вырожденіе римлянъ? Обыкновенно считаютъ первымъ важнымъ проявленіемъ его пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу. Но болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того кимбры и тевтоны истребили нѣсколько римскихъ войскъ, не менѣе многочисленныхъ, чѣмъ войско Вара, и ворвались въ Италію. За сто лѣтъ раньше того былъ фактъ, еще болѣе характеристичный: Ганнибалъ вошелъ въ Италію, нанесъ нѣсколько пораженій римскимъ войскамъ, превосходившимъ численностью его войско, тринадцать лѣтъ держался въ Италіи и покинулъ ее, лишь повинувъся приказанію правительства своей родины. Не съ этого ли времени слѣдуетъ считать римлянъ выродившимися? — Есть историки, у которыхъ мелькаетъ въ мысляхъ такое предположеніе. Съ той точки зрѣнія, на которой стоятъ цѣнители нравственныхъ качествъ народа по успѣшности битвъ, оно справедливо. Но война, долго шедшая постыдно для римлянъ, кончилась побѣдой ихъ; и послѣ того они сдѣлали громадныя завоеванія. Это мѣшаетъ признать ихъ выродившимися въ эпоху нашествія Ганнибала. Напрасное затрудненіе: скажемъ, что они выродились передъ второй пунической войной и возродились во время ея; этимъ будетъ объяснено все: и позоръ пораженій на Требии, у Тразименскаго озера, при Каннахъ, и еще постыднѣйшая трусость римлянъ, допускавшая ослабѣвшаго Ганнибала оставаться въ Италіи цѣлыя тринадцать лѣтъ послѣ битвы при Каннахъ, и побѣда римлянъ надъ нимъ и послѣдующія ихъ завоеванія. Сдѣлавъ огромныя завоеванія, римляне стали ослабѣвать и были наконецъ покорены варварами. Изъ этого выводится, что они выродились. Но у тѣхъ же самыхъ историковъ разсказываются факты, достаточно объясняющіе разрушеніе римской имперіи и безъ этого фантастическаго предположенія. Припомнимъ лишь одну ту сторону хода

перебъитъ въ обстоятельствахъ, которая преобразовала составъ римскаго войска, и паденіе римской имперіи уже будетъ понятно безъ помощи пустыхъ выдумокъ. Когда римляне, покоривъ сосѣднія итальянскія земли, стали ходить за Альпы и отправлять войска за морѣ, перестало быть возможнымъ для ихъ воиновъ прежнее соединеніе военнаго ремесла съ домашнимъ бытомъ. Народъ раздѣлился на два класса: большинство гражданъ покинуло военную службу по несомвѣстности ея съ сохраненіемъ домашняго хозяйства, меньшинство бросило домашній бытъ, стало профессиональнымъ военнымъ сословіемъ, оторвавшись отъ общественныхъ связей; римскіе солдаты сдѣлались похожими по своимъ чувствамъ на средневѣковыхъ наемниковъ; имъ было все равно, съ кѣмъ сражаться, лишь бы получать жалованье и обогащаться добычей; римскіе полководцы стали похожи на итальянскихъ кондоттиеровъ. Таковъ былъ Марій; много раньше того уже занялъ подобное положеніе Сципіонъ Африканскій, побѣдитель Ганнибала: масса того войска, съ которымъ онъ поплылъ въ Африку, составила изъ людей, шедшихъ служить не сенату или народному собранію, а лично полководцу, обѣщавшему добычу и дававшему жалованье на первое время изъ своихъ собственныхъ денегъ. Мужественно ли или нѣтъ оставалось большинство римлянъ, отвыкшее отъ военнаго дѣла, все равно: оно не могло противиться своимъ войскамъ. Это было положеніе подобное тому, какое существовало во всей западной Европѣ съ конца среднихъ вѣковъ до недавняго времени. Французы или нѣмцы, испанцы или англичане XVI вѣка и слѣдующихъ двухъ столѣтій были одинаково неспособны сопротивляться своимъ войскамъ. Скажемъ ли мы, что все эти народы были тогда трусливы? Они просто не знали военнаго дѣла. Припомнимъ исторію Англій во время войнъ Алой и Бѣлой розъ: одинъ изъ соперниковъ собираетъ воиновъ по ремеслу, охраняющихъ уэльзскую границу, другой — воиновъ по ремеслу, охраняющихъ шотландскую границу; они идутъ одинъ на другого; кто одержалъ побѣду, входитъ въ Лондонъ и становится владыкой Англій. Нѣчто подобное этому представляютъ войны Суллы съ Маріемъ, Цезаря съ Помпеемъ. Въ Римѣ возникаетъ наконецъ наслѣдственность сана верховнаго полководца въ семействѣ Юлія Цезаря; все полководцы повинуются этому главнокомандующему войскъ римскаго государства. То же самое начинается и въ Англій со времени, какъ овладѣлъ государствомъ Генрихъ Тюддоръ. Въ XVII столѣтіи масса нѣмецкаго народа — беззащитная жертва армій Тилли, Валленштейна, Бернгарда Саксонскаго. Отъ Бернгарда зависитъ основать себѣ государство въ юго-западной Германіи или отдать свои завоеванія королю французскому. Франконія и Швабія принадлежатъ ему, какъ Италия Марію въ отсутствіе Суллы. Западная Европа выдержала это положеніе и мало-по-малу вышла изъ него къ началу нынѣшняго вѣка, благодаря тому, что по границамъ Испаніи, Франціи, Германіи не было варваровъ, имѣвшихъ главной своей мыслью грабить сосѣднія цивилизованныя земли и научившихся военному искусству на службѣ у народовъ этихъ земель. «Но существенный признакъ вырожденія римлянъ въ III и IV столѣтіяхъ нашей эры состоитъ именно въ томъ, что они брали массы иноземцевъ на свою службу», говорятъ намъ. А что такое дѣлали французы съ конца XV до начала XVIII столѣтія? Держало тогда или не держало французское правительство на своей службѣ многочисленный корпусъ швейцарскихъ наемниковъ? И сколько иноземцевъ было въ войскахъ Фридриха II? — Столько, сколько могъ онъ набрать; чѣмъ больше, тѣмъ пріятнѣе было ему.

Съ той поры, какъ историки считаютъ надобнымъ изучать политическую экономію и толковать о раздѣленіи труда, они въ книгахъ о послѣднихъ временахъ римской республики и о римской имперіи сами разъяняютъ, какими экономическими силами была произведена замѣна войска, состоящая изъ гражданъ домохозяевъ, войскомъ солдатъ по ремеслу и потомъ замѣна итальянцевъ на военной службѣ уроженцами областей менѣ цивилизованныхъ и вноземными варварами. Потому давно пора было бы бросить фантазію о вырожденіи римлянъ, слѣдовало бы говорить лишь о томъ, что масса итальянскаго населенія перестала образовывать главную массу войска, непрерывно ведущаго войны на отдаленныхъ границахъ и живущаго тамъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Такимъ образомъ, паденіе римской имперіи, завоеваніе Италіи варварами достаточно объясняется ужъ одной той перемѣной, которую произвели въ составѣ войска громадныя завоеванія римлянъ. Но вмѣстѣ съ военной перемѣной дѣйствовали въ томъ же разрушительномъ направленіи другія перемѣны, произведенныя завоеваніями; изъ нихъ особенно важна была перемѣна въ политическомъ устройствѣ государства; она была важнѣе военной. Соединяя дѣйствія этихъ перемѣнъ, мы найдемъ совершенно излишней выдумкой фантазію о вырожденіи римскаго народа.

Отложимъ споръ противъ фантастическихъ мнѣній, перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о національномъ характерѣ, которыя соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію знаній о жизни народовъ. Для упрощенія дѣла будемъ говорить только о тѣхъ народахъ, которые принадлежатъ къ романскому и германскому отдѣламъ арійскаго семейства. Едва ли найдется теперь историкъ, который не признавалъ бы, что всѣ отдѣлы арійскаго семейства имѣли первоначально одинаковыя умственные и нравственныя качества. Тѣмъ менше возраженій со стороны людей, знакомыхъ съ изслѣдованіями о первобытныхъ временахъ жизни арійцевъ можетъ встрѣтить мысль, что первоначально не было никакой разницы въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ между людьми соседнихъ двухъ отдѣловъ арійскаго семейства, населяющихъ теперь западную Европу, большую часть Америки, нѣкоторыя части Австраліи и южной Африки. Кто будетъ спорить противъ этого мнѣнія, покажетъ только свое желаніе отрицать результаты филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Итакъ предки романскихъ и германскихъ народовъ имѣли одинаковыя умственные и нравственныя качества. Теперь эти народы во многомъ отличаются одинъ отъ другого по своимъ учрежденіямъ и обычаямъ. Какъ произошла разница между ними? Есть мнѣніе, приписывающее ее вліянію примѣси людей не-арійскаго происхожденія. Говорятъ напримѣръ, что иберійцы (предки басковъ), народъ не-арійскаго семейства, составили очень значительную долю населенія, говорившаго римскимъ (или романскимъ) языкомъ въ вестготскомъ государствѣ; говорятъ, что осталась въ нынѣшнихъ испанцахъ и португальцамъ значительная примѣсь арабской и берберской крови. Она гораздо менѣ велика, чѣмъ полагаютъ ученые, говорящіе о значительности ея. Но отложимъ споръ. Пусть вліяніе иноплеменныхъ элементовъ на сформированіе нынѣшнихъ испанской и португальской національностей было велико. Но безспорно то, что во французскомъ народѣ очень мало примѣси крови какихъ нибудь людей, кромѣ кельтовъ, римлянъ и германцевъ. Въ западной Германіи почти всѣ люди потомки германцевъ. Въ Англіи и Шотландіи почти всѣ люди потомки кельтовъ, итальянцевъ и германцевъ

или скандинавовъ. Кельты теперь признаны имѣвшими національность, еще болѣе близкую къ латинской, чѣмъ первоначальная германская. Такимъ образомъ основные элементы французскаго, англійскаго и западно-германскаго населенія должны быть признаны тождественными, (по тождеству первобытныхъ италійцевъ и германцевъ). Что же мы видимъ теперь? Не будемъ говорить о разницѣ между англичанами, французами и западными нѣмцами, обратимъ вниманіе на каждый изъ этихъ народовъ отдѣльно. Беремъ Францію. Французскій народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ племенныхъ отдѣловъ. Когда мы сравниваемъ общепотребительныя характеристики ихъ, то кромѣ принадлежности къ одной филологической народности мы не найдемъ ни одной черты, которая была бы общей для всѣхъ ихъ. По ходячимъ характеристикамъ нормандецъ чловѣкъ болѣе различный своими умственными и нравственными качествами отъ гасконца, чѣмъ отъ англичанина.—Англія въ четыре раза меньше Франціи, но тоже дѣлится на нѣскольکو областей, въ каждой изъ которыхъ, если судить по характеристикамъ, даваемымъ этнографами, живетъ племя, вовсе не похожее своими умственными и нравственными качествами на другіе отдѣлы англійскаго народа. Приведемъ одипъ примѣръ. По общему мнѣнію англійскихъ и шотландскихъ этнографовъ, населеніе южной Шотландіи очень рѣзко отличается отъ массы англичанъ своими нравственными качествами. Эти шотландцы далеко превосходятъ англичанъ, по англійскому мнѣнію, хитростью и жадностью (а по своему выраженію, разсудительностью). Но жители сѣверной части Англіи говорятъ тѣмъ же нарѣчіемъ, имѣютъ тѣ же привычки, какъ эти шотландцы, и не отличаются отъ нихъ ничѣмъ, кромѣ того, что называютъ себя англичанами, а не шотландцами.—Нечего говорить о томъ, что швабы по этнографическимъ характеристикамъ ни мало не похожи на вестфальцевъ; этого достаточно относительно западной Германіи, въ населеніи которой нѣтъ никакой иноплеменной примѣси.

Правда, ходячія характеристики французскаго, англійскаго и нѣмецкаго народовъ фантастичны, такъ что французы дивятся и, смотря по настроенію духа, хохочутъ или сердятся, читая нелѣпности, пользующіяся у иноземцевъ репутаціей характеристики французскаго народа, и точно такія впечатлѣнія производитъ на нѣмцевъ ходячая у иноземцевъ характеристика нѣмецкой націи, на англичанъ—континентальная характеристика англійской націи; но нѣкоторыя разницы въ привычкахъ этихъ народовъ дѣйствительно существуютъ. Нелѣпы и тѣ ходячія характеристики, по которымъ каждый отдѣлъ населенія Франціи, Англіи, западной Германіи оказывается вовсе не похожъ на другія племена своей націи; но дѣйствительно есть и областныя разницы привычекъ. Какимъ же образомъ возникли эти областныя и національныя различія между людьми, происшедшими отъ предковъ, имѣвшихъ одинаковыя качества и привычки, отъ людей одного отдѣла, одного лингвистическаго семейства?

Народъ — группа людей, качества народа — сумма индивидуальных качествъ людей, составляющихъ эту группу; потому качества народа измѣняются переменной качествъ отдѣльныхъ людей, и причины переменъ однѣ и тѣ же въ обоихъ случаяхъ. Какимъ образомъ, напримѣръ, народъ, говорившій однимъ языкомъ, пачинаетъ говорить другимъ? Отдѣльныя лица находятъ надобнымъ выучиваться чужому языку; если та же надобность одинакова для всѣхъ

взрослыхъ семействъ, ихъ дѣти уже въ своемъ семействѣ привыкають говорить на языкѣ, который прежде былъ чужимъ ему; когда эта перемѣна произойдетъ въ большинствѣ семействъ, прежній языкъ будетъ быстро забываться массою народа, новый станетъ роднымъ ей. Разница между перемѣной языка у отдѣльнаго человѣка и у народа состоитъ только въ продолжительности времени, нужнаго для нея.

Точно то же происходитъ въ дѣлѣ приобрѣтенія или утраты всякихъ знаній и привычекъ. Отъ перемѣны въ знаніяхъ и привычкахъ измѣняется такъ называемый характеръ людей.

По какимъ причинамъ человѣкъ приобрѣтаетъ какія-нибудь знанія? — Отчасти по склонности всякаго мыслящаго существа изучать предметы и размышлять о нихъ, отчасти по житейской надобности въ тѣхъ или другихъ знаніяхъ. Любознательность, склонность къ наблюденію и размышленію — природное качество не человѣка только, но всѣхъ существъ, имѣющихъ сознаніе. Идва-ли найдется теперь натуралистъ, который не признавалъ бы, что всѣ существа, имѣющія нервную систему и глаза — существа мыслящія, что они изучаютъ обстановку своей жизни, заботятся улучшить ее. Потому теперь должно прямо называть не заслуживающимъ вниманія тотъ предразсудокъ, по которому ученые въ старину приписывали любознательность только нѣкоторымъ народамъ, а у другихъ отрицали ее. Никогда не было и не можетъ быть ни одного здороваго человѣка, который не имѣлъ бы нѣкоторой любознательности и нѣкотораго желанія улучшить свою жизнь.

Итакъ влеченіе къ приобрѣтенію знаній и склонность къ заботѣ объ улучшеніи своей жизни — врожденные качества человѣка, подобно дѣятельности желудка. Но существованіе дѣятельности желудка и потребность въ пищѣ могутъ оставаться плохо удовлетворенными по неблагопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппетитъ вовсе пропадаетъ. Когда внѣшнія обстоятельства не благопріятны приобрѣтенію знаній и успѣху заботъ объ улучшеніи жизни, умственная дѣятельность будетъ идти слабѣе, чѣмъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ замирать, какъ могутъ замирать другія влеченія человѣческой природы, безъ которыхъ дѣятельность легкихъ, желудка и другія такъ называемыя функція растительной жизни человѣка продолжаются не ослабѣвая. Отъ слишкомъ продолжительнаго голода человѣкъ умираетъ, отъ замиранія любознательности или эстетическаго чувства онъ не умираетъ, а только становится отупѣвшимъ въ этихъ отношеніяхъ. Что можетъ происходить съ отдѣльнымъ человѣкомъ, то можетъ происходить и съ огромнымъ большинствомъ народа, если оно подвергается тѣмъ же давленіямъ, и съ цѣлымъ народомъ, если подвергаются имъ всѣ люди, составляющіе его. При благопріятныхъ обстоятельствахъ врожденная склонность человѣка къ приобрѣтенію свѣдѣній и къ улучшенію своей жизни развивается; то же самое несомнѣнно и относительно народа, потому что всѣ перемѣны въ его физическомъ-ли, умственномъ-ли состояніи — суммы перемѣнъ, происходящихъ въ состояніи отдѣльныхъ людей.

Въ старину были споры о томъ, хороши или дурны врожденные нравственныя склонности человѣка. Теперь слѣдуетъ назвать обветшалыми сомнѣнія въ томъ, что онѣ хороши. Это опять частный случай гораздо болѣе широкаго

закона жизни органических существъ, одаренныхъ сознаниемъ. Есть такіе роды или виды живыхъ существъ, которые предпочитаютъ одинокую жизнь, чуждаются общества подобныхъ себѣ. Между млекопитающими таковы, какъ говорить, кротъ. Но громадное большинство видовъ млекопитающихъ находятъ приятнымъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ подобными себѣ. Это достоверно обо всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ млекопитающихъ, которые по своей организаціи менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ кротъ. Пока считалось возможнымъ называть всѣ другія живыя существа, кромѣ человѣка, лишенными сознания, можно было ставить вопросъ, — добръ, или злъ онъ по природѣ. Теперь этотъ вопросъ лишился смысла. Человѣкъ имѣетъ природную склонность къ доброжелательству относительно существъ своего вида, какъ имѣютъ ее всѣ тѣ живыя существа, которыя предпочитаютъ одиночеству жизнь въ обществѣ подобныхъ себѣ.

Но и склонность къ доброжелательству можетъ ослабѣвать подъ влияніемъ неблагоприятныхъ для нея обстоятельствъ. Существа самыя кроткія ссорятся между собою, когда обстоятельства, возбуждающія къ враждѣ, сильнѣе склонности къ доброжелательству. Дерутся между собою и лани, и голуби. Едва ли были дѣлаемы точныя наблюденія для разъясненія вопроса, до какой степени можетъ испортиться характеръ ихъ подъ влияніемъ обстоятельствъ, развивающихъ злыя привычки. Но о тѣхъ млекопитающихъ, которыя давно сдѣлались предметомъ постоянныхъ внимательныхъ наблюденій, какъ напримѣръ лошади, всѣмъ извѣстно, что при раздражающемъ ходѣ жизни характеръ ихъ можетъ сильно портиться.

Наоборотъ мы знаемъ, что млекопитающія, по своей природѣ жестоки къ существамъ другихъ видовъ и расположенны драться между собою при самыхъ маловажныхъ столкновеніяхъ интересовъ, приобретаютъ довольно кроткій характеръ, когда человѣкъ заботится о развитіи доброжелательности въ нихъ. При сеображеніяхъ объ этомъ обыкновенно преобладаетъ собака. Но еще замѣчательнѣе развитіе кротости въ кошкѣ. По природнымъ склонностямъ, кошка существо гораздо болѣе жестокое, чѣмъ волкъ. Однако же всѣ мы знаемъ, что кошка легко привыкаетъ держать себя мирно относительно домашней птицы. Есть множество разсказовъ о кошкахъ, привыкшихъ кротко выносить всякія обиды отъ маленькихъ дѣтей, играющихъ съ ними.

Одно изъ самыхъ важныхъ различій между млекопитающими по нравственнымъ качествамъ обуславливается устройствомъ ихъ желудка, по которому нѣкоторыя семейства питаются исключительно растительной пищей, другія исключительно животной. Всѣ мы знаемъ, что собака, родственница волка и шакала, питающихся исключительно пожираниемъ животныхъ, легко привыкаетъ ѣсть хлѣбъ и всѣ другіе сорта той растительной пищи, которую ѣдятъ люди. Она не можетъ питаться только сѣномъ, которымъ не способенъ питаться и человѣкъ. Едва ли были дѣлаемы точныя наблюденія о томъ, могутъ ли собаки совершенно отвыкать отъ мясной пищи. Но всѣмъ извѣстно, что собаки нѣкоторыхъ охотничьихъ породъ приучаются съ омерзеніемъ отвращаться отъ ѣды тѣхъ животныхъ, для охоты за которыми употребляются. Такая собака, мучимая голодомъ, не можетъ ѣсть такъ называемой дичи. Наоборотъ лошадь и корова или волъ легко привыкаютъ ѣсть мясной супъ. Были наблюдаемы случаи, что серны или сайги, живущія въ плѣну у человѣка, ѣли сало. Когда мы припоминаемъ такія рѣзкія перемены

качествъ, непосредственно обусловленныхъ устройствомъ желудка, то должны утратить для насъ всякій смыслъ сомнѣнія въ томъ, способны ли очень сильно видоизмѣняться подъ вліяніемъ обстоятельствъ качества, менѣе устойчивыя, чѣмъ особенности, зависящія отъ устройства желудка.

Умственные и нравственные качества менѣе устойчивы, чѣмъ физическія, потому должно думать, что и наследственность ихъ менѣе устойчива. Размѣръ наследственности ихъ еще не опредѣляетъ научными изслѣдованіями съ такой точностью, какая нужна для рѣшенія вопросовъ объ умственныхъ и нравственныхъ сходствахъ и разницахъ между людьми одного физическаго типа. Мы должны составлять себѣ понятія объ этомъ лишь по случайнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія приобретаемъ житейскими наблюденіями надъ сходствомъ или несходствомъ дѣтей съ родителями, братьевъ или сестеръ между собой.

Чтобы опредѣлить, каково въ сущности мнѣніе, приобретенное разсудительными людьми по житейскимъ наблюденіямъ этихъ сходствъ и разницъ, употребимъ способъ рѣшенія точно опредѣленныхъ гипотезъ, употребляемый натуралистами для разъясненія понятій о вопросахъ, которые трудно рѣшить анализомъ конкретныхъ фактовъ.

Предложимъ себѣ слѣдующую задачу. Въ глухомъ селеніи одной изъ земель западной Европы живутъ жена и мужъ, люди одного физическаго типа, одинаковыхъ характеровъ. Всѣ мужчины въ ихъ селеніи землевладѣльцы, а женщины помогаютъ мужчинамъ въ сельскихъ работахъ. Эти мужъ и жена ведутъ такой же образъ жизни; они трудолюбивы, честны, добры. У нихъ родился сынъ. Черезъ годъ по его рожденіи они умираютъ. Ближайшій родственникъ сироты — двоюродный братъ его матерн, человѣкъ жепатный, но бездѣтный. О немъ и о его жепѣ намъ извѣстно только, что они люди честные, добрые, трудолюбивые и не бѣдные, что они живутъ въ столицѣ страны другого народа, что они родились и всю жизнь провели тамъ, говорятъ на языкѣ этой столицы, не знаютъ никакого другого, и видывали нивы развѣ проѣздомъ по желѣзной дорогѣ. Больше ничего неизвѣстно намъ о нихъ. Мы не знаемъ, къ какому сословію гражданъ столицы принадлежатъ они и какой образъ жизни ведутъ; намъ сказано только, что они честные. Будучи извѣщены о смерти своей родственницы и ея мужа и о томъ, что остается сиротка, они рѣшаютъ взять малютку на воспитаніе къ себѣ и усыновляютъ. Прошло 29 лѣтъ. Усыновленный сирота сталъ 30 лѣтнимъ мужчиной. Его пріемные отецъ и еще мать живы; они любятъ его, какъ родного сына; онъ также любитъ ихъ, какъ родныхъ отца и мать. Подобно имъ, онъ трудолюбивъ. Со времени его усыновленія, въ жизни его не было никакихъ необыкновенныхъ случаевъ. Больше ничего не извѣстно намъ о немъ. Спрашивается, каковы, кромѣ трудолюбія, его привычки и качества и чѣмъ онъ занимается? На нѣкоторые вопросы объ этомъ можно дать отвѣты, имѣющіе очень большую степень вѣроятности. Такъ напримѣръ очень вѣроятно, что этотъ мужчина сталъ человѣкомъ той національности, къ которой принадлежитъ масса жителей столицы. Этотъ отвѣтъ подказанъ тѣмъ свѣдѣніемъ, что усыновившее сироту семейство не знало языка его родины, говорило на языкѣ столицы, въ которой выросло. Очень вѣроятно также, что онъ горожанинъ, а не земледѣлецъ. Это мнѣніе также основано на нашихъ знаніяхъ объ усыновившихъ его родныхъ. Землевладѣлецъ ли онъ? Едва ли; жилищные горожане въ западной Европѣ находятъ профессію землепашца

невыгодной для себя и не готовятъ къ ней своихъ младшихъ. По всей вѣроятности, онъ горожанинъ. Какой городской профессіей занимается онъ; ремесленникъ онъ, или школьный учитель, или адвокатъ, или врачъ? Никакого сколько нибудь разсудительнаго рѣшенія этого вопроса мы не можемъ сдѣлать, потому что не знаемъ, какой городской профессіей занимался пріемный отецъ и какихъ мыслей объ этой профессіи держался онъ и его жена; находили ли они, что ихъ пріемному сыну лучше всего будетъ стать человѣкомъ этой же профессіи, или предпочитали ей какую нибудь другую.

Намъ теперь легко узнать истинный характеръ нашихъ мнѣній о томъ, влиянію ли происхожденія или влиянію жизни мы приписываемъ преобладающую силу въ дѣлѣ образованія нравственныхъ качествъ. Мы нашли вѣроятнымъ, что сирота сдѣлался честнымъ человѣкомъ. Онъ росъ въ честномъ семействѣ; будучи огражденъ отъ нищеты благосостояніемъ и любовью своихъ пріемныхъ отца и матери, онъ безъ труда могъ приобрести привычку гнушаться воровствомъ и другими видами безчестныхъ поступковъ. Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли влиянію жизни, а не влиянію происхожденія мы приписываемъ развитіе хорошихъ качествъ, перемѣнимъ условія гипотезы, предположимъ, что люди усыновившіе сироту, жили плутовскими продѣлками и считали глупостью быть честными относительно постороннихъ людей. Велика ли увѣренность, что сирота, воспитанный ими, выросъ честнымъ человѣкомъ? Мы видимъ, что нравственныя качества его родителей вовсе не принимаются нами въ соображеніе, потому что онъ сталъ сиротой раньше, чѣмъ могъ научиться отъ нихъ чему нибудь дурному или хорошему.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о развитіи характера отдѣльныхъ людей, которыя соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію нашихъ теоретическихъ знаній и выводамъ изъ житейскихъ наблюденій. Для упрощенія дѣла мы будемъ говорить исключительно о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства. Когда люди передовыхъ націй привыкнувъ справедливо судить другъ о другѣ, они будутъ приготовлены справедливѣе нынѣшняго судить и о людяхъ другихъ лингвистическихъ или расовыхъ отдѣловъ.

Возьмемъ двухлѣтняго ребенка. Опаснѣйшее время физическаго развитія ужь перенесено имъ. Онъ остался здоровымъ, крѣпкимъ. Устранимъ всякія предположенія о какихъ нибудь особенныхъ бѣдствіяхъ въ слѣдующіе годы его физическаго развитія и спросимъ себя, нужны ли какія нибудь благоприятныя условія жизни для того, чтобъ онъ выросъ здоровымъ. Мы знаемъ, что для этого нужны между прочимъ удовлетворительная пища и удовлетворительная обстановка домашней жизни. Изъ сотни здоровыхъ двухлѣтнихъ дѣтей доживетъ 80 или 90 здоровыми до 20 лѣтняго возраста, если эти условія существуютъ для нихъ. А если ихъ семейства обнищали около того времени, какъ они достигли двухлѣтняго возраста, и послѣдующій ростъ ихъ будетъ идти въ сырыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, пища имъ будетъ дурна и недостаточна, то очень многіе изъ нихъ умрутъ, не достигнувъ совершеннолѣтія, а многіе изъ уцѣлѣвшихъ окажутся получившими какія нибудь болѣзни, порождаемыя дурнымъ питаніемъ и сыростью жилищъ.

Физическія качества двухлѣтняго ребенка несравненно устойчивѣе тѣхъ нравственныхъ качествъ, или точнѣе сказать, еще не качествъ, а только склонностей къ качествамъ, какія имѣетъ онъ. У двухлѣтняго ребенка ужь обозначи-

лись всё тѣ физическія особенности, какія будетъ онъ имѣть въ годы совершеннолѣтія, если останется здоровъ. Но о даровитости двухлѣтняго ребенка мы не можемъ составить себѣ основательныхъ понятій; и если называемъ дѣтей этого возраста даровитыми или бездарными, то лишь фантазируемъ на основаніи нашихъ симпатій или антипатій. Не только о двухлѣтнихъ, даже о восьми-лѣтнихъ дѣтяхъ трудно судить, даровитыми или тупыми людьми стануть они. А нравственные качества менѣе устойчивы, чѣмъ умственные способности.

Теперь доказано, что дѣтя чахоточныхъ родителей родятся не имѣющими чахотки; обыкновенно бываетъ только то, что чахоточные родители малокровны, имѣютъ слабо развитую грудь и что эти качества организма наслѣдуютъ ихъ дѣти. Но если малокровный и слабогрудый малютка получить укрѣпляющее воспитаніе, то у него или уменьшится или вовсе исчезнетъ расположеніе къ болѣзнямъ, производящимъ чахотку. Такимъ образомъ дѣтя наслѣдуютъ отъ родителей только расположеніе сдѣлаться чахоточнымъ, а разовьется или уменьшится, или исчезнетъ оно, опредѣляется его жизнью. Дѣти родителей, имѣющихъ крѣпкое здоровье, родятся вообще крѣпкими, но это наслѣдство очень легко отнимается у нихъ неблагопріятными условіями жизни.

Относительно нравственныхъ качествъ должно предполагать, что отъ родителей наслѣдуются тѣ склонности, которыя прямо обусловлены такъ называемымъ темпераментомъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдуется темпераментъ). Но и эта, вѣроятно справедливая мысль, требуетъ оговорокъ для того, чтобы можно было ей оставаться справедливой, если она справедлива. Для простоты раздѣлимъ всё виды темперамента на два типа: сангвиническій и флегматическій. Предположимъ, что если отецъ и мать имѣютъ одинаковый темпераментъ, то всё дѣти имѣютъ его. Изъ этого еще не слѣдуетъ ничего о наслѣдованіи хорошихъ или дурныхъ нравственныхъ качествъ. Темпераментомъ опредѣляется только степень быстроты движеній и, вѣроятно, переменъ душевнаго настроенія. Должно думать, что человекъ, имѣющій быструю походку, расположенъ къ болѣе быстрой смѣнѣ настроеній, чѣмъ человекъ, движенія котораго медленны. Но этой разницей не опредѣляется то, который изъ нихъ болѣе трудолюбивъ, и тѣмъ менѣе опредѣляется степень честности или доброжелательности того или другого; не опредѣляется даже и степень разсудительности. Торопливость или нерѣшительность—не качества темперамента, а результаты привычекъ, или затруднительныхъ обстоятельствъ. Суетливыми, опрометчивыми, безразсудными бываютъ и люди, имѣющие тяжелую, медленную походку. Нерѣшительными бываютъ и люди съ быстрой походкой. Это знаетъ всякій хорошій наблюдатель людей. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что быстрота движеній и рѣчи, сильная жестикюляція и другія качества, считающіяся признаками природнаго расположенія, такъ называемаго сангвиническаго темперамента, а противоположныя качества, считающіяся признаками флегматическаго темперамента, бываютъ у цѣлыхъ сословій и у цѣлыхъ народовъ результатомъ только обычая. Тѣ люди, которымъ ихъ старшіе родные и знакомые внушаютъ привычку держать себя съ достоинствомъ, почти всё съ очень раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ плавности движеній и рѣчи; наоборотъ въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ считается надобной рѣзкость движеній и рѣчи, почти всё съ молодости привыкаютъ къ сильной и быстрой жестикюляціи, къ пронзительному и быстрому тону рѣчи. У тѣхъ народовъ, гдѣ общество дѣлится на рѣзко обособленные классы,

эти кажущіеся признаки темпераментовъ оказываются на самомъ дѣлѣ только сословными привычками.

Тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя не находятся въ такой близкой связи съ физическимъ типомъ, какъ темпераментъ, менѣе устойчивы въ индивидуальномъ человѣкѣ, чѣмъ темпераментъ. Изъ этого ясно, что сила передачи ихъ по послѣдству менѣе велика, чѣмъ сила передачи темперамента.

Понятіе о народномъ характерѣ очень многосложно; въ составъ его входятъ все тѣ различія народа отъ другихъ народовъ, которыя не входятъ въ составъ понятія о физическомъ типѣ. Всмотриваясь въ это собраніе множества представлений, можно разложить ихъ на нѣсколько разрядовъ очень не одинаковыхъ по степени своей устойчивости. Къ одному разряду относятся тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя прямо обуславливаются различіями физическихъ типовъ; къ другому принадлежатъ разности по языку; далѣе, особые разряды образуютъ разницы по образу жизни, по обычаямъ, по степени образованности, по теоретическимъ убѣжденіямъ. Устойчивѣе всехъ тѣ различія, которыя прямо обусловлены разнициами физическихъ типовъ и называются темпераментами. Но если говорить о европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семойства, то нельзя найти въ немъ ни одного большого народа, который состоялъ бы изъ людей одинаковаго темперамента. При томъ, хотя физическій типъ отдѣльнаго человѣка остается неизмѣннымъ во всю жизнь и обыкновенно передается отъ родителей дѣтямъ, потому имѣетъ прочную наследственную устойчивость, но умственныя и нравственныя качества, составляющія результаты его, видоизмѣняются обстоятельствами жизни до такой степени, что зависимость ихъ отъ него сохраняетъ силу, только когда обстоятельства жизни дѣйствуютъ въ томъ же направленіи; а если ходъ жизни развѣваетъ другія качества, то темпераментъ поддается его вліянію, и та сторона дѣйствительнаго характера человѣка, которая подводится подъ названіе темперамента, оказывается совершенно неодинаковою съ качествами, какія можно было бы предполагать въ человѣкѣ по нашимъ понятіямъ объ умственныхъ и нравственныхъ результатахъ физическаго типа. Каждый изъ большихъ европейскихъ народовъ составляютъ, какъ мы говорили, люди разныхъ физическихъ типовъ, и счета пропорціямъ этихъ типовъ не сдѣлано. Потому теперь еще нѣтъ основательныхъ понятій о томъ, какой темпераментъ принадлежитъ большинству людей того или другого изъ этихъ народовъ. Но быть можетъ имѣетъ справедливость какое-нибудь изъ ходячихъ мнѣній о рѣшительномъ преобладаніи того или другого физическаго типа у народовъ сравнительно малочисленныхъ, каковы, на примѣръ, голландцы, датчане, норвежцы. Предположимъ, что какая-нибудь характеристика физическаго типа котораго-нибудь изъ этихъ народовъ дѣйствительно охватываетъ собою огромное большинство людей, составляющихъ его, и будемъ изучать характеры людей этого народа посредствомъ личнаго наблюденія или, при невозможности провести много времени въ той странѣ, по чуждымъ предвзятымъ мыслямъ расскажемъ о частной жизни людей этого народа, о томъ, какъ работаютъ, разговариваютъ, веселятся они; мы увидимъ, что очень значительная часть людей этого народа имѣетъ не тѣ умственныя и нравственныя качества, какія соотвѣтствуютъ понятіямъ о темпераментѣ, производимомъ особенностью его физическаго типа. Предположимъ, на примѣръ, что по своему физическому типу люди этого народа соотвѣтствуютъ представленію о флегматическомъ темпераментѣ; потому

господствующими качествами ихъ должны быть медленность движеній и рѣчи: въ дѣйствительности мы увидимъ, что очень многіе изъ нихъ имѣютъ противоположныя качества, считающіяся принадлежностью сангвиническаго темперамента. Какова пропорція людей того и другого разряда, никто не считалъ ни въ этомъ, ни въ какомъ другомъ народѣ. Но всматриваясь, мы увидимъ, что медленность или быстрота движеній и рѣчи у людей этого народа находится въ тѣсной связи съ обычаями сословія или профессіи, къ которымъ принадлежатъ они, съ ихъ понятіями о своей личной, фамиліной важности или низкости своего общественнаго, семейнаго, личнаго положенія, съ ихъ довольствомъ или недовольствомъ ходомъ своей жизни, съ состояніемъ ихъ здоровья и вообще съ обстоятельствами, имѣющими вліяніе на душевное настроеніе. Каково бы ни было отъ природы тѣлосложеніе человѣка, но изъ людей, у которыхъ здоровье разстроено болѣзнями, угнетающими душу, лишь очень немногіе сохраняютъ живость движеній и рѣчи; наоборотъ при болѣзняхъ, дѣйствующихъ раздражающимъ образомъ, лишь очень немногіе люди могутъ производить движенія и вести разговоръ спокойно, плавно. Подобно тому дѣйствуютъ всякія другія обстоятельства, угнетающія или раздражающія, печальщія или веселящія человѣка. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ масса земледѣльцевъ живетъ сносно, и не имѣетъ ни большихъ запасовъ хлѣба отъ прошлыхъ лѣтъ, ни большихъ денегъ,—земледѣльческое населеніе при обыкновенныхъ урожаяхъ каждый годъ переходитъ два состоянія, сангвиническое и флегматическое. Передъ жатвой оно начинаетъ быть расположеннымъ къ веселью и, при всемъ утомленіи отъ полевыхъ работъ, держитъ себя въ часы отдыха сангвинически. Это настроеніе усиливается до той поры, когда новый хлѣбъ обмолоченъ и поступаетъ въ пищу: нѣсколько времени длится веселье, движенія быстры, разговоры бойки, шумны. Потомъ начинаются раздумья о томъ, достанетъ-ли хлѣба до осени: оказывается надобность стать экономнѣе въ пищу, веселье умоньшается и черезъ нѣсколько времени люди становятся унылы. Это длится до той поры года, когда надъ мыслями объ истощеніи запасовъ пищи берутъ верхъ мысли о близости новой жатвы. Природный темпераментъ вообще заслоняется вліяніями жизни, такъ что различить его несравненно труднѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; внимательно разбирая факты, мы должны прійти къ мнѣнію, что врожденныя склонности къ быстротѣ или медленности движеній и рѣчи слабы и гибки, что главное дѣло не въ нихъ, а въ томъ вліяніи, какое оказываютъ на народы племя или сословіе народа, обстоятельства жизни.

О томъ, велика ли природная разница между народами по живости и силѣ умственныхъ способностей, существуютъ очень неодинаковыя мнѣнія. Если рѣчь идетъ о народахъ разныхъ расъ или лингвистическихъ семействъ, рѣшеніе опредѣляется нашими понятіями о расахъ и лингвистическихъ семействахъ. Это вопросы, по которымъ люди, держащіеся одного мнѣнія, не имѣютъ права оставлять безъ внимательнаго разбора противоположныя мнѣнія. Но когда рѣчь идетъ, какъ теперь у насъ, только о передовыхъ народахъ, о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства, то слѣдуетъ назвать непримѣнимыми къ вопросу никакія теории объ умственныхъ различіяхъ между людьми по происхожденію ихъ предковъ. Пусть на южной и сѣверо-восточной окраинахъ западной Европы есть примѣсь не-арійской крови, наиримѣръ, въ Сициліи и южной половинѣ Пиренейскаго полуострова примѣсь арабской и берберской, а на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова

примѣсь финской; но даже въ Сициліи и въ Андалузіи примѣсь не-арійской крови не велика: это мы видимъ по сходству преобладающихъ тамъ физическихъ типовъ съ типами древнихъ и нынѣшнихъ грековъ. Еще меньше примѣсь финской крови въ сѣверныхъ частяхъ населенія Норвегіи и Швеціи. Такимъ образомъ вся масса населенія Западной Европы происходитъ отъ людей одного отдѣла арійскаго семейства и должна быть признана имѣющей одинаковыя наследственные умственные качества. Разность въ нихъ между разными народами западной Европы предположеніе фантастическое, опровергнутое филологическими изслѣдованіями; потому, если въ настоящее время находятся какія нибудь неодинаковости между западными народами въ умственномъ отношеніи, онѣ получены ими не отъ природы ихъ племени, а исключительно отъ исторической жизни, и будутъ сохранены или не сохранены ими, смотря по тому, какъ будетъ идти она.

Но когда говорятъ о различіи народовъ по умственнымъ качествамъ, то обыкновенно судятъ не собственно о силѣ ума, а только о степени образованности народа; только поэтому и возможны тѣ опредѣленные сужденія, какія вошли въ привычку. Разсмотрѣть, каковы умственные качества народа сами по себѣ помимо того блеска или той тусклости, какая дается имъ высокой или низкой степенью образованности, дѣло очень трудное, при нынѣшнемъ состояніи науки не могущее приводить ни къ какимъ достовѣрнымъ заключеніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если сравниваются народы желтой расы съ народами бѣлой, и служащее лишь предлогомъ для самохвальства и для клеветы, когда рѣчь идетъ о сравненіи разныхъ народовъ одного отдѣла одной лингвистической семьи. Продолжать старыя разсужденія о врожденныхъ различіяхъ между народами западной Европы по умственнымъ качествамъ значитъ не понимать результатовъ, къ которымъ уже довольно давно пришла лингвистика, доказавшая, что всѣ они потомки одного и того же народа.

Различія по языку имѣютъ громадную важность въ практической жизни. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, имѣютъ склонность считать себя однимъ національнымъ цѣлымъ; когда они привыкаютъ составлять одно цѣлое въ государственномъ отношеніи, у нихъ развивается національный патріотизмъ и внушаетъ имъ болѣе или менѣе непріязненные чувства къ людямъ, говорящимъ другими языками. Въ этомъ реальномъ отношеніи языкъ составляетъ едва ли не самую существенную черту различій между народами. Но очень часто придаютъ разницѣ по языку теоретическое значеніе, воображаютъ, будто особенностями грамматики можно опредѣлять особенности умственныхъ качествъ народа. Это пустая фантазія. Этимологическія формы въ отдѣльности отъ правилъ синтаксиса не имѣютъ никакой важности; а правила синтаксиса во всѣхъ языкахъ удовлетворительно опредѣляютъ логическія отношенія между словами, при помощи ли, или безъ помощи этимологическихъ формъ. Существенную разницу между языками составляетъ только богатство или бѣдность лексикона, а составъ лексикона соотвѣтствуетъ знаніямъ народа, такъ что свидѣтельствуетъ лишь о его знаніяхъ, о степени его образованности, о его житейскихъ занятіяхъ и образѣ жизни и отчасти о его сношеніяхъ съ другими народами.

По образу жизни есть очень важныя различія между людьми; но въ западной Европѣ всѣ существенныя различія этого рода не національныя, а сословныя или профессиональныя. Землепашецъ ведетъ не такую жизнь, какъ ремесленникъ,

работающій въ комнатѣ. Но въ западной Европѣ нѣтъ ни одного народа, въ которомъ не было бы земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Образъ жизни знатнаго сословія не тотъ, какой ведутъ земледѣльцы или ремесленники; но опять у всѣхъ европейскихъ народовъ есть знатное сословіе; даже и у тѣхъ, у которыхъ, какъ у норвежцевъ, исчезли или почти исчезли аристократическіе титулы, дѣло не въ титулахъ, а въ привычкѣ занимать высокое общественное положеніе.

Привычки, имѣющія важное реальное значеніе, различны у разныхъ сословіи или профессій по различію ихъ образа жизни. Есть множество другихъ привычекъ, имѣющихъ не сословный, а національный характеръ. Но это мелочи, составляющія лишь забаву или шегольство, къ которымъ разсудительные люди равнодушны и которыя сохраняются лишь потому, что эти люди оставляютъ ихъ безъ вниманія, какъ нѣчто индифферентное, пустое. Для археолога эти мелочи могутъ имѣть очень важное значеніе; какъ для нумизмата старыя монеты, находимыя въ землѣ. Но въ серьезномъ ходѣ народной жизни ихъ значеніе ничтожно.

Каждый изъ народовъ западной Европы имѣетъ особый языкъ и особый національный патріотизмъ. Эти двѣ особенности—единственныя особенности, которыми весь онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ западной Европы. Но онъ имѣетъ сословные и профессиональные отдѣлы; каждый изъ этихъ отдѣловъ во всѣхъ отношеніяхъ умственной и нравственной жизни, кромѣ языка и національнаго чувства имѣетъ свои особыя черты быта; ими онъ походитъ на существующіе сословные отдѣлы другихъ западныхъ народовъ; эти сословныя или профессиональныя особенности такъ важны, что каждый данный сословный или профессиональный отдѣлъ даннаго западно-европейскаго народа, помимо своего языка и патріотизма, менѣе похожъ умственно и нравственно на другіе отдѣлы своего народа, чѣмъ на соответствующіе отдѣлы другихъ западно-европейскихъ народовъ. По образу жизни и по понятіямъ земледѣльческій классъ всей западной Европы представляетъ какъ будто одно цѣлое; то-же должно сказать о ремесленникахъ, о сословіи богатыхъ простолудиновъ, о знатномъ сословіи. Португальскій вельможа по образу жизни и по понятіямъ гораздо болѣе похожъ на шведскаго вельможу, чѣмъ на земледѣльца своей націи; португальскій земледѣлецъ болѣе похожъ въ этихъ отношеніяхъ на шотландскаго или норвежскаго земледѣльца, чѣмъ на лиссабонскаго богатаго негоціанта. Въ международныхъ дѣлахъ нація, имѣющая государственное единство или стремящаяся пріобрѣсти его, дѣйствительно составляетъ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Но во внутреннимъ дѣламъ она состоитъ изъ сословныхъ или профессиональныхъ отдѣловъ, отношенія между которыми приблизительно таковы же, какъ между разными народами. Въ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ народовъ бывали случаи, когда и по международнымъ дѣламъ нація распадалась на части враждебныя одна другой, и слабѣйшая изъ нихъ призывала иноземцевъ на помощь себѣ противъ внутреннихъ враговъ или радостно встрѣчала иноземцевъ, безъ ея призыва пршшедшихъ покорить ея родину. Быть можетъ нынѣ уменьшилась эта готовность слабѣйшей части націи соединяться съ иноземцами для вооруженной борьбы противъ своихъ соплеменниковъ. Рѣшиться на измѣну родинѣ, вѣроятно, никогда не было легко ни для какой части какого бы то ни было европейскаго народа. Но въ старыя времена внутренняя борьба сопровождалась такими свирѣпостями, что одоливаемая сторона дѣйствовала по внушенію отчаянія; чтобы спастись отъ смерти,

люди рѣшаются на очень тяжелые для нихъ самихъ поступки. Если справедливо мнѣніе, что въ наши времена уже стали невозможны у цивилизованныхъ народовъ при сословной или политической борьбѣ свирѣпости, способныя доводить побѣжденныхъ внутреннихъ противниковъ до отчаянія, то не будетъ и случаевъ, чтобы какая нибудь часть какой нибудь цивилизованной націи соединялась съ иноземцами противъ соотечественниковъ.

Нѣкоторымъ публицистамъ эта надежда кажется не лишеною основательности. Но безспорно то, что до недавняго времени было не такъ. Потому, рассказывая жизнь народа, историкъ постоянно долженъ помнить, что народъ — соединеніе разныхъ сословій, въ связи между которыми въ прежнія времена, не имѣли такой прочности, чтобы выдерживать порывы взаимнаго ожесточенія.

Впрочемъ, теперь всѣ историки понимаютъ важность сословнымъ ссоръ и если часто говорятъ о народѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, въ разсказѣ о дѣлахъ, по которымъ разные сословія не были единодушны, эта ошибка ихъ происходитъ не отъ незнанія, а только отъ временнаго забвенія или отъ какихъ нибудь другихъ причинъ. Но понятія о характерѣ сословій еще остаются у большинства образованныхъ людей, потому и у большинства историковъ, въ значительной степени ошибочными. Главныхъ причинъ этого двѣ: масса публики, потому и большинство ученыхъ, не имѣютъ близкаго знакомства съ дѣйствительными обычаями и понятіями классовъ, по своему общественному положенію и образу жизни далекихъ отъ нихъ, и притомъ судятъ о нихъ подъ вліяніемъ политическихъ сословныхъ пристрастій. Возьмемъ для примѣра господствующее понятіе о земледѣльческомъ сословіи. Вообще предполагается, что нравы земледѣльцевъ чище; чѣмъ нравы ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, по всей вѣроятности бываетъ справедливо. Напримѣръ, если большинство земледѣльцевъ живетъ въ довольствѣ, а большинство ремесленниковъ терпитъ нищету, то, разумѣется, дурныя качества, порождаясь бѣдностью, будутъ развиваться у ремесленниковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у земледѣльцевъ. Ученые вообще живутъ въ большихъ городахъ, потому часто видятъ неудобства жилищъ ремесленниковъ и другія матеріальныя бѣдствія ихъ. Какъ живутъ земледѣльцы, имъ извѣстно гораздо меньше; и очень велики шансы того, что личныя впечатлѣнія, случайно приобретаемыя ими о бытѣ земледѣльцевъ, будутъ невѣрны по отношенію къ большинству этого сословія. Другой источникъ ошибокъ — политическое пристрастіе. Поселяне считаются консервативнымъ сословіемъ; потому ученые консервативнаго образа мыслей вообще превозносятъ разсудительность и чистоту нравовъ сельскаго сословія, ученые, желающіе общественныхъ перемѣнъ, думаютъ и говорятъ о немъ подъ вліяніемъ политической вражды.

Кромѣ сословныхъ и профессиональныхъ дѣленій, у cadaго цивилизованнаго народа имѣетъ очень большую важность дѣленіе по степенямъ образованности. Въ этомъ отношеніи принято дѣлить націю на три главные класса, которые характеризуются названіями: люди необразованные, люди поверхностнаго образованія, и люди основательнаго образованія. Мы можемъ, какъ намъ угодно, судить о вредѣ или пользѣ просвѣщенія, можемъ хвалить невѣжество, или считать его вреднымъ для людей; но всѣ согласны въ томъ, что огромное большинство людей, не получившихъ образованія и не имѣвшихъ возможности приобрести его собственными усиліями, очень много отличается — въ дурную-ли, въ хорошую-ли

сторону, не о томъ теперь рѣчь, а лишь о томъ, что очень много отлпчается своими понятіями отъ огромнаго большинства образованныхъ людей. А понятія людей—одна изъ силъ, управляющихъ жизнью ихъ.

Сдѣлаемъ выводы изъ этого обзора дѣйствительнаго положенія нашихъ свѣдѣній о національномъ характерѣ.

Мы имѣемъ очень мало прямыхъ и точныхъ свѣдѣній объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ даже тѣхъ современныхъ народовъ, которые наиболѣе извѣстны намъ, и ходячія понятія о характерахъ ихъ составлены не только по матеріаламъ недостаточнымъ, но пристрастно и небрежно. Самый обыкновенный случай небрежности тотъ, что случайно приобретенныя свѣдѣнія о качествахъ какой-нибудь малочисленной группы людей ставятся характеристикой цѣлой націи. Замѣнить небрежныя и пристрастныя характеристики народовъ вѣрными—дѣло очень хлопотливое, и у большинства ученыхъ нѣтъ серьезнаго желанія, чтобы оно было исполнено, потому что обыкновенная цѣль употребленія характеристикъ народа состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы говорить безпристрастно, а въ томъ, чтобы высказывать такія сужденія, какія или кажутся выгодными для насъ, или льстятъ нашему самолюбію. Люди, желающіе говорить безпристрастно о другихъ народахъ, воздерживаются отъ этого способа сужденій слишкомъ произвольнаго, довольствуются свѣдѣніями, которыя приобретаются гораздо легче и представляютъ болѣе достовѣрности: они изучаютъ формы быта, крупныя событія жизни народа и ограничиваются тѣми сужденіями о качествахъ народовъ, какія безъ труда выводятся изъ этихъ достовѣрныхъ и точно опредѣленныхъ фактовъ. Объемъ такихъ сужденій гораздо менѣе широкъ, чѣмъ содержаніе ходячихъ характеристикъ; существенное различіе его отъ нихъ то, что при каждой чертѣ ставится оговорка о томъ, къ какой части народа и къ какому времени относится сужденіе. Такъ это должно быть по серьезнымъ понятіямъ о характерѣ многочисленныхъ группъ людей.

Мы знаемъ не качества народовъ, а только состоянія этихъ качествъ въ данное время. Состоянія умственныхъ и нравственныхъ качествъ сильно видоизмѣняются вліяніемъ обстоятельствъ. При перемѣнѣ обстоятельствъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна и въ состояніи этихъ качествъ.

О каждомъ изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ мы знаемъ, что первоначально формы его быта были не тѣ, какъ теперь. Формы быта имѣютъ вліяніе на нравственные качества людей. Съ перемѣною формъ быта эти качества измѣняются. Уже по одному тому всякая характеристика цивилизованнаго народа, приписывающая ему какія нибудь неизмѣнныя нравственные качества, должна быть признаваема ложной. Кромѣ египтянъ, обо всѣхъ другихъ народахъ, достигшихъ цивилизованнаго состоянія, мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, относящіяся къ временамъ очень грубаго ихъ невѣжества. Достаточно припомнить, что даже въ Иліадѣ и Одиссеѣ греки еще не умѣютъ читать и писать. Разбирая преданія, сохранившіяся у грековъ подъ формами мифовъ, мы видимъ чѣрты быта совершенно дикаго. Многіе ученые находятъ въ этихъ разсказахъ даже воспоминанія о людодѣствѣ. Такъ ли это, или нѣтъ, были-ль людодѣдами люди, уже говорившіе греческимъ языкомъ, или выводы объ этомъ ошибочны, но достовѣрно то, что греческому народу были нѣкогда чужды всякія цивилизованныя понятія или привычки. Можетъ ли сохраниться одинаковость нравственныхъ качествъ между предками дикарями и потомками, достигшими высокой цивилизаціи? Сохраниться

могутъ развѣ физическій типъ и тѣ черты темперамента, которыя прямо обусловливаются ими; но и это можетъ быть справедливымъ лишь по присоединеніи къ термину «однаковость» такихъ оговорокъ, которыми отнимается у него почти всякое значеніе. Напримѣръ, цвѣтъ глазъ остался прежній, но прежде выраженіе глазъ было тупое, почти безмысленное, а впослѣдствіи оно сдѣлалось соответствующимъ высокому умственному развитію; контуры профиля остались тѣ же, но изъ грубыхъ сдѣлались миловидными; вспыльчивость осталась, но проявляется гораздо рѣже и формы ея проявленія стали не тѣ. Перемѣны обстоятельствъ, отъ которыхъ видоизмѣнялись формы быта, всегда ли одинаково касались всѣхъ сословіи? Это могло бывать только въ рѣдкихъ случаяхъ. Видоизмѣняясь неодинаково, обычаи разныхъ сословіи становились менѣе сходными, чѣмъ были прежде. Народъ пріобрѣталъ знанія, отъ этого измѣнялись его понятія: отъ перемены понятій измѣнялись нравы; этотъ ходъ перемены тоже былъ неодинаковымъ въ разныхъ сословіяхъ, былъ неодинаковымъ и въ разныхъ частяхъ страны, занятой народомъ. Такимъ образомъ жизнь каждаго изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ представляетъ рядъ перемены въ бытѣ и понятіяхъ, и ходъ этихъ перемены былъ неодинаковъ въ разныхъ частяхъ народа. Потому точныя характеристики могутъ относиться только къ отдѣльнымъ группамъ людей, составляющихъ народъ, и только къ отдѣльнымъ періодамъ ихъ исторіи.

Стремленіе объяснять исторію народа особенными неизмѣнными умственными и нравственными качествами его имѣть своимъ послѣдствіемъ забвеніе о законахъ человѣческой природы. Сосредоточивая свое вниманіе на дѣйствительныхъ или мнимыхъ разницахъ предметовъ, мы привыкаемъ не обращать вниманія на качества общія всѣмъ имъ. Если предметы принадлежатъ къ разрядамъ очень различнымъ, это забвеніе можетъ оставаться безвреднымъ для вѣрности нашихъ сужденій; напримѣръ, если мы говоримъ о растеніи и о камнѣ, намъ не всегда бываетъ надобно помнить, что оба эти предмета имѣютъ нѣкоторыя общія качества; разница между ними велика, и обыкновенно рѣчь идетъ о такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ камень выказалъ бы качества неодинаковыя съ растеніемъ. Въ исторіи это не такъ. Всѣ тѣ существа, жизнь которыхъ разсказываетъ она—организмы одного вида; разницы между ними менѣе значительны, чѣмъ одинаковыя качества ихъ; тѣ вліянія, дѣйствіемъ которыхъ производятся перемены въ жизни этихъ существъ, обыкновенно таковы, что на каждомъ изъ нихъ отражаются приблизительно одинаковыми послѣдствіями. Беремъ для примѣра пищу. Она у разныхъ народовъ и у разныхъ сословіи одного народа очень неодинакова. Есть разница и въ томъ, какое количество одинаковой пищи нужно взрослымъ людямъ неодинаковаго образа жизни для того, чтобы чувствовать себя сытыми и оставаться здоровыми. Но каждый человѣкъ ослабѣваетъ при недостаткѣ пищи, и у каждаго настроеніе души бываетъ дурнымъ, когда онъ мучится голодомъ.

Соображенія о качествахъ дѣятельности желудка, общихъ всѣмъ взрослымъ здоровымъ людямъ, несравненно важнѣе тѣхъ различій, какія могутъ быть справедливо или фантастически выводимы изъ соображеній о разницахъ привычекъ разныхъ людей къ тому или другому сорту пищи. Привычка дѣлаетъ выносимы для людей такія положенія, которыя нестерпимы людямъ непривычнымъ. Но какъ бы ни была сильна она, общія качества человѣческой природы сохраняютъ свои требованія. Человѣкъ никогда не можетъ утратить влеченія улучшать свою

жизнь, и если у какихъ нибудь людей мы не замѣчаемъ этого стремленія мы, лишь не умѣемъ разгадать мыслей, скрываемыхъ ими отъ насъ по какимъ, нибудь соображеніямъ, чаще всего по мнѣнію, что бесполезно говорить о томъ, чего нельзя сдѣлать.

Когда человѣкъ привыкъ къ своему положенію, его желаніе улучшить жизнь обыкновенно лишь немногимъ возвышается надъ уровнемъ его привычнаго положенія. Такъ напримѣръ, землешаецъ вообще желаетъ лишь того, чтобъ его трудъ или нѣсколько облегчился или приносилъ бы ему вознагражденіе нѣсколько больше прежняго. Это не значитъ, что при удовлетвореніи нынѣшняго своего желанія онъ не будетъ имѣть новаго. Онъ только хочетъ оставаться благоразумнымъ въ своихъ желаніяхъ и думаетъ, что желать слишкомъ многого было бы неразумно. Если положеніе какого нибудь народа долго было очень бѣдственнымъ, то привычныя его желанія имѣютъ очень небольшой размѣръ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не былъ способенъ желать гораздо большаго, когда нынѣшнія его желанія будутъ удовлетворены. Если мы будемъ помнить это, у насъ исчезнетъ фантастическое дѣленіе народовъ на способные и неспособные къ достиженію высокой цивилизаціи; оно замѣнится различіемъ положеній, благоприятныхъ развитію стремленія къ прогрессу, и положеній, принуждающихъ народъ не думать о томъ, чего нельзя, по его мнѣнію, достичь.

Если обстоятельства очень долго оставались такими, что народъ не могъ увеличить прежняго запаса своихъ знаній, онъ привыкаетъ считать напраснымъ стремленіе увеличить ихъ; но какъ только представляется возможность узнать что нибудь новое, полезное для жизни, пробуждается въ немъ врожденное во всемъ людямъ стремленіе къ увеличенію знаній. То же самое относительно всѣхъ другихъ благъ, совокупность которыхъ называется цивилизаціей.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. X.

Пополнимъ новыми замѣтками то, что говорили мы о характерѣ нашего перевода въ предисловіи къ шестому тому его.

Начнемъ и теперь, какъ было тогда, замѣчаніями о транскрипціи звуковъ иностранныхъ собственныхъ-именъ. Тогда мы говорили о восточныхъ, въ частности арабскихъ именахъ; теперь будемъ говорить о западныхъ.

Латинскій алфавитъ, употребляемый всѣми западными народами, обозначалъ буквами звуки своего языка очень удовлетворительно. Для передачи звуковъ греческаго языка въ немъ были сдѣланы приспособленія, тоже очень удовлетворительныя. Новые народы, принявшіе латинскій алфавитъ, приспособили его къ обозначенію звуковъ своихъ языковъ. Нѣкоторые сдѣлали это очень хорошо; напримеръ, итальянская орфографія превосходна; заслуживаетъ названія прекрасной и испанская; нѣмецкая несравненно хуже испанской, не говоря ужъ объ итальянской, но все-таки не очень дурна; англійская—мученье для самихъ англичанъ, ужасъ для иностранцевъ; французская не лучше ся, и менѣе ужасаетъ иностранцевъ только потому, что ея мученія претерпѣло и преодолѣло, потому сроднилось съ нею очень много людей во всѣхъ европейскихъ земляхъ.

Но дурно ли или хорошо въ какомънибудь изъ новыхъ западныхъ языковъ приспособленъ латинскій алфавитъ къ передачѣ звуковъ этого языка, все-таки онъ приспособленъ въ немъ первоначально лишь для него; и чтобы сдѣлать свой алфавитъ способнымъ передавать звуки, чуждые національному языку, каждый западный народъ долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя пополненія.

Въ итальянскомъ, испанскомъ, французскомъ языкахъ пополненія національнаго алфавита для передачи чужихъ звуковъ сдѣланы—насколько сдѣланы—по правиламъ удовлетворительнымъ. Такъ, напримеръ, во французскомъ алфавитѣ принято обозначать чуждый французскому языку англійскій звукъ *j* сочетаніемъ буквъ *dj*, и это сочетаніе во французской транскрипціи иностранныхъ словъ всегда соотвѣтствуетъ тому звуку, который въ англійскомъ алфавитѣ обозначается буквою *j* (а въ русской транскрипціи иностранныхъ словъ сочетаніемъ буквъ *дж*, совершенно соотвѣтствующимъ французскому сочетанію *dj*). Въ нѣмецкой литературѣ еще не установилось такой точности приспособленій алфавита къ передачѣ звуковъ, чуждыхъ нѣмецкому языку; такъ, напримеръ, сочетаніе буквъ *dj* въ одной нѣмецкой книгѣ соотвѣтствуетъ англійскому языку *j* (*дж*), въ другой русскому звуку *дъ*, въ третьей русскому сочетанію звуковъ *дй*; такимъ образомъ,

иногда сомнительно, какъ слѣдуетъ прочесть слово djak—«джакъ» или «дыакъ», слово djed, соотвѣтствуя въ одной книгѣ слову «джедъ», въ другой соотвѣтствуетъ слову «дѣдъ».—Подобная сбивчивость въ приспособленіяхъ національнаго алфавита къ транскрипціи чужихъ словъ есть и у англичанъ. Правда, и англичане и нѣмцы заботятся теперь устранить шаткость изъ своихъ транскрипцій иностранныхъ словъ, но еще не успѣли достичь полнаго успѣха въ томъ.

Къ чему было говорено это? Не къ тому ли, чтобы напоминаніе о шаткости транскрипціи въ нѣмецкихъ и англійскихъ книгахъ служило извиненіемъ ошибокъ или недосмотровъ при передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ? Нѣтъ, рѣчь о нашихъ личныхъ ошибкахъ этого рода будетъ послѣ. Теперь мы хотѣли выставить на видъ необходимость дѣла, которое можетъ быть исполнено только соглашеніемъ между важнѣйшими издательскими фирмами, редакціями главныхъ журналовъ и газетъ, опытными и хорошо образованными корректорами. Мы говоримъ о необходимости ввести въ нашъ алфавитъ точныя приспособленія къ передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ русскими буквами.

Мы хотѣли напомнить, что каждый національный алфавитъ составленъ для передачи только тѣхъ звуковъ, которые находятся въ языкѣ народа, употребляющаго этотъ алфавитъ; что самъ по себѣ, онъ не имѣетъ знаковъ, соотвѣтствующихъ звукамъ, чуждымъ этому языку; что для передачи ихъ онъ нуждается въ прибавкѣ особыхъ приспособленій, и что всѣ народы, имѣющіе литературу, какую должна имѣть нація, чтобы заслуживать имя народа европейской цивилизаціи, ввели въ свои алфавиты такія приспособленія; что поэтому, нуждается въ нихъ и русскій алфавитъ.

Теперь мы не имѣемъ возможности сноснымъ образомъ написать по-русски французское слово, начинающееся буквой «u» или сочетаніемъ буквъ «eu», нѣмецкое слово, начинающееся буквой «ö» или буквой «ü»; не имѣемъ даже возможности сносно написать ни одно изъ безчисленныхъ греческихъ, латинскихъ, испанскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ словъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ звукъ «h»;—прилично ли цивилизованному народу оставлять свой алфавитъ въ такомъ безпомощномъ положеніи?

Дѣло было бы довольно извинительно, если бы мы оставляли свой алфавитъ не имѣющимъ способовъ обозначать только тѣ чуждые нашему языку звуки, произношеніе которыхъ усвоится нами съ трудомъ, какъ на примѣръ нѣмецкій звукъ «ng» или англійскій носовой звукъ въ сочетаніяхъ «ng» и «nk», или (въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ) французскій носовой звукъ, или англійскіе звуки твердое «th» и мягкое «th»; но нѣтъ: мы не имѣемъ способа точно написать французскіе звуки «eu», «u», нѣмецкіе «ö», «ü», хотя каждый русскій, разъ услышавъ, ужъ умѣетъ сносно произнести ихъ. И, что еще предосудительнѣе для насъ, мы не позаботились дать нашему алфавиту способъ изображать звукъ «h», который имѣемъ мы въ своемъ языкѣ. (На примѣръ, въ словахъ господинъ, госпожа, богатый, и который всѣ мы, говорящіе литературнымъ нарѣчіемъ, произносимъ превосходно во всей его чистотѣ).

Есть два способа приспособлять алфавитъ народа къ транскрипціи звуковъ, для которыхъ онъ не имѣетъ особыхъ буквъ: можно сдѣлать прибавку какою-нибудь особаго значка къ основной фигурѣ буквы, или можно обозначить звукъ сочетаніемъ буквъ. Намъ легко воспользоваться тѣмъ и другимъ способомъ, по-

тому что оба они ужь привычны намъ: мы превращаемъ букву, соотвѣтствующую звуку латинскаго «i» въ букву, обозначающую латинскій звукъ «j», ставя надъ нею дугу концами вверхъ: «i», «j»; мы обращаемъ знакъ нашего звука «е» въ знакъ звука «o» слѣдующаго за йотированнымъ произношеніемъ согласной, ставя надъ нимъ двѣ точки: «e», «e»; употребляя другой способъ, мы пишемъ «дж» для обозначенія звука англійскаго «j».

По какому способу и въ какомъ пменно видѣ произвести то или другое изъ надобныхъ намъ приспособленій нашего алфавита къ транскрипціи иностранныхъ словъ, это должно быть рѣшено соглашеніемъ между издательскими фирмами, редакціями періодическихъ изданій и корректорами.

Перечислимъ тѣ звуки важнѣйшихъ западныхъ языковъ, для транскрипціи которыхъ особенно нужны приспособленія, потому что надобность въ нихъ встрѣчается особенно часто; будемъ держаться порядка латинскаго алфавита:

короткое англійское «a» (напримѣръ, въ словахъ an, and); звукъ, болѣе близкій къ латинскому «e» (нашему «э»), чѣмъ къ латинскому (и нашему) «a»,

французское «e» muet въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ (напримѣръ, въ предлогѣ de)

французское «eu» и близкое къ нему нѣмецкое «ö».

латинское, испанское, англійское, нѣмецкое «h».

французское носовое «n», Англійское «n» въ сочетаніяхъ ng, nk и нѣмецкое ng не одинаковы, но достаточно сходны съ нимъ, чтобы для нихъ годился знакъ, избранный для него;

англійское «r», когда за нимъ не слѣдуетъ гласный звукъ (напр. въ словахъ or, nor);

англійское твердое «th» (напримѣръ, въ словахъ thing, think) Буква o не годится для обозначенія этого звука, потому что у насъ укоренилась привычка произносить ее какъ ф;

англійское мягкое «th» (напр. въ словахъ the, that);

французское «u». Нѣмецкое ü достаточно близко къ нему, чтобы быть отмѣчаему тѣмъ же знакомъ (выброшенная изъ гражданской азбуки ижица не годна для обозначенія этого звука, потому что мы привыкли произносить ее какъ наше и)

англійское короткое «u» (напр. въ словахъ but, cut);

англійское w; итальянское, испанское, нѣмецкое «u» въ au и тому подобныхъ сочетаніяхъ.

Кромѣ приспособленій для этихъ звуковъ, нужны еще нѣкоторыя; но лишь были бы сдѣланы эти, легко будетъ сдѣлать по ихъ образцу всѣ другія.

Переходимъ къ замѣткамъ о транскрипціи иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ.

Мы не хотѣли дѣлать никакихъ нововведеній въ азбуку, считая для такого преобразованія надобнымъ соглашеніе, о которомъ говорили. При слишкомъ недостаточной приспособленности нашего алфавита къ изображенію звуковъ, чуждыхъ русскому языку и даже нѣкоторыхъ, существующихъ въ немъ, и при проихождящей

отъ этого невозможности удовлетворительно переложить на знаки нашей азбуки очень значительную часть иностранныхъ именъ, транскрипція многихъ разрядовъ этихъ словъ колеблется между двумя или даже тремя, четырьмя способами, изъ которыхъ одинъ все-таки монѣ дуренъ, чѣмъ другой или другіе, мы держались того, который казался намъ наименѣ дуренъ. Но въ нѣкоторыхъ именахъ иногда уклонялись отъ него по привычкѣ къ старому, худшему, и потомъ нѣкоторые изъ этихъ ошибокъ оставались по недосмотру не поправлены нами. Такъ нааримѣръ, изъ двухъ употребительныхъ въ нашей литературѣ транскрипцій англійскаго короткаго «а», старая, сохраняющая букву «а», гораздо хуже новой, замѣняющей ее буквою «э»; мы держались новой, но по привычкѣ къ старой иногда дѣлали опляску, не всегда замѣчали ее, перечитывая рукопись, и по недосмотру оставляли ее неисправленною. Такимъ образомъ, имя *Stapfer*, которое должно писать по-русски «Крэнмеръ», нѣсколько разъ было написано нами «Кранмеръ»; гдѣ замѣчена была нами эта ошибка, она исправлена; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣроятно ускользнула отъ нашего вниманія и осталась непоправленною. Такіе недосмотры досадны намъ. Но еще хуже то, что мы не всегда находили надобныя намъ указанія на истинное произношеніе именъ, которыхъ не умѣли съ достовѣрною точностью прочесть безъ справокъ. На французскомъ и англійскомъ языкахъ встрѣчаются имена, произношеніе которыхъ несообразно съ правилами орфографіи этихъ языковъ; когда мы не находили указаній на ихъ произношеніе, то, читая ихъ по догадкѣ, могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибаться, и, вѣроятно, иной разъ ошибались. Ошибки незнанія по всей вѣроятности также встрѣчаются у насъ въ именахъ, принадлежащихъ языкамъ, орфографія которыхъ недостаточно извѣстна намъ. Такъ, напримѣръ, мы полагаемъ, что сдѣлали нѣсколько ошибокъ незнанія при возстановленіи португальскихъ формъ личныхъ именъ португальцевъ, которыхъ нѣмцы называютъ личными именами въ нѣмецкой формѣ. Нѣмцы не шокируются, называя португальскаго генерала или писателя *Johann*; по-русски нелѣпно было бы называть его «Іоанномъ», надобно называть Жоано, по португальской формѣ его личнаго имени. Не во всѣхъ случаяхъ мы знали или могли найти португальскія формы личныхъ именъ. По всей вѣроятности есть у насъ ошибки и въ чтеніи нѣкоторыхъ португальскихъ фамилій.

Это очень досадно. Но если и предположить, что мы ошиблись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось намъ дѣлать транскрипцію безъ увѣренности въ ея правильности, число ошибочныхъ транскрипцій въ нашемъ переводѣ не велико. И мы надѣемся, что, сожалѣя вмѣстѣ съ нами о нашихъ ошибкахъ, русскіе ученые, занимающіеся исторіею западной Европы, найдутъ въ нашемъ переводѣ Вебера нѣкоторое облегченіе своимъ заботамъ о правильной транскрипціи именъ: мы дали ее многимъ именамъ, не имѣвшимъ ея. Кромѣ нѣкоторыхъ португальскихъ, кельтскихъ, датскихъ и западно-славянскихъ именъ, въ сложности, очень немногихъ, и быть можетъ двухъ, трехъ изъ французскихъ или англійскихъ именъ, произносимыхъ не по правиламъ орфографіи, транскрипція у насъ вездѣ надежна. Опечатки въ именахъ не мѣшаютъ этому: онѣ вообще таковы, что рассказывать и поправлять ихъ дѣло легкое.

Начиная нашъ переводъ, мы считали надобнымъ строго держаться подлинника, пока не приобрѣтемъ у публики довѣріе, которое уполномочитъ насъ улучшать переводимую нами книгу.

Въ первыхъ четырехъ томахъ мы не дозволяли себѣ никакихъ отступленій отъ подлинника. По всей вѣроятности, мы заслужили-бъ одобреніе публики, если бы менѣе долго оставались не принимающими на себя это право. Но мы и въ пятомъ томѣ взяли на себя это право лишь въ размѣрѣ, очень незначительномъ. На страницѣ 263 мы сдѣлали оговорку, что будемъ пользоваться имъ, предупредили читателей, что въ отдѣлахъ разсказа, относящихся къ нѣмецкой части франкскаго государства будемъ отбрасывать подробности, не интересныя для людей не-нѣмецкой національности, напримѣръ, будемъ въ перечисленіяхъ монастырей сокращать подробности о тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли важнаго историческаго значенія; мы говорили, что всѣ эти выпуски, взятые вмѣстѣ, составятъ лишь нѣсколько страницъ. Подводя теперь точный счетъ, мы видимъ, что они составили около 17 страницъ (изъ 765, которыя имѣютъ пятый томъ, въ нѣмецкомъ подлинникѣ).

Гораздо больше свободы дѣлать выпуски дозволили мы себѣ при переводѣ шестаго тома. Въ предисловіи къ нему, мы говорили объ этомъ такъ: «Вѣборъ поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Большинство нѣмецкихъ историковъ продолжаетъ восхищаться побѣдами своихъ предковъ въ X, XI, XII вѣкахъ въ Италіи.—Эти походы, гибельныя для итальянцевъ, были гибельны и для самихъ нѣмцевъ. Нѣмецкое государство, окрѣпшее, благодаря благоразумію Генриха I, было расхатано походами Оттона I и слѣдующихъ императоровъ въ Италію; Гюэнштауфены своими войнами въ Италіи разрушили свое государство и погубили свою династію.—Въ переводѣ выброшены почти всѣ лирическія тирады, которыхъ довольно много въ разсказѣ Ребера объ итальянскихъ походахъ нѣмцевъ».—Къ этому мы, повторяя предувѣдомленіе, сдѣланное въ предисловіи русскаго изданія пятаго тома, прибавляли, что «изъ разсказа о дѣлахъ, происходившихъ въ самой Германіи, выброшены тѣ мелочи, которыя не интересны для людей другихъ націй».

Мы продолжали дѣлать такъ и при переводѣ слѣдующихъ томовъ. Поговоримъ теперь подробнѣе о томъ, почему и въ какомъ размѣрѣ дѣлали мы это.

Между нами, русскими, едва ли найдете много людей, которые не имѣли-бы любви къ своей націи. И если они есть, то не принадлежатъ къ составу русской публики. Въ ней нѣтъ ни одного такого человѣка. Потому норма, на основаніи которой мы будемъ судить объ отношеніяхъ русской націи къ нѣмецкой, не подлежитъ опасности быть отвергнутой кѣмънибудь изъ людей русской публики. Эта норма—любовь русскихъ къ русской націи.

Любовь къ своей націи обязываетъ людей быть признательными къ тѣмъ народамъ, вліяніе которыхъ было полезно для нея. Изъ этого слѣдуетъ, что мы, русскіе, пока мы помнимъ, что не какіе-нибудь другіе люди, а русскіе, обязаны имѣть признательность къ французамъ, англичанамъ и нѣмцамъ, при помощи которыхъ мало по малу выходимъ изъ бѣдственнаго положенія, въ какое повергло насъ поработеніе монголами; обязаны быть признательными и къ итальянцамъ, при содѣйствіи которыхъ вышли изъ варварства народы, ставшіе непосредственными руководителями нашими въ дѣлѣ улучшенія нашего умственнаго, нравственнаго и

матеріальнаго состоянія; мы обязаны также имѣть признательность къ грекамъ и римлянамъ, у которыхъ учились итальянцы и потомъ, при помощи итальянцевъ, французы, англичане и нѣмцы. Мы можемъ быть неодинаковыхъ между собою мнѣній о томъ, какой изъ этихъ шести народовъ имѣеть наибольшее право на нашу признательность; но исторія общей европейской и въ частности нашей русской цивилизаціи свидѣтельствуетъ, что каждый изъ нихъ имѣеть очень большое право на это наше чувство.

Есть другая болѣе высокая точка зрѣнія на взаимныя отношенія между людьми; съ нея очевидно, что каждый народъ долженъ желать добра всякому другому; но не всё мы судимъ о человѣческихъ дѣлахъ по этому возвышенному нравственному принципу, и когда рѣчь идетъ въ частности о нашихъ обязанностяхъ относительно народовъ, бывшихъ непосредственно, какъ нѣмцы, англичане и французы, или черезъ ихъ посредство — какъ греки, римляне и итальянцы нашими учителями, нѣтъ необходимости говорить о томъ, что мы обязаны имѣть добрыя чувства ко всемъ народамъ; относительно этихъ пяти націй (пяти, потому что итальянцы въ сущности та же самая нація, которая въ началѣ нашей эры называлась римскою) у насъ есть особенныя обязанности быть не только доброжелательными, но и признательными къ нимъ. Обязанностямъ, возлагаемымъ, по нашему мнѣнію, на русскихъ любовью къ своей націи, соответствуетъ характеръ мыслей, развиваемыхъ въ нашихъ «Очеркахъ» по вопросамъ, касающимся исторіи грековъ или римлянъ, итальянцевъ или французовъ, англичанъ или нѣмцевъ. Но чувство признательности, какое долженъ имѣть къ всемъ этимъ народамъ каждый русскій, пока онъ помнитъ, что онъ русскій, заставляло насъ въ нашихъ «Очеркахъ» разяснять несправедливость порицаній, какимъ подвергается тотъ или другой изъ нихъ по дѣламъ, въ которыхъ виновность была не на его сторонѣ, защищать его отъ утробозанныхъ и потому несправедливыхъ упрековъ за пороки или нравственныя слабости отдѣльныхъ лицъ его, какъ будто за общія преступленія всей его массы. Такъ, напримѣръ, мы имѣли случаи разяснять неосновательность обвиненія грековъ послѣ Пелопоннеской войны и римлянъ позднѣйшихъ временъ имперіи въ трусости. Представлялись намъ случаи защищать отъ такого же обвиненія итальянцевъ. Такимъ же тономъ признательнаго доброжелательства мы говорили о французахъ, англичанахъ и нѣмцахъ, когда рѣчь касалась какихъ нибудь несправедливыхъ порицаній имъ.

Это чувство руководило нами и въ дѣлѣ очищенія книги Вебера отъ клеветы на нѣмцевъ, выходящей характеръ безразсуднаго повторенія похвалъ свирѣпостямъ какія были дѣлаемы нѣмецкими войсками въ Италіи. Въ предисловіи къ VI тому мы говорили, что дурная привычка хвалиться побѣдами въ походахъ, дѣланныхъ для завосація или грабежа, принадлежитъ большинству публики и, по вліянію общественнаго мнѣнія, большинству историковъ не у однихъ нѣмцевъ, а у всехъ народовъ. Если бы мы переводили англійскую или французскую историческую книгу, написанную обыкновеннымъ у этихъ націй тономъ, намъ встрѣтились бы такія же многочисленныя и такія же отвратительныя похвалы злодѣйскимъ походамъ войскъ той націи, къ которой принадлежитъ и для которой пишетъ авторъ.

Разсудимъ, какъ обязанъ былъ бы поступать челоѣкъ, которому приходилось бы переводить чей нибудь рассказъ объ отдѣльномъ лицѣ, имѣвшемъ свои

слабости, часто дѣлавшемъ, какъ и всякій человѣкъ, нехорошія дѣла, но заслуживающемъ уваженія другими своими качествами и поступками болѣе важными. Предположимъ, напримѣръ, что мы должны переводить біографію человѣка добраго и умнаго, который въ минуты раздраженія обижалъ другихъ и въ минуты увлеченія поступалъ безразсудно. Онъ могъ по слабости, общей всеѣмъ людямъ, ставить въ похвалу себѣ вѣкоторыя изъ качествъ и дѣлъ достойныхъ не похвалы, а порицанія; его родные тоже хвалили ихъ, имѣя сами такія же слабости; одинъ изъ нихъ написалъ для чтенія имъ біографію его въ этомъ тонѣ. Въ ихъ мнѣніи она не компрометируетъ человѣка, жизнь котораго рассказываетъ съ неразборчивымъ панегиризмомъ; но если попадется въ руки людямъ, не участвовавшимъ въ дурныхъ дѣлахъ этого лица и свободнымъ отъ его слабостей, то возбудитъ въ нихъ омерзѣніе къ нему. Предположимъ, напримѣръ, что безусловно восхваляемый за все человѣкъ, поддаваясь, по слабости характера, обычаю своего вѣка, напиивался иногда до пьяна и въ пьянствѣ буйствовалъ. Въ біографіи, написанной родственникомъ и поклонникомъ его, вставленъ по поводу всякаго пьянаго кутежа панегирикъ пьянству, по поводу всякаго буйства, сдѣланнаго пьянымъ—панегирикъ буйству. Посторонніе люди, читая такую біографію, легко могутъ прійти къ мнѣнію, что герой ея былъ негодяй и злодѣй. А на самомъ дѣлѣ онъ какъ мы говорили, былъ добрый и честный человѣкъ, виновный лишь въ слабости характера, и тѣ пошлости, въ какія вовлекался онъ, поддаваясь дурному обычаю современниковъ, далеко перевѣшивались массою разумныхъ трудовъ, которыми занимался онъ, и честныхъ поступковъ, которые дѣлалъ въ обыкновенномъ своемъ здоровомъ душевномъ состояніи. Если вы переводите для другой публки біографію этого дѣятеля, написанную поклонникомъ его для родныхъ, имѣвшихъ одинаковыя привычки относительно пьянства и буйства, считавшихъ пьянство не безхарактерностью, а явленіемъ душевной эвергіи, буйство не пошлостью вредной и для самого буяна, какъ для жертвъ его, а геройствомъ, то вы обязаны сдѣлать одно изъ двухъ: или къ каждой пошлой тирадѣ, превозносящей пьяныя, буйныя дѣла присоединять опроверженіе, разъясняющее истинный характеръ дурныхъ дѣлъ, извѣняющее ихъ безразсудствомъ дѣлавшаго ихъ, напоминающее, что не въ этихъ дурныхъ, а въ другихъ, хорошихъ дѣлахъ состоитъ его право на добрую славу; или вы должны безъ церемоніи выбрасывать пустословныя изліянія пошлаго восторга. Если вы выберете второй способъ, то вы оставите два, три такіе панегирика, чтобы читатели вашего перевода видѣли, какія предубѣжденія господствовали въ кругу родныхъ этого дѣятеля и были раздѣляемы авторомъ переводимой вами книги; давъ эти образцы, вы прибавите отъ себя замѣчаніе, что въ книгѣ находятся много подобныхъ мѣстъ и что вы исключили ихъ изъ вашего перевода по ихъ пустотѣ и пошлости. Мы предпочли этотъ второй способъ не только потому, что онъ избавляетъ русскую публику отъ скуки читать множество однообразныхъ пустословныхъ тирадъ и по необходимости монотонныхъ опроверженій ихъ; у насъ былъ и другой мотивъ дѣлать такъ. Никакими опроверженіями дурныхъ похвалъ нельзя разсѣять омерзѣніе, возбуждаемое въ безпристрастныхъ людяхъ панегириками біографа слабостямъ и дурнымъ дѣламъ его героя. Мы не хотѣли, чтобы въ русскомъ изданіи книга Вебера оставалась, подобно книгамъ большинства нѣмецкихъ историковъ, мнѣнія которыхъ раздѣляетъ онъ, дающей несправедливо дурное мнѣніе о нѣмецкой націи.

Такъ поступили бы мы съ французской книгой, превозносящей безразсудства и злодѣйства французовъ, съ англійской, превозносящей безразсудства и злодѣйства англичанъ. Наше уваженіе къ французской или англійской націи обязывало бы насъ къ этому. Но книга, переводимая нами, не французская или англійская, а нѣмецкая. Мы поступаемъ съ нею, какъ поступали бы съ французской или англійской и потому что имѣемъ и къ нѣмцамъ такое же чувство какъ къ французамъ и англичанамъ. Нѣмцы тоже имѣютъ право на признательность русскихъ и тоже дурно было бы съ нашей стороны оставлять въ говорящей о нихъ книгѣ самохвальство, искажающее благородныя черты нѣмецкой націи, создававшей свое благосостояніе разумнымъ, честнымъ, умственнымъ и физическимъ трудомъ. Подобно французской, англійской и всякой другой, она дѣлала много безразсудствъ, вродившихъ ей, много несправедливостей, уменьшавшихъ славу, какой заслуживаетъ она своими хорошими качествами и дѣлами. Къ числу этихъ дурныхъ ея слабостей принадлежитъ общая ей со всѣми другими націями привычка къ самохвальству. Мы не скрывали отъ нашихъ читателей, что въ переводимой нами книгѣ много тирадъ самохвальныхъ, но считали обязанностью уваженія къ нѣмецкому народу выбросить эти мѣста, искажающія его характеръ. Чѣмъ было виновато въ итальянскихъ походахъ огромное большинство нѣмцевъ, жившихъ въ періодъ ихъ? Только тѣмъ, что не умѣло остановить ихъ; осуждая ихъ, оно только не могло помѣшать имъ, какъ не могло помѣшать и многому другому такому, что осуждало. Хвалили эти дурныя дѣла только соучастники ихъ. Это забываютъ потомки; таково вообще происхожденіе національнаго самохвальства: забвеніе о страданіяхъ большинства предковъ отъ дурныхъ дѣлъ меньшинства, забвеніе о томъ, что оно порицало эти дурныя дѣла меньшинства.

Мы не желали, чтобы историческая дѣятельность нѣмецкой націи выставлялась въ нашемъ переводѣ почти исключительно съ дурной стороны, какъ это дѣлается нѣмецкими историками, раздѣляющими грубыя—правда ослабѣвающія, но все еще остающіяся слишкомъ сильными—предубѣжденія нѣмецкой публики.

Выбрасывая дурныя лирическія тирады въ прославленіе грабительскихъ нашествій нѣмцевъ на Италію, мы видѣли, что страницы очищаемыя отъ этихъ риторическихъ украшеній получаютъ характеръ простоты, которой не достаетъ многимъ другимъ изъ страницъ того (шестого) тома, переводимыхъ нами съ такою же точностью, какую ставили мы себѣ правиломъ при переводѣ первыхъ пяти томовъ книги. Мы оставляли въ переводѣ VI тома эту разнохарактерность слога, чтобы читатели, замѣчая ее, видѣли, до какой степени можно было бы сократить изложеніе мыслей на нѣкоторыхъ изъ страницъ, оставленныхъ нами безъ всякой передѣлки. Тѣ изъ читателей, которые обратили вниманіе на разнохарактерность слога въ переводѣ VI тома, безъ сомнѣнія убѣдились, что черезъ упрощеніе слога можно было бы сокращать нѣкоторыя мѣста на половину, не выпуская ни одного факта, ни одной мысли автора. Съ VII тома мы стали дѣлать упрощеніе слога. Разъяснимъ, почему мы считаемъ его улучшающимъ книгу.

У каждой націи, имѣющей богатую литературу, есть своя особенная рутинная реторика. Едва ли можно сказать о русскихъ, что они пріобрѣли такія прочныя понятія о достоинствахъ и недостаткахъ слога, какъ французы, англичане и нѣмцы. Есть и у насъ рутинная реторика, но она смѣсь французской, англійской и нѣмецкой рутинъ и элементы для этой смѣси берутся разными авторами

изъ трехъ своихъ источниковъ не въ одинаковыхъ пропорціяхъ, такъ что характеръ русской рутинной реторики у однихъ авторовъ близокъ къ французской рутинѣ, у другихъ къ нѣмецкой или англійской. Но и у русскихъ, какъ у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, есть влеченіе избавиться отъ риторическаго пустословія. Въ частности русской публикѣ нравится та манера писать прозой, которой держался Пушкинъ. Онъ любилъ въ прозѣ простоту, чуждался витѣватости. На сколько русскіе писатели умѣютъ слѣдовать его примѣру, они пишутъ просто. Изъ иностранныхъ обычныхъ способовъ прозаическаго изложенія русскимъ болѣе нравится французскій и англійскій, чѣмъ нѣмецкій. По всей вѣроятности они правы въ этомъ предпочтеніи. Но есть и въ англійской и во французской прозѣ дурная рутинная поговя за излишними украшеніями рѣчи. Напримеръ, большинство англійскихъ прозаиковъ любятъ щеголять юморомъ, большинство французскихъ антитезами, остроумными оборотами словъ, напыленнымъ эмфазомъ. Но каковы бы ни были дурныя излишества украшеній слога въ англійской и французской риторической рутинѣ, нѣмецкая гораздо хуже; она—смѣсь тяжелого педанства съ поэтическими оборотами рѣчи пригодными только для стиховъ нелѣпыми въ прозѣ. Разумѣется какъ и всякая дурная привычка, манера нѣмецкихъ прозаиковъ писать смѣсью педантскаго слога съ поэтическимъ объясняется исторіей. Массу нѣмецкихъ писателей до сихъ поръ составляютъ люди, неимѣющіе доступа въ свѣтское общество: они такъ бѣдны, что не могутъ вести знакомства съ свѣтскими людьми на условіяхъ равноправности; потому вращаются въ кругу такихъ же кабинетныхъ труженниковъ, какъ сами они, и если не служатъ учителями, то пріобрѣтаютъ складъ мыслей, какимъ повсюду отличаются отъ обыкновенныхъ людей такъ называемые школьные педанты. Национальную славу нѣмцевъ въ литературѣ доступной всѣмъ, не ученой, а читаемой всѣми образованными людьми, создающей умственные привычки публики, составляетъ не проза, а та часть поэзіи, которая имѣетъ стихотворную форму. Гете и Шиллеръ много писали прозой, но знаменитѣйшія и дѣйствительно гениальнѣйшія произведенія ихъ тѣ, которыя написаны стихами. Равнаго имъ вліянія не имѣлъ еще никто изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей; потому натурально, что нѣмецкіе прозаики до сихъ поръ впутываютъ въ свои ученые книги обороты мыслей, слагающіеся подъ воспоминаніями о стихахъ. Къ этимъ національнымъ источникамъ странностей нѣмецкой прозы присоединяется у большинства нѣмецкихъ прозаиковъ желаніе показать, что они умѣютъ строить антитезы и всякіе остроумные обороты словъ не хуже французовъ. Въ добавленіе къ тому, огорчаясь своей репутаціей педантовъ, пишущихъ тяжелымъ языкомъ, они усердствуютъ щеголять легкостью, великосвѣтскимъ изяществомъ слога. Въ результатѣ всего этого получается такой хаотическій и изысканный слогъ, который не можетъ нравиться никому, кромѣ нѣмцевъ и людей, выросшихъ на нѣмецкихъ книгахъ.

Одно изъ его качествъ растянутасть. Если отбросить тяжеловѣсныя украшенія, имѣющія притязаніе придавать рѣчи поэтичность, остроуміе, глубокомысліе и вмѣсто того дѣлающія ее тяжелой и многословной, то при сохраненіи всѣхъ оттѣнковъ мысли нѣмецкаго ученаго, пишущаго обыкновеннымъ нѣмецкимъ слогомъ, мы получаемъ изъ четырехъ страницъ его разсужденій три или даже двѣ. Веберъ пишетъ тѣмъ же слогомъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и другихъ ученыхъ.

Съ VII тома мы стали отбрасывать лишнія реторическія украшенія. Не всѣ страницы переводимой нами книги одинаково растянуты ими. На многихъ преобладаетъ разсказъ о фактахъ, и мало разсужденій; на нѣкоторыхъ факты загромождены реторическими разсужденіями. Отъ этой разницы происходитъ неодинаковость пропорціи, на какую уменьшается въ нашемъ переводѣ объемъ тѣхъ отдѣловъ книги, въ которыхъ рѣчь идетъ не о нѣмецкихъ дѣлахъ и въ которыхъ мы не дѣлаемъ никакихъ сокращеній, кромѣ происходящихъ отъ замѣны витіеватаго слога простымъ.

Въ отдѣлахъ, разсказывающихъ о внутреннихъ дѣлахъ Германіи, мы, какъ уже нѣсколько разъ говорили, отбрасываемъ мелочныя подробности, неинтересныя для читателей не нѣмецкой національности.

Такимъ образомъ, въ нашемъ переводѣ, начиная съ VI тома, число страницъ выходитъ значительно меньше, чѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Приведемъ цифры, замѣтивъ, что русскія страницы равны величиною нѣмецкимъ.

Томы.	Число Нѣмецкаго подлинника.	страницъ Русскаго перевода.
VI.	823.	742.
VII.	913.	760.
VIII.	918.	793.
IX.	926.	629.
X.	920.	1000.

Мы увѣрены, что разсудительные люди одобрятъ выпускъ мелочныхъ подробностей въ изложеніи нѣмецкихъ дѣлъ и упрощеніе слога для приспособленія русскаго перевода нѣмецкой книги къ интересамъ и вкусу русской публики, какъ одобряются французами и англичанами подобныя пріемы при переводахъ нѣмецкихъ книгъ на ихъ языки. Само собою разумѣется, что нельзя дѣлать этого при переводѣ твореній великихъ стилстовъ. Но Веберъ не имѣетъ притязаній быть Титомъ Ливіемъ. Онъ пишетъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и ставитъ свою заслугу не въ слогъ, а въ добросовѣстной передачѣ существеннаго содержанія тѣхъ монографическихъ трудовъ, которые считаются наилучшими. Удовлетворительное исполненіе такого труда дѣлаетъ его книгу лучшимъ изъ трактатовъ, излагающихъ всеобщую исторію въ подробномъ фактическомъ разсказѣ. У разсудительныхъ людей не можетъ быть и вопроса о томъ, должны ли книги подобнаго рода быть при переводѣ приспособляемы къ надобностямъ публики, для которой дѣлается переводъ. Вопросъ можетъ быть лишь о томъ, хорошо ли передѣлывали мы переводимую нами книгу, и объ этомъ дѣйствительно долженъ быть вопросъ. Мы полагаемъ, что заслужили довѣріе читателей на столько, чтобъ они были расположены предполагать нашу передѣлку производимой хорошо. Специалисты, разумѣется, не имѣютъ права удовлетвориться этимъ предположеніемъ безъ провѣрки. Мы просили бъ ихъ сличать нашъ переводъ съ подлинникомъ. Безъ сомнѣнія, каждому изъ нихъ при такомъ сличеніи показалось бы, что онъ сьумѣлъ бы исполнить передѣлку лучше, нежели исполняется она нами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это мнѣніе будетъ, вѣроятно, справедливо. Но каждый, имѣющій знанія, надобныя для основательнаго сличенія, увидитъ, что

въ нашемъ переводѣ книга Вебера лучше, нежели въ подлинникѣ.—Значитъ ли это, что мы довольны нашимъ переводомъ? Нѣтъ, мы полагаемъ, что слѣдовало бы намъ улучшить книгу гораздо больше, нежели мы дѣлаемъ. Но толковать о тѣхъ своихъ намѣреніяхъ, которыхъ не исполняешь,—дѣло напрасное.

Веберъ писалъ очень добросовѣстно. Благодаря тому, фактическихъ ошибокъ у него мало. Но понятно, что въ такомъ громадномъ трудѣ недосмотры неизбежны. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, остались не замѣчены нами. Но мы съ увѣренностью можемъ сказать что въ большинствѣ случаевъ они нами исправлены.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

4.

Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ.

Самыя существенныя различія между людьми тѣ, которыя состоятъ въ разницѣхъ уметвеннаго и нравственнаго развитія ихъ и въ степени ихъ матеріальнаго благосостоянія. Говорятъ, что въ племенахъ, находящихся на очень низкой степени развитія, все люди даннаго племеннаго общества имѣютъ одинаковыя понятія, знанія, нравственные привычки. Это мнѣніе—реторическая утрировка того факта, что разница между людьми по привычкамъ и понятіямъ въ малочисленномъ и мало цивилизованномъ племени менѣе велики, чѣмъ въ многочисленной высоко цивилизованной націи. Онѣ въ немъ менѣе велики, чѣмъ въ ней; но все таки онѣ въ немъ есть, и притомъ большія. Иначе и быть не можетъ. Даже въ стадѣ животныхъ замѣчается большая разница между его членами по привычкамъ и занятіямъ. Такъ напримѣръ, не говоря уже о различіи характера между самцами и самками, тотъ самецъ, который имѣетъ авторитетъ вождя стада, выказываетъ гораздо больше сообразительности, находчивости, осторожности и смѣлости, чѣмъ остальные самцы, привыкшіе руководиться его внушеніями. Дикари на самой низкой ступени развитія всегачи имѣютъ умъ болѣе развитый, чѣмъ даже слоны или орангутанги; изъ этого должно заключать, что между людьми одного дикарскаго племени разницы по обширности знаній и характеру привычекъ должны быть гораздо больше, нежели различія между животными одного стада.

Но отлагая этотъ спорный вопросъ по его сравнительной маловажности для исторіи, и обращая вниманіе только на тѣ племена и народы, которые имѣютъ сколько-нибудь важное историческое значеніе, мы видимъ, что въ каждомъ изъ нихъ нѣкоторые люди значительно превосходятъ уметвенными или нравственными качествами средній уровень своего племени и народа, нѣкоторые другіе далеко не достигаютъ его. Разницы такъ велики, что въ самой цивилизованной націи находится довольно много людей уступающихъ въ уметвенномъ и нравственномъ отношеніяхъ наиболѣе развитымъ людямъ племени мало возвышающагося въ обществѣ своемъ составѣ надъ дикарствомъ. Возьмемъ для примѣра тотъ разрядъ знаній, относительно котораго особенно легко рѣшать, въ какомъ размѣрѣ обладаетъ имъ тотъ

или другой человекъ,—умѣнье считать. Въ Англии, Франціи, Германіи находится множество взрослыхъ физически и умственно здоровыхъ людей, не умѣющихъ рѣшать ариѳметическіе вопросы, безъ труда разрѣшаемые торговыми людьми или сборщиками налоговъ въ негритянскихъ государствахъ Центральной Африки. Сравненіе людей по нравственному ихъ достоинству гораздо сбивчивѣе, чѣмъ опредѣленіе ихъ умственного уровня; но и тутъ мы можемъ дѣлать довольно прочныя выводы, если будемъ сравнивать не всю сумму нравственныхъ качествъ, а какое нибудь опредѣленное качество, напримѣръ то, какъ обращается отецъ или мать съ дѣтьми. Взявъ для сравненія именно этотъ элементъ нравственнаго развитія, мы должны будемъ признать, что въ племенахъ ведущихъ очень грубую жизнь находится много родителей, обращающихся съ дѣтьми менѣе безжалостно, чѣмъ многіе родители, принадлежащіе по своей національности къ перодовымъ народамъ.

Такимъ образомъ каждый народъ, имѣющій историческое значеніе, представляетъ соединеніе людей очень различныхъ между собою по степенямъ умственного и нравственнаго развитія. Часть его составляютъ люди, похожіе своимъ невѣжествомъ и нравственной грубостью на самыхъ невѣжественныхъ и безжалостныхъ дикарей; другія части занимаютъ всяческія среднія степени между этой низшей и наилучшими представителями своей націи.

Потому, когда говорятъ о какой нибудь націи что она достигла высокой степени образованности, это не значитъ, что всѣ люди, составляющіе ее, много выше дикарей по своимъ привычкамъ и умственному развитію, но тѣмъ самымъ, что этой націи дается пазваніе высоко-цивилизованной, уже высказывается мнѣніе, что большинство людей, составляющихъ ее, далеко превосходитъ дикарей своимъ умственнымъ развитіемъ и достоинствомъ нравственныхъ привычекъ.

Теперь всѣ серьезные ученые согласны между собою въ признаваніи той истины, что всѣ особенности, которыми возвышаются надъ грубѣйшими и невѣжественнѣйшими изъ дикихъ племенъ цивилизованные люди, составляютъ историческое приобрѣтеніе.

Спрашивается, какими жъ элементами произведено это улучшеніе понятій и привычекъ?

Чтобы ясно было, какова необходимо должна быть сущность отвѣта на этотъ вопросъ поставимъ вопросъ болѣе широкій: спросимъ себя не о томъ, какими элементами произведено повышеніе нѣкоторыхъ людей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ надъ нѣкоторыми другими людьми, а вообще о томъ, чѣмъ произведено все повышеніе человѣческой жизни надъ жизнью другихъ живыхъ существъ, имѣющихъ организацію тѣла, подобную человѣческой. Отвѣтъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ всѣмъ людямъ достигшимъ такого умственного развитія, чтобъ сознать разницу между человекомъ и такъ называемыми неразумными животными.

Всѣ мы знаемъ, что всѣ тѣ преимущества, какія имѣетъ человѣческая жизнь надъ жизнью млекопитающихъ, не одаренныхъ такой силою ума, какъ человекъ—результаты умственного превосходства человека.

Это общезвѣстное и общепризнанное рѣшеніе общаго вопроса о происхожденіи всѣхъ преимуществъ человѣческой жизни, заключаетъ въ себѣ съ очевидной ясностью отвѣтъ на частный вопросъ о силѣ, производящей прогрессъ въ

жизни народовъ: основная сила возвышавшая человѣческій бытъ—умственное развитіе людей. Само собою разумѣется, что и умственной силой, какъ всякой другой, человѣкъ можетъ злоупотреблять такъ, что она будетъ производить не пользу, а вредъ или для другихъ людей, или даже и для него самого. Такъ, надримѣръ, интересы честолюбца обыкновенно бываютъ неодинаковы съ благомъ его націи, и свое умственное превосходство надъ ея массой онъ употребляетъ во вредъ ей; въ случаѣ успѣха онъ очень часто превышаетъ къ такому необузданному удовлетворенію своихъ страстей, что разрушаетъ собственное умственное, а наконецъ даже и физическое здоровье; что бывало съ отдѣльными людьми, увлекавшимися честолюбіемъ, бывало и съ цѣлыми народами. Такъ аопняне губили другихъ грековъ и погубили самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ большинствомъ другихъ грековъ; такъ потомъ римляне погубили всѣ цивилизованные народы и самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ испанцами, галлами и другими малообразованными народами Европы и сосѣднихъ съ Европою частей Африки и Азии. Умственная сила можетъ производить и часто производитъ вредные результаты; но производитъ ихъ лишь подъ давленіемъ силъ или обстоятельствъ, искажающихъ природный характеръ ея. Подъ вліяніемъ страстей человѣкъ очень умный и просвѣщенный можетъ поступать гораздо хуже огромнаго большинства своихъ соотечественниковъ, не имѣющихъ ни такого сильнаго природнаго ума, ни такой высокой образованности; но теперь признано, что всѣ такіе поступки лишь результаты обстоятельствъ, помѣшавшихъ нормальному развитію душевной жизни этого человѣка. Само по себѣ умственное развитіе имѣетъ тенденцію улучшать понятія человѣка о его обязанностяхъ относительно другихъ людей, дѣлать его болѣе добрымъ, развивать въ немъ понятія о справедливости и честности.

Всякая переменна въ народной жизни — сумма переменъ въ жизни отдѣльных людей, составляющихъ націю; потому, когда мы хотимъ опредѣлить, какія обстоятельства благоприятны и какія неблагоприятны улучшенію умственной и нравственной жизни націи, мы должны рассмотретьъ, отъ какихъ обстоятельствъ улучшается или портится въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ отдѣльный человѣкъ.

Въ старія времена вопросы этого рода были очень затемнены грубыми понятіями, оставшимися у большинства ученыхъ людей отъ варварской старины ихъ націй. Теперь дѣло не представляетъ большихъ затрудненій въ теоретическомъ отношеніи. Основныя истины ясны для большинства просвѣщенныхъ людей передовыхъ націй, и меньшинство, находящее эти истины несообразными съ своей личной выгодой, уже стыдится отрицать ихъ, принужденно вести борьбу противъ нихъ казуистическимъ способомъ: оно говоритъ, что вообще раздѣляетъ честныя убѣжденія большинства, оно только старается доказывать, что эти истины не вполне примѣняются къ данному частному случаю, въ которомъ онѣ противорѣчатъ выгодамъ его. Такихъ оговорокъ всегда можно найти много, но фальшивость ихъ обыкновенно бываетъ очевидна для всѣхъ, неимѣющихъ личной выгоды называть ихъ основательными.

Въ болѣе мрачныя времена среднихъ вѣковъ господствовало между учеными людьми мнѣніе, что человѣкъ по своей природѣ расположенъ къ дурному и дѣлаетъ хорошее только по принужденію. Примѣняя это къ вопросу объ умствен-

номъ развитіи, педагоги тѣхъ временъ утверждали, что преподаваніе теоритическихъ знаній бываетъ успѣшно, лишь когда ведется посредствомъ жестокихъ наказаній. Ученые, писавшіе о нравственной жизни общества, точно также говорили, что масса людей расположена вести порочную жизнь, совершать всяческія преступленія, и что единственнымъ основаніемъ общественнаго порядка должно быть угнетеніе, что только насиліе дѣлаетъ людей трудолюбивыми и честными. Всѣ мнѣнія этого рода признаны теперь невѣжественными, противорѣчащими человѣческой природѣ.

Изъ наукъ о законахъ общественной жизни первая выработала точныя формулы условій прогресса политическая экономія. Она установила, какъ неизблемый принципъ всякаго ученія о человѣческомъ благосостояніи, ту истину, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, что все дѣлаемое человѣкомъ по вѣшнему принужденію выходитъ очень плохо, что успѣшно дѣлаетъ онъ только то, что самъ желаетъ. Политическая экономія примѣняетъ эту общую идею къ разъясненію законовъ успѣшности матеріальнаго человѣческаго труда, доказывая, что всѣ формы не добровольной работы не производительны и что матеріальнымъ благосостояніемъ можетъ пользоваться только общество, въ которомъ люди пашутъ землю, изготовляютъ одежду, строятъ жилища, каждый по собственному убѣжденію въ полезности для него заниматься той работой, надъ которой онъ трудится.

Примѣняя тотъ же принципъ къ вопросу о приобрѣтеніи и сохраненіи умственныхъ и нравственныхъ благъ, другія отрасли общественной науки признали теперь, что просвѣщенными и нравственными становятся только тѣ люди, которые сами желаютъ сдѣлаться такими и что не только повышаться въ этихъ отношеніяхъ, но и оставаться на достигнутой высотѣ человѣкъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ желаетъ этого, добровольно заботится объ этомъ. Дѣйствительно, всѣ мы по житейскимъ наблюденіямъ знаемъ, что если ученый человѣкъ утратилъ любовь къ наукѣ, онъ быстро теряетъ приобрѣтенныя знанія и мало по малу обращается въ невѣжду. То же самое и о другихъ сторонахъ цивилизаціи. Если, на примѣръ, человѣкъ утратитъ любовь къ честности, онъ быстро вовлечется въ такое множество дурныхъ поступковъ, что приобрѣтетъ привычку къ безчестнымъ правиламъ жизни. Никакое вѣшнее принужденіе не можетъ поддержать человѣка ни на умственной, ни на нравственной высотѣ, когда онъ самъ не желаетъ держаться на ней.

Во времена господства свирѣпыхъ педагогическихъ системъ говорили, что люди—въ данномъ случаѣ люди еще не взрослыхъ лѣтъ, дѣти — выучиваются чтенію, письму, ариметикѣ и такъ далѣе, только по принужденію, по страху наказаній за лѣность. Теперь всѣ знаютъ, что это вовсе не такъ, что каждый здоровый ребенокъ имѣетъ природную любознательность и, если вѣшнія обстоятельства досадны для него не заглушаютъ ее, то учится охотно, находитъ наслажденіе въ приобрѣтеніи знаній.

Люди, дѣйствующіе въ историческихъ событіяхъ не дѣти, а люди, умъ и воля которыхъ сильнѣе дѣтскихъ. Если жизнь ребенка шла сколько нибудь удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи и не чрезвычайно дурно въ умственномъ, то, по достиженіи юношескихъ лѣтъ, онъ оказывается человѣкомъ, понимающимъ вещи разсудительнѣе, способнымъ держать себя благороднѣе, чѣмъ

лѣтъ за пять передъ тѣмъ. Вообще говоря, десятилѣтній ребенокъ знаетъ больше, рассуждаетъ умнѣе, имѣетъ больше силы характера, чѣмъ пятилѣтній, а пятнадцатилѣтній подростокъ много превосходить всѣми этими качествами десятилѣтняго ребенка, и если жизнь его въ слѣдующіе годы пойдетъ не чрезвычайно дурно, то въ 20 лѣтъ онъ станетъ человѣкомъ еще болѣе знающимъ, умнымъ, разсудительнымъ, имѣющимъ болѣе твердую волю. Мнѣе быстръ становится прогрессъ человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ по достиженіи полнаго физическаго развитія; но какъ физическія силы человѣка продолжаютъ возрастать довольно много лѣтъ послѣ совершеннолѣтія, такъ по всей вѣроятности продолжаютъ возрастать и умственныя его силы и способность быть твердымъ въ исполненіи своихъ намѣреній. Можно полагать, что возрастаніе силъ прекращается обыкновенно около 30-ти лѣтнаго возраста, а при благоприятномъ ходѣ жизни длится нѣсколькими годами больше. Когда оно прекращается, физическія, умственныя и нравственныя силы человѣка довольно долго держатся приблизительно на высшемъ достигнутомъ уровнѣ и по всей вѣроятности не раньше, чѣмъ начинается хлѣбъ организмъ человѣка въ отношеніи физической силы, начинается у здороваго человѣка упадокъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Такъ теперь думаютъ натуралисты, занимающіеся изученіемъ человѣческаго организма.

Съ какихъ лѣтъ человѣкъ начинаетъ считать себя равнымъ по уму и нравственной силѣ съ людьми, достигшими полнаго развитія? Подъ вліяніемъ самолюбія эта мысль обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ раньше того, чѣмъ было бы справедливо ему начать думать о себѣ такъ. Но громадное большинство людей, которыхъ старшіе называютъ несовершеннолѣтними, все-таки сохраняютъ расположеніе слѣдовать примѣру старшихъ, и напримѣръ пятнадцатилѣтніе юноши вообще стараются подражать примѣру своихъ старшихъ родныхъ или знакомыхъ. Такимъ образомъ о большинствѣ людей даже уже довольно близкихъ къ совершеннолѣтію всѣ мы положительно знаемъ, что ихъ развитіе опредѣляется качествами старшаго поколѣнія. Они, какъ имѣли съ младенчества, такъ и по достиженіи уже высокаго физическаго роста и пріобрѣтеніи довольно значительной физической силы сохраняютъ влеченіе сдѣлаться такими, какъ ихъ старшіе; потому нѣтъ надобности ни въ какомъ насиліи для того, чтобы дѣти и подростокъ юноши или дѣвушки развѣвались именно такъ, какъ желаютъ старшіе: у нихъ самихъ есть очень сильное стремленіе къ этому; для воспитанія ихъ нужно не принужденіе, а только доброжелательное содѣйствіе тому, чего сами они желаютъ; не мѣшайте дѣтямъ становиться умными, честными людьми—таково основное требованіе нынѣшней педагогіи; на сколько умѣете, помогайте ихъ развитію, прибавляетъ она, но знайте, что меньше вреда имъ будетъ отъ недостатка содѣйствія, чѣмъ отъ насилія; если вы не умѣете дѣйствовать на нихъ иначе, какъ принужденіемъ, то лучше для нихъ будетъ, оставаться вовсе безъ вашего содѣйствія, чѣмъ получать его въ принудительной формѣ.

Мы напоминаемъ объ основномъ принципѣ педагогіи потому, что до сихъ поръ остается въ большемъ обыкновеніи сравнивать иноземныя необразованныя племена и низшія сословія своей націи съ дѣтьми и выводить изъ этого сравненія право образованныхъ націй производить насильственные перемѣны въ бытѣ подвластныхъ имъ нецивилизованныхъ народовъ и право господствующихъ въ государствѣ просвѣщеннымъ сословіямъ поступать такимъ же способомъ съ бытомъ не-

вѣжественной массы своей націи. Выводъ фальшивъ ужъ и по одному тому, что сравненіе совершеннолѣтнихъ необразованныхъ людей съ дѣтьми—пустая риторическая фигура, уподобляющая одно другому два совершенно различные разряда существъ. Самые грубѣйшіе изъ дикарей—вовсе не дѣти, а такіе же взрослые людъ, какъ и мы; тѣмъ меньше одинаковости съ дѣтьми у простолюдиновъ цивилизованныхъ націи. Но примемъ на минуту, что фальшивое сравненіе не фальшиво, а вѣрно. Все таки оно не дастъ ни малѣйшаго полномочія какимъ бы то ни было хотя-бы самымъ просвѣщеннѣйшимъ и доброжелательнѣйшимъ людямъ, насильственно измѣнять тѣ стороны быта простолюдиновъ или хотя бы дикарей, о которыхъ идетъ рѣчь, при оправдываніи произвольныхъ распоряженій относительно образа ихъ жизни. Пусть они маленькія дѣти (вѣроятно впрочемъ уже не грудные младенцы, потому что сами своими руками берутъ пищу и своими зубами жуютъ ее, а не питаются молокомъ женъ своихъ просвѣщенныхъ попечителей). Пусть мы вѣжнѣйшіе отцы этихъ—вѣроятно ужъ не двухмѣсячныхъ, а не меньше, какъ двухлѣтнихъ—малютокъ; что-жь изъ того? Дозволяетъ ли педагогія отцу стѣснять двухлѣтняго ребенка больше, чѣмъ необходимо для сохраненія цѣлости рукъ и ногъ, лба и глазъ малютки? Дозволяетъ ли она принуждать этого малютку не дѣлать вичего такого, чего не дѣлаетъ отецъ, и дѣлать все то, что онъ дѣлаетъ? Отецъ ѣстъ при помощи вилки, долженъ ли онъ съчь двухлѣтняго ребенка, хватающаго куски кушанья рукой? «Но малютка обожжетъ себѣ пальчики о кусокъ жаркого». Пусть обожжетъ, бѣда не такъ велика, какъ съченіе. Впрочемъ любители сравненія дикарей или простолюдиновъ съ дѣтьми вѣроятно даютъ предметамъ своихъ вѣжныхъ заботъ пашущимъ землю, или пасущимъ скоть, или хотя собирающимъ ягоды для своего пропитанія, никакъ не меньше десятилѣтняго возраста. Хорошо; какія же права имѣетъ не то, что посторонній воспитатель, а родной отецъ надъ десятилѣтнимъ ребенкомъ? Имѣетъ ли право хотя бы принуждать его учиться? Педагогія говоритъ: «Нѣтъ; если десятилѣтній мальчикъ не любитъ учиться, причина тому не онъ, а его воспитатель, заглушающій въ немъ любознательность дурными пріемами преподаванія или непригоднымъ для воспитанника содержаніемъ его. Надобность тутъ не въ принужденіи воспитанника, а въ томъ, что воспитателю должно перевоспитать самого себя и переучиться: ему слѣдуетъ сдѣлаться изъ скучнаго, безтолковаго, суроваго педанта добрымъ и разсудительнымъ преподавателемъ, отбросить дикія понятія, которыми загроможденъ здравый смыслъ въ его головѣ, пріобрѣсти въ замѣнъ ихъ разумныя. Когда эти требованія науки будутъ исполнены воспитателемъ, мальчикъ стапеть охотно учиться всему, что найдетъ тогда надобнымъ преподавать ему учитель, сдѣлавшійся человѣкомъ разсудительнымъ и добрымъ. Принудительная власть взрослыхъ людей надъ десятилѣтнимъ мальчикомъ ограничивается тѣмъ, чтобъ удерживать его отъ нанесенія вреда самому себѣ и другимъ. Но вредъ вреду рознь. Когда рѣчь идетъ о принудительныхъ мѣрахъ для предотвращенія вреда, то ясно само собою, что не годится предотвращать менѣе значительный вредъ нанесеніемъ болѣе значительнаго. Принужденіе по самой сущности своей вредно: оно приноситъ огорченіе стѣсняемому и наказываемому, оно портитъ его характеръ, возбуждая въ немъ досаду на запрещающихъ и наказывающихъ, вводя его во враждебныя столкновенія съ ними. По этому разсудительные родители, другіе старшіе родные, воспитатели считаютъ дозвольтельнымъ для себя

употребленію насильственныхъ мѣръ противъ десятилѣтняго мальчика лишь въ немногихъ наиболѣе важныхъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ поступки его вредны ему по ихъ мнѣнію. Когда вредъ не очень важенъ, они дѣйствуютъ на мальчика только совѣтами и доставленіемъ ему удобствъ отвыкать отъ вреднаго: они справедливо полагаютъ, что мелочныя шалости, отъ которыхъ не будетъ большой бѣды ни самому мальчику, ни другимъ, не должны быть предметами угрозъ и наказаній; пусть сама жизнь отвлечетъ его отъ этихъ шалостей, думаютъ они, помогаютъ дѣлу совѣтами, стараются доставить шалуну другія, лучшія развлеченія и ограничиваются этимъ. — Впрочемъ, безспорно, бывають случаи, въ которыхъ вредъ воспрещаемаго болѣе великъ, чѣмъ вредъ воспрещенія. Въ такихъ дѣлахъ, принудительныя мѣры оправдываются разумомъ и предписываются совѣстью; конечно, съ оговоркой, что онѣ не будутъ болѣе суровы или стѣснительны, чѣмъ необходимо для пользы мальчиковъ, подвергаемыхъ имъ. Предположимъ, напримеръ, что воспитатель получилъ въ свое завѣдываніе толпу мальчиковъ, имѣющихъ привычку драться между собой камнями и палками. Онъ обязанъ воспретить имъ эти драки, въ которыхъ часто получаютъ увѣчья, иной разъ даже бывающія смертельными. — О дѣлахъ ли подобнаго рода ведется рѣчь, когда принудительныя мѣры противъ уподобляемыхъ дѣтямъ простолюдиновъ или дикарей оправдываются обязанностью воспитателя запрещать дѣтямъ вредныя для нихъ поступки? Нѣтъ, къ фактамъ этого разряда не могутъ относиться подобныя разсужденія. Во первыхъ, если имѣтъ въ виду эти факты, то не о чемъ вести споръ, нечего доказывать; право правительства воспрещать драки не отрицается никѣмъ; во вторыхъ, когда говорится о воспрещеніи драки, то нельзя говорить въ частности о воспрещеніи ихъ какому нибудь особому разряду людей: рѣчь должна относиться ко всѣмъ людямъ, дерущимся между собою; какова степень ихъ образованности, все равно: они дерутся между собой, этого достаточно; кто бы ни были они, знатные или незнатные, ученые или новѣжды, одинаково надобно прекратить ихъ драку. И правительству ли только принадлежитъ право прекратить ее? — Нѣтъ; всякому разсудительному человѣку совѣтъ великъ прекратить — если онъ можетъ — всякую драку, какую онъ видитъ, и законы всѣхъ цивилизованныхъ земель одобряютъ каждаго, исполнившаго эту обязанность совѣсти. Какая жъ надобность толковать, что и правительство имѣетъ право прекращать драки? Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ существуетъ и одобряется всѣмъ населеніемъ ихъ законъ, не то что дающій правительству право, — нѣтъ, возлагающій на него обязанность прекращать драки. Въ каждой цивилизованной странѣ все населеніе непрерывно требуетъ отъ правительства исполненія этого закона. И во всякой цивилизованной землѣ онъ одинъ и тотъ же для всего ея населенія; никакихъ исключительныхъ льготъ или стѣсненій въ дѣлѣ дракъ нѣтъ ни для какого класса людей, знатнаго ль или низкаго, просвѣщеннаго ль или новѣжественнаго; нѣтъ ихъ, и не нужно. Ни въ какой цивилизованной странѣ нѣтъ никакихъ споровъ ни о чемъ изъ этого. Къ чему жъ было бы толковать въ частности о простолюдинахъ, и о томъ, что простолюдины подобны дѣтямъ, а правительство подобно должно быть школьнымъ учителямъ этихъ мнимыхъ школьниковъ, здоровенныхъ мужчинъ и сѣдыхъ стариковъ, если бы разсуждающіе о сходствѣ простолюдиновъ съ дѣтьми желали только доказывать, что правительство имѣетъ право прекращать драки простолюдиновъ? Ясно, что любители уподобленія простолюдиновъ дѣтямъ имѣютъ

въ виду не воспрещеніе дракъ, а нѣчто совершенно иное; имъ хочется чтобы простолюдины жили по ихъ фантазіямъ, имъ хочется поредѣлявать народные обычаи по своему произволу. Предположимъ, что всѣ не нравящіяся имъ черты быта простолюдиновъ дѣйствительно дурны, что всѣ правила быта, которыми желаютъ они замѣнить эти черты, дѣйствительно были бы сами по себѣ хороши. Но они—любители насилія, хотъ и умѣютъ говорить языкомъ цивилизованнаго общества, остаются въ душѣ людьми варварскихъ временъ.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ масса населенія имѣетъ много дурныхъ привычекъ. Но искоренять ихъ насиліемъ значить пріучить народъ къ правиламъ жизни еще болѣе дурнымъ, принуждать его къ обману, лицемерію, безсовѣстности. Люди отвыкаютъ отъ дурнаго только тогда, когда сами желаютъ отвыкнуть; привыкаютъ къ хорошему только когда сами понимаютъ, что оно хорошо и находятъ возможность усвоить его себѣ. Въ этихъ двухъ условіяхъ вся сущность дѣла: въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ хорошее, и въ томъ, чтобы нашелъ возможнымъ усвоить его себѣ; въ желаніи усвоить его себѣ никогда не можетъ быть недостатка у человѣка. Не желать хорошаго—не въ натурѣ человѣка, потому что не въ натурѣ какого бы то ни было живаго существа. Нечего и говорить о томъ, желаютъ ли хорошаго себѣ существа, дышащія, подобно человѣку, легкими, имѣющія высоко развитую нервную систему; посмотримъ въ движеніе червяка: даже и онъ ползетъ отъ того, что кажется ему дурнымъ, къ тому, что кажется ему хорошимъ. Влеченіе къ тому, что кажется хорошимъ—коренное качество природы всѣхъ живыхъ существъ.

Если мы, просвѣщенные люди какого нибудь народа, желаемъ добра массѣ нашихъ соплеменниковъ, имѣющей дурныя, вредныя для нея привычки, наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы знакомить ее съ хорошимъ и заботиться о доставленіи ей возможности усвоить его. Прибѣгать къ насилію—дѣло совершенно неумѣстное. Когда претивствіе къ замѣнѣ дурнаго хорошимъ только незнаніе хорошаго, намъ легко достигъ успѣха въ желаніи улучшить жизнь нашихъ соплеменниковъ; тѣ истины, которыя надобно узнать имъ, не какія нибудь головоломныя теоремы спеціальныхъ наукъ, а правила житейскаго благоразумія, совершенно доступныя пониманію всякаго взрослого человѣка, хотя бы самаго невѣжественнаго. Трудность дѣла не въ томъ, чтобы растолковать простолюдинамъ вредность дурнаго, полезность хорошаго; важнѣйшія истины этого рода хорошо извѣстны огромному большинству простолюдиновъ каждаго народа нашей европейской цивилизаціи. Оно само желаетъ замѣнить свои дурныя привычки хорошими, и не исполняетъ своего желанія только потому, что не имѣетъ средствъ вести такую жизнь, какую считаетъ хорошей и желало бы вести. Оно нуждается не въ наизданіяхъ, а въ пріобрѣтеніи средствъ для замѣны дурнаго хорошимъ. Меньшинство, желающее жить по правиламъ, которыя справедливо кажутся дурными просвѣщеннымъ людямъ, ничтожно по количеству въ каждой изъ націй цивилизованнаго міра; оно состоитъ изъ людей, которыхъ считаетъ дурными и масса простолюдиновъ, какъ масса образованнаго общества. Кромѣ этихъ немногихъ, нравственно больныхъ людей, всѣ остальные простолюдины, какъ и всѣ остальные просвѣщенные люди, желаютъ поступать хорошо; и если поступаютъ дурно, то лишь потому, что дурная обстановка ихъ жизни принуждаетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ; всѣ они тяготеютъ этимъ, всѣ желаютъ улучшить обстановку

своей жизни такъ, чтобы не быть вводимыми ею въ дурные поступки. Обязанность людей, желающихъ добра своему народу, состоитъ въ томъ, чтобы помогать осуществленію этого желанія огромнаго большинства людей всѣхъ сословій. Не насиліе противъ простонародья или какого другаго класса націй тутъ нужно, а судѣйствіе исполненію всеобщаго желанія.

Таковы должны быть отношенія просвѣщенныхъ людей къ массѣ ихъ соотечественниковъ. И должно сказать, что ужъ съ довольно давняго времени всѣ правительства цивилизованныхъ государствъ держатся этихъ разумныхъ понятій; варварскій способъ производить перемѣны въ народной жизни насильственными мѣрами давно отброшенъ правительствами всѣхъ европейскіхъ государствъ; всѣхъ безъ исключенія; даже и турецкое правительство отказалось отъ попытокъ доставлять своему народу что нибудь хорошее насиліемъ надъ нимъ; даже и оно теперь знаетъ, что насильственные мѣры не улучшаютъ, а только портятъ жизнь того народа, къ національному составу котораго принадлежитъ оно.

Тѣ ученые, которые желаютъ, чтобы правительство какой нибудь цивилизованной страны принимало насильственные мѣры для преобразованія жизни своего народа, люди менѣе просвѣщенныхъ понятій, чѣмъ правители турецкаго государства.

Французы ль мы, или нѣмцы, русскіе ль, или испанцы, шведы ль или греки, мы имѣемъ право думать о своемъ народѣ, что онъ менѣе невѣжественъ, нежели турецкій; потому имѣемъ право требовать отъ ученыхъ нашей національности, чтобы они не отказывали своему народу въ томъ уваженіи, какое оказываютъ своему народу турецкіе пашы.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, стыдящихся требовать насилій надъ жизнью своего народа, не считаютъ постыднымъ говорить, что правительство цивилизованной націи имѣетъ обязанность принимать насильственные мѣры для улучшенія обычаевъ подвластныхъ ему нецивилизованныхъ иноплемениковъ.

Власть надъ чужими землями пріобрѣтается и поддерживается военной силой. Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ правительствъ цивилизованныхъ націй надъ нецивилизованными племенами сводится къ вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ разумъ и совѣтъ могутъ оправдывать завоеваніе. Всѣ эти случаи подходятъ подъ понятіе самообороны. Ни одинъ осѣдлый народъ не имѣетъ такихъ обычаевъ, которые дѣлали бы для какого нибудь другаго народа необходимой мѣрой самообороны завоеваніе его. Каждый осѣдлый народъ ведетъ мирный образъ жизни, добываетъ себѣ пропитаніе честнымъ, спокойнымъ трудомъ. Военныя столкновенія между осѣдлыми народами возникаютъ не изъ основныхъ правилъ ихъ жизни, а только изъ недоразумѣній или порывовъ страстей. Если осѣдлый народъ имѣетъ такое превосходство силы надъ другимъ тоже осѣдлымъ народомъ, что можетъ покорить его своему владичеству, то ясно самой собою, что онъ имѣетъ силу, болѣе нежели достаточную для отраженія нападеній этого народа. Потому завоеваніе осѣдлаго народа никогда не можетъ быть признано необходимою для самообороны народа, покоряющаго себѣ его. Интересы каждаго осѣдлаго народа требуютъ спокойствія. Если народъ, болѣе сильный, заботится соблюдать справедливость относительно осѣдлаго сосѣда, менѣе сильнаго, то очень рѣдко будетъ подвергаться нападеніямъ отъ него. Нападеніе слабаго должно кончиться неудачей, по превосходству силы обороняющагося. Если сильный, отразивъ нападеніе слабаго, заклю-

читать съ нимъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, не злоупотребить своей побѣдой, то побѣжденный на долго утратитъ желаніе возобновить войну. Такимъ образомъ, болѣе сильный народъ всегда имѣетъ возможность устроить свои отношенія къ менѣе сильному осѣдлому сосѣду такъ, что преобладающій характеръ ихъ будетъ мирный. Завоеваніе осѣдлаго народа всегда нарушеніе справедливости; а нарушеніе справедливости никогда не можетъ быть полезнымъ для подвергающихся ему, всегда наносятъ имъ вредъ. — Итакъ, покореніе осѣдлаго народа, никогда не бывая необходимою самообороны покоряющаго, никогда не можетъ имѣть оправданія себѣ. — Иное дѣло, отношенія осѣдлыхъ народовъ къ номадамъ. Они могутъ быть таковы, что покореніе сосѣдняго кочеваго племени необходимая мѣра самообороны осѣдлаго народа. Нѣкоторые номады миролюбивы; покореніе ихъ никогда не можетъ быть надобностью. Но многіе номады имѣютъ принципомъ своего быта грабежъ сосѣдовъ. Покореніе такихъ номадовъ можетъ бывать дѣломъ необходимости, и въ такихъ случаяхъ оправдывается разумомъ и совѣстью. Спрашивается: имѣютъ ли цивилизованные завоеватели право принуждать завоеванныхъ номадовъ къ перемѣнѣ ихъ обычаявъ? — Имѣютъ, насколько это необходимо для достиженія той цѣли, которой оправдывается завоеваніе, то есть для прекращенія разбойничества. Покоренные дикари разбойничали. Завоеватель не только имѣетъ право, имѣетъ обязанность запретить имъ это. Но когда онъ воспрещаетъ имъ разбой, о чемъ тутъ идетъ дѣло? О томъ ли, чтобъ улучшить нравы дикарей? — Нѣтъ, улучшение ихъ нравовъ можетъ быть (и часто бывастъ) результатомъ прекращенія разбоевъ; но мотивомъ запрещенія разбоевъ служить надобность цивилизованнаго народа, а не забота о благѣ разбойничавшихъ дикарей. Потребность цивилизованныхъ завоевателей въ безопасности для своего мирнаго труда возлагаетъ на ихъ правительство обязанность прекратить разбойничество покоренныхъ дикарей. Полезно ли это для дикарей, или нѣтъ, все равно. Это можетъ стать полезнымъ для нихъ; но не для ихъ пользы дѣлается это, а для пользы ихъ завоевателей. Правительство цивилизованнаго народа ловить и наказываетъ въ своей землѣ разбойниковъ и воровъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ національности; для чего оно дѣлаетъ это? Для пользы ли этихъ разбойниковъ и воровъ? Нѣтъ, для пользы мирнаго, честнаго населенія своей земли; нація находитъ надобнымъ для себя, чтобъ они были ловимы и наказываемы, и возлагаетъ на правительство обязанность исполнять это. Поимкой и наказаніемъ грабителей ограничивались до недавняго времени отношенія правительства къ нимъ и желанія общества относительно ихъ даже у передовыхъ націй. Теперь просвѣщенное общество считаетъ своей надобностью заботиться объ улучшеніи правилъ жизни пойманныхъ и наказанныхъ грабителей и воровъ. Правительства цивилизованныхъ націй стараются исполнять эту добрую и разумную мысль просвѣщенныхъ классовъ, и когда дѣло ведется хорошо, то многіе изъ наказанныхъ грабителей и воровъ становятся людьми трудолюбивыми, честными. Но какими способами достигается этотъ результатъ? Тѣмъ, что администрація облегчаетъ судьбу наказываемыхъ, доставляетъ имъ средства трудиться съ выгодой для нихъ и хорошія, благородныя развлеченія во время ихъ тюремной жизни, сокращаетъ срокъ ихъ неволи въ награду за исправленіе. Итакъ, чѣмъ же улучшаются эти люди? Мѣрами кротости и заботливости, смягчающими ихъ наказанія, возбужденіемъ въ нихъ расположенія къ хорошимъ правиламъ жизни, а не насиліемъ, не наказаніями. Лишеніе свободы само по себѣ раздра-

жасть людей, портить ихъ, развѣщаетъ въ нихъ низкія и злыя склонности; тѣмъ еще хуже дѣйствуютъ наказанія болѣе суровыя, чѣмъ простое заключеніе въ темницу. Точно также, отнявъ у разбойническаго племени независимость для избавленія своей земли отъ его грабежей, правительство цивилизованнаго народа можетъ заботиться о доставленіи покореннымъ дикарямъ свѣдѣній о хорошемъ и средствъ для его пріобрѣтенія; это будетъ не насиліе, а дѣло доброжелательства; при хорошемъ исполненіи его, нравы дикарей будутъ смягчаться, и по мѣрѣ ихъ улучшенія завоеватели могутъ облегчать тяготу своей власти надъ побѣжденными; эта благородная политика будетъ сильно содѣйствовать улучшенію жизни покоренныхъ. Такимъ образомъ, когда завоеванное племя получаетъ что нибудь хорошее отъ завоеванія, то всѣ хорошіе результаты производятся не насиліемъ, а кротостью и уменьшеніемъ насилія.

О людяхъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что насиліе ухудшаетъ ихъ, что кроткое доброжелательное обращеніе съ ними улучшаетъ нравственныя ихъ качества. Такъ ли было и въ прежнія времена?—Естествознаніе отвѣчаетъ, что такъ было всегда не только въ жизни людей, но и раньше того, въ жизни предковъ людей. Та часть зоологіи, которая занимается изслѣдованіемъ умственной и нравственной жизни существъ, имѣющихъ теплую кровь, доказала, что всѣ безъ исключенія классы, семейства и виды ихъ раздражаются, нравственно портятся отъ насилій надъ ними, улучшаются въ своихъ нравственныхъ качествахъ при доброжелательномъ, заботливомъ и кроткомъ обращеніи съ ними. Ставить вопросъ шире чѣмъ обо всѣхъ живыхъ существахъ съ теплою кровью нѣтъ надобности при изслѣдованіи законовъ человѣческой жизни; и кажется еще не собраны матеріалы для разъясненія формъ и законовъ нравственной жизни нѣкоторыхъ изъ позвоночныхъ, имѣющихъ холодную кровь и большинства безпозвоночныхъ живыхъ существъ. Но относительно существъ съ теплою кровью естествознаніе вполне разъяснило, что общій законъ нравственной жизни всѣхъ ихъ состоитъ въ ухудшеніи отъ всякой жестокости, всякаго насилія надъ ними, въ улучшеніи ихъ нравственныхъ качествъ при добромъ обращеніи съ ними,

Но какъ же думать о достовѣрности множества историческихъ свидѣтельствъ, говорящихъ, что насиліе улучшало нравы дикарей, покоренныхъ цивилизованными націями?—Точно такъ же, какъ о достовѣрности всякихъ другихъ рассказовъ или разсужденій, противорѣчащихъ законамъ природы. Для историка, знакомаго съ законами человѣческой природы, не можетъ быть сомнѣнія, что всякіе рассказы подобнаго рода — вздорныя сказки; задача его относительно ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, какъ возникли онѣ, найти источники ошибокъ или мотивы преднамѣренной лжи, которыми онѣ порождены.

Теперь признано, что всѣ живыя существа, способныя ощущать впечатлѣнія, производимыя на нихъ внѣшними предметами, и чувствовать боль или пріятное состояніе своего организма, стремятся приспособить обстановку своей жизни къ своимъ потребностямъ, занять въ ней наиболѣе пріятное для себя положеніе и съ этой цѣлью стараются какъ можно лучше узнать ее. Относительно всѣхъ тѣхъ существъ, у которыхъ органы слуха и зрѣнія устроены болѣе или менѣе сходно съ нашими, то есть, между прочимъ, относительно всѣхъ млекопитающихъ,

известно теперь, что кромѣ желанія изучать обстановку своей жизни съ практической цѣлью для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей они имѣютъ и теоретическую любознательность: имъ пріятно смотрѣть на нѣкоторые предметы, слушать нѣкоторые звуки. Они имѣютъ склонность смотрѣть и слушать собственно потому, что это пріятно имъ, независимо ни отъ какой выгоды въ матеріальномъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ зоологія установила эти факты относительно всѣхъ млекопитающихъ, нѣтъ возможности отрицать въ человѣкѣ врожденное стремленіе къ улучшенію своей жизни и врожденную любознательность. Эти качества, которыхъ не можетъ человѣкъ утратить, пока сохраняется здоровая дѣятельность его нервной системы, это первая двѣ изъ основныхъ силъ, производящихъ прогрессъ.

Есть живыя существа, враждебныя къ одинаковымъ съ ними. Такъ говорить о паукахъ. Но между тѣми существами, которыя по зоологической классификаціи причисляются къ высшимъ отдѣламъ класса млекопитающихъ нѣтъ ни одного вида подходящаго подъ разрядъ существъ враждебныхъ подобнымъ себѣ. Всѣ они, напротивъ того, имѣютъ доброжелательное расположеніе къ существамъ одного съ ними вида. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ одинокую жизнь, какъ напримѣръ волки; но это лишь необходимость, налагаемая на нихъ трудностью добывать пищу; такъ охотники расходятся далеко одинъ отъ другаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало добычи для нихъ; всѣмъ извѣстно, что волки при всякой возможности соединяются въ маленькія общества: имъ пріятно быть вмѣстѣ. Тѣ существа, которыя по формѣ зубовъ и устройству желудка менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ волкъ, и питаются или исключительно или преимущественно растительными веществами, ведутъ общественную жизнь.

О половой привязанности нѣтъ надобности говорить много: всѣ знаютъ, что она въ высшихъ отдѣлахъ млекопитающихъ очень сильна. А когда всѣмъ намъ извѣстно, что левъ и львица нѣжно любятъ другъ друга, что тигръ ходитъ добывать пищу для своей подруги, кормящей дитя, то нелѣпо было бы сомнѣваться, что половое чувство у людей располагаетъ мужчину и женщину къ взаимному доброжелательству. У млекопитающихъ сильно развита материнская любовь къ дѣтямъ; безъ этого чувства не могъ бы существовать ни одинъ видъ ихъ, потому что дѣти каждаго очень долго живутъ только благодаря заботливости матери, кормящей ихъ грудью. У каждаго вида млекопитающихъ мать очень сильно любитъ дѣтей въ продолженіе всего того времени, пока они не могутъ обходиться безъ ея заботъ. Потому нѣтъ возможности сомнѣваться, что въ человѣческомъ родѣ мать имѣетъ природную сильную любовь къ своимъ дѣтямъ и что ея любовь къ дитятѣ сохраняетъ свою силу на всѣ тѣ годы жизни ребенка, въ которые онъ не способенъ самъ прокормить себя и самъ защищаться отъ враговъ. А этотъ періодъ у человѣка очень продолжителенъ. Едва ли въ какой бы то ни было мѣстности, самой благопріятной для легкаго добыванія пищи человѣкомъ и наиболѣе безопасной для него, можетъ не умереть съ голода пятилѣтній ребенокъ, оставшійся совершенно безъ попеченія старшихъ. Вообще говоря, періодъ заботъ матерей о дѣтяхъ въ человѣческомъ родѣ длится гораздо больше пяти лѣтъ. Но если мы возьмемъ этотъ срокъ времени, очевидно слишкомъ короткій, то все таки надобно будетъ признать, что онъ имѣетъ продолжительность болѣе, чѣмъ достаточную для возникновенія привычки матери и ребенка жить вмѣстѣ.

Теперь говорить, что семейный бытъ не первоначальная форма человѣ-

ческой жизни, что нѣкогда люди жили многолюдными нераздѣльными группами, въ которыхъ не существовало никакихъ прочныхъ индивидуальныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Намъ здѣсь вѣтъ надобности разбирать, слѣдуетъ ли считать достовѣрною эту теорію въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается. Если и допустить, что первоначально женщины и мужчины, жившіе вмѣстѣ не различали никакихъ отношеній кромѣ признаваемыхъ въ своемъ стадѣ антилопами, этимъ нисколько не измѣняются изложенныя нами понятія о томъ, какія силы слѣдуетъ признавать двигателями прогресса въ человѣческой жизни. Пусть та женщина, которая родила малютку не была признаваема имѣющей болѣе близкія отношенія къ нему, чѣмъ другія женщины того же племеннаго общества; допустимъ даже такое предположеніе, хотя оно противорѣчитъ факту, существующему у всѣхъ млекопитающихъ. Корова знаетъ своего теленка и любитъ кормить своимъ молокомъ этого теленка. То же самое у всѣхъ млекопитающихъ. Наперекоръ этому факту, допустимъ, что было время, когда женщина не знала, какое пзъ дѣтей ея племенной группы рождено ею или, по крайней мѣрѣ, не считала себя обязанной и не имѣла влеченія кормить грудью именно того ребенка, который рожденъ ею. Все таки дѣти людей того времени не могли оставаться живы иначе, какъ будучи питаемы грудью, и если родъ человѣческій не исчезъ, то значить малютки тѣхъ временъ были кормимы грудью какихъ-нибудь женщинъ, своихъ ли матерей или другихъ женщинъ; и все таки группа дѣтей этого племеннаго общества была предметомъ заботливости группы женщинъ, имѣвшихъ въ груди молоко, выростала только потому, что была предметомъ заботливости этой группы.

Мы дѣлаемъ приверженцамъ теоріи, о которой говоримъ, всѣ уступки, какихъ могутъ они желать; мы готовы даже признать существа уже имѣвшія человѣческую организацію, стоявшими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ниже овецъ, лишь бы только были приведены факты, дѣлающіе вѣроятнымъ такое предположеніе. Но должно сказать, что для этого понадобилось бы передѣлать физиологію нервной системы и доказать, что существо, имѣвшее очертанія тѣла, сходныя съ нынѣшними человѣческими, могло имѣть головной мозгъ менѣе высоко организованный, чѣмъ у овцы. Пока этого не сдѣлано, пока физиологія будетъ говорить то, что нынѣ говоритъ о соотношеніяхъ между устройствомъ члвкоподобнаго головного мозга съ члвкоподобными формами тѣла, должно будетъ думать, какъ велитъ думать теперь физиологія, что тѣ существа, которыя были людьми, превосходили овецъ умомъ; должно полагать также, что дѣти этихъ существъ нуждались въ материнскихъ заботахъ гораздо долѣе, чѣмъ ягнята, и остается несомнѣнной истиной, что существованіе члвческаго рода обуславливалось и тогда, какъ теперь, любовью матерей къ дѣтямъ. Допустимъ, наперекоръ сравнительной анатоміи, даже то, что существа, имѣвшія члвческую форму тѣла находились когда нибудь на такой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, которая должна быть названа болѣе низкой, чѣмъ степень развитія не только овецъ, но и всякихъ другихъ существъ, имѣющихъ теплую кровь. Пусть люди тогда не имѣли никакихъ добрыхъ чувствъ, все таки они жили какими нибудь группами, хотя бы состоящими каждая только изъ одной женщины и ея дѣтей того возраста, въ которомъ они еще не умѣютъ сами

добывать себѣ пищу. Пусть эта мать нисколько не любила дѣтей; пусть она давала поворожденному сосать ея грудь только по инстинктивному ея стремленію избавиться отъ стѣснительнаго ощущенія производимаго избыткомъ накопившагося молока; и пусть когда она переставала кормить ребенка своимъ молокомъ она не дѣлилась съ намъ своей пищей, пожирала сколько могла, отгоняя ребенка, и онъ питался только остатками, которыхъ не могла она съѣсть сама; все таки ея дѣти довольно долго жили, вмѣстѣ съ нею; они видѣли, что она дѣлаетъ; пусть она не заботилась учить ихъ, хоть объ этомъ заботится не только собака или кошка, но и корова; они все таки научались примѣромъ ея, если и не брала она на себя труда учить ихъ.

Было, разумѣется не такъ. Съ той поры, какъ живутъ на свѣтѣ существа человѣческихъ формъ тѣла, было у нихъ нѣкоторое влеченіе къ взаимному доброжелательству. Это влеченіе, независимое ни отъ какихъ половыхъ или родственныхъ отношеній, производило тотъ фактъ, что взрослые мужчины находили пріятнымъ разговаривать между собою; если ихъ языкъ еще не былъ человѣческимъ, то умѣли жъ они выражать звуками голоса хоть тѣ мысли и чувства, которыя выражаются въ бесѣдахъ волковъ, лошадей или овецъ между собою, и умѣли жъ они пояснять звуки своего голоса какими нибудь движеніями, какъ умѣютъ все млекопитающія. Но пусть вовсе не умѣли они выражать своихъ ощущеній и обмѣниваться мыслями, какъ умѣютъ все существа дышашія легкими, имѣющія дыхательное горло съ голосовыми связками; все-таки этимъ мужчинамъ было пріятно сидѣть вмѣстѣ, смотрѣть другъ на друга. Точно также было пріятно сидѣть вмѣстѣ женщинамъ. Половое влеченіе должно было производить въ мужчинѣ и женщинѣ хоть такое же взаимное расположеніе, какое существуетъ между тигромъ и тигрицей. Связь матери съ ребенкомъ была не менѣе нѣжна и болѣе продолжительна, чѣмъ у тигрицы или овцы съ ихъ дѣтьми, и не могло не быть того, чтобы мать не учила свое дитя, чтобы мужчины не были защитниками женщинъ и дѣтей отъ опасностей. Добрыя чувства, существовавшія между людьми съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли существа, имѣющія человѣческую форму тѣла, помогали врожденному стремленію каждого изъ нихъ улучшать свою жизнь и удовлетворять своей любознательности. Младшіе по природному влеченію слѣдовали примѣру старшихъ; дѣти учились, молодые люди пріобрѣтали опытность, наблюдая дѣйствія болѣе опытныхъ, стараясь усвоивать себѣ ихъ житейскія знанія. Эти влеченія существуютъ у всѣхъ млекопитающихъ, потому не возможно сомнѣваться, что они съ самаго начала существованія людей принадлежали къ основнымъ свойствамъ человѣческой природы.

Итакъ мы имѣемъ два разряда силъ, производящихъ улучшеніе человѣческой жизни; одинъ изъ нихъ образуетъ стремленіе человѣка заботиться о хорошемъ удовлетвореніи потребностей своего организма и желаніе пріобрѣтать свѣдѣнія независимо отъ практической полезности ихъ собственно потому, что пріобрѣтеніе ихъ пріятно; другой разрядъ составляютъ тѣ отношенія между людьми, которыя возникаютъ изъ взаимнаго ихъ доброжелательства; это разные виды пріятности и пользы, получаемой людьми отъ жизни въ одной группѣ и двѣ болѣе сильныя формы взаимнаго доброжелательства, производимыя не только потребностями нервной системы, какъ взаимное доброжелательство между посторонними другъ другу мужчинами или посторонними одна другой женщинами, но

принадлежащія къ числу такъ называемыхъ фізіологическихъ функцій организма: одна изъ этихъ формъ доброжелательства—половое влеченіе и возникающая изъ него любовь между мужчиной и женщиной, другая форма его — материнская любовь и влеченіе мужчины заботиться о жещивѣ, съ которой сожительствуетъ онъ, и о своихъ дѣтяхъ отъ нея.

Эти силы дѣйствуютъ и въ жизни другихъ млекопитающихъ. Всматриваясь въ характеръ ихъ вліянія, мы должны признать, что собственно ими было производимо улучшеніе тѣхъ организмовъ, которые въ ихъ нынѣшнихъ формахъ мы называемъ млекопитающими существами.

У человѣка, благодаря какимъ-то особенностямъ исторіи его предковъ, головной мозгъ пріобрѣлъ такое развитіе, какого не достигъ ни у одного изъ существъ подобныхъ ему формами тѣла. Въ чемъ состояли эти особенности исторіи, которыми произведено болѣе высокое развитіе умственныхъ силъ у предковъ человѣка? Общій характеръ ихъ ясно опредѣляется нашими фізіологическими знаніями. О потребностяхъ мы можемъ составлять догадки, очень правдоподобныя; но едва ли найдены историческіе факты, которые давали бы достовѣрнымъ чертамъ отвѣта ясность болѣе той, какая дается имъ фізіологіей; она показываетъ, что улучшеніе организмовъ производится благопріятными для ихъ жизни обстоятельствами. На основаніи этого мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что если предки человѣка поднялись въ умственномъ отношеніи выше другихъ существъ, съ которыми стояли нѣкогда на одномъ уровнѣ, то исторія ихъ должна была имѣть характеръ болѣе благопріятный для ихъ органическаго развитія, чѣмъ исторія существъ не поднявшихся такъ высоко надъ прежнимъ общимъ уровнемъ. Это фізіологическая истина. Но въ чемъ именно состояли обстоятельства, благопріятствовавшія фізіологическому развитію предковъ людей, мы можемъ только догадываться. Очень правдоподобно, что предки людей по какому нибудь счастливому обстоятельству пріобрѣли больше безопасности отъ враговъ, чѣмъ какую имѣли другія существа сходныя или одинаковыя съ ними. Это могло быть переселеніе въ какую нибудь мѣстность болѣе прежней удобную для спокойной жизни, имѣвшую много хорошихъ пріютовъ въ родѣ пещеръ, куда не могли проникать ни ядовитыя змѣи, ни большія хищныя животныя; или переселеніе въ обширный лѣсъ, свободный отъ этихъ враговъ или имѣвшій много такихъ деревьевъ, жить на которыхъ было удобно и безопасно; или быть можетъ, преимущество мѣстности состояло въ томъ, что она была обильнѣй хорошей пищей, чѣмъ тѣ мѣстности, въ которыхъ остались или куда принуждены были переселиться существа, начавшія послѣ того отставать отъ предковъ людей въ своемъ умственномъ развитіи. Эти и тому подобныя догадки сообразны съ законами фізіологическаго развитія, потому правдоподобны; какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ дѣйствительно происходившимъ фактамъ, мы еще не имѣемъ свѣдѣній.

Но какимъ бы то ни было путемъ предки людей, по вліянію какихъ-то благопріятныхъ обстоятельствъ своей жизни, пріобрѣли такое высокое умственное развитіе, что сдѣлались людьми. Только съ этого времени начинается та исторія ихъ жизни, относительно которой возникаютъ вопросы не общаго фізіологическаго содержанія, а спеціально относящагося къ человѣческой жизни.

Эти существа далеко превосходили умомъ всѣ тѣ виды млекопитающихъ, которые по своей физической силѣ были подобно имъ довольно безопасны отъ враговъ. Собственно превосходствомъ ума и объясняется весь дальнѣйшій прогрессъ

человѣческой жизни. Само собою понятно, что существа несравненно болѣе умныя, чѣмъ буйволъ или верблюдъ, несравненно легче преодолевали препятствія къ улучшенію своей жизни. Буйволъ не умѣетъ придумать, какъ ему устроить для своего сна полную безопасность отъ большаго хищнаго звѣря или отъ ядовитой змѣи; дикари, находящіеся на самой низкой фактически извѣстной намъ ступени человѣческаго развитія, знаютъ эти средства обезпечить себѣ безопасность сна, и мы видимъ, что простѣйшія изъ этихъ средствъ безъ труда могли быть найдены людьми даже менѣе развитыми въ умственномъ отношеніи, чѣмъ низшіе изъ нынѣшнихъ дикарей. Говорятъ, и по всей вѣроятности справедливо, что умѣнье взять въ руку камень или толстую палку и бить этимъ оружіемъ по врагу увеличило безопасность людей, дало имъ возможность улучшить свою матеріальную жизнь, и благодаря ей улучшенію, получить большее развитіе умственныхъ способностей. Мы видимъ, что умѣйшія изъ другихъ млекопитающихъ не достигли искусства ловко пользоваться этимъ способомъ защиты отъ сильныхъ враговъ. Говорятъ, что орангъ-утангъ и горилла хорошо дерутся камнями или палками, но въ этихъ оцѣнкахъ ихъ искусства слово «хорошо» употребляется не по сравненію съ человѣческой ловкостью въ подобной оборонѣ, а лишь въ смыслѣ сравненія съ очень плохимъ умѣньемъ медвѣдя бросать во врага глыбами земли. Еслибъ орангъ-утангъ или горилла умѣли драться палками не то, что съ такимъ же искусствомъ, какъ дикари, а хотя бы не совсѣмъ плохо по сравненію съ дикарями, они выгнали бы людей изъ тѣхъ земель, въ климатѣ которыхъ могутъ жить, не было бы ни одного человѣка ни въ той полосѣ Африки, гдѣ живетъ горилла, ни на Борнео. Изгнаніе людей неотвратимо произошло бы для завладѣнія продуктами ихъ земледѣльческаго труда.

Какими именно путями люди, находившіеся на степени развитія болѣе низкой, чѣмъ грубѣйшіе изъ нынѣшнихъ дикарей, поднялись до ихъ сравнительно высокаго умственного развитія, мы опять не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Всѣ серьезные ученые признали за основное правило научныхъ объясненій тотъ законъ логики, что когда фактъ, о происхожденіи котораго нѣтъ у насъ прямыхъ свѣдѣній, объясняется дѣйствіемъ силъ, производящихъ одинаковыя съ нимъ факты на нашихъ глазахъ, то мы не имѣемъ права предполагать его произведеннымъ какими нибудь другими силами, должны считать его результатомъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыми теперь производятся одинаковыя съ нимъ факты. Мы положительно знаемъ, что улучшеніе организма людей производится благоприятными обстоятельствами жизни ихъ, что съ улучшеніемъ организаціи головного мозга улучшаются умственные силы человѣка, что нравственный и матеріальный прогрессъ—результатъ улучшенія умственныхъ и нравственныхъ силъ; эти достовѣрныя знанія о ходѣ прогресса въ наше время и въ прежнія эпохи, хорошо извѣстныя намъ, совершенно достаточны для объясненія прогресса человѣческой жизни въ тѣ эпохи, объ исторіи которыхъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній.

Беремъ для примѣра три громадныя улучшенія человѣческой жизни: пріобрѣтеніе искусства пользоваться огнемъ и поддерживать или зажигать его, прирученіе животныхъ и открытіе искусства воздѣлывать землю для производства хлѣбныхъ растений. Для того, чтобы можно было сдѣлать эти житейскія открытія, необходимы были какія-нибудь счастливыя обстоятельства давшія возможность сдѣлать ихъ.

Теперь предполагаютъ, что люди, не знавшіе употребленія огня, жили не

только въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣлый годъ безъ перерыва длится достаточная для человѣка теплота атмосферы, но и въ земляхъ, имѣющихъ холодное время года. Если было такъ, то племена или маленькія группы людей, жившія въ климатахъ, имѣющихъ холодные мѣсяцы, болѣе страдали отъ холода, чѣмъ жившіе близко къ экватору; но слѣдуетъ ли предполагать, что именно у людей, болѣе страдавшихъ отъ холода было сдѣлано открытіе искусства охранять себя отъ стужи разведеніемъ огня? Нѣтъ, это соображеніе справедливо считается совершенно излишней гипотезой. Люди подъ экваторомъ тоже нуждались въ огнѣ. Ночи болѣе прохладныя, чѣмъ пріятно для людей привыкшихъ жить въ очень тепломъ воздухѣ, бываютъ и подъ экваторомъ. Надобность согрѣвать себя была и у людей экваторіальнаго пояса такъ велика, что искусство разводить огонь не могло не казаться драгоценнымъ улучшеніемъ жизни и для нихъ; слѣдовательно дѣло объясняется не разностью степеней пользы отъ огня для жителей разныхъ климатовъ, а только тѣмъ, въ какой землѣ произошли факты, которыми воспользовались люди для открытія способовъ поддерживать и зажигать огонь. Человѣкъ, два дня не ѣвшій ничего, съ радостью схватитъ и станетъ ѣсть попавшуюся ему пищу; но и человѣкъ, не ѣвшій ничего только одни сутки, сдѣлаетъ при такой же находкѣ то же самое; голодъ одного изъ нихъ сильнѣе, но и у другого онъ настолько силенъ, что находка пищи будетъ большой радостью для него; потому нелѣпо было бы сказать: «людямъ, голодавшимъ въ продолженіе двухъ сутокъ, пріятна возможность поѣсть»; ограниченіе содержанія мысли опредѣленіемъ надобности въ двухсуточномъ голодѣ — искажаетъ фізіологическую истину; мы выразимся правильно лишь въ томъ случаѣ, когда отбросимъ это излишнее опредѣленіе и скажемъ вообще: «людямъ, проголодавшимся, пріятна возможность поѣсть». Сколько именно времени не ѣлъ проголодавшійся человѣкъ, — двѣнадцать ли часовъ или цѣлыя сутки, или двое сутокъ — не относится къ дѣлу. Разницы этихъ сроковъ имѣютъ значеніе по другимъ фізіологическимъ вопросамъ, но не по вопросу о пріятности ѣды для проголодавашагося. Если человѣкъ часто голодалъ по двои сутокъ, то онъ сталъ физически слабъ; этого вреднаго вліянія не имѣютъ на обыкновенныхъ здоровыхъ людей интервалы между ѣдой, длящіеся только по 12 часовъ. Правда, къ концу такого интервала физическая сила человѣка значительно уменьшается, но никакого разстройства организма не происходитъ, и человѣкъ, проводящій безъ пищи въ каждыя сутки по 12 часовъ, остается черезъ годъ такой жизни такъ же силенъ, какъ былъ въ началѣ, а годъ, состоящій изъ двухсуточныхъ интерваловъ между ѣдой, расслабитъ самаго крѣпкаго человѣка; и если ужъ примѣнять понятія о разницѣ этихъ двухъ видовъ голоданія къ вопросу о способности находить средства для удовлетворенія голода, то слѣдуетъ сказать: чѣмъ продолжительнѣе періоды между удовлетвореніемъ голода, тѣмъ меньше имѣетъ человѣкъ способности пріобрѣтать себѣ пищу; это ясно, потому что онъ слабѣе физически, меньше способенъ работать или если пища пріобрѣтается не работой, а хожденіемъ за добычей, собираніемъ какихъ нибудь дико-растущихъ фруктовъ, ягодъ, корней, то не можетъ столько ходить для ея пріобрѣтенія, какъ сильный человѣкъ. Примѣнимъ такое же соображеніе къ вопросу объ открытіи употребленія огня для защиты тѣла отъ холода. Предполагаютъ, что обстоятельствами, которыя повели къ этому открытію были какіе нибудь факты горѣнія, производимые самой природой. Человѣкъ увидѣлъ, что отъ молніи вспыхнуло дерево; горѣніе еще продолжалось, когда гроза миновала и

когда человѣкъ успокоился; подошедши тогда къ горящему дереву, онъ почувствовалъ теплоту, приятную для него при понизившейся отъ грозы температурѣ; при-сматриваясь, онъ замѣтилъ, что сосѣднія съ понизившимся до земли огнемъ сухія вѣтки хвороста загораются и т. д. Въ этомъ родѣ обыкновенно разсказывается исторія ряда наблюдений, кончающагося открытіемъ способа долго сохранять раскаленные угли подъ пепломъ и зажигать новый огонь при ихъ помощи. Она не имѣетъ положительной достовѣрности; дѣло могло происходить какъ-нибудь иначе; но слѣдуетъ назвать ее очень правдоподобной. Хорошо, сообразимъ же въ какой землѣ было больше шансовъ произвести этотъ рядъ наблюдений. Подъ экваторомъ дикарь проводитъ на открытомъ воздухѣ круглый годъ; въ странѣ, гдѣ онъ сильно страдаетъ отъ холода значительную часть года, онъ старается проводить ее въ какомъ-нибудь закрытомъ отъ вѣтра пріютѣ; эта часть года пропадаетъ для наблюдений, предполагаемыхъ правдоподобнѣйшимъ разсказомъ о вѣроятномъ способѣ открытія искусства зажигать огонь; соотвѣтственно пропорціи непригоднаго для этихъ наблюдений числа дней въ году шансы открытія искусства пользоваться огнемъ обращаются противъ предположенія, что оно было сдѣлано вдалекѣ отъ экватора, свидѣтельствуютъ въ пользу мысли, что искусство сохраненія и зажигания огня было открыто людьми, жившими въ поясѣ вѣчно высокой температуры.

Справедливо говорятъ, что прирученіе животныхъ было очень важнымъ улучшеніемъ человѣческой жизни. Разсудимъ же относительно опредѣленныхъ частныхъ фактовъ этого дѣла, при какихъ обстоятельствахъ могли произойти они. Начнемъ соображенія съ прирученія того животнаго, потомки котораго называются теперь нашими европейскими домашними собаками. Кто были предки этихъ собакъ, вопросъ, кажется, еще не разъясненный съ полной достовѣрностью, но несомнѣнно, что это былъ какой-нибудь видъ животныхъ подобныхъ нынѣшнимъ волку, шакалу или динго. Спрашивается теперь, какія качества характера должно предполагать въ этой породѣ хищныхъ животныхъ, болѣе враждебныя человѣку или менѣе враждебныя, чѣмъ у наиболѣе непріязненныхъ человѣку породъ волка. Каждый скажетъ, что чѣмъ менѣе враждебна была человѣку эта порода, тѣмъ легче поддавалась прикармливанію и ласкѣ, тѣмъ больше былъ шансъ успѣха въ ея прирученіи. Такимъ образомъ, всѣ мы согласны въ томъ, что сравнительная мягкость характера животнаго, способнаго помогать человѣку въ ловлѣ добычи, въ защитѣ отъ другихъ хищныхъ животныхъ, въ охраненіи пріобрѣтеннаго имущества отъ другихъ людей, была обстоятельствомъ, облегчившимъ этотъ важный шагъ къ улучшенію человѣческой жизни.

Переходимъ къ земледѣлію. Въ какой мѣстности началось оно: въ такой ли, гдѣ находились растенія, въ дикомъ состояніи дававшія зерно, пригодное человѣку для ѣды, или въ такой, гдѣ не было этихъ растеній? И какую почву стали первые земледѣльцы воздѣлывать для искусственнаго размноженія этихъ растеній,—ту, которая казалась имъ плодородна или неплодородна? Всѣ мы считаемъ вѣроятнымъ, что земледѣліе началось въ какой-нибудь странѣ, гдѣ въ дикомъ состояніи росло много тѣхъ злаковъ, которые теперь, улучшившись отъ воздѣлыванія, стали пшеницей, ячменемъ или рожью, что для первыхъ опытовъ посѣва ихъ были выбраны клочки земли подобные тѣмъ, на которыхъ они хорошо росли въ дикомъ состояніи; такимъ образомъ, удобства для дѣланія первыхъ попытокъ искусственнаго размно-

женія хлѣбныхъ растеній были по мнѣнію всѣхъ насъ обстоятельствами, повывсившими людей изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій.

Соображенія, изложенныя нами, вѣроятно не покажутся никому содержащими въ себѣ что нибудь новое; вѣроятно каждый читатель скажетъ, что они давно извѣстны ему и что онъ всегда держался ихъ съ той поры, какъ сталъ по своимъ лѣтамъ способенъ интересоваться бытовыми вопросами и читать серьезныя книги. Эти общеизвѣстныя и общепринятая рѣшенія вопросовъ о началѣ употребленія огня, прирученія животныхъ и воздѣлыванія земли изложены нами именно для того, чтобы напомнить, какъ разсуждаютъ всѣ объ обстоятельствахъ, производящихъ прогрессъ. Когда мы судимъ о нихъ по правиламъ здраваго смысла и по выводамъ изъ нашего житейскаго опыта, мы всѣ находимъ, что успѣхи цивилизаціи производятся фактами, благопріятными для человѣческой жизни.

Такъ велятъ думать разсудокъ и житейскій опытъ.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. XI.

Мы сдѣлали два приложенія къ переводу этого тома.

Очеркъ исторіи Россіи отъ начала царствованія Іоанна Грознаго до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича, находящійся въ XI томѣ Вебера, чрезмѣрно кратокъ. Мы замѣнили его разсказомъ, заимствованнымъ изъ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей», Костомарова. Нѣмецкіе ученые считаютъ Костомарова замѣчательнѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ историковъ; ихъ мнѣніе справедливо. Костомаровъ былъ человѣкъ такой обширной учености, такого ума и такъ любилъ истину, что труды его имѣютъ очень высокое научное достоинство. Его понятія о дѣятеляхъ и событіяхъ русской исторіи почти всегда или совпадаютъ съ истинной, или близки къ ней. Разсказъ, извлеченный нами изъ его «Русской исторіи», даетъ вѣрное понятіе о лицахъ и фактахъ, выставленныхъ въ фантастическомъ видѣ тѣми русскими историками, теоріи которыхъ Костомаровъ отвергаетъ молча, по своему нерасположенію къ полемикѣ. Должно желать, чтобы молодые люди, готовящіеся разрабатывать русскую исторію, внимательно изучали мнѣнія Костомарова.

Другое приложеніе къ нашему переводу этого тома—разсказъ о битвѣ при Рокруа, переведенной изъ книги Шерюэля *Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV.*—Битва при Рокруа имѣетъ очень важное историческое значеніе: собственно съ нея начинается та слава, которой пользовалась французская армія во второй половинѣ XVII вѣка. До нея, испанская армія считалась лучшей между арміями великихъ державъ. Шведы были сами по себѣ слабы; военное могущество Швеціи возникло и нѣсколько времени поддерживалось только благодаря союзу съ Франціей и нѣмецкими лютеранскими государями. Безъ этого союза Швеція могла быть страшна только сосѣднимъ государствамъ, имѣвшимъ или малочисленные или плохія войска. Англичане, французы, австрійцы всегда считали ее государствомъ второстепеннаго значенія. По окончаніи тридцатилѣтней войны она утратила для нихъ важность, какую имѣла въ эту войну, благодаря тому, что французское правительство давало шведскому деньги на вербовку и содержаніе наемниковъ, а нѣкоторые изъ нѣмецкихъ предводителей наемниковъ поступили въ шведскую службу. Но испанская армія была страшна французамъ до бѣгства при Рокруа. Только блестящая побѣда, одержанная ими въ этомъ сраженіи, дала ихъ правительству ту увѣренность въ своемъ военномъ могуществѣ, которая пріобрѣла при Людовикѣ XIV такое сильное вліяніе на ходъ исторіи Европы.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

5.

Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты.

Теперь признано, что всѣ люди происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Потому всякія объясненія различій между этнографическими группами людей, различіями ихъ природы, должны быть отвергаемы, какъ не соответствующія нынѣшнему состоянію науки. Природою существъ, произошедшихъ отъ однихъ предковъ, объясняется только одинаковое въ этихъ существахъ, по одинаковости ихъ природы. Различіе между ними не можетъ быть объясняемо ничѣмъ, кромѣ различія вліяній, подъ которыми шла ихъ жизнь.

Вліянія, подъ которыми идетъ жизнь людей, дѣлятся на два разряда: къ одному принадлежатъ вліянія вѣшной природы, къ другому вліянія отношеній между самими людьми.

Вліянія вѣшной природы подраздѣляются на два класса: одинъ составляютъ вліянія неорганической природы, другой вліянія органической.

Наибольшая часть вліяній неорганической природы издавна соединена въ понятіе о вліяніи климата. Мы должны разсмотрѣть важнѣйшіе изъ элементовъ этого понятія. Въ настоящемъ отдѣлѣ нашей работы мы займемся изложеніемъ астрономическаго закона, которымъ опредѣляются различія въ количествахъ солнечной теплоты на разныхъ параллельныхъ кругахъ и въ разные времена года. На этомъ законѣ основаны научныя понятія о климатахъ. Климаты, въ которыхъ живутъ теперь люди, очень неодинаковы по температурѣ. Первобытною родиною людей была страна экваторіальнаго климата. Ни въ какомъ иномъ не могли возникнуть люди; и возникнувъ въ немъ, не могли существовать ни въ какомъ иномъ, пока не имѣли одежды и не знали искусства зажигать огонь: всякія попытки ихъ переселяться за предѣлы непрерывности теплой температуры должны были тогда быстро кончаться или возвращеніемъ въ экваторіальный климатъ или гибелью отъ холода. Научившись дѣлать себѣ одежду, устроить жилища, отоплять ихъ, люди приобрѣли возможность жить въ климатахъ, имѣющихъ холодныя ночи въ часть года, соответствующую тому времени, которое называется зимою въ климатахъ, гдѣ падаетъ снѣгъ; возможно стало людямъ жить и въ климатахъ, имѣющихъ зиму: и не только въ такихъ, гдѣ она коротка и не очень сурова, но и въ такихъ, гдѣ она очень продолжительна и морозъ ея очень суровъ. Люди цивилизованныхъ націй ужасаются при мысли о дѣйственности человѣческой жизни въ тѣхъ странахъ, гдѣ морозы не даютъ роста не только деревьямъ, даже травѣ. Но и въ земляхъ, гдѣ хоть на нѣсколько дней въ году замерзаетъ вода, жизнь людей опредѣляется температурными вліяніями, очень различными отъ тѣхъ, какія принадлежатъ климату первобытной родины ихъ.

Кромѣ температурныхъ, есть и другія различія между климатами, важныя для человѣческой жизни. Но основной элементъ климата — температура его. Классификація климатическихъ поясовъ идетъ по градаціи температуръ.

Источники́ теплоты на земномъ шарѣ — лучи солнца. Количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу мѣстности въ продолженіе дня, или, какъ мы будемъ называть для краткости, дневное количество солнечной теплоты, опредѣляется высотой пути солнца въ этотъ день и продолжительностью дня.

На линіи земного экватора всѣ дни года имѣютъ одинаковую продолжительность; но высота пути солнца измѣняется и тамъ, какъ вездѣ, съ каждымъ днемъ. Начнемъ обзоръ этихъ измѣненій высоты пути солнца подъ линіей небеснаго экватора съ того равноденствія, которое соотвѣтствуетъ астрономическому началу весны въ нашемъ сѣверномъ полушаріи.

Круги пути солнца стоятъ подъ экваторомъ вертикально¹⁾. Въ эпоху весенняго равноденствія дневной путь солнца совпадаетъ съ кругомъ небеснаго экватора. А этотъ кругъ надъ земнымъ экваторомъ проходитъ точкой своего верхняго перегиба чрезъ зенитъ. Потому въ эпоху весенняго равноденствія центръ диска солнца, или, какъ говорится для краткости, солнце проходитъ въ полдень надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ. Высоты дневного пути солнца измѣряются высотой солнца въ полдень. Потому путь солнца надъ земнымъ экваторомъ имѣетъ въ эпоху весенняго равноденствія наибольшую высоту. Послѣ того путь солнца передвигается къ сѣверу; солнце проходитъ въ полдень мимо зенита съ сѣверной стороны; разстояніе это увеличивается съ каждымъ днемъ до эпохи лѣтняго солнцестоянія, когда путь солнца достигаетъ предѣла своего уклоненія на сѣверъ. Этотъ предѣлъ находится теперь въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Чѣмъ дальше отъ зенита проходитъ солнце въ полдень, тѣмъ меньше высота его дневного пути. Въ эпоху нашего лѣтняго солнцестоянія полуденная высота солнца надъ земнымъ экваторомъ равняется высотѣ зенита за вычетомъ $23^{\circ} 27'$ уклоненія отъ зенита, то есть составляетъ $66^{\circ} 33'$. Достигнувъ этого предѣла, путь солнца начинаетъ передвиженіе къ югу, полуденное разстояніе солнца отъ зенита съ каждымъ днемъ уменьшается, высота пути солнца растетъ, и въ эпоху нашего осенняго равноденствія снова достигаетъ наибольшей величины; путь солнца снова совпадаетъ тогда съ кругомъ небеснаго экватора, и солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе къ югу, снова начинаетъ отдѣляться отъ небеснаго экватора, проходитъ въ полдень надъ линіей земного экватора все дальше на югъ отъ зенита, путь солнца все поднимается, пока, въ эпоху нашего зимняго солнцестоянія, достигнетъ предѣла своего южнаго уклоненія; полуденная точка пути солнца на этомъ предѣлѣ южнаго его уклоненія находится также въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ верхней точки небеснаго экватора, и высота пути солнца надъ земнымъ экваторомъ въ эпоху нашего зимняго солнцестоянія равняется въ эту эпоху такъ же, какъ въ эпоху нашего лѣтняго солнцестоянія $66^{\circ} 33'$. Послѣ того путь солнца начинаетъ передвигаться на сѣверъ, приближается съ каждымъ днемъ къ небесному экватору, полуденная высота солнца растетъ до эпохи нашего весенняго равноденствія.

¹⁾ Собственно говоря, суточные круговые обороты солнца не круги, а круговые извивы одной непрерывной спиральной линіи; но разстояніе между извивами ея незначительны по сравненію съ ихъ діаметрами; потому для простоты можно, не дѣлая большой погрѣшности, принимать каждый круговой изгибъ за особый замкнутый кругъ. Такъ обыкновенно и дѣлаютъ при вычисленіи дневныхъ количествъ солнечной теплоты. Мы въ настоящемъ случаѣ только слѣдуемъ примѣру астрономовъ, говоря о кругахъ дневного пути солнца, а не о круговыхъ извивахъ непрерывной спиральной линіи.

Итакъ, путь солнца надъ земнымъ экваторомъ два раза въ годъ достигаетъ наибольшей высоты и два раза наименьшей; наибольшія совпадаютъ съ эпохами равноденствій, наименьшія съ эпохами солнцестояній. Объ наибольшія равны между собою; и объ наименьшія тоже равны между собою. Такимъ образомъ, та половина года, которая соотвѣтствуетъ по времени нашему зимнему полугодію, одинакова съ половиной, соотвѣтствующей нашему лѣтнему полугодію.

Таковы существенныя черты хода измѣненій дневного пути солнца надъ линіей земного экватора.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ соотвѣтствующихъ измѣненій пути солнца надъ линіей нашего сѣвернаго тропика, или, какъ будемъ говорить для краткости, подъ тропикомъ.

На линіи земного экватора круги дневного пути солнца вертикальны; надъ земнымъ полюсомъ они горизонтальны; на всѣхъ линіяхъ географической широты, отъ линіи земного экватора до полюса, круги пути солнца имѣютъ наклонное положеніе. Они наклонены въ сторону экватора. На каждой линіи стороны между экваторомъ и полюсомъ уголъ ихъ наклоненія остается во все продолженіе года неизмѣннымъ; величина его равна величинѣ дуги разстоянія этой линіи широты отъ экватора. Линія тропиковъ отстоятъ отъ линіи экватора на $23^{\circ} 27'$. Итакъ, подъ нашимъ, сѣвернымъ, тропикомъ круги пути солнца имѣютъ наклоненіе въ сторону юга, и величина ихъ наклоненія равна $23^{\circ} 27'$.

Въ эпоху весенняго равноденствія путь солнца совпадаетъ съ линіею небеснаго экватора. Точка верхняго перегиба небеснаго экватора находится надъ линіею земного тропика въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Итакъ, въ эпоху весенняго равноденствія полуденная высота пути солнца надъ линіею земного сѣвернаго тропика равна $66^{\circ} 33'$; это такая же высота, какую на земномъ экваторѣ солнце имѣетъ въ полдень въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. Итакъ, высота пути солнца въ весеннее равноденствіе на линіи земного тропика равна высотѣ его на земномъ экваторѣ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. А продолжительность дня въ эпоху равноденствія подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня. При равной продолжительности дней и равной высотѣ пути солнца, количества дневной солнечной теплоты равны. Такимъ образомъ, количество солнечной теплоты тропическаго дня въ эпоху весенняго равноденствія равно количеству солнечной теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху лѣтняго солнцестоянія.

Послѣ весенняго солнцестоянія солнце передвигается къ сѣверу отъ экватора; съ каждымъ новымъ днемъ полуденная высота его надъ земнымъ тропикомъ приближается къ зениту, то есть увеличивается; вмѣстѣ съ повышеніемъ пути солнца увеличивается и продолжительность тропическаго дня. Въ эпоху лѣтняго солнцестоянія передвиженіе солнца къ сѣверу достигаетъ своего предѣла; полуденная точка его отстоитъ тогда на $23^{\circ} 27'$ къ сѣверу отъ небеснаго экватора, то-есть совпадаетъ съ зенитомъ. Вмѣстѣ съ высотой пути солнца достигаетъ наибольшей величины и продолжительность тропическаго дня. Она въ эпоху лѣтняго солнцестоянія составляетъ 13 часовъ 27 минутъ. Послѣ лѣтняго солнцестоянія солнце начинаетъ передвигаться къ югу; полуденная точка пути солнца съ каждымъ днемъ удаляется отъ зенита, высота пути солнца и продолжительность дня въ эту вторую половину лѣтняго полугодія уменьшается въ томъ же порядкѣ, ка-

кимъ увеличивалась въ первую половину его; и въ эпоху осенняго равноденствія полуденная высота солнца снова равняется $66^{\circ} 33'$, продолжительность дня вновъ равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня, и количество дневной теплоты снова равно тому, какое было въ эпоху весенняго равноденствія, равно количеству теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху солнцестоянія.

Итакъ, каждый день второй половины лѣтнаго полугодія подъ тропикомъ равняется соотвѣтствующему дню первой половины. Такимъ образомъ, каждый день лѣтней половины тропическаго года равняется высотой пути солнца соотвѣтствующему дню экваторіальнаго полугодія; но каждый имѣетъ продолжительность больше экваторіальной. Потому каждый день лѣтней половины тропическаго года превосходить количествомъ теплоты солнца соотвѣтствующій ему день экваторіальнаго полугодія.

Изъ этого ясно, что во все продолженіе лѣтнаго полугодія линія земнаго тропика получаетъ отъ солнца количество теплоты больше того, какое получается линіей земнаго экватора.

Но другая половина экваторіальнаго года равна первой по высотамъ пути солнца и по количествамъ солнечной теплоты, которыя, при равной продолжительности дней, прямо соразмѣрны высотамъ пути солнца.

Не таково отношеніе второй половины года къ первой подъ тропикомъ.

Въ эпоху осенняго равноденствія путь солнца совпадалъ съ небеснымъ экваторомъ, высота этого пути была $66^{\circ} 33'$. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе на югъ, удаляется отъ экватора, высота пути его уменьшается, пока оно въ эпоху зимняго солнцестоянія достигнетъ предѣла своего передвиженія къ югу. Этотъ предѣлъ равенъ величиною сѣверному предѣлу, отстоитъ отъ экватора тоже на $23^{\circ} 27'$. Итакъ въ продолженіе первой половины зимняго полугодія высота солнца на линіи земнаго тропика понижается съ $66^{\circ} 33'$ до $43^{\circ} 6'$. Вмѣстѣ съ высотой пути солнца уменьшается и продолжительность дня. Въ эпоху осенняго равноденствія тропическій день продолжается 12 часовъ; въ эпоху зимняго солнцестоянія продолжительность его составляетъ только 10 часовъ 33 минуты. Вторая половина зимняго полугодія одинакова съ первой.

Сравнимъ теперь размѣры полугодичныхъ и годичныхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подъ экваторомъ и подъ тропикомъ, припомнимъ, что при равной продолжительности дней эти количества прямо пропорціональны высотамъ пути солнца и замѣтивъ, что полуденная высота солнца, опредѣляющая высоту дневнаго пути его, измѣряется синусомъ того угла, до котораго солнце (точнѣе говоря: центръ диска солнца) подымается надъ астрономическимъ горизонтомъ въ полдень астрономическаго времени, что синусъ зенита (угла 90°) принимается за единицу, что синусы двухъ другихъ угловъ — десятичныя дроби, и что продолжительность дня въ вычисленіяхъ этого рода — астрономическая (то-есть, удлиненіе дня преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, не измѣняющее результата, а только запутывающее счетъ, не вводится въ вычисленіе)¹⁾.

Такимъ образомъ, въ лѣтнюю половину тропическаго года дневныя количества солнечной теплоты, начинаясь и кончаясь величинами, равными наименьшей экваторіальной и становясь по мѣрѣ удаленія отъ равноденствій все болѣе и болѣе

¹⁾ Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

превосходящими соответствующія экваторіальныя величины, достигаютъ въ лѣтнее солнцестояніе такого превосходства надъ наибольшей экваторіальной величиной, какое производится увеличеніемъ продолжительности дня съ 12 часовъ до 13 часовъ 27 минутъ. Не будемъ вычислять точной величины этого избытка теплоты, потому что вычисленіе завяло бы слишкомъ много мѣста, еслибъ изложить его простымъ языкомъ; а излагать иначе мы не хотимъ. Пусть же будетъ сказано здѣсь только то, что ясно и безъ точнаго вычисленія: избытокъ наибольшаго тропическаго дневного количества солнечной теплоты надъ наибольшимъ экваторіальнымъ долженъ быть довольно великъ, потому что удлиненіе дня, производящее его, имѣетъ довольно значительную величину: 12 часовъ, это значить: 720 минутъ; а 13 часовъ 27 минутъ, это 807 минутъ; излишекъ второго числа надъ первымъ составляетъ больше 12⁰/₁₀₀, то-есть около одной восьмой доли.

Въ зимнюю половину тропическаго года высоты пути солнца уменьшаются съ 0,9174 до 0,6704; а въ соответствующую половину экваторіальнаго года предѣлы измѣненія тѣ же, какъ въ первую половину: низшій предѣлъ 0,9174, высшій 1,0000. Итакъ еслибы въ зимнюю половину тропическаго года продолжительность дня не становилась меньше неизмѣнной экваторіальной, то дневныя количества солнечной теплоты измѣнялись бы въ эту половину тропическаго года отъ 0,9174 до 0,6704, наибольшее изъ нихъ было бы слишкомъ на 8⁰/₁₀₀ меньше наибольшаго экваторіальнаго, а наименьшее слишкомъ на 26⁰/₁₀₀ меньше наименьшаго экваторіальнаго; но вмѣстѣ съ пониженіемъ пути солнца въ зимнюю половину тропическаго года уменьшается и продолжительность дня; отъ этого происходитъ уменьшеніе дневного количества солнечной теплоты въ пропорціи болѣе значительной, чѣмъ опредѣляемая только по пониженію пути солнца. Предѣлъ уменьшенія продолжительности дня—10 часовъ 33 минуты; такимъ образомъ, въ тотъ

Предѣлы полугодичныхъ и годовыхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты.

	Подъ тропикомъ.	Подъ экваторомъ.
Первое полугодіе (лѣтнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	1,0000	1,0000
Второй факторъ. Продолжительность дня	13 часовъ 27 мин.	12 часовъ.
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	0,9174	0,9174
Второй факторъ. Продолжительность дня.	12 часовъ.	12 часовъ.
Второе полугодіе (зимнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты подъ тропикомъ равно наименьшему лѣтняго полугодія.		
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	0,6704	Второе полугодіе одинаково съ первымъ.
Второй факторъ. Продолжительность дня	10 часовъ 33 мин.	

день, когда высота пути солнца составляет только 0,6704, день имѣть не 720 минутъ, а только 633 минуты; и количество теплоты солнца въ этотъ день должно быть много меньше того, какое опредѣляется по одной высотѣ пути солнца: 633 минуты, это лишь семь восьмыхъ долей неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня.

Что жъ мы видимъ, сравнивая тропическій годъ съ экваторіальнымъ?

Экваторіальный годъ состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ половинокъ; предѣлы измѣненія дневнаго количества солнечной теплоты въ немъ 1,0000 и 0,9174; разница между наибольшимъ и наименьшимъ количествами гораздо меньше 9⁰/₁₀.

Тропическій годъ состоитъ изъ лѣтнаго полугодія и зимняго полугодія. Въ лѣтнее полугодіе всѣ дни имѣютъ такія количества солнечной теплоты, которыя больше экваторіальныхъ; предѣлъ этого излишка довольно великъ. Въ зимнее полугодіе наибольшее количество дневной солнечной теплоты равно наименьшему экваторіальному; наименьшее много очевидно меньше трехъ четвертей наименьшаго экваторіальнаго.

Наконецъ, сравнимъ одно съ другимъ два тропическія полугодія. Одно изъ нихъ съ начала до конца имѣетъ количества дневной солнечной теплоты больше экваторіальныхъ, другое съ начала до конца имѣетъ количества меньше экваторіальныхъ, и разница доходитъ до предѣла, по которому тропическое количество дневной теплоты не составляетъ и двухъ третей наименьшаго экваторіальнаго.

Это значитъ въ тропическомъ годѣ около эпохи зимняго солнцестоянія дневныя количества солнечной теплоты вдвое меньше количествъ солнечной теплоты дней около эпохи лѣтнаго солнцестоянія.

Ясно, что по распредѣленію дневныхъ количествъ солнечной теплоты тропическій годъ значительно отличается отъ экваторіальнаго; ясно, что насколько температура зависитъ отъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, тропическій годъ долженъ имѣть въ зимнюю половину довольно большой періодъ времени холоднаго сравнительно съ наименѣ теплыми днями экваторіальнаго года, а въ лѣтнюю половину довольно большой періодъ времени болѣе знойнаго, чѣмъ самые теплые дни экваторіальнаго года.

Всѣ мы знаемъ, что температура мѣстности опредѣляется не исключительно дѣйствіемъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, падающей на атмосферу этой мѣстности, что морскія теченія и вѣтеръ переносятъ большія количества тепла или холода изъ одной мѣстности въ другую, что болото и песчаная степь не одинаково воспринимаютъ и сохраняютъ теплоту или холодъ; знаемъ, что эти и другія вліянія производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень большое увеличеніе или уменьшеніе лѣтнаго тепла или зимняго холода; знаемъ также, что съ повышеніемъ мѣстности надъ уровнемъ моря понижается температура; всѣ мы знаемъ, что на вершинахъ Андъ подъ экваторомъ лежитъ вѣчный снѣгъ, а у сѣвернаго полярнаго круга есть мѣстности, въ которыхъ весь годъ имѣетъ почти ровную температуру, какъ напримѣръ на Шетлэнскихъ островахъ подъ 61⁰ широты; знаемъ, что линіи равныхъ годовичныхъ температуръ подъ нѣкоторыми меридіанами поднимаются въ полярномъ направленіи градусовъ на 12 дальше своего положенія подъ другими меридіанами, что изгибы линій наибольшей лѣтней температуры имѣютъ размѣры еще болѣе значительные, что еще значительнѣе изгибы линій наименьшей

зимней температуры. Но какъ бы велики ни были размѣры температурныхъ измѣненій, производимыхъ въ дѣйствиі дневныхъ количествъ солнечной теплоты мѣстными особенностями другихъ температурныхъ вліяній, всетаки должно имѣть ясное понятіе объ основномъ законѣ распредѣленія температуръ, состоящемъ въ измѣненіяхъ дневного количества солнечной теплоты въ продолженіе года. Эти основныя количества даютъ намъ возможность понимать истинный характеръ климатическихъ особенностей, производимыхъ мѣстными различіями вліяній, видоизмѣняющихъ результаты основного распредѣленія температуръ по направленію меридіановъ отъ экватора къ полюсу.

Мы представили обзоры годовыхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подъ экваторомъ и подъ тропикомъ. Сдѣлаемъ соображенія о томъ, какъ измѣняются эти количества подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ.

Всѣ мы знаемъ, что дневныя количества солнечной теплоты въ зимнее полугодіе уменьшаются по направленію отъ тропика къ полюсу и что на полярномъ кругѣ въ эпоху зимняго солнцестоянія центръ диска солнца въ астрономическій полдень уже не подымается выше линіи астрономическаго горизонта, то есть ночь по астрономическому счету длится цѣлыя сутки и дневное количество солнечной теплоты, даваемое въ эти сутки отчасти верхнею половиною солнечнаго диска, подымающейся на нѣкоторое время выше линіи астрономическаго горизонта, отчасти преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, подымающимъ солнце выше видимаго горизонта, когда оно находится нѣсколько ниже астрономическаго горизонта, составляетъ величину такую незначительную, которая не имѣетъ практической важности; въ этотъ день подъ полярнымъ кругомъ солнце нѣсколько времени свѣтитъ, но почти нисколько не согрѣваетъ; мы знаемъ также, что періодъ непрерывной ночи увеличивается за полярнымъ кругомъ и что на полюсѣ онъ по астрономическому счету высотъ солнца занимаетъ все зимнее полугодіе. Потому всѣ мы имѣемъ отчетливое понятіе, что на сколько температура опредѣляется дневными количествами солнечной теплоты, зимнее полугодіе становится все болѣе и болѣе холоднымъ по направленію отъ тропика къ полюсу; но каковъ характеръ измѣненій дневныхъ количествъ солнечной теплоты по этому направленію меридіановъ въ лѣтнее полугодіе? Точныя вычисленія потребовали бы слишкомъ много мѣста, если бы мы стали излагать ихъ основанія простымъ языкомъ. Потому ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ цифръ, дающихъ возможность судить о приблизительной величинѣ дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. Это будутъ цифры полуденныхъ высотъ солнца и продолжительности дня. Количество дневной теплоты получается не черезъ простое перемноженіе этихъ двухъ факторовъ, а черезъ вычисленіе по формулѣ, пользоваться которой посредствомъ общеизвѣстныхъ ариметическихъ способовъ—дѣло многосложное. Но простое соображеніе о пропорціяхъ, по которымъ идутъ въ направленіи отъ тропика къ полюсу уменьшеніе полуденной высоты солнца и увеличеніе продолжительности дня въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, даетъ уже нѣкоторую ясность представленію о томъ, какъ относятся дневныя количества солнечной теплоты въ эту эпоху подъ затропическими широтами къ наибольшему дневному количеству солнечной теплоты подъ экваторомъ. Рядомъ съ цифрами элементовъ, опредѣляю-

щих количества дневной теплоты солнца в эпоху лѣтнаго солнцестоянiя, мы приведемъ цифры полуденныхъ высотъ солнца вѣ эпохи равноденствiй; продолжительность дня подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна тогда экваторiальной; потому цифры высотъ пути солнца вѣ эти эпохи съ точностью соотвѣтствуютъ количествамъ дневной теплоты и прямо показываютъ, вѣ какой пропорцiи эта теплота находится къ наибольшей экваторiальной, соотвѣтствующей синусу угла 90°, принимаемому за 1,0000.

Эпоха равноденствiя.			Эпоха лѣтнаго солнцестоянiя.			
Широта.	Полуденная высота солнца. Уголѣ.	Синусъ угла.	Полуденная высота солнца. Уголѣ.	Продолжитель- ность дня. Ча- сы и минуты.	Полуденная высота солнца. Синусъ угла.	Продолжитель- ность дня. Отно- шенiе ея къ про- должительности экваторiальнаго дня, принимае- мой за единицу.
23°27' (тропикъ)	66°33'	0,9174	60°	13 ч. 27 м.	1,0000	1,
25°	65°	0,9063	88°27'	13 34 "	0,9996	1,1305
30°	60°	0,8660	83°27'	13 56 "	0,9935	1,1611
35°	55°	0,8192	78°27'	14 22 "	0,9797	1,1972
40°	50°	0,7660	73°27'	14 51 "	0,9586	1,2375
45°	45°	0,7071	68°27'	15 26 "	0,9301	1,2861
50°	40°	0,6428	63°27'	16 09 "	0,8945	1,3458
55°	35°	0,5736	58°27'	17 07 "	0,8522	1,4264
60°	30°	0,5000	53°27'	18 30 "	0,8033	1,5417
65°	25°	0,4226	48°27'	21 09 "	0,7484	1,7708
66°33' (полярный кругъ)	23°27'	0,3979	46°54'	24 "	0,7302	2,0000

Вдумываясь вѣ цифры этой таблицы, легко понять, что законъ измѣненiя дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ вѣ лѣтнее полугодiе имѣетъ характеръ, опредѣляемый слѣдующими существенными чертами: тѣмъ дальше отъ экватора за тропикомъ находится данная мѣстность, тѣмъ меньше полуденная высота солнца надъ нею вѣ эпоху весенняго равноденствiя (а при равной продолжительности дня этой эпохи подъ всѣми широтами до полярнаго круга, количество дневной теплоты подъ каждой широтой вѣ эту эпоху съ точностью соотвѣтствуетъ полуденной высотѣ солнца). Подъ всѣми широтами между тропикомъ и экваторомъ количество дневной теплоты вѣ эпоху лѣтнаго солнцестоянiя много больше наибольшаго дневнаго количества солнечной теплоты подъ экваторомъ. Но та величина, какую имѣетъ количество дневной солнечной теплоты вѣ эпоху весенняго равноденствiя, тѣмъ меньше, тѣмъ дальше отъ экватора кругъ широты; слѣдовательно, тѣмъ больше времени надобно для того, чтобъ это возрастающее количество сравнялось съ наибольшимъ экваторiальнымъ и тѣмъ меньше времени остается до лѣтнаго солнцестоянiя.

Такимъ образомъ лѣтнее полугодiе подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ отличается отъ соотвѣтствующаго экваторiальнаго полугодiя тѣмъ, что соразмѣрно разстоянiю круга широты отъ тропика уменьшается число дней, вѣ которые дневное количество солнечной теплоты больше наибольшаго экваторiальнаго. Вторая половина лѣтнаго полугодiя вѣ этомъ отношенiи одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой; потому законъ распредѣленiя дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ будетъ таковъ:

Тѣмъ дальше отъ экватора находится кругъ широты, тѣмъ больше число дней послѣ весенняго равноденствiя и передъ осеннимъ равноденствiемъ принад-

лежить частямъ полугодія, имѣющимъ количества солнечной теплоты меньшаго наименьшаго экваторіальнаго; за этой первой частью весенней четверти года и передъ соотвѣтствующею ей послѣдней частью осенней четверти года, лѣтнее полугодіе имѣетъ подѣ всякой широтой между тропикомъ и полярнымъ кругомъ—такіе дни, въ которые количество солнечной теплоты повышается черезъ величины отъ наименьшей до наибольшей экваторіальной; между этими вторыми частями весенней и осенней четвертей года находится нѣкоторое количество дней, имѣющихъ количества солнечной теплоты больше наибольшаго экваторіальнаго. Эта часть лѣтняго полугодія, состоящая изъ конца весенней и начала осенней четвертей года имѣетъ продолжительность тѣмъ большую, чѣмъ ближе къ тропику параллельный кругъ, и тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше онъ отъ тропика. Вычислять длину ея подѣ разными широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ мы не будемъ по той же причинѣ, по которой не вычисляли наибольшихъ количествъ дневной теплоты въ эпоху лѣтняго солнцестоянія для широтъ между экваторомъ и полярнымъ кругомъ. Но есть на земномъ шарѣ два пункта, относительно которыхъ можно вычислить очень немногосложнымъ способомъ количество теплоты въ каждый день лѣтняго полугодія; это полюсы. Простота вычисления дастъ намъ возможность привести цифру дневного количества солнечной теплоты подѣ сѣвернымъ полюсомъ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. А для того, чтобъ узнать отношеніе этой величины къ количеству солнечной теплоты подѣ экваторомъ, мы вычислимъ наибольшее экваторіальное количество дневной теплоты. Мы примемъ простой способъ вычисления, чтобы каждый читатель могъ самъ провѣрить его.

Въ каждый моментъ дня количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу данной мѣстности, прямо пропорціонально высотѣ солнца (точнѣе сказать высотѣ центра диска солнца) надѣ астрономическимъ горизонтомъ этой мѣстности (то есть надѣ тою линіею, какую образуетъ горизонтъ на открытомъ морѣ или на равнинѣ, которая разстилается до края горизонта безъ всякихъ замѣтныхъ повышений или пониженій своего уровня, образуетъ подобно морю правильную часть поверхности эллипсоида). Высоты солнца измѣряются, какъ мы знаемъ, спусками угловъ, образуемыхъ центромъ его диска съ тою точкою круга горизонта, которая находится на томъ же меридіанѣ. Въ хорошихъ таблицахъ логарифмовъ есть таблицы синусовъ, выраженные не логарифмами этихъ цифръ, а самими цифрами. Потому каждый, имѣющій хорошія таблицы логарифмовъ, можетъ провѣрить наше вычисленіе наибольшаго количества дневной теплоты подѣ экваторомъ, сдѣлавъ простое сложеніе готовыхъ цифръ, находящихся въ таблицахъ длины синусовъ. Если же у желающаго сдѣлать провѣрку нѣтъ подѣ руками хорошихъ таблицъ логарифмовъ, онъ можетъ провѣрить наше вычисленіе взявъ хотя бы самыя маленькія таблицы логарифмовъ. Ему должно будетъ прискрывать логарифмы синусовъ и потомъ прискрывать въ таблицахъ чиселъ тѣ цифры, которыя соотвѣтствуютъ этимъ логарифмамъ; эти цифры и будутъ цифрами длины синусовъ.

Простымъ ариметическимъ способомъ, которымъ поведемъ мы наше вычисленіе наибольшаго дневного количества солнечной теплоты подѣ экваторомъ, получаютъ цифры лишь для отдѣльныхъ точекъ кривой линіи, составляющей путь солнца. Но если брать эти отдѣльные пункты на такихъ разстояніяхъ, чтобы изгибы кривизны между ними не имѣли значительной величины, то приблизительный счетъ даетъ выводъ, мало отличающійся отъ точнаго. Такъ, напримѣръ, когда

вычисляются стороны вписаннаго въ кругъ многоугольника, имѣющаго 192 стороны, то получается величина обвода, нѣсколько меньшая, чѣмъ окружность круга, а когда вычисляются стороны такого же многоугольника, описаннаго около круга, то получается величина обвода, нѣсколько большая окружности круга. Но разница между обводами перваго и втораго многоугольниковъ оказывается очень мала; потому видно, что истинная величина окружности круга, занимающая средину между этими двумя величинами, еще меньше отлпчается отъ каждой изъ нихъ, чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой. Нашъ многоугольникъ будетъ имѣть не 192 стороны, а 360 сторонъ въ полномъ своемъ обводѣ (180 сторонъ въ половинѣ обвода); потому дастъ выводъ очень близкій къ точной величинѣ.

Мы раздѣлимъ дневную половину пути солнца на градусы и будемъ находить высоты центра диска солнца въ моменты прохождения его черезъ каждую изъ точекъ его дневнаго пути, совпадающихъ съ дѣленіемъ на градусы; такимъ образомъ мы получимъ рядъ высотъ, соответствующихъ точкамъ дневнаго пути солнца 0^0 , 1^0 , 2^0 и т. д. до другой оконечности полукруга: 178^0 , 179^0 , 180^0 . Для ясности приведемъ начало, небольшую долю средней части и конецъ этого ряда цифръ.

Пункты дневнаго пути солнца.	Высоты центра диска солнца въ эти моменты прохождения черезъ эти пункты.
00	0,0000
10	0,0175
20	0,0349
30	0,0523
40	0,0698 и такъ далѣе.
860	0,9976
870	0,9986
880	0,9994
890	0,9998
900	1,0000
910	0,9998 (=высотѣ 89^0)
920	0,9994 (=высотѣ 88^0) и т. д.
1780	0,0349 (=высотѣ 2^0)
1790	0,0175 (=высотѣ 1^0)
1800	0,0000 (=высотѣ 0^0).

Представимъ себѣ, что прямая линія, соответствующія своимъ длинами величинамъ этихъ цифръ длины синусовъ, поставлены вертикально на горизонтальной линіи въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; мы получимъ рядъ линій, изъ которыхъ каждая слѣдующая подымается верхнимъ своимъ концомъ выше предыдущей, сначала много, потомъ меньше и меньше, пока въ срединѣ ряда повышеніе, уже давно сдѣлавшееся незначительнымъ (соответственно разницамъ цифръ: 0,9994, 0,9998, 1,0000) прекращается на самой срединѣ ряда (въ пунктѣ 90^0 , синусъ котораго имѣетъ длину 1,0000) и дальше замѣняется пониженіемъ, ходъ котораго совершенно соответствуетъ ходу повышенія въ первой половинѣ ряда (соответственно слѣдующимъ за 1,0000 цифрамъ 0,9998, 0,9994 и т. д.).

Соединимъ верхніе концы нашихъ вертикальныхъ линій поперечными линіями, которыя въ началѣ и въ концѣ ряда вертикальныхъ линій будутъ имѣть очень наклонное положеніе, а чѣмъ ближе къ срединѣ ряда, тѣмъ меньшую наклонность,

и въ самой срединѣ ряда будутъ лежать почти горизонтально. Такимъ образомъ мы получимъ многоугольникъ, верхній край котораго образуется ломанной линіею, сначала поднимающейся круто, потомъ все менѣе и менѣе круто, перегибающейся на своей срединѣ и опускающейся сначала полого, потомъ круто въ другой половинѣ своей, а нижній край образуется горизонтальной линіею. Верхній обводъ многоугольника имѣетъ 180 сторонъ соотвѣтственно тому, что мы считали длянн синусовъ для каждаго градуса половины круга. Площадь между ломанной линіей верхняго обвода и горизонтальной линіей, служащей основаніемъ многоугольника, будетъ своею величиною обозначать количество солнечной теплоты, идущей на атмосферу линіи земного экватора въ продолженіе того дня, въ который солнце проходитъ надъ этой линіей черезъ зенитъ.

Мы имѣемъ цифры высотъ пунктовъ перелома верхняго края нашего многоугольника; какими цифрами должны быть выражаемы горизонтальныя разстоянія между этими вертикалами. Та основная горизонтальная линія, на которой вертикально поставлены линіи синусовъ—это линія продолжительности экваторіальнаго дня. Онъ имѣетъ 12 часовъ, то есть 720 минутъ. А мы поставили на этой линіи 181 вертикаль, въ равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, по числу градусовъ полукруга отъ 0^0 до 180^0 (0^0 , 1^0 , 2^0 и т. д. до 180^0 , это 181 цифра, а не 180 цифръ; потому и число вертикаловъ 181; первый и послѣдній вертикалы, соотвѣтствующіе синусамъ 0^0 и 180^0 равны 0; каждый изъ нихъ—точка на горизонтальной линіи, обозначающая тотъ пунктъ, на которомъ пересѣкаетъ ее наклонная линія, опускающаяся отъ 1^0 къ 0^0 и отъ 179^0 къ 180^0 ; число разстояній между 181 вертикалами будетъ 180).

Итакъ горизонтальная линія, изображающая собою продолжительность дня, имѣющаго 720 минутъ, раздѣлена на 180 равныхъ частей; ясно, что каждая изъ этихъ частей представляетъ собою продолжительность четырехъ минутъ. И дѣйствительно мы знаемъ, что солнце проходитъ каждый градусъ своего пути въ 4 минуты времени, а мы ставили на горизонтальной линіи вертикалы, изображающіе собою высоты солнца на пунктахъ его пути, отстоящихъ одинъ отъ другаго ровно на градусъ. Итакъ если мы будемъ вести счетъ времени по минутамъ, то каждую изъ 180 равныхъ частей горизонтальнаго основанія нашего многоугольника мы должны считать за 4. По этой нормѣ счета мы должны будемъ помножить на 4 ту сумму, какая получается у насъ черезъ сложеніе всѣхъ цифръ, обозначающихъ длинн вертикаловъ, то есть высоты солнца. Тогда мы будемъ имѣть счетъ суммы площади, выраженный произведеніемъ высотъ его, считаемыхъ десяти тысячными долями радіуса, на продолжительность времени, считаемаго по минутамъ. Но мы должны имѣть счетъ, выраженный въ единицахъ количества теплоты. Для этого мы должны будемъ переключить полученное нами первое произведеніе на коэффициентъ теплоты. Счетъ теплоты ведется по единицамъ, называемымъ калоріями. Калорія такое количество теплоты, которое повышаетъ на 1^0 стоградусной скалы термометра 1 кубическій сантиметръ воды (или считать не по объему, а по вѣсу, то одинъ граммъ воды). Теперь принимаютъ, что количество теплоты падающей на 1 квадратный сантиметръ верхняго слоя атмосферы отъ солнца, находящагося въ зенитѣ равно 2,5 калоріямъ, то есть: если былъ бы выставленъ дѣйствію лучей солнца находящагося въ зенитѣ одинъ граммъ воды въ сосудѣ съ вертикальными стѣнками, имѣющемъ площадь дна равную 1 квадратному сантиметру и былъ

огражденъ отъ охлажденія, и если бы лучи солнца падали на эту воду, ни мало не ослабленные въ своей теплотѣ прохожденіемъ черезъ атмосферу, то температура этого грамма воды повысилась бы въ продолженіи 1 минуты на 2,5 градуса столбчатнаго термометра. Последнее условіе неудобноисполнимо: невозможно предотвратить уменьшенія теплоты лучей солнца при ихъ прохожденіи черезъ атмосферу до насъ или инструментовъ, которыми производимъ мы наблюденія. Но поглощеніе части теплоты лучей солнца атмосферою при прохожденіи черезъ атмосферу, уменьшаетъ только силу ихъ дѣйствія на поверхность земли или моря и предметы находящіеся невысоко, надъ этой поверхностью, а сумма ихъ дѣйствія на температуру остается равна полной силѣ той теплоты, какую имѣютъ они за вычетомъ части отраженной въ пространство. Потому, когда опредѣляется теплотворное дѣйствіе лучей солнца, то принимаютъ его за равное 2,5 калоріямъ въ продолженіе минуты времени при высотѣ солнца, соответствующей зениту.

И такъ, мы должны начать вычисленіе сложеніемъ длины синусовъ, соответствующихъ высотамъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ 0° , 1° и т. д. въ тотъ экваторіальный день, когда въ полдень оно проходитъ черезъ зенить. Чтобы каждый читатель могъ провѣрить дѣланное нами вычисленіе, помѣщаемъ въ примѣчаніи таблицу длины синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д., 90° .

Таблица длины синусовъ угловъ отъ 0° до 90° по интерваламъ, равнымъ градусу.

$0^{\circ},00000$					
1 ,00175	16,02756	31,05150	46,07194	61,08746	76,09703
2 ,00349	17 ,02924	32 ,05299	47 ,07314	62 ,08829	77 ,09744
3 ,00523	18 ,03090	33 ,05446	48 ,07431	63 ,08910	78 ,09781
4 ,00698	19 ,03256	34 ,05592	49 ,07547	64 ,08988	79 ,09816
5 ,00872	20 ,03420	35 ,05736	50 ,07660	65 ,09063	80 ,09848
6 ,01045	21 ,03584	36 ,05878	51 ,07771	66 ,09135	81 ,09877
7 ,01219	22 ,03746	37 ,06018	52 ,07880	67 ,09205	82 ,09903
8 ,01392	23 ,03907	38 ,06157	53 ,07986	68 ,09272	83 ,09925
9 ,01564	24 ,04067	39 ,06293	54 ,08090	69 ,09336	84 ,09945
10 ,01736	25 ,04226	40 ,06428	55 ,08192	70 ,09397	85 ,09963
11 ,01908	26 ,04384	41 ,06561	56 ,08290	71 ,09455	86 ,09976
12 ,02079	27 ,04540	42 ,06691	57 ,08387	72 ,09511	87 ,09986
13 ,02250	28 ,04695	43 ,06820	58 ,08480	73 ,09563	88 ,09994
14 ,02419	29 ,04848	44 ,06947	59 ,08572	74 ,09613	89 ,09998
15 ,02630	30 ,05000	45 ,07070	60 ,08660	75 ,09659	90 ,10000

Каждой цифрѣ отъ синуса 0° до синуса 89° соответствуетъ такая же цифра въ другой половинѣ счета, отъ синуса 91° до синуса 180° . Итакъ, сложивъ цифры отъ синуса угла 0° —0,0000 до синуса угла 89° —0,9998, мы должны удвоить сумму ихъ. Слагая, получаемъ 56,7984; множимъ эту цифру и получаемъ 113,5968; прибавляемъ къ этому произведенію синусъ 90° , встрѣчающійся только одинъ разъ, и потому не введенный нами въ сложеніе цифръ, сумму которыхъ надобно было удвоить; получаемъ

$$\begin{array}{r}
 113,5968 \\
 + \text{Sin } 90^{\circ} - \\
 \hline
 1,0000 \\
 \hline
 114,5968
 \end{array}$$

Эта цифра—сумма синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д. до 180° , сумма высотъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ эти пункты дневнаго пути. Счетъ

высотъ веденъ по долямъ высоты зенита, потому сумма получена въ единицахъ высоты зенита. Это значить, что сумма согрѣвающей силы солнца въ моменты его прохожденія черезъ пункты отъ 0^0 до 180^0 превышаетъ слишкомъ въ 114 разъ ту силу дѣйствія, какая принадлежитъ моменту прохожденія солнца черезъ зенитъ. Пункты высотъ, опредѣленныхъ намп и соединенныхъ въ сумму по счету высоты зенита отдѣлены одинъ отъ другого цѣлымъ градусомъ пути; а каждый градусъ пути солнца проходить, какъ мы знаемъ, въ 4 минуты; мы знаемъ также, что количество теплоты, идущей въ продолженіе минуты съ лучами солнца, находящагося въ зенитѣ, принимается за равное 2,5 калоріямъ; это значить, что если мы хотимъ выразить въ калоріяхъ сумму теплоты, идущей на атмосферу подъ экваторомъ въ продолженіе того дня, когда солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ, мы должны помножить полученную нами сумму высотъ солнца на 4 и произведенія помножить на 2,5, то есть, по легкости счета при замѣнѣ этихъ двухъ перемноженій однимъ помножить ее прямо на $4 \times 2,5 = 10$. Такимъ образомъ мы получаемъ выводъ, что сумма теплоты, идущая въ продолженіе этого дня на линію экватора, равняется 1145,968. За исключеніемъ двухъ крайнихъ цифръ = 0,0000 и средней цифры = 1,0000, всѣ слагаемыя длины синусовъ — безконечныя дроби; мы брали ихъ съ четырьмя знаками; при такомъ счетѣ каждая принимаемая цифра можетъ заключать въ себѣ погрѣшность почти равную половинѣ единицы послѣдняго мѣста десятичной дроби, которое берется въ счетъ съ отбрасываніемъ всей слѣдующей части дроби. Нѣтъ правдоподобія, чтобы всѣ 179 слагаемыхъ дробныхъ цифръ имѣли наибольшую возможную погрѣшность и чтобы во всѣхъ она одинаково была плюсомъ или во всѣхъ минусомъ. Но очень правдоподобно, что сумма 179 погрѣшностей, каждая изъ которыхъ можетъ простираться до половины 1 послѣдняго знака, составляетъ нѣсколько единицъ послѣдняго принятаго въ счетъ мѣста десятичныхъ дробей, и одинаково возможно этой погрѣшности быть плюсомъ или минусомъ; такимъ образомъ истинная цифра теплоты этого экваторіальнаго дня можетъ составлять или 1145,980 или только 1145,950, вмѣсто полученной намп цифры 1145,968.

Мы вычислили сумму дневной теплоты подъ экваторомъ въ тотъ день, когда солнце проходитъ черезъ зенитъ, то есть, вычислили наибольшее количество теплоты экваторіальнаго дня. Вычислимъ теперь сумму теплоты идущей отъ солнца на полюсъ въ день лѣтнаго солнцестоянія. Этотъ счетъ очень простъ. Пути солнца надъ земнымъ полюсомъ лежатъ горизонтальными кругами; всегда или виденъ или не виденъ весь кругъ. Въ зимнее полугодіе онъ вовсе не виденъ; въ лѣтнее полугодіе онъ весь виденъ непрерывно отъ весенняго до осенняго равноденствія. Дни этого полугодія различаются между собою только высотой, на какой горизонтально лежитъ весь кругъ; въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія, когда высота его достигаетъ наибольшей величины, она составляетъ $23^{\circ} 27'$. Синусъ этого угла равняется 0,397949 (Мы беремъ эту дробь не съ четырьмя, а съ шестью десятичными знаками, потому что всякая погрѣшность въ ней увеличивается, какъ увидимъ въ 360 разъ, при переложеніи ея въ сумму дневной теплоты, слѣдовательно, должно взять величину ея съ гораздо большей степенью приближенія, чѣмъ какая достаточна для дробей, входящихъ въ сумму высотъ солнца лишь по два раза). Мы вели вычисленіе высотъ солнца въ экваторіальный день по разстояніямъ отъ градуса до градуса; слѣдовательно и сумму высотъ солнца въ полярный

день мы должны составить через сложение всѣхъ высотъ солнца по разстояніямъ отъ градуса до градуса, а этотъ день состоитъ изъ полнаго круга солнца, т. е. солнце проходитъ въ этотъ день черезъ всѣ 360 градусовъ круга. На каждомъ градусѣ высота его одна и та же, потому что кругъ имѣетъ горизонтальное положеніе. Такимъ образомъ мы найдемъ сумму высотъ солнца на всѣхъ 360 точкахъ прохожденія его черезъ градусы, перемноживъ общую высоту каждаго изъ этихъ моментовъ на 360. Дѣлаемъ умноженіе и получаемъ:

$$0,397949 \times 360 = 143,2616$$

Умножаемъ эту сумму высотъ на 10 и получаемъ, что количество солнечной теплоты, идущее на земной полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, составляетъ 1432,616.

А наибольшая сумма солнечной теплоты экваторіальнаго дня составляетъ, какъ мы видѣли, только 1145,968. Принимая наибольшую экваторіальную сумму дневной солнечной теплоты за 1 сравненія, мы найдемъ, что сумма солнечной теплоты, идущая на полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, равняется 1,25, то есть, что въ этотъ день на атмосферу полюса идетъ количество теплоты, превышающее цѣлой четвертью наибольшую экваторіальную сумму дневной теплоты.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ не случилось раньше чтенія этого нашего очерка узнать, какова сумма теплоты, идущей на атмосферу полюса въ день лѣтняго солнцестоянія, и каково отношеніе этой величины къ наибольшей суммѣ теплоты экваторіальнаго дня, усомнились бы въ справедливости найденнаго ими теперь вывода, если бы не шли вмѣстѣ съ нами къ нему шагъ за шагомъ, имѣя полную возможность провѣрить каждую цифру и каждый арифметическій пріемъ, посредствомъ которыхъ формировался выводъ. Мы не имѣли права предполагать довѣрія къ намъ въ дѣлѣ разъясненія астрономическихъ вопросовъ; намъ слѣдовало напротивъ того предполагать во многихъ читателяхъ мнѣніе, что авторъ «Очерка научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» вовсе не специалистъ по математикѣ. Это мнѣніе справедливо; но дѣло не въ томъ, специалистъ ли онъ по математикѣ, а лишь въ томъ, случилось ли ему узнать астрономическія истины, относящіяся къ вопросу о распредѣленіи солнечной теплоты по разнымъ параллельнымъ кругамъ и по разнымъ временамъ года. Надобно было изложить процессъ полученія этихъ истинъ такимъ простымъ языкомъ, чтобы ходъ соображеній былъ ясенъ для тѣхъ читателей, знанія которыхъ по математикѣ не превышаютъ знаній автора, и чтобы каждый изъ нихъ могъ провѣрить выводъ.

Излишекъ теплоты дня лѣтняго солнцестоянія подъ полюсомъ сравнительно съ наибольшей дневной теплотой подъ экваторомъ такъ великъ, что очевидно не могъ возникнуть весь въ одинъ день; напротивъ возрастаніе, шедшее отъ 0 въ началѣ первой половины лѣтняго полугодія къ величинѣ 1,25 въ концѣ оя, должно было достигъ величины 1,00 за довольно большое число дней передъ солнцестояніемъ; уменьшеніе отъ 1,25 до 1,00 идетъ въ началѣ второй половины полугодія тѣмъ же ходомъ, какимъ шло въ концѣ первой половины возрастаніе и также займетъ довольно большое число дней. Такимъ образомъ даже подъ полюсомъ находится въ срединѣ лѣтняго полугодія довольно большой періодъ времени, когда дневныя количества солнечной теплоты превышаютъ наибольшую

дневную теплоту солнца подъ экваторомъ. Понятно, что чѣмъ дальше отъ полюса, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ длиннѣе эта часть лѣтнаго полугодія.

Мы говорили о дневныхъ количествахъ солнечной теплоты въ лѣтнее полугодіе подъ полюсомъ только для того, чтобы придать ясность понятію объ отношеніяхъ этого полугодія подъ высокими широтами къ экваторіальному полугодію. Люди не живутъ подъ полюсомъ; возвратимся къ соображеніямъ о тѣхъ широтахъ, въ которыхъ живутъ они. Мы сдѣлали обзоръ годичнаго распредѣленія дневныхъ теплотъ солнца подъ тропикомъ и видѣли, что всѣ дни лѣтнаго полугодія подъ этой широтой имѣютъ дневныя количества солнечной теплоты большія количества ея въ соотвѣтствующіе дни экваторіальнаго года, но что другое полугодіе подъ тропикомъ имѣетъ гораздо меньше солнечной теплоты, чѣмъ подъ экваторомъ, гдѣ оно одинаково съ первымъ полугодіемъ. Широты между экваторомъ и тропикомъ, разумѣется, занимаютъ по распредѣленію дневныхъ теплотъ среднія положенія соотвѣтственно своимъ географическимъ широтамъ: чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ меньше разница между полугодіями, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ больше она.

За тропикомъ она возрастаетъ по направленію къ полюсу, это мы все знаемъ; но большую важность представляетъ разъясненіе вопроса о томъ, который изъ двухъ предѣловъ дневного количества солнечной теплоты передвигается съ увеличеніемъ широты съ такою быстротою, что его измѣненіе образуетъ главную причину увеличенія разницы между лѣтнимъ и зимнимъ полугодіями. Мы теперь имѣемъ уже довольно отчетливое представленіе объ этомъ. Наибольшее количество дневной теплоты или не уменьшается сравнительно съ тропическимъ подъ болѣе далекими отъ экватора широтами или уменьшается очень мало. Лѣтнія полугодія подъ градусами широты между тропикомъ и полярнымъ кругомъ имѣютъ сумму солнечной теплоты, тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше отъ тропика; но уменьшеніе лѣтней полугодичной суммы происходитъ не отъ пониженія верхняго предѣла въ возрастаніи дневныхъ количествъ солнечной теплоты, а собственно оттого, что понижается предѣлъ, съ котораго начинаютъ расти они въ лѣтнее полугодіе и понижается наравнѣ съ нимъ предѣлъ, до котораго падаютъ они въ концѣ полугодія. Эти начальный и конечный предѣлы подъ широтами между тропикомъ и полюсомъ совпадаютъ съ эпохами весенняго и осенняго равноденствій, когда, какъ мы знаемъ, продолжительность дня подъ всѣми широтами до полюса равна неизмѣнной экваторіальной и составляетъ 12 часовъ. А при этой равной подъ всѣми широтами продолжительности дня эпохъ равноденствія, количества дневной теплоты прямо пропорціональны полуденнымъ высотамъ солнца. Разсмотримъ первыя двѣ колонны той нашей таблицы, въ которой приведены полуденныя высоты солнца въ эпохи равноденствій подъ нѣкоторыми изъ широтъ между тропикомъ и полярнымъ кругомъ, сравнимъ эти высоты. Подъ тропикомъ полуденная высота въ эпоху равноденствія = 0,9174, то есть она лишь на одну тринадцатую долю меньше высоты зенита; подъ широтою 25° она равна 0,9063, то есть на разстояніи лишь немногимъ больше полтора градуса отъ тропика по направленію къ полюсу она уменьшилась на 0,0111, на одну девяностую долю и стала ужъ на одиннадцатую долю меньше зенитной. Подъ широтами 30° она равна 0,8660, на разстояніи 5° ея уменьшеніе составило 0,0403, то есть одну двадцать пятую долю единицы, служащей нормою сравненія и она стала почти на одну седьмую долю меньше зе-

нитной; дѣлая слѣдующіе переходы по разстояніямъ 5° , мы видимъ такой рядъ цифръ:

Широта	25°	30°	35°	40°	45°	50°	55°	60°	65°
Полуд. выс.	0,9063	0,8660	0,8192	0,7660	0,7071	0,6428	0,5738	0,5000	0,4226
Разности		403	468	532	589	643	690	738	774

Съ каждымъ переходомъ на 5° по направленію отъ экватора къ полюсу разность полуденной высоты отъ высоты предшествовавшего круга широты становится больше; это значитъ, что дневное количество теплоты въ эпоху равноденствія уменьшается въ пропорціи болѣе значительной, чѣмъ уменьшается разстояніе отъ полюса или увеличивается разстояніе отъ экватора, иначе сказать: уменьшеніе дневного количества теплоты въ эпоху равноденствія идетъ прогрессіей болѣе быстрой, чѣмъ приближеніе пунктовъ меридіана къ полюсу.

Чѣмъ ниже тотъ уровень, съ которымъ идетъ возрастаніе дневного количества солнечной теплоты въ первую половину лѣтняго полугодія, тѣмъ позднѣе достигнетъ эта растущая величина равенства съ наименьшей экваторіальной; потомъ пройдетъ нѣсколько времени до достиженія ею равенства съ наибольшей экваторіальной и, за вычетомъ этихъ двухъ частей, тѣмъ меньше останется часть четверти года, въ которую эта величина превосходитъ наибольшую экваторіальную. Вторая четверть лѣтняго полугодія одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой, по количествамъ дневной теплоты; слѣдовательно, чѣмъ дальше отъ тропика кругъ широты, тѣмъ болѣшую часть въ обѣихъ половинахъ лѣтняго полугодія составляютъ дни, имѣющіе количество дневной теплоты меньше наименьшаго экваторіальнаго. Собственно, въ этомъ и состоитъ разниця лѣтнихъ полугодій подъ далекими отъ экватора широтами, отъ соответствующаго по времени экваторіальнаго полугодія. Не уменьшеніемъ наименьшихъ количествъ дневной теплоты отличаются лѣтнія полугодія этихъ широтъ отъ экваторіальнаго полугодія, а увеличеніемъ продолжительности и интенсивности стужи въ началѣ и въ концѣ своего лѣтняго полугодія.

Если бы температура дней лѣтняго полугодія опредѣлялась только количествами дневной теплоты въ это полугодіе, она не была бы очень низка даже и подъ полярнымъ кругомъ. Полуденная высота солнца въ эпохи равноденствій подъ полярнымъ кругомъ составляетъ 0,3979, то есть равняется почти двумъ пятымъ долямъ наибольшей экваторіальной дневной теплоты, составляетъ почти четыре девятихъ доли наименьшаго экваторіальнаго количества. Разница велика, но не колоссальна. Жизнь подъ полярнымъ кругомъ была бы удобна для однолѣтнихъ растеній, которымъ нужна теплота лишь въ продолженіе пяти или даже только четырехъ мѣсяцевъ, если бы высота температуры тамъ опредѣлялась исключительно дневными количествами солнечной теплоты съ начала лѣтняго полугодія. Не только пшеница превосходно росла бы подъ полярнымъ кругомъ, очень хорошо росли бы тамъ и маисъ и даже рисъ. Но дѣло въ томъ, что началу лѣтняго полугодія подъ широтами, близкими къ полярному кругу, предшествуетъ полугодіе съ очень малыми количествами дневной теплоты. Въ продолженіе этого полугодія температура падаетъ такъ низко, что нужна очень большая сумма дневныхъ теплотъ весенней четверти года для ея поднятія до уровня выше точки замерзанія, и потомъ нужна очень большая сумма этихъ теплотъ для того, чтобъ исчезли ледъ и снѣгъ,

оттаяла почва на такую глубину, какая нужна для развитія корней пшеницы; еще тяжелѣе для жизни растеній подобныхъ пшеницѣ другое обстоятельство: подъ широтами далекими отъ экватора бываютъ даже днемъ морозы послѣ того, какъ земля ужъ оттаяла на довольно большую глубину, а по ночамъ морозы бываютъ и послѣ того, какъ перестаютъ бывать морозы днемъ; нѣсколькихъ часовъ такой низкой температуры достаточно, чтобъ убить растеніе, подобно пшеницѣ.

Такимъ образомъ разницы между климатическими поясами производятся во-первыхъ пониженіемъ количества дневной теплоты въ началѣ лѣтняго полугодія и во-вторыхъ холодностью зимняго полугодія. Этотъ второй элементъ климатическихъ различій имѣетъ наибольшее значеніе въ произведеніи разницъ между растительностью подъ разными широтами, а характеръ растительности важнѣйшій изъ тѣхъ элементовъ, которыми опредѣляется удобство или неудобство человѣческой жизни у племенъ, перешедшихъ отъ добыванія пищи исключительно охотой или рыболовствомъ къ способамъ пропитанія, дающимъ болѣе изобильныя и болѣе вѣрныя средства жизни.

Предисловіе къ второму изданію русскаго перевода «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. I.

Въ новомъ изданіи нашего перевода перваго тома книги Вебера мы переработали форму изложенія сообразно привычкамъ русской публики, безспорно хорошимъ.

Книга Вебера напечатана тремя шрифтами: основной рассказъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ (цицери); онъ перерывается вставками менѣе крупнаго шрифта (боргеса); это—пополненія къ основному рассказу; кромѣ того, есть вставки еще болѣе мелкаго шрифта (петита); это—или выписки изъ нѣмецкихъ ученыхъ или рассказы содержанія книгъ. Большіе отдѣлы, соотвѣтствующіе главамъ, но не имѣющіе никакого названія, раздѣлены на куски менѣе крупныя; эти куски подраздѣлены на мелкіе, мелкіе дробятся на болѣе мелкіе. На поляхъ выставлены заглавія отдѣловъ, еще болѣе мелкихъ, имена государей, хронологическія цифры.

Эта тяжелая форма изложенія давно брошена французскими и англійскими учеными; русскою публикѣ она не нравится; начинаютъ покидать ее и нѣмецкіе ученые, которымъ однимъ оставалась она мила. Мы въ переработкѣ своего перевода замѣнили ее общепринятою у французовъ, англичанъ и русскихъ, менѣе растанутой и болѣе удобной для чтенія связанной формой рассказа.

Мы отбросили дробленіе книги на куски разныхъ шрифтовъ; весь текстъ мы едѣлали непрерывнымъ цизери; куски прежняго боргеса и прежняго петита, обратившись въ строки одного шрифта съ основнымъ рассказомъ, получили типографскую возможность не быть перерывами рассказа, стать его частями. Мы распредѣлили ихъ по тѣмъ мѣстамъ его, съ которыми они связаны по содержанію и отъ которыхъ были оторваны своимъ различіемъ по величинѣ буквъ. При этомъ устранялись повторенія, которыхъ было множество: въ основномъ рассказѣ дѣло излагалось кратко, въ пополненіяхъ подробнѣе; краткое изложеніе не заключало въ себѣ ровно ничего, кромѣ повторяемаго подробнѣе въ пополненіи; когда подробное изложеніе переносилось въ соотвѣтствующее мѣсто краткаго, краткое выходило совершенно излишнимъ и выпускалось.

Дробленіе рассказа на мелкіе куски отброшено. Когда исторія народа не превосходитъ своимъ объемомъ величину одной обыкновенной главы, она осталась безъ всякаго дѣленія, потому что подраздѣленія, болѣе мелкія, чѣмъ главы, не допускаются нынѣшними правилами изложенія ученыхъ книгъ. Тѣ части рассказа, которыя имѣютъ размѣръ, превышающій величину главы, раздѣлены на главы: рассказъ о египтянахъ на двѣ главы, рассказъ объ индійцахъ на пять, объ израильтянахъ на шесть главъ.

Обозначеніе содержанія, уничтоженное на поляхъ, замѣнено подробнымъ оглавленіемъ, представляющимъ несравненно больше удобства находить страницу, на которой рассказывается приписываемый фактъ. Такія оглавленія принято дѣлать въ англійскихъ историческихъ книгахъ.

Хронологическія цифры перенесены съ полей въ текстъ; черезъ это сдѣлалось во всѣхъ случаяхъ яснымъ, къ какому именно факту относится цифра. А при постановкѣ цифръ на поляхъ, очень часто выходила путаница: на одной строкѣ текста говорится о двухъ, о трехъ фактахъ, напримѣръ: одержана побѣда, взята крѣпость, одержана вторая побѣда; на полѣ противъ этой строки поставлена цифра года, мѣсяца, числа; къ которому изъ трехъ фактовъ она относится? Этого обыкновенно нельзя разобрать, если не помнить или не навести справку въ другой книгѣ.

Реторическія украшенія, растягивающія рассказъ многословіемъ, мы отбросили, какъ дѣлали въ нашемъ переводѣ начиная съ VII тома. Ни одного факта, ни одной мысли, относящейся къ дѣлу, мы не выпустили; выброшены только фразы старомоднаго краснорѣчія, котораго еще держится большинство нѣмецкихъ ученыхъ по рутинѣ, покидаемой возрастающимъ меньшинствомъ.

«Введеніе», написанное Веберомъ, разсматриваетъ вопросы, утратившіе интересъ. Мы замѣнили его очеркомъ нынѣшнихъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ такъ называемыя доисторическія времена.

Обороты рѣчи и собственные имена, испорченные въ первомъ изданіи, корректура котораго не была читана нами, исправлены.

За собственно такъ называемыя типографскія опечатки должно выпить не типографію, а насъ; типографія заслуживаетъ только признательности за свою заботу о правильномъ наборѣ текста, въ которомъ сдѣлано нами столько поправокъ, что трудно было разбирать густую, перепутанную съѣтъ ихъ.

Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена.

До недавняго времени тѣ авторы трактатовъ о всеобщей исторіи, которые хотѣли ограничиваться изложеніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній или сообразныхъ съ правилами науки предположеній о жизни рода человѣческаго, начинали свои книги прямо рассказомъ о временахъ, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя извѣстія или народныя преданія. Теперь писатели, не оставшіе отъ успѣховъ науки, имѣютъ возможность начинать рассказъ о жизни человѣчества со временъ гораздо болѣе отдаленныхъ, благодаря открытіямъ, сдѣланнымъ въ областяхъ знанія, болѣе или менѣе соприкасающихся съ собственно такъ называемой исторіей или даже далекихъ отъ нея, но разъясняющихъ другіе отдѣлы знанія, близкіе къ ней.

Изъ новыхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній или соображеній о давнихъ, такъ называемыхъ доисторическихъ временахъ жизни человѣчества были приняты историками раньше всего тѣ данныя о бытѣ людей и объ отношеніяхъ между разными народами, которыя выводятся изъ филологическихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ предисловіе къ рассказу объ историческихъ временахъ составили очерки род-

ства между народами индо-европейскаго или арійскаго, семитическаго, монгольскаго и другихъ семействъ, соображенія о томъ, гдѣ первоначально жило то или другое семейство до своего раздѣленія на разные народы, какой степени образованія достигало оно тогда, въ какомъ порядкѣ и какими путями переселялись изъ общаго отечества разныя части этого семейства въ земли, въ которыхъ застаютъ ихъ первыя письменныя извѣстія или изустныя преданія о нихъ.

Нѣсколько позднѣе были открыты матеріальные остатки человѣческой дѣятельности доисторическихъ временъ. Нѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ орудій, обломковъ посуды и другихъ принадлежностей человѣческой обстановки быта, кости или раковины животныхъ, служившихъ пищею людямъ, остатки человѣческихъ жилищъ относятся къ эпохамъ болѣе давнимъ, чѣмъ времена человѣческой жизни, разясняемыя филологическими данными. Еще дальше въ прошлое идутъ свѣдѣнія о жизни людей, доставляемыя зоологическими изслѣдованіями и соображеніями о топографическомъ характерѣ, о растительности и климатѣ тѣхъ земель, въ которыхъ жили люди давнихъ временъ. Геологическимъ свѣдѣніямъ о состояніи земной поверхности въ тѣ давнія эпохи предшествуютъ, въ нынѣшнихъ предисловіяхъ къ исторіи человѣчества, свѣдѣнія о возникновеніи твердой поверхности земнаго шара, сообщаемыя астрономіей.

Въ концѣ прошлаго вѣка астрономія достигла такого развитія, что возможно стало пріобрѣсти достовѣрныя понятія о томъ, какъ образовался земной шаръ. Эту работу исполнилъ гениальнѣйшій изъ специалистовъ по математикѣ и астрономіи, жившихъ послѣ Ньютона, Лапласъ. Теперь всѣмъ образованнымъ людямъ довольно хорошо знакома раскрытая имъ исторія солнечной системы и земнаго шара. Потому достаточно будетъ привести здѣсь тѣ черты ея, которыя слѣдуетъ припоминать при чтеніи другихъ исторій, болѣе новыхъ и принимаемыхъ нѣкоторыми за болѣе достовѣрныя.

Однаковость движенія планетъ вокругъ солнца по сравнительно узкому поясу пространства въ одномъ и томъ же направленіи, одинаковость ихъ вращенія около своихъ осей въ томъ же направленіи, и нѣкоторыя другія одинаковости фактовъ, относящихся къ планетамъ и ихъ спутникамъ, показываютъ, что всѣ эти небесныя тѣла выдѣлились изъ одной массы матеріи и что ихъ движенія лишь результаты прежняго общаго движенія этой массы. Исторію перемѣтъ, которыми произведены изъ нея отдѣльныя тѣла нашей солнечной системы, Лапласъ объяснилъ дѣйствіями всеобщаго тяготѣнія. По закону тяготѣнія первоначальная масса, занимавшая громадное пространство и находившаяся въ очень разжиженномъ состояніи, должна была, вращаясь около своего центра тяжести, принять форму диска. Этотъ дискъ сжимался; при уменьшеніи діаметра быстрота вращенія его возростала; съ возростаніемъ быстроты вращенія увеличивалась центробѣжная сила; само собою разумѣется, что чѣмъ дальше отъ центра была часть вращающейся массы, тѣмъ больше была липія, проходящая ею въ данное время. При общемъ возрастаніи быстроты круговаго движенія массы, скорость вращенія окраины диска пріобрѣтала наконецъ такую величину, что уравновѣшивала центростремительную силу. Тогда окраина переставала приближаться къ центру, начинала вращаться около него на одномъ и томъ же разстояніи; а между тѣмъ вся остальная масса продолжала сжиматься по направленію къ центру тяжести. Такимъ образомъ окраина отдѣлялась отъ остальной массы. Черезъ нѣсколько вре-

мени быстрота вращенія новой окраины диска тоже достигала такой величины, что центробѣжная сила уравнивалась въ ней центростремительную, и съ нею повторялось то, что было съ прежней окраиной: она тоже отдѣлялась отъ остальной массы, продолжавшей сжиматься по направленію къ центру. Изъ этихъ отдѣлявшихся частей массы образовались планеты и спутники ихъ, а центральная масса образовала центральное тѣло, солнце.

При сжиманіи вещества повышается его температура. Количество вещества въ каждомъ изъ тѣхъ кусковъ, сгущеніемъ которыхъ образовались большія планеты и спутники ихъ, было такъ велико и пропорція сгущенія такъ значительна, что температура каждаго изъ нихъ повысилась до степени, далеко превосходящей температуру плавленія наиболѣе огнеупорныхъ металловъ, а при такой температурѣ невозможны никакія изъ тѣхъ химическихъ соединеній, какія образуются сочетаніемъ кислорода, хлора, сѣры и другихъ металлоидовъ съ металлами и составляютъ почти всю нынѣшнюю массу извѣстной намъ части твердой оболочки нашей планеты. То же было и въ другихъ большихъ планетахъ. Потому вещество каждой изъ большихъ планетъ находилось нѣкогда въ состояніи капельножидкомъ или, вѣроятнѣе, газообразномъ. Вращаясь около своей оси, оно должно было по закону тяготѣнія принять форму шара, сплюсненнаго подъ полюсами; пропорція сплюсненности опредѣлялась отношеніемъ между силою притяженія всего вещества планеты къ центру его тяжести и быстротою вращенія его около оси. Масса мало-по-малу охлаждалась лучеиспусканіемъ своей теплоты; правда, она продолжала сжиматься, это служило источникомъ развитія прибавочной теплоты въ ней; но дѣйствіе лучеиспусканія было сплѣтѣе и прибавочная теплота только замедляла ходъ охлажденія, а не останавливала его. Охлажденіе шло съ поверхности внутрь, потому поверхность охладилась, когда центральная часть планеты еще сохраняла очень высокую температуру. Когда поверхность планеты остыла настолько, что нѣкоторые изъ составившихъ ее веществъ стали переходить въ твердое состояніе, началось образованіе кусковъ твердой коры; они увеличивались въ длину и въ ширину, становились толще, соединялись краями и наконецъ образовалась цѣльная твердая оболочка нашей планеты.

На этомъ мы остановимся, потому что дальнѣйшій ходъ дѣла на нашей планетѣ принадлежитъ уже не столько астрономической, сколько геологической исторіи ея. Обращая вниманіе на то, чѣмъ объясняетъ Лапласъ перемѣны, результатомъ которыхъ было возникновеніе нашей планеты, мы видимъ, что все основано у него на примѣненіи законовъ всеобщаго тяготѣнія и законовъ повышенія и пониженія температуры къ разясненію хода дѣла. Въ этомъ состоятъ существеннѣйшее различіе составленной астрономической исторіи земнаго шара отъ теорій, какими замѣняютъ ее нѣкоторые изъ нынѣшнихъ астрономовъ. У Лапласа принципы объясненія—простые, несомнѣнно достовѣрные законы движенія всякаго вещества, имѣющаго свободу движенія, и законы температурныхъ перемѣнъ, тоже достовѣрные относительно всякаго вещества. У астрономовъ, полемизирующихъ противъ выводовъ Лапласа, принципами объясненія берутся гипотезы или недостовѣрные или прямо несообразныя съ законами природы. Наиболѣе извѣстныя изъ теорій, составленныхъ замѣнъ Лапласовой, имѣютъ ту общую черту, что называютъ все вещество, знакомое намъ по опыту, совершенно пассивнымъ и выставляютъ причиною движенія небесныхъ тѣлъ удары гипотетическаго вещества, называемаго

эиромъ. Ученые, любящіе рассуждать объ эиірѣ, приписываютъ ему свойства, несомвѣстныя одно съ другимъ; они говорятъ, что частицы его не имѣютъ тяготѣнія ни одна къ другой, ни къ тому веществу, которое знаемъ мы по опыту. Пусть такъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ они предполагаютъ, что каждая частица обыкновеннаго вещества окружена атмосферой эиира, такъ что вблизи каждой частицы его эиіръ сгущенъ гораздо больше, чѣмъ вдали отъ обыкновеннаго вещества; зачѣмъ же ему сгущаться около частицъ обыкновеннаго вещества, когда онъ, по словамъ тѣхъ же ученыхъ, не имѣетъ тяготѣнія ни къ какому веществу? Прежде чѣмъ объяснять дѣйствіями эиира движенія небесныхъ тѣлъ, слѣдовало бы авторамъ этихъ теорій разсудить, что надобно имъ остановиться на одной какой-нибудь изъ двухъ несомвѣстныхъ между собою мыслей: «эиіръ притягивается обыкновеннымъ веществомъ» и «эиіръ не притягивается обыкновеннымъ веществомъ». Строить теорію, на однихъ страницахъ которой онъ не подлежитъ закону тяготѣнія, а на другихъ подлежить—дѣло нелѣпое. Но пусть эиіръ имѣетъ ту прекрасную особенность, что о немъ въ каждую данную минуту можно говорить какъ понадобилось въ эту минуту, забывая, вьжуются ли новыя слова съ тѣмъ, что было говорено въ предшествовавшую минуту; все-таки тотъ способъ объяснять имъ движенія небесныхъ тѣлъ, котораго держатся составители этихъ теорій, не годится ни для чего, кромѣ сказокъ, пренебрегающихъ законами природы. Объясненіе имѣетъ такой видъ: частицы эиира летятъ по всѣмъ направленіямъ съ очень большой быстротой; наталкиваясь на какое-нибудь вещество, частица эиира отпрыгиваетъ отъ него назадъ, передавая ему ту силу движенія по своему прежнему направленію, какую имѣла до столкновенія; это выходитъ въ родѣ того, какъ бы песокъ налеталъ на камень, имѣющій свободу движенія: песокъ отлеталъ бы отъ камня назадъ, а камень получалъ бы отъ его толчковъ движеніе по направленію, въ которомъ онъ налетаетъ на него. Прекрасно, по законамъ физики такъ и должно быть. Но что дальше, какъ объясняется этимъ взаимное тяготѣніе между солнцемъ и планетой? Вотъ какъ: солнце, отражая тѣ частицы эиира, которыя налетаютъ на него по направленію къ находящейся за нимъ планетѣ, закрываетъ ее отъ толчковъ съ этой стороны; а съ противоположной стороны она получаетъ толчки; потому двигается къ солнцу. Точно также и она закрываетъ солнце отъ толчковъ частицъ эиира, налетающихъ на нее по направленію, въ которомъ находятся за нею солнце, а съ противоположной стороны солнце получаетъ толчки, потому и оно движется къ планетѣ; эти два движенія, сближающія планету съ солнцемъ, имѣютъ быстроту, соразмѣрную величинѣ защиты, даваемой одному изъ тѣлъ другимъ, а величина защиты соразмѣрна массѣ защищающаго тѣла. Такимъ образомъ, если мы для простоты соображеній возьмемъ въ расчетъ только солнце и землю, то получимъ слѣдующую пропорцію скорости движеній, которыми сближаются они: солнце имѣетъ массу слишкомъ въ 300.000 разъ больше массы земли; потому защита, даваемая солнцемъ землѣ, слишкомъ въ 300.000 разъ больше защиты, даваемой солнцу землей, и въ то время, въ которое солнце подвигается къ землѣ на одну какую-нибудь единицу мѣры, земля подвигается къ солнцу больше, чѣмъ на 300.000 такихъ единицъ. Это разсужденіе было бы прекрасно, если бы не происходило отъ забвенія объ основномъ законѣ давленія, оказываемаго капельножидкими и газообразными тѣлами. Какова бы ни была толщина слоя жидкости между двумя твердыми тѣлами и какъ бы ни было

велико протяженіе этой среды за задними сторонами этихъ тѣлъ, все равно: давленіе находящагося между ними слоя совершенно уравниваетъ собою давленіе, производимое на нихъ этою средою по противоположному направленію. Такъ, напримѣръ, если мы пустимъ два куска дерева посредицѣ огромнаго озера на разстояніи двухъ или трехъ сантиметровъ одинъ отъ другаго, они не будутъ сближаться между собою, хотя каждый изъ нихъ подвергается съ задней стороны давленію слоя воды, имѣющаго десятки или сотни километровъ въ длину, а давленіе на нихъ со сторонъ, обращенныхъ одна къ другой, производится лишь слоемъ воды въ два или три сантиметра длиною. Дѣло въ томъ, что количество толчковъ, производимыхъ частицами воды, одинаково съ обѣихъ сторонъ каждаго тѣла. То же самое относится къ давленію газообразныхъ тѣлъ и должно относиться къ давленію ээира, каковы бы ни были наши основательныя ли мысли или правящіяся намъ фантазіи объ этомъ предполагаемомъ веществѣ. Оно по основному нашему предположенію находится въ газообразномъ состояніи и мы обязаны нашею собственною основною мыслью о немъ разсуждать о результатахъ его давленія сообразно достовѣрному закону давленія газообразныхъ тѣлъ.

Наши астрономическія и физическія знанія получили очень много важныхъ пополненій послѣ того времени, какъ Лапласъ составилъ исторію возникновенія солнечной системы и очеркъ астрономической исторіи земнаго шара. Потому его трудъ можетъ быть пополненъ значительнымъ количествомъ новыхъ подробностей и нѣкоторыя изъ подробностей, находящихся у него, должны быть по всей вѣроятности видоизмѣнены. Но тѣ основные законы природы, изъ которыхъ выводитъ онъ существенныя черты своей исторіи солнечной системы и формировавія земнаго шара, не получили съ его времени никакихъ важныхъ пополненій, потому что въ его время формулы ихъ ужъ имѣли полную точность, благодаря въ значительной степени его собственнымъ открытіямъ. Ученые, занимающіеся пополненіемъ его теоріи безъ претензій замѣнить ее собственными изобрѣтеніями, улучшаютъ ее. Но объ ученыхъ, воображавшихъ себя способными приобрѣсти славу мыслителей болѣе глубокомысленныхъ, чѣмъ Лапласъ, превзойти его геніальностью, должно сказать, что они имѣли слишкомъ высокое понятіе о своихъ умственныхъ силахъ. Дѣло, за которое брались они, превышало размѣръ ихъ дарованій, они путались въ своихъ соображеніяхъ и сочиняли фантазіи, противорѣчащія законамъ природы. Чтобы переработать исторію солнечной системы и земнаго шара, данную Лапласомъ, надобно имѣть такую силу ума, какой не имѣлъ еще ни одинъ изъ геометровъ и астрономовъ, жившихъ послѣ него; и когда явится такой геніальный спеціалистъ, въ переработкѣ его сохраняются существенныя черты исторіи, данной Лапласомъ, потому что онѣ выведены изъ законовъ природы, бывшихъ ужъ хорошо формулированными во время Лапласа.

Послѣ того какъ образовалась на земномъ шарѣ сплошная твердая кора, поверхность ея стала охлаждаться быстрѣе, чѣмъ могло это быть съ поверхностью, состоявшей изъ расплавленныхъ минераловъ, охладѣвавшіе слои которыхъ спускались въ глубину, замѣняясь подымавшимися изъ нея слоями менѣе остывшими, еще жидкими. Когда поверхность твердой коры получила температуру менѣе высокую, чѣмъ точка кипѣнія воды, водяной паръ, падавшій на нее дождями, образовалъ озера или моря въ ея впадинахъ; дожди отчасти разлагали химическимъ дѣйствіемъ воды нѣкоторыя изъ каменныхъ породъ, подвергавшихся имъ, отчасти разрушали

скалы ударами своихъ капель; потоки разрушали каменные породы, по которымъ текли, и сносили вывѣтрившіяся мелкія частины съ высотъ въ углубленія; то же самое производило химическое дѣйствіе кислорода, углекислоты и другихъ разбѣдающихъ составныхъ частей атмосферы, механическое дѣйствіе вѣтра: высоты вывѣтривались, образовавшаяся отъ этого пыль была сносима внизъ. Одновременно съ выравнивавшимъ поверхность земнаго шара дѣйствіемъ воды и атмосферы продолжалось охлажденіе, производившее теперь, по образованіи твердой коры, противоположное дѣйствіе: при охлажденіи, діаметръ земнаго шара уменьшался, твердая кора постоянно дѣлалась слишкомъ широка для ея внутренней части, на которой лежала, опускалась къ ней; опускаясь, изгибалась и ломалась; отъ этого прежнія неровности земной поверхности увеличивались и образовались новыя. Такимъ образомъ постоянно росли горы, углублялись долины, а дѣйствіе воды и атмосферы постоянно разрушало выступы, постоянно отлагало куски и пыль этого разрушенія въ долины суши, въ воду озеръ и моря.

Слои, отложенные водою въ долинахъ суши, на днѣ озеръ и моря, располагались разумѣется болѣе или менѣе горизонтально, и, вообще говоря, ихъ порядокъ остался тотъ же, въ какомъ они отлагались. При продолжающемся охлажденіи и уменьшеніи діаметра земнаго шара происходили, разумѣется, и перемѣны въ ихъ порядкѣ: твердая кора во многихъ случаяхъ ломалась и морщилась, такъ что горизонтальные слои получали очень наклонное положеніе, нерѣдко даже вертикальное, а тогда и опрокидывались, такъ что прежняя верхняя плоскость пласта ложилась внизъ, а прежняя нижняя дѣлалась верхней; нерѣдко морщины ломались и перемѣщались такъ, что край одного куска надвигался на сосѣдній кусокъ; часто въ трещины выжималось жидкое вещество внутренней части, еще оставшейся расплавленной; это вещество, поднявшись отъ давленія кусковъ коры по трещинамъ ея, разливалось по ея поверхности и такимъ образомъ поверхъ пластовъ сравнительно новыхъ, осѣвшихъ изъ воды, ложились массы внутренней части вещества, сохранившаго старый составъ. Но всѣ такіе случаи, хотя очень многочисленные, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила, по которому отложившіеся изъ воды пласты лежатъ одинъ на другомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ осѣдали изъ воды, и сохраняютъ болѣе или менѣе горизонтальное положеніе.

Въ самыхъ нижнихъ и старыхъ осадочныхъ пластахъ или вовсе не сохранилось органическихъ остатковъ, или они такъ видоизмѣнились отъ проникавшаго въ эти пласты жара расплавленной внутренней части, что трудно различить ихъ отъ камня. Выше лежатъ пласты, въ которыхъ находятся остатки организмовъ, имѣющіе такой ясный характеръ органическаго состава, что ошибка невозможна: они несомнѣнно остатки организмовъ. Кромѣ остатковъ организмовъ, сохранились отпечатки ихъ на илѣ, впоследствии отвердѣвшемъ. Организмы, отъ которыхъ сохранились остатки или отпечатки въ пластахъ, наиболѣе давнихъ изъ заключающихъ въ себѣ такіе остатки или отпечатки, имѣли очень небольшой размѣръ и немногосложное устройство. Выше лежатъ пласты, въ которыхъ находятся остатки организмовъ болѣе крупныхъ и болѣе сложнаго устройства. Это уже растенія и животныя, подобныя нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ, но вовсе не нынѣшнія. Чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ больше сходства съ нынѣшними имѣютъ сохранившіеся въ немъ организмы. Но эти очень сходные съ нынѣшними организмы принадлежали

сначала къ такимъ разрядамъ растеній и животныхъ, которые не считаются наиболѣе высоко организованными. Говоря въ частности о животныхъ, въ пластахъ, лежащихъ глубоко, нѣтъ остатковъ такъ называемыхъ позвоночныхъ животныхъ. Въ пластахъ болѣе новыхъ появляются остатки позвоночныхъ, но лишь принадлежащихъ къ наименѣе высоко организованнымъ разрядамъ позвоночныхъ; это рыбы; выше находятся и пресмыкающіяся. Но птицъ и млекопитающихъ еще нѣтъ. Остатки этихъ животныхъ, имѣющихъ наиболѣе высокую организацію, находятся лишь въ пластахъ очень новыхъ. Сначала это млекопитающія и птицы, лишь похожія на нынѣшнихъ, но вовсе не нынѣшнія; послѣ того такія, о которыхъ надобно сказать, что они птицы и млекопитающія, одинаковыя съ нынѣшними, лишь не нынѣшнихъ видовъ; наконецъ, являются остатки млекопитающихъ и птицъ тѣхъ же видовъ, какъ нынѣшнія; наконецъ, появляются остатки птицъ и млекопитающихъ нынѣшнихъ породъ.

Два пласта, отлагавшіеся изъ воды при неодинаковыхъ условіяхъ, пріобрѣтали въ продолженіи одинаковаго времени неодинаковую толщину; во многихъ случаяхъ эта разница быстроты нарастанія могла быть очень велика, такъ что, напримѣръ, одинъ пластъ пріобрѣталъ въ продолженіе даннаго времени толщину въ десятки разъ большую, чѣмъ другой. Но, вообще говоря, должна была быть нѣкоторая соразмѣрность толщины пластовъ, съ продолжительностью времени ихъ нарастанія, и если мы будемъ брать группы, состоящія каждая изъ многихъ пластовъ, то можно полагать, что быстрота нарастанія нѣкоторыхъ пластовъ одной группы уравнивается при общемъ счетѣ медленностью нарастанія другихъ, такъ что періоды времени, въ которые образовались двѣ большія группы пластовъ, болѣе или менѣе пропорціональны толщинѣ этихъ группъ.

Принимая это за основаніе соображеній о періодахъ образованія разныхъ группъ осадочныхъ пластовъ, мы видимъ, что всѣ тѣ пласты, въ которыхъ найдены остатки млекопитающихъ и птицъ, отложились въ теченіе времени, незначительнаго по сравненію съ періодами образованія болѣе старыхъ группъ, въ которыхъ не найдено ихъ остатковъ, а находятся только остатки животныхъ менѣе высокой организаціи.

Въ той группѣ пластовъ, въ которой найдены остатки птицъ и млекопитающихъ, только верхніе пласты заключаютъ въ себѣ остатки нынѣшнихъ видовъ этихъ животныхъ, въ нижнихъ найдены только остатки старыхъ видовъ ихъ, неодинаковыхъ съ нынѣшними; и общая толщина пластовъ, имѣющихъ въ себѣ остатки нынѣшнихъ видовъ ихъ, незначительна по сравненію съ общей толщиной пластовъ, въ которыхъ найдены лишь остатки прежнихъ видовъ, несходныхъ съ нынѣшними; это значитъ, что нынѣшніе виды млекопитающихъ и птицъ существуютъ лишь въ теченіе времени, незначительнаго по сравненію съ тѣмъ, въ которое существовали другіе, болѣе старые виды ихъ.

Правда, наши находки даютъ лишь очень неполный и отрывочный матеріалъ для соображеній о томъ, къ какому именно времени относилось возникновеніе того или другаго вида животныхъ болѣе или менѣе высокой организаціи; нашими собственными раскопками вырыты лишь такія количества песку, глины, мѣла или известняка и лежащихъ подъ ними каменныхъ породъ, сумма которыхъ ничтожна по сравненію съ массою этихъ пластовъ; дѣйствіемъ природы обнажены по берегамъ моря, въ разломахъ горъ, въ прорѣзахъ теченія рѣкъ и ручьевъ, части наслоеній,

имѣющія величину гораздо болѣе массивную, чѣмъ наши раскопки; но и эти части, открытыя для нашего изслѣдованія самой природою, составляютъ лишь маленькую долю всей массы пластовъ. Потому, ни объ одномъ, хотя бы самомъ верхнемъ пластѣ геологическихъ наслоеній — хотя бы, на примѣръ, о пескѣ морскихъ береговъ, рѣчныхъ долинъ и высохшаго дна прежнихъ морей или озеръ мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что въ немъ нѣтъ остатковъ никакихъ другихъ видовъ животныхъ, кромѣ тѣхъ, которые ужь извѣстны намъ по нашимъ находкамъ; должно думать, что въ немъ есть и остатки многихъ другихъ видовъ, только еще не встрѣтились намъ въ изслѣдованной нами маленькой части массы этого пласта. Итакъ, о каждомъ изъ нынѣшнихъ видовъ птицъ и млекопитающихъ можно думать, что онъ возникъ раньше самаго стараго изъ тѣхъ пластовъ, въ которыхъ найдены его остатки, что они существуютъ въ пластѣ, образовавшемся непосредственно передъ этимъ пластомъ, а быть можетъ и въ пластахъ еще болѣе раннихъ, но только еще не попались намъ въ ничтожныхъ изслѣдованныхъ нами частяхъ этихъ болѣе старыхъ пластовъ.

Итакъ, отрицательныя данныя не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія времени, въ которое возникъ какой-нибудь изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ или птицъ: относительно каждаго можно предполагать, что онъ существовалъ раньше времени образованія самаго нижняго изъ тѣхъ пластовъ, въ которыхъ найдены его остатки. Но есть положительныя данныя, опредѣляющія ту границу времени, раньше которой не могъ онъ существовать. Этотъ разрядъ фактовъ образуютъ тѣ остатки животныхъ, которые найдены въ пластахъ гораздо болѣе древнихъ, чѣмъ самый старый изъ пластовъ, въ которыхъ найдены остатки животныхъ одинаковыхъ съ нынѣшними птицами или млекопитающими. Если въ какомъ-нибудь пластѣ, лежащемъ много ниже этого, найдены остатки нѣсколькихъ соръ видовъ птицъ и млекопитающихъ, и всѣ эти виды различны отъ нынѣшнихъ, нѣтъ между ними ни одного не только одинаковаго съ какимъ-нибудь изъ нынѣшнихъ, но и близкаго по своей организаціи къ какому-нибудь изъ нихъ, то очевидно, что въ эпоху образованія этого пласта всѣ млекопитающія и птицы имѣли организацію неодинаковую съ нынѣшними, степень развитія этихъ организмовъ была иная, чѣмъ нынѣшняя, и не могли существовать тогда никакія изъ нынѣшнихъ млекопитающихъ и птицъ: всѣ нынѣшнія возникли позднѣе той эпохи.

На основаніи этихъ соображеній получается тотъ достовѣрный выводъ, что наибольшая, какую возможно предполагать, давность возникновенія какого-нибудь изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ и птицъ относится къ временамъ очень новымъ по геологическому порядку эпохъ, что какова бы ни была давность возникновенія нынѣшнихъ видовъ этихъ существъ, она — время очень новое въ геологическомъ смыслѣ слова.

По справедливымъ понятіямъ, сдѣлавшимся теперь общепринятыми у всѣхъ добросовѣстныхъ спеціалистовъ, каждый изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ или птицъ возникъ путемъ видоизмѣненія организаціи какого-нибудь болѣе стараго вида; и если существуютъ нѣсколько очень близкихъ между собою видовъ какого-нибудь разряда этихъ существъ, то разницы между ними возникли чрезъ видоизмѣненія разныхъ группъ одного и того же общаго предка. Для ясности возьмемъ опредѣленный примѣръ. Теперь существуетъ довольно большое количество разныхъ птицъ, настолько сходныхъ между собою по организаціи, что всѣ

онѣ принадлежать къ одному семейству ласточекъ. Теперь принято справедливое мнѣніе, что всѣ эти виды ласточекъ произошли отъ одного стараго вида птицъ, и что всѣ разницы между нынѣшними видами ласточекъ возникли черезъ видоизмѣненіе прежней одинаковой организаціи разныхъ мѣстныхъ группъ одного прежняго вида птицы, имѣвшаго организацію уже довольно похожую на нынѣшнихъ ласточекъ. Изъ этого является вопросъ: какими именно разницями въ обстоятельствахъ жизни этихъ разныхъ мѣстныхъ группъ одного и того же существа произведены различія, по которымъ разныя группы его стали существами неодинаковой организаціи? Мы вообще не имѣемъ возможности съ полной точностью отвѣчать на подобныя вопросы, должны ограничиваться заключеніями довольно неопредѣленнаго характера, говорящими только, что въ данномъ случаѣ должны были дѣйствовать какія-нибудь изъ обстоятельствъ, могущихъ производить перемѣны организаціи въ разсматриваемомъ нами направленіи. Беремъ для примѣра разницу между нынѣшними породами ласточекъ по силѣ, быстротѣ и ловкости полета. Разницы эти довольно значительны. Наша ласточка съ крыльями сравнительно короткими, дѣлающая себѣ норы въ глинистыхъ обрывахъ рѣчныхъ береговъ, летаетъ прекрасно; но несравненно лучше ся летаетъ наша домашняя ласточка, имѣющая болѣе длинныя крылья и вьющая гнѣзда на стѣнкахъ нашихъ жилищъ. Должно полагать, что еще гораздо лучше нашей домашней ласточки летаетъ та, которая вьетъ гнѣзда, употребляемая въ пищу китайцами: она пролетаетъ въ пещеры черезъ узкія отверстія, ежеминутно захлестывается волнами; наша домашняя ласточка едва ли въ состояніи дѣлать такіе быстрые и ловкіе обороты полета, какіе нужны для этого. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти три рода ласточекъ произошли отъ одной птицы; нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта прежняя птица летала очень хорошо, гораздо лучше птицъ, имѣющихъ слабый или тяжелый полетъ; но если мы спросимъ себя, какова была степень ея силы и искусства летать по сравненію съ нынѣшними, произошедшими отъ нея ласточками, то отвѣтъ будетъ достовѣренъ лишь когда мы удовлетворимся неопредѣленными выраженіями въ родѣ того, что прежняя птица, отъ которой произошли нынѣшнія ласточки, летала, по всей вѣроятности, менѣе хорошо, нежели нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ, и, напримѣръ, менѣе хорошо, чѣмъ ласточка, вьющая съѣдобныя гнѣзда. Если бы мы захотѣли прибавить, что и наша домашняя ласточка летаетъ лучше той прежней птицы, мы уже вдаль бы въ соображенія—положимъ правдоподобныя, но не имѣющія достовѣрности. Если меньше достовѣрности имѣла бы та прибавка, что даже и короткокрылая ласточка, дѣлающая себѣ норы въ обрывахъ рѣчныхъ береговъ, летаетъ лучше прежней птицы, отъ которой произошла. Очень возможно, что та прежняя птица летала лучше нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ видовъ ласточекъ. Идемъ далѣе въ разборъ вопросовъ, относящихся къ разницамъ въ полетѣ нынѣшнихъ ласточекъ. Спросимъ себя, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что нѣкоторые отдѣлы потомства общей прародительницы ласточекъ стали летать лучше ея, нѣкоторые же остались на той же степени хорошаго полета, какая ужъ принадлежала ей, а нѣкоторые, быть можетъ, стали летать менѣе хорошо, чѣмъ она? Достовѣрные отвѣты на вопросы этого разряда получаютъ лишь въ границахъ соображеній, основанныхъ на законахъ физиологій. Общій характеръ этихъ отвѣтовъ будетъ такой: организація улучшается при условіяхъ жизни, благопріятныхъ улучшенію здоровья организма, ухудшается при обстоятельствахъ, вредныхъ организму.

Для примѣра возьмемъ нашихъ домашнихъ птицъ. Всѣ онѣ летаютъ хуже родственныхъ имъ птицъ, живущихъ на свободѣ. Эта переѣна несомнѣнно принадлежитъ къ тому разряду измѣненій, который въ физиологіи называется пониженіемъ организаціи. Чтобы найти, какія разницы жизни домашнихъ птицъ отъ жизни родственныхъ имъ видовъ, остающихся неприрученными, произвели это пониженіе организаціи, мы должны искать, какія особенности жизни птицъ въ прирученномъ состояніи должны по законамъ физиологіи уменьшать способность ихъ къ хорошему полету. Тутъ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что собственнику птицъ убыточна ихъ способность хорошо летать и онъ употребляетъ всякіе способы для ея уменьшенія. Будетъ ли достаточно это объясненіе или надобно искать еще какихъ-нибудь вліяній, чтобы могло считаться вполне объясненнымъ пониженіе тѣхъ частей организаціи домашнихъ птицъ, которыми дается имъ способность летать,—это вопросъ спеціальной оцѣнки размѣра того вліянія, какое производятъ на организацію особенности образа жизни. Эта оцѣнка должна быть дѣлаема на основаніи данныхъ, представляемыхъ физиологіей. Для того, чтобы видно было, по какимъ правиламъ велитъ физиологія вести это дѣло, предположимъ, что по найденнымъ ею фактамъ, понижающее дѣйствіе заботъ собственника объ уменьшеніи способности домашнихъ птицъ къ полету оказывается недостаточно сильнымъ для произведенія всего результата, происхожденіе котораго мы изслѣдуемъ, и что надобно искать другихъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Какія именно будутъ найдены нами добавочныя объясненія, мы еще не знаемъ; но физиологія показываетъ намъ, каковъ долженъ быть характеръ ихъ; онъ неизбѣжно тотъ же самый, какой принадлежитъ заботамъ хозяина объ уменьшеніи способности птицъ къ полету; всѣ добавочныя вліянія, содѣйствующія ушѣху этихъ заботъ, должны точно также состоять въ чемъ-нибудь вредномъ для развитія мускуловъ, движущихъ крыльями, и для развитія крыльевъ; а все то, что вредитъ развитію какихъ-нибудь частей организма, вредитъ и здоровью его; и если этотъ организмъ живое существо, ощущающее разницу здоровыхъ и нездоровыхъ вліяній на него, то всѣ вліянія, уменьшающія способности какой-нибудь птицы къ полету, производятъ въ ней ощущеніе неудовлетворительнаго состоянія ея организма, ощущаются ею какъ неудобства, если они малы, а если велики, то какъ страданія.

Разумѣется, физиологическія потребности разныхъ частей организма у существа, имѣющаго такую многосложную организацію, какъ птица, могутъ быть въ значительной степени неодинаковы. Такъ, на примѣръ, потребность желудка въ пищѣ неодинакова съ потребностью мускуловъ полета въ дѣятельности. Потому нѣкоторые обстоятельства, выгодныя для удовлетворенія потребности птицы въ пищѣ, могутъ оказывать вредное вліяніе на ея способность къ полету. Мысли этого рода повели къ недоразумѣнію очень распространенному. Очень многіе спеціалисты по изслѣдованіямъ о развитіи организмовъ держатся понятій, которыя въ примѣненіи къ вопросу, взятому нами для примѣра, выражаются такими словами: полное удовлетвореніе потребности желудка въ пищѣ всегда, или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно производитъ ослабляющее дѣйствіе на мускулы полета и на развитіе крыльевъ; голодъ или всегда, или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно благоприятствуетъ развитію способности къ полету. Мысли подобнаго рода встрѣчаются въ большей части трактатовъ объ исторіи развитія организаціи живыхъ существъ. Но онѣ произошли отъ смѣшенія понятій, строго различаемыхъ физиологіей. Тутъ перенесены на по-

нятіе о хорошемъ удовлетвореніи потребности желудка въ пищу тѣ черты, которыми въ физиологіи опредѣляется фактъ совершенно инаго разряда — обжорство, переполненіе желудка такимъ количествомъ пищи, которое превышаетъ силу организма превращать пищу въ химическія соединенія, надобныя организму. Физиологія считаетъ обжорство фактомъ патологическимъ, результатомъ болѣзненнаго состоянія или самого желудка, или какихъ-нибудь частей нервной системы. Часто-ли подвергаются этому болѣзненному состоянію птицы и млекопитающія, ведущія свободную жизнь, — вопросъ едва ли изслѣдованный съ точностью, удовлетворительной для строгихъ ученыхъ требованій. Но тѣ житейскія наблюденія, какія случайно дѣлаются всеми нами, производятъ впечатлѣніе, что обжорство болѣзнь очень рѣдкая между свободными млекопитающими и птицами. Послѣ продолжительнаго страданія отъ голода птица или млекопитающее въ свободномъ состояніи набрасывается на пищу съ жадностью и первые куски ея глотаетъ такъ торопливо, что можетъ быть случается какому-нибудь изъ этихъ существъ подавиться въ первые моменты своей патологической фазы. Но это лишь предположеніе, которое при нынѣшнемъ плохомъ состояніи ученой разработки подобныхъ вопросовъ едва-ли можетъ быть подтверждено хоть однимъ дѣйствительно наблюденнымъ фактомъ. Допустимъ однако же, что оно вполне подтверждено наблюденіями; все-таки мы будемъ имѣть такой рядъ состояній организма, подвергшагося вреду отъ обжорства: недостатокъ пищи привелъ организмъ въ патологическое состояніе; результатомъ этого патологическаго состоянія была болѣзненная дѣятельность организма при воспріятіи пищи; результатомъ болѣзненнаго хода воспріятія пищи былъ вредъ для организма. Въ концѣ—вредъ: а вначалѣ что? Также вредъ: отъ вреда произошелъ вредъ, отъ болѣзненнаго состоянія произошло разстройство организма. Этому такъ и слѣдуетъ быть по законамъ физиологіи, и всякая мысль, несообразная съ этимъ, противорѣчитъ законамъ физиологіи, происходитъ отъ незнакомства съ ними, или забвенія о нихъ, или отъ неразумнія объ истинномъ смыслѣ физиологическихъ терминовъ.

По законамъ физиологіи, нормальный ходъ жизни млекопитающихъ и птицъ таковъ: желудокъ даннаго вида птицъ или млекопитающихъ имѣетъ такое устройство и обмѣнъ вещества въ его организмѣ, имѣетъ такую степень быстроты, что черезъ извѣстное количество времени послѣ хорошаго насыщенія это существо начинаетъ имѣть потребность въ пріятіи новой пищи; когда возникаетъ эта потребность, живое существо, о которомъ идетъ рѣчь, начинаетъ чувствовать аппетитъ; раньше того оно не имѣетъ аппетита и не станетъ ѣсть; пища производитъ на него отталкивающее впечатлѣніе: пока оно поглотитъ такое количество новой пищи, какое достаточно для удовлетворенія надобности его организма, оно утрачиваетъ аппетитъ и перестаетъ ѣсть. Такимъ образомъ, пока жизнь этого существа идетъ хорошо, то-есть сообразно потребностямъ его организма, у него не бываетъ случаевъ обжорства. Всякій случай обжорства—результатъ предшествовавшаго патологическаго состоянія. Когда жизнь млекопитающаго или птицы идетъ нормально, оно имѣетъ только періоды аппетита: періодовъ голода въ его хорошей нормальной жизни нѣтъ. Если, напримѣръ, по устройству его организма, потребность пищи бываетъ у него два раза въ сутки, то передъ истеченіемъ періода 12 часовъ, которымъ отдѣляются одна отъ другой эпохи нормальнаго пріятія новой пищи, это живое существо начинаетъ ощущать позывъ къ ѣдѣ; онъ постоянно растетъ, но не успѣваетъ достигъ такой ненормальной силы, чтобы сдѣлаться мучительнымъ; нѣтъ,

онъ продолжается лишь пока остается ощущеніе пріятнымъ; при первомъ проявленіи непріятнаго элемента въ номъ, живое существо пріобрѣтаетъ желаніе прекратить его принятіемъ пищи, и если обстоятельства жизни соотвѣтствуютъ въ это время потребностямъ организма его, оно имѣетъ возможность удовлетворить этому желанію, а если въ это время не имѣетъ оно готоваго запаса пищи и не можетъ найти ее очень скоро, то значить обстоятельства расположились для него дурно: оно подвергается бѣдствію по дурному для него сочетанію ихъ.

Голодь—результатъ несообразности обстановки жизни животнаго съ устройствомъ его организма, состояніе, несообразное съ хорошимъ ходомъ функцій организма его, вредное для этихъ функцій, то-есть вредящее организму состояніе патологическое, производящее патологическіе результаты.

Такъ это по физиологіи. Она строго различаетъ хорошій ходъ функцій организма отъ дурнаго; аппетитъ и результатъ его, своевременное принятіе пищи въ количествѣ, соотвѣтствующемъ надобностямъ организма, она относитъ къ разряду фактовъ жизни, полезныхъ для организма: голодь и его результаты къ разряду фактовъ, вредящихъ организму.

Если мы спутаемъ въ своихъ соображеніяхъ понятія о полезномъ и о вредномъ, будемъ воображать вредное полезнымъ, то, разумѣется, выводъ изъ нашихъ соображеній будетъ фальшивый. Этимъ страдаютъ очень многіе изъ нынѣшнихъ трактатовъ объ исторіи развитія организациі живыхъ существъ. Несообразность разсужденій съ законами физиологіи въ нихъ до такой степени груба, перенесеніе понятія объ одномъ разрядѣ физиологическихъ фактовъ на другой разрядъ, которому физиологія даетъ опредѣленіе, прямо противоположное опредѣленію перваго разряда, производится съ такой слѣпой несообразительностью, что фальшивость ихъ выводовъ о благотворномъ вліяніи физиологическихъ бѣдствій на организмы не можетъ быть объясняема ни пробѣлами знаній у этихъ специалистовъ, ни недостаточностью ихъ умственныхъ силъ для правильнаго пониманія свѣдѣній, даваемыхъ физиологіей: свѣдѣнія, надобныя для правильности соображеній въ данномъ случаѣ, такъ элементарны, что ихъ имѣютъ все грамотные люди; отношенія между патологическими состояніями и результатами ихъ, опредѣленныя физиологіей, такъ просты, что безъ всякаго ученія понятны человѣку самыхъ ограниченныхъ умственныхъ способностей; потому рѣчь тутъ должна идти не объ учености или недостаткѣ учености, не о силѣ или слабости дарованій у специалистовъ, принявшихъ теорію полезности голода и другихъ страданій живаго существа для улучшенія его организациі; это дѣло такого же рода, какъ прежнія заблужденія, по которымъ большинство ученыхъ людей защищало нѣкогда простонародные предразсудки о существованіи вѣдьмъ и тому подобныя гнусныя, свирѣбыя нелѣпости. Причина заблужденія та, что эти специалисты разсуждаютъ на основаніи ошибочныхъ мнѣній, наслѣдованныхъ народами ихъ отъ предковъ-варваровъ. Даже у тѣхъ націй, которыя справедливо называются передовыми, общественное мнѣніе сохраняетъ много элементовъ грубости давнихъ временъ невѣжества и любви къ насилію; оно расположено повторять безъ критики тѣ афоризмы, которыми люди варварскихъ временъ оправдывали свои грабежи, убійства и другія проявленія своихъ грубыхъ склонностей. Одинъ изъ такихъ афоризмовъ—мысль, что не слѣдуетъ держаться добрыхъ правилъ въ обращеніи съ людьми менѣе сильными, нежели мы, что притѣсняя ихъ, мы обуздываемъ дурныя склонности ихъ, научаемъ ихъ поступать хорошо,

дѣйствуемъ въ качествѣ благодѣтелей ихъ, насильственно обращая ихъ изъ дурныхъ людей въ хорошихъ, изъ лѣнливыхъ въ трудолюбивыхъ, изъ злыхъ въ добрыхъ. Въ примѣненія къ физиологическимъ вопросамъ это воззрѣніе на жизнь даетъ выводы такого рода: физическое страданіе полезно для улучшенія организма страдающаго существа; въ частности полезенъ для улучшенія организма голодъ, полезны всякія физическія лишения. А общая ученая формула вывода изъ варварскихъ понятій, оправдывающихъ всякія жестокости, такова: страданіе—элементъ, улучшающій страдающее существо.

Мысли подобнаго рода противорѣчатъ физиологін. Но перемѣна общественнаго мнѣнія по вопросу о сходствахъ между видами органическихъ существъ привела специалистовъ къ принятію теоріи о родствѣ между видами; они, погрузившись въ мелочи анатомическихъ, или, какъ теперь принято называть, морфологическихъ изслѣдованій о сходствахъ и различіяхъ между органическими существами, воображали, будто ужъ имѣютъ достаточно правильныя понятія о пользѣ и вредѣ, о хорошемъ и дурномъ. А эти понятія были привычныя имъ, какъ и огромному большинству націи каждаго изъ нихъ афоризмы, оправдывавшіе свирѣпость варваровъ, бывшихъ предками нынѣшнихъ цивилизованныхъ націй. Вспомните о физиологін не представлялось надобности, когда дѣло было ясно и безъ нея.

Такимъ образомъ составила и получила широкое господство теорія, объясняющая повышеніе организациі бѣдствіями существъ, организациа которыхъ улучшалась, то-есть, когда рѣчь идетъ о живыхъ существахъ, фактами, производящими въ нихъ ощущенія страданій.

У тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣютъ высокую организацию, химическіе процессы жизни идутъ быстро и энергично, потому эти существа имѣютъ потребность принимать пищу въ большемъ количествѣ и часто; а процессы природы, производящіе пищу, идутъ независимо отъ ихъ надобности въ ней, и потому сообразно съ нею; отъ этой несоотвѣтственности между потребностью ихъ въ пищу и процессами, производящими ее, живымъ существамъ высокой организациі приходится голодать. Голодъ—главный источникъ ихъ страданій; онъ и былъ выставленъ сильнѣйшей причиной того, что организациа ихъ достигла высокаго развитія. Всякія другія страданія ихъ были выставлены второстепенными причинами улучшенія ихъ организациі, съ большей или меньшей силой, смотря по размѣру производимыхъ ими страданій, содѣйствующими главному благотворному элементу ихъ жизни, главному двигателю прогресса организациі, —голоду.

Эта путаница соображеній, переносящая черты полезнаго для организмовъ на вредное для нихъ, распадается вся отъ примѣненія физиологическихъ истинъ къ рѣшенію вопросовъ о повышеніи организациі. Какъ скоро мы припомнимъ законы физиологін, само собою становится видно, что вредное для функций жизни существо не можетъ оказывать благотворнаго дѣйствія на его организацию. Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія распаденіе лишь одного изъ узловъ, образующихъ эту путаницу, основнаго недоразумѣнія, къ которому приплелись всѣ другія. Для здороваго состоянія живыхъ существъ высокой организациі надобно имъ имѣть много моціона. Если держать млекопитающее связаннымъ или такъ тѣсно запертымъ, что оно лишено свободы передвиженія, то оно очень скоро становится больнымъ, и если получаетъ избыточную пищу, то или подвергается той болѣзни, которая называется ожирѣніемъ, или худѣетъ; въ томъ и другомъ случаѣ, если не будетъ возвращена

ему возможность дѣлать моціонъ, оно довольно скоро умираетъ. Такъ и слѣдуетъ тому быть по закону физиологіи, говорящему, что каждый органъ можетъ оставаться здоровымъ лишь подъ условіемъ, чтобы функціи его происходили съ достаточной энергіей. Функція мускуловъ — движеніе; если они не имѣютъ его, то должны подвергнуться болѣзненному состоянію, которое будетъ усиливаться соразмѣрно продолжительности дѣйствія причины, производящей его, и мускулы образуютъ во всѣхъ живыхъ существахъ высокой организаціи такую большую долю всей массы организма, и жизненная важность ихъ такъ велика, что тяжелое страданіе ихъ необходимо должно производить разстройство всего организма.

Умственная и нравственная жизнь существъ, не принадлежащихъ къ разряду позвоночныхъ, вѣроятно не совѣмъ одинакова съ тою, какую знаемъ мы по собственному опыту: ихъ нервная система имѣетъ не совѣмъ такое устройство, какъ у высшихъ позвоночныхъ, у птицъ и млекопитающихъ; потому должно думать, что и функціи нервной системы у нихъ имѣютъ нѣкоторое различіе отъ формъ дѣятельности нервной системы у птицъ или млекопитающихъ. Быть можетъ, подобнымъ образомъ должно думать и о дѣятельности нервной системы у рыбъ, потому что головной мозгъ ихъ не совѣмъ одинаковъ съ головнымъ мозгомъ живыхъ существъ, имѣющихъ теплую кровь. Но если мы ограничимъ кругъ своихъ соображеній о законахъ ощущенія органическихъ потребностей классомъ живыхъ существъ съ теплой кровью, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что у каждаго изъ нихъ удовлетвореніе потребностей каждаго органа возбуждаетъ пріятное ощущеніе, а неудовлетворенность ощущается какъ неудобство, если размѣръ ея не великъ, или какъ страданіе, когда онъ великъ. Мускулы ихъ имѣютъ потребность производить довольно большое количество передвиженій организма. Возможное ли дѣло предполагать, что какое-нибудь изъ этихъ живыхъ существъ захочетъ терпѣть непріятное ощущеніе, когда можно замѣнить его пріятнымъ?

Птицъ, живущихъ на свободѣ, никто, кажется, не винилъ въ недостаткѣ охоты двигаться, потому займемся только млекопитающими. Въ дѣтствѣ они любятъ играть, то-есть производить передвиженіе тѣла только для забавы себя. Достигая возраста разсудительности, почти всѣ они перестаютъ имѣть пристрастіе къ играмъ и наибольшую часть своихъ движеній дѣлаютъ съ какою-нибудь практической цѣлью. А самая главная практическая надобность—потребность въ пищѣ. Изъ этого выводится заключеніе, что голодъ—та сила, которая не даетъ ихъ мускуламъ бездѣйствовать, что если бъ голодъ не принуждалъ ихъ ходить, бѣгать или прыгать для добыванія пищи, то они лѣнились бы дѣлать столько моціона, сколько надобно для поддержанія здороваго состоянія мускуловъ, и тѣмъ менѣе захотѣли бы дѣлать столько моціона, чтобы мускулы ихъ улучшались. Это пустая фантазія, выдуманная и повторяемая съ забвеніемъ о фактахъ общезвѣстныхъ. Нѣкоторымъ млекопитающимъ надобно очень много бѣгать или прыгать, чтобы добыть себѣ пищу. Это такъ; но такую жизнь ведутъ почти только тѣ разряды млекопитающихъ, которые называются хищными животными. Быть можетъ, что временами тоже надобно бываетъ очень много ходить или бѣгать для добыванія пищи тѣмъ травояднымъ млекопитающимъ, которыя живутъ въ пустыняхъ, почти совершенно лишенныхъ растительности; можно предполагать такіе случаи, что стаду газелей надобно бываетъ пробѣжать въ день десятки километровъ, чтобы найти достаточное количество пищи въ какихъ-нибудь очень маленькихъ оазисахъ, отдѣлен-

ныхъ одивъ отъ другаго большими разстояніями. Но и число видовъ, ведущихъ такую жизнь и количество животныхъ, ведущихъ ее, очень невелико. За немногими исключеніями, травоядныя млекопитающія живутъ на такихъ мѣстностяхъ, что достаточно имъ передвинуться въ день лишь на десятки шаговъ, чтобы добыть достаточное количество нищи. Что жъ, доводятъ ли себя до ослабленія мускуловъ недостаточностью моціона эти млекопитающія, къ числу которыхъ принадлежатъ все виды рогатаго скота и все виды лошадей? Мы знаемъ, что рогатый скотъ любитъ проводить очень много времени въ неподвижномъ отдыхѣ; но слабы ли мускулы этихъ буйволловъ, бизоновъ и другихъ дикихъ видовъ рогатаго скота? Буйволъ не имѣетъ организаціи, требующей хищническаго образа жизни; зубы и ноги его не орудія для битвъ, рога оружіе слишкомъ неповоротливое, сравнительно съ когтями льва или тигра; сочлененія спинныхъ позвонковъ и костей заднихъ ногъ не имѣютъ той гибкости, какая нужна, чтобы все тѣло поджималось, какъ надобно для большихъ прыжковъ; потому онъ производитъ впечатлѣніе существа, имѣющаго пропорціонально массѣ своего тѣла менѣе силы, чѣмъ левъ или тигръ; но это впечатлѣніе ошибочно, какъ показываютъ опыты, производимые при помощи динамометра: мускулъ буйвола или бизона, имѣющій одинаковый поперечный размѣръ съ мускуломъ льва или тигра, дѣйствуетъ на динамометръ съ такою же силой, какъ мускулъ этихъ хищныхъ животныхъ; разница между классами млекопитающихъ по отношенію къ силѣ тѣхъ или другихъ органовъ состоитъ въ томъ, что главные массы мускуловъ расположены у нихъ неодинаково, прикрѣплены къ разнымъ костямъ; есть нѣкоторое различіе и въ томъ, какую долю общаго вѣса организма составляетъ вся масса мускуловъ. Но мускулы одинаковаго поперечнаго разрѣза имѣютъ у всехъ млекопитающихъ почти одинаковую силу, то-есть энергія жизни мускуловъ почти одинакова у нихъ всехъ.

Какимъ же способомъ мускулы рогатаго скота или живущихъ на свободѣ видовъ семейства лошадей получаютъ количество дѣятельности, надобное для пріобрѣтенія и сохраненія энергіи одинаковой съ тою, какую имѣютъ мускулы льва или тигра, принужденныхъ устройствомъ своего желудка дѣлать очень много моціона для добыванія пищи? Все мы знаемъ о живущихъ на свободѣ видахъ семейства лошадей, что они бѣгаютъ безъ всякой надобности въ этомъ для добыванія пищи, исключительно по потребности много бѣгать. То же самое замѣчено и относительно дикихъ видовъ рогатаго скота людьми, наблюдавшими, какъ проводятъ время эти животныя: правда они очень много и ходятъ и бѣгаютъ. Это совершенно то же, что моціонъ по гигіеническимъ мотивамъ у людей, не имѣющихъ надобности добывать пищу физической работойъ. Левъ или тигръ долженъ для добыванія пищи дѣлать столько моціона, что этимъ количествомъ передвиженій тѣла вполне удовлетворяется потребность его мускуловъ въ дѣятельности. Буйволъ наѣдается, переступивъ лишь нѣсколько десятковъ шаговъ; этого мало для удовлетворенія потребности его мускуловъ въ дѣятельности и онъ ходитъ или бѣгаетъ просто для удовлетворенія этой потребности своихъ мускуловъ.

Когда о физической работѣ разсуждали люди, не испытавшіе сами, какое количество ея можетъ исполнять обыкновенный человѣкъ безъ вреда своему здоровью, и когда не была разработана физиологія мускульной дѣятельности, ученые говорили исключительно о благотворности физического труда и для нравственной и для физической жизни трудящагося человѣка; трудъ противопоставлялся празд-

ности, источнику всёх пороковъ, трудолюбіе противопоставлялось лѣности, источнику нищеты, и предполагалось, что предметъ исчерпанъ этими панегириками труду, порицаніями праздности. Теперь всё мы знаемъ, что надобно обращать вниманіе и на вопросъ, существенно различный отъ дидактическихъ упражненій въ похвалахъ трудолюбію; трудъ полезенъ, въ этомъ нѣтъ спора; но, спрашивается, какое количество труда достаточно для того, чтобы мускулы человѣка приобрѣтали и сохраняли наибольшую силу и наиболѣе здоровое состояніе и каковы послѣдствія того, когда человѣкъ работаетъ гораздо больше, чѣмъ надобно для наилучшаго состоянія его мускуловъ? На вопросы этого рода прежде обращали очень мало вниманія; но они такъ просты, что теперь рѣшенія ихъ извѣстны всёмъ грамотнымъ людямъ: количество работы, соответствующее потребности нашихъ мускуловъ, гораздо меньше того, какое можетъ исполнять человѣкъ, принуждаемый къ тому необходимостью; работа, превышающая потребность мускуловъ въ дѣятельности, вредна для организма; если излишекъ работы надъ этой потребностью великъ, то работа преждевременно истощаетъ организмъ; а если онъ подвергается ей раньше, чѣмъ достигнетъ полного развитія, то она останавливаетъ развитіе мускуловъ на степени очень далекой отъ той, какой достигаетъ сила ихъ у людей, исполняющихъ лишь довольно незначительное количество физической работы.— По всей вѣроятности, мудрено отыскать теперь образованнаго человѣка, который не зналъ бы, что физическая работа, продолжающаяся только три часа въ день, дѣлаетъ трудишагося болѣе сильнымъ и болѣе здоровымъ, чѣмъ такая же работа, продолжающаяся двѣнадцать часовъ въ день.

Въ свободномъ состояніи работаютъ почти только тѣ млекопитающія, котормя дѣлаютъ себѣ жилища и заготовляютъ съѣстные припасы для себя на зиму. У большинства изъ нихъ сумма работы не велика: по устройству жилищъ, почти всё эти млекопитающія ограничиваются тѣмъ, что роютъ себѣ норы; сколько можно судить по скуднымъ и неточнымъ наблюденіямъ, должно полагать, что они ведутъ работу очень трудолюбиво, отдыхаютъ лишь почувствовавъ большую усталость; но сумма работы не велика; дѣло кончается въ нѣсколько дней, и потомъ цѣлый годъ или нѣсколько лѣтъ не представляется надобности снова приниматься за работу. Трудъ по устройству жилищъ великъ лишь у бобровъ, строящихъ плотины для поддержанія воды на одинаковомъ уровнѣ у входовъ въ свои норы. Собраніе запаса пищи на зиму требуетъ много времени каждый годъ; но млекопитающія носятъ въ свои жилища съѣстные припасы маленькими долями, всёхъ которыхъ не составляетъ значительной тяжести, сравнительно съ вѣсомъ тѣла ихъ самихъ, такъ что собраніе запаса пищи составляетъ много труда только въ томъ отношеніи, что требуетъ большаго количества ходьбы или бѣганья; это больше моціонъ, чѣмъ работа въ строгомъ смыслѣ слова. Исключеніе образуютъ труды только тѣхъ немногихъ видовъ млекопитающихъ, которые собираютъ въ запасъ для себя не плоды или грибы, а корни; выкапывать корни—работа въ собственномъ смыслѣ слова. Еще больше работы приходится исполнять для добыванія пищи тѣмъ очень немногимъ видамъ млекопитающихъ, которые постоянно добываютъ ее, роаясь въ землѣ, какъ, напримѣръ, кроты.

Всѣ виды млекопитающихъ много работающихъ составляютъ лишь небольшую долю общаго числа видовъ. Огромное большинство видовъ млекопитающихъ или дѣлаетъ только много моціона для добыванія пищи, какъ, напримѣръ, хищныя жи-

вотныя и тѣ, которыя собираютъ запасы продовольствія себѣ на зиму, или и вовсе не имѣютъ надобности много ходить или бѣгать для добыванія пищи, какъ очень многіе виды травоядныхъ животныхъ. Однако же по точнымъ опытамъ, дѣлаемымъ при помощи динамометра, оказывается, какъ мы говорили, что мускулы у всѣхъ видовъ млекопитающихъ имѣютъ почти одинаковую энергію: мускуль дикаго буйвола, вовсе не работающаго и имѣющаго очень мало надобности въ моціонѣ для добыванія пищи, сокращается при одинаковой толщинѣ съ такой же силой, какъ мускуль льва, дѣлающаго очень много моціона для добыванія пищи, или мускуль крота или бобра, работающихъ очень много. Изъ этого мы видимъ, что большинству млекопитающихъ для пріобрѣтенія большой энергіи мускуловъ достаточно количество труда и моціона не очень значительное по сравненію съ количествомъ работы у крота или бобра, или количествомъ моціона, необходимаго хищнымъ животнымъ для добыванія пищи.

Нѣкоторое количество моціона необходимо для здоровья живыхъ существъ, имѣющихъ такую организацію, какъ млекопитающія, и если какое-нибудь изъ этихъ существъ достигло высокаго развитія желаній относительно удобства своихъ жилищъ и обезпеченности отъ голода, то, разумѣется моціонъ взрослыхъ, разсудительныхъ существъ этого вида не будетъ простымъ развлеченіемъ, какъ у ихъ маленькихъ дѣтей, а получить характеръ труда для пріобрѣтенія обезпеченнаго пропитанія и удобной житейской обстановки. Такъ держатъ себя, напримѣръ, бобры. Но должно помнить, что количество моціона или труда, надобное собственно для здоровья его организма, не велико; и если оно исполняетъ много работы или дѣлаетъ много моціона, то наибольшая часть труда или моціона превышаетъ тотъ размѣръ, какой достаточенъ для пріобрѣтенія и сохраненія имъ собственно мускульной силы. И если взрослые бобры играютъ, то не собственно по потребности мускуловъ въ моціонѣ, а по нравственной потребности трудящагося существа доставлять своимъ мыслямъ отдыхъ отъ житейскихъ заботъ, удѣляя отъ часовъ физическаго отдыха нѣсколько времени для веселья.

Всѣми специалистами по исторіи развитія организмовъ принята теперь та истина, что видовыя и родовыя отличія органическихъ существъ пріобрѣтены исторически.

Такимъ образомъ всѣ тѣ качества человѣка, которыя составляютъ сумму собственно человѣческихъ особенностей, пріобрѣтены человѣкомъ исторически. Ихъ дала ему жизнь его. Первоначально онъ не имѣлъ ихъ.

Теперь найдены остатки человѣческой дѣятельности, принадлежащія эпохамъ, гораздо болѣе давнимъ, чѣмъ времена, къ которымъ относятся древнѣйшіе изъ письменныхъ свидѣтельствъ или народныхъ преданій. Но самыя старыя изъ этихъ находокъ показываютъ намъ человѣка уже достигшимъ такой ступени развитія, что слѣдуетъ признавать его имѣвшимъ тогда всѣ тѣ существенныя особенности, которыя называются собственно человѣческими качествами. Возьмемъ для примѣра тѣ находки, которыя считаются самыми давними памятниками человѣческой жизни, принадлежащими самому низкому фазису человѣческаго развитія. Это находки, состоящія исключительно изъ расколотыхъ камней, не получившихъ ни малѣйшей шлифовки. Разсудимъ, какую ловкость рукъ въ исполненіи техническихъ задачъ и какую силу соображенія необходимо было имѣть этимъ давнимъ людямъ, чтобы раскалывать кремни для пріобрѣтеній орудій, соответствовавшихъ топорамъ, ножамъ или

долотамъ; разсудимъ также, какія работы требовали, чтобы человѣкъ выдѣлывалъ себѣ такія орудія труда, и увидимъ, что люди, дѣлавшіе себѣ эти нешлифованныя каменные орудія имѣли уже вполне человѣческую силу соображенія и ловкость рукъ и были ужь мастеровыми въ чисто человѣческомъ смыслѣ слова: они рубили, перепиливали или долбили деревья, они были плотники, дѣлали себѣ для удобства жилища какіе-нибудь предметы, по существеннымъ чертамъ своего устройства одинаковые или съ хижинами или съ лодками нынѣшнихъ людей. Пусть степень ихъ умственного развитія и техническихъ искусствъ была очень низка по сравненію даже съ тѣми народами, которыхъ теперь называемъ еще остающимися въ состояніи дикости; пусть они по своему развитію были много ниже, чѣмъ самыя дикія племена нынѣшнихъ американскихъ или австралійскихъ дикарей; но сравнительно съ тѣмъ состояніемъ человѣка, которое было первоначальнымъ, они поднялись ужь очень высоко.

Какимъ путемъ шло развитія людей отъ первобытнаго состоянія до той сравнительно очень высокой ступени прогресса, которой достигли они, когда дѣлали самыя давнія и самыя несовершенныя изъ найденныхъ нами остатковъ человѣческой дѣятельности?—Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, специально относящихся къ этому вопросу. Мы должны рѣшать его не на основаніи какихъ-нибудь изъ нашихъ находокъ, а исключительно на основаніи физиологическихъ законовъ. Изъ физиологій мы знаемъ, что организація улучшается при хорошемъ питаніи, при удобной обстановкѣ жизни. Одно изъ необходимыхъ условій хорошей обстановки жизни—взаимное довѣріе и доброжелательство между существами, считающими себя за одинаковыхъ, расположеніе ихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, не возбуждающихъ взаимнаго озлобленія, держать себя другъ съ другомъ миролюбиво. Изъ млекопитающихъ, кажется, только кроты не имѣютъ взаимнаго доброжелательства, но зато кроты и не причисляются къ млекопитающимъ такой высокой организаціи, какъ лошады, бизоны, серны, волки или тигры, которые всѣ имѣютъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ доброжелательное чувство къ существамъ одного съ ними вида.

Какова бы ни была первоначальная слабость ума и добрыхъ чувствъ у человѣка, онъ былъ въ этихъ отношеніяхъ ни ниже бизона или тигра; напротивъ, былъ много выше ихъ, какъ это показываетъ сравнительная анатомія. Большія полушарія мозга имѣли у него при самомъ началѣ его отдѣльнаго существованія организацію болѣе высокую, чѣмъ у млекопитающихъ, не очень похожихъ на него по формѣ тѣла.

Физиологія доказываетъ, что если организація человѣка не понизилась, а повысилась, сравнительно съ первоначальнымъ своимъ состояніемъ; то ходъ жизни человѣческаго рода имѣлъ больше элементовъ, благоприятствовавшихъ улучшенію его организаціи, чѣмъ имѣвшихъ тенденцію понижать ее. Исключительно этимъ преобладаніемъ благоприятныхъ для организма обстоятельствъ жизни надъ вредными для него, объясняетъ физиологія прогрессъ человѣка отъ первобытнаго состоянія до того, сравнительно, очень высокаго развитія умственныхъ силъ, когда онъ ужь умѣлъ раскалывать кремни для пріобрѣтенія себѣ орудій работы. Безъ сомнѣнія, людямъ приходилось во времена этого прогресса много страдать отъ голода, отъ вредныхъ явленій внѣшней природы, отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и змѣй, отъ сильныхъ хищныхъ звѣрей, отъ собственныхъ неразумительныхъ поступковъ

и отъ взаимныхъ дурныхъ отношеній. Но какъ бы ни была велика сумма этихъ бѣдствій, она была меньше суммы фактовъ, полезныхъ для человѣческаго организма. Если бы было иначе, то организація человѣка не повышалась бы, а портилась бы, онъ подвергался бы тому, что въ зоологін называется деградацией, пониженіемъ организаціи. Для ясности соображеній, припомнимъ нѣкоторыя черты того ухудшенія, которое было бы неизбѣжнымъ результатомъ преобладанія вредныхъ историческихъ вліаній надъ хорошими въ тѣ времена человѣческаго существованія. Мускулы, управляющіе движеніями рукъ и ногъ, ослабѣвали бы; разстраивалось бы питаніе нервовъ, движущихъ мускулами; потому руки и ноги ослабѣвали бы, дѣйствовали бы хуже и хуже, и послѣдствіемъ этого было бы то, что самая структура рукъ и ногъ портилась бы, напримѣръ, кисть руки и пальцы получали бы организацію худшую прежней, рука становилась бы менѣ ловкой въ исполненіи тѣхъ дѣлъ, какія не могутъ быть исполняемы лапами медвѣдя, ослабѣвали бы связи, удерживающія позвонки спиннаго хребта въ вертикальномъ положеніи; уменьшалась бы ширина основанія, на которомъ стоитъ спинной хребетъ; это имѣло бы своимъ послѣдствіемъ то, что человѣку стало бы трудно ходить на двухъ ногахъ, не опираясь на руки, онъ принужденъ былъ бы ходить наклонившись станомъ, подогнувъ колѣна и опираясь на наружныя окраины ладоней или на кулаки рукъ, какъ ходятъ нѣкоторыя изъ другихъ существъ, имѣющихъ руки; если бѣ эта деградация продолжалась, то трудно сдѣлалось бы человѣку ходить и такимъ способомъ, онъ принялъ бы способъ ходьбы тѣхъ млекопитающихъ, которыя называются четвероногими.

Въ наиболѣе давнюю изъ тѣхъ эпохъ, которымъ принадлежатъ найденные нами остатки человѣческой дѣятельности, люди жили ужъ по всему пространству Азіи и Европы, имѣющему теперь теплый или умѣренный климатъ; но наибольшее количество находокъ сдѣлано, разумѣется, въ тѣхъ частяхъ западной Европы, которыя лучше другихъ изслѣдованы натуралистами и археологами, и въ которыхъ производится наибольшее количество глубокихъ прорѣзовъ земли для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и для другихъ техническихъ работъ. Потому главная масса нашихъ свѣдѣній о тѣхъ доисторическихъ временахъ человѣческой жизни, когда люди ужъ умѣли дѣлать себѣ рабочія орудія, относится къ населенію западной Европы.

Климатъ ея въ эти времена подвергался значительнымъ переменамъ, важнѣйшая изъ которыхъ произвела такое пониженіе температуры, что очень значительная часть Германіи, Франціи, даже Ломбардіи покрылась ледниками. Теперь разъяснено, что для такого громаднаго расширенія ледниковъ вовсе не было нужно очень большаго усиленія холода: достаточно было средней годичной температурѣ Германіи понизиться на пять или на семь градусовъ, чтобъ она почти вся покрылась льдомъ, если въ то же время увеличилось годичное количество дождя и снѣга, и воздухъ постоянно имѣлъ больше сырости, чѣмъ раньше и послѣ того. Это могло быть произведено какими-нибудь переменами въ распредѣленіи моря и суши на сѣверѣ и югѣ отъ средней части западной Европы. Другими причинами временнаго пониженія температуры могли быть періодическія измѣненія формы орбиты земли. Въ томъ и другомъ случаѣ перемена объясняется безъ надобности

предполагать какое-нибудь большое изменение в очертаниях средней части западной Европы. Но хотя и нет необходимости думать, что температура ея была в ледниковый периодъ очень много ниже нынѣшней, то все-таки зимы въ ней были продолжительнѣе, а теплая часть года короче, прохладнѣй и сырѣе, чѣмъ теперь. Она имѣла не такой суровый климатъ, какъ Гренландія, но вѣроятно была холоднѣе и сырѣе нынѣшней средней части Норвегіи. Люди живутъ теперь въ климатахъ гораздо болѣе холодныхъ, чѣмъ какой имѣетъ даже и сѣверная Норвегія. Но это люди, имѣющіе огонь, жилища, теплую одежду. Только благодаря тому они могутъ жить въ сѣверной Азіи и въ сѣверной окраинѣ Америки. Безъ огня и одежды не могли бы жить люди даже и въ средней Франціи, въ южной Германіи при нынѣшнемъ климатѣ этихъ земель. Поэтому самое существованіе людей въ ледниковый периодъ въ западной Европѣ, имѣвшей тогда климатъ болѣе холодный, чѣмъ теперь, показываетъ, что они ужь умѣли разводить и поддерживать огонь, приобретать себѣ теплую одежду и ловко прикрывать себя ею.

Едва ли можно сомнѣваться, что люди жили въ южной и средней Европѣ уже задолго до начала ледниковаго периода. Температура этихъ земель была тогда выше, чѣмъ въ ледниковый периодъ; но была ли выше нынѣшней—мы не знаемъ, можемъ только съ достовѣрностью сказать, что если была, то лишь очень немного выше, чѣмъ теперь. Напримѣръ, нельзя отрицать возможности того, что въ пліоценовый периодъ, предшествовавшій ледниковому, средняя Франція имѣла такой климатъ, какъ нынѣ имѣетъ южная. Но такую теплой, какъ Андалузія, она не могла быть въ эпоху образованія пліоцена, какъ называется верхняя группа слоевъ третичной формаціи, предшествовавшей ледниковому периоду. Были времена, когда Шницбергенъ имѣлъ климатъ, какой нынѣ имѣетъ средняя Франція, а она имѣла, вѣроятно, такой теплой климатъ, какъ нынѣ имѣетъ сѣверная Африка. Но это было гораздо раньше периода пліоценовой формаціи.

Съ того времени, какъ возникли нынѣшніе виды живыхъ существъ, имѣющихъ теплую кровь, общая температура земнаго шара подвергалась только мѣстнымъ или періодическимъ колебаніямъ, но общій уровень ея съ той поры не измѣнялся замѣтнымъ образомъ. Нынѣшніе виды теплокровныхъ существъ возникли при условіяхъ температуры приблизительно одинаковыхъ съ тѣми, какія существуютъ теперь въ странахъ, бывшихъ отечествами ихъ. И обстановка жизни ихъ была тогда приблизительно такая же, какую остается она въ странахъ такого климата, не подвергшихся сильному преобразованію отъ дѣятельности челоуѣка. Растительность была тогда уже такая же, какую имѣютъ теперь мѣстности, гдѣ не вырублены или не сожжены лѣса челоуѣкомъ, не осушены имъ болота, не проведены каналы, не распаханы поля.

Существа такой организаціи, какъ челоуѣкъ, могутъ жить, не имѣя огня и одежды, только въ томъ климатѣ, который называется экваторіальнымъ. Онъ имѣетъ важныя черты различія отъ прилегающаго къ нему съ обѣихъ сторонъ тропическаго климата. Существенныя черты этой разницы по отношенію къ суточнымъ переѣнамъ и годичному ходу температуры состоятъ тѣ, что въ экваторіальномъ климатѣ температура сохраняетъ приблизительно одинаковую высоту во все продолженіе года, что эта почти неизмѣнная по мѣсяцамъ и полудодіямъ высота температуры достаточна для того, чтобы существа такой организаціи, какъ челоуѣкъ, могли жить при ней безъ огня и одежды, и что по ночамъ не бываетъ тамъ

пониженія температуры до такой стужи, которую не могли бы эти существа выдерживать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ безъ вреда своему здоровью. Это климатъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ хорошо растутъ хлѣбное дерево и другія деревья или кустарники такой же нѣжной организаціи, такіе же неспособные переносить холодъ. Въ какой именно части экваторіальнаго пояса находилась родина людей, остается вопросомъ еще неразъясненнымъ съ полной достовѣрностью; но по всей вѣроятности это была какая-нибудь изъ самыхъ южныхъ окраинъ Азіи или какая-нибудь часть Малайскаго архипелага, быть можетъ остающаяся и теперь сушей, быть можетъ залитая теперь моремъ.

Когда люди стали переселяться отсюда въ сосѣднія земли тропическаго климата не на временную лѣтнюю перекочевку, а на постоянную жизнь тамъ, они уже умѣли пользоваться огнемъ для защиты себя отъ стужи или ужъ имѣли теплую одежду; безъ того они не могли бы продолжать своего существованія въ тропическихъ климатахъ; ихъ здоровье часто разстраивалось бы ночными холодами даже въ тѣ мѣсяцы, которые еще не принадлежатъ къ зимней порѣ года, а зимняя пора была бы невыносима для нихъ; они принуждены были бы перекочевывать на зиму ближе къ экватору или погибали бы.

Такимъ образомъ всякая находка остатковъ человѣческой дѣятельности въ земляхъ, лежащихъ за предѣлами экваторіальнаго климата, необходимо принадлежитъ тѣмъ временамъ, когда люди ужъ умѣли хорошо обращаться съ огнемъ или защищать себя отъ холода теплой одеждой. Но едва ли какая-нибудь изъ находокъ, сдѣланныхъ въ Европѣ, принадлежитъ временамъ, когда человѣческія искусства еще не подымались выше умѣнья разводить огонь и завертываться въ теплую одежду. Должно, кажется, сказать, что наиболѣе давніе остатки человѣческой дѣятельности показываютъ людей, ужъ обладавшихъ техническими искусствами болѣе высокими, чѣмъ умѣнье разложить и зажечь костеръ или вернуться въ шкуру какого-нибудь большаго млекопитающаго. Это были люди, умѣвшіе дѣлать себѣ изъ кремня рабочія орудія съ острыми ребрами, каменные топоры, ножи или долота; мы говорили, что самая надобность ихъ выдѣлывать себѣ такія орудія ужъ показываетъ, что они рубили деревья, долбили углубленія въ срубленныхъ бревнахъ, были мастеровые въ нынѣшнемъ смыслѣ слова.

Самыя давнія изъ каменныхъ орудій, найденныхъ въ Европѣ, лежатъ въ тѣхъ же слояхъ, въ которыхъ находятся кости мамонта и льва. Относительно мамонта мы знаемъ теперь, что онъ легко выносилъ не только такую стужу, какая бываетъ нынѣ въ средней Европѣ, но и морозы, гораздо болѣе продолжительные и суровые. Нынѣшніе виды львовъ едва ли могутъ пережить на открытомъ воздухѣ зиму Германіи или хотя бы южной Франціи. Поэтому должно думать, что левъ, жившій тогда въ средней Европѣ былъ нѣсколько иной, чѣмъ нынѣшній сѣвероафриканскій; онъ долженъ былъ имѣть болѣе выносливости къ стужѣ. Очень вѣроятно, что это былъ какой-нибудь видъ льва, особый отъ нынѣшнихъ. Такъ можно полагать по аналогіи съ тѣмъ, что были въ средней Европѣ тогда особые виды медвѣдя и быка, исчезнувшіе теперь. Но нѣтъ необходимости принимать именно этотъ способъ объясненія. Мы знаемъ, что нѣкоторыя млекопитающія умѣреннаго климата, переселяясь въ холодныя страны, приобретаютъ болѣе густую и длинную шерсть. Потому могло быть, что левъ средней Европы отличался отъ нынѣшняго сѣвероафриканскаго только болѣе густою и болѣе длинною шерстью. Подобно во-

просу о львѣ могутъ быть объясняемы вопросы и о другихъ млекопитающихъ, жившихъ тогда въ средней Европѣ, а теперь живущихъ только въ климатахъ болѣе теплыхъ: это были млекопитающія не нынѣшнихъ, а другихъ видовъ, или породы нынѣшнихъ видовъ, имѣвшая болѣе теплую шерсть.

Когда ученые стали заниматься изслѣдованіями остатковъ человѣческой жизни въ доисторическія времена, имъ показалось, что можно распредѣлить эти находки по періодамъ довольно мелкимъ и рѣзко отдѣляющимся одни другихъ. Такимъ образомъ было предположено, что когда люди употребляли каменные топоры и ножи, они еще вовсе не знали бронзовыхъ орудій, а бронзовыя орудія вышли изъ употребленія у нихъ очень скоро послѣ того, какъ они узнали желѣзные. Предполагалось также, что знакомство съ бронзовыми орудіями распространилось по всей Европѣ довольно быстро, что замѣна каменныхъ орудій бронзовыми произошла у всѣхъ европейскихъ племенъ въ продолженіе жизни немногихъ поколѣній; то же думали и о замѣнѣ бронзовыхъ орудій желѣзными. Такимъ образомъ, раздѣляли рѣзкими гранями каменный вѣкъ отъ бронзоваго, бронзовый отъ желѣзнаго и полагали, что у всѣхъ племенъ средней части западной Европы каменный вѣкъ смѣнился бронзовымъ почти одновременно, что и желѣзный началъ почти одновременно у всѣхъ. Каждый изъ этихъ трехъ вѣковъ подраздѣляли на разные періоды, которые тоже рѣзко были разграничиваемы и считались смѣнявшимися у всѣхъ этихъ племенъ одновременно.

Когда число находокъ увеличилось и сужденія о нихъ стали болѣе осмотрительными, оказалось, что ходъ дѣла былъ иной, менѣе соответствовавшій систематическимъ рубрикамъ, что онъ былъ тогда у племенъ средней и сѣверной Европы такой же, какъ въ историческія времена у тѣхъ племенъ Азіи, Америки, Океаніи, которыя стали извѣстны цивилизованнымъ народамъ, когда еще находились въ состояніи дикомъ или близкомъ къ дикому: населеніе данной мѣстности, ознакомившись съ бронзовыми орудіями, продолжало употреблять каменные; въ первыя времена у него было еще мало бронзовыхъ орудій и вѣроятно приобрѣтеніе ихъ обходилось слишкомъ дорого, оказывалось недоступнымъ для большинства племени; потому употребленіе ихъ распространялось въ этомъ племени медленно. То же было при переходѣ отъ бронзовыхъ орудій къ желѣзнымъ. Бывали и такіе случаи, что племя, у котораго были только каменные орудія, оставалось не имѣющимъ сношеній съ образованными народами до такого времени, когда эти народы ужь перестали употреблять бронзовыя орудія, имѣли исключительно желѣзныя; въ такомъ случаѣ торговцы цивилизованнаго народа, знакомясь съ племенемъ, имѣющимъ только каменные орудія, привозили ему исключительно желѣзныя, и каменный вѣкъ смѣнялся у него прямо желѣзнымъ, бронзоваго вѣка не было въ его жизни.

То же самое примѣняется и къ подраздѣленіямъ каменнаго или бронзоваго вѣка на періоды по степенямъ улучшенія каменныхъ или бронзовыхъ орудій. Племя, умѣвшее выдѣлывать только очень грубыя каменные орудія, могло получить отъ цивилизованнаго народа бронзовыя, прежде чѣмъ научилось выдѣлывать каменные орудія высокаго техническаго достоинства, или получало даже прямо желѣзныя орудія, такъ что въ его жизни не было никакихъ посредствующихъ степеней перехода отъ очень грубыхъ каменныхъ орудій къ желѣзнымъ. Такъ это было со всѣми племенами, которыя оставались еще на очень низкой ступени техническихъ искусствъ, когда вступили въ сношенія съ ними греки историческихъ

временъ, или римляне, или народы, усвоившіе себѣ техническія искусства римлянъ. Греки историческихъ временъ ужь не употребляли бронзовыхъ орудій, имѣли исключительно желѣзныя. Тѣмъ еще меньше могли передавать дикарямъ бронзовыя орудія римляне, начавшіе ходить или плавать въ земли варваровъ, только ужь достигнувъ очень высокой цивилизаціи.

Образованность распространялась по средней и сѣверной Европѣ очень медленно. На сѣверѣ еще продолжался каменный вѣкъ, когда племена, сосѣднія съ Греціею, Италіею, греческими колоніями юго-восточнаго приморья Франціи, ужь давно употребляли исключительно желѣзныя орудія.

Такимъ образомъ, остается достовѣрнымъ только то, что ходъ развитія всего человѣческаго рода былъ таковъ:

Первоначально люди не знали употребленія огня, не имѣли никакихъ орудій работы, кромѣ тѣхъ, какія давала имъ природа; это были необдѣланныя палки, камни, кости и рога животныхъ; потомъ они стали обдѣлывать эти матеріалы: раскалывать кремни, заострять палки; отдѣлка каменныхъ орудій была сначала очень грубою, потомъ улучшалась; одно изъ улучшеній составляла шлифовка; она была доведена до очень высокаго техническаго достоинства; племена, бывшія въ тѣ времена передовыми по успѣхамъ въ техническихъ искусствахъ, умѣли ужь очень хорошо шлифовать каменные орудія, когда нашли способъ выдѣлывать орудія изъ мѣди; послѣ того они узнали, что сплавъ мѣди съ нѣкоторымъ количествомъ олова дастъ матеріалъ гораздо болѣе твердый, гораздо болѣе пригодный для выдѣлки орудій, чѣмъ простая мѣдь, и мѣдныя орудія замѣнились бронзовыми; наконецъ бронзовыя замѣнились желѣзными.

Всѣ эти ступени улучшенія орудій и были пройдены тѣми племенами, которыя улучшали свои техническія искусства собственными силами, безъ помощи другихъ племенъ. Но большинство племенъ, сдѣлавшихся цивилизованными народами, училось у другихъ народовъ, достигшихъ образованности ихъ.

И если говорить въ частности о средней и сѣверной частяхъ западной Европы, то всѣ племена ихъ учились техническимъ искусствамъ или у грековъ или у римлянъ и другихъ народовъ, непосредственно бывшихъ учениками грековъ. А греки были учениками финикіянъ, малоазіатскихъ народовъ семитическаго племени, ассиріянь, египтянь.

Мы ограничивались очень краткимъ обзоромъ существенныхъ понятій о томъ, какъ сформировалась обстановка человѣческой жизни, и какъ шло развитіе человечества въ доисторическія времена. И чтобы нашъ очеркъ имѣлъ всю возможную краткость, мы останавливались почти исключительно на тѣхъ вопросахъ, по которымъ не во всѣхъ хорошихъ специальныхъ трактатахъ излагаются понятія, соответствующія основнымъ истинамъ естествознанія. Многіе изъ трактатовъ, дающихъ фактамъ доисторической жизни человечества истолкованія, противорѣчащія основнымъ истинамъ естествознанія и потому фальшивыя, написаны натуралистами. Но это обстоятельство, могущее казаться страннымъ, объясняется тѣмъ, что авторы ихъ, хорошіе специалисты по нѣкоторымъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, забывали въ своихъ изслѣдованіяхъ пользоваться простыми, общезвѣстными истинами, принадлежащими не ихъ специальнымъ отдѣламъ изученія, а общимъ частямъ естествознанія—механикѣ, физикѣ, физиологій.

Намъ остается изложить результаты филологическихъ изслѣдованій о доисто-

рическихъ временахъ жизни тѣхъ народовъ, которые были главными дѣателями въ извѣстной намъ по письменнымъ извѣстіямъ исторіи человѣчества.

Эти народы принадлежатъ къ четыремъ филологическимъ семействамъ: хамитскому, семитическому, индоевропейскому и еще какому-то другому, вѣроятно туринскому.

Египтяне были хамиты. Ихъ родственники по языку — берберы и народы сѣверовосточной Африки, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны сомали и балла. Хамиты пришли въ Африку изъ Азии. Берберы перешли въ Африку раньше египтянъ.

Сумеры, учениками которыхъ были вавилоняне, были, вѣроятно, народъ туринскаго семейства, родственники тюрковъ или финновъ.

Народы семитическаго семейства—вавилоняне и ассиріяне, сирійцы, финикіяне, евреи, арабы—пришли въ западную Азію съ востока.

Специалисты по изслѣдованію первобытной исторіи индоевропейскаго семейства спорятъ теперь между собою о томъ, Азію или Европу должно считать родной его. Мнѣніе, выводящее азіатскихъ индоевропейцевъ изъ Европы, кажется намъ фантазіей, лишенной всякихъ серьезныхъ основаній. Мы считаемъ достовѣрнымъ то мнѣніе, что родиною индоевропейскаго семейства была какая-нибудь горная часть Азии на востокъ отъ Персіи и на сѣверъ отъ Афганистана.

Семиты, вавилоняне и ассиріяне, составлявшіе лишь два отдѣла одного народа, достигли высокой цивилизаціи раньше, чѣмъ какой бы то ни было народъ индоевропейскаго семейства.

Первые изслѣдователи родственныхъ отношеній между санскритскимъ и другими индоевропейскими языками дѣлали слишкомъ благоприятныя для нашего общаго племеннаго тщеславія заключенія о томъ, какова была степень цивилизаціи индоевропейцевъ, когда еще всѣ они жили въ своемъ первобытномъ отечествѣ и составляли одинъ народъ. Она была тогда еще невысока по сравненію съ бытомъ народовъ, имѣвшихъ большіе города и хорошихъ ремесленниковъ. Главнымъ занятіемъ нашихъ общихъ предковъ еще оставалось скотоводство; но они ужь занимались и земледѣліемъ.

ЗАМѢТКИ О НЕКРАСОВѢ,

вызванныя «біографическими свѣдѣніями» и «примѣчаніями» въ посмертномъ изданіи стихотвореній Некрасова 1879 г.¹⁾

(О «*Біографическихъ свѣдѣніяхъ*»).

«На стран. XVIII и XIX приведена выписка изъ воспомнаній Достоевскаго о Некрасовѣ. Это такой мутный источникъ, которымъ не слѣдуетъ пользоваться. Для примѣра тому, какъ вздорны разсужденія Достоевскаго о Некрасовѣ, возьму изъ выписки полторы строки. Однажды, Некрасовъ сталъ разсказывать Достоевскому о своемъ дѣтствѣ, и въ этомъ разсказѣ «обрисовался» передъ Достоевскимъ «этотъ загадочный человѣкъ самой затаенной стороною своего духа»; а самая затаенная сторона его духа была—то, что его дѣтство оставило въ немъ грустныя воспомнанія.—Какимъ образомъ это могло быть «затаенною», даже «самой затаенной» стороною духа «загадочнаго человѣка», когда онъ въ столькихъ лирическихъ пьесахъ и столькихъ эпизодахъ поэмъ передавалъ всей русской публикѣ тяжелыя впечатлѣнія своего дѣтства?—Да и чего было бы таить въ нихъ?—Какъ любилъ онъ передавать ихъ публикѣ, точно также любилъ и пересказывать ихъ въ разговорахъ.—Послѣ этого натураленъ вопросъ: былъ ли «загадоченъ» человѣкъ, который такъ таилъ «самую затаенную сторону своего духа», который столько разъ говорилъ о ней публикѣ, и любилъ подробно разсказывать о ней каждому знакомому, желающему слушать?—Ровно ничего «загадочнаго» въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности, эти слабости не были нимало загадочными сами по себѣ; не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему они развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это.—А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда-бъ уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ,—ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный».

¹⁾ Изъ книги «Н. А. Некрасовъ», А. Н. Пыпина, Спб. 1905.—Замѣтки эти были присланы при письмѣ къ А. Н. Пыпину отъ 9 декабря 1883 г.—*Примѣчаніе издателя.*

(Стр. XXVII).

«Кѣмъ была внушена Некрасову мысль поступить въ университетъ?—По разсказу его мнѣ, матерю.

«Дѣло было, по его разсказу мнѣ, такъ:

«Мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ, потому что образованность приобретается въ университетѣ, а не въ специальныхъ школахъ. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; онъ соглашался отпустить Некрасова не иначе, какъ только для поступленія въ кадетскій корпусъ. Спорить было бесполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ; въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ у отца былъ человѣкъ, который могъ быть полезенъ успѣху просьбы о принятіи въ корпусъ (Полозовъ). Некрасовъ поѣхалъ въ Петербургъ, посланный отцомъ въ кадетскій корпусъ, съ письмомъ объ этомъ Полозову. Но онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ. Письмо отца къ Полозову онъ не могъ не отдать. И пошелъ отдать. Полозовъ, прочитавъ письмо, безъ всякихъ разспросовъ сказалъ Некрасову, что представить его Ростовцеву. Отказаться было невозможно. Некрасовъ побоялся и началъ разговоръ о намѣреніи поступить въ университетъ: что сказалъ бы на это Полозовъ?— «Мечта, другъ, не выдержишь экзамена»,—и что могъ бы отвѣчать Некрасовъ? Онъ дѣйствительно былъ не подготовленъ къ экзамену для поступленія въ университетъ. Онъ разсудилъ, что долженъ молчать передъ Полозовымъ объ университетѣ, пока будетъ въ состояніи сказать, что надѣется выдержать экзаменъ. Промолчавъ объ университетѣ, не имѣлъ возможности отказаться отъ представленія Ростовцеву, и былъ представленъ. Когда нѣсколько подготовился къ экзамену, сказалъ Полозову о своемъ намѣреніи.

«Итакъ, употребленное въ «Биограф. свѣдѣніяхъ» выраженіе, что «случайная встрѣча съ Глушицкимъ перерѣшила всю судьбу» Некрасова, и все соответствующее этому выраженію въ изложеніи дѣла о поѣздкѣ Некрасова въ Петербургъ—ошибочныя слова. Если въ тѣхъ разговорахъ, по которымъ написанъ разсказъ «Биограф. свѣдѣній», попадались выраженія, заставлявшія полагать, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Некрасову Глушицкимъ, это были выраженія не достаточно полныя; но вѣроятно, что мысль о перемѣнѣ намѣренія Некрасова вслѣдствіе встрѣчи съ Глушицкимъ—только догадка, порожденная горячимъ чувствомъ признательности, съ какимъ говорилъ Некрасовъ о заботливости Глушицкаго доставить ему возможность приготовиться къ экзамену. Вѣроятно, это были разговоры собственно о петербургской жизни Некрасова, потому и попадали въ нихъ только отношенія къ Глушицкому, не попадали воспоминанія о разговорахъ съ матерю передъ отъѣздомъ въ Петербургъ».

(Стр. LXVII и XVIII).

«По перечисленіи мотивовъ, изъ которыхъ могла происходить «мягкость» — то-есть, снисходительность, доброжелательность—тона рецензій Некрасова, говорится, что кромѣ этихъ соображеній «мягкость Некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера»; безъ сомнѣнія, собственно

ими она и «обуславливалась»; другія причины, если были, то были только очень второстепенными мотивами; главное дѣло было въ томъ, что Некрасовъ былъ человѣкъ очень добрый».

(Стр. LXX).

«Въ характеристикѣ начинающагося 1856 годомъ «второго періода журнальной дѣятельности» Некрасова говорится, между прочимъ, что «умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ влияніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей; которые окружили его».—Дѣло было не въ расширеніи «умственнаго и нравственнаго горизонта поэта», а въ томъ, что цензурныя рамки нѣсколько «раздвинулись» и «поэтъ» получилъ возможность писать кое о чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать.—Когда дошло и до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что писать меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой.—Я говорилъ ему: «еслибъ у меня былъ поэтическій талантъ, я дѣлалъ бы не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры все равно; когда жъ нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано». Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

«Причина невозможности всегда была цензурная.

«Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ: право на славу заработано созданіемъ пьесы; когда оно будетъ предъявлено, все равно; даже выгоды для славы, если оно будетъ предъявлено черезъ десятки лѣтъ: посмертныя находки цѣнятся дороже даваемого поэточъ при жизни. Но онѣ служатъ только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго ужъ не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою.

«Итакъ, писать безъ надежды скоро увидѣть произведеніе напечатаннымъ Некрасовъ не имѣлъ влеченія. Потому содержаніе его поэтическихъ произведеній сжималось или расширялось соотвѣтственно измѣненіямъ цензурныхъ условій.—Изъ того, что оно послѣ крымской войны стало шире прежняго, нимало не слѣдуетъ, что за три, за четыре года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ.

«Имѣла ли большое влияніе на образъ мыслей перемѣна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная крымской войной? (по выраженію «Віогр. свѣдѣній», «горизонтъ» его «раздвинулся» отчасти подъ влияніемъ этой перемѣны). Припомнимъ, въ чемъ состояла перемѣна. Было создано массою обще-

ства, что надобно отмѣнить крѣпостное право, улучшить судопроизводство и провинціальную администрацію, дать нѣкоторый просторъ печатному слову. Только. Что новаго для Некрасова могло быть въ этихъ мысляхъ, новыхъ для массы образованнаго общества?—Задолго до крымской войны онѣ были ясными и твердыми мыслями—только ли того литературнаго передового круга, въ которомъ жилъ Некрасовъ съ 1846, если не съ 1845 года?—Нѣтъ, не этому только кругу онѣ были ужъ привычны въ 1846 году и раньше того; около 1845 онѣ были уже вполне усвоены большинствомъ той части образованнаго общества, мнѣнія которой равно или поздно пріобрѣтаютъ владычество надъ мыслями другой, болѣе многочисленной части его; вполне усвоены большинствомъ тѣхъ людей, которые сами чувствовали разницу таланта между Пушкинымъ и Бенедиктовымъ, Шекспиромъ и Коцебу и т. д.,—которые чувствовали эту разницу сами, и съ голоса которыхъ научились говорить о ней менѣ развитые образованные люди.—Переменная, произведенная крымской войною въ настроеніи русскаго общества, нимало не была переменною въ мысляхъ той части русской публики, которая до крымской войны любила Жоржа Занда и Диккенса; она состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества,—та, которая любила Александра Дюма,—примкнула къ болѣе развитой части по вопросамъ о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій, издавна составлявшихъ предметъ ихъ затаенныхъ желаній: поддерживаемые новыми своими многочисленными союзниками, они доставили нѣкоторый просторъ печати,—и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ дѣятелямъ печатнаго слова, получилъ возможность расширить содержаніе своей дѣятельности; вотъ этимъ онъ дѣйствительно обязанъ «тому сильному движенію, которое началось въ обществѣ»,—обязанъ точно также, какъ и всѣ талантливые ли, не особенно ли даровитые, поэты, беллетристы, драматурги, его сверстники или старшіе его, имѣвшіе прогрессивный образъ мыслей: всѣмъ имъ можно стало писать кое о чемъ изъ того, о чемъ желали, не могли они писать прежде.

«Итакъ, переменна въ настроеніи большинства многочисленнѣйшей части образованнаго общества не «раздвинула умственный и нравственный горизонтъ» Некрасова, потому что онъ гораздо раньше этой перемены имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этою частью общества желаніями, не очень широкими, или, вѣрнѣе сказать, очень узкими; но все-таки, это «сильное движеніе», начавшееся въ обществѣ, имѣло большое вліяніе на его поэтическую дѣятельность: нимало не «раздвигая его умственный и нравственный горизонтъ», оно раздвинуло внѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры; это вліяніе перемены въ настроеніи общества дѣйствительно обнаружилось въ содержаніи поэтическихъ произведеній Некрасова»...

Переходя къ вопросу о томъ, имѣли-ли какос-нибудь вліяніе на поэзію Некрасова тѣ «новые люди, которые окружили его», авторъ замѣтокъ отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно. Можно было бы думать, что отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостью (такъ какъ самъ авторъ замѣтокъ принадлежалъ къ этимъ «новымъ людямъ»); но таково было дѣйствительно мнѣніе автора: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей «по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія

было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленные, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей». Нѣкоторые частныя взгляды были даже совсѣмъ различны... Добролюбовъ былъ самымъ молодымъ изъ новыхъ друзей Некрасова: еще меньше было возможности заимствованія.

«Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширение «умственного и нравственного горизонта», а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ».

Перехожу къ слѣдующимъ строкамъ характеристики «второго періода» дѣятельности Некрасова.

«Въ чемъ же состояло расширение «умственного и нравственного горизонта поэта?»—Въ томъ, поясняютъ «Біографическія свѣдѣнія», что «прежніе идеалы» его «оттѣснялись» «новыми». Какъ Бѣлинскій не любилъ, чтобъ ему напоминали о его статьяхъ въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ «неохотно потомъ вспоминалъ» о грѣхахъ своей молодости въ родѣ «Трехъ странъ свѣта», — говорится въ «Біограф. свѣдѣніяхъ». Дѣйствительно ли онъ «неохотно вспоминалъ» о «Трехъ странахъ свѣта»?—Это замѣчаніе произошло, вѣроятно, изъ недоразумѣнія. Некрасовъ былъ не охотникъ говорить о своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, ему случилось устранить вопросъ о «Трехъ странахъ свѣта» выраженіемъ недостатка охоты говорить объ этомъ романѣ; чловѣку, не знавшему, что онъ не любитъ разсуждать ни о какихъ своихъ произведеніяхъ, должно было показаться, что онъ не любитъ говорить объ этомъ романѣ».

«Главною причиною его неохоты говорить о своихъ произведеніяхъ была скромность. Онъ былъ очень скромный чловѣкъ. Другая—второстепенная—причина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Чловѣкъ съ сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости».

«Три страны свѣта» и другія прежнія слабыя произведенія Некрасова («грѣхи его молодости», по выраженію «Біограф. свѣдѣній») вовсе не находятся въ такомъ отношеніи къ послѣдующимъ его произведеніямъ, какъ статьи Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ къ позднѣйшимъ статьямъ. Бѣлинскій выражалъ въ тѣхъ прежнихъ статьяхъ мысли, которыя послѣ стали казаться ему ошибочны, дурны, ненавистны. Въ «Трехъ странахъ свѣта» нѣтъ ничего такого, что казалось бы впослѣдствіи Некрасову дурнымъ съ нравственной или общественной точки зрѣнія. И, сколько мнѣ помнится, тамъ и не было ничего такого. Въ анализѣ этого романа, даваемомъ «Біограф. свѣдѣніями», проводится мысль о противоположности успѣшной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастической. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о «гнусности буржуазіи» и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хотъ и внушаемыя «любовью къ народу», вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ со-

словія, интересы котораго, хоть и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тождественны съ интересами народа.

«Биографическія свѣдѣнія» продолжаютъ: прежде (до 1856 года) у Некрасова былъ только «горячій, но крайне неопредѣленный протестъ противъ рабства и угнетенія» — если протестъ былъ неопредѣленнымъ, по недостатку-ль опредѣленности въ мысляхъ Некрасова или по цензурной невозможности писать опредѣленно? — припомнимъ тогдашнія цензурныя условія, и не будетъ ровно никакой надобности пускаться въ предположеніе о расширеніи умственного и нравственного горизонта Некрасова для объясненія тому обстоятельству, что какъ только нѣсколько пораздвинулись цензурныя рамки, онъ сталъ писать то, что не дозволялось писать прежде, и сталъ «пѣвцомъ народнаго горя», пѣвцомъ котораго былъ онъ и прежде, насколько то было возможно.

«Онъ и прежде писалъ произведенія одинаковыя по мысли съ тѣми, за которыя «Биографическія свѣдѣнія» называютъ его «пѣвцомъ народнаго горя». Приведу заглавія нѣкоторыхъ изъ пьесъ этого содержанія, написанныхъ раньше (до начала и движенія въ обществѣ и сближенія со мною):

1846. Тройка.

1848. Вино.

1850. Проводы. (Вторая пьеса въ ряду соединенныхъ общимъ заглавіемъ: «На улицѣ»).

1853. Въ деревнѣ.

1853. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго.

«Пьесы «Въ деревнѣ» и «Отрывки изъ записокъ Гаранскаго» написаны Некрасовымъ тоже не только до начала «сильнаго движенія въ обществѣ», но и до сближенія съ новыми людьми, которое началось лишь въ 1854 году.

«Въ началѣ выписки изъ разсказа доктора Бѣлоголоваго о болѣзни Некрасова находится (стр. LXXVIII) выраженіе: «При всей скрытности своего характера и необыкновенномъ умѣннѣ владѣть собою» (Некрасовъ не могъ не выражать, что проявленія симпатіи общества къ нему трогаютъ его). — Очень большое умѣнье владѣть собою дѣйствительно было у Некрасова. Но «скрытенъ» онъ не былъ. Онъ только не былъ охотникъ говорить о себѣ, отчасти по скромности (это главное), отчасти потому, что зналъ изъ собственнаго опыта, какъ скучно и утомительно и смѣшно слушать охотниковъ много толковать о себѣ; онъ не хотѣлъ быть скучнымъ и смѣшнымъ. Но — когда видѣлъ, что человѣкъ желаетъ слушать, то говорилъ съ полною откровенностью, лишь бы человѣкъ, желающій слушать, казался ему заслуживающимъ его откровенности».

(«Примѣчанія къ стихотвореніямъ Некрасова»).

«По поводу «отрывковъ изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго» «Примѣчанія» говорятъ (стран. XXXV, XXXVI): «Несмотря на примѣчаніе автора», (цитирующаго заглавіе французской книги графа Гаранскаго), «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это — оригинальная пьеса, а не переводъ». Еще бы сомнѣваться въ этомъ! Но для полнаго убѣжденія охотниковъ до подобныхъ выраженій,

«едва ли можно» и т. д., когда и толковать тутъ было-бъ не о чемъ, если бы не было употреблено кѣмъ-нибудь такое выраженіе, скажу, что переводъ заглавія книги Гаранскаго на французскій языкъ Некрасовъ поручилъ сдѣлать мнѣ; у него оно было написано по-русски; я сдѣлалъ, а Тургеневъ поправилъ».

Примѣчаніе къ пьесѣ: «Тяжелый крестъ достался ей на долю». (Стран. XLVI).

«Содержаніе, повидимому, имѣеть ближайшее отношеніе къ поэмѣ «Мать». — Ровно никакого; дѣло идетъ о совершенно иной женщинѣ, о той, любовь къ которой была темою столькихъ лирическихъ пьесъ Некрасова.

«Вообще, по поводу «Примѣчаній» должно пожалѣть о претензій составителя ихъ поправлять стихи Некрасова, кажущіеся ему неправильными. Напрасно онъ испортилъ текстъ своими поправками; обыкновенный поводъ къ поправкамъ по-даетъ ему «неправильность размѣра»; а на самомъ дѣлѣ, размѣръ стиха, поправляемаго имъ, правиленъ. Дѣло въ томъ, что Некрасовъ иногда вставляетъ двусложную стопу въ стихъ пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это дѣлается такъ, какъ дѣлаетъ Некрасовъ, то не составляетъ неправильности.

«Приведу одинъ примѣръ. Въ «Пѣснь Странника» (въ «Коробейникахъ») Некрасовъ написалъ:

Ужъ я въ третью: мужикъ! Что ты бабу бьешь?

Въ «Посмертномъ изданіи» стихъ поправленъ:

...Что ты бабу-то бьешь?

«Некрасовъ не по недосмотру, а преднамѣренно сдѣлалъ послѣднюю стопу стиха двусложною; это даетъ особенную силу выраженію. — Поправка портитъ стихъ.

«Такъ и въ другихъ случаяхъ.

«Авторъ «Примѣчаній» дѣлаетъ двѣ-три замѣтки о невѣрности выраженій (напримѣръ, о томъ, что нельзя сказать «женщина входила на Аѳонскія высоты», потому что женщинамъ воспрещенъ входъ въ Аѳонскіе монастыри). Въ этихъ двухъ-трехъ случаяхъ онъ, быть можетъ, правъ; но слѣдовало ограничиться замѣткой о неправильности выраженія, а не поправлять стихъ. — Впрочемъ, что касается «Аѳонскихъ высотъ», то надобно было бы справиться, нѣтъ ли на перешейкѣ Аѳонскаго мыса за стѣною, отдѣляющею монастыри отъ сѣверной части полуострова, какихъ-нибудь монастырей, церквей или вообще мѣстъ поклоненія, доступныхъ женщинамъ.

(Замѣтка къ «Своду статей о Некрасовѣ»).

«На стран. CLXXV' говорится, что помѣщенное въ «Современникѣ» за 1856 годъ, въ томѣ LXX, на страницахъ 1—12 (по нумераціи библиографическаго отдѣла) «краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній» (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ — «статья самого Некрасова»; нѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною.

«Это дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на «Современникъ», и на судьбу «Стихотвореній» Некрасова» (навлекли на нихъ цензурное гоненіе)... Цѣлые четыре года цензура оставалась лишеною возможности дозволить второе изданіе его «Стихотвореній»; оставалась бы лишена и дольше, если бы по счастію не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи

цензурѣ этого дозволенія графъ Адлербергъ (графъ А. В. А., о которомъ говорится на стр. LXXII «Биограф. свѣдѣній»).

«Прибавлю къ прежнимъ замѣткамъ еще двѣ.

«1) Для всѣхъ очевидно, что въ пьесѣ «На Волгѣ (Дѣтство Валежникова)» есть личные воспоминанія Некрасова о его дѣтствѣ. — Однажды, рассказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ, ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ, прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать. Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пьесу «На Волгѣ», я увидѣлъ, что рассказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ съ совершенною точностью, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха; онѣ нимало не измѣняютъ смысла рѣчи, и даже часто съ грамматической и лексикальной стороны не многочисленны и не важны. Въмѣсто—

«а кабы умереть къ утру, такъ было-бъ еще лучше»,—

въ пьесѣ сказано:

«А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще»;

только такими пятью, шестью перемѣнами и отличается передача разговора въ пьесѣ отъ воспоминанія объ этомъ разговорѣ, рассказаннаго Некрасовымъ мнѣ. Когда я читалъ пьесу въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною.

«2) () пьесѣ: «Размышленія у параднаго подѣзда» могу сказать, что картина:

«Созерцаю, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное» и т. д.

—живое воспоминаніе о томъ, какъ дряхлый русскій грѣлся въ коляскѣ на солнцѣ, «подъ плѣнительнымъ небомъ» южной Италіи (не Сициліи).

«Вторая замѣтка; въ концѣ пьесы есть стихъ,—напечатанный Некрасовымъ въ такомъ видѣ:

«Иль судьбѣ повинуюсь закону»,

этотъ печатный стихъ—лишь замѣна другому»...

ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБѢЛЬСКОЙ.

ИЗДАНИЕ В КРАТКОМ ИЗЪЯЗНЕНИИ

ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБЪЛЬСКОЙ ¹⁾.

Достаточно прочесть три, четыре первые страницы разсказа, чтобы видѣть: онъ написанъ тѣмъ пожилымъ чело-вѣкомъ, о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ его.

Авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ потому, что это представляетъ удобство для сохраненія отчетливой раз-ницы между нимъ и болѣе или меньше фантастическими по-жилыми людьми, автобиографическіе разсказы которыхъ встав-лены въ рамку его основнаго разсказа о своихъ разговорахъ и маленькихъ приключеніяхъ.

В. Поляжскій.

Знакомство съ другомъ принцессы Корлеоне.

Съ 6 часовъ утра часовъ до 6 вечера въ первый четвергъ декабря нынѣшней зимы Павелъ Сергѣичъ Вязовскій, чело-вѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, давнишній житель двухъ изъ трехъ комнатъ старенькаго крошечнаго деревяннаго домика въ одномъ изъ глухихъ угловъ Петербурга, проводилъ время по обыкновенію: сидѣлъ за рабочимъ столомъ и писалъ, уставъ писать ложился на диванъ и отды-халъ читая, потомъ опять садился писать, и урывками между этихъ занятій услы-шалъ утромъ голосъ старушки, хозяйки домика: «самоваръ принесла, Павелъ Сер-гѣичъ», сказала ей «благодарю, Анна Даниловна», выпилъ два стакана чаю съ молокомъ, съѣлъ съ чаемъ ломоть бѣлаго хлѣба; опять услышалъ голосъ хо-зяйки: «принесла завтракъ, Павелъ Сергѣичъ», опять поблагодарилъ ее, выпилъ стаканъ молока съ чернымъ хлѣбомъ, составлявшій его завтракъ, опять услышалъ голосъ хозяйки: «принесла обѣдъ, Павелъ Сергѣичъ», опять поблагодарилъ ее, съѣлъ тарелку грешневой кашицы, составлявшую его ежедневный обѣдъ; опять услышалъ—это было, навѣрное часовъ въ 6, по аккуратно соблюдаемому старуш-

¹⁾ Эта повѣсть предназначалась къ помѣщенію въ 1889 г. въ «Русской Мысли», но не была пропущена цензурою. *Примѣчаніе издателя.*

кой порядку, — голосъ ея: «принесла самоваръ, Павелъ Сергѣичъ», опять сказалъ «благодарю васъ, Анна Даниловна», — но тутъ произошло отступленіе отъ ежедневнаго порядка: вставъ положить чаю въ чайникъ, и налить кипяткомъ, Павелъ Сергѣичъ увидѣлъ, что старушка не ушла, стоитъ, сложа руки и смотритъ на одинъ изъ локтей его пальто. Онъ вздохнулъ, подумавъ: «опять за то же», — и не ошибся: старушка сказала:

— Батюшка, Павелъ Сергѣичъ, отдайте-же мнѣ пальто-то.

Вотъ ужъ мѣсяца три, чуть не каждую недѣлю это пристаиванье! А въ послѣднее время, кажется, иной разъ и чаще, чѣмъ каждую недѣлю. Именно по этому-то и угадалъ Павелъ Сергѣичъ такъ вѣрно намѣреніе, съ которымъ осталась въ комнатѣ Анна Даниловна, подавъ самоваръ.

— Отдамъ, Анна Даниловна, когда доносится.

— Да вѣдь еще весной на локтяхъ второй разъ положила заплаты, Павелъ Сергѣичъ. Вы думаете «не пронесилсъ»; сами-то заплаты не пронесились, это правда, точно, да кругомъ-то ихъ распозлосъ. И на полы-то вы посмотрите: вѣдь всё въ лохмотьяхъ.

— Ну, это вы ужъ напрасно, Анна Даниловна, отвѣчалъ Павелъ Сергѣичъ, посмотрѣвъ на полы: — обтерлись, правда, но чтобъ опѣ были въ лохмотьяхъ, этого еще нельзя сказать.

— Право, отдайте, Павелъ Сергѣичъ, распоролъ бѣ я его, сшила бы лоскуты въ родѣ подстилки, положила бѣ у двери, обтирать ноги — и прекрасно бы было.

— Отдамъ, Анна Даниловна, вотъ погодите, отдамъ.

— Отдать то отдадите, Павелъ Сергѣичъ; да когда это будетъ?

— Отдамъ, Анна Даниловна, отдамъ. Нельзя будетъ носить, отдамъ.

Анна Даниловна покачала головой и пошла изъ комнаты, но сдѣлавъ шагъ, остановилась:

— Вотъ что еще хотѣла я сказать вамъ, Павелъ Сергѣичъ: совсѣмъ необыкновенное дѣло. Почти что сейчасъ вотъ былъ у меня... Ну, да ужъ общалась не говорить, такъ не скажу, — и одерживая побѣду надъ собою, старушка рѣшительно пошла изъ комнаты. Надобно было доставить ей удовольствіе, попросить рассказать необыкновенное дѣло. Она нерѣдко употребляла такую тактику, чтобъ очистить свою совѣсть: не сама она отняла время у Павла Сергѣича своими новостями, а по его же просьбѣ.

— Кто былъ у васъ, Анна Даниловна: племянникъ или мужъ племянницы?

— Нѣтъ ужъ, Павелъ Сергѣичъ, общала, что не скажу, то не скажу.

И старушка ушла.

Павелъ Сергѣичъ положилъ чай въ чайникъ, налилъ кипяткомъ, прилежъ читать, потому что немножко усталъ писавши, выпилъ два стакана чая съ молокомъ, съѣлъ съ чаемъ ломоть бѣлаго хлѣба, и сѣлъ писать. Усталъ писать, легъ отдохнуть читая; и только что опять сѣлъ за рабочій столъ, услышалъ голосъ Анны Даниловны.

— Батюшка, Павелъ Сергѣичъ!

Павелъ Сергѣичъ не подсадовалъ, что хозяйка помѣшала его работѣ: онъ зналъ, что безъ надобности она не побеспокоила бѣ его.

— Вотъ что батюшка, Павелъ Сергѣичъ: часа два тому будетъ, передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ я подала вамъ самоваръ, заѣзжалъ къ намъ солидный

такой мужчина, — лѣтъ, какъ бы вамъ сказать, тридцати пяти, — видный изъ себя и хорошо одѣтъ и лицо хорошее, и въ обхожденіи такой тихій, пріятный, и спрашивалъ у меня, дома ли вы будете нынѣшній вечеръ попозднѣе, часовъ такъ въ восемь. Я сказала: извѣстно, что будете; онъ сказалъ: хорошо; я, говорить, это и зналъ впередъ, заѣзжалъ спросить лишь для вѣрности; ну и попросилъ, чтобъ я объ этомъ вамъ не сказывала; потому, говорить, что не для чего связывать его, мало ли, говорить, что можетъ случиться; можетъ, ему и понадобилось бы plea такъ просто вздумалось бы уйти, а если ему сказать, то будетъ связанъ. — Я говорю: напрасно опасаетесь, милостивый государь, связать его; никогда этого не бываетъ чтобъ онъ вечеромъ ушелъ куда, развѣ разъ въ году, а то всегда дома. — Я это знаю, говорить, но только все-таки прошу васъ, не сказывайте, чтобы на всякій случай не связать его. Что-жь, вижу: правду онъ просить; ну и общалась промолчать. Хотѣла тогда сказать, ну, однако сдержала себя, промолчала, — общалась такъ ужъ нечего дѣлать, промолчала вамъ о немъ. А вотъ онъ теперь здѣсь; остался у меня въ комнатѣ, и шубу не снялъ, просилъ спросить, угодно ли принять.

— Просите, — сказалъ Павелъ Сергѣичъ.

Старушка ушла. Павелъ Сергѣичъ положилъ перо и всталъ въ ожиданіи гостя. Хлопнула наружная дверь. — Итакъ, это былъ слуга, пріѣзжавшій тогда съ вопросомъ отъ господина, и пошедшій доложить господину, пріѣхавшему теперь. Заскрипѣли ворота. Послышалось, что подъѣзжаетъ къ крыльцу экипажъ на колесахъ; на колесахъ при морозѣ, по крѣпкому снѣгу, стало быть, карета. Опять отворилась наружная дверь и на этотъ разъ не хлопнула, затворилась тихо. Старушка торопливо вошла и шопотомъ произнося «Батюшка, Павелъ Сергѣичъ! Господи! Господи!» подала Павлу Сергѣичу двѣ визитныя карточки, положенныя одна на другую.

Павелъ Сергѣичъ прочелъ на верхней

Лидія Васильевна
Старобѣльская.

«Удивительно», — подумалъ Павелъ Сергѣичъ: — «Положимъ, я нуженъ княгинѣ для какой-нибудь справки о чемъ-нибудь изъ исторіи ея предковъ или предковъ ея мужа; но какъ могла она узнать обо мнѣ, и главное, почему она пріѣхала сама, а не прислала за мною?»

Онъ сдвинулъ верхнюю карточку съ другой, и недоумѣніе его исчезло. — Печатныя строки этой карточки были итальянскія; по русски, онѣ будутъ:

Діана де-Валери
принцесса Корлеоне;

подъ ними Павелъ Сергѣичъ прочелъ слова, написанныя женскимъ почеркомъ то же по итальянски. вмѣстѣ съ печатными строками они въ русскомъ переводѣ будутъ:

„Діана де-Валери, принцесса Корлеоне рекомендуетъ расположенію г. Вязовскаго свою родственницу и друга, Лидію Васильевну Старобѣльскую“.

«Господи! Господи!» — шептала хозяйка: — «Барыня! Знатная! Господи, Господи!»

Принцесса Корлеоне была дружна съ дочерью одного изъ пріятелей молодости Павла Сергѣича. Принцесса не могла не слышать отъ нея о немъ. Княгиня, вѣроятно, была за границей, видѣлась съ принцессой, упомянула о надобности въ какой нибудь справкѣ; принцесса сказала, что въ Петербургѣ есть человекъ, который съ удовольствіемъ будетъ рыться въ книгахъ или архивахъ, чтобы сдѣлать пріятное ей. Но княгиня не послала за нимъ, а прѣѣхала съ своей просьбой сама къ нему?— Иначе и не могла поступить женщина, которую принцесса Корлеоне называсть своимъ другомъ.

Эти соображенія были такъ просты, что Павелъ Сергѣичъ ужь кончилъ ихъ, подымая взглядъ отъ второй карточки.

Онъ пошелъ въ комнату, которую старушка называла залой.

Вошла женщина высокаго роста, смуглая, съ прекрасными чертами лица.

— Прошу, княгиня, сюда, — сказалъ онъ низко кланяясь ей и показывая на свой кабинетъ: — все таки тамъ есть кресло.

— Какъ объясняете вы себѣ мое посѣщеніе?—начала она, подавая ему руку и идя въ кабинетъ:— вы думаете, мнѣ сказала о васъ Діана? Нѣтъ.

Княгиня сѣла на пододвинутое ей кресло, рукою приглашая Вязовскаго сѣсть рядомъ, и продолжая:—Нѣтъ, я сама знала ваше имя; у насъ есть общіе знакомые здѣсь, въ Петербургѣ: два изъ немногихъ ученыхъ, знающихъ васъ, бываютъ у одного изъ моихъ родственниковъ. Рекомендаци Діаны была нужна мнѣ только для того, чтобы вы не отказались исполнить мою просьбу. Я полагаю, вы исполните всякую просьбу, передаваемую вамъ отъ имени Діаны?

— Безъ сомнѣнія, княгиня.

— Одѣньтесь же получше. Я прѣѣхала за вами. У меня по четвергамъ вечеромъ собираются знакомые, и собираются рано; съ половины девятаго. Нѣкоторые обѣдали, и я уѣхала отъ нихъ. Это свои люди. Въ нынѣшній четвергъ я жду довольно многихъ еще вовсе незнакомыхъ. Правда, оставшіеся пріймутъ ихъ и безъ меня, но все таки лучше, если ужь буду дома я сама. Итакъ, намъ не должно терять времени. Зачѣмъ прошу я васъ быть у меня на вечерѣ, переговоримъ дорогой. А теперь, одѣвайтесь поскорѣе. Фрака у васъ, вѣроятно, нѣтъ; да и не нужно; но пальто у васъ есть получше?

— Есть, княгиня.

— Прекрасно. Дайте же мнѣ какую нибудь книгу, чтобы подождать васъ безъ скуки. Или у васъ нѣтъ никакихъ, кромѣ скучныхъ?

— Вотъ, княгиня, «Тысяча и одна ночь», если вы давно не перечитывали.

— Съ дѣтства. И плохо помню.—А кстати, вы въ старину любили рассказывать сказки дѣтямъ. А теперь?

— Сталъ бы съ удовольствіемъ, княгиня, только дѣтей я теперь не вижу; то-есть вижу одного ребенка; но ему только еще два года. Нельзя же сказывать ему.

— Ему, дѣйствительно, нельзя. Но моимъ дѣтямъ вы будете рассказывать? У меня сыну восемь лѣтъ, дочери семь.

— Расскажу, княгиня.

— Превосходно. Итакъ, я ухожу и жду васъ.

Черезъ минуту онъ вышелъ къ ней въ комнату передъ кабинетомъ.

— Благодарю, что такъ скоро нарядились. Но я возьму вашу книгу съ

собой. Это прелесть, какой я не воображала по воспоминаниямъ дѣтства.—Идемъ.— Яковъ Ивановичъ, по прїѣздѣ домой, не пейте чаю, сказала она слугѣ, подававшему ей шубу: Я думаю, что попрошу васъ снова съѣздить сюда, то чтобы не простудиться.—Она пошла изъ домика.—Павель Сергѣевичъ, вы не сердитесь на меня, что я оторвала васъ отъ занятій?

— Помилуйте, княгиня.

Она сѣла въ карету. Влѣзь и Вязовскій.

— Я удивилась, что вы могли принять меня безъ всякой задержки. Я знала, вы всегда въ халатѣ. Какъ же случилось, что вы были въ пальто?

— Точно, княгиня, прежде я всегда былъ въ халатѣ. Но вотъ уже лѣтъ пять у меня вовсе нѣтъ халата. Доносилъ прежній, и рассчиталъ, что выгоднѣе будетъ не тратить деньги на покупку, донашивать дома старыя пальто, въ которыхъ ужъ нельзя выходить; прежде я ихъ продавалъ; но какая же цѣна, когда совсѣмъ протерты локти.

— Такъ вы становитесь все скупѣе? А я думала, ужъ невозможно быть болѣе скупымъ, чѣмъ вы были десять лѣтъ тому назадъ. Вы видите однако, что мои свѣдѣнія о васъ останавливаются на годахъ уже довольно давнихъ. Тѣ люди, отъ которыхъ я слышала ваше имя въ Петербургѣ, не знаютъ о васъ ничего, кромѣ того, что вы бываете въ библіотекахъ, которыми они завѣдуютъ. Меня интересуютъ ваши матеріальныя средства. Скажите, сколько нынѣ составляетъ ваша половина дохода съ сада? Я знаю, по отдѣльнымъ годамъ это очень неодинаково, но среднимъ числомъ по сложности четырехъ лѣтъ, какъ считали, вы прежде,—сколько теперь? Гораздо больше прежняго? Яблоки чернаго дерева оцѣнены теперь въ Петербургѣ по достоинству. Нынѣшней осенью я заплатила за тысячу ихъ 200 рублей; правда, это были отборныя.

— Какъ вамъ сказать, княгиня... мой доходъ, собственно говоря, составляетъ около 315 рублей; но это на золото, стало быть по нашему счету выходитъ много больше; по курсу нынѣшней биржи, напримѣръ, около... позвольте, такъ ли... такъ: около 489 рублей.

— «На золото», «по нынѣшнему курсу»—доходъ сада въ Увѣкѣ—получается по счету на золото! И составляетъ при очень высокомъ курсѣ золота меньше 500 рублей, а десять лѣтъ тому назадъ составлялъ больше 700 рублей—что это значитъ? Садъ въ низовьѣ Волги арендуетъ заграничная фирма?—Не можетъ быть! И доходъ уменьшился?—Не можетъ быть! Вашъ доходъ не отъ сада.

— Ваша правда, княгиня.

— А доходъ отъ сада?

— Какъ вамъ сказать, княгиня... Это точно, мой доходъ теперь не отъ сада.

— Это вы ужъ сказали; но что стало съ вашимъ доходомъ отъ сада?

— Какъ вамъ сказать, княгиня...

— Вы отдали и вашу половину двоюродному брату?

— Какъ вамъ сказать, княгиня... Впрочемъ, что же... Большое семейство; стали подростать дочери; помилуйте, двѣ были ужъ невѣсты.

— Когда это было?

— Восемь лѣтъ тому назадъ, княгиня.

— Съ того времени вы получаете по 300—и сколько?—рублей золотомъ?

— Разумѣтся, княгиня; надобно было прежде устроить это дѣло; а то какъ же бы я остался безъ ничего? Помилуйте, княгиня; какія деньги могу я зарабатывать, съ этой глупостью въ головѣ? Такая глупость, что даже стыдно.

— Что вы называете въ этомъ случаѣ вашей глупостью? Вашу работу, вѣроятно?

— Разумѣтся ее, княгиня; а то что же?

— То есть, кромѣ этого, во всемъ остальномъ вы поступаете благо-разумно?

— Ну, вотъ, княгиня! Будто я самъ не понимаю! Только все другія мои глупости пустяки передъ этой.

— Возвратимся къ тому изъ этихъ пустяковъ, о которомъ говорили. Откуда жъ вы получаете доходъ? И за что?

— Послалъ, княгиня, въ Британскій Музей каталогъ библіотеки дѣда и отца; были рѣдкія изданія; тоже автографы; напримѣръ...

— Приблизительно, знаю.

— Ну, велѣли англійскому посольству отправить все это туда; я просилъ назначить мнѣ пенсію по оцѣнкѣ, какая будетъ; ну и назначили 50 фунтовъ въ годъ.

— Какъ же это, вы—вы!—продали библіотеку!

— Что жъ, княгиня, за важность? Я думаю, когда посылалъ каталогъ, я вычеркнулъ тѣ книги, какія нужны мнѣ; продалъ только ненужныя, а надобныя для работы остались у меня.

— А ваша работа — все та же, безъ сомнѣнія, о которой вы десять лѣтъ тому назадъ говорили, что трудитесь надъ ней ужъ девятнадцать лѣтъ? — Когда она будетъ кончена?

— Она доведена до конца два года тому назадъ, княгиня; теперь я перечитываю, пополняю. Года черезъ четыре кончу пересмотръ.

— И тогда поѣдете въ Парижъ печатать?

— Нѣтъ, княгиня, думаю поѣхать черезъ полтора года. Надобно пополнить въ Парижѣ, въ Лондонѣ.

— Для этого-то и стали копить деньги?

— Нѣтъ, княгиня, зачѣмъ копить деньги для этого? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ даже дешевле жить, чѣмъ въ Петербургѣ.

— А какъ же вы доѣдете до Парижа? И переѣзды изъ Парижа въ Лондонъ, опять въ Парижъ, опять въ Лондонъ—много разъ придется переѣхать?

— Помилуйте, княгиня, какъ же не много? Такая работа будетъ, то есть, для пополненія справокъ — ну, тоже цитать — что нельзя иначе: нынѣ здѣсь, завтра тамъ.

— И въ Римѣ и въ Вѣнѣ придется побывать не разъ?

— Невозможно безъ того, княгиня.

— На это не достанетъ вашихъ 50 фунтовъ.

— Помилуйте, княгиня, какъ же достать.

— Откуда жъ вы будете брать эти деньги?

— Что жъ, княгиня, —издатель будетъ давать впередъ, развѣ много нужно?

— Я знала, что услышу такой отвѣтъ. Для чего мнѣ надобно было услышать его?

— Вѣроятно для того, княгиня, чтобы сказать: такъ у васъ, г. Вязовскій, нѣтъ ничего въ запасѣ?

— Да. Только я назвала бы васъ не «г. Вязовскій», а «Павель Сергѣичъ».

— Ваша правда, княгиня, въ этомъ я ошибся.

— А для чего я хотѣла услышать отъ васъ самого подтвержденіе тому, что у васъ вовсе нѣтъ денегъ въ запасѣ?

— Вѣроятно для того, княгиня, чтобы спросить: хорошо ли это по моему мнѣнію.

— Да, я хотѣла спросить, не случается ль иногда вамъ чувствовать огорченіе отъ того, что у васъ нѣтъ денегъ?

— Какъ не случаться: случается, княгиня.

— Я говорила, что свѣдѣнія, какія имѣть о васъ Діана, останавливаются на прощаньѣ вашемъ съ одною дѣвушкою десять лѣтъ тому назадъ.

— Вы не говорили, княгиня, именно этихъ словъ; но было понятно, что временемъ отъѣзда этой дѣвушки кончаются свѣдѣнія принцессы обо мнѣ.

— Діана получила, но ужь послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, одно свѣдѣніе о васъ, относящееся къ болѣе позднему времени; къ недавнему, и даже настоящему. Вы бываете у одной дамы. Ея фамилія — нужна ли для того, чтобы мы понимали другъ друга? Вѣроятно нѣтъ?

— Ваша правда, княгиня; это единственная дама, у которой я бываю.

— Вы любите ее?

— Какъ же не любить, княгиня. Я и васъ люблю.

— Объясненіе въ любви ко мнѣ, Павель Сергѣичъ? Но даромъ Діана хвалила вашу любезность.

— Нѣтъ вы не смѣйтесь, княгиня. Какъ же мнѣ не любить васъ? Развѣ вашъ мужъ не былъ тоже очень хорошій человекъ? И развѣ вы не любили его?

— Любила, Павель Сергѣичъ. Но оставимъ это.

«Умно объяснился въ своихъ чувствахъ», подумалъ Вязовскій:—«Надобно сказать ей что-нибудь. Что жъ бы такое сказать ей?»

Она молчала. Онъ придумывалъ, что жъ бы такое сказать ей.

Карета проѣхала Аничковъ мостъ. Мелькнулъ Казанскій Соборъ. Карета повернула въ Большую Морскую. Надобно было спѣшить придумать, что сказать, потому что ужь недалеко было до дома княгини. Павель Сергѣичъ зналъ, гдѣ ея домъ, потому что это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые знаютъ всѣ въ Петербургѣ. Ужь недалеко, вовсе недалеко было до него. Какъ тутъ быть? Надобно поскорѣе придумать. Нехорошо это будетъ не придумать.

Ничего не придумывалось. А повернувъ въ слѣдующую улицу, карета у перваго же подъѣзда и остановится.

Онъ наклонился, взялъ руку княгини и сталъ цѣловать.

Княгиня зарыдала.

Карета остановилась.

— Что жъ, княгиня, я думаю и дѣти у васъ хорошія.

Вотъ придумалось же, что слѣдовало сказать.

— Я надѣюсь, будутъ хорошія, проговорила княгиня.

Она вышла изъ кареты.—Вышелъ и онъ.

— Я не успѣла сказать, — начала княгиня, прошедши дверь подъѣзда: — я не успѣла сказать вамъ дорогой, о чемъ я хочу просить васъ.

— Это понятно, княгиня. Я полагаю, объ ученой справкѣ, а выходить совсѣмъ другое. Разумѣется понятно. Какъ же не понятно. Тутъ и говорить, княгиня, не о чемъ!

— Итакъ, вы будете сказывать сказки моимъ дѣтямъ? — сказала она шутиливо, дѣлая надъ собою усилие, чтобы придать голосу веселый тонъ.

— Буду, княгиня.

— А если бъ я когда нибудь попросила васъ пожить у меня? Я попросила бъ отъ имени Діаны.

— Разумѣется, княгиня; какъ же безъ этого? Нельзя безъ этого; только для чего жъ говорить отъ имени принцессы, княгиня?

— Вотъ что! — Однако, надобно посмотрѣть. — Княгиня остановилась передъ зеркаломъ въ передней взглянуть, не видно ли по глазамъ, что она плакала. — Такъ вотъ что! Незачѣмъ просить отъ имени принцессы. Понимаю. Вы любите меня не меньше, чѣмъ Діану?

— Нѣтъ, княгиня; какъ же можно, большая разница.

— Чѣмъ же я хуже Діаны?

— Вотъ видите ли, княгиня. Вы...

Княгиня засмѣялась.

— Пошадите, Павелъ Сергѣичъ.

— Что жъ это я въ самомъ дѣлѣ, княгиня!

— Діана говорила правду: вы неопытный собесѣдникъ, Павелъ Сергѣичъ.

— Да, это бываетъ, княгиня. Но больше я скучный собесѣдникъ.

— Для меня не будете скучнымъ. Я теперь же попрошу васъ остаться пожить у меня, — для формы прибавляя: если вы понравитесь моимъ дѣтямъ; въ чемъ, разумѣется, нѣтъ сомнѣнія не только у меня, даже и у васъ.

— Ваша правда, княгиня.

— Немножко замѣтно, что я плакала. Надобно мнѣ умыть глаза. Пойдемъ въ мои комнаты. Я и познакомлю васъ съ моими дѣтьми. — Она пошла въ боковую дверь.

Прошедши двѣ комнаты, они вошли въ небольшой салонъ. Тамъ сидѣла горничная.

— Гдѣ дѣти, Наташа?

— Играютъ въ нашемъ зимнемъ садикѣ, Лидія Васильевна; съ ними тамъ нѣкоторыя изъ нашихъ молодыхъ дамъ.

— Это далеко вести васъ туда, Павелъ Сергѣичъ. Лучше позовите дѣтей сюда, Наташа. Скажите нашимъ дамамъ, которыя тамъ, что я выйду въ пріемныя комнаты черезъ десять минутъ.

Въ одной изъ длинныхъ стѣнъ зала были двое дверей.

— Налѣво, спальная Володи, а направо, спальная моя и Ниночки. Идите со мною. Я могу разговаривать съ вами и умывая глаза.

Они перешли черезъ комнату сына въ слѣдующую, гдѣ былъ приборъ для умыванья.

— Комнаты для себя выберете вы самъ. Я совѣтовала бы взять тѣ двѣ,

которыя налѣво отъ нашего особаго зимняго садика,—моего и дѣтей. Впрочемъ, какъ самъ вздумаете. Дѣти покажутъ вамъ всю эту сторону дома, нашу семейную.

— Не для чего, княгиня, выбрали вы, то и будетъ хорошо.

— Я думаю. Итакъ, для васъ приготовить комнаты подлѣ садика.—А какъ мы будемъ называть ту даму, которую вы любите больше, чѣмъ меня, почти такъ же, какъ Діану?—Можетъ быть Корнеліей Васильевной?

— Я согласенъ называть ее вашей сестрой, княгиня.

— Она моложе меня пятью годами; и лучше?

— Я думаю, только четырьмя, княгиня. Ей двадцать три года.

— Если такъ, то да; но все таки, много моложе. И лучше?

— Другой типъ, княгиня; у васъ малороссійскій; у нея итальянскій.

— А я могу быть съ нею знакома?

— Не знаю, княгиня. Но сомнѣваюсь.

— Сомнѣвается и Діана. Но быть можетъ, это удастся мнѣ. Я думаю сдѣлать такъ: вы скажете мнѣ, въ какомъ часу удобнѣе будетъ для нея завтра принять меня. — Княгиня отерла глаза и посмотрѣла въ зеркало. — Теперь не замѣтно.—Я поѣду передать ей, что вы поселились у меня.

— Что жъ, княгиня, это хорошо.

— Если она... Но вотъ бѣгутъ дѣти.

Дѣти бросились къ матери.—Мамаша! мамаша!

— Мамаша, а мы спросили — началъ Володя, пріостанавливая свои поцѣлуи.

— У Наташи, подхватила Ниночка.

— Кто пріѣхалъ съ вами.. продолжалъ Володя.

— А Наташа не знала,—продолжала Ниночка.

Такъ это шло и дальше въ два голоса:

— А мы знали — и не сказали ей—Наташа, это Павелъ Сергѣичъ,—который будетъ сказывать намъ сказки.—И вы, Наташа, будете слушать съ нами.—И Павелъ Сергѣичъ будетъ учить насъ всему.

— Всему учитесь вы, Володя и Ниночка, если хотите,—сказала Наташа: а я не хочу не только всему, ничему учиться. И обманула-то васъ я, а не вы меня обманули: я слышала, кто пріѣхалъ съ Лидіей Васильевной, а сказала: не слышала.

— Ахъ, что мы сдѣлали, мамаша!—воскликнула съ отчаяньемъ Ниночка: Мы забыли поздороваться съ Павломъ Сергѣичемъ! Павелъ Сергѣичъ, вы простите, что мы забыли?

— Это отъ радости, Павелъ Сергѣичъ,—пополнилъ Володя.

— А я вамъ скажу вотъ что, молодая лэди и молодой джентльменъ, началъ Павелъ Сергѣичъ:—знаете ли вы трехъ календеровъ?

— Трехъ—какъ?—Трехъ, кого? спросили два голоса.

— А вы, Наташа?

— Не знаю и я.

— Ну, вы не хотите учиться, такъ нечего вамъ и слушать.

— И не буду.

— И дѣйствительно, не будете слышать начала, если Павелъ Сергѣичъ не подождетъ васъ, сказала княгиня. Дѣти, какъ видите, Павелъ Сергѣичъ, рѣшили,

что я должна просить васъ остаться. Наташа, вы скажете вашему дядюшкѣ, чтобъ онъ передалъ старушкѣ хозяйкѣ, что Павелъ Сергѣичъ остается у насъ — и взялъ вещи, какія нужны. — До половины десятаго, я прощаюсь съ вами, молодой джентльменъ и молодая лэди. — Павелъ Сергѣичъ, не надоѣстъ вамъ сидѣть съ ними почти цѣлый часъ?

— Мы увидимъ, княгиня. Не надоѣдимъ другъ другу, то просидимъ и до двѣнадцати, если вы позволите, княгиня.

— Невозможно, Павелъ Сергѣичъ; въ половинѣ десятаго я прійду за вами. Все общество соберется къ тому времени. Въ библиотекѣ группируются охотники до ученыхъ разговоровъ и разсужденій о политикѣ. Я проведу васъ къ нимъ. Съ нѣкоторыми, познакомя; — съ тѣми, знакомство съ которыми будетъ, надѣюсь, пріятно вамъ; это очень ученые люди. Я распоряжаюсь вами, Павелъ Сергѣичъ, совершенно деспотично; но только на этотъ вечеръ, для перваго знакомства.

— Я понимаю, княгиня. Впрочемъ, и послѣ, всегда дѣлайте то же; мнѣ все равно.

— Нѣтъ, этого не будетъ послѣ. А за нынѣшній вечеръ вы оправдаете меня, когда мы переговоримъ по развѣздѣ гостей.

— Это понятно само собой, княгиня. Такъ лучше для перваго знакомства.

— А мы тогда тоже пойдемъ?—Только не къ ученымъ пойдемъ? спрашивали дѣти.

— Пойдете тогда къ нашимъ, и для нынѣшняго вечера оставайтесь тамъ, сколько вамъ угодно, хоть до самаго развѣзда гостей.

— Превосходно, сказалъ съ солиднымъ спокойствіемъ Володя.

— А я впередъ знаю, что усну тамъ, воскликнула Ниночка.

— А покуда, садитесь-ка, молодая лэди и молодой джентльменъ, вотъ сюда подлѣ меня; сказалъ Павелъ Сергѣичъ, усаживаясь на широкій и низенькій диванъ. — Я думаю, вы сами знаете, какъ: маленькимъ надо на такіе диваны садиться съ ногамп. — А вы, Наташа, не слушайте.

И онъ началъ.

— Лѣтъ тысячу тому назадъ самый сильный царь на свѣтѣ былъ халифъ. Халифы царствовали въ Азіи, и столица у нихъ въ то время была Багдадъ...

Наташа сѣла на диванъ подлѣ Ниночки.

— Я не слушать, Павелъ Сергѣичъ, а только мы съ Ниночкой любимъ сидѣть обнявшись.

— Прежде были другія, а тогда Багдадъ. И самый сильный изъ всѣхъ халифовъ былъ Гарунъ Аррашидъ. Ни до него, ни послѣ него такого сильнаго не было. Онъ любилъ...

Княгиня ушла.

— Наташа, запремся, чтобъ никто не помѣшалъ, сказала Ниночка.

— Умно вздумали, Ниночка, сказала Наташа. — Володя, вы видите, мы съ Ниночкой сидимъ обнявшись, намъ встать нельзя, ступайте-ко, закройте дверь вы.

Володя вскочилъ, заперъ дверь и съ восклицаніемъ: — Когда вы меня потревожили, то вотъ же что! — бросился къ Наташѣ, сѣлъ прижавшись къ ней съ другой стороны отъ сестры.

— Это и точно лучше, Володя, сказала Наташа, обнимая его свободной рукой.

— ...Онъ любилъ, одѣвшись въ простое платье, ходить по Багдаду, чтобы своими глазами видѣть, все ли хорошо. Вотъ однажды...

— Господа и госпожи... да они заперлись, — слышался господамъ и господамъ голосъ княгини. Володя побѣжалъ отпереть дверь.

— Это я вздумала, мамаша, сказала Ниночка.

— Умница, душенька. — Я за вами, Павелъ Сергѣичъ. Я проведу васъ прямо въ библиотечку. Послѣ, когда пойдемъ ужинать, познакомитесь съ остальнымъ обществомъ.

Вечеръ первый.

Въ библиотекѣ было человѣкъ двадцать. Двухъ или трехъ изъ нихъ Павелъ Сергѣичъ зналъ въ лицо. Его не зналъ даже и въ лицо ни одинъ. Съ нѣкоторыми княгиня познакомила его, выбрала, гдѣ сѣсть ему. Онъ усѣлся и сталъ слушать разговоры.

Въ той группѣ, въ которой посадила его княгиня, разговоръ шелъ объ ученыхъ предметахъ; въ другихъ объ искусствѣ, литературѣ, политикѣ.

Двое, между которыми посадила княгиня Павла Сергѣича, обращались къ нему съ вопросами, какъ онъ думаетъ о томъ или другомъ предметѣ разговора ихъ съ другими; онъ давалъ отвѣты, основательность которыхъ не могла быть потрясена никакой ученостью, никакой діалектикой: «Конечно, многіе думаютъ одинаково съ вами» или «Да, объ этомъ спорятъ». Когда спрашивавшій не удовлетворялся такими заявленіями его убѣжденій, говорили: — «Но ваше мнѣніе?» — Павелъ Сергѣичъ не затруднялся высказать и свое собственное мнѣніе: «Да, это вопросъ интересный» или «Да, я когда то тоже интересовался этимъ» или «Да, это можетъ казаться любопытнымъ».

Собесѣдники перемѣшались изъ группы въ группу, одинъ за другимъ присоединялись къ группѣ, сидѣвшей около тѣхъ двухъ новыхъ знакомыхъ Павла Сергѣича, между которыми посадила его княгиня и которые не покидали своихъ мѣсть; разговоръ мѣнялся; Павелъ Сергѣичъ давалъ отвѣты все въ прежнемъ вкусѣ, о чемъ бы его ни спрашивали. Наконецъ и перестали спрашивать его. — Всѣ присоединились къ той группѣ, въ которой сидѣлъ съ самаго начала Павелъ Сергѣичъ. Онъ видѣлъ, что тѣ два собесѣдника, между которыми посадила его княгиня, были главные лица общества, бесѣдовавшаго въ библиотекѣ. Теперь, поочередно говорили они; всѣ другіе только вставляли краткія замѣчанія, большею частью вопросы, въ промежутки обмѣна ихъ своими мыслями. Они говорили отчасти возражая одинъ другому, но больше соглашаясь между собою, лишь пополняя мысли другъ друга, о положеніи дѣлъ въ Россіи, о настроеніи русскаго общества, о желаніяхъ просвѣщенныхъ патріотовъ.

Вошла княгиня.

— Господа, дамы и легкомысленные молодые — къ сожалѣнію, и не моло-

дые, но тоже легкомысленные — товарищи ихъ препровожденія времени въ недо-
стойныхъ вниманія вашей серьезности пустыхъ разговорахъ и смѣхѣ, прислали
меня объявить, что даютъ вамъ три минуты на заключеніе мира по вашимъ спо-
рамъ. Они рѣшили сѣсть за столъ въ половинѣ двѣнадцатаго. — Больше ли вы
сходились, или больше расходились съ Мг. Вязовскимъ? — обратилась она къ
тѣмъ двумъ, между которыми посадила его, когда привела въ бібліотеку. — Я ду-
маю, мало въ чемъ могли сойтись съ нимъ вы? — она назвала фамилію одного
изъ этихъ двухъ. — А вы — она назвала фамилію другого — и того меньше? — Я не
хотѣла пугать васъ впередъ; но теперь вы увидѣли, каковъ Мг. Вязовскій: страш-
ный спорщикъ, ужасный, какого другаго не найти? Я боюсь, онъ по цѣлымъ по-
лучасамъ не давалъ слова выговорить вамъ.

Они переглянулись между собой, какъ будто общими силами пріискивая та-
кую форму отвѣта, которая не была неловкою. Павелъ Сергѣичъ соглашался въ
душѣ, что положеніе ихъ затруднительно.

Но княгиня съумѣла вывести ихъ изъ него. — Я вижу, что ошиблась отно-
сительно степени участія Мг. Вязовскаго въ вашей нынѣшней бесѣдѣ. Павелъ
Сергѣичъ не всегда разговорчивъ. И у кого изъ насъ не бываютъ такіа настроенія
души, что тяжело говорить? У кого не бывало также часовъ такой сосредото-
ченности мыслей на одномъ предметѣ, что мы чувствуемъ себя неспособными говорить
ни о чемъ иномъ, интересующемъ другихъ? — Я думаю, что я ввела Павла Сергѣича
въ тяжелое настроеніе мыслей одною изъ моихъ просьбъ, отнимающей у него очень
много времени. Онъ былъ такъ добръ, что согласился остаться у меня. Почти все
время, которое проведетъ онъ въ гостяхъ у меня, будетъ потеряно для его уче-
ныхъ занятій. Это большая жертва, и понятно, что онъ былъ задумчивъ.

— Э, княгиня, помилуйте! — Онъ махнулъ рукой. — Какая жертва! И какая
потеря времени! Нуженъ же человѣку отдыхъ. А вы и вѣрили принцессѣ, что я
работаю съ утра до ночи? Какъ же! Не все ли равно, читаю-ли я для отдыха
вздоръ три, четыре часа въ день, или употребляю ихъ на разговоръ съ дѣтьми?
Задумчивости не отъ чего было быть у меня. А просто я держалъ себя, какъ не-
вѣжда. Не свѣтскій я человѣкъ, и не замѣтилъ, что нарушалъ пріятія моимъ
молчаніемъ, моими уклончивыми отвѣтами.

— Исправьтесь, если увидѣли свою ошибку. — Милая сестрица, — сказала бѣ
я вамъ, но вы не сестрица, а братецъ, потому я скажу: милый братецъ, расска-
жите намъ одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя вы такъ прекрасно рассказываете.

— Извольте, княгиня.

— Послѣ ужина?

— Когда вамъ угодно, княгиня.

— О чемъ же будетъ ваша сказка?

— Не знаю, княгиня.

— Расскажите намъ такую сказку, чтобы всѣ бывшіе здѣсь извинили вамъ
то, что вы держали себя съ ними, по вашему выраженію, какъ невѣжда.

— Извольте, княгиня.

— Вамъ надобно время обдумать. Мы не будемъ принуждать васъ идти съ
нами ужинать. Вамъ принесутъ сюда молока и хлѣба; еще чего?

— Довольно и этого, княгиня. Только обдумывать мнѣ нечего. У меня въ
памяти есть такая сказка.

— Прекрасно. Итакъ вы будете ужинать съ нами. Господа, всё ваши несогласія примирены?—то мы можемъ идти въ столовую.

Княгиня и бывшіе въ библіотекѣ шли анфиладой пріемныхъ комнатъ. Общество салоновъ присоединялось къ нимъ. Княгиня познакомила Вязовскаго съ тремя родственными ей семействамъ, поручила его ихъ заботамъ.

Когда общество вошло въ столовую, оно состояли изъ восьмидесяти или девяноста человѣкъ. Лица тѣхъ трехъ семействъ, которымъ былъ порученъ Павелъ Сергѣичъ, расположилось группами по обѣимъ длиннымъ сторонамъ стола, чтобы вездѣ были помощницы и помощники хозяйки въ исполненіи ея обязанностей. Двѣ старшія дамы этихъ семействъ повели Вязовскаго къ той короткой сторонѣ, которая была нижнимъ концомъ стола; старшая изъ нихъ сѣла по средія ея, прямо противъ хозяйки, и посадила Вязовскаго налѣво отъ себя, а по правую сторону старшей сѣла другая. Старшей изъ этихъ дамъ было лѣтъ сорокъ, другой годами десятью или двѣнадцатью меньше.

— Вы остаетесь у Лиденки, Мг. Вязовскій,—начала разговоръ за столомъ старшая:—нечего и говорить, какъ мы всё рады этому.

— Не знаю, баронесса, буду ли я хорошимъ гувернеромъ Володи; но другомъ ея и Ниночки буду.

Дамы, взявшія подъ свое покровительство Вязовскаго, переглянулись между собой.

— Другомъ Володи и Ниночки вы уже стали, сказала дама, начавшая разговоръ.

— И другомъ Наташи, сказала та, которая была помоложе.

— Ваша правда, графиня, Наташа тоже подружилась со мной.

— Это очень милая дѣвушка, сказала баронесса.—Но какъ вамъ понравился Володя? Кстати, Наденька, гдѣ они, онъ и Ниночка?

— Онъ ушелъ спать, а Ниночка уснула, какъ сидѣла въ будуарѣ Лиденки, отвѣчала графиня.—Итакъ ваше мнѣніе о Володѣ, Мг. Вязовскій?

Разговоръ пошелъ о дѣтяхъ княгини, потомъ графиня разсказывала о своихъ дѣтяхъ.

Ужинъ былъ непродолжителенъ. Онъ едва-ли длился четверть часа.

— Идемъ къ Лиденкѣ,—сказала баронесса вставая.

— Mesdames и messieurs,—сказала княгиня, возвышая голосъ, чтобы было слышно всемъ.—Прошу васъ выслушать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы встанете. Сама я встану: такъ легче говорить громко.—Она встала.—Вы слышали—нѣкоторые отъ меня, другіе отъ нихъ—что Мг. Вязовскій разскажетъ намъ сказку. Я не знаю, до какой степени она будетъ импровизаціей. Отчасти, будетъ, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія; но, вѣроятно, только отчасти. Въ прежніе годы, для отдыха отъ своего ученаго труда Мг. Вязовскій писалъ—вѣроятно и теперь пишетъ—повѣсти. Сколько знаетъ моя родственница, принцесса Корлеоне, ни одна изъ прежнихъ—писанныхъ раньше, чѣмъ за десять лѣтъ—не было dokonчена. Это понятно: служба только отдыхомъ отъ ученой работы, каждая изъ нихъ была отлагаема, когда утомленіе проходило и возобновлялся трудъ. А когда Мг. Вязовскій чувствовалъ потребность новаго отдыха, въ его мысляхъ были ужъ новые предметы раздумья о жизни, новыя формы мечты—если и о тѣхъ же идеалахъ, то въ новой обстановкѣ и, быть можетъ, въ новыхъ сочетаніяхъ элементовъ. Отвѣ-

чая на мою просьбу рассказать намъ сказку, Мг. Вязовскій выразился, что сказка на предложенную мною тему есть у него въ памяти. Потому я полагаю, что онъ воспользуется для разсказа намъ какою-нибудь изъ своихъ повѣстей. Но она оставалась, по всей вѣроятности, не конченной,—быть можетъ, едва начатой; и его разсказъ ненаписанныхъ ея частей будетъ импровизаціей на тему, обдуманную вѣроятно, вполнѣ когда нибудь, давно или недавно. Но едва-ли его прежняя тема была совершенно одинакова съ предложенной мною и принятой имъ для разсказа намъ, потому что моя тема возникла изъ случайности, какъ вы слышали. Собственно такую случайность онъ едва-ли могъ имѣть въ виду. Потому я предполагаю, что и сама тема прежней его обдуманной, но недописанной повѣсти будетъ видоизмѣнена необходимою приспособить ея къ особеннымъ чертамъ той надобности, сущность которой соотвѣтствуетъ основной ея идеѣ.—Прошу васъ перейти вмѣстѣ со мной и Мг. Вязовскимъ въ тотъ залъ, о которомъ многіе изъ васъ спрашивали, почему онъ былъ въ этотъ вечеръ запертъ. Въ немъ шла работа для приготовления удобства Мг. Вязовскому разсказывать, намъ—слушать. Княгиня обратилась къ Вязовскому, стоявшему у угла стола близъ нея.

— Павелъ Сергѣичъ, я пригласила стенографовъ. Надѣюсь это для васъ все равно?

— Помилуйте, княгиня, какъ же не все равно.

— А довольно ли вѣрны мои догадки о томъ, что такое будетъ вашъ разсказъ.

— Очень достаточно вѣрны, княгиня.

— Теперь прошу васъ встать, mesdames и messieurs, и пойдемъ въ Малый Бѣлый залъ.

Въ залъ, который назывался Малымъ Бѣлымъ, стояли полукругами передъ небольшою эстрадою мягкіе диваны, кресла, и между ними, для желающихъ нѣсколько стульевъ; по сторонамъ эстрады были поставлены два стола для стенографовъ; на эстрадѣ стояло кресло и передъ нимъ кабинетный столъ.

Вязовскій подошелъ къ стенографамъ, пожалъ ихъ руки, и разговаривалъ съ ними, пока общество выбирало мѣста. Когда всѣ сѣли, онъ взошелъ на эстраду, низко поклонился обществу, и сказалъ:

— Мой разсказъ будетъ имѣть автобіографическую форму. Въ подобныхъ случаяхъ, публика предполагаетъ, авторы отрицаютъ тожество разсказчика съ лицомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Я предоставляю вамъ самимъ рѣшать, до какой степени «я» разсказчика тожественно съ «я» разсказа. Чтобы вы имѣли достаточно твердыя основы для сужденія объ этомъ, я ознакомлю васъ съ ходомъ моей жизни. Сынъ русскихъ отца и матери, я родился въ Россіи и никогда не бывалъ за границей.

Онъ снова поклонился, сѣлъ на кресло, оперся локтями на столъ, положилъ голову на руки, закрылъ глаза, черезъ нѣсколько секундъ открылъ ихъ, опустилъ руки на столъ, и началъ:

Мое оправданіе.

Отец мой былъ родомъ изъ Неаполя, мать уроженка Тессинскаго кантона; мы жили въ одномъ изъ большихъ селеній на сѣверномъ берегу По, въ прежней венеціанской области неподалеку отъ границы съ прежней миланской. Первые впечатлѣнія моего дѣтства соединены съ прелестными дугами нашей равнины.

Одинъ изъ родственниковъ моей матери жилъ въ Лондонѣ; онъ занималъ довольно важную должность въ конторѣ одной изъ самыхъ сильныхъ банкирскихъ фирмъ Сити. Когда мнѣ было семь лѣтъ, мой отецъ получилъ отъ него приглашеніе поступить на службу въ эту контору. Мы были люди небогатые, отказаться отъ его предложенія было бы безразсудствомъ. Мы переселились въ Лондонъ. Черезъ полгода моя мать скончалась отъ тифа, который получила, ухаживая за мной, заразившимся въ школѣ. Это самое тяжелое воспоминаніе моей жизни. Отецъ довольно долго оставался печаленъ. Но черезъ два года по ея смерти вступилъ во второй бракъ. Моя мачиха была англичанка. Вмѣстѣ съ ней поселилось у насъ ея семейство, состоявшее изъ матери и двухъ младшихъ сестеръ, милыхъ дѣвушекъ, веселыхъ, ласковыхъ. Разумѣется я полюбилъ ихъ. О томъ какъ любила меня мачиха, я не могу вспоминать, но умилился душой.

Мнѣ было 20 лѣтъ, когда я кончилъ курсъ въ Кембриджѣ. Отецъ взялъ меня въ контору фирмы. Я служилъ съ годъ подъ его начальствомъ. Глава фирмы зналъ меня, и скоро удостоилъ своимъ довѣріемъ, не смотря на молодость моихъ лѣтъ; часто давалъ мнѣ порученія въ первое время, конечно, небольшія, но требовавшія солидности и скромности. Однажды меня позвали въ его кабинетъ.

— Вы слышали о несчастіи, которое случилось съ Жоржемъ Дюбеллѣ?— спросилъ онъ меня, и вида по моему лицу, что я не знаю, продолжалъ:— Экипажъ, лошади котораго взбѣсались, ударилъ несчастнаго юношу острымъ обломкомъ дышла въ грудь; черезъ нѣсколько часовъ онъ перестанетъ дышать, но теперь онъ пользуется полнымъ сознаниемъ. Спѣшите къ нему, успокойте его за судьбу жены. Вы, надѣюсь, знали его сколько-нибудь?

— Мы пріятельски здоровались, когда мнѣ случалось входить въ то отдѣленіе конторы.

— Тѣмъ лучше, что онъ хорошо знаетъ васъ. Онъ служилъ у насъ такъ недолго, что еще не умѣлъ быть особенно полезенъ завѣдующему нашей французской корреспонденціей. Но это все равно; скажите ему, что наша фирма будетъ давать его женѣ ту пенсію, какую найдетъ онъ достаточной для ея обезпеченія; вы опредѣлите цифру по разговору съ нимъ; чтобъ онъ былъ смѣлѣе, начните съ того, что жалованье, которое получалъ онъ, было бы недостаточно для доставленія спокойствія женщинѣ, лишившейся съ нимъ перспективы постепеннаго увеличенія своихъ денежныхъ средствъ; эта перспектива важный элементъ довольства жизнью; ее должно цѣнить дорого; и подымайте цифру пенсій; можете идти до 300 фунтовъ. Лишняго не назначайте, но скупъ не будьте. Вотъ его адресъ. Спѣшите. Васъ ждетъ моя карета. Есть при васъ деньги?— Возьмите на всякій случай.— Онъ подалъ мнѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ и свертокъ совереновъ.

Я побѣжалъ, забывъ даже зайти въ контору за шляпой.

Считаю лишнимъ разсказывать, что я увидѣлъ, вошедши въ маленькую квартиру Жоржа Дюбеллѣ; да я мало что и видѣлъ, кромѣ моего сверстника, которому предстояло умереть черезъ нѣсколько часовъ. Его физическія страданія не были мучительны. Въ груди была глубокая рана отъ остраго конца желѣзной обивки дышла, сломавшагося о каменный столбъ, опрокинутый мчавшимися лошадьми.—Первыя мои слова исцѣлили нравственныя его страданія. Онъ говорилъ о 2,000 франкахъ; я сказалъ, что хорошо и сталъ спрашивать о ея семействѣ, воспитаніи, чтобъ увидѣть, достаточно ли будетъ этого; она молчала; говорилъ одинъ онъ; довольно легко; онъ разсказалъ, что ея отецъ—отставной офицеръ, въ родѣ поручика, что она теперь единственное дитя родителей: были два брата, довольно много старше ея; оба погибли въ Кохинхинѣ отъ миазмовъ тропическихъ болотъ; отецъ и мать ея люди довольно образованные; она очень хорошо образована; въ дѣвушкахъ не испытывала особенной нужды; отецъ получаетъ пенсію, у матери есть домикъ въ Арлѣ и маленькій виноградникъ въ трехъ километрахъ отъ города; все вмѣстѣ это составляетъ тысячи полторы франковъ дохода; ихъ домикъ не даетъ дохода, они живутъ въ немъ одни; но надобно считать и цѣну даровой квартиры. По всему этому, 2,000 франковъ пенсіи будетъ достаточно для нея, говорилъ онъ; я сказалъ, что она будетъ получать 3,000 и что я оставляю ей не въ счетъ этой пенсіи на расходы возвращенія къ родителямъ 100 фунтовъ. Я не знаю, дѣйствительно ли 100 фунтовъ отдалъ я ей. Я не могъ бы даже сказать, молодой женщинѣ я отдалъ ихъ или старухѣ, еслибъ не зная, что жена юноши должна быть очень молода.

Тутъ былъ врачъ, тутъ были нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ помогать врачу; мое присутствіе было излишнимъ; я поѣхалъ доложить мистеру Бриггеу объ исполненіи его воли. Выслушавъ меня, онъ сдвинулъ брови и сказалъ голосомъ, суровость котораго заставила зарыдать меня, разстроеннаго отъ впечатлѣній, испытанныхъ мною у постели умирающаго.

— Вы должны были оставаться тамъ до конца, мистеръ Сеттембрини. Если вамъ понадобится спросить у меня какого нибудь распоряженія, вы пришлете кого-нибудь въ моей каретѣ. Самъ вы должны не отлучаться отъ миссисъ Дюбеллѣ, пока она заснетъ.

Я провелъ всю ночь въ комнатѣ умершаго. Миссисъ Дюбеллѣ не хотѣла отходить отъ тѣла мужа. На разсвѣтѣ она задремала. Отправился уснуть и я, сдѣлавъ распоряженія о томъ, чтобы берегли ее.

Я распорядился и похоронами, распорядился потомъ приготовленіями миссисъ Дюбеллѣ къ отъѣзду. Мой пагонъ велѣлъ мнѣ проводить ее до Арля, гдѣ жило ея семейство. Мы выѣхали черезъ четыре дня по смерти ея мужа. Въ Арлѣ я получилъ приказаніе не спѣшить возвращеніемъ, и оставался тамъ два мѣсяца; а когда написалъ, что возвращаюсь, то получилъ приказаніе остановиться въ Парижѣ для исполненія порученія, которое будетъ дано мнѣ тамъ. Въ Парижѣ меня ждало приказаніе записать на имя М-ме Дюбеллѣ во французскомъ банкѣ ту сумму облигаціей Орлеанской дороги, которая даетъ 3,000 франковъ дохода. Ея пенсія была обращена въ капиталъ, переданный въ ея собственность.—«По разницѣ нашихъ лѣтъ должно думать, что М-ме Дюбеллѣ переживетъ меня; потому я долженъ былъ обезпечить ее», писалъ мнѣ въ Парижъ мистеръ Бриггсъ.

Вѣроятно нѣтъ надобности говорить о томъ, какая перемена въ моей душевной

жизни была произведена исполненіемъ порученія моего патрона успокоить умирающаго Жоржа Дюбеллэ.

Мы не переписывались съ М-ше Дюбеллэ. Ея мать, М-ше Вердье, извѣщала меня о ней; и отвѣчала М-ше Вердье записками, состоявшими изъ двухъ, трехъ строкъ.

— Отдохните, Павелъ Сергѣичъ,—сказала княгиня. Въ залѣ направо вы найдете сигары.

— Я не курю, княгиня.

Она и тѣ двѣ дамы, подъ покровительствомъ которыхъ сидѣлъ Вязовскій за ужиномъ, переглянулись. Старшая изъ тѣхъ двухъ дамъ пожала плечами.

— Давно перестали вы курить, Мг. Вязовскій?

— Лѣтъ семь, баронесса.

— А чай съ молокомъ вы пьете?

— Пью, баронесса.

— Я слышала, что молоко нынѣ дорого.

— Очень дорого, баронесса.

— Скажите, Мг. Вязовскій, хороша была она? — сказала графиня.

— Она была изъ Арля, графиня.

— Ей вѣроятно было лѣтъ 16, когда вы познакомились съ ней?

— Съ ней познакомился не я, графиня, а мисторъ, или точнѣе выражаясь, синьоръ Сеттембрини.

— Синьоръ Сеттембрини познакомился съ нею въ Лондонѣ. А вы—въ Москвѣ или здѣсь?

— Я уклоняюсь отъ отвѣта графиня.

— Сколько же лѣтъ было ей при началѣ вашего знакомства?

— Ей было во время смерти мужа почти 18 лѣтъ, графиня.

— Откуда была она родомъ: изъ Малороссіи, съ Волги, изъ центральной Россіи или сѣверной?

— Она была уроженка Арля, графиня.

— Не потому-ли названа она у васъ южною французенкой, что у нея были совершенно черные волоса? Вы опять скажете: «уклоняюсь отъ отвѣта». Не говорите такъ; подобные отвѣты будутъ принимаемы мною за подтвержденіе вопросовъ. Итакъ: какого цвѣта были ея волоса? Я хочу пока знать только это. Совершенно чернаго?

— Совершенно, графиня.

— Дайте жъ ему отдохнуть, Наденька, сказала княгиня.

— Я нисколько не усталъ, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте, сказала баронесса.

Черезъ полгода я вошелъ въ кабинетъ моего патрона и попросилъ у него отпуска на двѣ недѣли.

— Вы надобенъ мнѣ, сказалъ онъ:—Не могу безъ неудобства для себя дать вамъ отпускъ раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ.

Еще мѣсяцъ неизвѣстности, страданія. Дрожащимъ голосомъ я повторилъ просьбу.

— У васъ очень спѣшное дѣло?

— Да.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Арль.

— Въ Арль?—Онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Я покраснѣлъ подъ его взглядомъ. Съ минуту прошло въ молчаніи.

— Вы поѣдете въ Марсель. Вы можете побывать тамъ, когда вздумается, лишь бы до истеченія двухъ недѣль. Тамъ васъ не задержатъ; это будетъ дѣло нѣсколькихъ часовъ. Потомъ я буду присылать другія порученія въ Марсели; такія же. Даю вамъ отпускъ на пять недѣль.

— Я никогда не забуду того, что дѣлаете вы для меня теперь, мистеръ Бриггсъ.

— Если во время вашей поѣздки не будете имѣть надобности телеграфировать мнѣ что-нибудь по вашимъ личнымъ дѣламъ, то немедленно по пріѣздѣ вы заѣдете сюда ко мнѣ, или пошлете мнѣ извѣщеніе о вашемъ пріѣздѣ, если это будутъ не конторскіе часы.

Изъ Парижа я телеграфировалъ М-ше Вердье: «Ѣду. Завтра въ 11 часовъ буду говорить съ нею и съ вами».

Меня встрѣтила только мать. Она была простая женщина, прямодушная и на мой привѣтъ ей, не дожидаясь вопроса о дочери, отвѣчала:

— Элеонора здорова. Я думаю, что она выйдетъ къ намъ. Но я не увѣрена въ томъ. Она очень разстроена.

Я говорилъ ей о любви къ ея дочери, говорилъ, что пріѣхалъ только сказать о своей любви; не прошу назначить срокъ для дозволенія сдѣлать предложеніе; знаю, что дозволеніе не можетъ быть дано скоро; я готовъ тотчасъ уѣхать и не возвращаться безъ приглашенія; обещаюсь не писать ей, какъ прежде не писалъ.

— Я не могла не догадываться, что вы полюбили Элеонору, сказала М-ше Вердье:—такая нѣжная заботливость, какую выказывали вы тогда, была сильнѣе простаго сочувствія несчастью. И ваша внимательность ко мнѣ слишкомъ ясно свидѣтельствовала, что я не чужая вашему сердцу.

Я говорилъ съ М-ше Вердье объ индифферентныхъ вещахъ, рассказывалъ ей новости, слушалъ отъ нея новости. Прошло часа два.

— Я пойду къ ней, сказала М-ше Вердье.

Я сидѣлъ одинъ долго. Вошла мать.

— Элеонора не можетъ видѣть васъ нынѣ. Я упрасивала ее. Она слушала молча. Она разстроена сильнѣе, нежели была, когда ушла въ свою комнату, услышавъ ваши шаги. На ней лица нѣтъ. Она сказала только, что завтра, быть можетъ, выйдетъ къ вамъ. Обѣдайте завтра у насъ. Вы знаете, я хорошая кухарка. Вы помните, мы обѣдаемъ въ четыре часа.

Она обняла меня и поцѣловала.

— Элеонора не выйдетъ къ обѣду, сказала мнѣ на другой день ея мать:— Но она поговоритъ съ вами послѣ наединѣ; Боже мой! Боже мой! Я не могу понять ее; я опасуюсь за ея разсудокъ.

Вскорѣ послѣ обѣда мать ушла, уводя съ собой мужа. Черезъ нѣсколько минутъ вошла М-ме Дюбеллѣ; она была блѣдна, будто только что вставшая послѣ продолжительной болѣзни.

— Я люблва Жоржа, больше ничего не могу сказать вамъ. Забудьте меня. Дайте руку на прощанье.—Она взяла мою не подымавшуюся руку.—Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для меня и еще больше за ваше чувство ко мнѣ.

Я хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Не надо, не надо—она опустила мою руку, упавшую безсильно.—Прощайте.

Она ушла, я остался дожидаться ея матери. Мать вошла черезъ минуту, молча обняла меня и заплакала.

Я сказалъ ей, что уѣзжаю. Она сказала, что не теряетъ надежды. Мы крѣпко обнялись и я ушелъ.

Самъ не замѣчая, куда иду, я остановился и очнулся только по голосу носильщиковъ, которые въ-четверомъ несли на плечахъ что-то большое и тяжелое: «Остерегитесь». Я увидѣлъ, что подходилъ къ дебаркадеру Марсельской дороги. Мнѣ надобно было возвратиться въ гостиницу за портфелемъ и вещами. Но я еще успѣлъ пріѣхать на дебаркадеръ къ поѣзду. На другой день въ 11 часовъ утра мои порученія въ Марсели были уже исполнены. Я поѣхалъ въ Барселону, телеграфировалъ, ждаль ли мнѣ тамъ порученія, до котораго еще оставалась недѣля слишкомъ, получилъ отвѣтъ, что могу возвратиться, и поѣхалъ въ Лондонъ.

Я пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера. Помня приказанія моего патрона, я отправился со станціи прямо въ контору: она была, разумѣется, пуста; я отдалъ сторожу записку о моемъ пріѣздѣ, попросилъ отослать ее къ мистеру Бриггеу, и поѣхалъ домой.

— Надѣлали вы мнѣ хлопотъ, мистеръ Сеттембрини, сказалъ дежурный клеркъ нашей конторы, входя ко мнѣ черезъ три часа. Зачѣмъ вы ушли, не повидавшись со мной? Развѣ трудно было перейти изъ первой комнаты во вторую? Виновать, впрочемъ, и я: вздремнулъ; вы должно быть пожалѣли разбудить меня; и точно: жаль было бы будить: я не спалъ всю ночь; подводя балансъ, недоставало двухъ пенсовъ и я, начавъ провѣрку вчера въ 5 часовъ вечера, нашелъ ошибку только въ 57 минутъ 9 часа утра. Я былъ такъ утомленъ, что не могъ тогда заснуть, и весь день не могъ. Не понимаю, какъ я сто разъ, двѣсти разъ видѣлъ сложеніе двухъ немногосложныхъ цифръ и не замѣчалъ ошибки. Отъ этого невѣрнаго итога и происходила ошибка въ балансъ. А сложеніе итоговъ, которыхъ было 283, я произвелъ, какъ все всегда, правильно. Вотъ въ этомъ то и состояла бѣда: искалъ ошибки въ многосложномъ, трудномъ, а маленькое пропустилъ безъ вниманія. Судите самъ: возможно ли было предположить, что неправильно произведено сложеніе двухъ цифръ, сумма которыхъ составляетъ 2 фунта 15 шиллинговъ 8 пенсовъ, когда одна изъ двухъ слагаемыхъ цифръ равна 1 фунту?—Я дремалъ, сидя на диванѣ; услышалъ какъ хлопнула дверь, вышелъ спросить, кто это; сторожъ сказалъ мнѣ, что это хлопнули дверью вы, уходя. Я послалъ его догнать васъ. Вы уже были далеко. И зачѣмъ попался вамъ кабъ съ такой хорошей лошадейю.

Слушая его, я вполнѣ понялъ, до какой степени упалъ я духомъ. Правда, я и въ молодости былъ терпѣливъ; но какого же терпѣнія достало бъ у человѣка душевно здороваго слушать все это, когда не только первыя слова вошедшаго показывали, что онъ имѣетъ какое-то спѣшное порученіе ко мнѣ, но и самое появленіе его у меня въ этотъ часъ ужъ свидѣтельствовало о чрезвычайной спѣшности сообщенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать. Пять разъ я хотѣлъ прервать его многословіе вопросомъ: «По какому же дѣлу вы приславъ ко мнѣ?» Но лѣнь было остановить. Онъ подивился еще тому, какъ пропускалъ ошибку въ маленькомъ простомъ сложеніи, хоть самъ ужъ объяснилъ причину, отъ которой произошло его невниманіе къ ней, и достигъ наконецъ до дѣла, съ котораго слѣдовало бы начать.

— Я послалъ съ вашей запиской курьера къ мистеру Бриггеу; курьеръ возвратился вотъ съ этой запиской. Читайте:

Я прочелъ: «Жду мистера Сеттембрини. Альфредъ Бриггсъ».

Я схватился за шляпу.—Мой посѣтитель продолжалъ:

— Вы понимаете, мистеръ Сеттембрини, что я рѣшился ѣхать самъ съ этой запиской, чтобы торопить васъ, а не могъ же я уйти съ дежурства, не замѣтивъ себя. Къ счастью одинъ мой помощникъ живетъ въ самомъ Сити, въ какой-нибудь четверти мили отъ конторы; пославъ за нимъ, я былъ увѣренъ, что черезъ десять минутъ онъ будетъ въ конторѣ; но онъ былъ у своей тетки; а мое приказаніе курьеру было: не возвращаться безъ него; курьеръ поскакалъ за нимъ къ теткѣ, а тетокъ у него цѣлыхъ три; и та тетка, къ которой поѣхалъ онъ, уѣхала съ нимъ къ другой теткѣ; курьеръ туда за нимъ; къ счастью засталъ его у этой тетки; такимъ образомъ и пріѣхалъ онъ въ контору. Я сталъ сдавать ему бумаги и телеграммы; онъ, какъ человѣкъ неопытный, спрашивалъ объясненій; я давалъ ихъ; но онъ...

Но я ужъ успѣлъ одѣться, потому не слышалъ продолженія, хотя повѣствователь гнался за мной по лѣстницѣ, желая посвятить меня во все подробности дѣла до конца.

О томъ, гдѣ теперь мистеръ Бриггсъ, не имѣлъ надобности ни писать онъ, ни спрашивать я. Онъ все вечера проводилъ въ своемъ семействѣ и если, что бывало не часто, уѣзжалъ, провозжая жену и дѣтей на балъ или въ театръ, объ этомъ была извѣщаема контора.

Онъ жилъ не за городомъ, какъ большинство князей Сити, а въ своемъ домѣ близъ Пиккадилли. Но этотъ домъ въ центрѣ Лондона былъ сельская вила.

Меня ввели въ кабинетъ мистера Бриггеа.

— Вы рано вернулись, мистеръ Сеттембрини.

Я промолчалъ.

— Это потому, что вы рано поѣхали. Не унывайте. Черезъ два года, вѣроятно даже раньше, вы найдете пріемъ, какого заслуживаете. Я не ошибаюсь въ предположеніи о цѣли вашей поѣздки?

— Нѣтъ.

— Я хотѣлъ тогда не давать вамъ отпуска, прежде чѣмъ пройдетъ надобность моя въ васъ. Это длилось бы, вѣроятно, нѣсколько больше мѣсяца. Въ мѣсяцъ вы, можетъ быть, дошли бы до мысли, что вамъ еще рано ѣхать.

— Не дошелъ бы.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не въ чемъ винить себя. Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что я догадался дать вамъ порученіе въ Марсель; по крайней мѣрѣ вы избавлены отъ насмѣшекъ и, что обиднѣе насмѣшекъ, отъ сожалѣній. Надѣюсь, вы будете хранить абсолютное молчаніе о томъ, зачѣмъ вы ѣздили въ Арль. Думаете ли вы, что завтра въ конторѣ будете бодрымъ, снокойнымъ, какъ всегда? Если нѣтъ, скажитесь больнымъ и сидите въ своей комнатѣ, пока окрѣпнете духомъ. Не мѣшаетъ принимать лекарства. Не удивляйтесь, что я выказываю заинтересованность вами. Я самъ испыталъ въ молодости, что такое значить полюбить всей душой. Прощайте, я иду къ семейству.—Онъ подаль мнѣ руку.—Не унывайте, черезъ два года, вѣроятно и раньше, вы найдете себѣ въ Арлѣ хорошей пріемъ.

Я и мачиха, мы очень любили другъ друга; ея дѣти мнѣ были милы, какъ были бы братья и сестры, рожденные моей матерью; но я уже не былъ единственнымъ сыномъ моего отца и съ поступленія въ контору уже не имѣлъ нужды въ матеріальной поддержкѣ отъ него; нравственныхъ заботъ ему я не дѣлалъ: онъ видѣлъ, что я скромный, благоразумный молодой человекъ. не поддамся никакимъ дурнымъ увлеченіямъ, да и не имѣю склонности къ нимъ. А мои братья и сестры требовали постоянной внимательности отца къ тому, чтобъ они росли здоровыми, учились хорошо. Понятно, что мое положеніе въ семействѣ стало черезъ два, три года по моемъ поступленіи въ контору походить на отношенія младшаго брата къ старшему и его женѣ, молодого дяди къ племянникамъ и племянницамъ. На третьемъ году моей службы глава нашей фирмы поручилъ мнѣ завѣдываніе дѣлами совершенно посторонними кругу дѣятельности моего отца. Мнѣ часто приходилось ѣздить въ Ливерпуль, раза два я жилъ по нѣскольку недѣль въ Глазго. Наконецъ глава фирмы послалъ меня въ Филадельфію и я оставался тамъ болѣе пяти мѣсяцевъ.

А между тѣмъ сестры и братья мои подростали; правда, сестры моей мачихи вышли замужъ, но все таки у насъ становилось тѣсно при мнѣ. А мачиха и отецъ привыкли къ тому коттеджу въ Кэмберуэллѣ, который занимали съ самой свадьбы своей.—Когда я, проживъ долго въ Америкѣ и видя, что проживу тамъ еще довольно долго, написалъ отцу, что по возвращеніи поселюсь отдѣльно, онъ согласился; мачиха спорила съ нимъ, писала мнѣ, но должна была уступить основательности нашихъ доводовъ; удерживать меня въ коттеджѣ значило бы стѣснять моихъ младшихъ сестеръ и братьевъ.—Это было на третій годъ послѣ моей несчастной поѣздки въ Арль. Такимъ образомъ я отдѣлился отъ семейства и оно привыкало къ тому, что моя жизнь идетъ особо отъ него.

Мать М-ше Дюбеллѣ постоянно переписывалась со мною. Сначала ободряла меня, потомъ стала говорить, что ея дочь, въ первое время послѣ отказа мнѣ молчавшая при ея заступничествахъ за меня, просить ее не упоминать при ней обо мнѣ. Мать иногда преднамѣренно, чаще по забывчивости, нарушала это желаніе дочери; при первомъ ея словѣ обо мнѣ, дочь уходила. Мать привыкла не произносить при ней моего имени. Долго оно не слышалось въ разговорахъ

матери. Посторонніе иногда вспоминали о томъ, какъ я привезъ овдовѣвшую М-ме Дюбеллѣ, прожилъ два мѣсяца въ Арль, стараясь устроить для нея жизнь по возможности хорошую; разумѣется къ похвалѣ моей заботливости о ней прибавляли и другія похвалы мнѣ. Она довольно долго переносила эти упоминанія—не частыя и не длинныя—терпѣливо. Но вотъ—на третьемъ году вдовства, черезъ два года послѣ отказа мнѣ, она при одной изъ такихъ похвалъ рѣзко сказала говорившей гостьѣ:—«Вы ошибаетесь, это человѣкъ съ грубыми чувствами, эгоистъ». Гостья замолчала, взглянувъ на нее съ удивленіемъ, съ выраженіемъ порицанія на лицѣ. При новомъ такомъ же случаѣ, она съ усмѣшкой сказала: «Онъ былъ бы хорошъ, если бы не былъ человѣкъ низкой души», и стала ѣдко осмѣивать мою наружность (которая не была особенно некрасива въ молодости), мои манеры (скромныя, но не неловкія и ни мало не смѣшныя), мой французскій языкъ (очень чистый ужъ и тогда), мои понятія (честныя, но не наивныя, чуждыя экзальтаціи, потому не представлявшія никакого справедливаго повода для насмѣшекъ). Казалось, не будетъ конца этому потоку несправедливыхъ сарказмовъ. Гостья напрасно старалась остановить его. Имъ было тяжело. Одна изъ нихъ пожаловалась на головную боль и встала. Другія были рады воспользоваться случаемъ тоже проститься. Это повторялось. Весь Арль говорилъ, что у М-ме Дюбеллѣ испортился характеръ. Всѣ осуждали ее. Нѣкоторыя гостьи (старинныя пріятельницы М-ме Вердье; это были въ тѣ годы единственныя гостьи М-ме Вердье и ея дочери) перестали посѣщать М-ме Вердье, не желая видѣть ея дочь. Мать писала, что вѣроятно это подѣйствовало на дочь: она стала молчать обо мнѣ, какъ прежде.— Я давно утратилъ надежду. Но все таки мнѣ было новой горечью читать, что она смѣется надо мною. Чѣмъ я заслужилъ насмѣшки? Еще больнѣе, чѣмъ огорчительность ея неприязни ко мнѣ, была мнѣ мысль, что она стала злою. Но скоро она возвратила себѣ любовь подругъ матери. Онѣ увидѣли, что ея вспышки противъ меня были только симптомами нервнаго разстройства. Она оправилась отъ страданій, мучившихъ ее, и снова стала кроткой. Именно въ этомъ и состояла одна изъ привлекательнѣйшихъ особенностей ея характера: съ чрезвычайной силой волнъ въ ней соединялась кротость, никогда, кромѣ этого времени нервнаго разстройства, не измѣнявшая ей.

Вскорѣ послѣ того, какъ огорчался, я былъ обрадованъ. Всѣ эти почти четыре года со времени смерти мужа М-ме Дюбеллѣ была печальна. Теперь ея мать написала мнѣ, что она какъ будто возрождается душой. До той поры она чуждалась общества, рѣдко выходила даже къ гостямъ матери; съ своими прежними подругами вовсе не видѣлась: сказала имъ тогда, по пріѣздѣ, что ей тяжелы ихъ разговоры, и послѣ того не принимала ихъ. Теперь она стала нѣсколько измѣнять свой отшельничекій образъ жизни. Черезъ мѣсяць послѣ того какъ прекратила свои жестокія нападенія на меня, М-ме Дюбеллѣ въ первый разъ согласилась отправиться съ матерью и отцомъ на прогулку за городъ. Это была уединенная прогулка въ рощу при виллѣ Au Grand Bois, стоявшей тогда пустою. Ограда рощи была заперта. Отецъ выпросилъ у завѣдывающаго виллою особое разрѣшеніе входа въ рощу. Они пробыли тамъ очень долго, съ своего обѣда до ночи. Дочь ушла отъ отца и матери, гуляла и сидѣла одна. Но они были рады и тому. Она полюбила эту рощу, ѣздила туда каждый

день, и не брала съ собой отца и мать. «Одной мнѣ лучше тамъ». говорила она. Безъ сомнѣнія она грустила тамъ; но возвращаясь домой, была менѣе грустна, чѣмъ прежде. Такъ прошло недѣли двѣ. Она перестала ѣздить въ рошу. «Мнѣ нѣтъ надобности облегчать свою грусть», сказала она на замѣчаніе матери, что ей наскучило ѣздить въ рошу. — «Вы видите, что я и безъ того теперь не грустна».

У меня была мысль, не должно ли считать злыя нападенія М-те Дюбеллѣ на меня проявленіями ея раздраженія противъ самой себя за то, что не можетъ подавить въ своемъ сердцѣ влеченіе ко мнѣ. Но время шло, и не было новыхъ вспышекъ неприязни ко мнѣ; если тѣ порывы несправедливыхъ нападеній на меня были симптомами ея досады на себя за влеченіе ко мнѣ, то значить затихла эта досада, т. е. исчезла и причина досады, влеченіе ко мнѣ заглохло, замѣнилось равнодушіемъ.

М-те Вердье стала писать мнѣ, что начинаетъ быть довольна дочерью: Элеонора охотно принимаетъ прежнихъ подругъ; впрочемъ, онѣ должны держать себя съ нею осторожно: когда поддаются своей молодой веселости, она уходитъ. Черезъ нѣсколько времени и этотъ остатокъ прежняго настроенія души М-те Дюбеллѣ исчезъ: мать ея писала, что она слушаетъ веселую болтовню подругъ, которой прежде не допускала. Ея здоровье, угнетенное продолжительной печалью, быстро улучшается, писала мать, блѣдность ужь замѣнилась свѣжимъ цвѣтомъ лица; на щекахъ появились нѣжные—еще слишкомъ нѣжные, едва замѣтные—признаки возвращенія румянца.

Когда упоминали при М-те Дебюллѣ обо мнѣ, она говорила, что похвалы мнѣ справедливы.

Однажды М-те Вердье сказала:

— Я напишу Mr. Сеттембрини, что ты расположена къ нему.

— Напишите, тамап, что я очень благодарна ему за расположеніе ко мнѣ; сказать ему это теперь будетъ, я надѣюсь, безопасно для него. Я увѣрена, онъ давно стыдится оскорбительной для меня мысли, что я измѣню памяти Жоржа. За что жь продолжала бѣ я досадовать на человѣка, который такъ заботился обо мнѣ? Да, я теперь могу сказать, что всегда была расположена къ нему. Если бѣ онъ жилъ въ Марсели, мнѣ было бы приятно повидаться съ нимъ иногда.

— Я напишу ему, онъ ирѣдетъ.

— О тамап, тамап, вы неисправимы.

— Я напишу ему.

— Какъ хотите. Но ѣхать сюда изъ Лондона не то, что изъ Марсели, не дружеское посѣщеніе, ровно ничего не значащее, а возобновленіе предложенія мнѣ. Я не думаю, чтобъ онъ былъ такъ непроницателенъ, какъ вы, моя добрая тамап.

— Ты запрещаешь ему навѣстить насъ?

— Я? Запрещаю? Ни мало. Какая мнѣ надобность до того, куда онъ поѣдетъ, или не поѣдетъ? Это его дѣло, а не мое.

— Я напишу ему, чтобъ онъ ирѣхалъ.

— Пishите, пожалуй, но помните, что это будетъ ваше приглашеніе.

М-те Вердье написала мнѣ, что я могу ирѣхать.

«Какъ она простодушна, въ самомъ дѣлѣ», подумалъ я, и написалъ ей, что охотно прїѣду, когда буду имѣть досугъ.

— Видите, маман, Мг. Сеттембрини сталъ благоразуменъ, сказала М-ше Дюбеллѣ, когда мать прочла ей мое письмо:—Онъ найдетъ досугъ прїѣхать къ намъ, когда выдастъ замужъ младшую изъ дочерей, которыхъ будетъ имѣть со временемъ. Это будутъ красивыя дѣвушки, если будутъ похожи на его мать, чорты которой наслѣдовалъ онъ, потому надѣюсь, у нихъ не будетъ недостатка въ женихахъ. Онѣ выйдутъ замужъ скоро; тогда мнѣ будетъ прїятно видѣть его въ Арлѣ.

— А если бъ онъ прїѣхалъ теперь!

— То увидѣлъ бы, что не во всемъ хорошо слѣдовать вашему совѣту, моя добрая маман; мнѣ было бъ очень жаль, но—наши отношенія, которыя, благодаря знанію, что никогда не увидимся, стали, такъ хороши, испортились бы. И серьезно говоря, маман, я не могу простить ему ту обиду, что онъ воображалъ, будто я измѣню памяти Жоржа.

— Ты полагаешь, Элеонора, что никогда не выйдешь замужъ—я не говорю за Мг. Сеттембрини, но вообще?

— Выйду, или не выйду я не знаю, потому что нѣтъ человѣка, который могъ бы сказать о себѣ: «я никогда не унижу себя въ собственномъ мнѣніи». Но то я знаю, что если выйду замужъ, то не за Мг. Сеттембрини.—Маман, будемъ откровенны. Правда, что я одна изъ первыхъ красавицъ Арля?

— Такъ говорятъ, Элеонора.

— Правда, что когда я была дѣвушкой, многіе прїѣзжали изъ Марсели любоваться на меня?

— Ты сама видѣла ихъ, о чемъ же спрашивать?

— Думаете вы, что если бъ я захотѣла бывать въ Марсельскомъ обществѣ, то нашлись бы для меня женихи изъ молодыхъ людей высшаго круга?

— Меня могло бъ обманывать материнское чувство; но и все здѣшнее общество говорить такъ.

— Маман, если бъ я измѣнила памяти Жоржа, я была бы женщиной низкой души; а такія женщины ищутъ богатства и знатности. Вы понимаете теперь, что если бъ я вышла замужъ, то не за Мг. Сеттембрини.

М-ше Вердьѣ поняла, что дѣйствительно такъ.

Не скажу, что я нисколько не огорчился, читая это письмо М-ше Вердьѣ. Но собственно говоря, что жъ новаго для меня было въ томъ, что М-ше Дюбеллѣ никогда не будетъ моею женой? Потому огорченіе было слабое и мимолетное.

Послѣ этого рѣшительнаго объясненія съ дочерью, М-ше Вердьѣ перестала говорить ей обо мнѣ.

М-ше Дюбеллѣ быстро оправлялась. Румянецъ ея становился яркимъ, сохраняя свою нѣжность.

Легко было предугадывать, что М-ше Дюбеллѣ скоро порестанетъ жить затворницей, что веселье и счастье подругъ станетъ оживлять ее, что онѣ завлекутъ ее бывать въ обществѣ, что окруженная въ немъ поклонниками, она полюбитъ котораго нибудь изъ нихъ. Я радовался.

Разумѣется мои оживленія оправдывались. М-ше Дюбеллѣ стала часто бывать въ семейныхъ кругахъ подругъ. И довольно скоро М-ше Вердьѣ написала мнѣ,

что подружки вынудили у Элеоноры обѣщаніе участвовать въ поѣздкѣ довольно многочисленнаго общества въ паркѣ Виллы Au Grand Bois, что эта прогулка назначена въ воскресенье, что отъ нея должно ожидать очень хорошаго дѣйствія на оживленіе души Элеоноры. Мать ея обѣщалась написать мнѣ о результатахъ прогулки послѣ завтра. Понятно, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого письма.

Мнѣ приходилось ждать почти недѣлю: письмо М-ше Вердьё было написано во вторникъ, получено мною въ четвергъ. То, которое пошлетъ она въ понедѣльникъ будетъ получено мною въ среду. Съ пятницы я уже началъ раздумывать; удержусь ли я отъ намѣренія телеграфировать М-ше Вердьё въ субботу, чтобъ она немедленно по возвращеніи съ прогулки, поздно вечеромъ въ воскресенье, или хотя бы даже ночью, сообщила мнѣ телеграммой, какое впечатлѣніе произвело на нее то, что было на прогулкѣ. Я самъ понималъ, что сдѣлаю этимъ себя смѣшнымъ въ глазахъ М-ше Дюбеллѣ и, что еще важнѣе, могу испортить наши отношенія. Но я думаю, что вѣстакъ и исполнилъ бы свою безразсудную мысль.

Къ счастью мнѣ не понадобилось испытать на дѣлѣ твердость моего рѣшенія остаться терпѣливымъ. Утромъ въ субботу я получилъ отъ М-ше Вердьё письмо сообщавшее мнѣ факты совершенно неожиданные не только мною или простодушной М-ше Вердьё, жившей въ маленькомъ кругу своихъ знакомыхъ, мало знавшей новости, но и никѣмъ въ Арлѣ, никѣмъ въ самой Марсели.

Дѣло произошло въ Марсели, но отозвалось и въ Арлѣ такимъ шумомъ, что пріятельницы М-ше Вердьё трепетали за своихъ сыновей.

Въ среду, въ 2 часа дня, префектъ департамента Устій Роны, Мг. Бильо, поѣхалъ къ вождю коалиціонной оппозиціи департамента, Гастону де Форкалькье, одному изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ Прованса, жившему теперь въ своемъ марсельскомъ домѣ: Черезъ полчаса префектъ вышелъ и помчался въ домъ префектуры съ такой безумной быстротой, что лошади едва не раздавили нѣсколькихъ человекъ. Въ 4 часа свѣтское общество Марсели узнало, что дочь префекта, М-ше Леонія Бильо, которую поутру видѣлъ здоровой, веселой, внезапно занемогла. Въ половинѣ 5-го свѣтскому обществу Марсели стало извѣстно, что единственный сынъ и наслѣдникъ Гастона де Форкалькье, Ремонъ де Форкалькье, уѣхалъ изъ Марсели неизвѣстно куда или хотя бы по какому направленію: къ сѣверу ли по желѣзной дорогѣ, или на югъ, востокъ, западъ, моремъ. Къ вечеру говорила объ этихъ фактахъ вся Марсель, а вскорѣ послѣ начала вечера, говорилъ и Арль. Комментаріи были почти излишни. Само собою было ясно, что префектъ ѣздилъ къ Гастону де Форкалькье требовать женитьбы его сына на М-ше Леоніи Бильо и получилъ рѣшительный отказъ, что Леонія Бильо страстно любила Ремона де Форкалькье и что онъ если не прежде, то теперь отвѣчалъ на ея любовь пренебреженіемъ. Если бы люди хотѣли ограничиваться тѣми выводами изъ фактовъ, которые и достовѣрны и достаточны для разрѣшенія серьезныхъ вопросовъ о дѣлѣ, то не было бы въ Марсели и въ Арлѣ споровъ о томъ, какъ понимать дѣло, изумившее всѣхъ; но большинство людей непремѣнно хотѣло въ подобныхъ случаяхъ знать, была или не была любовницей молодого человѣка покинутая имъ дѣвушка. По этому вопросу общество распалось и въ Арлѣ, какъ въ Марсели, на двѣ партіи,— общество честныхъ людей, а не бонапартистовъ—замѣчала М-ше Вердьё: если

бы перегрызались между собой бонапартисты, это было бы приятно видѣть, но бонапартисты говорили все въ одинъ голосъ, что это дѣло—интрига враговъ порядка, выдумывающихъ клеветы на Мг. Бильо; Ремонъ де Форкалькье похищенъ своими политическими друзьями и они держатъ его гдѣ-нибудь подъ стражей, чтобъ онъ не опровергъ гнусную выдумку, ставящую его имя въ связь съ именемъ М-Ше Бильо. Онъ и она почти не были знакомы; часто ли встрѣчались они въ обществѣ? Въ обществѣ его отца не принять ея отецъ, въ обществѣ ея отца никогда не бывалъ онъ. Ремонъ де Форкалькье сказалъ бы правду. Онъ, какъ и его отецъ, врагъ правительства, но честный человѣкъ. Префектъ ѣздилъ предостеречь его отца отъ нѣкоторыхъ замысловъ противъ правительства, доказать, что они извѣстны правительству и будутъ наказаны, если не будутъ покинуты. Правительство желаетъ отвлечь честныхъ людей отъ злонамѣренныхъ, орудіями которыхъ служатъ они; оно желало бѣ имѣть честныхъ людей своими союзниками, а не врагами. Болѣзнь М-Ше Бильо—случайная; это простуда.—Бонапартисты, ссора между которыми была бы радостью для честныхъ людей, остались шайкой разбойниковъ, дѣйствующей единодушно по командѣ. Но честные люди перессорились между собой: и легитимисты, и орлеанисты, и республиканцы. Одни говорили, что Леонія Бильо благородная дѣвушка, вовсе не похожая и характеромъ, какъ чертами лица, на гнуснаго человѣка, замучившаго ея мать, отъ которой наслѣдовала она и русые волосы, и голубые глаза, восприняла честныя убѣжденія, возвышенныя правила; что поэтому виноватъ Ремонъ де Форкалькье. Другіе признавая благородство души М-Ше Леоніи Бильо, говорили, что Ремонъ де Форкалькье человѣкъ безусловно честный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ; онъ не могъ быть обольстителемъ и Леонія Бильо не была его любовницей; а можетъ ли молодой человѣкъ быть подвергаемъ порицанію только за то, что не отвѣчалъ любовью на любовь дѣвушки? Казалось бы, что это рѣшеніе вопроса должно было правиться защитникамъ и защитницамъ Леоніи Бильо; но нѣтъ, лишь меньшинство ихъ принимало его; огромное большинство увлекалось своимъ желаніемъ сочувствовать несчастію благородной дѣвушки до такой горячности, что непременно хотѣло считать ее любовницей человѣка, нежеланіе котораго, жениться на ней будетъ по всей вѣроятности причиной ея смерти. Защитники Ремона де Форкалькье горячились не хуже этого: въ своемъ усердіи оправдывать молодаго человѣка, дѣйствительно симпатичнаго и до той поры пользовавшагося безукоризненной репутаціей, они дѣлали жертвой обольщенія вмѣсто покинутой любовницы бѣжавшаго отъ нея любовника: Ремонъ де Форкалькье наслѣдникъ 600.000 франковъ дохода; отецъ Леоніи Бильо заманилъ богатаго вельможу; Леонія сама не понимала къ чему ведетъ ее отецъ; и кто скажетъ, что онъ сдѣлалъ ее любовницей Ремона де Форкалькье только въ надеждѣ, что благородный молодой человѣкъ не откажется загладить свой проступокъ бракомъ? Продавшій родину посовѣтится ли завлечь богача въ любовную связь съ дочерью, чтобы взять выкупъ? Негодяи могъ разсчитывать, что отецъ Ремона де Форкалькье дастъ милліонъ за то, чтобы отецъ дѣвушки молчалъ о дѣлѣ, бросающемъ дурную тѣнь на любовника ея обольтившаго ль или обольщеннаго, но вступившаго въ связь съ дѣвушкой безъ намѣренія жениться на ней.

Молодые люди и въ Арлѣ, какъ въ Марсели, перессорились между собой въ горячности споровъ обольстили или обольщенъ Ремонъ де Форкалькье; матери ихъ трепетали, въ ожиданіи дуэлей.

Но на другой день къ вечеру захохоталъ надъ собою Арль, какъ двумя часами раньше захохоталъ надъ собою Марсель. Оказалось, что ровно ничего романическаго не было ни въ одномъ изъ трехъ фактовъ, на которыхъ молва построила трагедію. Бонапартисты лгали, это само собою разумѣется; но ихъ выдумки были все таки менѣе далеки отъ истины, чѣмъ вымыселъ молвы. На другой же день послѣ того, какъ увлеклись имъ, честные люди въ Марсели сообразили, что дѣло объясняется очень просто. За три мѣсяца передъ тѣмъ умеръ одинъ изъ депутатовъ Марсели. Теперь были назначены выборы новаго депутата. Префектъ ѣздилъ къ вождю оппозиціи предложить тайную поддержку правительства противъ официальнаго кандидата кандидату оппозиціи, кто бы ни былъ онъ, легитимистъ, орлеанистъ или республиканецъ, лишь бы не былъ онъ Тьеръ. Гастонъ де Форкалькье отвѣчалъ отказомъ, и Ремонъ де Форкалькье, помощникъ отца въ политическихъ дѣлахъ, поѣхалъ, какъ уполномоченный оппозиціи предложить кандидатуру Тьеру. Тайно уѣхалъ онъ потому, что оппозиціонный комитетъ получилъ увѣдомленіе о приказаніи задержать его подъ какимъ нибудь предлогомъ. И никакіе пріѣзды ль, отъѣзды ли его не могли имѣть никакого вліянія на здоровье Леони Бильо: онъ и она дѣйствительно почти вовсе не были знакомы. Леонія Бильо въ 12 часу скушала три порціи мороженаго; винить ее за это въ неосторожности было бы несправедливо, потому что дамы и дѣвушки, бывшія тогда съ ней на приморскомъ концѣ Promenade de Prado подъ верандой павильона Флоры скушали по четыре порціи мороженаго и больше, и остались здоровы; день дѣйствительно былъ знойный. Но съ моря налетѣлъ холодный шквалъ, и Леонія Бильо простудилась, потому что въ это время еще не прохладилась отъ зноя, подъ которымъ ѣхали она и ея подруги; если бъ она съѣла шесть порцій мороженаго, какъ многія изъ нихъ, то, вѣроятно осталась бы здорова подобно имъ.

Молодые люди Арля, перессорившіеся между собой изъ-за вопроса, обольстили ли Ремонъ де Форкалькье Леонию Бильо, или былъ завлеченъ въ связь съ нею отцомъ ея, стыдились смотрѣть другъ на друга. Поѣздка всѣмъ обществомъ въ воскресенье была невозможна. Матери и сестры молодыхъ людей отложили ее до слѣдующаго воскресенья: къ тому времени этотъ вздоръ забудется.

Въ слѣдующую пятницу я получилъ новое письмо отъ М-ше Вердье. Поѣздка всѣмъ обществомъ въ паркъ виллы Au Grand Bois улажена. Невозможно сомнѣваться, что она будетъ очень весела для молодежи: смѣшная ссора подновила дружбу. Одинъ изъ распорядителей поѣздки—Ремонъ де Форкалькье; онъ возвратился въ понедѣльникъ съ отказомъ Тьера принять кандидатуру. Всѣ въ Арлѣ дивятся тому, что онъ захотѣлъ быть участникомъ этой поѣздки: онъ человѣкъ вовсе не того круга. По политическимъ дѣламъ онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ мужчинъ этого общества, но съ женами, сестрами или дочерьми онъ не знакомился, если не называть знакомствомъ то, что онъ раскланивался, встрѣчаясь на улицахъ; въ домахъ у нихъ онъ никогда не бывалъ, ни у одного изъ этихъ семействъ.

Я опять было волновался желаніем телеграфировать въ субботу М-ше Вердье, чтобъ она увѣдомила меня телеграммой о впечатлѣніи, какое произведетъ на нее то, что будетъ она видѣть во время прогулки. И опять не пришлось моему разсудку удостовѣриться опытомъ, можетъ ли онъ удержать меня отъ этой неосторожности: въ субботу, когда я, возвратившись изъ конторы, сидѣлъ съ книгой въ рукахъ и не читалъ ея, углубившись въ размышленіе: «телеграфировать, или не телеграфировать», мнѣ подали телеграмму отъ М-ше Вердье, обѣщавшую, что въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ мнѣ будетъ прислана новая телеграмма.

Въ 5 часовъ утра понедѣльника меня разбудили, чтобы отдать телеграмму. Она состояла изъ четырехъ словъ: «Я въ восторгѣ. Вердье».

Итакъ, я былъ достаточно подготовленъ ждать очень хорошихъ извѣстій. Но то, что прочелъ я въ письмѣ М-ше Вердье, помѣченномъ «Арль, 5 июля 1858, понедѣльникъ, 3 часа пополудни», превзошло всѣ мои ожиданія.

«Радуйтесь вмѣстѣ со мною, мой другъ»—такъ начинала М-ше Вердье свое письмо!—«Элеонора—невѣста Ремона де Форкалькье. Я пишу это, проводивъ мать жениха, пріѣзжавшую къ намъ съѣзжать отъ имени сына формальное предложеніе. Свадьба назначена черезъ двѣ недѣли, въ воскресенье 18 июля».

Вотъ какъ это произошло.

Ремонъ де Форкалькье, возвратившійся въ Марсель въ понедѣльникъ, пріѣхалъ въ среду въ Арль и вызвался въ собраніи знакомыхъ ему по политическимъ дѣламъ молодыхъ людей быть распорядителемъ поѣздки арльскаго общества въ паркъ виллы Au Grand Bois, назначенной въ воскресенье. Это было вечеромъ. Потому, дѣлать визиты въ тотъ же день онъ не могъ. Въ четвергъ утромъ онъ пріѣхалъ въ Арль дѣлать визиты. Онъ съѣзжалъ ихъ всѣмъ 23 семействамъ, условившимся ѣхать въ воскресенье въ паркъ виллы Au Grand Bois. Понятно, что визиты его не могли длиться болѣе, какъ по нѣскольку минутъ. И у М-ше Вердье онъ пробылъ минутъ пять, не больше. Онъ не говорилъ М-ше Дюбеллѣ ничего, подобнаго комплинтамъ. Онъ лишь выразилъ въ простыхъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ свое уваженіе къ ней за годы, проведенные ею въ печали. Только свое уваженіе къ ней за эти годы печали; онъ даже не прибавилъ выраженія удовольствія, что она возвращается къ жизни въ обществѣ.—Въ пятницу онъ пробылъ въ Арлѣ весь день, условливаясь о подробностяхъ прогулки въ собраніи молодыхъ людей и нѣкоторыхъ отцовъ и матерей семействъ, и отдѣльно съ нѣкоторыми семействами. Онъ посѣтилъ въ этотъ день десять или двѣнадцать семействъ. Теперь его посѣщенія могли быть, и были, довольно продолжительны: четверть часа, полчаса, даже нѣсколько больше. Онъ былъ и у М-ше Вердье, вечеромъ. Пробылъ съ полчаса. Разговоръ его съ М-ше Дюбеллѣ былъ серьезный, безъ всякихъ любезностей, на которыя онъ былъ такъ щедръ въ разговорахъ съ другими молодыми дамами.—То же самое, было въ субботу. Опять онъ провелъ въ Арлѣ весь день, опять побывалъ у десяти или двѣнадцати семействъ,—отчасти у тѣхъ же, какъ вчера, отчасти у другихъ. Опять пробылъ вечеромъ съ-полчаса у М-ше Вердье, и разговоръ его съ ея дочерью былъ по прежнему серьезный безъ всякихъ любезностей.—«Мнѣ стало казаться, что въ этомъ

различш его разговоровъ съ Элеонорою отъ разговоровъ съ другими молодыми женщинами есть что-то очень важное и очень высоко ставящее эту молодую даму надъ другими»—писала М-ме Вердьё:—«Но я умѣла промолчать объ этомъ, когда послѣ его посѣщенія видѣлась съ моими знакомыми. Не сказала даже Элеонорѣ, что я замѣтила это различіе, и какъ я думаю о немъ». Ея дочь держала себя съ нимъ такъ, какъ будто онъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, какой нибудь сельскій хозяинъ, негодантъ, или ученый, заинтересованный исключительно своими дѣловыми занятіями, чуждый всякой мысли о томъ, чтобы нравиться женщинамъ.—Утромъ въ воскресенье онъ посѣтилъ тѣхъ изъ участвовавшихъ въ прогулкѣ семействъ, у которыхъ не былъ въ пятницу и субботу. Посѣтить еще разъ хоть одно изъ семействъ, у которыхъ онъ былъ послѣ своего перваго визита, онъ не имѣлъ времени: ему надобно было въ 2 часа отправиться въ паркъ виллы Au Grand Bois, чтобы наблюдать тамъ за окончаніемъ приготовленій къ приему общества. Потому не былъ онъ въ это утро и у М-ме Вердьё. Она не могла составить себѣ опредѣленныхъ понятій о томъ, чего надѣяться отъ прогулки; но предчувствовала, что будетъ радоваться за дочь; потому послала въ субботу телеграмму, обѣщавшую мнѣ, что она поспѣшитъ передать мнѣ свою ожидаемую радость, порадовать меня.

Въ паркѣ Ремонъ де Форкалькье держалъ себя относительно М-ме Вердьё и ея дочери точно такъ же, какъ въ Арлѣ: не оказывалъ имъ въ своей внимательности никакого предпочтенія передъ другими дамами, подходилъ къ нимъ не чаще, говорилъ съ ними не дольше. Тонъ его разговоровъ съ М-ме Дюбеллѣ былъ тотъ же самый, какъ при его посѣщеніяхъ дома ея матери въ пятницу и субботу: серьезный, почтительный, скорѣе грустный, чѣмъ веселый.

Распорядитель праздника въ паркѣ, Ремонъ де Форкалькье не имѣлъ свободы танцовать. Онъ не могъ ни на минуту быть увѣренъ, что не понадобится ему идти оказать какую нибудь услугу той или другой дамѣ, отдать какое нибудь непредвидѣнное распоряженіе прислугѣ. Но минутъ и даже цѣлыхъ четвертей досуга у него было много. Когда думалъ, что досугъ продлится нѣсколько минутъ, онъ подходилъ къ какой нибудь изъ молодыхъ дамъ не танцовавшихъ въ это время и подавалъ ей руку, прося сдѣлать ему честь пройти съ нимъ по густой аллеѣ, направлявшейся отъ зданія виллы, около котораго группировалось общество, къ лѣсу, имя котораго служило названіемъ виллы. Общество и прислуга знали, что когда его нѣтъ на полянѣ и лужайкахъ, прилегавшихъ къ переднему фасаду зданія виллы, то онъ въ этой аллеѣ, такъ что никогда не было затрудненія тотчасъ же найти его.

М-ме Дюбеллѣ вовсе не хотѣла танцовать, но должна была обѣщать три первыя кадрили мужьямъ своихъ ближайшихъ подругъ. Чтобы не давать обѣщанія на другіе танцы, она еще въ пятницу сказала, что будетъ танцовать только эти три кадрили съ людьми, отказать которымъ не имѣетъ права.

Ужъ близки были сумерки, когда начиналась пятая кадрили на паркетѣ, которымъ покрылъ распорядитель праздника часть поляны передъ зданіемъ виллы. М-ме Дюбеллѣ, сидѣвшая съ матерью подъ однимъ изъ боскетовъ, окаймлявшихъ поляну, встала, какъ дѣлала при четвертой кадрили и при вальсахъ между кадрилями, чтобы подойти поближе смотрѣть на танцующихъ. Ремонъ де Форкалькье шелъ въ томъ же направленіи; увидѣвъ, что идетъ она, попросилъ и

ее, какъ просилъ прежде того десять или пятнадцать другихъ молодыхъ дамъ, сдѣлать ему честь пройти съ нимъ по аллеѣ. Она приняла предложеніе; они пошли въ аллею. Когда танцовали послѣднюю фигуру пятой кадрили, Ремонъ де Форкалькье и М-ме Дюбеллѣ возвратились изъ аллеи на поляну. Такъ дѣлалъ онъ и въ каждую изъ первыхъ четырехъ кадрилией. Все время кадрили было для него сравнительно спокойное. Каждую изъ четырехъ прежнихъ онъ тоже всю отъ начала первой фигуры до середины или конца послѣдней проводилъ въ аллеѣ съ той дамой, которую просилъ оказать ему эту честь. Раза три, четыре во время кадрили ходила къ нему прислуга спросить о чемъ-нибудь, но это были обыкновенныя распоряженія о сигарахъ для мужчинъ, о фруктахъ и тому подобныхъ угощеніяхъ для дамъ; ему не было надобности выходить изъ аллеи для личнаго надзора за ихъ исполненіемъ.

И во время пятой кадрили, которое провелъ онъ въ аллеѣ съ М-ме Дюбеллѣ, ходили къ нему раза три или четыре оффиціанты. Словомъ, отношенія Ремона де Форкалькье къ его дамѣ во время пятой кадрили должны были быть тѣ же самыя, какъ къ дамамъ, съ которыми разговаривалъ онъ въ аллеѣ въ первыя четыре кадрили. Такимъ образомъ никто не придавалъ никакого значенія его разговору въ аллеѣ съ М-ме Дюбеллѣ; не придавала даже и мать ея. Онъ и М-ме Дюбеллѣ возвратились изъ аллеи такими же спокойными, какъ пошли въ нее. Онъ занялся своими хозяйскими обязанностями съ прежней внимательностью; М-ме Дюбеллѣ съ прежней терпливой любезностью слушала болтовню подругъ и ихъ молодыхъ родственниковъ и по прежнему сидѣла, большею частью, подлѣ матери, стараясь развлекать ее, по правдѣ говоря нѣсколько скучавшую, подобно другимъ пожилымъ дамамъ.

Нѣсколько разъ въ продолженіе этой второй половины праздника, когда танцовали уже въ залѣ виллы, Ремонъ де Форкалькье подходилъ къ М-ме Вердье и ея дочери, сидѣвшей подлѣ матери. Степень внимательности его къ нимъ оставалась прежняя, то есть такая же, какъ къ другимъ дамамъ. Тонъ разговоровъ съ ними былъ тоже прежній. Въ два часа ночи пожилыя дамы рѣшительно потребовали возвращенія по домамъ: все равно, онѣ и мужья ихъ уже спятъ, то лучше же спать дома на постеляхъ, чѣмъ здѣсь, сидя на диванахъ или стульяхъ. Молодежь протестовала, но, какъ всегда и во всемъ, была безсильна противъ воли старшихъ.

Общество сѣло въ экипажи, ѣхать по домамъ. Дорогой оказалось, что М-ме Вердье справедливо не присоединялась къ шумному хору другихъ пожилыхъ дамъ, утверждавшихъ, что ихъ неодолимо клонить ко сну: она и не думала дремать, всю дорогу передавала мужу и дочери свои наблюденія и впечатлѣнія. Должно полагать, что въ ея разсказахъ не было ничего особенно интереснаго, потому что мужъ, по пріѣздѣ домой, признался, что всю дорогу дремалъ; но несомнѣнно, что и не были они особенно скучны, потому что дочь слушала ихъ внимательно, часто дѣлала вопросы, поддерживавшіе ходъ разсказовъ, дѣлала свои замѣчанія, всегда кстати: она не дремала, это было ясно.

По пріѣздѣ домой М-ме Вердье, какъ дѣлала всегда передъ своимъ удаленіемъ на сонъ, проводила дочь до ея спальни и обняла ее на прощанье до утра. Но дочь вмѣсто того, чтобъ на ея слова «Спокойной ночи, Элеонора» отвѣчать словами «Спокойной ночи, папа», сказала:

— Матап, Ремонтъ де Форкалькье сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я приняла; вы извините М-ме де Форкалькье, если завтра — то есть уже нынѣ — утромъ не пріѣдетъ она сама просить у васъ моей руки отъ имени сына. Ей нѣсколько нездоровится; она желаетъ быть у васъ сама, но если будетъ чувствовать себя не въ силахъ ѣхать, то пришлетъ вамъ только письмо съ сыномъ. Мг. Гастонъ де Форкалькье уѣхалъ на-дняхъ въ Парижъ и возвратится не ранѣе вторника, а М-ме де Форкалькье и Ремонтъ не хотятъ отлагать дѣло для того только, чтобы выѣхать матери въ случаѣ если она все еще не будетъ выходить изъ комнаты, ѣхалъ переговорить съ вами отъ имени сына отецъ. Дѣйствительно, не все ли равно пріѣхать и сыну, когда вы изъ письма матери будете видѣть, что она и отецъ вполне одобряютъ намѣреніе сына? Согласіе отца получено по телеграфу. М-ме де Форкалькье приложитъ къ своему письму эту телеграмму. Теперь, спокойной ночи, матап.

М-ме Вердье стояла безъ движенія и голоса, окаменѣвшая етъ изумленія. Дочь поцѣловала ее и тихо пошла въ свою комнату. Мать смотрѣла молча; проговорила наконецъ:

— Элеонора, я войду къ тебѣ, спрошу, какъ же это.

Дочь отворила дверь своей комнаты. М-ме Вердье все еще стояла окаменѣвшая.

Дочь взяла ее за руку, ввела въ свою комнату, посадила.

— Вы хотите знать, матап, какъ это было? Неожиданно для меня, но совершенно просто, такъ что послѣ первой минуты удивленія можно найти это замѣчательнымъ только по своей неожиданности, а не потому, чтобъ тутъ было что-нибудь въ самомъ дѣлѣ удивительное. Я видѣла, и вы сами видѣли, что мы очень понравились другъ другу. Что жъ въ этомъ особеннаго? развѣ и онъ и я не такіе, что можемъ нравиться другъ другу?

— Но такъ неожиданно! — машинально повторила М-ме Вердье то слово дочери, которое соотвѣтствовало ея удивленію.

— Правда, матап; но и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Предложенія очень часто бываютъ неожиданностью.

— Когда жъ онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Во время нашего разговора въ аллеѣ, когда была пятая кадрили.

М-ме Вердье сидѣла, не умѣя найти новаго вопроса по растерянности мыслей отъ множества недоумѣній.

— Теперь вы знаете все, матап, я провожу васъ въ вашу комнату.

Она помогла матери встать, повела въ ея комнату. М-ме Вердье двигалась, какъ машина. Дочь посадила ее, наклонилась, поцѣловала и пошла изъ комнаты.

— Элеонора, да какъ же получена телеграмма отъ его отца?

Дочь остановилась.

— Онъ послѣ нашего разговора написалъ телеграмму матери, послалъ на станцію въ Арль, оттуда послали ее въ Марсель; мать отправила телеграмму на Марсельскую станцію; тамъ послали ее въ Парижъ; черезъ часъ получили отвѣтъ изъ Парижа, послали эту телеграмму отца къ матери, мать прислала ее въ Арль; изъ Арля принесли ее къ намъ въ паркъ. Вы видите, матап, все это было очень просто. Спокойной ночи.

Она ушла. Мать только развѣ минутъ черезъ пять замѣтила, что вовсе не для чего было спрашивать о томъ, какъ полученъ отвѣтъ отца. потому что и сама понимала, какъ.

Посидѣвъ еще сколько то времени—вѣроятно довольно долго, какъ она заключила потомъ изъ того, что векорѣ послѣ услышала три удара стѣнныхъ часовъ, М-ше Вердье пошла къ дочери. Но дверь комнаты дочери была по обыкновенію заперта на время сна. М-ше Вердье прислушивалась: быть можетъ дочь еще не спитъ; даже безъ сомнѣнія, не спитъ еще: возможно ли скоро уснуть, получить такое предложеніе? Но нѣтъ, дочь дышала медленно и тихо; ни малѣйшаго шороха не было; дочь спала. («А она не спала, какъ утромъ сказала мнѣ» — поясняла М-ше Вердье: — «она легла, но не могла уснуть, и прекрасно слышала, какъ я подходила къ двери, переминалась, отошла, какъ сѣла на диванъ подлѣ ея двери, какъ ушла изъ той комнаты, которая передъ ея комнатою, — она все слышала, только не хотѣлось ей говорить со мною, а хотѣлось думать. Она всю ночь думала, сказала она мнѣ потомъ»). М-ше Вердье подивилась, какъ могла дочь заснуть, отошла отъ двери, присѣла на диванъ, сидѣла, размышляя, какъ понять это дѣло, и все не понимая ничего; вспомнила наконецъ, что надобно сообщить отцу о неожиданномъ, изумительномъ счастіи дочери, пошла въ комнату мужа, разбудила его; потерялъ и онъ голову отъ удивленія и радости; вспомнила она и обо мнѣ, что обѣщала немедленно послать телеграмму: написала телеграмму, мужъ понесъ на станцію.

Такъ и не могла М-ше Вердье заснуть часовъ до 8; уснула крѣпко, гораздо позднее того, чѣмъ привыкла вставать: послѣдняя мысль ея была, что обѣдъ не поспѣетъ къ 4 часамъ. Во снѣ она видѣла, что печеть пастетъ въ родѣ страбургскаго, величиною во весь паркетъ, на которомъ танцовали въ паркѣ, и дивилась, какъ легко повертывается она такую громаду, будто маленькій бисквитъ и откуда взялась такая большая печь, что влѣзаетъ въ нее такая громада. На этомъ, дѣйствительно удивительномъ, обстоятельствѣ разбудила ее дочь, сказала, что надобно одѣться: черезъ полчаса пріѣдетъ М-ше де Форкалькье.

До того ли ужъ тутъ было, чтобы разспрашивать дочь?—«Давно я считаю себя старухой и съ молодю не была щеголиха», писала М-ше Вердье: — «но не хотѣлось же встрѣчать уродомъ такую знатную даму». Дочь помогала ей наряжаться. Сколько было хлопотъ; особенно съ браслетомъ была бѣда: не застегивается!—потолстѣла рука съ тѣхъ поръ какъ былъ онъ надѣтъ въ послѣдній разъ; до крови исцарапала себѣ руку М-ше Вердье; но такъ и не успѣла застегнуть браслетъ, какъ слѣдуетъ, когда подѣхала карета; бросилась М-ше Вердье встрѣчать будущую родственницу, а сама думаетъ: «Охъ, не свалился бы браслетъ! Стыдъ тогда будетъ: рука подъ нимъ исцарапана».

Она такъ устала, писавши такъ много, что ужъ не могла продолжать разсказа съ такой же подробностью, обѣщала разсказать все обстоятельно въ слѣдующемъ письмѣ завтра, а теперь лишь прибавляла, что была совершенно очарована любезностью М-ше де Форкалькье, и что М-ше де Форкалькье, вошедши, обняла Элеонору со словами: «Вы спасительница моего сына», и что М-ше де Форкалькье просидѣла часа полтора, простилась, ушла, сѣла въ карету и когда слуга захлопнулъ дверцу, она вдругъ размѣялась, отворила дверцу, вошла опять въ залъ, все смѣясь, попросила сѣсть М-ше Вердье и Элеонору, сѣла сама и сказала: «Совѣмъ

забыла! такъ было и уѣхала, не передавъ предложенія моего сына. — М-те Вердье, продолжала она торжественно: прошу руки вашей дочери для моего сына. Вы согласна, М-те Вердье?» М-те Вердье, снова повергнутая въ смущеніе мыслей формальнымъ заявленіемъ удивительнаго предложенія, нашлась только сказать: «Охъ, ничего не понимаю!» — «Понимать вовсе и нѣтъ надобности», сказала М-те де Форкалькье: «Я вижу, вы согласна и довольна этого. Теперь прощайте до завтра, М-те Вердье; вамъ надобно уснуть, какъ видно по вашему лицу; а мнѣ такъ нездоровилось, что я черезъ силу сошла съ лѣстницы, плохо помню, какъ посадилъ меня Ремонъ въ карету, какъ перенесли меня изъ кареты въ купѣ нашего вагона. Со мною было отъ слабости что то похожее на обморокъ. Приѣхавъ сюда я ожилилась; но, вѣроятно, мнѣ придется, по приѣздѣ домой, лечь въ постель. Слишкомъ много горя было у меня въ эти полторы недѣли; измучило оно меня. — М-те Вердье и вы, Элеонора: Ремонъ приѣдетъ за вами завтра утромъ, вы проведете день у насъ и не осудите меня, если я прииму васъ, лежа въ постели».

Но теперь она казалась здоровой. Такъ подѣйствовала на нее радость видѣть Элеонору. Только что значать ея слова «вы спасительница моего сына»? Неужели же сынъ сказалъ ей, что застрѣлится, если получитъ отказъ? И неужели могъ опасаться отказа онъ, блестящій молодой человѣкъ такой знатной фамиліи, единственный сынъ, наслѣдникъ 600.000 франковъ годоваго дохода? Непостижимое дѣло, непостижимое!» Этимъ восклицаніемъ кончала добрая М-те Вердье свое письмо.

Въ тотъ же день появились въ арльскихъ и марсельскихъ газетахъ извѣстія о томъ, что помолвлены Ремонъ де Форкалькье и Элеонора Дюбеллѣ. (Само собою разумѣется, что съ того времени, какъ М-те Дюбеллѣ стала бывать въ обществѣ, я читалъ арльскія и марсельскія газеты).

Во вторникъ приѣхалъ отецъ Ремона де Форкалькье, въ среду былъ данъ балъ помолвки. Здоровье М-те де Форкалькье поправилось настолько, что она могла оставаться въ пріемныхъ комнатахъ до 11 часовъ вечера. — Послѣ того день за день давали балы въ честь жениха и невѣсты марсельскіе аристократы и милліонеры. Начиная съ пятницы М-те де Форкалькье бывала на балахъ; ея здоровье совершенно возстановилось, какъ видно было изъ того, что на балѣ въ субботу она оставалась до самаго конца.

Я получалъ черезъ день длинныя письма отъ доброй М-те Вердье; разумѣется они были коротенькими, блѣдными, наивными ребяческими эскизами, сравнительно съ великолѣпными картинами баловъ, которыми наполнялись столбцы марсельскихъ газетъ (читать арльскія уже не стоило).

Прошла недѣля.

Когда я во вторникъ черезъ недѣлю послѣ помолвки М-те Дюбеллѣ и Ремона де Форкалькье вошелъ съ докладомъ къ мистеру Бриггсу (я ужъ съ годъ имѣлъ постоянные доклады у него по вторникамъ и пятницамъ), онъ сказалъ:

— Особенно важныхъ дѣлъ нѣтъ?

Я отвѣчалъ, что нѣтъ; всѣ дѣла моего нынѣшняго доклада такъ незначительны и просты, что собственно говоря, не нуждаются въ его разсмотрѣніи; нужна только его подпись на нѣкоторыхъ бумагахъ.

— Въ такомъ случаѣ отложимъ дѣла и перейдемъ въ ту комнату: вы будете мой гость, мистеръ Сеттембрини.

Мы перешли въ комнату за рабочимъ кабинетомъ, конторскую гостинную мистера Бриггса.

— Скажите, что новаго въ Арлѣ?

Едва ли необходимо замѣчать, что Мистеръ Бриггсъ не переставалъ интересоваться моими арльскими отношеніями и по временамъ спрашивалъ меня о нихъ. По его вопросу я кратко характеризовалъ положеніе дѣлъ въ Арлѣ. Онъ, выслушавъ, говоритъ: «Теперь займемся нашими здѣшними дѣлами». Послѣ того разговора, который былъ у меня съ нимъ въ его домѣ по моемъ возвращеніи изъ Арля, когда онъ ободрялъ меня, я ни разу не слышалъ отъ него ни слова о томъ, какъ онъ понимаетъ дальнѣйшій ходъ отношеній М-ме Дюбеллѣ ко мнѣ. Теперь, какъ я видѣлъ, по приглашенію перейти въ его конторскую гостинную, будетъ иначе.—Итакъ, онъ, какъ я говорилъ, началъ разговоръ своимъ обыкновеннымъ вопросомъ «Что новаго въ Арлѣ?»

— Въ среду былъ въ марсельскомъ домѣ Гастона де Форкалькье балъ помолвки его сына. Ремона де Форкалькье, съ М-ме Элеонорой Дюбеллѣ.

— Вотъ именно объ этомъ я и хотѣлъ спросить васъ, какъ понимать этотъ фактъ, совершенно различный отъ того, что считалъ я несомнѣннымъ. Я узналъ о пхъ помолвкѣ случайно, изъ письма нашего марсельскаго корреспондента, упомянушаго, почему успѣлъ онъ заключить вечеромъ въ пятницу всѣ тѣ сдѣлки, которыя, какъ онъ думалъ, займутъ у него утро субботы часовъ до двухъ: всѣ тѣ люди, которыхъ надобно было ему видѣть, собрались на балъ у него въ честь Ремона де Форкалькье и Элеоноры Дюбеллѣ, жениха и невѣсты. Скажите, что это такое?

Я кратко передалъ мистеру Бриггсу разсказъ М-ме Вердье о томъ, какъ дочь ея стала невѣстой Ремона де Форкалькье.

Мистеръ Бриггсъ глубоко задумался; я выкурилъ половину предложенной имъ сигары, онъ все еще молчалъ; и если бъ я не привсталъ, чтобъ подвинуть къ себѣ пепельницу, онъ, вѣроятно, оставался бы погруженъ въ свои мысли очень долго. При моемъ движеніи онъ встрепенулся.

— Мистеръ Сеттембрини, потрудитесь дернуть сонетку; вы моложе меня лѣтами; притомъ вы уже встали.

Вошелъ его личный слуга, жившій при конторѣ.

— Потрудитесь попросить сюда начальника нашей французской корреспонденціи.

Вошелъ начальникъ отдѣла нашей французской корреспонденціи.

— Прошу сѣсть, мистеръ Гэрдинеръ. Можете ли вы сказать безъ справокъ, была или не была въ прошлый понедѣльникъ, 5 іюля, или въ слѣдующіе дни переведена въ счетъ нашей конторы изъ французскаго банка сумма облигацій Орлеанской дороги, дающая ровно 3000 франковъ дохода?

— Такой суммы не было переведено; это я могу сказать съ увѣренностью.

— Мнѣ самому казалось такъ; но, мистеръ Гэрдинеръ, потрудитесь принести сюда книгу, пересмотримъ вмѣстѣ съ вами для полной достовѣрности.

Мистеръ Гэрдинеръ ушелъ. Мистеръ Бриггсъ обратился ко мнѣ.

— Поѣзжайте въ редакцію Times'a; скажите, что я прислалъ васъ къ мистеру Дилону; онъ прійметъ васъ; попросите у него ту телеграмму изъ Ліона, въ которой говорилось о генуэзцахъ въ Неаполѣ. Онъ долженъ помнить ее, мы гово-

рили тогда о ней довольно долго. Нашъ разговоръ былъ вечеромъ въ среду 6 юля, а наканунѣ вечеромъ мы тоже видѣлись, и тогда еще не было ея; потому она была или отъ 6 юля, или не ранѣе, какъ отъ 5-го.

Мы обмѣнивались депешами съ Times'омъ. Мистеръ Диленъ былъ тогда главнымъ редакторомъ Times'a. Онъ зналъ меня лично.

— Помню эту лионскую депешу, какъ не помнить, сказалъ онъ на мои слова о телеграммѣ, надобной мистеру Бриггсу. — Мы тогда думали, что это или фантазія слишкомъ пылкихъ враговъ правительства Луи Наполеона, утѣшающихъ себя грезами о несуществующихъ заговорахъ, или продуктъ какого-нибудь полицейскаго, слишкомъ усердствующаго выдумывать заговоры. Теперь, какъ вижу, мистеръ Бриггсъ находитъ основаніе предполагать, что въ этомъ странномъ извѣстїи была хоть маленькая доля правды. Попросите его при возвращенїи депеши сдѣлать помѣтку, не будетъ ли мнѣ надобно послать въ Лионъ одного изъ нашихъ лучшихъ корреспондентовъ, путешествующаго теперь по французскимъ Альпамъ для отдыха, который никогда не бываетъ надобенъ ему.

Я привезъ лионскую депешу Times'a мистеру Бриггсу. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Привезли, давайте сюда и отправляйтесь опять къ мистеру Дилену съ просьбою о разрѣшенїи мистеру Джеррольду принять отъ меня порученїе, по которому понадобится ему прожить нѣсколько дней въ Марсели. Онъ теперь охотится гдѣ-то во французскихъ Альпахъ или восточныхъ Пиринеяхъ, такъ ли или иначе, неподалеку отъ Марсели. — Дѣло въ томъ, мистеръ Сеттембрини, что мы съ мистеромъ Гэрдннеромъ пересмотрѣли наши книги, начиная съ 5 юля, два возвращенїя миссисъ Дюбеллѣ изъ парка; я навелъ справки въ англійскомъ банкѣ, во французскомъ банкѣ, и теперь могу сказать достовѣрно: миссисъ Дюбеллѣ до сихъ поръ не возвратила нашей фирмѣ даннаго ей капитала. Это важный фактъ. Исслѣдовать дѣло становится необходимымъ. Я надѣюсь, мистеръ Диленъ согласится на мою просьбу. Въ согласїи мистера Джеррольда я увѣренъ, потому что это порученїе очень понравится ему.

Я снова поѣхалъ къ мистеру Дилену. Онъ сказалъ, что извѣститъ мистера Джеррольда о порученїи мистера Бриггса, что именно мистера Джеррольда онъ хотѣлъ послать въ Лионъ и что теперь предоставляетъ самимъ мистеру Джеррольду и мистеру Бриггсу судить, нужна ль эта поѣздка.

Я возвратился къ мистеру Бриггсу. Онъ сказалъ:

— Мнѣ надобно прочесть письма миссисъ Вердье, начиная съ того, въ которомъ находится первое сообщенїе вамъ о планѣ поѣздки арльскаго общества въ паркъ Виллы Au Grand Bois. Отберите также тѣ изъ прежнихъ за нынѣшній годъ, которыя не совершенно пусты. Источникъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, очень плохой. Но другого пока нѣтъ, то надобно воспользоваться хоть имъ. Вы отвезете эти письма ко мнѣ на домъ. И приѣдете ко мнѣ въ 10 часовъ. Я до того времени, вѣроятно, успѣю прочесть ихъ. Тогда скажу вамъ мое мнѣніе. Теперь замѣчу только, что до возвращенїя Ремона де Форкалькье изъ загадочной поѣздки дѣло отношенїй М-ме Дюбеллѣ къ вамъ шло совершенно такъ, какъ предвидѣлъ я, и предвидѣлъ бы на моемъ мѣстѣ каждый понимающій жизнь сердца. Да, мистеръ Сеттембрини, съ самой поѣздки вашей въ Арль черезъ полгода по смерти Жоржа Дюбеллѣ, ходъ дѣла былъ тотъ самый, какому слѣдовало быть, только болѣе медленный, чѣмъ я расчитывалъ, потому что М-ме Дюбеллѣ имѣеть чрезвычайную

силу воли. Но природы нельзя одолеть никакой силой воли; можно только задерживать побѣду природы, неотвратимую ничѣмъ, кромѣ смерти. Потому-то вдовы въ Индіи и сожигали себя, чтобъ не измѣнить памяти мужа. Все шло, какъ должно было идти по закону природы. Когда она напала на васъ, это было желаніемъ ея доказать себѣ, что она не имѣетъ любви къ вамъ; она перестала нападать на васъ, потому что ужъ не имѣла силы говорить о васъ дурно; и когда она стала говорить о васъ съ доброжелательнымъ равнодушіемъ, это было послѣднимъ переходомъ къ заявленію желанія видѣть васъ; мать не умѣла взяться за это дѣло; слѣдовало вызвать васъ, не спрашивая ея согласія, угадать ея желаніе и исполнить, не принуждая ея высказывать его; неловкость матери возбудила ея сопротивленіе; но черезъ два, три мѣсяца она сама навела бы мать на мысль вызвать васъ, не спрашивая ея, съ общаніемъ хорошаго приѣма вамъ. Все шло, все шло, какъ должно было идти, — до появленія Ремона де Форкалькье въ Арль по возвращеніи изъ его, какъ называлъ я, загадочной поѣздки. Она загадочна. Объясненіе, которое дали ей, безъ сомнѣнія, бонапартисты и которому повѣрила Марсель, противорѣчить безспорному факту: Тьеръ человѣкъ твердой воли и, по сознанию великой силы своего ума считающій свои понятія непогрѣшимыми, свои рѣшенія единственными разумными. Марсель могла забывать это, комитетъ оппозиціи департамента Устій Роны не могъ забыть: онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Тьеромъ. А Тьеръ постоянно заявлялъ, что не можетъ принять никакой кандидатуры, потому что его появленіе въ палатѣ депутатовъ было бы преждевременнымъ: для него еще нѣтъ должной дѣятельности тамъ. Оппозиціонный комитетъ Устій Роны не могъ сдѣлать такой глупости, какъ отправленіе уполномоченнаго съ предложеніемъ кандидатуры Тьеру. — И кто это, человѣкъ, которому поручено было, по объясненію бонапартистовъ, ѣхать къ Тьеру? — Неопытный юноша, подобный вамъ, мой милый мистеръ Сеттембрини. Захочетъ ли Тьеръ говорить съ такимъ уполномоченнымъ? — онъ выслалъ бы слугу сказать ему: школьникъ, вернись сидѣть на школьной скамьѣ. Нелѣпость, наглая нелѣпость бонапартистское объясненіе поѣздки Ремона де Форкалькье. Не къ Тьеру онъ ѣздилъ, и не по порученію комитета оппозиціи. Онъ ѣздилъ по своему личному дѣлу, это ясно; и по какому именно, довольно ясно; но съ какимъ намѣреніемъ и куда — вотъ вопросы, которыхъ, разумѣется, не разрѣшать письма М-ме Вердье. Ліонская депеша имѣетъ, кажется, отношеніе къ этой загадочной поѣздкѣ; но она, съ умысломъ или безъ умысла, говоритъ вздоръ, невозможный вздоръ. Подождемъ, что скажетъ намъ мистеръ Джеррольдъ; и въ ожиданіи его извѣстій, вы хорошо сдѣласте, если займетесь размышленіями о фактѣ, показавшемъ мнѣ надобность разяснить дѣло поѣздки мистера Джеррольда въ Марсель. Вы не забыли этого факта? Повторю указаніе вамъ на него, предложивъ вамъ, въ видѣ предисловія рядъ вопросовъ. Благородная ли женщина М-ме Дюбеллѣ? Осталась ли она бѣдна по смерти мужа? Пенсія, назначенная ей нашей фирмой, не была ли дана ей, какъ бѣдной женщинѣ? Бѣдный человѣкъ, получающій пособіе, какъ бѣдный человѣкъ, не почтетъ ли своей обязанностью отказаться отъ пособія, разбогатѣвъ? Наша пенсія М-ме Дюбеллѣ обращена въ капиталъ, отданный въ собственность ей; но измѣняется ль отъ этого сущность дѣла, измѣняется ль обязанность отказаться отъ пособія, въ которомъ перестаешь нуждаться?

Почему-жъ миссисъ Дюбеллѣ не увѣдомила, что возвращаетъ или хотя послѣ свадьбы возвратитъ нашей фирмѣ капиталъ, котораго не имѣетъ права удерживать

за собой, если дѣйствительно вступаетъ въ богатое семейство? И какъ могли бы мистеръ Гастонъ де Форкалькье и миссисъ Форкалькье допустить, чтобы женщина, вступающая въ ихъ семейство, оставалась пользующейся капиталомъ, который данъ въ пособіе бѣдной женщинѣ? — По моему, это объясняется такъ: ни она, М-ме Дюбеллѣ, ни отецъ и мать ея жениха не полагаютъ, что она будетъ его женою. Она его невѣста только по имени. Кто жь его истинная невѣста? Очевидно: Леонія Вильо. Для чего жь все это дѣлается такъ? Я выскажу вамъ мое предположеніе, когда мы увидимся вечеромъ въ моемъ домѣ. Здѣсь у меня достаточно и своего дѣла, не имѣю времени больше заниматься вашимиъ. Прочту письма М-ме Вердье. При всей пустотѣ ихъ, вѣроятно найдется же въ нихъ что нибудь пригодное для разъясненія истиннаго положенія дѣла. Соображу, и скажу вамъ, почему было надобно назвать невѣстой Ремона Форкалькье, вмѣсто истинной невѣсты, Леоніи Вильо, благородную женщину, имѣвшую твердость духа принять названіе невѣсты. Онъ ушелъ въ свой кабинетъ. Я сидѣлъ въ его гостиной, теряясь въ мысляхъ.

— Можно видѣть мистера Бриггса?—сказалъ знакомый голосъ.

Я опомнился, всталъ и пошелъ доложить мистеру Бриггеу, что его желаетъ видѣть представитель ливерпульской фирмы, ведущей свои обороты главнымъ образомъ на авансы нашей фирмы.

Возвратившись къ рабочему столу въ своей комнатѣ конторы, я убѣдился, что не сошелъ съ ума: я работалъ, какъ слѣдуетъ.

Послѣ конторскихъ часовъ я поѣхалъ не въ мой клубъ обѣдать, а прямо домой, пересмотрѣлъ еще разъ письма М-ме Вердье, отобралъ, какія были нужны мистеру Бриггеу, отвезъ ихъ къ нему, разумѣется, еще не возвратившемуся домой (время было раньше его обѣда), положилъ письма на его рабочій столъ и пошелъ въ Гейдъ Паркъ, бродилъ по безлюднымъ угламъ его до времени идти къ мистеру Бриггеу.

Ему доложили, что я жду его въ кабинетѣ. Онъ вышелъ и сказалъ:

— Излагать мои предположенія теперь ужь нѣтъ надобности: мы имѣемъ факты. Читайте эти депеши. Мистеръ Дилень разрѣшилъ мнѣ передать ключъ шиффра, присланный имъ вмѣстѣ съ ними.

Онъ подалъ мнѣ двѣ депеши и ключъ шиффра, и оставилъ меня одного.

Шиффръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые никакимъ искусствомъ не могутъ быть дешифрованы безъ ключа, а имѣющимъ ключъ читаются почти такъ же легко, какъ обыкновенное письмо.

Понятно, что я могу повторить только содержаніе, а не обороты рѣчи этихъ депешъ; впрочемъ, многія мѣста ихъ помнятся мнѣ буквально или почти буквально, такъ что я довольно близко воспроизвожу и слогъ ихъ.

«Пертюи. Вторникъ, 13 июля, 1 часъ 5 минутъ пополудни. Мистеру Дилену. Причина промедленія моего та, что я былъ на охотѣ въ 9 километрахъ отъ Пертюи. На доставленіе мнѣ вашей депеши было употреблено ни больше, ни меньше, какъ 53 минуты времени;—при разстояніи только въ 9 километровъ! Это ужасно. Однимъ этимъ ужь достаточно характеризуются здѣшніе порядки. Вы правъ: Неаполь присланной вамъ ліонской депеши—это Марсель. Потому ѣхать въ Ліонъ нѣтъ надобности.—Пошлю первую мою депешу изъ Марсели не позже 8 часовъ. *Джеррольдъ*».

«Марсель. 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Мистору Дилену.—Этотъ Ремонъ де Форкальке славный малый.—Натурально, я поѣхалъ со станціи прямо къ нимъ, къ Форкальке. Это было въ 5 часовъ 17 минутъ. Никого изъ нихъ нѣтъ дома; всѣ на обѣдѣ въ честь жениха и невѣсты,—отецъ, мать, женихъ и невѣста и мать и отецъ невѣсты (мать и отецъ невѣсты живутъ у нихъ, вмѣстѣ съ дочерью). Я велѣлъ, чтобы приготовили мнѣ комнату и послалъ за Ремонемъ де Форкальке. Вмѣсто своей карточки я далъ записку: «Незнакомый англійскій другъ ждетъ. Не говорите никому причины вашего отъѣзда домой»;—думаю: пусть вообразить, лучше поторопится. Дѣйствительно: вообразилъ и примчался на крыльяхъ вѣтра, извинивъ свое бѣгство отъ супа безотлагательной надобностью свиданія съ политическими друзьями. Вотъ былъ сюрпризъ, когда я, давъ ему обнять себя, сказалъ, что моя фамилія Джеррольдъ, а не Сеттембрини. Но только благодаря разочарованію, отъ котораго опустился у него руки, я остался живъ. Большая физическая сила у него, больше моей.—Разсказывайте, говорю ему, избавившись отъ его объятій.— Не къ чести своей проницательности я долженъ сказать, что многое было не такъ, какъ я предполагалъ по присланнымъ вами свѣдѣніямъ (впрочемъ, согласенъ: изъ-рукъ-вонъ плохимъ).

«Ремонъ и М-Ше Бильо дѣйствительно очень рѣдко видѣлись въ обществѣ». Да и не могло быть иначе при отношеніяхъ между ихъ отцами.—«Вѣроятно мы и до сихъ поръ не обмѣнялись бы десятью словами, кромѣ неизбежныхъ учтивостей при встрѣчахъ, очень рѣдкихъ, если бъ не сблизилъ насъ случай, самъ по себѣ маловажный», говоритъ Ремонъ.

Отецъ Леонія (буду для краткости называть ее просто такъ) былъ назначенъ въ Марсель префектомъ, чтобъ исполнять какъ должно, распоряженія Эспинаса (прежній префектъ былъ не совѣтъ звѣрь). Можете судить, съ какими ожиданіями приняли въ Марсели дочь такого отца; думали, мерзавка, которая ужъ не разъ заманивала въ свою спальню стариковъ для пособія каррьерѣ млага папаша, а по ночамъ отдыхаетъ отъ этой дневной службы, утѣшаясь поочередно, иногда и не поочередно, а вмѣстѣ, пріятными качествами двухъ или трехъ молодыхъ любовниковъ, а главное, занимается шпіонствомъ; словомъ, дѣвица, какъ слѣдуетъ быть дѣвицѣ бонапартистскаго высшаго общества. Черезъ три или четыре дня по пріѣздѣ новаго префекта и его дочери, человекъ тридцать молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находился Ремонъ, сидѣли передъ кафе на третьемъ километрѣ Promenade de Prado (день былъ вовсе теплый, что въ Марсели въ январѣ бываетъ не очень часто, потому-то всѣ и рады были быть на открытомъ воздухѣ). Леонія поѣхала посмотрѣть на море. Нѣсколько не доѣзжая кафе, ось коляски сломилась. Леонія и провожавшій ее слуга пошли пѣшкомъ, пока кучеръ верхомъ съѣздитъ за другимъ экипажемъ. Когда дочь префекта поровнялась съ кафе, всѣ молодые люди встали, ушли въ кафе, затворили двери и опустили жалюзи оконъ. Всѣ, кромѣ Ремона. Онъ подошелъ къ дочери префекта, почтительно поклонился и попросилъ сдѣлать ему честь, позволить вести ее подъ руку. Конечно, я считалъ ее дрянью, говоритъ онъ, но все-таки: дѣвушка, обидѣли ее, жаль было бѣдняжку.—Что было дальше, можно отложить до завтра. Мнѣ страшно хочется спать послѣ двухъ бессонныхъ ночей (и за какія провинности дѣтства наказанъ и съ самой ранней молодости этой проклятой моей страстью къ

охотѣ! На бѣду, не могу спать въ вагонѣ: такъ и тянетъ разговаривать съ пассажирами. Привычка—вторая природа). Вамъ и безъ разсказа понятно, что было дальше: они видѣлись за городомъ, условились оставаться незнакомыми въ обществѣ. На третье свиданье Ремона съ Леоніей поѣхала съ сыномъ мать; полюбила Леонію, черезъ нѣсколько дней назначила мѣстомъ тайныхъ свиданій сына съ Леоніей свой апартаментъ; еще черезъ нѣсколько дней отецъ и мать Ремона велѣли Леоніи сказать отцу о ся отношеніяхъ къ Ремону и о томъ, что они желаютъ его брака съ нею. Отецъ Леоніи былъ въ экстазѣ восторга. Еще бы вѣтъ! Кромѣ 600.000 франковъ годоваго дохода, Гастонъ де Форкалькье имѣеть 5.000.000 франковъ въ облигаціяхъ французской ренты; слѣдовательно безъ просьбы дастъ полмилліона франковъ милому родителю невѣсты своего сына за родительское согласіе. Это было сказано ему черезъ камердинера Гастона де Форкалькье.—Но какое жъ было время! Свирѣпствовалъ Эспинасъ. Каждую минуту могло прійти изъ Парижа приказаніе арестовать Ремона и—хорошо еще, если только отвести въ тюрьму, а не отправить въ Ламбессу. Отецъ Ремона сказалъ, что не честно было бы сыну связывать въ такое время съ своей судьбой судьбу дѣвушки, что надобно подождать, пока народное негодованіе заставитъ правящую Францію шайку авантюристовъ возвратиться къ болѣе мягкой политикѣ и обратитъ Эспинаса въ прежнее ничтожество. Ремонъ понялъ, что это правда и свадьба была отсрочена до отставки Эспинаса.—Рѣшительно ложусь спать. Не ждите новой депеши раньше 10 часовъ утра, если не будетъ землетрясенія этой ночью въ Марсели. *Джеррольдъ*».

Я сидѣлъ, задумавшись. Вошелъ мистеръ Бриггсъ.

— Прочли?

— Прочель.

— Разумѣется, нельзя было угадать, гдѣ и какъ они познакомились. Такія случайности не угадываются. Но возможно ль было сомнѣваться, что они любятъ другъ друга? Пойдете закусить съ нами? Мы люди патриархальные; то есть, не столько миссисъ Бриггсъ и я, сколько младшія дѣти: непремѣнно хотятъ поздно вечеромъ, за часъ передъ тѣмъ, какъ лягутъ, имѣть то, что въ старину называлось ужинкомъ. Какъ не хотѣтъ? Людямъ отъ 7 до 19 лѣтъ; растутъ. И нарушаютъ современные нравы, потому что просыпаются отъ голода, не выпавшись, если не поѣдятъ незадолго передъ тѣмъ, какъ лягутъ. Кстати и мы, миссисъ Бриггсъ и я, садимся ужинать съ ними. Правда, ѣдимъ мало; но какъ-то весело, что дѣлаемъ удовольствіе дѣтямъ, сидя за ихъ ѣдой. Не постыдитесь оскорбить современные нравы, поужинать съ нами?

При его словахъ о ѣдѣ, я почувствовалъ волчій аппетитъ. Оказалось, что я не обѣдалъ.

— Постыжусь, но оскорблю. Оказывается, что я забылъ пообѣдать.

— Да? Впрочемъ и то сказать: что жъ бы за человѣкъ были вы, если бъ не забыли пообѣдать. И когда такъ, то у меня есть для васъ совѣтъ.—Мистеръ Дялень разрѣшилъ мистеру Джеррольдъ послать депеши помимо него, прямо въ нашу контору. Я попросилъ мистера Джеррольда адресовать прямо на ваше имя, чтобы вы могли немедленно распечатывать. Я полагаю, вы пожелаете поселиться на эти дни въ конторѣ? То я посоветую вамъ вотъ что: работайте безъ отдыха. Кстати будьте безсмѣннымъ дежурнымъ; товарищи, которыхъ замѣстите вы въ эти дни, будутъ благодарны вамъ. Непрерывный трудъ—единственное средство въ вашемъ

положеніи не сойти съ ума.—У насъ остается нѣсколько минутъ до призыва къ оскорбленію цивилизаціи. Потолкуемъ.—Я прочелъ письма М-те Вердье. Дѣйстви-тельно, источникъ очень плохой. Но случайно попадаются у нея и такія сообщенія, которыя, помимо ея собственнаго пониманія показываютъ дѣло въ истинномъ его видѣ. Обращу ваше вниманіе на восклицаніе, съ которымъ миссисъ Форкалькье обнимаетъ миссисъ Дюбеллѣ: «Спасительница моего сына!» Даже М-те Вердье, и та видитъ, что эти слова какъ-то не клеятся съ ея твердой вѣрой въ свадьбу ея дочери. Небогатая женщина, выходящая за богача и притомъ не мота, не пьяницу, человѣка, пользующагося общимъ уваженіемъ къ его уму и характеру, какимъ же образомъ и за что можетъ быть названа спасительницей его?—Одно изъ двухъ: или она выходитъ за него по любви; въ такомъ случаѣ не отъ чего было спасать его: пороковъ, отъ которыхъ спасла его любовь къ ней, у него не было; М-те Вердье объясняетъ слова матери Ремона предположеніемъ, что онъ хотѣлъ застрѣлиться въ случаѣ отказа; но если небогатая женщина выходитъ за богатаго человѣка по любви, то онъ всегда знаетъ впередъ, что женщина, любящая его, ждетъ только предложенія отъ него, чтобы дать свое согласіе; или бѣдная женщина выходитъ за богатаго человѣка не по любви, а по расчету; въ такомъ случаѣ онъ даетъ ей счастье, какого жаждетъ она,—богатство и почетъ, и остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ, не будетъ ли она грабить его, и ограбивъ, не выгонитъ ли изъ дому, то есть, вопросъ лишь о томъ, не губительница ли его она.—Ясно, что если М-те Дюбеллѣ «спасительница» Ремона Форкалькье, то она не выходитъ за него и ясно, что онъ задумывалъ какое то очень опасное дѣло, надобность въ которомъ устранена согласіемъ М-те Дюбеллѣ называться его невѣстой. Его мать сказала тогда, что «измучилась въ эти полторы недѣли»; а отъѣздъ ея сына былъ за полторы недѣли до записки сына, увѣдомившей ее о согласіи М-те Дюбеллѣ; мать мучилась опасеніями сына со времени его отъѣзда; ясно, онъ поѣхалъ устроить какое-то опасное для него дѣло;—какое?—ясно: похищеніе Леоніи; отецъ ея взялъ назадъ свое согласіе на бракъ.—Вотъ съ этою-то поѣздкою Ремона и имѣетъ, вѣроятно, связь Ліонская депеша о генуэзцахъ въ Неаполѣ, то есть, итальянцахъ въ Марсели; депеша говоритъ, что готовилось возстаніе; никакихъ заговоровъ тогда не было; задумано было женихомъ нападеніе на домъ отца невѣсты, вооруженное похищеніе ея.—Однако, что-то долго не зовутъ насъ ужинать; должно быть, ждуть, не желая прервать нашъ разговоръ. А мнѣ съ вами теперь, по правдѣ сказать, и говорить ужъ не о чемъ было, кромѣ того, что мистеръ Джеррольдъ будетъ адресовать депешу въ нашу контору, прямо на ваше имя.—Онъ взглянулъ на часы.—Такъ и есть, ждуть насъ. Пойдемъ.

На другой день, то есть въ среду, я чуть не съ развѣта переселился въ свою комнату въ нашей конторѣ.

Въ этотъ день я получилъ отъ мистера Джеррольда двѣ депешы:

«Среда, 14 юля, 10 часовъ утра. По распоряженію мистера Дилена и мистера Бриггса, буду посылать мои депешы прямо вамъ, мистеръ Сестембрини. Я всталъ въ 8 часовъ и буду писать до 10; въ 10 пошлю, сколько напишу.

«Вильо былъ назначенъ префектомъ департамента Устій Роны 19 января, пріѣхалъ въ Марсель 20-го. Случай на Promenade de Prado, о которомъ рассказъ я вчера, былъ въ первую субботу по пріѣздѣ новаго префекта и его дочери; слѣдовательно 23 января, на четвертый день по пріѣздѣ.—Ремонъ и Леонія видѣ-

лись сначала за городом; потомъ, въ комнатѣ матери Ремона.—Я говорилъ, что свадьба была рѣшена въ половинѣ февраля (въ субботу, 15 февраля) и отсрочена до отставки Эспинаса и замѣны свирѣпой тиранніи политикой, болѣе благоразумной, менѣе щедрой на аресты и ссылки. Эспинасъ получилъ отставку 11 іюня. Делангль, назначенный быть исполнителемъ новыхъ надобностей бонапартизма, объявилъ, что будетъ дѣйствовать въ духѣ законности и кротости. Отецъ Ремона сказалъ, что должно подождать, пока станетъ ясно, что обѣщаніе сдѣлано съ серьезнымъ убѣжденіемъ въ бесиліи правительства продолжать прежнюю политику свирѣпости. Прошло дней десять; стало видно, что правительство дѣйствительно отказалось отъ терроризма. Отецъ Ремона 23 іюня въ 11 часовъ утра написалъ отцу Леоніи записку, которой формально просилъ руки его дочери для своего сына. Въ 2 часа отцу Ремона доложили, что пріѣхалъ префектъ просить свиданья. «Принять», сказалъ отецъ Ремона. Префектъ вошелъ въ кабинетъ; лицо было печальное. Что такое?— «Я спросилъ Делангля, могу-ли выдать дочь за сына вождя оппозиціи; объяснилъ, что этотъ бракъ, по моему мнѣнію, соответствуетъ политикѣ примиренія, которую приняло правительство. Делангль отвѣчалъ: совершенно раздѣляю ваше мнѣніе и лично одобряю бракъ; но подождите полчаса; я спрошу, одобриется-ли ваше и мое мнѣніе.—Префектъ тяжело вздохнулъ и со слезами на глазахъ продолжалъ: меньше, чѣмъ черезъ полчаса я получилъ депешу: Делангль писалъ: «Мнѣ сказано: въ день объявленія дочери префекта департамента Устій Роны невѣстой Ремона де Форкалькье вы подпишите отставку Бильо отъ должности. Заготовьте эту бумагу.— Я сказалъ, что прошу дозволенія объяснить, почему я считалъ этотъ бракъ соответствующимъ политикѣ, исполнителемъ которой выбранъ я. Мнѣ было сказано: отъ васъ требуютъ не совѣтовъ, а внимательности къ приказаніямъ, какія даются вамъ. Делангль». Префектъ снова вздохнулъ, и продолжалъ: я отвѣчалъ Деланглю, что благодарю его за ходатайство и прошу о возобновеніи ходатайства въ благоприятную минуту. Онъ отвѣчалъ: «Вы сдѣлали большую неосторожность, пославъ мнѣ просьбу о возобновеніи ходатайства; ждите неприятели, которую постараюсь по возможности смягчить». И вотъ сейчасъ я получилъ отъ него новую депешу: «Меня призвали и сказали: Бильо просить васъ о возобновеніи ходатайства.— Да.— Что вы отвѣчали ему?—То, что онъ сдѣлалъ большую неосторожность, и долженъ ждать неприятели, которую я постараюсь по возможности смягчить.—Увѣдомьте его, что она смягчается по вашей просьбѣ. Прочтите этотъ декретъ и передайте ему содержаніе».—Префектъ простоналъ и проговорилъ прерывающимся голосомъ: въ депешѣ слѣдовало за этимъ содержаніе декрета. Затѣмъ слѣдовало: «передайте ему, что исполненіе декрета отсрочено по вашей просьбѣ. Исполняя приказаніе, передаю вамъ то, что обязанъ передать. Делангль». Вы видите, бракъ въ настоящее время невозможенъ,—продолжалъ Бильо и, заливаясь слезами, просилъ отца Ремона ждать болѣе благоприятнаго времени.—«Мы не скоро дождались бы его, и не имѣемъ надобности ждать, отвѣчалъ отецъ Ремона. Не стѣсняйтесь соображеніемъ объ отставкѣ. Сколько въ годъ надѣетесь вы получать отъ вашей должности?»— Мой предмѣтникъ получалъ, считая всѣ доходы, отъ 60 до 80 тысячъ; я надѣюсь получить больше.— «Но не больше 100.000?»—сказалъ отецъ Ремона: «я немедленно посылаю моему парижскому банкиру ордеръ составить формальный документъ, по которому обязываюсь въ самый часъ совершенія брака передать въ вашу собственность сумму чятипроцентной ренты, дающую 100.000 франковъ

дохода, прислать этот документъ вамъ, внести эту сумму во французскій банкъ, заготовить на ваше имя ордеръ французскому банку о передачѣ ее вамъ по предъявленіи вами удостовѣренія о совершеніи брака. Доволенъ вы?» — Благодарю за ваше великодушіе; но не могу согласиться. — «Вамъ мало? Вы преувеличили доходъ вашего предмѣстника; а вы получали бы меньше его; теперь произволь принужденъ быть осторожнѣе, грабежъ казны и взяточничество ужь невозможны въ прежнемъ размѣрѣ. Въмѣсто 40, много 45 тысячъ, я даю вамъ 100 — и вамъ все еще мало. Но мало, то мало; скажите вашу цифру; вы знаете мои средства; будьте благодарумонъ, сообразуйтесь съ размѣромъ ихъ; помните, что я хоть и богатъ, но все-таки не герцогъ Девонширскій, не Эстергази, не Лихтенштейнъ». — Мнѣ, мало было бы 100.000 франковъ дохода? О, нѣтъ! Не думайте обо мнѣ такъ дурно. Я благодаренъ вамъ за вашу великодушную щедрость. Но я не могу принять никакой суммы. — Онъ рыдалъ. «Почему же не можете?» — спросилъ отецъ Ремона. — Въ декретѣ, исполненіе котораго отсрочено, находится, кромѣ отставки мнѣ, приказаніе арестовать меня и предать суду по обвиненіямъ, которыя перечисляются. Вы знаете, я жертва безчисленныхъ клеветъ. — «И улики въ рукахъ правительства? Напримѣръ, по обвиненію васъ въ отравленіи дяди, наслѣдникомъ котораго вы были? Не понимаю, какъ вы, человекъ неглупый, рѣшились на такое дѣло изъ-за какихъ-нибудь 20.000 франковъ». Я былъ бѣденъ. Вы помните, это было еще до 2 декабря. — «Ваша правда. Но вы имѣете время уѣхать изъ Франціи. Черезъ часъ вы будете въ открытомъ морѣ, и будетъ поздно ловить васъ. Леонія останется, и вечеромъ нынѣ марсельское общество будетъ пировать у меня на ея свадьбѣ». — О, если бъ я могъ бѣжать! Я самъ предложилъ бы вамъ это! Но за мной учрежденъ надзоръ. У всѣхъ входовъ вашего дома стоятъ передѣтые стражи. Они провозжали меня изъ префектуры и будутъ провожать обратно въ нее. — «О, если такъ, то дѣйствительно вы не можете согласиться. Но мы обойдемся и безъ вашего согласія. Вы все-таки получите обѣщанное мной вознагражденіе». — Префектъ взвизгнулъ, схватился за голову, побѣжалъ изъ комнаты, выбѣжалъ на подьздъ и помчался въ свою квартиру, взбѣжалъ на подьздъ, побѣжалъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно сидѣла за работой или чтеніемъ дочь. — «Леонія, Леонія, иди со мной, скорѣй, скорѣй», — онъ схватилъ дочь за руку и потащилъ съ собою такъ быстро, что она едва успѣвала бѣжать за нимъ. Онъ побѣжалъ съ ней къ двери ея комнаты, сильно толкнулъ ее, такъ что она упала на коверъ; опомнившись отъ неожиданности, она увидѣла дверь затворенной. Она хотѣла отворить; дверь была заперта. Нѣсколько часовъ оставалась Леонія въ недоумѣніи, зачѣмъ заперъ ее отецъ. Вечеромъ шелкнулъ замокъ: вошелъ полицейскій съ большимъ подносомъ, на которомъ стояло кушанье; поставивъ подносъ на столъ, полицейскій подошелъ къ Леоніи и ставъ между нею и дверью, уронилъ на ея платье маленькій лоскутокъ бумаги, прошепталъ: «надобно съѣсть это», и громко сказалъ: «Кушайте М-По Бильо. Здѣсь вы безопасна; вамъ угрожала бѣда; у васъ есть соперница, она хочетъ устроить скандалъ; ея пріятели могли бы проникнуть даже въ салоны префектуры, даже въ будуаръ вашъ. Но уже приняты мѣры и черезъ нѣсколько дней опасность будетъ совершенно устранена». Онъ ушелъ, снова шелкнулъ замокъ. Леонія сѣла за столъ спиной къ двери, прочла записку и проглотила съ ложкой супа этотъ крошечный лоскутокъ бумаги. На немъ были только слова: «Ранѣе недѣли вы будете освобождена». Тогда она поняла, что отецъ принужденъ былъ отказать

Ремону въ ся рукѣ и опасался, что она убѣжить съ нимъ. Дѣйствительно, ему не было бѣ оправданія передъ правительствомъ; всѣ говорили бѣ, что онъ помогалъ бѣгству дочери, взявъ деньги съ отца Ремона.

Ремонъ ѣхалъ издали вслѣдъ за префектомъ, мчавшимся домой, чтобы скорѣе запереть дочь. Увидѣвъ, что онъ взбѣжалъ на подвѣздъ своей квартиры, Ремонъ пошелъ къ одному изъ политическихъ друзей, жившему неподалеку отъ префектуры. Они послали старика слугу узнать, что происходитъ въ квартирѣ префекта. Старику были даны деньги, потому затрудненіе было развѣ въ выборѣ между готовыми продать себя на какое угодно дѣло слугами и служанками префекта и Леоніи. Черезъ полчаса Ремонъ и его другъ знали все. Они пригласили еще одного изъ своихъ политическихъ друзей. Планъ освобожденія Леоніи былъ составленъ въ четверть часа. Они были люди умные, рѣшили, что нападеніе на префектуру должно отложиться до пятой или шестой ночи, когда опасенія префекта ослабѣютъ. Они знали, что итальянцы лучше французовъ умѣютъ хранить тайну. Ремонъ сѣлъ на свою верховую лошадь и поѣхалъ по улицамъ на западъ за городъ, будто дѣлая обыкновенную прогулку. Въ домикѣ сторожа одного изъ виноградниковъ на западной сторонѣ отъ Марсели онъ подождалъ, пока привезли ему форму военнаго инженера (по приморью производились работы, которыми завѣдывали военные инженеры) и привели другую лошадь, принадлежащую одному изъ двухъ помогавшихъ ему друзей; онъ, одѣвшись инженеромъ, поѣхалъ на ней спокойнымъ аллюромъ кругомъ Марсели съ сѣверной стороны, обогнулъ восточную до шоссе, направлявшагося на востокъ и поскакалъ по шоссеинымъ дорогамъ, по сельскимъ не шоссеинымъ дорогамъ, по тропинкамъ нивъ на сѣверо-востокъ къ Ниццѣ; два раза онъ перемѣнялъ лошадь, два раза перемѣнялъ платье и ночью подвѣзжалъ къ границѣ съ нѣсколькими контрабандистами, одѣтый самъ контрабандистомъ. Его спутники стали пробираться къ Вару, бывшему тогда границей. Онъ ѣхалъ позади. Они ѣхали тропинками, на которыхъ обыкновенно поджидали ихъ таможенные стражи. Стражи увидѣли, поскакали за ними; они обратились въ бѣгство. Ремонъ промчался мимо нихъ и гнавшихся за ними стражей къ рѣкѣ, лошадь была хорошая, сильная, онъ бросился съ нею въ рѣку, на разбирая глубоко ли тутъ. Въ догонку за нимъ были посланы нѣсколько пуль, но въ темнотѣ и при торопливости не очень искусныхъ стрѣлковъ онъ пролетѣли мимо. До Ниццы Ремонъ ѣхалъ ужъ легкой рысью, давая отдохнуть лошади. Онъ подождалъ на станціи поѣзда, шедшаго въ Геную и на разсвѣтѣ былъ ужъ тамъ. Черезъ два дня пятьдесятъ смѣлыхъ волонтеровъ, опытныхъ солдатъ тайной арміи мадзинистовъ поплыли моремъ, поѣхали желѣзной дорогой въ Марсель, раздѣлившись на партіи по три, четыре человѣка. Въ субботу ночью Ремонъ, переодѣтый путешующимъ приказчикомъ, пріѣхалъ въ приготовленный для его итальянцевъ пріютъ. Друзья, помогавшіе его отъѣзду, сказали, что прежнія усиленные мѣры охраны префектуры отмѣнены съ прошлой ночи. Но въ эту ночь было уже поздно дѣлать нападеніе. Притомъ Ремонъ хотѣлъ предупредить Леонію, чтобы она не испугалась шума (выстрѣловъ бы не было, итальянцы сказали, что надобно дѣйствовать исключительно холоднымъ оружіемъ; они будутъ работать кинжалами и не дозволятъ Ремону и его друзьямъ имѣть при собѣ ничего, кромѣ шпагъ; за неумѣньемъ владѣть кинжалами, годятся шпаги, хоть шпага—слабая игрушка передъ кинжаломъ). Вечеромъ въ воскресенье была передана Леоніи записки: «не пугайтесь шума этой ночью». Она отвѣчала запиской: «Не

хочу, чтобы свобода и счастье мнѣ были куплены цѣной крови». Ремонъ сказалъ своимъ итальянцамъ, что дѣло отерочивается на неопредѣленное время, и утромъ они пошли одинъ по одному наниматься въ работники на пристани. Вы видите, что дѣйствительно къ этому дѣлу и относится извѣстіе ліонской депеши и что дѣйствительно, въ немъ все ошибочно. Происхожденіе его: одинъ изъ друзей Ремона—шутникъ; онъ хотѣлъ подурачиться; а серьезная цѣль была та, чтобы предотвратить всякое препятствіе возобновенію дѣла, если понадобится возобновить; въ этомъ смыслѣ и были передѣланы факты; говорилось о возстаніи, о нападеніи на арсеналь, для доставленія оружія народу и говорилось, что заговорщики увидѣли невозможность успѣха и отправили итальянцевъ назадъ въ ночь, слѣдовавшую за ночью ихъ пріѣзда. Такимъ образомъ, если правительство узнало о пріѣздѣ итальянцевъ, то оно должно было видѣть, что опасность миновала, а префектъ понималъ бы, что опасность угрожала не его квартирѣ, а арсеналу. Если жъ правительство и префектъ ничего не знали, то предположили бы, что извѣстіе ліонской депеши—пустая выдумка революціонеровъ; предположили такъ и вы и не захотѣли напечатать вздоръ. Важно замѣтить одно обстоятельство: депеша говорила, что итальянцы уѣхали домой въ ту же ночь,—то есть въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ. Нѣтъ они оставались въ Марсели и работали на пристаняхъ; разумѣется, впрочемъ, не до чрезмѣрности усердно; больше занимались тѣмъ, что грѣлись на солнцѣ и курили свои сигары, называющіяся у нихъ кавурами, по имени изобрѣтателя, два ли не еще болѣе омерзительныя, чѣмъ французскія.—Въ понедѣльникъ передъ временемъ обѣда Ремонъ вышелъ изъ своего пріюта, одѣтый въ свое платье, сѣлъ на свою лошадь и пріѣхалъ домой. На вопросъ, какимъ же образомъ думаетъ устроить свое освобожденіе Леонія, онъ получилъ вечеромъ отвѣтъ, что планъ у нея готовъ, но что она будетъ думать о немъ до слѣдующаго вечера. Во вторникъ вечеромъ она написала Ремону: «Вы безъ сомнѣнія знаете въ лицо М-ше Дюбеллѣ, живущую въ Арль и, вѣроятно, вы знаете о ней все то, что слышала я; попросите ее быть вашей невѣстой. Я увѣрена, что у нея достанетъ силы воли хорошо исполнить эту очень трудную обязанность; а въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что она согласится принять на себя спасеніе вашей жизни и моей.—М-ше Дюбеллѣ; если вы не дадите мнѣ освобожденія, Ремонъ не послушается меня въ другой разъ; они нападутъ на префектуру; я не переживу Ремона. Леонія Бильо».

Прежнія записки Леоніи не имѣли подписи, эту она подписала, чтобы М-ше Дюбеллѣ могла слышать ся подпись на запискѣ съ подписями ея на запискахъ пріятельницамъ, какія удастся собрать Ремону. Онъ разсудилъ, что М-ше Дюбеллѣ повѣрять и безъ сличенія почерка и подписей. Въ среду, какъ вы знаете, онъ поѣхалъ въ Арль и принялъ на себя обязанность распорядителя прогулки арльскаго общества въ паркъ виллы Au Grand Bois.

Мнѣ остается только разсказать о томъ, что было въ аллеѣ парка во время пятой кадрили.

Когда Ремонъ и М-ше Дюбеллѣ подошли къ тому концу аллеи, у котораго начинался лѣсъ съ опушкой почти непроходимаго кустарника по окраинѣ, Ремонъ попросилъ М-ше Дюбеллѣ сѣсть на ближайшую скамью и выслушать исторію его отношеній къ Леоніи Бильо. Кончивъ разсказъ, онъ сказалъ: вы видите, надобно было отказаться отъ нападенія на префектуру, по крайней мѣрѣ, отложить употребленіе оружія до того времени, когда окажется, что невозможно избѣжать этого

средства для освобожденія Леоніи. Но она увѣрена, что вы поможете намъ обойтись безъ него. Она проситъ васъ назваться моею невѣстой; отецъ ее увидитъ, что я измѣнилъ ей и освободитъ ее. Возьмите эту записку Леоніи ко мнѣ. Вотъ вамъ спички, вотъ складной фонарь, идите въ кустарникъ, тамъ зажжете фонарь и прочтете записку.

— Для чего?— сказала она, развѣ и безъ того не видно, что вы говорите правду. Ваша невѣста справедливо думаетъ, что если вы нападете на префектуру, то погибнете. Положимъ, вы овладѣете префектурой; но войска между тѣмъ займутъ пристань. Я обязана исполнить просьбу Леоніи Вильо. Когда возвратимся домой, я скажу матери, что вы сдѣлали мнѣ предложеніе, и что я приняла его. А ваша мать съумѣетъ исполнить свою роль?

— Ея роль будетъ легка.

— Правда. Она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ меня.

— Вамъ необходимо будетъ принимать богатые подарки.

— Само собою разумѣется. Буду даже сама напрашиваться на нихъ.

— Мнѣ кажется вы стали очень грустна.

— Да; но, когда выйдемъ къ обществу, я съумѣю держать себя по-прежнему, скорѣе веселой, чѣмъ грустной.

— Отчего вы стали такъ грустна?

— Говорить объ этомъ теперь было бы не время. Поговоримъ послѣ. Успѣемъ наговориться обо всемъ. Намъ надобно будетъ много часовъ оставаться наединѣ. Невозможно иначе: вы страстно влюбленъ въ меня, а я не дѣвочка, чтобы бояться быть наединѣ съ женихомъ, или чтобы дозволить матери стеречь меня. Предупреждаю васъ, эти долгіе часы будутъ очень скучны вамъ.

— Почему же? Развѣ не можемъ мы найти интересныхъ предметовъ для разговора, когда перескажемъ другъ другу все о себѣ; будемъ говорить о литературѣ, театрѣ, искусствѣ; я не невѣжда, вы, какъ я слышалъ, читали и думали очень много.

— Увидите, будетъ-ли у васъ время говорить о литературѣ. Предупреждаю васъ, я страшно надоѣмъ вамъ, и хлопотъ со мною, когда мы будемъ оставаться наединѣ, вы будете имѣть столько, что послѣ цѣлый годъ будете бѣгать отъ меня.

— Меня начинаетъ очень интересоватъ, чѣмъ же именно вы будете надоѣдать мнѣ?

— Увидите. Насмотритесь и послушаетесь до сыта. Но не пора ли намъ вернуться къ обществу. Кажется танцуютъ послѣднюю фигуру.

— Кажется, нѣтъ еще, только предпослѣднюю.

— Все равно. Если еще нѣтъ, то пойдѣмъ потише и можемъ пройти обратно, сколько понадобится.

Она встала. Долженъ былъ встать и онъ. Она взяла его подъ-руку.

— Я предпочитаю ходить, потому что молчать удобнѣе, когда ходишь вдвоемъ, нежели когда вдвоемъ сидишь.

Я говорилъ вчера, мистеръ Сеттембрини, что пошлю нынѣ денешу не ранѣе 10 часовъ; теперь еще только 9, а рассказывать мнѣ больше нечего, какъ вы самъ, вѣроятно, согласитесь. Подожду до 10 часовъ, не услышу ли еще чего, хоть знаю впередъ, что ничего не услышу. Во первыхъ все они проспать до 12, если не дольше (возвратившись съ бала въ 4 часа); во вторыхъ, если бы просну-

лесь, то нечего было бы мнѣ больше слушать отъ нихъ. Все уже разсказано мнѣ Ремонемъ и передано мною вамъ—во вчерашнихъ депешахъ черезъ посредство мистера Дилена, въ нынѣшней непосредственно. Подумаю, впрочемъ, не найдется ли чего-нибудь интереснаго еще не переданнаго.

Ничего не нашлось, потому что ничего нѣтъ. Слѣдующая депеша будетъ послана въ 10 часовъ вечера. Тогда они будутъ собираться на балъ и не до разговоровъ со мной будетъ имъ. *Джеррольдъ*».

«Среда, 9 часовъ 12 минутъ вечера. Почти ничего новаго не имѣю сообщить Вамъ, мистеръ Сеттембрини. Развѣ полюбопытствуете узнать, какъшло время у жениха и невесты въ долгіе часы, которые проводили они наединѣ.

— Часы, проводимые мной наединѣ съ М-ше Дюбеллѣ тяжелѣе для меня, чѣмъ можете вы предполагать, мистеръ Джеррольдъ, говорить Ремонъ: истерики съ ней не бываетъ; но только истерики и не достаетъ. Не напрасно она грозила мнѣ скукой, давая согласіе быть моею невестой. Дѣйствительно, и скучно мнѣ съ ней и тяжело. Плачеть о томъ, что унизить себя въ собственномъ мнѣніи. Я терялъ терпѣніе, забывалъ иногда деликатность, называлъ ея мысли настоящимъ ихъ именемъ, смѣшнымъ. Пользы не было ни отъ какихъ резонновъ, кромѣ одного: «Вспомните, наконецъ, М-ше Дюбеллѣ, что черезъ три часа вамъ надобно будетъ ѣхать на балъ. Какъ вы поѣдете съ заплаканными глазами?»— Это останавливало ее. «Къ тому времени пройдетъ краснота».—«Пройдетъ, если не будете больше плакать».—«Не буду».—Это было начало почти каждаго разговора наединѣ и начало это длилось по часу и больше.—Умоетъ глаза. Мы сидимъ и молчимъ. Она, потому что раздумываетъ все о томъ же; я для того, чтобъ успокоились ея нервы. Скука. Беру книгу, читаю. Клянусь вамъ, мистеръ Джеррольдъ, что если бѣ остаться мнѣ хоть съ годъ женихомъ М-ше Дюбеллѣ, я сдѣлался бѣ однимъ изъ ученѣйшихъ людей Прованса. Чувствуешь, наконецъ, что неловко же молчать и читать дольше; возобновляешь разговоръ: М-ше Дюбеллѣ, общаетесь не плакать, если станемъ говорить. — «Не буду плакать, теперь ужъ нельзя».—Должно отдать ей справедливость, что когда общалась, то, уже сдержитъ слово.—«Какая же надобность вамъ плакать, М-ше Дюбеллѣ? Кто принуждаетъ васъ къ тому, чтобы унизить себя въ собственномъ вашемъ мнѣніи, какъ выражаетесь вы?»—«Никто».—«Зачѣмъ же вы унижаетесь?»—«Я рѣшилась; я предвидѣла, когда принимала названіе невесты, что рѣшусь. Я знала, что оставаясь со мной наединѣ, вы будете говорить объ вашей любви къ Леоніи, что ваши слова, проникнутыя пламеннымъ чувствомъ, будутъ согрѣвать мое сердце».— «Разъ я дѣйствительно былъ виноватъ въ этомъ передъ вами; но только разъ, въ первые наши долгіе часы наединѣ. Я увидѣлъ, что вы слишкомъ страдаете отъ моихъ словъ любви и послѣ того ужъ не позволялъ себѣ и упоминать о Леоніи, если вы сама не наведете разговоръ на нее. Зачѣмъ вы начинаете разговоры о ней?—вы сама виновата. И скажите, развѣ не стараюсь я каждый разъ прекратить разговора о ней, начинаемаго всегда вами. Но васъ не остановишь».— «Какъ же я останавлиюсь, когда я завидую ей?»—«Если вамъ завидно, то позвольте мнѣ, я напишу мистеру Сеттембрини».—«Нѣтъ, не пишите».—«А слѣдовало бы вамъ самой написать ему».—«Я напишу».—«Когда же?»— «Когданибудь напишу».—Словомъ, невообразимая скука съ ней, мистеръ Джеррольдъ.

Новость! восхищающая меня новость! Дешпа отъ Алексины Тинне приглашаетъ меня быть участникомъ ся путешествія въ Центральную Африку. Откровенно, мистеръ Сеттембрини: я не нуженъ вамъ больше здѣсь? Отвѣчайте немедленно; и каковъ бы то ни былъ вашъ отвѣтъ, отправитесь завтра утромъ къ мистеру Дилену и поблагодарите его отъ моего имени за эту рекомендацію. Самъ не стану писать ему, потому что не удержался бы, сталъ бы сообщать ему полученные по дорогѣ сюда и отъ Ремона и Гастона де-Форкальке свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ; а мнѣ теперь не до того, чтобы тратить время на дешпи. Я увѣренный въ вашемъ согласіи уволить меня отъ порученія, которое въ сущности я уже исполнилъ, займусь приготовленіями къ отъѣзду въ Каиръ, гдѣ ждетъ меня Алексина Тинне. Въ случаѣ вашего согласія на мой немедленный отъѣздъ не ждите больше дешпш отъ меня. Повторяю просьбу— передайте лично мою признательность мистеру Дилену за рекомендацію меня фрейлейнъ Тинне;—понимаете—передайте лично. Въ нетерпѣиіи скорѣе получить ваше согласіе, посылаю дешпу ранѣе назначеннаго срока. *Джеррольдъ*».

Порученіе, принятое на себя мистеромъ Джеррольдомъ, было дѣйствительно ужъ исполнено имъ. Я отвѣчалъ, что благодарю его и желаю ему вмѣстѣ съ фрейлейнъ Тинне пріобрѣсти безсмертную славу открытіемъ источниковъ Нила. Имя Алексины Тинне полу-забыто теперь. Но въ тѣ годы оно было знаменито. Наслѣдовавъ громадное богатство отпа, эта молодая дѣвушка, занимавшая высокое положеніе въ знатномъ голландскомъ обществѣ, поѣхала въ сопровожденіи матери и тетки и съ обществомъ приглашенныхъ ею ученыхъ и художниковъ черезъ Константинополь, Сирію въ Египеть. Она задумала изслѣдовать центральную Африку, въ то время еще невѣдомую, и приглашала другихъ ученыхъ и художниковъ присоединиться къ обществу ужъ собранному ею.

Рано утромъ въ четвергъ, я отвезъ свои вещи на квартиру, потомъ занимался въ конторѣ до обыкновеннаго часа пріема у мистра Дилена. Дождавшись этого времени, отправился къ нему.

Я усердно, довольно вѣрно и потому не безъ краснорѣчія передалъ мистеру Дилену страстные выраженія признательности мистра Джеррольда за рекомендацію его Алексинѣ Тинне. Мистеръ Диленъ слушалъ съ серьезнымъ видомъ, и дослушавъ, расхохотался.

— Удивительная сообразительность у нашего общаго друга, мистра Джеррольда. Я знаю, что Алексина Тинне жила эту зиму въ Каирѣ, что весной она уѣхала оттуда и съ той поры я ничего не знаю о ней; куда она уѣхала тогда и гдѣ теперь не имѣю понятія, можетъ быть и дѣйствительно опять въ Каирѣ. Но кому же придетъ въ голову, что ея сборы въ новое путешествіе и приглашеніе мистра Джеррольда участвовать въ немъ — выдумка? Все до такой степени соотвѣтствуетъ всеобщимъ знаніямъ о характерѣ и планахъ Алексины Тинне, что всякій, кромѣ людей, ведущихъ личную переписку съ ней, пріиметь рассказъ мистра Джеррольда о моей рекомендаціи и такъ далѣе за чистѣйшую правду. Чрезвычайно сообразительный человекъ. Кто жъ его знаетъ, можетъ быть, онъ и дѣйствительно уѣдетъ, или вѣроятно ужъ уѣхалъ изъ Марсели; но будьте увѣренъ, что если уѣхалъ, то по вашему дѣлу. Онъ

не бросить порученія, не исполнивъ до конца; это у него страсть болѣе-серьезная, чѣмъ любовь къ охотѣ, которую онъ для шутки возводитъ въ непреодолимую свою страсть. Онъ любитъ бродить между народомъ; охота—удобный предлогъ для этого. Впрочемъ онъ дѣйствительно стрѣляетъ птицъ; но какихъ? — этого не угадаете; ни одной изъ тѣхъ птицъ, которыхъ стрѣляютъ другіе охотники, онъ не бьетъ; бьетъ совершенно иныхъ; какихъ, онъ когданибудь расскажетъ вамъ удивительную исторію объ этомъ.—Да, охотитесь за нѣкоторыми птицами онъ любитъ; еще гораздо болѣе любитъ бродить между народомъ; но если бъ надобно было совершенно непрерывно заниматься принятымъ на себя дѣломъ пять лѣтъ, онъ ни разу—не то что не взялъ бы въ руки охотничьяго ружья, не вышелъ бы изъ-дому. Ждите отъ него депешъ; откуда и за какой подписью, или безъ подписи, я не знаю.

Я перевезъ свои вещи опять въ мою конторскую комнату и сталъ ждать депешъ мистера Джеррольда.

Первая депеша пришла поздно вечеромъ въ тотъ день (четвергъ). Она была:

«Ливорно. Четвергъ, 15 юля, 9 часовъ 45 минутъ. Ёду назадъ. Завтра въ 8 часовъ утра пошлите мнѣ въ Марсель депешу обыкновеннаго письма съ жалобой, что шифръ утомляетъ ваши глаза и голову. Я устраиваю комедію для безопасной развязки дѣла, приготовленія къ которому были начаты ими такъ, что не была обезпечена полная достовѣрность и безопасность успѣха. Комедію я буду писать вамъ обыкновеннымъ письмомъ, потому что она становится на сцену для публики. Извѣтія о дѣйствительномъ положеніи дѣла буду писать шифромъ. Подписываюсь титуломъ, безспорную принадлежность котораго мнѣ вы по объясненіи мною, подтвердите вашимъ свидѣтельствомъ. *Тридцатисемилѣтній дуракъ*».

Я послалъ ему депешу, которой требовалъ онъ.

Слѣдующая депеша его была получена мною вечеромъ на другой день (въ пятницу). Она была обыкновеннаго письма.

«Марсель. Пятница, 16 юля, 5 часовъ 40 минутъ пополудни. Чортъ бы подралъ всѣ эти внимательности и деликатности! Алексина Тинне изволила вздумать послать за мной свою яхту. Сяжу и жду. Будто мало въ Марсели парходовъ, идущихъ каждый день на востокъ. Если бъ не было идущаго прямо въ Александрію, я переходилъ бы съ одного на другой въ гаваняхъ по направленію туда и былъ бы теперь на половинѣ пути.—Отъ скуки веду пустые разговоры съ женихомъ и невѣстой и ихъ матерями. Разговоры съ Гастономъ де-Форкальке, отцомъ жениха, интересны. Только благодаря имъ я еще не повѣсился отъ скуки. Онъ умный и дѣльный человекъ. Но — не можетъ сладить съ женой, сыномъ и будущей дочерью. Расходы на свадьбу громадны и этого еще мало имъ. Они сочинили планъ послѣ-свадебной поѣздки, которая обойдется никакъ не меньше 500.000 франковъ. Молодые съ отцомъ и матерью Ремона прямо со свадебнаго завтрака ѣдутъ въ Парижъ, даютъ тамъ три бала и оттуда отправляются въ объѣздъ по Европѣ черезъ Брюссель, Амстердамъ, Берлинъ, Петербургъ, Москву, Вѣну, Флоренцію. Въ каждой столицѣ даютъ балы, въ мелкихъ по одному, въ крупныхъ по три. Флоренціи оказывается исключительная благосклонность: они поселяются на виллѣ по со-

сѣдству съ ней и живутъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, даютъ пять баловъ, и возвращаются въ сельскую резиденцію фамилии Форкалькье. Будущая новая М-те Форкалькье желаетъ удивить всю Европу своей красотой. Даю голову на отсѣченіе, если черезъ два года имѣнья Гастона де-Форкалькье не будутъ продаваться съ аукціона. Я сказалъ М-те Дюбеллѣ, что нахожу недостатки въ ея планѣ: обиженъ Лондонъ, — Лондонъ! — Лондонъ!! А сколько обижено мелюзги! Назову только сѣверную: Копенгагенъ, Христианію, Стокгольмъ, а сколько ея въ средней и южной Европѣ! Не хорошо; слѣдуетъ пополнить планъ ею. Слѣдовало бы не лишитъ чести видѣть вашу красоту Константинополь, Тегеранъ, Мадридъ и Лиссабонъ. — Она съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣчала: вы ошибаетесь, я ни мало не тщеславна; но мнѣ необходимо развлеченіе послѣ пяти лѣтъ затворничества. Съ этого обмѣна мыслей между нами она изволила гнѣваться на меня. А чортъ бы побралъ кстати и ея гнѣвъ вмѣстѣ съ любезностью Алексины Тинне! Я говорю отцу Ремона: «Вы сходите съ ума. Прикрикните на нее, скажите рѣшительно, что остаетесь при прежнемъ благоразумномъ, скромномъ планѣ послѣ-свадебной поѣздки на пароходѣ по берегамъ Средиземнаго моря, съ посѣщеніями Неаполя, Салерно, Палермо, Греціи, Александріи, плаваніемъ по Нилу до перваго порога». — «Боже мой, что вы меня учите, будто я самъ не знаю, что долженъ былъ бы сдѣлать такъ! Но болше 25 лѣтъ прожили мы съ женой, не имѣя ни одной ссоры. Не могу я опечалить ее теперь суровостью». — Итакъ дѣло безнадежно. Нынѣ за завтракомъ М-те Дюбеллѣ не благоволила замѣтить меня. Ея мамаша и папаша воротили отъ меня свои носы. (Эти курьезныя произведенія провансальской природы ничего не знаютъ и не понимаютъ, разумѣется; они только ворочаютъ носами по командѣ дочки). Я сказалъ: — «М-те Дюбеллѣ, извините прямодушіе, но я защитникъ семейнаго принципа. Я порицаю васъ за то, что въ свое путешествіе по столицамъ Европы вы не берете вашихъ родителей. Они были бы лучшимъ украшеніемъ тѣхъ баловъ, какими будутъ чтить васъ столицы въ благодарность за ваши балы». — Она съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣчала: «Благодарю за совѣтъ; но онъ нѣсколько запоздалъ: нынѣ утромъ рѣшено, что мои отецъ и мать ѣдутъ съ нами». — Вы скажете, мой милый Сеттембрини, что не понимаете, какъ достается у меня смѣлости оставаться въ этомъ домѣ при такихъ отношеніяхъ къ владычицѣ его. Какое мнѣ дѣло до благоволенія или неблаговоленія этой женщины ко мнѣ? Хозяйни и хозяйка дома — Гастонъ де Форкалькье и его жена; пока мнѣ не будетъ сказано ими или отъ ихъ имени, что они не желаютъ дальнѣйшаго моего присутствія въ ихъ домѣ, я остаюсь, потому что я полезенъ имъ, честнымъ, почтеннымъ людямъ; при мнѣ эта женщина все таки нѣсколько сдерживаетъ фантазію своего тщеславія; безъ меня въ маршрутѣ послѣ-свадебной поѣздки были бы приняты Константинополь, Аѳины, Палермо, Неаполь, Римъ, Сицилія, Лиссабонъ, Мадридъ. Она сама говорила своему будущему тестю, что думала объ этихъ городахъ, но отказывается отъ нихъ, желая показать непрошенному совѣтнику, что она помнитъ размѣръ средствъ фамилии Форкалькье и довольствуется тѣмъ размѣромъ расходовъ, который не обременителенъ. Вы скажете: «Но Ремонъ вызоветъ васъ на дуэль». — Вѣроятно вызвалъ бы еще вчера; но, начиная мою борьбу за интересы ея будущихъ тестя, тещи и мужа, я для

подготовленія умовъ разсказывалъ нѣкоторые случаи моей жизни и по поводу ихъ имѣлъ надобность объяснить, что я не дерусь на дуэляхъ, но при мнѣ всегда револьверъ, изъ котораго я стрѣляю въ человѣка, выказывающаго намѣреніе оскорбить меня. Вы скажете: «Велятъ лакеямъ вывести меня». — Я желалъ бы, чтобъ это было сдѣлано. Я люблю въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы провожали меня подъ руку дамы. Я надѣюсь, что мы вышли бы подъ руку съ М-ме Дюбеллѣ. Но оставимъ надежды на торжественное прощаніе мое съ ней. Я мирно уѣду, когда прійдетъ за мной въ марсельскую гавань маленькій пароходъ общества Рубаттини «Сигара». Я забылъ сказать, что яхта Алексины Тинне сломала себѣ винтъ близъ Мессины и едва могла добраться до этой гавани; и вмѣсто нея нанялъ для меня Алексиную Тинне этотъ пароходъ. Онъ прійдетъ сюда завтра (т. е. въ субботу) къ вечеру. Воображаю, что такое эта «Сигара»! Была, вѣроятно хорошаго сорта, но отъ старости сгнила и готова развалиться. Она готова къ послѣдному подвигу своей старости; а вы готовьтесь дня черезъ три, четыре прочесть въ газетахъ «Крушеніе парохода «Сигары» и чудесное спасеніе мистера Джеррольда, корреспондента Times'a, при погибелн всего экипажа». Чудеснаго въ моемъ спасеніи ничего не будетъ; со мной плавательный снарядъ системы Мэнби, улучшенный мною. — Буду писать передъ отъѣздомъ, то есть ранѣе 9 часовъ вечера слѣдующаго дня. *Джеррольдъ*.

Суббота, 17 июля, 5 часовъ вечера. Пришла «Сигара». Она противъ моего ожиданія не чрезмѣрно не вкусна. — Дурная женщина эта М-ме Дюбеллѣ, но умная женщина и необыкновенно хитрая. Я сказалъ, что отправляюсь въ 6 часовъ. Немедленно явилась ко мнѣ М-ме де Форкалькье и стала говорить въ такомъ стилѣ: «У васъ были непріятности съ Элеонорой; она и я, мы не желали бы, чтобы вы» — понимай: корреспондентъ Times'a, который можетъ насолить — «уѣхали съ дурнымъ мнѣніемъ о ней. Пойдемъ, я помирю васъ». — Я пожалъ плечами. — «Иду, если желаете того вы, М-ме Форкалькье». — «Я прошу васъ». — Мы идемъ въ будуаръ той, которая съ 11 часовъ слѣдующаго дня будетъ называться также М-ме де Форкалькье. Я ожидалъ чувствительной сцены, но не такой. Входимъ. Она сидитъ на креслѣ съ Ремономъ; сидѣть рядомъ имъ обоимъ было бы тѣсно, потому она сидитъ на колѣняхъ у Ромона, прижавшись къ нему, обвивъ его шею своими ручками, милый ангелъ любви и кротости. При моемъ входѣ она стремительно бросается мнѣ на шею и прежде чѣмъ я успѣлъ приспособить губы къ ея поцѣлу, мой лобъ, мои глаза уже лобызаются ею, затѣмъ начинается и длится едва ли не безъ конца поцѣлу въ губы; онъ прерывается лепетомъ: я была виновата передъ вами; я понимаю, что вы охраняли общіе интересы, всего нашего семейства; но я горда и вспыльчива; простите меня, простите меня». — Будущій мужъ и будущая теща едва стащили ее съ моей шеи. Вы скажете: «Не дурно», — погодите хвалить. Я сказалъ, что если она считаетъ меня добросовѣстнымъ совѣтникомъ, то я прошу у нея разговора наединѣ. «О, да! да! — Матап, Ремонъ, оставьте насъ». Они уходятъ. Она начинаетъ серьезнымъ, кроткимъ, но твердымъ тономъ:

— «Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ, мистеръ Джеррольдъ; сидѣть, и выслушайте меня прежде, чѣмъ высказывать ваше порицаніе. Я тщеславна; да, но поймите: у меня закружилась голова отъ мысли, что я госпожа всего

здѣсь. Повѣрьте, это пройдетъ; это ужъ начинаеть проходить. Моя прошлая жизнь можетъ служить вамъ ручательствомъ, что у меня нѣтъ недостатка въ твердости воли. Мнѣ казалось, что я могу безъ особеннаго вреда положенію денежныхъ дѣлъ моей будущей фамиліи дозволить себѣ тѣ расходы, за которые вы порицаете меня. Съ издержками послѣ-свадебной-поѣздки, которыя считаю я въ 750.000 франковъ и которыя не превысятъ этой цифры, сумма всѣхъ расходовъ на удовлетвореніе тому, что справедливо называется вы моимъ женскимъ тщеславіемъ, не превзойдетъ 1.460.000 франковъ. Я веду, какъ видите, аккуратный счетъ. Семейство, въ которое вступаю я, жило ужъ десять лѣтъ экономно; сбереженія за это время съ процентами на нихъ составляютъ теперь 5.380.000 съ чѣмъ-то франковъ; я не запомнила цифры ниже десятковъ тысячъ; впрочемъ, если хотите, я покажу вамъ счета парижскаго банкира фамиліи Форкалькье; вы можете удостовѣриться, что я не ошибалась и не обманываю васъ.

— Это было бы излишнимъ. Я вѣрю вамъ тѣмъ больше, что самъ знаю: сбереженія нѣсколько превышаютъ цифру 5.000.000 франковъ.

— Скажите жъ, неужели такое тяжелое преступленіе моихъ будущихъ отца и матери бросить изъ этой суммы меньше, чѣмъ полтора миліона, много меньше, чѣмъ одну третью часть ея, лишь немногимъ больше четвертой части, на удовлетвореніе моему головокруженію, которое, повѣрьте мнѣ, ужъ начинаеть проходить. Скажите ваши требованія; впередъ обѣщаюсь исполнить всѣ ихъ. Должна ли я, по вашему мнѣнію, отказаться отъ этой послѣ-свадебной поѣздки по континенту? Скажите, и услышите отъ меня: «отказываюсь».

Чортъ возьми! Клянусь вамъ, мое положеніе было затруднительно. Рѣдко кто успѣвалъ поставить меня въ такое затрудненіе.

— Вы колеблетесь, мистеръ Джеррольдъ? Вамъ жаль меня? Не опасайтесь, я не буду плакать.

— Обѣщайтесь, что сумма расходовъ не превыситъ 1.500.000 франковъ и я доволенъ.

— Требуйте какого нибудь другого обѣщанія, мистеръ Джеррольдъ; давать это—безполезно, потому что цифра нѣсколько меньшая уже опредѣлена мной. Впрочемъ даю его. Но мое желаніе остается не исполнено; я хотѣла, чтобы вы потребовали отъ меня какой нибудь жертвы.

Я молчалъ. Чего еще могъ бы потребовать я отъ нея? Мое желаніе было уже удовлетворено: я видѣлъ, что денежные интересы ея будущей фамиліи безопасны подъ ея владычествомъ.

— Желаю, чтобы вы остались благоразумной, сдержали ваше рѣшеніе, и не сомнѣваюсь, что вы сдержите его.

— Надѣюсь. Позовито сюда Ремона и М-ме де Форкалькье, если нашъ разговоръ надинѣ конченъ. Но прежде пожмите мнѣ руку.

Я подаль ей руку; она крѣпко сжавъ ее, сказала:

— Всѣ поцѣлуй, мистеръ Джеррольдъ, не достаточно прочная гарантія моего чувства къ вамъ; они были порывомъ волненія. Теперь, вы видите, я спокойна.

Она взяла мою голову, наклонила къ себѣ и поцѣловала меня.

— Идите за Ремономъ и моей новой матерью.

Я сходилъ за ними.

— Матап и Ремонъ, мы цѣловались безъ васъ, поцѣлуемся и при васъ.

Она снова поцѣловала меня, крѣпко, — съ искреннимъ чувствомъ. По крайней мѣрѣ всякій видѣвшій сказалъ бы такъ. Прервавъ долгій поцѣлуй, на который отвѣчали отцовской нѣжностью мое сердце и мои объятія, она проговорила:

— Теперь идите, займитесь вашими приготовлениями къ отъѣзду.

О, какую смѣсю комедантства и глубокаго искреннѣйшаго чувства была эта непредвидѣнная мною сцена; да, непредвидѣнная мною.

«Суббота 17 июля, 11 часовъ вечера. (Деша обыкновеннаго письма). Я все еще здѣсь. Матросы «Сигары» все мертвецки пьяны. Когда отпущенный Элеонорой (я снова называю ее такъ, потому что дѣйствительно примирился съ нею, не на словахъ только, но и въ душѣ), я прѣхалъ взглянуть, все ли готово къ отплытію, я нашелъ матросовъ уже болѣе чѣмъ полупьяными. Я отнял у нихъ вино, втолкалъ ихъ въ каюту экипажа, заперъ и ушелъ съ тѣмъ, чтобы нанять новыхъ матросовъ и приобрести новаго капитана.

Съ человѣкомъ, допустившимъ такое безобразіе, нельзя было плыть. Черезъ часъ я возвратился на «Сигару» съ новымъ капитаномъ и съ новымъ экипажемъ. Я выдалъ прежнему капитану жалованье за полгода ему и его матросамъ; пьяницы, услышавъ это, перестали роптать, прославляли отсутствующаго ихъ съ наградой, вмѣсто наказанія, и велѣлъ новому экипажу разводять пары; остался самъ наблюдать за этимъ. Черезъ полчаса новый капитанъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Надобно набрать новый экипажъ; эти матросы тоже ужъ напились». Я пошелъ посмотрѣть. Да, они были пьяны. Было уже 9 часовъ вечера. Гдѣ набирать новыхъ матросовъ? Я разсудилъ, что скорѣе проспятъ эти. Послалъ попросить у ближайшаго полицейскаго комиссара четырехъ надежныхъ полицейскихъ, обѣщавъ дать имъ хорошее вознагражденіе за трудъ. Онъ прислалъ. Я отдалъ мой пьяный экипажъ подъ ихъ надзоръ, попросивъ капитана увѣдомить меня, когда они проспятъ; велѣлъ ему одновременно съ этимъ увѣдомленіемъ разводять пары, не дожидаясь моего новаго распоряженія, и возвратился къ Форкалькье. Они, по обыкновенію, собираются на балъ; это будетъ послѣдній передъ-свадебный балъ въ честь жениха и невѣсты; для него поберегъ свое право дать балъ первый здѣшній милліонеръ. Все они уговаривали ѣхать съ ними. Что жъ, посмотрю, каковы бываютъ балы у марсельскихъ милліонеровъ. Раньше двухъ часовъ утра мои пьяницы не выпьются (съ матросами, не вполне протрезвившимися, я не поплыву, потому что съ утра поднялся вѣтеръ и все усиливается. Смерти я не боюсь, но безъ надобности тонуть не хочу). Мнѣ тѣмъ легче было согласиться на просьбу настоящихъ Форкалькье и будущей Форкалькье, что на балѣ будетъ дочь префекта, Леонія Бильо, которую все очень хвалятъ. Мнѣ хочется взглянуть, что такое эта Леонія, имя которой было на нѣкоторое время соединено молвой съ именемъ Ремона. Она выздоровѣла дня четыре тому назадъ и третьяго дня ужъ начала выѣзжать; но на балахъ она еще не бывала; да и я не былъ; потому не случилось мнѣ видѣть ее. Вещи мои уложены къ отъѣзду; я велѣлъ отвезти ихъ на «Сигару» по увѣдомленію, что капитанъ началъ разводять пары, и пойду на мой пароходъ прямо съ бала».

«Ночь съ субботы на воскресенье, 2 часа 10 минутъ (шиффованная депеша). Разыгралась буря, отъѣздъ невозможенъ съ 10 часовъ вечера. Моряки говорятъ, (да и самъ я знаю здѣшнее море достаточно, чтобы видѣть): буря продлится по крайней мѣрѣ до вечера завтра. А какъ была подготовлена безопасность отъ погони! Вы понимаете: новый экипажъ — отборные итальянцы Ремона, двѣнадцать безстрашныхъ героевъ, и пять такпхъ же моряковъ, присканныхъ мною въ Генуѣ и Ливорно. Вы понимаете: я подпоилъ черезъ одного изъ нихъ, надежнаго чело-вѣка; вы понимаете: чѣмъ отвѣчали мои итальянцы и отборные итальянцы Ремона на мою просьбу дѣлать какъ я говорю, не спрашивая объясненія: «хоть на эшафотъ пойдомъ по вашему слову, другъ нашъ, не спросивъ, зачѣмъ». Они знаютъ, что я дѣлалъ десять лѣтъ тому назадъ въ Римѣ и въ Венеціи. Да и послѣ дѣлалъ я кое-что честное въ Итали; это было сказано моимъ итальянцамъ вождами ихъ въ Генуѣ и Ливорно. Мы должны были уѣхать на пароходъ съ бала. И до послѣдней минуты оставались бы на цалубѣ свидѣтелями невинности моего парохода четыре полицейскіе служители. Но буря все разстроила. Скверная исторія. До 10 часовъ я сохранялъ надежду. Скверная исторія».

«Воскресенье, 18 юля, 10 часовъ утра. (Депеша обыкновеннаго письма). Глупость женщинъ, даже пожилыхъ, превосходить всякое вѣроятіе. Эта добрѣйшая и благороднѣйшая изъ старыхъ дуръ, М-ме де Форкалькье, была больна полторы недѣли тому назадъ и еще не поправившись, не давала отдыха, присутствовала на всѣхъ обѣдахъ и балахъ въ честь ея сына и будущей дочери, то есть каждый день начинала наряжаться съ 4 часовъ пополудни и оставалась въ корсетѣ до 5, 6 часовъ утра слѣдующаго дня. Она повидимому воображала, что она корова. Не спорю, сходство есть, — если не со всякой коровой, то, по крайней мѣрѣ, съ откормленной. Но коровы не затягиваются въ корсетъ и не сидятъ въ принужденной позѣ больше половины каждыхъ сутокъ въ бальной атмосферѣ, переполненной всякими отравляющими газами, изъ которыхъ самый невинный углекислота. Старая дура на балѣ, начавшемся вчера, упала въ половинѣ третьяго въ обморокъ. Отнесли ее въ спальную хозяйки, стали распускать корсетъ и ахнули отъ ея глупости: она затянула такъ туго, что отъ легкаго прикосновенія ножа толстый шнурокъ лопнулъ и половинки корсета разлетѣлись сами собой вытягивая освободившіяся шнурокъ. Теперь эта умная дама лежитъ на постели, разиня ротъ и все еще не надышалась досыта, чтобы дышать какъ по-обыкновенному. Свадьба отложена до выздоровленія доброй, милой маман. Врачъ общается, что она оправится нынѣ къ вечеру. Здѣсь свирѣпствуетъ буря, мой отъѣздъ не возможенъ. *Джеррольдъ*».

«Понедѣльникъ, 19 юля, 8 часовъ утра (шиффованная депеша). Буря продолжается. Пока не получите новой шиффованной депеши, знайте, что буря все еще продолжается, отъѣздъ все еще не возможенъ».

«Понедѣльникъ, 19 юля, 2 часа пополудни. (Депеша обыкновеннаго письма). Вчера, въ досадѣ на глупость моей млѣйшей пріятельницы и дѣйствительно добрѣйшей на свѣтѣ женщины, М-ме де Форкалькье, я не рассказалъ вамъ мопхъ приключеній на балѣ. Я былъ предметомъ оваціи на немъ. Нашъ разговоръ наединѣ съ будущей дочерью моей млѣйшей дуры (которую я дѣйствительно люблю и потому дѣйствительно жалѣю до злости) былъ подслушанъ горничными (что и натурально при качествахъ французской прислуги и уже само по себѣ до-

статочно характеризуетъ домашній бытъ французовъ). Когда мы прѣехали на балъ, всѣ дамы, которымъ представляли меня, говорили мнѣ комплименты за вѣрность моей дружбы къ фамиліи Форкальке. Оказывалось, что нашъ разговоръ наединѣ съ Элеонорой ужъ извѣстенъ всему высшему марсельскому обществу и въ существенныхъ чертахъ совершенно вѣрно, лишь съ маленькими прикрасами фантазіи горничныхъ въ родѣ того, что я цѣловаль руки М-ше Дюбеллѣ (что, впрочемъ, очень могло бы быть, но чего въ дѣйствительности не было). Въ четверть 2-го общество было приглашено перейти въ столовый салонъ, чтобы освѣжиться легкой закуской. (До ужина было еще далеко). Закуска была такая роскошная, и обѣщала быть продолжительной, что общество сидѣло какъ за ужиномъ, а не ѣло въ стоячку, или какъ французы называютъ à la fourchette. Являются слуги, подносятъ шампанское, беремъ бокалы; я жду-тоста въ честь жениха и невесты. Хозяинъ встаетъ и говоритъ: «за здоровье вѣрнаго друга, мистера Джерролда!» Встаетъ М-ше Дюбеллѣ и говоритъ: «Право спича на этотъ тостъ принадлежитъ мнѣ», дѣлаетъ очеркъ моихъ странствованій и той пользы, какую удалось мнѣ принести соотечественникамъ моимъ и людямъ другихъ націй въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и заключаетъ словами: «Таковъ же онъ былъ и здѣсь въ Марсели, какъ нашъ гость. Я обязана ему тѣмъ, что надѣюсь заслужить уваженіе подавленіемъ въ себѣ той дурной склонности, за которую справедливо порицали меня благоразумные люди. Пью за здоровье моего вѣрнаго друга, неотступавшаго передъ моимъ раздраженіемъ въ исполненіи своего правила быть полезнымъ всегда и вездѣ всѣмъ людямъ, къ которымъ приводятъ его благородныя обязанности публициста». Спичъ былъ покрытъ аплодисментами. На тостъ въ честь мнѣ я отвѣчалъ тостомъ въ честь французскаго общества, представителей котораго вижу я тутъ, и въ моемъ спичѣ говорилъ, что есть у французской націи недостатки, но она рѣшилась исправиться отъ нихъ, какъ теперь заявила подобное рѣшеніе одна изъ благороднѣйшихъ дочерей ея, которая не вполнѣ несправедливо приписываетъ мнѣ нѣкоторое вліяніе на принятое ею рѣшеніе, но преувеличиваетъ значеніе моего содѣйствія ему. Оно было принято ею раньше, нежели произошло между нами объясненіе, какъ это извѣстно всѣмъ присутствующимъ здѣсь. Честь рѣшенія принадлежитъ ей, мнѣ только право на имя честнаго друга, симпатизирующаго благородной и твердой рѣшимости ея. Черезъ нѣсколько минутъ М-ше де Форкальке упала въ обморокъ; ея мужъ, сынъ и будущая дочь ушли въ ту комнату, куда перенесли ее и когда врачъ нашелъ возможнымъ перевезти заболѣвшую домой, то, конечно, отправились съ нею. Я остался на балѣ и воспользовался случаемъ всмотрѣться въ характеръ Леоніи Вильо, которой былъ представленъ хозяйкою дома вскорѣ послѣ ея прѣзда на балъ. (Она прѣехала поздно, во время закуски). Это очень милая дѣвушка.

Проснувшись нынѣ въ 12 часу, я отправился взглянуть, что дѣлается на моемъ пароходѣ. Тамъ все въ порядкѣ, благодаря надзору четырехъ полицейскихъ, такъ любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе. Комиссаръ, котораго благодарилъ я, сказалъ, что моя благодарность должна относиться не къ нему, а къ префекту, безъ разрѣшенія котораго онъ не могъ бы исполнить моей просьбы. Я былъ радъ случаю познакомиться съ г. Вильо и отправился къ нему выразить признательность за его любезное одолженіе. Мы говорили долго. Онъ вовсе не такой дурной человѣкъ, какъ увѣряютъ враги правительства. Онъ пригласилъ

меня обѣдать у него. Я сказала, что приѣду, если не уплыву раньше. Но нѣтъ надежды отплыть нынѣ. Буря продолжаетъ свирѣпствовать. Есть нѣкоторые признаки, что она черезъ нѣсколько часовъ начнетъ ослабѣвать; но едва ли плаваніе станетъ безопаснымъ хотя бы ночью. О болѣзни глупой старухи не стоитъ много говорить; опасности нѣтъ, но дура едва ли встанетъ и завтра. Такимъ образомъ свадьба отлагается до вторника. *Джеррольдъ*».

«Понедѣльникъ 19 июля, 9 часовъ вечера. (Депеша обыкновеннаго письма). Вчера я обѣдалъ у префекта, обѣдалъ и нынѣ; въ этомъ состоитъ причина того, что я только теперь нашелъ досугъ написать нѣсколько словъ. Мг. Бильо рассказывалъ мнѣ такъ много интереснаго о положеніи дѣлъ во Франціи и о недавнихъ событіяхъ, что я, по возвращеніи отъ него, весь вечеръ писалъ, и только позднимъ утромъ нынѣ кончилъ письмо въ Times. Это не депеша, а письмо, потому что дѣло идетъ не о новостяхъ минуты; я дѣлаю обзоръ фактовъ внутренней исторіи Франціи за послѣднія десять лѣтъ, съ іюнскаго возстанія, выдвинувшаго впередъ кандидатуру принца Луи Наполеона на санъ президента республики. Я излагаю понятія правительственной сферы объ этихъ фактахъ; мое сужденіе было бы не умѣстно въ этомъ обзорѣ хода дѣлъ съ точки зрѣнія нынѣшняго французскаго правительства. Отправивъ эту депешу къ вамъ, буду писать другое письмо въ Times; оно будетъ излагать содержаніе бесѣды префекта со мною за нынѣшнимъ обѣдомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ свою жизнь. Я съ его разрѣшенія перескажу его рассказъ англійской публикѣ. Характеръ изложенія будетъ тотъ же: я передаю слышанное мною и только. Буду обѣдать у префекта и завтра, если не уплыву до того времени. М-те де Форкалькье поправляется, свадьба назначена послѣ завтра, въ среду въ 2 часа дня. Молодые отправятся прямо изъ церкви въ послѣ-свадебное путешествіе. Не ждите отъ меня депешъ раньше вечера завтра, если не уплыву днемъ. Передъ отплытіемъ извѣщу васъ, если оно будетъ раньше вечера. *Джеррольдъ*».

«Понедѣльникъ, 19 июля, 11 часовъ вечера (шиффованная депеша). Буря начинаетъ утихать. Завтра къ вечеру стихнетъ. Волненіе будетъ еще велико, но не будетъ представлять опасности. Не ждите больше отсюда шиффованныхъ депешъ».

«Вторникъ, 20 июля, 11 часовъ 25 минутъ вечера. (Депеша обыкновеннаго письма). Сейчасъ возвратился отъ префекта, бесѣда съ которымъ затянулась, какъ видите, на много часовъ. Если бы я зналъ, какой это человекъ, я проѣхалъ бы со станціи прямо къ нему. Новаго ничего; слѣдующую депешу пошлю передъ отплытіемъ, которое будетъ послѣ новаго моего свиданія съ префектомъ. Я отправлюсь къ нему въ 9 часовъ утра побывавъ на пристани и велѣвъ разводитъ паръ. За трезвость моего экипажа я спокоенъ; она охраняется прежними неподкупными и не пьющими ни капли вина полицейскими служителями».

«Спеція. Четвергъ, 22 июля, 5 часовъ утра. (шиффованная депеша). Безъ сомнѣнія, вы измучились, мой другъ продолжительностью моего молчанія. Молчать было надобно. То, что надобно, я дѣлаю, не поддаваясь никакому чувству не согласному съ надобностями дѣла. Въ ночь со вторника на среду, въ половинѣ 12-таго часа я простился съ моимъ новымъ пріятелемъ, префектомъ, у котораго сидѣлъ весь вечеръ и отправился на пароходъ, купленный мною, но только фактически, а не документально: формальнымъ образомъ онъ оставался принадлежащимъ

пароходному обществу Рубаттини. Я заплатилъ деньги передъ его отплытiемъ изъ Генуи, потому что онъ могъ быть пущенъ ко дну на плаванiи изъ Марсели сюда.

Мы условились, что пароходъ будетъ готовъ къ отплытiю въ половинѣ 2-го часа, на случай надобности намъ поторопиться, но что если ничего особеннаго не случится, то мы отплывемъ въ 2 часа; что Элеонора, Ремонъ, его отецъ и мать въ половинѣ 2-го часа сядутъ въ двѣ кареты, заѣдутъ за Леонiей и поѣдутъ къ тому уединенному мѣсту пристани, гдѣ стоитъ нашъ пароходъ.

Измѣны въ домѣ Форкалькье не могло быть. Прислуга семейства состояла изъ людей скромныхъ, честныхъ, любившихъ его. Не должно было быть затрудненiй и отъѣзду Леонiи. Личныя служанки ея любили ее. Двѣ изъ нихъ имѣли прiателей, уходили и приходили въ ночное время (не потому, что скрывали свои связи, а потому, что днемъ и онѣ и прiатели ихъ были заняты дѣломъ; по праздникамъ прiатели приходили къ нимъ, сидѣли съ ними. Это были скромныя дѣвушки; прiатели ихъ были ихъ женихи; таковъ обычай). Леонiя, надѣвъ платье одной изъ нихъ, могла вмѣстѣ съ другой свободно идти изъ дому, не обращая на себя вниманiя другой прислуги, если бы встрѣтились съ кѣмъ она и ея подруга.

Мы условились, что экипажи—двѣ кареты—подъѣдутъ въ 50 или 55 минутъ 2-го часа къ мѣсту парохода на разстоянiе сотни шаговъ и остановятся на полторы минуты, потомъ подъѣдутъ совѣмъ, и всѣ нами пойдутъ немедленно на пароходъ, не ожидая никакой встрѣчи, кромѣ поклона капитана.

Въ 45 минутъ 2-го часа я сказалъ четверемъ полицейскимъ, охранявшимъ пароходъ, что при окончанiи ихъ службы мнѣ я и матросы, довольные ими, хотимъ вышить за ихъ здоровье. Они пошли со мной въ матросскую каюту. Тамъ было одиннадцать итальянцевъ; намъ нужно было двѣнадцать человекъ; двѣнадцатымъ былъ я. Двое оставались при машинѣ; капитанъ и одинъ изъ матросовъ были на палубѣ.

Я усадилъ полицейскихъ за столъ, каждаго между двумя итальянцами (мѣсто одного итальянца занялъ я, сѣвъ за столъ лицомъ къ двери), четыре другiе итальянца прислуживали. Мы разговаривали и по-немножку пили. Матросъ, остававшiйся на палубѣ, вошелъ подымая обѣ руки поправить волосы; это значило: обѣ кареты подъѣхали, остановились. Я поднялъ руку съ платкомъ; это былъ сигналъ: едва платокъ коснулся моего лба, каждый изъ четырехъ, ставшихъ позади полицейскихъ, зажалъ ротъ своему полицейскому, двое, сидѣвшiе по сторонамъ, схватили этого полицейскаго за руки. Не было ни одного крика, слышался только легкiй шумъ отодвигаемыхъ стульевъ и опусканiя схваченныхъ полицейскихъ на полъ каюты. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ четверо были связаны и рты имъ заткнуты. Черезъ минуту Элеонора, Леонiя, Ремонъ, его отецъ и мать взошли на пароходъ и онъ двинулся полнымъ паромъ. Было 58 минутъ 2-го часа ночи. Этотъ пароходъ дѣлаетъ 18 съ половиною узловъ въ часъ. Въ южныхъ гаваняхъ Францiи нѣтъ ни одного парохода такой быстроты. Отъ погони изъ Марсели мы были безопасны, но могли быть посланы корабли изъ Тулона на перерѣзъ намъ. Если бъ одинъ изъ нихъ встрѣтился съ нами, мы пошли бы ко дну, потому что не было бъ ему другого средства остановить насъ, кромѣ пусканiя ядеръ вслѣдъ за нами: нагнать насъ не могъ бы ни одинъ изъ тулонскихъ кораблей, мы имѣли бъ болѣе двухъ узловъ скорости въ излишкѣ противъ быстрѣй-

шаго изъ нихъ. Шансъ встрѣчи былъ очень малъ, еще меньше былъ шансъ по-пасть въ насъ ядромъ на разстояніи половины километра (ближе нельзя было бы подойти къ намъ, хотя бы врагъ шелъ на насъ въ направленіи наименѣе выгодномъ для нашего ухода отъ него): ночь была лунная, но по небу шло много тучъ, закрывавшихъ луну на четверть часа, на полчаса, оставлявшихъ ее свѣтить лишь по трп, четыре минуты. Шансъ нашей гибели былъ очень малъ, но все такъ былъ. Я не говорилъ объ этомъ никому. Всѣ нами воображали себя въ полной безопасности съ той минуты, какъ пароходъ началъ отодвигаться отъ берега. До высоты Тулона мы были совершенно безопасны. Но когда мы приближались къ ней, мое сердце стало биться нѣсколько чаще, чѣмъ слѣдуетъ биться ему у мужчины въ минуты опасности. Полюбилъ я всѣхъ ихъ: и Ремона, и Леонію, и отца и мать Ремона; но отъ мысли о ихъ гибели не трепетало бы мое сердце; горячо я люблю только Элеонору. Я смотрѣлъ въ телескопъ по направленію къ Тулону, высоту котораго проходилъ далекимъ уклономъ на югъ. Показывались нѣсколько разъ корабли между нами и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ далеко за нашимъ горизонтомъ Тулонъ; но они шли не на перерѣзъ намъ, а съ востока на западъ, изъ гаваней Тосканы и Лигуріи въ Марсель; и это были не военные корабли, а почтовые и коммерческіе пароходы. Когда мы прошли высоту Тулона, я передалъ телескопъ капитану, сошелъ въ пассажирскій залъ, гдѣ сидѣли Леонія, Ремонъ, его отецъ, мать и моя милая Элеонора, беззаботно разговаривая. «Теперь мы въ полной безопасности», сказала я имъ. «А развѣ была опасность?»—спросили они съ удивленіемъ. «Очень небольшая, но была; не отъ Марсели, но отъ Тулона». Я растолковалъ имъ, что нагнать насъ нельзя, но можно было успѣть перерѣзать намъ путь.

Мы сдѣлали далекій обходъ на югъ; потому наше плаваніе было нѣсколькими часами продолжительнѣе, чѣмъ могло бы быть безъ этого уклона, составлявшаго прибавку пути на 60 или 70 морскихъ миль (узловъ). Мы вошли въ гавань Спеціи въ 8 часовъ 32 минуты вечера, вышли на берегъ въ 8 часовъ 49 минутъ (я считаю по марсельскому меридіану. Въ Спеціи время было нѣсколько позднѣе). Насъ ждали на пристани кареты; мы отправились прямо въ церковь (Св. Аннунціаты). Тамъ уже были зажжены люстры, собирався народъ смотрѣть бракосочетаніе сына и дочери сосѣднихъ довольно богатыхъ землевладѣльцевъ. Мы вошли въ церковь; я подошелъ къ священнику, сказалъ ему: «я повторяю вамъ ту просьбу, которую вы ужь слышали»; онъ обратился къ народу и сказалъ, что невѣста, увидѣть которую собрались его прихожане и другіе благочестивые люди, просила его извинить нѣкоторое промедленіе: прическа ея случайно разстроилась; нужно четверть часа поправить волоса; тѣмъ временемъ онъ обвѣнчаетъ другую свадьбу; и началъ обрядъ бракосочетанія французскихъ гражданина и гражданки Ремона де Форкалькье и Леоніи Бильо. Передъ концомъ ихъ вѣнчанья пріѣхали женихъ и невѣста, которыхъ ждалъ народъ. Невѣста въ великолѣпномъ кружевномъ платьѣ сказала Леоніи: «Благодарю васъ за прекрасный подарокъ». Леонія отвѣчала: «Это подарокъ не отъ меня, отъ моей подруги, которая не можетъ надѣть приготовленнаго для нея кружевного платья, потому что рѣшила сдѣлать свою свадьбу самымъ скромнымъ образомъ». «Я тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ», сказалъ женихъ Элеонорѣ, что вашъ подарокъ ускорилъ нашу свадьбу цѣлой недѣлей».

Элеонора хотѣла отправиться по направленію въ Англію съ первымъ поѣздомъ. Онъ отходилъ черезъ 7 или 8 минутъ. Мы уговорили ее быть на свадебномъ пирѣ невѣсты, женихъ которой благодарилъ ее за ускореніе ихъ свадьбы. Мы не ждали приглашенія, тѣмъ пріятнѣе была для насъ эта любезность. Сельскій домъ жениха находится въ одной итальянской милѣ отъ города. Мы провели съ гостями нашихъ хозяевъ полчаса, потомъ перешли въ отдѣльную комнату, приготовленную для насъ, поговорили, выпили нѣсколько тостовъ, попрощались и разъѣхались. Отецъ и мать Ремона возвратились на пароходъ и поплыли въ Марсель. Ремонъ и Леонія отправились на югъ; они будутъ мѣсяца два путешествовать по Южной Италіи, Сициліи, съѣздить посмотрѣть Грецію, Константинополь, берега Леванта и обозрѣвая берегъ Африки возвратятся въ Марсель. Кстати о Леоніи. Я получилъ двѣ депеши отъ отца ея. Въ первой онъ, отвѣчая на мой вопросъ, говоритъ, что декретъ о преданіи его суду уничтоженъ (какъ я предсказывалъ ему въ своемъ вопросѣ, потому что возможное ли дѣло для бонапартистской высшей компаніи разоблачать такіе подвиги усердныхъ слугъ?); но что отставка ему дана. Во второй депешѣ онъ проситъ меня благодарить Гастона де Форкалькье за назначенную ему пенсію въ 10.000 франковъ; онъ не зналъ, что онъ обязанъ собственно мнѣ цифрой этой пенсіи; Гастонъ де Форкалькье хотѣлъ дать ему 50.000 франковъ; я сказалъ, что въ пять разъ меньше будетъ въ пять разъ полезнѣе для его здоровья: въ пять разъ меньше будетъ распутничать.

Я, подобравшись такъ близко къ Альпамъ, буду пробираться по нимъ до Карпатовъ, если не остановитъ этого путешествія какое нибудь порученіе мистера Дилена, болѣе интересное или важное. Вы теперь достаточно знаете меня, чтобы понимать: моя несчастная страсть къ охотѣ лишь предлогъ бродить между народомъ. Впрочемъ я стрѣляю превосходно, но только пулей; и бью много птицъ, но не тѣхъ, какъ другіе охотники. Увидимся, то расскажу исторію дѣвицы, которую клевали куры и носили на рогахъ коровы; она была дочь охотника; и если бъ у меня была дочь, то отцомъ героини моего сказа былъ бы именно я.

Проводивъ стариковъ во Францію, молодыхъ Форкалькье на югъ, мы съ Элеонорой пріѣхали на станцію Генуэзской дороги. Я вызывался проводить мою милую Элеонору до Лондона; она сказала, что доѣдетъ и одна. Я проводилъ ее въ вагонъ; мы обнялись; пора было уйти мнѣ; я поцѣловалъ ее руку—моя милая Элеонора достойна того. Поѣздъ двинулся и я остался на дебаркадерѣ одинъ. И гораздо лучше, что она не взяла меня съ собой. Хорошія женщины хороши, не спорю; но есть у нихъ одно общее со всѣми другими женщинами не похвальное качество: только останься подольше ихъ собесѣдникомъ, то самъ не замѣтишь, какъ тебѣ ужъ подыскана невѣста, и не успеешь хлопнуть раза два глазами отъ удивленія, какъ уже увидишь себя обвиняемымъ, и твоя пріятельница, хорошая женщина, поздравляетъ тебя съ счастливымъ бракомъ. Хотите послушаться опытнаго человѣка? Не женитесь на Элеонорѣ, которая черезъ два дня пріѣдетъ въ Лондонъ и на первый разъ остановится у мистера и мяснсъ Бриггсъ, приславшихъ ей еще въ Марсель приглашеніе быть ихъ гостей. Вашимъ уваженіемъ къ моей опытности заклинаю васъ: не женитесь на ней; это будетъ очень хорошо по двумъ резонамъ,

одному для нея, другому для васъ. Она сохранить уваженіе къ себѣ, которое утратить, вышедши замужъ. А вы, когда доживете до 37 лѣтъ, то увидите, что вы старій дуракъ, какъ вижу я теперь о себѣ; это хорошо: дуракамъ легче жить на свѣтѣ, чѣмъ умнымъ людямъ. *Джерфольдъ*».

— Отдохните, Мг. Вязовскій, сказала баронеса:—И не отложить ли намъ продолженіе разсказа до слѣдующаго четверга? Теперь ужъ почти четверть 3-го, а мы не остаемся здѣсь позже 3-хъ часовъ. Лидія встаетъ довольно рано, въ 10.

— То, что остается мнѣ досказать, займетъ не много времени, баронесса, а я нисколько не усталъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте.

Черезъ два дня Элеонора приѣхала въ Лондонъ. Мы повѣнчались.

Элеонорѣ не хотѣлось разставаться съ матерью и отцомъ, людьми дѣйствительно добрыми. Она была одна у нихъ; жалѣла покинуть ихъ, горячо по своему любившихъ ее. Я попросилъ мистера Бриггса назначить меня помощникомъ представителя нашей фирмы въ Марсели. Онъ сказалъ:

— Ваше желаніе будетъ исполнено, мистеръ Сеттембрини. Я предвидѣлъ его и обдумалъ, какъ это сдѣлать получше. Я сильно раздосадованъ на васъ за то, что вы оправдали вашей просьбой мое предположеніе. Вы знаете, что вы надобенъ мнѣ здѣсь. Еще больше досаду я на миссисъ Сеттембрини, виноватой въ этомъ. Но мое чувство само по себѣ, а правила, по которымъ я долженъ рѣшить дѣло, сами по себѣ. Желаніе миссисъ Сеттембрини достойно всякаго уваженія, потому я обязанъ исполнить его, какъ могу. Она и вы хорошо понимаете сами, да и миссисъ Бриггсъ говорила ей, что вамъ, мистеръ Сеттембрини, предстоитъ блестящая коммерческая карьера, если вы останетесь при мнѣ. Но миссисъ Сеттембрини и вы такіе люди, которые понимаютъ, что такое они дѣлаютъ, и потому не раскаяваются въ томъ, что дѣлаютъ. Разсмотримъ ваше желаніе въ той формѣ, какую вы дали ему, чтобъ оно было наименѣе обременительно для меня. Въ этой формѣ оно неудобноисполнимо. Вы занимали здѣсь положеніе съ формальной стороны невысокое, но на дѣлѣ гораздо болѣе высокое, чѣмъ должность представителя нашей фирмы въ Марсели, одномъ изъ второстепенныхъ пунктовъ нашихъ операций. Ваши отношенія къ тому, кто по формѣ будетъ вашимъ начальникомъ, будутъ по необходимости неудобными для него. Вы пользуетесь несравненно большимъ довѣріемъ у меня, чѣмъ онъ. Какой же вы подчиненный ему. И онъ одинъ успѣваетъ дѣлать все; на что-жъ ему помощникъ?—Притомъ, такъ какъ миссисъ Сеттембрини хочетъ жить съ отцомъ и матерью, то ей слѣдуетъ жить не въ Марсели, а въ Арлѣ. Всѣ свѣтлыя воспоминанія ихъ жизни соединены съ Арлемъ, съ ихъ домикомъ, ихъ виноградникомъ. Вы человекъ скромный въ своихъ денежныхъ желаніяхъ, миссисъ Сеттембрини и того скромнѣе. Назначить вамъ большое жалованье по должности представителя нашей фирмы въ Арлѣ я не могу. Спросите у миссисъ Сеттембрини, найдетъ ли она достаточнымъ, если вы будете получать 400 фунтовъ.

— Для Арля 10.000 франковъ очень большія деньги, сказали я:— когда мы съ миссисъ Сеттембрини говорили о томъ, какое жалованье можетъ быть дано мнѣ по должности, которой просилъ я, мы находили, что и въ Марсели намъ будетъ достаточна цифра нѣсколько меньше той, которую назначаете вы. А для Арля—это очень большое изобиліе денегъ. Но для нашей фирмы нѣтъ надобности имѣть представителя въ Арлѣ. Вы не единственный собственникъ интересовъ фирмы, я долженъ полагать, что вы хотите назначить мнѣ жалованье изъ собственной вашей кассы.

— На первое время да. Но я полагаю, что скоро вы найдете въ Арлѣ для нашей фирмы дѣла достаточно обширныя для того, чтобъ я имѣлъ право перенести ваше жалованье изъ моего личнаго счета въ счетъ фирмы и взять обратно себѣ выданныя вамъ деньги, которые окажутся авансами для управляемыхъ вами дѣлъ.

На шестой день послѣ нашей свадьбы я уже присматривался въ Арлѣ, какое бы предпріятіе могло дать выгоду нашей фирмѣ. Долго присматриваться было не нужно: въ то время очень большія выгоды сельскимъ хозяевамъ департамента Устій Роны давало производство марены. Оно велось допотопными способами. Придавъ ему тотъ характеръ, какого требуетъ настоящее положеніе техническихъ знаній, можно было получать очень большой процентъ на капиталъ. Я занялся этимъ, дѣло пошло хорошо. Я купилъ участки въ тѣхъ мѣстностяхъ, наиболѣе благоприятныхъ производству марены. Я построилъ громадныя зданія для переработки продукта нашихъ плантацій и закупаемаго мною сырого матеріала.

Наша жизнь была пріятна. Насъ любили въ Арлѣ и въ Марсели. Съ семействомъ Форкальке мы были какъ родные. Это понятно само собой. Не только Элеонора была сестрой Леоніи, но и мать ея пользовалась такимъ почетомъ въ семействѣ Форкальке, какъ будто была близкая старшая родственница матери Ремона. Пока былъ живъ отецъ Элеоноры, ея мать проводила время на-половину съ нимъ и съ нами, на-половину въ семействѣ Форкальке; когда онъ умеръ (на восьмомъ году моей жизни въ Арлѣ) М-ше Вердье почти совершенно переселилась къ Форкальке. Можно сказать: у насъ она только гостила, жила у нихъ. Понятно: у нихъ она пользовалась роскошью, какой не имѣли мы.

На десятый годъ моихъ занятій производствомъ, закупкой и переработкой марены появились извѣстія объ открытіи анилиновой краски, замѣняющей ее. Я полагалъ, что это долго будетъ сохранять лабораторный характеръ, что я успѣю вынуть капиталы изъ нашего производства раньше, чѣмъ выдѣлка алizarина получить фабричный размѣръ. Я скупился продавать въ убытокъ наши запасы; я жалѣлъ остановить работу на нашихъ плантаціяхъ и заводахъ, не прискававъ другихъ занятій для нашихъ работниковъ. Я нашелъ занятіе имъ и остановилъ наше производство марены. Я продалъ значительную часть нашихъ запасовъ ея безъ убытка для фирмы. Но цѣна стала много ниже издержекъ нашего пріобрѣтенія огромныхъ запасовъ, еще остававшихся на рукахъ у меня. Я поѣхалъ въ Лондонъ лично объяснить мистеру Бриггсу до какой степени виноватъ я въ убыткѣ, которому подвергнетъ фирму основанное мной предпріятіе.

— Да, сказалъ онъ: если бы вы меньше боялись продавать въ убытокъ, пока можно было продать безъ большого убьтка, было бы лучше. Но я раздѣляю вашу вину передъ фирмой. Кто утверждалъ ваши соображенія объ медленной ликвидаціи предпріятія? Притомъ, фирма могла бы вынести и не такіе убытки безъ малѣйшаго стѣсненія для себя. — Онъ замолчалъ и задумался.

— Знаете ли, на чемъ я хочу остановиться—началъ онъ:—по какой бы цѣнѣ ни продали мы наши запасы, почти вся сумма, какую выручимъ мы, составитъ чистую потерю для купившихъ. Цѣна марены будетъ все падать. Самое лучшее было бы сжечь всѣ наши запасы, чтобы не вредить людямъ большею частью небогатымъ. Но это было бы эффектно. Я не люблю эффектовъ. Заприте ваши склады, пусть запасы лежатъ. Всѣ будутъ смѣяться надъ нами, что мы выжидали улучшенія цѣнъ. Пусть смѣются. Лѣтъ черезъ пять, когда цѣна перестанетъ падать мы продадимъ наши запасы.

— Вѣроятно, на топливо, мистеръ Бриггсъ?

— Вѣроятно. Ликвидируйте остальные отрасли дѣла. Кончайте дѣло скорѣе и возвращайтесь ко мнѣ. Мы переговоримъ тогда, какое новое назначеніе можете получить вы отъ фирмы.

Съ первымъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Арль, пробывъ въ Лондонѣ часовъ пять. Мои отецъ и матица, которую справедливѣе называлъ я матерью, уже не были тогда въ живыхъ. Мои братья и сестры были милы мнѣ, но уже давно отвыкли отъ меня, сдѣлавшись въ эти двѣнадцать лѣтъ изъ подростяющихъ юношей и дѣвушекъ отцами и матерями семействъ. Всѣ они жили безбѣдно и благоразумно, не нуждались ни въ помощи моей, ни въ совѣтахъ. Сестры мои жили въ Лондонѣ. Я повидался съ ними; попросилъ ихъ передать мои привѣтствія братьямъ.

Сестры оправдывались множествомъ дѣлъ въ томъ, что онѣ и братья давно прекратили переписку со мной. Я сказалъ, что не могъ и тогда осуждать ихъ за молчаніе на мои письма: у насъ было очень мало общаго. Одинъ мой братъ былъ профессоромъ греческаго языка въ Кембриджѣ, другой офицеромъ; обѣ сестры вышли за людей свѣтскаго общества и вели жизнь богатыхъ женщинъ того класса, который занимаетъ средину между среднимъ сословіемъ и аристократіей.

Черезъ полтора мѣсяца я возвратился въ Лондонъ, кончивъ ликвидацію; балансъ убытковъ составлялъ нѣсколько болѣе 185.000 фунтовъ. Мистеръ Бриггсъ предвидѣлъ приблизительную величину его по моимъ письмамъ, зналъ точную цифру по депешѣ, отправленной мною при выѣздѣ изъ Арля. Я ѣхалъ одинъ; Элеонора съ дѣтми оставалась въ Арлѣ, потому что мы не знали, гдѣ получу я новое назначеніе. Мы думали о Левантѣ, Египтѣ, Тунисѣ, потому что фирма наша расширила свои обороты по торговлѣ съ тѣми землями и отъ времени до времени учреждала тамъ новыя агентуры. Думали мы также о Христіаніи, Бергенѣ, Копенгагенѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ. Мистеръ Бриггсъ любилъ повышать нашихъ представителей въ сѣверныхъ пристаняхъ, перевода ихъ въ гавани болѣе благоприятныхъ климатовъ. Потому ваканціи тамъ бывали часты.

— Я взялъ въ счетахъ моихъ съ фирмой весь убытокъ на себя, сказалъ мнѣ мистеръ Бриггсъ:—какую долю его дозволю я вамъ считать лежащей на васъ—дѣло не имѣющее практическаго значенія въ настоящее время, потому что у васъ нѣтъ никакихъ средствъ уплаты. Но я изложу вамъ планъ, принятіе котораго можетъ въ довольно скорое время сдѣлать васъ, мистеръ Сеттембрини, изъ моего должника компаньonomъ моимъ, имѣющимъ довольно большой капиталъ. Если вы примете мое предложеніе, я предоставляю вамъ самому опредѣлить, какая часть убытка должна считаться лежащей на васъ; вы говорили о половинѣ; я говорю: считаю по вашему, если вы примете мое предложеніе; если же нѣтъ, то нѣтъ, не соглашаюсь считать никакого долга мнѣ на васъ.

— Я принимаю ваше предложеніе, въ чемъ бы ни состояло оно.

— Я надѣюсь, примете, выслушавъ его; но выслушавъ обдумайте зрѣло, прежде нежели давать мнѣ отвѣтъ. Выгоды будутъ велики для меня; велики и для васъ; а впоследствии, будутъ велики и для фирмы. Но есть и очень тяжелыя условія хорошаго осуществленія этого плана, за исполненіе котораго и браться не стоитъ, если не имѣть твердой рѣшимости посвятить исполненію его всѣ свои силы на число лѣтъ значительное даже и для васъ, хотя вы двадцатью годами моложе меня. Будь вы не только моихъ лѣтъ, но лишь десятью годами старше, чѣмъ вы теперь, я не предложилъ бы вамъ этого назначенія. Самое тяжелое изъ условій, о которыхъ говорю я—именно продолжительность періода, на который надобно связать себя—конечно не формальнымъ обязательствомъ, а только нравственнымъ. Другое тяжелое условіе—климатъ; третье—невозможность для миссисъ Сеттембрини часто видѣться съ матерью, которая навѣрное не захочетъ ѣхать съ вами въ ту далекую страну суроваго климата, а главное не захочетъ покинуть своихъ друзей Форкальке, въ семействѣ которыхъ наслаждается роскошью, какой не могла доставлять ей дочь.

— Я имѣю увѣренность, что миссисъ Сеттембрини одобритъ мое намѣреніе принять ваше предложеніе. Тяжелыхъ условій мы не боимся, я напишу ей; назовите страну, о которой говорите вы.

— Писать не достаточно; вы должны будете съѣздить въ Арль. Такія дѣла не должны быть рѣшаемы иначе, какъ по живымъ впечатлѣніямъ личныхъ совѣщаній. Вы и миссисъ Сеттембрини безъ сомнѣнія пересматривали въ вашихъ разговорахъ тѣ мѣтности, въ одну изъ которыхъ можете быть назначены вы представителемъ нашей фирмы. Вѣроятно, вы не забывали и сѣверныхъ центровъ торговли.

— Да, мы говорили и о нихъ.

— Имѣли ли вы въ виду возможность вашего назначенія въ важнѣйшій изъ этихъ центровъ—Петербургъ?

— Нѣтъ. Это мѣсто занято человѣкомъ, который, какъ мы знаемъ, выражалъ намѣреніе возвратиться въ Англію на отдыхъ не раньше какъ черезъ два года и который имѣетъ право считать свое желаніе обязательнымъ для фирмы. Онъ служилъ ей такъ долго и съ такимъ усердіемъ къ ея интересамъ, съ такою пользою для нихъ. Вы не можете поступить съ мистеромъ Боурингомъ несправедливо.

— Безъ сомнѣнія не могу. И притомъ твердо знаю, что мистеръ Боурингъ будетъ оттягивать и оттягивать срокъ своего возвращенія въ Англію. Я рассчитываю, что онъ оттянетъ его на четыре года. Но если бъ онъ пожелалъ возвратиться на родину для отдыха своєї старости не раньше, какъ черезъ 10 лѣтъ—срокъ при его 74 годахъ неправдоподобный,—то онъ оставался бы на своєї должности десять лѣтъ, получая отъ нашей фирмы такія же постоянныя просьбы продолжать свою службу, какъ получалъ до сихъ поръ. Онъ человѣкъ добросовѣстный, не останется на должности, когда почувствуетъ силы свои дѣйствительно ослабѣвшими. У меня совершенно вная мысль, чѣмъ неблагодарность къ нему. Ни одна иностранная фирма не имѣетъ въ Петербургѣ представителя лучшаго, чѣмъ мистеръ Боурингъ. Но онъ, подобно своимъ со товарищамъ по положенію, чуждъ русской жизни. Я хотѣлъ бы, чтобы когда его мѣсто черезъ два ли года, или черезъ четыре, или черезъ восемь, десять сдѣлается по его собственному желанію вакантнымъ, то было бы занято человекомъ, который зналъ бы русскій языкъ и русскую жизнь, какъ знаютъ русскіе. Я предлагаю вамъ приготовиться къ исполненію этого моего желанія. Переселяйтесь въ Россію, куда вы хотите, лишь бы только это была мѣстность чисто русская, и изучите русскій языкъ такъ, чтобы говорить по русски такъ, какъ говорятъ русскіе, такъ чтобы ни поселянинъ, ни горожанинъ не могли замѣтить, что вы не русскій, пока вы самъ не скажите имъ этого; изучите русскіе обычаи такъ, чтобы держать себя съ простолюдинами ни чѣмъ не отличаясь отъ просвѣщенныхъ русскихъ, бывающихъ въ гостяхъ у нихъ. Вы можете достичь этого, если захотите.

— Я захочу, мистеръ Бриггсъ. Я понимаю, какое значеніе для оборотовъ нашей фирмы съ Россіей и для выгоды русскихъ, насколько ихъ интересы соприкасаются съ нашими, будетъ имѣть то обстоятельство, что представитель фирмы будетъ говорить съ русскими, какъ свой со своими. И я полагаю, что способенъ усвоить себѣ русскій выговоръ во всей его чистотѣ. Я чистый итальянецъ по языку; и чистый англичанинъ; и чистый французъ; и буду чистымъ русскимъ. Я лишь въ недавніе годы занялся изученіемъ дофинейскаго нарѣчія, и теперь, черезъ три года, я говорю на немъ какъ чистый дофинеецъ. Это ручается, что я еще не утратилъ способности усвоивать себѣ чистоту новаго для меня выговора. Скажу больше: приучившись говорить однимъ нарѣчіемъ языка, труднѣе научиться говорить совершенно чисто на другомъ нарѣчій того же языка, чѣмъ усвоить себѣ въ такой же чистотѣ совершенно другой языкъ.

— Отправляйтесь жь въ Арль, проживите тамъ недѣлю и черезъ недѣлю—никакъ не раньше—или отправляйтесь съ вашимъ семействомъ сюда, чтобы отсюда ѣхать въ Россію, или откажитесь отъ этого моего предложенія; оно будетъ въ такомъ случаѣ замѣнено другимъ совершенно по вашему выбору.

— Я думаю, что мы съ миссисъ Сеттембриан выберемъ Россію. Та обязанность, которую прииму я на себя этимъ выборомъ очень почетна, прямо скажу: хороша, и быть можетъ мой примѣръ будетъ полезенъ для другихъ.

Я поѣхалъ въ Арль; прожилъ тамъ недѣлю и послалъ мистору Бриггсу

депешу, что выбираю Россію. Въ тотъ же день я получилъ депешу излагшую денежныя условія принимаемаго мною предложенія. Само собою разумѣется они были болѣе, чѣмъ справедливы въ нашихъ интересахъ.

На добрую мать моей жены не бросить тѣни, когда я скажу правду. Она была рада нашему отъѣзду изъ Арля, онъ давалъ ей свободу совершенно переселиться къ Форкалькье. Долгіе годы трудовой жизни даютъ человѣку право желать удобства и почета, и если мы нѣсколько увлекаемся, доводя свою потребность удобной жизни въ годы старческаго отдыха до нѣкотораго пристрастія къ роскошной обстановкѣ, когда она доступна намъ, несправедливо было бы строго порицать насъ. М-ме Вердье никогда не имѣла притязанія быть идеаломъ всѣхъ доблестей стоицизма; она хотѣла только быть честной, доброй женщиной, была такой до разлуки съ нами и осталась такой, окончательно вступая на правахъ родственницы въ семейство Форкалькье.

Мы выѣхали изъ Франціи весною 1870 года, прожили въ Лондонѣ мѣсяца три и лѣтомъ этого года пріѣхали въ Россію. Мы поселились въ Москвѣ; дѣлали всѣмъ семействомъ путешествіе по Волгѣ, по желѣзнымъ дорогамъ южной половины Россіи, посѣтили Кавказъ; а одинъ, я ѣздилъ и въ такія мѣстности, куда не было удобныхъ нутей. Жили мы всѣмъ семействомъ по мѣсяцу, по два въ нѣсколькихъ губернскихъ или уѣздныхъ городахъ, по двѣ, по три недѣли въ хорошую пору года въ селеніяхъ нѣсколькихъ губерній на югѣ отъ Москвы; а одинъ я живалъ по недѣлямъ и зимою въ деревушкахъ, занесенныхъ снѣгомъ, и не только въ хижинахъ съ обыкновенной топкой печи, но и въ курныхъ избахъ.

Много странствовалъ мы, но большую часть года проводили въ Москвѣ и, собственно говоря, были жителями ея. Такъ прошло семь лѣтъ. На восьмомъ году нашей жизни въ Россіи, по преимуществу въ Москвѣ, мистеръ Боурингъ сталъ чувствовать, что дряхлѣетъ; я утратилъ возможность упрашивать его, оставаться представителемъ нашей фирмы въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ пользоваться на родинѣ заслуженнымъ отдыхомъ въ глубокой старости. Я занялъ его мѣсто.

Не скажу, что намъ, моей женѣ и мнѣ, не было пріятно это очень значительное возвышеніе моего положенія. Съ денежной стороны оно представляло выгоды, которыми не могли не дорожить мы, имѣя четырехъ дочерей. Не скажу, что не было пріятно нашихъ двумъ старшимъ дочерямъ переселиться изъ Москвы въ столицу и болѣе блестящую и имѣющую гораздо болѣе многочисленное англійское общество, чѣмъ Москва и уже не только по сравненію съ Москвой, но и независимо отъ всякихъ сравненій многочисленное французское общество. Но выгоды и нравственныя привлекательныя стороны Петербурга не были такъ сильны надъ нами, чтобы не жаль было намъ разставаться съ Москвой: мы имѣли тамъ столько друзей; да полюбили и самый городъ, такой своеобразный, имѣющій, конечно, свои недостатки, но дѣлающійся милымъ всякому, кто долго поживетъ въ немъ, слѣдовательно имѣющій въ своей оригинальности больше хорошаго, чѣмъ дурнаго. Положеніе нашихъ денежныхъ дѣлъ въ концѣ московскаго періода нашей жизни было уже вполне удовлетворительно. Мое назначеніе жить въ Россіи безъ всякой обязанности, кромѣ добросовѣстнаго изученія русскаго языка и быта было мыслью мистера Бриггса; оно не предста-

вляло въ близкомъ будущемъ ничего, кромѣ лишнихъ расходовъ; потому онъ не могъ отнести моего жалованья на счетъ фирмы, принялъ его на счетъ своей личной кассы. Онъ не возложилъ на меня никакихъ банкирскихъ или торговыхъ обязанностей, но открылъ мнѣ неограниченный кредитъ въ размѣрѣ своихъ личныхъ средствъ очень значительныхъ. Я уклонялся отъ всякихъ столкновений съ оборотами, какіе велъ мистеръ Боурингъ на счетъ нашей фирмы: но при моей жизни въ Москвѣ, при моихъ поѣздкахъ каждый годъ на нижегородскую ярмарку, внизъ по Волгѣ и въ Одессу и оттуда черезъ Кіевъ и Харьковъ разными путями обратно въ Москву я, имѣвшій всегда въ своемъ распоряженіи сотни тысячъ фунтовъ и если бы понадобилось, то и больше, не могъ не производить очень большихъ закупокъ и продажъ;—скажу не къ своей чести, а только для разъясненія правилъ мистера Бриггеа: я дѣлалъ покупки и продажи только въ тѣхъ случаяхъ, когда не представлялось продавцу другого покупателя, покупателю другого продавца, кромѣ меня; я не отбивалъ ни у кого не только хлѣба, но и такихъ выгодъ, безъ которыхъ легко было бы ему обойтись. Все такъ, но при громадномъ свободномъ капиталѣ, я не могъ не вести оборотовъ очень выгоднымъ образомъ; это понятно каждому коммерческому человѣку. Часть выгодъ мистеръ Бриггесъ предоставлялъ мнѣ, какъ своему комиссіонеру; поэтому—конечно великодушному съ его стороны счету—мой арльскій долгъ ему былъ черезъ шесть лѣтъ, по моемъ пріѣздѣ въ Россію, совершенно уплаченъ и ко времени нашего переселенія въ Петербургъ я имѣлъ болѣе 35.000 фунтовъ своего капитала.

Въ Петербургѣ я занялъ положеніе болѣе выгоднѣе, чѣмъ должность личнаго комиссіонера мистера Бриггеа. Теперь, черезъ одиннадцать лѣтъ я владѣю довольно значительной долей участія въ капиталѣ нашей фирмы. Словомъ, если не по лондонскому, если даже не по петербургскому, то по марсельскому счету я очень богатый человѣкъ. Будущность моего семейства съ избыткомъ обезпечена, и я начинаю мечтать объ отдыхѣ и свободѣ.

Я даже сталъ позволять себѣ пользоваться нѣкоторой свободой. Первое употребленіе, какое сдѣлалъ я изъ нея была поѣздка въ концѣ прошлой осени на родину. По закрытіи навигаціи мы всѣмъ семействомъ поѣхали въ Италію; и мнѣ хотѣлось больше, нежели въ другихъ частяхъ ея, пожить въ моей родной мѣстности. Исполненіе моего желанія зависѣло только отъ меня, моей жены и нашихъ дѣтей; слѣдовательно я пожилъ довольно долго въ моемъ родномъ селеніи на берегу По.

Были мы и въ Венеціи, и въ Миланѣ, и въ Генуѣ, и въ Флоренціи, Неаполѣ. Мы прожили въ Италіи всю русскую зиму, возвратились въ Петербургъ къ открытію навигаціи. Теперь прошло полгода и даже нѣсколько больше съ того часа, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ съ перевала Альпійскаго хребта на итальянскую землю. Впечатлѣнія моей поѣздки въ страну моего рожденія получили спокойный характеръ.

Выскажу одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя волновали меня въ странѣ моей націи.

Я итальянецъ по происхожденію и по милымъ воспоминаніямъ дѣтства; я итальянецъ и по безукоризненной чистотѣ моего итальянскаго языка; я читаю газеты всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, читаю въ томъ числѣ

итальянскія. Если бъ я сталъ говорить во Флоренціи объ общихъ итальянскихъ и въ частности о тосканскихъ дѣлахъ, человѣкъ, не знающій, кто я, могъ бы думать, что говорить съ флорентійцемъ, не покидавшимъ Флоренцію, кромѣ какъ для побѣздокъ сравнительно непродолжительныхъ. И сотни людей во Флоренціи принимали меня за уроженца и постоянного жителя Флоренціи; и не было случая, чтобы кто-нибудь, не знающій меня, говорилъ со мною во Флоренціи не какъ съ флорентійцемъ, не говорилъ со мною такъ до самаго конца нашего разговора, если я не сообщалъ ему, какъ давно покинулъ я Италію.

Итакъ я могъ бы говорить съ итальянцами объ итальянскихъ дѣлахъ. Но не говорилъ. Я не принималъ участія въ разговорѣ, когда говорили о нихъ.

Люди націи, къ которой принадлежу я по моему происхожденію, порицали меня за то, что я молчу, когда они говорятъ о своихъ національныхъ дѣлахъ.

Справедливо ли это порицаніе?

Я люблю мою родину, но жизнь сдѣлала меня чужимъ ей.

Вязовскій всталъ.

— Мой разговоръ конченъ, но я прошу выслушать еще нѣсколько словъ.

Я не Сеттембрини; я не покинулъ мою страну съ дѣтства, какъ онъ, я всю мою жизнь провелъ безвыѣздно въ ней, и не могу сказать, какъ онъ, что сталъ чужимъ ей; чтобы его слова могли быть справедливо повторены мною отъ моего лица, я долженъ нѣсколько видоизмѣнить ихъ; и такъ — но предупреждаю: когда я скажу мое оправданіе отъ моего лица, и остановлюсь, не прерывайте молчанія; послѣ нѣкоторой остановки, я скажу еще нѣсколько словъ. Итакъ, вотъ оправданіе отъ моего лица моему молчанію при разговорахъ моихъ соотечественниковъ о нашихъ дѣлахъ:

— Я люблю мой родной народъ, но я чужой ему.

Вязовскій сѣлъ, помолчалъ нѣсколько секундъ, всталъ и началъ:

— Понравился или не понравился мой разговоръ обществу, слушавшему его, но уже по обязанности соблности приличія оно безъ сомнѣнія желаетъ апплодировать. Я не уклоняюсь отъ оказанія мнѣ чести апплодисментомъ, напротивъ, я прошу о ней и надѣюсь заслужить ее не только по вашему, но и по моему собственному мнѣнію тѣми словами, которыя произнесу послѣ слѣдующей паузы.

Онъ обвелъ глазами весь залъ; онъ искалъ глазами княгиню; и не нашель. Въ горячности своей импровизаціи, онъ забывалъ о ней; теперь вспомнилъ, что ужъ давно не замѣчалъ ея на прежнемъ отдаленномъ мѣстѣ, въ послѣднемъ полукругѣ, на которомъ лишь три, четыре мѣста были заняты; ему вспомнилось, что она перешла туда изъ передняго полукруга давно; не замѣчая тамъ ея, онъ думалъ, что она перешла на другое мѣсто; но нѣтъ, ея не было нигдѣ. Но онъ могъ и не отъ нея узнать то, что было нужно ему: баронесса была почти такой же хозяйкой тутъ, какъ она. Онъ сошелъ съ эстрады, подошелъ къ баронессѣ и сказалъ ей:

— Баронесса, я не вижу княгини; но я по всему замѣченному мною долженъ полагать, что вы имѣете и при ней почти полныя, а въ ея отсутствіи совершенно полныя права хозяйки. Такъ ли это?

— Такъ, мой милый Павелъ Сергѣичъ.

Въ какую милость вошелъ онъ у нея! вмѣсто прежняго «Мг. Вязовскій» онъ былъ теперь ея милый Павелъ Сергѣичъ! Что жь, это хорошо.

— Позвольте мнѣ, баронесса, предложить вамъ тихо одинъ вопросъ.

— Отойдемъ немного въ сторону, сказала баронесса: но не зовите меня баронессой, зовите, какъ близкую знакомую, просто Вѣрой Дмитриевной.

Что за чудеса! Но некогда было разбирать ихъ. Вязовскій сказалъ нѣсколько словъ прежней «баронессѣ», теперь просто «Вѣрѣ Дмитриевнѣ». Она обыкновеннымъ голосомъ, слышнымъ для всѣхъ, бывшихъ не очень далеко, сказала:

— О, конечно, да,—п еще громче сказала: — Наденька, подойди сюда, я дамъ тебѣ порученіе.

Подошла графиня. Прежде чѣмъ слушать баронессу, она горячо пожала руку Вязовскому, сказавъ:

— Какъ я благодарна вамъ, Павелъ Сергѣичъ!

Онъ и для нея сталъ Павелъ Сергѣичъ, должно быть тоже милый. Чудеса и чудеса!

— Вы могли бы звать ее просто Наденькой, сказала баронесса:—она такъ полюбила васъ.

— Помилуйте, Вѣра Дмитриевна, какъ же можно мнѣ звать графиню такъ.

— Не хотите звать Наденькой, зовите Надеждой Николаевной—однако въ любви вы успѣете объясниться послѣ. Теперь слушай, что я скажу тебѣ на ухо.

Баронесса сказала графинѣ на ухо нѣсколько словъ. Графиня ушла изъ зала. Баронесса сказала:

— Я очень рада, Павелъ Сергѣичъ, что вы доставили мнѣ случай высказать вамъ мое мнѣніе о вашемъ разсказѣ нѣсколько раньше, нежели могла бы я сдѣлать это безъ него. Отойдемъ еще подальше отъ другихъ и сядемъ.

Она пошла съ нимъ въ дальній оставшійся безлюднымъ уголъ зала за послѣднимъ полукругомъ дивановъ и стульевъ аудиторіи. Посадивъ Вязовскаго рядомъ съ собой на двацѣть, она тихо сказала ему:

— Павелъ Сергѣичъ, возможно ли дѣлать такъ! Лидія должна была уйти. Впрочемъ, она слышала все: она сѣла вотъ за тою отворенной дверью, въ пустомъ залѣ.

— Что жь такое говорилъ я? — спросилъ онъ съ изумленіемъ, но не забывъ, что надобно говорить тихо.

На лицѣ баронессы выразилось удивленіе и смущеніе.

— Такъ вы говорили все это не преднамѣренно? Въ такомъ случаѣ я сдѣлала ошибку, заговоривъ объ этомъ. Впрочемъ все равно: не я, то Костенька сказалъ бы вамъ. И невозможно вамъ не знать этого, когда вы будете жить здѣсь.

— Да что же такое, Вѣра Дмитриевна?

— То, что Лиденька вдова. И то, что она ужь два года перестала носить трауръ; и то, что ей двадцать семь лѣтъ. Вы не знали этого?

— Помилуйте, Вѣра Дмитриевна, какъ же не знать?—все зналъ.

— И вы вздумали разсказывать объ Элеонорѣ Дюбеллѣ!

— Да, это точно! Молодецъ я; очень уменъ,—отозвался о собѣ съ заслуженнымъ одобреніемъ Вязовскій.

— Да это была бы не постижимая дерзость, если бы мы не видѣли, что

то крайняя наивность. Но мы всё глубоко благодарны вамъ, я, Костенька и Наденька, сказала баронесса, вставая и своей рукой съ длинными нѣсколько сухощавыми пальцами пожала его руку такъ горячо, что на томъ мѣстѣ края ладони, на которомъ дежалъ ея перстень, осталось рѣзкое красное пятно.

— Я сдѣлала боль вамъ, сказала она.

— Разумѣется, Вѣра Дмитріевна, какъ же не сдѣлать боли, когда осталось пятно? Сдѣлали, но очень мало; помилуйте, было чуть слышно.

— Придумайте что-нибудь всёмъ въ объясненіе нашего разговора.

— Чого тутъ придумывать, Вѣра Дмитріевна: повторю свое оправданіе.

— Прекрасно.

Баронесса пошла къ эстрадѣ; онъ шелъ съ ней. Остановившись у своего мѣста передъ эстрадой, она сказала, обращаясь ко всему обществу:

— Порученіе Мг. Вязовскаго, переданное мною Наденькѣ, должно оставаться секретомъ; но нѣтъ причины скрывать отъ нашего общества то, о чемъ говорили мы съ Мг. Вязовскимъ тамъ, въ дальнемъ углу: я сдѣлала ему выговоръ за оскорбленіе всего общества. Онъ слишкомъ дерзокъ. Онъ взойдетъ на свое прежнее мѣсто, чтобы обществу удобнѣе было слышать то, что онъ имѣетъ сказать. То, что будетъ говорить онъ теперь, мы не должны считать освобожденіемъ насъ отъ обязанности удерживаться отъ выраженій нашей признательности къ нему до того времени, когда онъ самъ попроситъ насъ объ этомъ.

Вязовскій хотѣлъ идти къ эстрадѣ; но изъ перваго ряда поднялся стройный мужчина, лѣтъ тридцати, съ добрымъ и умнымъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ, съ бѣлокурыми, длинными, вьющимися, шелковистыми волосами.

— Серпуховскій, назвалъ онъ себя, дѣлая поклонъ Вязовскому: — я пріѣхалъ уже въ то время, когда вы начали рассказъ и безъ сомнѣнія только потому не былъ представленъ вамъ княгиней. Я не слышалъ лишь немногаго, какъ мнѣ говорили; о томъ, что Сеттембрини кончилъ курсъ въ Кембриджѣ и поступилъ въ контору Бриггса, вы рассказывали уже ири мнѣ.

— Тетушка, обратился князь къ баронессѣ, вы заступасте мѣсто хозяйки, то рекомендуйте меня Павлу Сергѣичу, — Мг. Вязовскій, вы позволите мнѣ называть васъ такъ? — Кстати, тетущка, гдѣ Лидія? Она ушла вкормъ послѣ того, какъ я вошелъ; вошла во время перваго перерыва и опять ушла и уже не показывалась, такъ что я и не успѣлъ поздороваться съ ней.

— Племянникъ мой, братъ Наденьки, князь Константинъ Николаевичъ Серпуховскій; хорошій молодой человекъ, должна я прибавить, потому что — хочу похвалиться — былъ дѣтъ съ десяти моимъ воспитанникомъ и до сихъ поръ живетъ при мнѣ. Ему это стѣнительно, но онъ жалѣетъ покинуть бездѣтную старуху, для которой почти замѣняетъ сына и совершенно замѣнялъ бы, если бъ былъ годами пятью моложе, когда я должна была взять къ себѣ его, сироту. Почему пропадала отъ насъ Лиденька, не знаю; не успѣла спросить. Но думаю, она занимается приготовленіемъ удобствъ для занятій Павла Сергѣича, который остается у нея. Сюда уже перевезены его книги. Это не такъ много, какъ ты могъ бы предполагать, Костенька, но все-таки сотни книгъ. Лиденька говорила, что ей хотѣлось бы привести все въ порядокъ къ тому времени,

какъ Павелъ Сергѣичъ, пойдетъ въ свои комнаты. Павелъ Сергѣичъ, нашъ секретъ обнаружился, идите на свое мѣсто.

Въ залъ вошли слуги съ подносами, на которыхъ стояли бокалы для шампанскаго, другіе слуги съ бутылками его.

— Успѣю сказать вамъ нѣсколько словъ,—сказалъ Серпуховскій, удерживая за руку Вязовскаго, сдѣлавшаго шагъ идти на свое мѣсто.—Я прошу васъ о дозволеніи искать близкаго знакомства съ вами. Кромѣ того я представляю вамъ одного изъ своихъ друзей.

— Э, князь, помилуйте, чого тутъ искать, когда каждый, кто захотѣлъ, тотъ и пріятель мнѣ; конечно, кто не изъ особенно дурныхъ людей. Вы, разумѣется, слышали отъ книгини ли, прямо ли отъ самой принцессы, о моемъ образѣ жизни и судя по немъ, думаете, я человѣкъ нелюдимый; это точно, знакомыхъ у меня въ молодости было мало, потомъ еще меньше, а со времени переселенія въ Петербургъ и вовсе почти нѣтъ, но это просто потому, что я человѣкъ неловкій...

— Павелъ Сергѣичъ, пора; всѣ сѣли на мѣста, ждутъ васъ, сказала баронесса.

— Сейчасъ, баронесса; послѣ договоримъ, князь.

Вязовскій взшелъ на свое прежнее мѣсто, сѣлъ.

Служители наливали шампанское, разносили.

Князь Серпуховскій подошелъ между тѣмъ къ одному столу стенографовъ, пожалъ руки всѣмъ шести мужчинамъ, сидѣвшимъ за нимъ, раскланялся съ пятью дѣвушками и однимъ мужчиной другаго стола по другой сторонѣ эстрады; слуга подаль ему стулъ и онъ сѣлъ къ столу стенографовъ, у котораго стоялъ.

Подали шампанское сидѣвшимъ за столами и князю.

— А Павлу Сергѣичу, забыли,—сказалъ князь, видя что слуги идутъ прочь, не подавая вина Вязовскому.

— Не велѣно, отвѣчалъ слуга, бывшій ближе другихъ.

— Павелъ Сергѣичъ не пьетъ, Костенька, сказала баронесса.

— Но, тетушка, онъ, какъ видно, предложитъ тостъ; многіе не пьютъ, но предлагая тостъ, берутъ бокалъ; это форма.

— Обойдется и такъ, князь, сказалъ Вязовскій, всталъ, обвелъ глазами, кончили ль слуги разносить вино, готовы ль всѣ, и началъ:

— Обществу, слушавшему меня, угодно выразить свое одобреніе мнѣ за изображеніе, дѣйствительнаго ль, или полу-вымышленнаго лица, понравившагося всѣмъ, какъ я видѣлъ, мистера Джеррольда,—и, возвышая голосъ, онъ съ очень большой силой произнесъ:

— За мистера Джеррольда!

Загремѣли аплодисменты.

Вязовскій наклонился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ князь Серпуховскій.

— Князь, вы здѣсь свой; — мнѣ неловко сойти, пожалуйста, подойдите; я хочу спросить у васъ одну вещь.

Князь взшелъ къ нему.

Онъ прошепталъ князю нѣсколько словъ.

— О, да, обыкновеннымъ голосомъ отвѣчалъ князь.

— Костенька, на какой вопросъ Павла Сергѣича отвѣчалъ ты словами: «О, да» — сказала баронесса: — Я отвѣчала словами: «О, да» на его вопросъ, найдется ли въ домѣ шампанское для тоста; а ты?

— На вопросъ, найдется ли въ домѣ шампанское для другаго тоста.

Всѣ раземѣялись. Это много содѣйствовало прекращенію апплодисментовъ.

Слуги разнесли и налили шампанское.

Вязовскій началъ:

— Не все въ М-ше Элеонорѣ Дюбеллѣ было одобряемо всѣми. Но я глупо уважаю и подобно мистеру Джеррольдѣ люблю ее; тѣмъ же чувствомъ люблю и такъ же горячо. Сила апплодисментовъ тосту въ честь ея покажетъ, многіе ли одобряютъ мое чувство къ ней. — И онъ еще громче перваго тоста произнесъ второй:

— За Элеонору Дюбеллѣ!

Громче прежняго загремѣли апплодисменты.

Вязовскій взглянулъ на баронессу, дѣлая рукою жестъ наливаанія. Баронесса повторила жестъ, обратившись къ слугамъ. Они разнесли и налили вино. Общество видѣло, что должно прекратить апплодисменты.

Вязовскій началъ: — Мой третій тостъ не требуетъ вступленія, — и очень громко произнесъ:

— За мистера Бриггса!

Апплодисменты были тоже единодушны и громки.

Теперь Вязовскій ужъ самъ сдѣлалъ знакъ слугамъ. Они снова налили бокалы. Онъ подозвалъ наливавшаго стенографамъ и князю, попросилъ дать бокалъ и ему, и началъ:

— Этотъ тостъ выпью я одинъ. И прошу слушающее меня общество не дѣлать апплодисментовъ ему.

И еще громче, чѣмъ даже тостъ за Элеонору Дюбеллѣ, онъ произнесъ слова:

— За честныхъ богатыхъ и знатныхъ людей, представители которыхъ составляютъ большинство находящагося здѣсь общества!

Онъ отпилъ вина и сказалъ:

— Слѣдующій мой тостъ имѣютъ право и вѣроятно будутъ пить всѣ лица, составляющія мою аудиторію полукруга.—Князь, дайте новый, полный бокалъ и отойдите.

Князь подаль ему бокалъ и отошелъ къ баронессѣ.

Вязовскій съ той же силой голоса, какъ свой четвертый тостъ, произнесъ пятый:

— За тѣхъ изъ слушавшихъ мой рассказъ небогатыхъ людей, которые не порицали меня за сочувствіе честнымъ богатымъ и знатнымъ!

Онъ низко поклонился на-лѣво и на-право, стенографисткамъ и стенографамъ и выпилъ весь бокалъ.

Очень громки были апплодисменты и этому тосту.

Вязовскій сошелъ съ эстрады, подошелъ къ князю, стоявшему послѣ кресла тетки и сестры, сидѣвшихъ рядомъ и сказалъ:

— Докончу мое прерванное объясненіе, князь. По моему образу жизни можно думать, что я непопуляръ; нѣтъ, я только неловкій человѣкъ, не умѣющій заводить знакомствъ; и занятой человѣкъ, желающій не тратить времени на пу-

стыя разговоры; но вы, князь, хотите познакомиться со мною не для пустыхъ разговоровъ, это понятно. Благодарю васъ за честь вашего знакомства.

Онъ поклонился князю и хотѣлъ идти на свое мѣсто. Князь опять удержалъ его за руку.

— Я долженъ рекомендовать вамъ, Павелъ Сергѣичъ, одного изъ моихъ знакомыхъ; на это не надобно мнѣ спрашивать вашего согласія; я долженъ. Но это, когда вы кончите; вы хотите опять говорить что-то обществу? Идите.

Вязовскій взошелъ на свое мѣсто. Аплодисменты прекратились. Онъ началъ:

— Я хочу сказать о томъ, что тихо говорили мы съ баронессой, когда она отвела меня далеко отъ всѣхъ. Когда я кончалъ мой рассказъ, я хотѣлъ говорить объ этомъ много; но имѣлъ хоть то благоразуміе, что рассудилъ: вы утомлены. Потому скажу лишь нѣсколько словъ. Баронесса съ упрекомъ замѣтила мнѣ, что я былъ дерзокъ. Это правда. Я не хотѣлъ быть дерзкимъ, но былъ. Это вышло непреднамеренно; но вышло. И прибавлю новую дерзость. Я не жалѣю о томъ, что вышло такъ. Сказать въ лицо людямъ, что я чужой имъ, это дерзость. Я сдѣлалъ ее, и не жалѣю о ней.

Онъ низко поклонился, и сошелъ съ эстрады.

Къ нему подошли князь Серпуховскій и съ княземъ человѣкъ тоже лѣтъ тридцати, имѣвшій манеры хорошаго общества.

— Рекомендую вамъ, Павелъ Сергѣичъ, моего сотоварища по университету и хорошаго знакомаго, Владиміра Михайловича Глинскаго.

Глинскій и Вязовскій подали другъ другу руки.

— Я, какъ видите, человѣкъ, принадлежащій къ свѣтскому обществу, сказалъ Глинскій: — но съ тѣмъ вмѣстѣ, я литераторъ. — Я встрѣчалъ княгиню въ обществѣ; она знаетъ меня; но до сихъ поръ я не имѣлъ чести быть знакомъ съ нею. Тотъ кругъ свѣтскаго общества, къ которому собственно принадлежу я, не аристократія. Въ томъ кругу, гдѣ бываетъ княгиня, я довольно рѣдкій и очень мало замѣтный гость. Здѣсь я въ первый разъ. Я приглашенъ Серпуховскимъ, по порученію княгини. Я былъ въ гостяхъ у одного изъ моихъ друзей, у котораго собираются по четвергамъ близкіе его знакомые, большей частью литераторы и пріятели литераторовъ. Это далеко отсюда; а я живу далеко и отсюда и отсюда. Мы съ Серпуховскимъ, хоть остаемся пріятелями, видимся рѣдко. Онъ не зналъ, что я тамъ; проѣхалъ ко мнѣ, отъ меня долженъ былъ ѣхать за мной туда; оттого мы и запоздали. А то и мнѣ пришлось бы съ полчаса, пожалуй, находиться въ числѣ оскорбляемыхъ, какъ вы выразились, вашимъ невѣжествомъ.

— Однако я покидаю васъ, Павелъ Сергѣичъ и Володя, сказалъ князь: — иду быть помощникомъ тетушки и сестры, помощницъ Лидіи Васильевны: гости начинаютъ разѣзжаться. Возвратимся всѣ вчетверомъ, проводивъ ихъ.

— Я не могъ не хвалить васъ, Мг. Вязовскій, за...

— Но похвалить можно и послѣ, а сначала сядемъ, сказалъ Вязовскій: терпѣть не могу стоять. Вы помоложе меня чуть не вдвое, такъ слѣдуетъ вамъ дѣлать по моему; я же кетати такой человѣкъ. Я скажу вамъ, какой я человѣкъ, когда мы сядемъ, — они подходили къ ближайшему дивану и сѣли.

— Ну-съ такъ вотъ я какой человѣкъ, смотрите. Онъ сугорбился, положивъ локти на колѣна, опустившись плечами, сколько было ловко, повѣсивъ голову и нахмуривъ брови. — Такъ вотъ вы смотрите на меня, а я смотрѣть на васъ не

буду.—Дѣйствительно онъ повѣсилъ голову прямо къ низу глазами, такъ что ему не было видно ничего, кромѣ сосѣдней съ его ногами части паркета.—А главное, слушайте. Смотрѣть на меня, это какъ вы хотите; лучше, пожалуй, и не смотрѣть: хорошаго мало увидите; а слушать меня, это надобно; потому что хоть можетъ быть и ничего кромѣ дурнаго или глупаго, по вашему мнѣнію, не услышите, но плохо вамъ будетъ, если попробуете сдѣлать мнѣ возраженіе. Вопросы я допускаю, даже люблю. Чего не поймете, спросите, объясню; люблю объяснять. Но возражать не совѣтую. А впрочемъ, это ваше дѣло, хотите—попробуйте. Вы хотѣли за что-то хвалить меня. Терпѣть не могу, чтобы хвалили или порицали меня, то есть такіе люди, какъ вы, съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ.—Онъ замолчалъ и немедленно покачалъ головой.

— Но скажите самъ за что я обидѣлъ васъ? Не правда ли, не за что было?— Онъ помолчалъ.

— Знаете что: вѣдь я нарочно помолчалъ. Зналъ, что вы разсердилесь; но не вижу, навѣрное не могу сказать, а взглянуть лѣнь. Хорошо сидѣть этакъ, Разумѣется лучше бы прилечь, да нельзя: съ секунды на секунду жди, что войдутъ дамы, проводивши гостей.—Такъ вотъ взглянуть лѣнь, а улику имѣть надобно, что вы сердитесь, я и помолчалъ. Если бы не сердились, сказали бы что-нибудь, а вы молчали. Скверный у меня характеръ, какъ вы видите. Но исправляться мнѣ поздно, да и не досугъ, да и не вижу надобности. Онъ опять помолчалъ.

— Ну, простите. Если сказать правду, вы должно быть не дурной человекъ. Напрасно я обидѣлъ васъ; но вы не думайте, что признавая себя неправымъ передъ вами, я въ самомъ дѣлѣ считаю себя неправымъ. Нѣтъ, это лишь моя манера говорить; скверная, дурацкая. Ну да, это мнѣ все равно дурацкая ли, или нѣтъ. Такой у меня характеръ; не могу держать себя иначе. Все извиняюсь, все виню себя. Не вѣрьте этому. Это лишь неуклюжее желаніе быть деликатнымъ. На самомъ дѣлѣ вы кругомъ виноваты.—Какъ смѣли вы вздумать похвалить меня, не потрудившись узнать, нуждаюсь ли я въ похвалахъ? Вы оскорбили меня, воображивъ, что мнѣ нужны ваши похвалы. Мнѣ жаль, что я обидѣлъ васъ, только вы уже знаете, что эти слова мои пустыя. О томъ, что я обидѣлъ васъ нельзя мнѣ жалѣть; такъ было надобно. Теперь вы знаете, какъ слѣдуетъ вамъ держать себя со мной и не забудетесь. И не выйдетъ у насъ серьезной ссоры, а безъ того вышла бы. Вы забылись бы. Я хоть неуклюжій, но какъ умѣю по своей неуклюжести уступчивый, мягкій, деликатный человекъ; наступать мнѣ на ногу очень легко. И можно всякому очень долго. Но вдругъ изъ-за мелочи, которой не слѣдовало бы обидѣться, вздумая я разсудить, что пора кончатся этому. И покончу по медвѣжьи. Хорошо, когда наступаетъ на ногу дама. Хорошо, когда наступаетъ на ногу простолюдинъ. Отъ простолюдина я не могу получить никакого оскорбленія, потому что онъ бѣдный, жалкій человекъ, ничтожный даже предо мной. Что считается съ людьми, которые ничтожны передъ нами? А дамы? Это тоже самое. Я, видите ли, думалъ и разсудилъ о женщинахъ, когда о нихъ еще не писали; стало быть у меня есть о нихъ свои понятія. Бѣдные люди, несчастные люди, женщины. Да,— я забылъ ваше имя и отчество?

— Меня зовутъ Владиміръ Михайловичъ.

— Ну, теперь давайте мириться, Владиміръ Михайловичъ, довольно наговорено грубостей съ моей стороны и не будетъ заносчивости съ вашей.—Вязовскій

передвинулъ локти на колѣнахъ, такъ что повернулся лицомъ къ своему собесѣднику и пристально посмотрѣлъ на него, потомъ опять устроился въ прежнее положеніе и сталъ смотрѣть въ полъ.

— Мы станемъ пріятелями. Вѣрьте не вѣрьте, все равно, самъ увидите: полюбите меня, потому что, какъ видно, намъ съ вами приходится часто бывать вмѣстѣ. Васъ пригласили сюда для меня. Зачѣмъ, не знаю; только видно, что для меня.—Возвратимся къ тому, съ чего вы начали и чѣмъ навлекли на себя неприятную сцену. Вы хотѣли похвалить меня за что-то. За что?—Я думаю за тосты? Такъ?

— Да.

— Прекрасно. Это я придумалъ въ самомъ дѣлѣ хорошо. Должны были начаться разсужденія о моемъ разсказѣ, о его достоинствахъ и недостаткахъ. Безъ такихъ разговоровъ, повидимому, нельзя было обойтись обществу; а между тѣмъ, во первыхъ, я этого терпѣть не могу, во вторыхъ, это было бы скучно самому обществу,—всѣмъ, всѣмъ въ немъ, кромѣ двухъ, трехъ людей высокаго мнѣнія о себѣ, которые наслаждались бы, щеголяя своимъ умомъ, тонкостью вкуса, умѣньемъ говорить хорошо; въ третьихъ, это тянулось бы долго, а время было уже позднее для хозяйки дома, которая, слышали вы, встаетъ въ 10 часовъ. Я своими тостами связалъ всѣмъ языки. Всѣ аплодировали; то есть одобреніе выражено и порицать нельзя. За эту ловкость хотѣли вы похвалить меня? Да, это было сдѣлано ловко, хоть я и неуклюжій. Но бросимъ все это,—сколько вамъ лѣтъ, Владиміръ Михайловичъ?

— Двадцать девять.

— Живы батюшка и матушка ваши?

— Живы.

— Ну, это хорошо; если они хорошіе люди, разумѣется. Я полагаю хорошіе?

— Хорошіе.

— Особенно мать.

— Да.

— Извините, Владиміръ Михайловичъ, что я сдѣлаю вопросъ нескромный. Ваша матушка не могла въ свое время, то есть когда они были молоды, жаловаться на вашего отца?

— Это, дѣйствительно нескромный вопросъ; но я могу отвѣчать на него безъ затрудненія: мой отецъ былъ вѣренъ моей матери.

— Вопросъ мой не былъ нескромный; я только назвалъ его такъ; это моя дурацкая деликатность. Я не дѣлаю нескромныхъ вопросовъ. Никогда. По неразумѣнію, по незнанію могу дѣлать ошибки; дѣлаю часто; но замѣтивъ, извиняюсь, ужъ не по дурацкой деликатности, а въ самомъ дѣлѣ. Но преднамѣренно, нескромностей не дѣлаю. И никогда ничего огорчительнаго никому не говорю, безъ необходимости.—Вы видите теперь какъ идетъ разговоръ?—Я веду его какъ хочу. Такъ слѣдуетъ. А вы воображали вести его, какъ вамъ угодно. Это была дерзость. Что вамъ нужно, спрашивайте. Я готовъ учить. А если не имѣете, о чемъ посоветоваться со мной, то ждите о чемъ я заговорю, и слушайте и учитесь.—Да, такъ я сказалъ, что мой вопросъ не былъ нескромный. По вашему лицу я видѣлъ, вы росли въ честномъ семействѣ.

Я давалъ вамъ случай засвидѣтельствовать, что вашъ батюшка человѣкъ достойный уваженія. Если бѣ я не зналъ по вашему лицу, что это такъ, я не спросилъ бы. Не хотите ли посмѣться, сказать: дерзкій вы человѣкъ, Павелъ Сергѣичъ! Посмѣйтесь; я люблю, чтобы смѣялись надо мной; только чтобъ это было безъ высокомерія.—Хорошъ я былъ въ этомъ обществѣ? Странная фигура?

— Да, нѣсколько странная.

— А всетаки, нужды нѣтъ, что странная, на своемъ мѣстѣ была эта фигура?

— На своемъ.

— Хорошо рассказывалъ я?

— Хорошо.

— Ну, вотъ видите: начали хвалить меня, то и хвалите; потомъ говорите, за что можно порпцать; сколько хотите; буду слушать.

— А тогда разсердплись?

— Разница. Теперь вы будете говорить для собственнаго удовольствія, а не для того, чтобъ одобрить или научить меня.—Вы любите театр?

— Люблю.

— А картины хорошія любите? И статуи? И поэзію?

— Да.

— Ну, и можете говорить обо всемъ этомъ, сколько вамъ угодно, и я буду слушать, потому что вы будете говорить для собственнаго удовольствія, а не для того, чтобы учить меня. Разумѣется, мнѣ будетъ скучно слушать васъ; я или самъ знаю то, что вы будете говорить, или, если не знаю, то потому, что не пожелалъ узнать; вы слышали: я десятки лѣтъ живу лишь для чтенія и для ученой работы; чего не знаю, того не захотѣлъ узнать. Скучно будетъ мнѣ слушать или давно извѣстное, или неинтересное мнѣ; нужды нѣтъ; не велика мнѣ бѣда поскучать. Привыкъ. Есть люди, которымъ надобно говорить со мною; говорить съ ними—моя обязанность. Исполненіе обязанности не скука; скука лишь пустота, а это не пустота, исполненіе обязанности. Но, Владпміръ Михайловичъ, кромѣ тѣхъ людей, которые говорятъ со мною по надобности, давно не встрѣчалъ я людей, съ которыми не скучно было бы говорить мнѣ. Съ давняго времени. И не вижу, чтобы были такіе люди. Потому и не ищу знакомствъ, и не имѣю знакомыхъ, кромѣ тѣхъ, кто нуженъ мнѣ, или кому нуженъ я. Тѣхъ и другихъ мало. Вамъ я могу быть нуженъ. Мои совѣты будутъ полезны вамъ. Что вы писали? И что вы пишете теперь?—Не обижайтесь моимъ незнаніемъ того, что писали вы: я мало читаю по-русски; очень мало; и вотъ ужъ одиннадцать лѣтъ почти нечего; со смерти Некрасова, съ появленія въ печати посмертныхъ его произведеній. Вотъ былъ человѣкъ! Имѣлъ свои недостатки. Но мелкіе и не мѣшающіе ничему благородному въ человѣкѣ. Да, хорошій былъ человѣкъ! благородный, великодушный, кроткій,—да, кроткій, при такой силѣ характера. И какого ума былъ человѣкъ? Вы были знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Если вы не знали его, то я скажу вамъ о немъ такъ: вы не видѣли ни одного человѣка съ такой силой ума, какъ онъ. А талантъ?—Говорятъ:

поэтъ народнаго быта, поэтъ прогресса. Разумѣется. Но не умѣеть цѣнить гений его тотъ, кто не прибавляетъ: великій поэтъ любви. Со смерти Гёте, не было такого великаго поэта любви.

Вязовскій остановился, потому что замѣтилъ: голосъ его дрожить.

— Вы говорите о Некрасовѣ не такъ, какъ говорятъ вообще.

— Въ томъ то и дѣло, Владиміръ Михайловичъ, что обо многомъ я думая не такъ, какъ думаютъ вообще. Потому-то знакомство со мной и будетъ полезно для васъ: вы научитесь многое понимать правильнѣе, чѣмъ понимаете теперь. И если у васъ есть талантъ, разговоры со мной много помогутъ его развитію. Что вы писали и что вы пишете?

— Послѣдняя моя повѣсть (онъ назвалъ свою повѣсть) была напечатана въ (онъ назвалъ журналъ въ которомъ она была напечатана).

— Расскажите мнѣ ее,—нѣтъ, ее вы лучше пришлите мнѣ прочесть, а расскажите ту, которую пишете теперь. Ее еще можно поправить. Я посоветую. Не всѣ мои совѣты будутъ прямо пригодны для нея; быть можетъ ни одинъ не будетъ годиться прямо для нея; но полезное вліяніе на ваши мысли при трудѣ будетъ оказывать общій характеръ моихъ совѣтовъ. Рассказывайте же.

Слушатель Вязовскаго, сдѣлавшійся наконецъ его собесѣдникомъ, сталъ рассказывать.

— Что жь, это недурно.—Чтожь, это не глупо,—сказалъ раза два или три Вязовскій.

— Вотъ мы и возвратились, начала княгиня.—Вязовскій взглянулъ: въ самомъ дѣлѣ, она, баронесса, графиня, князь возвратились, проводивъ гостей.

— Вотъ мы и возвратились.—Какъ понравилась вамъ повѣсть Мг. Вязовскаго, Мг. Глинскій?

— Я попробовалъ было похвалить—и даже не самый рассказъ Мг. Вязовскаго, а только тосты,—и то мнѣ достался такой нагоняй, какого я не получалъ и на школьной скамьѣ въ высшихъ классахъ гимназіи. Не требуйте жь, княгиня, чтобы я высказалъ свое сужденіе о его рассказѣ.

— Павелъ Сергѣичъ, напрасно вы сдѣлали выговоръ Мг. Глинскому; виноватъ былъ не онъ, а Константинъ, который не предупредилъ его, что не любите никакихъ сужденій о васъ.

— Ваша правда, княгиня. Впрочемъ, мы уже помирились съ Владиміромъ Михайловичемъ.

— Не совѣмъ, кажется,—сказала княгиня.

— Признаться, я и самъ это думаю, княгиня; я только такъ сказалъ.

— Это у васъ дурная привычка, Павелъ Сергѣичъ, говорить не то, что вы думаете.

— Ваша правда, княгиня. Я ужъ сказалъ Владиміру Михайловичу, что это у меня дурная манера.

— Дѣло, впрочемъ, вовсе не о въ томъ, Мг. Глинскій нравится вамъ или нѣтъ, хороша или дурна повѣсть Павла Сергѣича,—объ этомъ, дѣйствительно нельзя говорить ни съ нимъ, ни при немъ; я хотѣла спросить только то: купить ли ее тотъ журналъ, съ редакціей котораго вы близокъ.

— Охотно купить.

— Можно кончить это дѣло прямо съ вами?

— Я ничего не могу сказать о цѣнѣ княгиня; но что журналъ, въ которомъ я пишу, охотно возьметъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнья.

— Сколько же приблизительно, можетъ дать онъ? Берите самую низкую цифру. Сто рублей дасть?

— Навѣрное больше, княгиня; разсказъ довольно великъ.

— Хорошо; кончайте же торгъ. Давайте сто рублей,—только сейчас же; вы напишете редакціи вашего журнала, что купили повѣсть; она будетъ скоро переписана,—когда?—обратилась княгиня къ стенографамъ и стенографисткамъ, продолжавшимъ записывать.

— Если вамъ угодно, княгиня, то завтра часамъ къ 11 будетъ все переписано, сказалъ стенографъ старшій по лѣтамъ.

— Прекрасно; я прошу васъ объ этомъ.—Итакъ, Мг. Глинскій, завтра вы получите повѣсть, передадите ее въ редакцію вашего журнала, тамъ оцѣнятъ ее, пришлютъ вамъ деньги, вы возьмете свои сто рублей и передадите Павлу Сергѣичу.

— Я, согласенъ, княгиня; но со мною только 50 или 60 рублей. Я не зналъ, зачѣмъ вы приглашаете меня. Костя, давай денегъ заемъ.

— Изволь.—Князь Серпуховскій отдалъ Глинскому свой бумажникъ.

Глинскій взялъ изъ него сторублевую бумажку, и отдалъ княгинѣ.

— Превосходно, сказала она.

— Нѣтъ, позвольте, княгиня; такъ не годится, сказалъ Вязовскій:—если печатать «Мое оправданіе», то надобно напечатать и все то, что нужно для ясности: какъ я попалъ къ вамъ, о чемъ мы съ вами говорили, и какимъ невѣждой я держалъ себя въ библиотекѣ.

— Правда; я сама это понимала, что съ такимъ предисловіемъ будетъ лучше; я только не хотѣла обременять васъ еще новой просьбой.

— Это вамъ стыдно, княгиня. Будто я не понимаю?

— Въ этомъ вы правъ, Павелъ Сергѣичъ: я должна стыдиться, что не хотѣла прибавлять къ другимъ моимъ просьбамъ эту.

— То-то и есть, княгиня; это очень стыдно вамъ.

— Очень, Павелъ Сергѣичъ. Когда же вы расскажете вступленіе нашимъ новымъ знакомымъ?

— Это вамъ тоже стыдно, княгиня.

— Правда, Павелъ Сергѣичъ, я сдѣлала снова ту же ошибку, очень дурную.

— Важности въ ней нѣтъ, княгиня; я понимаю: это у васъ только такъ сказалось по привычкѣ вашей говорить такъ съ другимъ.

— Правда, Павелъ Сергѣичъ. Итакъ, опредѣленіе времени зависитъ, отъ меня и отъ нашихъ новыхъ знакомыхъ; а для меня всякое время одинаково удобно; слѣдовательно, рѣшить должны они по своему удобству.—Она подошла къ столу стенографистокъ, и обращаясь къ нимъ, обращалась по временамъ взглядами на группу стенографовъ за другимъ столомъ:—Mesdames и messieurs, удобно вамъ будетъ завтра обѣдать у меня? Мы обѣдаемъ рано, въ 5 часовъ; удобно вамъ?

— Благодаримъ, княгиня, сказала одна изъ стенографистокъ, переглянувшись со всѣми.

— А когда вы будете записывать; до обѣда, или послѣ обѣда?

— Мы можемъ прійти къ вамъ и до вашего обѣда; вѣроятно, въ 2 часа завтра мы будемъ ужь свободны. Но лучше, послѣ обѣда; вечерняя наша свобода вѣрнѣе.

— Прекрасно. Буду ждать васъ къ 5 часамъ, mesdames и messieurs. Они привстали, и поклонились.

— Обязанъ быть и вы, Мг. Глинскій.

— Благодарю, княгиня. Я, дѣйствительно, буду не лишнимъ завтра у васъ. Когда будетъ стенографированъ вступительный рассказъ Павла Сергѣича, легко будетъ приблизительно опредѣлить размѣръ цѣлаго; я отдамъ деньги по расчету наименьшаго гонорара за повѣсти—онъ извѣстенъ мнѣ; журналъ дастъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько больше.

— Прекрасно; но теперь объемъ больше прежняго. Вы безопасно можете дать еще сто рублей.

— Могу.

— Давайте сейчасъ.

— Костя, давай.

Князь опять подаль бумажникъ своему пріятелю; Глинскій взялъ еще сторублевую бумажку и подаль княгинѣ.

— Теперь позвольте проститься,—сказалъ Глинскій.

— Кажется, все кончено; можно и намъ уйти?—спросила одна изъ стенографистокъ.

— Да, вамъ давно пора было бѣ отдохнуть, mesdames и messieurs, сказала княгиня: Вамъ надобно рано вставать.

— Мы привыкли ко всему, выспимся, не выспимся, все равно.

Стенографистки и ихъ товарищи и Глинскій ушли. Остались только княгиня, баронесса съ племянникомъ и племянницей и Вязовскій.

— Пора, давно пора спать,—сказала баронесса:— ѣдемъ, Костенька и Наденька. — Но, какой вы дерзкій, Павелъ Сергѣичъ! И какой хитрый! — Какъ откровенно вы пересказали, за что именно упрекала васъ я! Казалось, будто я называла васъ дерзкимъ въ самомъ дѣлѣ за то, что вы назвали себя чужимъ своему народу! Хитрецъ вы!

— Случается, Вѣра Дмитриевна, что иной разъ и сообразишь, какъ слѣдуетъ сдѣлать; жаль только, рѣдко; а нелѣпости умѣю дѣлать безпрестанно.

— Я хочу шепнуть вамъ нѣсколько словъ, Павелъ Сергѣичъ. — Баронесса отвела его въ сторону. — Вы не можете сказать, что я не выказала расположеніе къ вамъ съ перваго же раза; но вы замѣтили, что мое расположеніе къ вамъ усилилось послѣ вашего рассказа?

— Какъ же не замѣтить, Вѣра Дмитриевна, хотя бы ужь изъ одного того, что вы съ этой минуты и стали называть меня вмѣсто Мг. Вязовскій Павломъ Сергѣичемъ.

— Главная причина увеличенія моего расположенія къ вамъ въ чемъ?

— Въ моей дерзости, произошедшей отъ недогадливости, Вѣра Дмитриевна; или, точнѣе говоря, отъ моей глупости. Позвольте спросить, какъ жо именно родня графинѣ княгиня?

— Въ каждомъ словѣ у васъ хитрость.

— Въ каждомъ, Вѣра Дмитріевна, которое догадаюсь сказать какъ слѣдуетъ. Только гораздо больше я говорю глупости.

— Иногда, то, что вы называете глупостями, лучше всего самаго умнаго.

— Случается и это, баронесса. Позвольте же спросить, какъ родня княгинѣ ваша племянница?

— Собственно говоря, Лиденька и Наташа даже не родня между собою. Росли вмѣстѣ у меня, одна съ пяти, другая съ шести лѣтъ. Оспротѣли въ одно время. Я была очень дружна съ матерью Лиденьки; я была моложе только четырьмя годами. Въ дѣтствѣ такая разница много значитъ, между взрослыми людьми не значитъ ничего. Дружба наша была близкая: родство было дальнее: мы съ нею были троюродныя сестры.

— Это очень хорошо, Вѣра Дмитріевна.

— Да. Вашу руку, мой другъ; и я уведу своихъ; Лиденькѣ давно пора спать. Общайтесь не давая ей долго говорить съ вами; помните: ей должно встать въ 10 часовъ.

— Такія обѣщанія плохо умѣю я сдерживать, Вѣра Дмитріевна. Охотникъ я говорить. Впрочемъ, постараюсь исполнить ваше желаніе.

— Наташа, Костенька, идемъ.

Подавая руку Вязовскому, графиня громко сказала:—Вы заслужили глупую нашу признательность, Павелъ Сергѣичъ.

— Очень догадливъ; то какъ же не заслужить?

Княгиня проводила ихъ.

— Идемъ теперь ко мнѣ, Павелъ Сергѣичъ.

— Позвольте мнѣ идти въ мои комнаты, княгиня; вамъ пора... Впрочемъ, что жъ я! Это невозможно, княгиня, чтобъ вы согласились отпустить меня не высказавъ мнѣ, что у васъ на душѣ.

— Да. Идемъ же. Но я—продолжала она, идя съ нимъ въ свой апартаментъ—не задержу васъ, или вѣрнѣе саму себя; для васъ не выспаться,—все равно, какъ для нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Какъ же можно, княгиня. Я въ этомъ отношеніи лучше всѣхъ ихъ, я думаю. Но и для меня бывало, если три ночи сряду не спать, то очень чувствительно случалось это. Дадутъ рѣдкую книгу на короткій срокъ; а выписокъ изъ нея много; случалось.

— Лучше бы намъ, женщинамъ, быть учеными; такими, какъ вы; и были бы мы спокойны, подобно вамъ.

— Ваша правда, княгиня.

— Не совѣмъ; есть безпокойства и у васъ.

— Какъ не быть, княгиня; есть.

— Особенно, одно?

— Да, княгиня.

— Теперь знаете, зачѣмъ я пригласила васъ?—Ни чьихъ денегъ не возьметъ она. А ваши возьметъ.

— Ваша правда, княгиня. Иначе, точно, нельзя, какъ заставивъ меня самого приобрести деньги. Стала бы допытываться, откуда взять.—«Вы даете мнѣ чужія деньги; чужихъ мнѣ не нужно». Невозможно. А это, дѣйствительно, мои.

Они пришли въ маленькій, личный салонъ княгини передъ ея будуаромъ.
— Садитесь сюда, на это кресло подлѣ меня, сказала она, садясь съ ногами на маленькій оттоманъ, въ которомъ было уютно ей. Нѣсколько минутъ она молчала.

— Какъ вы думаете объ этомъ, Павелъ Сергѣичъ?

— Трудное дѣло, княгиня, трудное.

Она молчала.

— И собственно говоря, княгиня, мой совѣтъ въ немъ не нуженъ.

— Не нуженъ. Хочется только самой рассказать вамъ.

— Это, дѣйствительно, такъ. Рассказать, это дѣйствительно помогаетъ человѣку утвердиться въ своихъ мысляхъ.

— И за что они назвали васъ дерзкимъ?

— Ваша правда, княгиня. Сходства, собственно говоря, нѣтъ. Это только вздумалось имъ находить сходство. Но ошибочно. Говорить прямо, княгиня?

— Прошу васъ.

— Хорошо, буду говорить прямо. У моей М-ше Дюбеллѣ затрудненіе благородное, не спору, но фантастическое, можно сказать ребяческое. «Изыбнію памяти мужа», «потерю уваженіе къ себѣ за измѣну, за недостатокъ воли» — это пустыя мысли. Если она вѣрить въ загробную жизнь, то слѣдуетъ ей думать, что мужъ благословляетъ ее. Развѣ несчастья хотѣлъ онъ ей? Онъ любилъ ее, стало быть, желалъ ей счастья. А если она не вѣрить въ загробную жизнь, то слѣдовало бъ ей чувствовать въ своей душѣ то самое, что переносить въ рай вѣра сходныхъ съ нею по характеру вѣрующихъ. Воспоминаніе о Жоржѣ станетъ милѣ ей, когда не будетъ отравлено мыслью: «моя любовь къ нему мѣшаетъ моему счастью». Она останавливается передъ ребяческимъ недоразумѣніемъ. У васъ совѣтъ другое. Дѣти. — вотъ что затрудняетъ васъ, я думаю. Такъ ли? — Вы скажите, а то я могу и ошибаться.

— Дѣти, Павелъ Сергѣичъ. Дѣти.

— Хорошо. Когда такъ, то сходное положеніе есть. Мачиха Сеттембрини. Только, они этого не замѣтили, потому что о мачихѣ говорится мимоходомъ. И притомъ тамъ: какова будетъ вторая жена къ дѣтямъ? — А тутъ: каковъ будетъ второй мужъ. Одежда разная, то и не замѣчаютъ, что одно и то же.

— Къ чему вы это ведете? Та мачиха хорошая — къ этому?

— Къ этому, княгиня.

— И сыну вдовца было бы хуже, если бъ отецъ не женился?

— Да, только жениться ему слѣдовало на хорошей женщинѣ, чтобъ сыну было хорошо. Я полагаю, что собственно этого сомнѣнія нѣтъ. Что жъ, вѣдь Константинъ Николаевичъ любитъ Володю и Ниночку?

— Вы рѣшительно противъ меня.

— А вы какъ же думаете: можно разсудительному человѣку быть за васъ? Невозможно. Я говорилъ: сходства съ М-ше Дюбеллѣ нѣтъ. Это я такъ говорилъ, чтобы не вникать въ дѣло глубоко. А вникнуть, то окажется то же самое, только съ подстановкой другого слова вмѣсто прежняго. «Память о мужѣ служить препятствіемъ счастью» — изъ этого слѣдуетъ: память мужа станетъ ей наконецъ ненавистна, если она не броситъ своей глупости. А у васъ: «мысль

о дѣтяхъ мѣшаетъ»; слѣдовательно должно развиваться чувство неприязни къ дѣтямъ. Хорошо это?

— Отложимъ этотъ разговоръ. Вы страшный человѣкъ.

— Страшный ли, не страшный ли, а дѣйствительно думающій: пора вамъ почивать, княгиня.

Онъ всталъ.

— Павелъ Сергѣичъ, я думала о васъ лучше, сказала она, стараясь пробудить въ себѣ шутивое настроеніе:—я думала, вы любезный человѣкъ.

— Чѣмъ же я плохъ въ любезности, княгиня? Я въ этомъ отношеніи правлюсь себѣ.

— А вотъ чѣмъ. Вы человѣкъ старомоднаго фасона любезности—такъ?

-- Самаго настоящаго версальскаго, княгиня.

— Такъ припомните: любезные кавалеры вашего фасона всегда цѣловали ручки у дамъ.

— А что вы думаете, развѣ я не хотѣлъ выразить хоть этимъ мое уваженіе къ вамъ?

— Впрочемъ, вы ужь и цѣловали.

— То совсѣмъ не то, княгиня. То не версальскій фасонъ.

— А то, что можетъ соответствовать отповской ласкѣ, когда добрый старикъ—посторонній человѣкъ. Благодарю васъ за эту ласку. Но повѣрите ли, я тогда плакала не о томъ, что дѣти мѣшаютъ мнѣ; я не думала тогда о себѣ; я думала только: жаль, что онъ умеръ.

— Вотъ это-то и ввело меня въ ту ошибку, что я не предположилъ въ васъ чувства, которое слѣдовало предположить. Думалъ: еще слишкомъ сильна печаль о мужѣ, еще нѣтъ мѣста въ сердцѣ ничему, кромѣ печали. Не сдѣлай я такой ошибки, развѣ бѣ я рѣшился говорить объ Элеонорѣ Дюбеллѣ? Не безсовѣстный же я человѣкъ, чтобъ выставять на видъ то, что человѣкъ желаетъ скрывать.

— Да, вы съ начала знакомства со мною успѣли надѣлать ужь много ошибокъ. Хотѣли быть гувернеромъ Володи. Наденька едва удержалась отъ смѣха. И съ чего вы взяли это?—Я просила васъ рассказывать сказки дѣтямъ и пожить у меня нѣсколько времени. Если вы живете у меня, то какъ же вы не будете рассказывать сказки моимъ дѣтямъ? Вы охотникъ до этого, а дѣти просятъ. Неужели жь я такая неделикатная женщина, что могла имѣть мысль оторвать васъ отъ вашихъ занятій?—Вотъ теперь моя очередь сказать вамъ: стыдно, стыдно думать обо мнѣ такъ. Чего я прошу у васъ?—Нѣсколькихъ дней, только; и въ этихъ дняхъ—лишь по нѣскольку часовъ для меня.

— Ваша правда, княгиня; свое гувернерство я выдумалъ очень глупо; и дѣйствительно, мнѣ стыдно передъ вами. Но кромѣ этого—что жь могъ бы придумать для объясненія вашей просьбы поселиться у васъ? Даже теперь, когда вы сказали, что я ошибся, и самъ вижу, что очень грубо ошибся, не могу придумать: когда не такъ, то на что жь вамъ нужно, чтобъ я жилъ у васъ?

— На то, Павелъ Сергѣичъ, чтобъ имѣть человѣка, которому можно говорить все, не опасаясь ни насмѣшки, ни порицанія, ни измѣны.

— Эта ваша правда, княгиня. Удивительно, какъ я не догадался объ этомъ.—То есть вы даже и прямо говорили, что хотите разговаривать со мною.

Но я полагаю этого мало, чтобъ объяснить надобность мнѣ жить у васъ. Я могъ бы приходять, когда вамъ угодно, хоть каждый день; это было бы проще.

— Не то, когда лишь временами тутъ человѣкъ, которому хочешь высказать свою душу, а большею частью нѣтъ его тутъ. Но дѣйствительно, есть у меня и другая надобность въ васъ. Это мое желаніе вы будете исполнять, сами того не замѣчая. И при вашемъ характерѣ, нельзя вамъ исполнять его иначе, какъ тѣмъ, чтобы жить у меня. Но дѣйствительно, пора спать мнѣ. Поговорить о томъ, зачѣмъ я просила васъ пожить у меня, всегда успѣемъ. Спокойной ночи, мой другъ.—Пришла Наташу, она проводитъ васъ къ своему дядѣ, онъ проводитъ васъ въ ваши комнаты.

— Спокойной ночи, княгиня.

Княгиня ушла. Пришла Наташа, проводила Вязовскаго къ своему дядѣ; Яковъ Ивановичъ проводилъ Вязовскаго въ его комнаты. На вопросъ Якова Ивановича, все ли хорошо, онъ отвѣчалъ, что все хорошо. Яковъ Ивановичъ ушелъ. Вязовскій сѣлъ на диванъ, хотѣлъ подумать, но какъ сѣлъ, черезъ минуту уснулъ.